Ю.М. ОСИПОВ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ:

из века двадцатого в век двадцать первый

1990-2023

ТОМ 02

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Лаборатория философии хозяйства
экономического факультета МГУ
Академия философии хозяйства

Ю. М. ОСИПОВ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ:

из века двадцатого в век двадцать первый.

1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 02

Москва – Тамбов
2024

УДК 33
ББК 65.01
О-74

Рецензенты:
д.э.н., профессор **М. М. Гузев,**
д.э.н., профессор **В. В. Смагина**

О-74 **Осипов, Ю. М.**
Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990–2023 : избранные тексты, включая и остросюжетные : в 3 т. / Ю.М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М.Ю. Ломоносова [и др.]. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2024 –

ISBN 978-5-00078-821-9

Т. 2. – 2024. – 520 с.
ISBN 978-5-00078-831-8

Как бы ни называлась за более тысячелетнюю историю Россия – Росью, Русью, Московским царством, Российской империей, СССР, Российской Федерацией – она всегда была и остаётся Россией, даже в моменты и целые эпохи своего извне и изнутри отрицания, всегда непременно возрождаясь как именно Россия, а точнее бы сказать – как Русь, что имеет место, увы, как раз то и другое, и ныне, уже на рубеже XX и XIX вв.

В трёх публикуемых томах собраны тексты, как оказалось, вовсе и не все из ранее опубликованных автором, непосредственно относящиеся к нынешней, рубежа XX и XIX вв., России, переживаемому ею и её народом драматическому, достойному непременного освещения, осмысления и памятливого восприятия, перестроечному периоду.

Автор публикуемых текстов вовсе не сторонний свидетель застигнувших его Родину больших исторических перемен, он вполне себе нетривиальный участник сопровождавшей сии судьбоносные перемены идейно-концептуальной борьбы, находясь в целом на оппозиционной относительно осуществлявшегося властями прозападного перестроечного мейнстрима стороне, так что ему достаточно известна действительная цена здесь текстуально представленного, как и он хорошо знает, о чём продолжает говорить, отчего читать сие многомерное, в чём-то и летописное, произведение стоит, при этом явно ни в чём не прогадав!

Для всех, кто стремится не просто жить, а жить с пониманием вокруг происходящего, в особенности в родной для себя стране – России!

УДК 33
ББК 65.01

© Осипов Ю.М., 2024
© Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2024

ISBN 978-5-00078-831-8 (т. 2)
ISBN 978-5-00078-821-9

2010 г.

«РОССИЯ, ВПЕРЕД!»

Где-то осенью 2008 г., когда формировался план деятельности на 2009 г. Центра общественных наук при МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, функционирующих в деловом и творческом единении, была выдвинута идея перестроения России и сформулирована тема декабрьской международной научной конференции — Малого университетского форума *«Перестроение России: социум, политика, экономика»*.

Не сразу, не с первого захода, но постепенно идея была воспринята научным сообществом, а затем и поддержана Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, при поддержке которого в МГУ проходят с 2004 г. выше отмеченные конференции-форумы, что позволило обстоятельно подготовиться и успешно провести важное научное мероприятие.

Продуктивной работе форума способствовало сделанное незадолго перед ним заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о необходимости «глубоких перемен» в России, перехода страны к интенсивному и всестороннему развитию. Однако уже после форума из уст Президента вся страна услышала другое слово — *модернизация,* которое, как водится в России, было воспринято экспертами, публицистическими и деловыми кругами в качестве квалифицирующего, ориентирующего, определяющего и руководящего. Словесно-знаковая опора была найдена, утверждена и незамедлительно принята. На смену *перестройке, реформе и стабилизации* пришла модернизация, вытеснившая таких претендентов на свято место, как *развитие, инновационное развитие* и, увы, только что обкатанное на форуме *перестроение*.

В общем-то, ничего плохого ни в самом по себе слове модернизация, ни в выборе его на роль словесно-знакового политического маяка нет.

Модернизация так модернизация, — лишь бы России было хорошо!

Никак не оспаривая ни самого этого слова, ни того, что за ним может в принципе скрываться: обновление, усовершенствование, рационализация и т. д., важно подчеркнуть, что за модернизацией может стоять как развитие и даже перестроение общества и хозяйства, но может… ничего подобного и не быть, а быть, к примеру, косметический ремонт,

подновление, даже и какое-то обновление, но не посредством развития перестроения, а, допустим, заимствования чего-то всего нового извне, да еще и по преимуществу с опорой на внешние, а не на свои собственные, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы. При такого рода модернизации либо ничего существенного в стране не произойдет, либо кое-что и произойдет, но в любом варианте страна не станет собственно *страной развития,* а ежели и обретет вдруг какую-то потенцию к развитию, то лишь к заведомо зависимому развитию, несамостоятельному, подчиненному, второстепенному, субординационному.

И очень похоже, что так оно примерно сегодня и выглядит.

Модернизация — тезис внешне и на первый взгляд замечательной, но при этом и… весьма лукавый: модернизировать можно разное, по-разному и с разными целями, более того, можно добиться совершенно разных результатов — и все может быть легко выдано за успешную модернизацию. Мало того, модернизация может вполне сочетаться и с деградацией «модернизируемого» объекта, и с отставанием от себе подобных, и даже с исчезновением, тем более, ежели она не очень целеположена и мобилизационна и осуществляется в слишком абстрактном — расслабленном, рассеивающемся, расчленяющемся, а то и распадающемся — социально-техническом контексте. Модернизация способна в итоге выступить самым обыкновенным симулякром, каким, к примеру, предстала российская спортивная команда в канадском Ванкувере на зимних Олимпийских играх 2010 г.

Модернизация без собственного самостоятельного развития, как и без перестроения общества и хозяйства, без соответствующей задачам развития и перестроения *мобилизации* сил и ресурсов, без объединяющей и направляющей роли *властного центра,* наконец, без ясного *комплексного стратегического проекта* — не модернизация в возможно более полном смысловом объеме этого понятия-действия, а скорее симуляционного характера мероприятие-процесс, призванное обеспечить выгодное перераспределение национальных финансовых и прочих ресурсов для не склонных к риску и созидательному обновленческому действию столь же симуляционных хозяйственных структур, созданных реформой 1990-х гг. и закрепленных прошедшей в нулевые годы социально-экономической стабилизацией.

Из того, что происходит в политико-экономической жизни страны, можно сделать вывод, что никаких серьезных шагов по изменению возникшей в стране ситуации, а ситуация эта есть не что иное, как ситуация

хронического, — структурно-пореформенного происхождения, — кризиса, или же, по-простому — *пореформенного кризиса,* которым не экономика даже поражена, не деньги и не капиталы, а национальное хозяйство и российское общество в целом, уже не предназначенные, кажется, для самостоятельного производства и творчества, а способные лишь потребляя, за счет национальных природных ресурсов производимые вовне блага, пойти на внешнего в основном происхождения модернизацию, результатом которой может в лучшем случае стать возникновение некой модернизированной части национальной экономики, естественно — зависимой от внешнего контекста и определяемой из глобального мирового центра.

Выходит модернизация особого рода, не осуществляемая Россией под нужды и потенциал России, а модернизация, реализуемая по преимуществу внешними силами под приоритеты не собственно России, а мирового контекста!

И хотя провозвестники нынешней модернизации ничего такого, возможно, и не полагают, вполне надеясь получить через десяток лет глубоко и масштабно обновленную Россию, жизнеспособную и суверенную, причем получить в основном чуть ли не усилиями отечественного бизнеса лишь с некоторым участием иностранного капитала, но трудно отделаться от мысли, что ничего подобного частичной и зависимой модернизации не произойдет и произойти не может, тем более, что страна наша, пережив реформу и выйдя на уровень безудержного частного присвоения и накопления баснословных частных богатств, вовсе не отягощена стремлением к столь же безудержному развитию, которое никому в *этой стране* просто не нужно!

Вот поэтому-то мы склонны полагать, что модернизация, не сопровождаемая глубоким и масштабным *перестроением пореформенных хозяйства и общества,* — в лучшем случае иллюзия, а в худшем — попросту блеф.

Что ж, ближайшие два-три года покажут, что же выходит на самом деле в России, — и очень бы хотелось, чтобы восторжествовала провозглашенная правящими кругами модернизация, никого особенно не затрагивающая и никому ничем не угрожающая, всех вполне устраивающая, а главное, не заставляющая ни думать, ни творить, ни строить, ни страдать, как и ни за что не отвечать, и чтобы форум, прошедший в МГУ в декабре 2009 г., оказался бы не прав зачем бередить едва оправляющу-

юся от жесточайших реформных ударов страну, жаждуя ее постреформенного выздоровления и коренного обновления, появления на карте мира самостоятельной, суверенной и совершенствующейся России, ежели только-только разместились обогатившиеся и не очень граждане по социо-экономической пирамиде и только-только зажили, коснувшись вдруг откуда-то выпавшего потребительского изобилия и наезжая, как белые люди, на ставшие вдруг доступно мировые курорты?

Настоящая коллективная монография содержит материалы международной научной конференции — Малого университетского форума, проведенного 2—4 декабря 2009 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по теме *«Российское перестроение: социум, политика, экономика»*. В монографии представлены труды российских и зарубежных ученых, в которых отражены различные аспекты подлежащего назревшим переменам российского бытия. В любом случае книга эта — памятник мысли, а вот насколько реалистичный и прозорливый, покажет время и, заметим, не самое далекое!

Россия, вперед!

«Философия хозяйства». 2010. № 2.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ КЛЮЧЕ

Тезисы к Международной научной междисциплинарной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика» 8—10 декабря 2010 г.

1. Текущий момент в новейшей российской истории отличается обнаружением двух взаимосвязанных истин: необходимостью всестороннего и интенсивного развития хозяйства и общества — это, во-первых, и неспособностью к такому развитию пореформенных способа и структуры российского бытия — это, во-вторых. Эксплуатационные резервы сокращенных вдвое дореформенных индустриальных производств и необновлявшихся всерьез инфраструктур практически исчерпаны, интеллектуальная сфера безжалостно сжата до минимума и не без успеха летаргирована, а удачливая по части сверхдоходов из-за рубежа внешнеобменная сфера, базирующаяся на энергосырьевых металлургических и полуфабрикатных производствах, грозит окончательным погру-

жением страны в полуколониальное состояние, причем без всякой гарантии достаточно высокого внешнего доходообразования. Сложившаяся социо-хозяйственная ситуация носит в целом патовый характер, ибо пореформенность продолжаться в неизменном виде уже не может, будучи совершенно недостойной никакого исторического продолжения в силу своей производительной и творческой ущербности, не говоря уже о социально-нравственной искаженности, а выйти на путь развития и социального «цветения» возможно лишь при условии многостороннего преодоления пореформенного наследства и перевода страны к иной — уже постреформенной — организации жизнедеятельности, не противоречащей развитию, эффективности и национальной субъектной выраженности. Вот почему на V Малом университетском форуме в МГУ в декабре 2009 г. была выдвинута и обоснована идея **перестроения России,** способного при соответствующей стимулирующей и направляющей роли национального властного центра с опорой на все еще чудом бытующие в стране созидательные силы вывести Россию из возникшего в итоге проведенных реформ социо-хозяйственного тупика.

2. Осознавая возникшую в стране остропроблемную ситуацию, высшая российская власть выдвинула иную, чем перестроение, идею, а именно —идею *модернизации,* не подвергнув серьезной критике и стратегическому сомнению утвердившуюся в стране пореформенность, но явно возжелав, не переворачивая оснований существующего жизнеотправления, перевести общество и хозяйство на более высокий — пожалуй что, и ультрасовременный — уровень. Судя по всему, речь идет о модернизации… уже отмодернизированного, ибо прошедшая реформа тоже была по сути своей модернизацией — удачной для частного, прежде всего, олигархического, присвоения и потребления и весьма провальной для хозяйственного развития, социальной гармонизации, национальной субъектности и прочного будущего. Нынешняя модернизация является, по-видимому, не просто новой по срокам модернизацией, а и новой по сути модернизацией, корреспондирующей с общемировой модернизацией, все более настойчиво пробивающей себе дорогу, что позволяет определить новую российскую модернизапию как *неомодернизацию.* Отдавая себе отчет в том, что сама пореформенность на существенную и масштабную неомодернизацию подняться не может, ибо ничего подобного ей просто не нужно, да и способности к столь великому деянию у нее явно не хватает, верховная власть взяла курс на, скажем так, внеш-

нюю, аддитивную, легкую модернизацию, которую возможно-де осуществить за счет и в русле по преимуществу виртуальной инициативы с привлечением решающих капитальных средств, интеллектуальных сил и модернизационных новшеств из-за рубежа. Власть пошла фактически на более всего производную, подражательную, догоняющую модернизацию-неомодернизацию, не затевая никакого глобального глубокого и стратегически «дальнострельного» переустроительного действа. Победил не амбициозный превращенческий проект, а укромно-камуфляжный паллиатив, что не означает, конечно, его заведомой обреченности и полной нереализуемости.

3. Под модернизацию, понимаемую более всего как осовременивание, усовершенствование, обновление, упорядочивание и менее всего как системное преобразование, тем более существенное и радикальное, подпадает, по-видимому, если не все в обществе и хозяйстве, то во всяком случае многое: помимо интеллектуальной сферы — сферы науки, технологий и образования, что само собой разумеется, модернизации подлежат системы управления и бизнеса, в особенности, финансового, кое-какие производства, транспорт, связь, средства коммуникаций, сельское, лесное, рыбное, жилищное, городское хозяйства, а также армия, флот, авиация, порты, МЧС, но главное, что не так уж бросается в глаза — человек-гражданин и социум — гражданское общество. Что-то из локального и поверхностного будет модернизировано в обозримые сроки, а по большей части зачинаемая ныне модернизация обернется, при условии продолжающегося сохранения объекта модернизации — России — в целостности и жизнеспособности, долговременным, практически непрекращающимся трансформационным процессом, что не только позволит подновить объект, но и предоставить шанс его существенно преобразовать, получив в итоге *другого человека* и *другой социум,* как и вызволив *другую жизнь.* Данный вывод становится возможным по двум обстоятельствам: 1) неомодернизация экзогенна, она идет извне и сверху, не является органичной для общества и хозяйства, не представляется имманентно-национальным российским делом; 2) в импортируемой по большей части и фактически навязываемой неомодернизации заложены мощные трансформационные (трансгрессивные) моменты, такие как новейшие компьютеризация, электронизация, технизация, биотехнологизация, психотронизация, суггестивизация, идеотронизация, когнитивизация, управляемость, социальная инженеризация, программирование — как

раз те самые моменты, которые способны, внедрившись в человека и социум, вызвать в них существенные и качественные перемены, превращая человека в «чиповека», а социум — в «технообщество», что в перспективе уже открывает дорогу *постчеловеку* и *постчеловечеству.*

4. Однако по линии данной трансформационной (трансгрессной) перспективы возможны разные исходы, среди которых весьма вероятно и окончательное попадание немодернизированной (и неоцивилизованной) России в разряд не более чем прозападной провинции — уже без смущающей передовую заграницу самобытности и без какого-либо суверенного своеволия, но зато с несомненной и практически беспрекословной зависимостью от глобального контекста. Уместно напомнить, что модернизаторско-цивилизаторские игры с заграницей всегда дорого стоили России, грозя утратой не только культурной идентичности, что, кстати, весьма и происходило, но и субъектной независимости и самостоятельности. Отведение подобных угроз и воз вращение России к самой себе оплачивались титаническими усилиями поколений и громадными людскими и материальными жертвами. Стоит ли и ныне скатываться к такого рода лукавому модернизаторско-цивилизаторскому исходу, увлекшись *экзогенной неомодернизацией?!*

5. Не исключая возможности использования внешних источников, образов и сил, следует исходить все-таки из *гомогенной модернизации,* предполагающей опору более всего на имманентные России ресурсы, очаги и движущие силы, а если подобных вокруг не слишком ныне обнаруживается, то сделать все, чтобы их обнаружить, вызвать к жизни, консолидировать и привести к эффективному действию. Только при таком условии возможна вполне органичная России *суверенная неомодернизация,* мало того, модернизация, оберегающая (не консервирующая, а именно оберегающая) человека и человеческое общество, не допускающая античеловеческих и антисоциальных с ними манипуляций. В связи с этим должна иметь место не просто модернизация без определенного характера и конкретных целей, а национально-российская модернизация, руководствующаяся идеей укрепления и развития России и направленная на достижение нового, более передового и совершенного, образа России. Ремонтной модернизацией тут не обойтись — модернизация должна подкрепляться глубокой и масштабной *реконструкцией,* на которую, конечно, трудно решиться, но которую все-таки придется совершить, причем не спонтанно-спорадически, а расчетливо-планомерно.

6. На повестке грандиозное интеллектуально-политическое усилие, следствием которого должны стать, по крайней мере, три взаимосвязанных продукта: во-первых, идеология *модернизационного самоутверждения России,* корреспондирующая с задачей национального возрождения страны, строительства новой российской нации; во-вторых, концепция текущей и перспективной модернизации страны; в-третьих, комплексная программа национально-российской модернизации, включающая как программу-минимум, так и программу-максимум. Верховная власть должна признать при этом необходимость и рациональность перехода к практике национального (социо-государственного) дирижизма (от фр. *diriger* —управлять), а в современной новейшей интерпретации — *неодирижизма,* восходящего к ориентирному, поощренческому, направительному влиянию из властно-национального центра на социо-хозяйственные процессы, а при необходимости и к прямому вмешательству властной системы в социо-хозяйственную жизнь, однако не подвергающему сомнению принципов экономической самостоятельности частных и национальных агентов, их инициативности и конкурентоспособности. Неодирижизм — дирижизм эпохи глобализации и постмодерновой цивилизации, высокой мобильности, взаимозависимости и реактивности субъектных и объектных элементов социо-хозяйственой среды, большой открытости границ и значительной интегрированности социо-хозяйственных локалий в мировое пространство, приоритета непрямых и во многом скрытых методов управления, основополагающей роли различного рода самоорганизаций. Осуществиться неодирижизм может на основе и через посредство *национального государственно-корпоративного комплекса,* широко прибегающего к пространственно-сетевым институциональным структурам и организационным методам.

7. Самоутверждение России сегодня — обретение законченной в плане целостности, самостоятельности и эффективности национально обусловленной и национально оплодотворяемой *субъектности,* защищающей страну, ее пространство, цивилизацию и народ от любых внешних угроз и преодолевающей окончательно и бесповоротно все еще действенную на российской территории социо-хозяйственную энтропию, беременную антироссийским обессиливанием, рассыпанием и распадом. Вся идейная концепция России заключена, как это, быть может, для кого-то ни странно, в самом слове *Россия,* знаменующем сразу особую геосоциолокальность (имперскую), самобытность (русскую, российскую, евразийскую, многоконфессиональную, православную) и неповторимую

историческую данность. Россия — не Западная Европа, не США, не Китай, это — Россия, и влечения к этому практически не расшифровываемому, но совершенно сакрально звучащему слову вполне достаточно, чтобы не только быть патриотом России, но и ставить интерес России выше личного и любого другого частного интереса. Россия — не *«рай-сия»,* но без России русскому-россиянину как-то не по себе — и нет для русского-россиянина лучшей доли, чем быть с Россией и ей служить, что и лежит, по-видимому, в основании экзистенциальной метафизики русского-россиянина, восходящей к провиденциальной метафизике самой России. Идея России — в самой России, надо лишь хранить и утверждать Россию, вести ее в конструктивное будущее!

8. Самая сложная проблема, однако — идейно-культурная, ибо со времени политического переворота в России произошел *идейно-культурный переворот,* вдохновленный анти-Россией и принявшей ясно выраженную глобально-буржуазную, индивидуалистскую, гедонистическую, монетаристскую, упрощенческую, обезличивающую, нивелирующую, во многом и инфернальную, энтропийную, смертоносную — определенность. Неустанная аудиовизуальная инженерно-технологическая, по преимуществу аудиовизуальная, работа над человеком, его сознанием, идеологией, культурой, с целью создания нового, освобожденного от «ненужных» традиций и «устаревших» духовно-нравственных установок человека, а скорее — нового человекообразного существа («человекобраза»), внешне свободного и независимого, но вполне при этом управляемого, суггестивного, нелепо само-выражающегося, беззастенчивого, подражательного, однообразного, легкого, пустого, хотя при этом и шумного («погремушечного»), и уж никак не насыщенного духом, идейностью, культурой, самобытностью, традицией, нравственностью, т. е. никак не самодостаточного и всерьез и надолго не осознаненного. Осуществляется самая страшная из возможных в эпоху Постмодерна подмен — на место самостоятельного сознания, тем более творческого, приходит полностью зависимая от внешних управляющих воздействий «информационно-технологическая калькуляция», плавающая в столь же информационно-технологической среде и подвергающаяся со стороны этой среды «непрерывному образованию». Идет самое обыкновенное расчеловечивание человека, его симуляционная переработка, что должно завершиться эсхатологическим переводом человека в *постчеловека* — никакого иного результата от стирания человеческого в человеке и наполнения остающейся бытовать человекообразной оболочки не то что

небожественным, но уже и неприродным «интерно» — вчистую уже информационно-технологическим, просто быть не может!

9. Угроза расчеловечивания человека — реальная угроза, и создается впечатление, что реформенная и пореформенная Россия во власти этой угрозы. Сегодня исключительно важно это осознать — и не только гуманитарной общественности, но и высшей власти. Да, российский человек со своим сознанием может изменяться и в какой-то мере обязан измениться, более всего в духовно-нравственном отношении, но российский человек никак не должен превращаться в столь кем-то желаемую аудиовизуальную куклу, теряющую не то что человеческое сознание, но даже и человеческий облик. Выходит, что в России должна присутствовать и плодотворно действовать достаточно сильная идейно-культурная альтернатива, способная остановить расчеловечивание человека и, наоборот, усилить человека в человеке. В этом плане должны активизироваться конфессии, заработать философия, преобразоваться актуальная культура. Необходим отход от захватившего страну антигуманного постмодернизма и выход на обновленный по форме и текстам гуманизм, преодолевающий болезни, пороки и угрозы агрессивно-колониального постмодернизма. И критерий здесь, или путеводная звезда, только один — *Россия!* Ее сбережение, усиление и совершенствование. Сам же факт, что Россия сейчас в глубоком антиисторическом нокдауне должен обжигающе послужить подъему национального самосознания и возбуждению конструктивной энергии ради созидания и в самом деле новой *России!*

«Философия хозяйства». 2010. № 6.

ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ: ГОД 2010-й

Знамение

Когда-то, в 1920-е гг., умный и всезнающий Герберт Уэллс заметил не так, быть может, прозорливо, как верно: «Россия во мгле!». Ныне Россия, вновь самостийно погрузившаяся во мглу, едва ныне рассеивающуюся, нежданно-негаданно очутилась в массированном и бессрочном огне. Отсюда у кого тревожно-сдавленный, у кого и восторженно-пугливый выкрик: «Россия в огне!».

Да, горели леса и высушенные болота, горели деревни и обезумевшие от огневой напасти звери, горели оторопевшие люди, но … но горела

и сама Россия, та самая, пореформенная — либерально-капиталистическая, паразитарно-коррупционная, присвоенчески потребительская, аморальная, ложная, безумная.

Горела Россия материально, фактически, физически, а вот сгорела идеально, символически, метафизически. И дело тут не столько в наказании Божьем, сколько в наказании самой себя — образцово нелепой, несуразной, уродливой, показательно инфернальной, неустроенной, античеловеческой.

Не страна это вовсе, не мир человеческий, а территория — порока, грабежа, распада и ужаса, не войны даже как таковой, а зверского, чуть ли не провиденциального, самоубийства.

Государство — фикция, правительство — манипулятор, цивилизация — оборотень, гражданство — насмешка, культура обманка.

Россия загорелась и горит, ибо *такая* Россия никому, кроме изуверов, гадов и подонков, не нужна, — она загорелась и горит, но угнездившаяся в ней людоедская субстанция, увы, не сгорела, разве лишь подгорела, и полна желания себя отстоять и еще более утвердить — вплоть до полного исчезновения отваленного ей коварной судьбой кровоносного пирога.

Метафизический вывод точен: *Большой Огонь* — свидетельство порочности, ублюдочности и ненужности пореформенной России, а вот в физическом смысле это всего лишь онтологический сбой, оборачивающийся для системы, его допустившей, ни чем иным, как всегда ею желанной выгодой, а потому систему вовсе не обескураживающий, провидчески не смущающий и уж катарсически никак не тревожащий.

Но есть одна никем не предусмотренная, не осмысливаемая и не осознанная вещь-заковыка: *Большой Огонь,* вызвав полное саморазоблачение пореформенной системы, объявил во всеуслышание, хоть и не всем досталось это услышать, что сгоревшая на глазах изумленных и обомлевших россиян Россия — по сути своей, по идее, по метафизике, она теперь уже другая — встревоженная, озирающаяся, озадаченная, не разочаровавшаяся еще до конца в господствующей системе, но уже на нее не надеющаяся, ибо все в системе зыбко, вязко, скользко, а в целом — обреченно.

Иссякнут внезапно и надежно имподоллары — и что тогда? Тогда конец! И не одному лишь патологическому процветанию, но и самой, зависящей от такого каинова процветания патологической системе —

не способной ни производить, ни творить, ни развивать, как и быть просто эффективным собственником, менеджером, хозяином, а способной лишь эксплуатировать, выжимать, присваивать, паразитировать.

Большой Огонь вовсе еще не переворот к норме и эффективности, но это знамение — *Большое Знамение,* это сигнал к перемене — *Большой Перемене,* которая сегодня никому по всей России вроде бы не грезится, а завтра вдруг может стать непоколебимой огненной реальностью!

Призрак дирижизма

Над либеральной, а лучше сказать — псевдолиберальной, а по сути либерально-деспотической Россией витает как нежеланный и непрошенный гость призрак ***дирижизма,*** а именно — *ведения национального хозяйства из национального центра в национальных целях.*

Дирижизм (это французское изобретение середины XX в., означающее не что иное, как управление экономикой со стороны государства) — не планово-административная система советского (сталинского) образца — это хоть и управление, но не текущими действиями хозяйствующих субъектов, хотя и такое возможно — как исключение, а, во-первых, побуждение хозяйствующих субъектов действовать в нужном правительству направлении; во-вторых, ориентация хозяйственных процессов в соответствии с априорно поставленными общенациональными целями-задачами; в третьих, прямая реализация хозяйственных проектов национальным (государственным, государственно-корпоративным или любым иным) центром.

Пока дирижизм в России более вынужденный, спонтанный, спорадический, самоограниченный, робкий, неубедительный, как и, само собой, малоэффективный, т. е. по сути более призрачный, чем реальный, но, несмотря на это и вопреки широко «пропагандируемому» либерализму, дирижизм этот, пропитываясь необходимостью и обрастая кое-какой плотью, шаг за шагом превращается в заметный, говорящий и вполне уже и действенный призрак, как раз тот самый, который, будучи потребностью и образом самой текущей действительности, уже настойчиво стучится в двери предвзято и цинично выталкивающей его реальности. Из случайного, незаконного и вроде бы ненужного дирижизм, еще на деле призрачный, превращается во вполне ралистический призрак, требующий уже незамедлительного удовлетворения.

Реальность берет свое: как со стороны сложившейся и действующей в стране хозяйственной практики, отвращенной вполне надежно

от справедливости, труда, творчества, не способной к инновациям, модернизациям, развитию, да, собственно, и к производству тоже, не говоря уже о производительности (даже и к самосохранению уже не способная!), так и со стороны текущей событийности: кризиса, технокатастроф, засухи, неурожая, пожаров, огня, что заставляет руководство страны брать на себя внезапно, вслепую и неуклюже МЧС-функции, становится вовсе не фигуральными пожарниками, санитарами, спасателями, сантехниками, техниками, инвесторами, благотворителями, в общем *чрезвычайными комиссарами по хозяйственному, читай— и экономическому, и социальному, и психологическому дирижизму* — случайному, незаконному, ненужному, но, увы, столь сильно востребуемому, а потому и неизбежному, все еще убого призрачному, но уже и обретающему кое-какую, пусть еще жалкую и уродливую, телесность.

Нет, не стал высокотехнологичным, производительным конкурентоспособным завезенный из-за прекрасного зарубежья, безобразно исполненный в родной стране и приспособленный лишь к выжиманию монопольно-рентных доходов из очумелого организма вовсе не такой уж родной страны наимоднейший экономизм-либерализм, он же и доморощенный либерал-деспотизм, не стал — факт! Да, факт, который никогда не признают ни словоохотливые идейные адепты «либерализма», ни его шустрые практические реализаторы. Будут лишь твердить: мало в стране экономической свободы, слишком много повсюду государства, да и население вокруг совсем не то — не продуктивное, не изобретательное, не алгоритмическое, так себе — масса! И будут наступать на государство, на центр, на нацию, на тот же призрачный дирижизм, стремясь к новому перевороту, добивающему остатки государственности и открывающему путь к долгожданному распаду «имперского монстра». Вот тогда-то воцарится в бывшей большой стране, разлетевшейся на полуколониальные осколки, настоящая-де либеральная экономика, восходящая к передовой атлантической цивилизации и способная к безусловной эффективной самореализации.

Но пока, пока в России Россия, ничего стране кроме гибкого, настойчивого и последовательного дирижизма не нужно, мало того, никакой эффективной и перспективной модернизации без дирижизма не осуществить, и это еще не все: ни модернизации, ни самого дирижизма не будет, если в нынешней России, ее строе и образе бытия ничего существенно не изменится, а это может произойти лишь посредством глубокого общенационального *перестроения,* разумеется, по инициативе,

под эгидой и при непосредственном участии центральной власти.

Это не альтернатива вовсе пошлому либерал-деспотизму, как может показаться, а настойчиво выплывающий из реальности и на нее же неотступно наплывающий *императив,* для которого либерал-деспотизм — не более чем несуразность, заслуживающая скорейшего изживания.

О-о, это очень и очень не просто — справиться с нынешней Россией, переживающей апокалиптический кризис! А что значит справиться? Не более, не менее, как попытаться ее вывернуть, но не на изнанку, а совсем наоборот — на самое что ни на есть лицо!

Какое-такое лицо?

Ежели либер-деспотизм упорно демонстрирует уродливую образину, то остается только одно лицо — *национально-солидаристское,* когда все члены общества свободно, либо как-то побудительно (для большинства, конечно же, не насильственно), включены в единую национальную многоукладную систему хозяйства, ничего потребного и необходимого для нормальной жизни не исключающую: ни функциональной свободы хозяйствующих субъектов, ни того, что по традиции называется рынком, ни эффективного капитала, ни национального центра, ни постановки и реализации общенациональных задач, ни гражданской ответственности всех без исключения действующих в обществе агентов, ни возможности свободного труда и творчества, ни инноваций и модернизаций, ни комплексного и повсеместного развития.

И выходит, что надо не пытаться проехаться на законченном уроде в надежде на его нежданно-негаданное самоисправление, а (sic!)… *перестраиваться,* ибо никакой национальный солидаризм просто так у нас не явится.

Трудно, опасно, боязно и… не хочется, совсем не хочется. Факт! Пусть уж подкрашенный и подрумяненный урод, чем удовлетворяющий весь российский люд и прежде всего конструктивных, инициативных, деятельных, трудовых, творческих членов общества национальный солидаризм.

Дирижизм, работающий не только на себя, и решение каких-то частных управленческих задач, а на общество, на солидаризм, — что тут плохого? А ведь это все вместе близко к тому, что называют обычно «социальным хозяйством», что вызвало кое-где «экономические чуда» и обеспечивает поныне нормальное воспроизводство передовых наций,

их процветание, разумеется, не без разных проблем, но уже их — особенных, иной природы и другого порядка — проблем. Главное здесь реально эффективные возможности сочетания свободы и… несвободы, частного хозяйствования и общественного побуждения (и контроля тоже, а еще и кое-какого принуждения), объективных самопроцессов и дирижизма.

Дирижизм стучится в двери текущей реальности, мало того, он вынужден уже в ней реально присутствовать, пусть робко, неуверенно, вяло, но присутствовать! И знаменательно, что правительство, вовсе и не дирижистское, а самое что ни на есть либерал-охранительное, идет не только на какие-то меры дирижистского характера, но и все более втягивается в противостояние с либерал-деспотической системой… э-э… нет, не системой хозяйства вовсе, а попросту системой эксплуатации хозяйственных ресурсов в целях ненасытного обогащения и тупого избыточного потребления. Правительство на то и правительство, чтобы не только вдруг что-то понять, но и вольно или невольно действовать, ибо под ним и за ним все общество, *весь* жизнеотправительный процесс, *вся судьба,* а не одно лишь процветание порочной системы тотальной эксплуатации и мало чего созидания. И разворачивается картина — нет, конечно, не борьбы вовсе — но… но… — вовсе и не соперничества — но… пожалуй, уже и кое-какого вынужденного противоборства… между подрастерявшимся от проблем правительством и уверенным в своей правоте и не собирающимся теряться капиталом.

Это, конечно, кризис — и не просто всего пореформенного способа хозяйства, что понятно (слово «способ» язык как-то с трудом выговаривает, ибо не способ тут, а какая-то производная и зависимая от внешнего глобализма субподрядная псевдосистема, некий эрзац способа, его зачумленное подобие), но и кризис самого грешного союза отъявленных неполноценностей — власти, чиновничества и капитала, и как бы то ни было кризис этот внутренний не «улегается», а усугубляется.

Что ж, тут уже момент выбора: ничего не делать и все оставить по-прежнему, но… из трясины глобального кризиса и разорительно-разломной перспективы страна не выберется, причем никогда (может, правда, не надо?); менять власть, ее характер в пользу либо натужно становящейся нации, либо стремительно ставшего и уже исторически и хозяйственно обанкротившегося капитала-уродца, что в первом случае сейчас невозможно, а во втором… очень уж проблематично, хотя… чем черт не шутит!; меняться самой власти, а вместе и вслед за нею и сознательной части капитала, все более приближаясь к национально-солидаристской

позиции — и тут потребен *дирижизм,* которого пока в полной мере нет, но призрак которого витает по огнедышащей России.

Поживем, как говорится, увидим!

Неоцивилизация

В России ускоренными темпами утверждается, вполне и инициативно, даже и принудительно, новая цивилизация, правда, по сути своей совсем и не новая, ибо это всего лишь обветшалая, хотя и постмодернистски молодящаяся, западная цивилизация, — для России она, конечно же, вовсе не западная, а псевдозападная, как и не цивилизация в полном смысле слова, а какая-то псевдоцивилизация — суррогатная, извращенная, уродливая.

И тем не менее — *неоцивилизация,* которой ни Россия, ни мир еще не видывали, но которую очень хотят видеть нынешние устроители, они же и просвещенные цивилизаторы, России.

Это, безусловно, не что иное, как очередная вестернизация России, разумеется, вестернизация совершенно по-русски, как одновременно, и по-антирусски, но что особенно интересно — вовсе не по-западному, а так… скорее, по-инфернальному, ибо в итоге получается как-то ловко вывернутое на изнанку, греховодное и своенравное нечто, в пространстве которого нельзя ни жить, ни трудиться, ни творить, а ежели и жить, и трудиться, да еще и творить, то лишь вопреки — стиснув в великом терпении и негодовании зубы, да не теряя надежды на внезапное возрождение будущего.

Нынешнему правительству — этому первому заложнику проведенных в стране шоково-патологических реформ — и впрямь хотелось бы, наверное, упорядочить и цивилизовать исковерканную и изувеченную все теми же реформами страну, придав ей хоть какую-то статность и даже нанести на ее лик кое-какой добросветский шарм, но покорная страна уже успела попривыкнуть к царствующей везде и всюду аномальности, социально расслабиться и морально истощиться, вжиться в примитивную паразитарность, словить кайф от вездесущей порочности и пошлого гедонизма, а потому совсем и не склонна к таким ненужностям, как национальная консолидация, гражданская ответственность, конструктивный солидаризм, великие мобилизации и свершения, не говоря уже о каких-либо исторических прорывах и взлетах.

Возникшей в муках погребально-отчаянных реформ цивилизации

куда как милее частный интерес, погоня за деньгами и личным богатством, необузданное присвоение и неуемное потребление, эксплуатация, коррупция, грабительство, и совсем не милы ей труд, творчество, созидание, не говоря уже о братстве людей, а ежели что-то такое и есть, то лишь как остаток, пережиток, архаизм, как раз то самое, что каким-то образом во чреве матушки-России сохраняется, но особенно не культивируется, не поощряется, не приветствуется.

И однако — *модернизация!* Вдруг в России была провозглашена модернизация — какая-то, по-видимому, особенная модернизация — *модернизация модернизации,* ибо случившаяся реформа как раз и занималась самой что ни на есть модернизацией, призванной втащить Россию, оставшуюся от разгромленного СССР, прямиком в цивилизованный мир. Так что сама по себе модернизация вовсе не новость для блудящей великой страны, а новостью, по-видимому, является намерение что-то в стране все-таки изменить, во всяком случае, как-то ее обновить, усовершенствовать, «опередовить», а там, глядишь, и на путь всестороннего развития и процветания вытолкнуть.

Что ж, пусть модернизация, а не перестроение, пусть подновление, а не «большая перемена», пусть не ударная мобилизация, а плавное течение, пусть не так внутренний вырыв, как вливание извне, но вот в итоге-то *что?*

Нет, никто в сегодняшней России не сомневается в том, что какая-то модернизация в ней все время идет, как и в том, что непременно состоится попытка *неомодернизации* — хотя бы как суб-модернизации (вторичной, подражательной, зависимой), как и в том, что усиливаются признаки неоцивилизации, пусть и суб-цивилизации, как и мало кто сомневается в том, что неомодернизация может оказаться слишком частичной, поверхностной, какой-то скользящей, ближней, в общем, более пиарной, чем реальной, а нецивилизация может оказаться попросту очередной обманкой, правда, для уже вполне, изуверившегося населения, а потому, надо полагать, окажется для него обыкновенной, уже не загадочной, фальшивкой, но зато рождается немало сомнения в конечных последствиях для России всей этой новой модернизации, среди которых маячат почему-то и такие, как полная победа не-России в России и не менее полная победа над Россией алчного мирового контекста.

Угроза модернизационного исчезновения России вполне реальна, в особенности, если вспомнить предшествующие радикальные модерни-

зации, осуществлявшиеся по внешним образцам и чужеродным замыслам, а потому и отправлявшие «отсталую» Россию в небытие и выдвигавшие вперед передовую-де не-Россию. И хотя Россия все-таки уцелевала, переваривая заодно и новую не-Россию, то в очередной раз этого может и не случиться, ибо ныне Россия не только убийственно инфернализирована, но и самоубийственно прельщена.

И текущая модернизация вместе с неомодернизацией реализуется в России не столько как обжигающая необходимость и жгучая потребность, сколько как брызжущая гедонизмом, гламуром и порочностью великая прелесть, причем вовсе не только в сфере личного присвоения, потребления, досуга и так называемого самовыражения, но и в сферах образования, коммуникаций, деловой активности, даже и самого творчества.

Наступает не просто новое, но… *иное,* причем вовсе не сакральное, не природное, а самое что ни на есть искусственное, фиктивное, симуляционное, одним словом — *постмодерновое,* а за ним и прямо постчеловеческое, а для России-матушки… и *построссийское.*

Есть тут над чем призадуматься?

Однако слово вброшено — *модернизация,* а за ним кроются совершенно разные смыслы, а за смыслами проглядывают и самые разные судьбы — что людей, что сообществ, что всей огромной страны.

Новой модернизации подлежит практически все: и экономика, и производство, и инфраструктура, и наука, и образование, и социальная сфера, и армия, и лесное хозяйство, и МЧС, да мало ли еще что, ибо все в стране, если и не устарело совсем, то никак уж на что-то передовое, приличное и эффективное не тянет, мало того, ни к чему новому и передовому особенно и не тянется.

Куда ни кинь, везде будет одно и то же — модернизация, а точнее — *неомодернизация!*

Неомодернизация призвана, по-видимому, завершить, подправить, а в чем-то и изменить уже совершенную посредством внезапных лихорадочных реформ модернизацию, поскольку немодернизация несет какую-то иную заданность, чем прежняя модернизация, в своей модернизационной основе весьма провальная.

Расчет здесь теперь не на ломку прежней структуры хозяйства и прежнего образа жизни, признаваемых несостоятельными, как это было в период тех же радикально-рыночных реформ, а на дополнение уже существующего чем-то совершенно новым, которое, судя по всему, само

из этого существующего возникнуть никак не может, даже при активно стимулирующей роли государства. Отсюда как вынужденный негативистский приговор пореформенным хозяйству и обществу — как не способным к самостоятельной немодернизации, так и позитивистское упование на заграницу — приток нефтедолларов, приход иностранного капитала, зарубежные опыт и технологии, внешний, пусть во многом когда-то бывший и отечественным, интеллект. Надежда в основном теперь на деньги, на закупки и инвестиции, на покупку мозгов, — этакая либеральная финансово-интеллектная неомодернизация, НЕ избегающая при этом модернизации самих финансовой и интеллектуальной сфер, опять же более всего на иностранный — завозной — манер. В общем, в некотором роде и удивительное повторение петровской реформы-модернизации, разве лишь без зверской эксплуатации российских подданных, которых, к тому же, в сегодняшней России для реализации какой-либо высокой модернизации попросту нет, во всяком случае, явно не хватает.

Выходит, что не собственная разработка, не внедрение чего-то нового, как раз того, что соответствует параметрам престижной и амбициозной неомодернизации, как и никакая не новая индустриализация страны, реализующая и обеспечивающая подобную неомодернизацию, а завоз неомодернизации из-за рубежа, разумеется, в зарубежных в основном параметрах и на зарубежных по преимуществу условиях.

Что ж, вполне возможно, что иного выхода теперь у России нет, хотя и есть еще кое-какие резервы и наработки, которые скорее всего уже не способны разжечь пламя отечественной неомодернизации, но зато вполне еще смогут послужить вспомогательным топливом в зарубежных интеллект-печах.

Неомодернизация предполагает переход к высокотехнологичным производительным процессам, напичканным компьютерами, автоматикой, электроникой, кибернетикой, информатикой, использующим микро- и биотехнологии, способные производить и применять новые искусственные материалы, новую органику, новые микропроцессоры, новые средства информации, новые способы добычи, расходования и экономии энергии, а также развивать новую науку, новую медицину, новые средства связи, новую агротехнику, новое строительство, новый транспорт, производить новые механизмы, машины и автоматы, создавать новые агломерации.

Неомодернизация предполагает переход к новому (шестому) технологическому укладу, а вместе с этим и к новому социальному укладу бытия, оснащенному новыми, невиданными ранее, средствами информации, коммуникаций, управления, принятия решений, обучения, счета, моделирования, психотехники, суггестии, манипулирования сознанием, социальной инженерии, перемещения людей и вещей (пространственной мобильности), занятости, труда, творчества, услуг, досуга, наслаждения.

И незаметно может наступить самая настоящая нецивилизация, которая будет отличаться настолько высокой степенью технотронности, что придется, видимо, подыскивать для такой «цивилизации» какое-то другое словечко — вроде того же «технобщества». Человек со всей окружающей его высокой техникой и под ее влиянием быстренько превратится в какого-нибудь киборга, а с учетом встроенного в человека чипа в самого настоящего «чиповека».

Так, по-видимому, начнется эра *постчеловечества.* Разумеется, все это пока не слишком близкая перспектива, хотя, быть может, и не такая уж далекая, как кажется. И Россия втягивается волей-неволей в эту перспективу — то ли сама по эйфорической инициативе ее нынешних властных фигурантов, то ли с услужливой подачи извне. И опять, глядишь, большой переворот, опять новая революция, после чего … Россия вполне может стать чем-то вроде нынешней Москвы, которая уже никакой Москвой не является, — и этого ли конца действительно жаждет пореформенная Россия?!

«Философия хозяйства». 2010. № 5.

РОССИЯ: ПРИЗРАК НЕОМОДЕРНИЗАЦИИ

Тезисы

1. Россия нуждается не столько в новой модернизации, сколько в глубоком и масштабном перестроении, которое по разным внутренним и внешним причинам состояться не может. Власть взяла курс не на переделку сегодняшнего, а на доводку (осовременивание) совершённого. Новая модернизация — некое завершение начатой в 1990 г. тотальной модернизации России — бывшей части СССР. Так что основная задача новой модернизации — подтянуть Россию до уровня внешнего передового контекста, не проводя в России никакой серьезной реконструкции и не возбуждая для этого население-нацию.

2. Так или иначе, речь идет, по-видимому, о чудодейственном возникновении новой России, соответствующей передовому мировому контексту, в него окончательным образом интегрированной и обретшей свое вполне и зависимое — место. Отсюда обращение к внешним образцам и движущим силам модернизации, ее явно производный и подражательный характер. И поскольку любая современная модернизация обусловлена новым технологическим укладом и стремлением к новому цивилизационному обустройству человечества на базе и с использованием высоких и тонких технологий, то попытка нынешней модернизации в России выглядит как попытка *нео*модернизации, разумеется, со всем местным колоритом.

3. Никакого цельного и ясного проекта новой модернизации нет, а потому обращение к ней выглядит более обращением к законспирированному призраку, а не к возможной реальности, что позволяет сделать вывод о непредсказуемых ходах и результатах сего замысловатого неонамерения. Главное — не оказаться перед всем этим действом в положении дурашливого свидетеля, не способного, а может, и не же лающего, закрыть, хотя бы для приличия, широко разинутый от шокового изумления рот.

«Философия хозяйства». 2010. № 5.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ — ПОТРЕБНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА

Год назад, в декабре 2009 г., мы с вами говорили о российском перестроении, почуяв в возможном общестрановом деянии актуальную историчность и неотложную ситуационную потребность, тем более актуальную и неотложную, поскольку системно-кризисная со времен перестройки и по итогам «рыночно-демократической» реформы Россия подверглась в тот момент пагубному влиянию разразившегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса, весьма поразившего зависимую от внешней среды и мировых финансовых потоков, а потому и особенно уязвимую Россию.

Стало вдруг ясно, что Россия нуждается в *глубокой и масштабной социо-хозяйственной реконструкции*, способной обеспечить преодоление затянувшегося структурно-системного *пореформенного кризиса*, обеспечить защиту страны от внешних негативных влияний и обрести

в итоге новый социо-хозяйственной облик — уже *постреформенный*.

Перестроение мыслилось нами как мобилизационное сосредоточение интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов и их эффективное применение через посредство соответствующего такой грандиозной задаче обновленного национально-хозяйственного центра и перестроенного управленческого аппарата в направлении созидания *новой России* — как раз постреформенной, в среде не просто морально устаревшей, а вообще никуда негодной, исторически бесперспективной и социально крайне опасной пореформенной России, попавшей под гнет криминогенной финансово-административной системы, отличающейся невиданным произволом, грубым деспотизмом и пугающей любое человеческое воображение эксплуатацией доставшихся ей «задарма» и без всякого морально-хозяйственного оправдания человеческих и природных ресурсов огромной производительной базы.

Такой нам представлялась год назад возможная позитивно-конструктивная стратегия России, причем стратегия ради России, ради ее возрождения и нового исторического взлета.

Тогда же, в декабре 2009 г., была вполне выдвинута идея самоутверждения России как обновляющегося и стремящегося к новому образу национального субъекта. И эту идею мы решили обстоятельно обсудить в декабре 2010 г. на очередной международной научной конференции.

Однако за прошедший год в ментально-политической жизни страны, ее внешних отношениях произошли весьма знаменательные события и процессы, заставляющие нас кое над чем серьезно задуматься и весьма по-иному взглянуть на происходящее в стране и в мире.

Как это, быть может, ни странно звучит, но Россия, кажется, попала в особого рода новую кризисную ситуацию — ситуацию *тревожной неопределенности*, сравнимую с ситуацией рубежа 1980—1990-х гг. Нет смысла перечислять признаки данной исключительной ситуации, которые, в общем-то, очевидны, а ежели среди нас имеются те, кому их не видно, то указание на них в творческом воображении такого рода интеллектуалов ничего не изменит.

Тут важно заметить, что ситуация эта возникла не без содействия высших правящих кругов, решивших никак не ворошить впавшую в своеобразную потребительско-обывательскую кому страну, а всего лишь ее… *модернизировать*, разумеется, по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Отсюда ряд жгучих вопросов: что вообще значит в данном случае модернизация? означает ли это всего лишь подновление и некоторое оцивилизовывание сложившейся и действующей в стране системы? существует ли системный проект модернизации? ставит ли модернизация задачу преодоления глобального системного кризиса и обретения страной действительной и эффективной, а не виртуальной и эфемерной, как сейчас, национальной субъектности? каковы движущие силы и где реальный штаб модернизации, предусматривается ли какая-либо мобилизация ресурсов и сил для реализации модернизационного проекта? является ли модернизация воистину национальной и суверенной, или это всего лишь зависимое от глобализма подновление субординационной страны? Таких вопросов множество, их можно продолжать и продолжать.

Из-за возникшей концептуальной и проективной неопределенности, чреватой не только временным пиар-хаосом, но и реальной судьбоносной угрозой для России, способной либо окончательно превратиться в параколониальную провинцию глобализма, правда, им — глобализмом — осовремененную, либо вообще перестать существовать как целостное геополитическое образование. Эксплуатация и обескровливание России идет полным ходом, и резервы страны не только для ее выживания, но даже и для такого с ней эксплуатационного обращения не бесконечны, а потому вовсе не за горами и возможность какой-то глобальной в России или с Россией коллизии, не сводимой вовсе к очередной социохозяйственной смуте, но и чреватой самораспадом страны либо, при ее резком ослаблении, насильственным расчленением.

Выдвинутая год назад тема конференции — самоутверждение России — оказалась через год в весьма двусмысленном положении: с одной стороны, она буквально вопиет о своей актуальности, необходимости и экстренной значимости, а с другой — выглядит уже чуть ли не продуктом наивной игры неадекватного и бестолкового научно-интеллигентского ума.

К какому еще другому заключению можно придти, наблюдая происходящее в стране втягивающейся, кажется, и в серьезный *внутриполитический кризис*? Разве лишь к заключению о *раз*-утверждении России, трагикомично повторяющем уже нами виденное *раз*-утверждение СССР.

Что ж, возможно, что все мною сказанное лишь патогенное преувеличение, что в России дела идут, и идут куда надо, что иного пути для России, собственно, и нет. Хотелось бы с этим согласиться, но текущая реальность почему-то этого не дозволяет.

Россия сегодня — не устойчивая и развивающаяся в большом геопространстве система цивилизованного человеческого бытия, а нахально задержавшаяся и неуклонно нарастающая в этом пространстве *системная катастрофа*, принявшая уже не только институциональный, но и прямо-таки субстанциональный характер.

Катастрофа как институт и как субстанция!

Главная для России проблема сегодня — проблема идейно-нравственная, а не какая-либо другая. Перестроение, о котором мы говорили год назад, предполагало мощную позитивную идейно-нравственную работу, а что предполагает провозглашенная модернизация — разве лишь модернизацию тупика, в котором находится сегодня Россия, или охватившей Россию безумной инфернальности?

Да, самоутверждение России в позитивном идейно-нравственном ключе — более сегодня утопия, чем реальность, но сама-то реальность российская ныне такова, что любое самоутверждение России в существующем негативном образе, что то же самое в состоянии субстанциальной катастрофы, есть не что иное, как самое обыкновенное преступление перед человеком, нацией, Россией, а потому нам, нынешним горе-утопистам, ничего не остается как решительно высказаться все-таки за российское самоопределение России, за ее самоизлечение и самовыздоровление и как раз посредством не чего-нибудь, а российского перестроения!

Не поймем этого сегодня, поймем, возможно, завтра, а вот послезавтра понимать уже будет, по всей вероятности, поздно!

«Философия хозяйства». 2010. № 6.

ФИЛОСОФСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

«М» — нет, это не метро, даже не модернизация, а всего лишь мобилизация, без которой ни «метра», ни модернизации, ни чего-нибудь еще стоящего, попросту нет и быть не может.

Не может быть ни аэрофлота, ни атомных станций, ни сценической игры, ни хорошей лекции на университетской кафедре, ни успешной хирургической операции, ни просто выживания человека в том же мегаполисе. «М» — та самая мобилизация, без которой в общем-то нет вообще жизни, нет хозяйства, нет экономики, даже пресловутого финансизма нет. Это вовсе не такой уж милитарный, как кажется, феномен, а самый что ни на есть гражданский, обыденный, мирный.

Повсюду мы видим либо мобилизационное действо, либо мобилизационный процесс, либо мобилизационное чего-либо важного и неизбежного разрешения. И общенациональные мобилизации в текущей жизни вовсе не редкость и не исключение — и не только по поводу войн и катастроф, а и тех же рывков вперед — ради обновления, развития, прогресса.

Отмобилизовавшаяся во время реформы на присвоение и потребление, Россия теперь обязана отмобилизоваться на производство и развитие. Что тут неясного? Необходимо бросить силы и ресурсы на *новую индустриализацию,* на *развитие науки и техники*, на *производительное созидание.* А это можно сделать не через дисперсную и жутко синергетическую модернизацию, а через волевую и целеустремленную мобилизацию, за которой должна идти не столько завозимая из-за рубежа модернизация (по сути субмодернизация), сколько собственное развитие, опять же не по всему хозяйственному пространству сразу, а по главным направлениям, основным позициям и решающим точкам, а затем, может, и по всему ареалу страны.

Пореформенная Россия способна, наверное, и осознать все это, хотя бы на правительственном уровне, а вот решительно и целеустремленно действовать в сторону собственного развития, увы, не может, ибо прошедшая реформа никакого такого развития не предполагала, отмобилизовав самых ушлых граждан на безудержное личное присвоение, самых бестолковых на неуемное потребление, отстранив при этом подальше и понадежнее всякого рода умников и бессеребренников, созидателей и преобразователей, интеллектуалов и инноваторов — за явной их ненадобностью. Паразитарной получилась пореформенная экономика, очень паразитарной, а хозяйство вышло на редкость уродливым — не способно оно обеспечить ни полнокровного бытия человека (с уверенностью каждого в жизненных перспективах), ни активного и разностороннего себя развития.

Отсюда задача: *переход от пореформенной России к постреформенной,* что означает — от неполноценной России к полноценной, от России отмобилизованной на собственное себя проедание, растрату сил и возможностей, а затем и историческое угасание, к России, отмобилизованной на полноценную жизнь, перспективу, развитие.

От реформы к постреформе! — не больше и не меньше, и это не через унылую и чуждую модернизацию неполноценной пореформенности, а через *мобилизационное перестроение России,* что, разумеется,

делать никому из нынешних владетелей российского по производству бытия не очень-то хочется, а делать все-таки надо, чтобы не сгнить, не развалиться, не обратиться в прах, пополнив незримые залежи исторического навоза.

Мобилизационное перестроение предполагает:

- субъект перестроения и развития с центром во главе (централизованного ордена);
- целостный проект перестроения и развития;
- механизм реализации проекта с систематическим и эффективным контролем со стороны центра;
- перераспределение в пользу субъекта и проекта необходимых ресурсов.

Ничего тут нового, ничего необыкновенного, ничего и предосудительного! Хочешь идти вперед, обновляться, развиваться, достигать исторических вершин — мобилизуйся и действуй, проявляя волю, исходя из соответствующего замысла, опираясь на конструктивные силы, используя необходимые средства, созидая новый социум, новое производство, новую экономику, новую Россию!

Ничего тут не остается, кроме как идти на созидание в порочной и изрядно уже протухшей пореформенной, еще и бездарно глобализированной, среде нового жизнеспособного национального целого: *страны в стране, хозяйства в хозяйстве, экономики в экономике,* с тем чтобы получить в итоге искомое — способную к новому полноценному историческому бытию Россию. И в зародыше, а может, и в запасе, она есть, эта новая Россия, есть, ибо потребительское прозябание, пусть и отлакированное особняками, авто и загрантурами, устраивает в России вовсе не всех, более того, оно вполне отвергается устремленными к нормальной (не телевизионной) жизни, которая, как неожиданно выясняется, имеет все-таки шанс воплотиться в реальность именно в России, ежели, конечно, прекратить опостылевшую большинству российских граждан «цивилизаторскую реформатовщину» и перейти к уже назревшей *постреформенной реконструкции,* способной возвратить обществу и хозяйству способность к полноценному бытию и развитию.

И вот тут-то потребна соответствующая *национальная идеология,* формирующая здоровое национальное сознание и очищающая загаженную «инферналиками» и «глобаликами» ноосферу. А проблема эта посложнее любой другой: легче проект какой-нибудь экстравагантный

сгондобить, деньги под него отыскать или, на худой конец, выбить, закупить что надо и где надо, кое-что даже и сварганить, деньги весьма при этом, как водится, подрастратив и попристроив, а вот сознание выправить, изрядно уже загаженное и испорченное, если не довольно уже изуродованное, — это и в самом деле проблема!

Мобилизация сознания — да не на личное присвоение, массовое потребление и развязный аморализм, а на творческое созидание, социальную ответственность, консолидирующий энергизм.

На месте расстроенной народонаселенческой массы должна вдруг явиться не более и не менее как *новая российская нация,* скрепляемая нравственным общежитием, амбициозными задачами и устремлениями, схватываемой сообща перспективой.

Вот она, историческая сверхзадача!

И сложно, и невозможно, и страшно!

А придется: иного тут не дано, ежели, конечно, России суждено-таки пережить поразившее ее реформационное лихолетье, выдюжить и встать на путь экзистенциальной нормализации!

Придется.

Кто это хорошо поймет и первый делать начнет, тот и историей овладеет, и Россию обретет, и нацию перед собой вдруг увидит, — достаточно лишь для начала к России лицом человеческим обернуться, перестать рассматривать ее как колониальный источник богатства, узреть в ней родной дом свой, да и россиян наконец-то за людей посчитать, пусть и не за родных совсем, но хотя бы за близких.

Пора уже понять, что без России никаких в мире россиян нет и никогда не будет, как, собственно, и России без русских (не россиян только!) тоже нет и не будет, еще и усвоить, что именно у России сейчас великий шанс перехода к *иному миру — вовсе не всеобщего благоденствия, а, скорее, большого испытания, одн*ако вполне жизнетворного, — мир-то планетарный, ведомый передовым Западом, уже в период новых эпохальных перемен втягивается, в ходе которых ему и перевернуться как-нибудь смертельно ничего не стоит.

Россия вновь на рубеже, но не веков и даже не эр, а на рубеже *миров,* из которых один, уже в России воцарившийся, точно тянет на инфернальный антимир, от которого России и необходимо срочно и решительно отпрянуть.

Вот и потребность сегодня в «М» — в *мобилизации*, но уже не ради частного присвоения, а ради всеобщего преображения, потребность

в которой Россия уже достаточно ощущает, не порвав еще связи со своим историческим назначением, которое все как раз и устремлено к *иному*!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Мобилизационный потенциал национальной экономики», М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2010.

2011 г.

СОЦИО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК МОМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Всем сегодня в России ясно, что страна должна измениться в конструктивном направлении, стать страной трудо-творческого созидания, а не паразитарного проедания природных ресурсов и беспечного расходования и разбазаривания человеческого потенциала. При нынешнем хозяйственном устройстве и моральном состоянии, возникших по итогам недавнего реформирования, Россия не способна ни к поддержанию созидательного тонуса, ни к всестороннему развитию, ни к утверждению себя как научно-инновационной державы. Отсюда выходит, что Россия нуждается в *глубокой и масштабной социо-хозяйственной реконструкции,* способной обеспечить преодоление затянувшегося структурно-системного *пореформенного кризиса,* обеспечить защиту страны от внешних негативных влияний и обрести в итоге новый социо-хозяйственный облик — уже *постреформенный.*

Отсюда потребность в мобилизационном сосредоточении интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов и их эффективном применении через посредство соответствующего такой грандиозной задаче обновленного национально-хозяйственного центра и перестроенного управленческого аппарата в направлении созидания *новой России* — как раз постреформенной, в среде не просто морально устаревшей, а вообще никуда негодной, исторически бесперспективной и социально крайне опасной пореформенной России.

Нависшая над страной, но не исполняемая потребность в серьезной социо-хозяйственной реконструкции выявила факт особого рода кризисной ситуации — ситуаций *тревожной неопределенности,* сравнимой с ситуацией рубежа 1980-1990-х гг., причем ситуация эта возникла не без содействия высших правящих кругов, решивших никак не ворошить впавшую в своеобразную потребительско-обывательскую кому

страну, а всего лишь ее… *модернизировать,* разумеется, по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Отсюда ряд жгучих вопросов: что вообще значит в данном случае модернизация? означает ли это всего лишь подновление и некоторое оцивилизовывание сложившейся и действующей в стране системы? существует ли системный проект модернизации? ставит ли модернизация задачу преодоления глобального системного кризиса и обретения страной действительной и эффективной, а не виртуальной и эфемерной, как сейчас, национальной субъектности? каковы движущие силы и где реальный штаб модернизации, предусматривается ли какая-либо мобилизация ресурсов и сил для реализации модернизационного проекта? является ли модернизация воистину национальной и суверенной, или это всего лишь зависимое от глобализма подновление субординационной страны? Таких вопросов множество, их можно продолжать и продолжать.

Из-за возникшей концептуальной и проективной неопределенности, чреватой не только временным пиар-хаосом, но и реальной судьбоносной угрозой для России, способной либо окончательно превратиться в параколониальную провинцию глобализма, правда, им — глобализмом — осовремененную, либо вообще перестать существовать как целостное геополитическое образование. Эксплуатация и обескровливание России идет полным ходом, и резервы страны не только для ее выживания, но даже и для такого с ней эксплуатационного обращения не бесконечны, а потому вовсе не за горами и возможность какой-то глобальной в России или с Россией коллизии, не сводимой вовсе к очередной социо-хозяйственной смуте, но и чреватой самораспадом страны, либо при ее резком ослаблении, насильст-венным расчленением.

К какому еще другому заключению можно придти, наблюдая происходящее в стране втягивающейся, кажется, и в серьезный *внутриполитический кризис*? Разве лишь к заключению о *раз*-утверждении России, трагикомично повторяющем уже нами виденное *раз*-утверждение СССР.

Что ж, возможно, что все здесь сказанное лишь патогенное преувеличение, что в России дела идут, и идут куда надо, что иного пути для России, собственно, и нет. Хотелось бы с этим согласиться, но текущая реальность почему-то этого не дозволяет.

Россия сегодня — не устойчивая и развивающаяся в большом геопространстве система цивилизованного человеческого бытия, а нахально

задержавшаяся и неуклонно нарастающая в этом пространстве *системная катастрофа,* принявшая уже не только институциональный, но и прямо-таки субстанциональный характер.

Катастрофа как институт и как субстанция!

Главная для России проблема сегодня — проблема идейно-нравственная, а не какая-либо другая. Социо-хозяйственная реконструкция предполагает мощную позитивную идейно-нравственную работу, а что предполагает провозглашенная модернизация — разве лишь модернизацию тупика, в котором находится сегодня Россия, или охватившей Россию безумной инфернальности?

Да, самоутверждение России в позитивном идейно-нравственном ключе — более сегодня утопия, чем реальность, но сама-то реальность российская ныне такова, что любое самоутверждение России в существующем негативном образе, что то же самое в состоянии субстанциальной катастрофы, есть не что иное, как самое обыкновенное преступление перед человеком, нацией, Россией, а потому нам, нынешним горе-утопистам, ничего не остается как решительно высказаться все-таки за российское самоопределение России, за ее самоизлечение и самовыздоровление и как раз посредством не чего-нибудь, а *российского перестроения*!

Не поймем этого сегодня, поймем, возможно, завтра, а вот послезавтра понимать уже будет, по всей вероятности, поздно!

«Философия хозяйства». 2011. № 3.

ВРЕМЯ «ФИН»

ФИН — сокращенный вариант аббревиатуры Фин—Ин—Ин—Ин, что в полной расшифровке означает *финансово-институциональная инновационная инициатива.*

Что из себя представляет, чем и как живет современное экономическое хозяйство, или экономика? Верно, это финансовая экономика — *финансомика,* в которой господствует глобальная финансовая система (финансовый мир, финансизм), живущая инновациями (непрерывным обновлением) и охотно прибегающая к *институциональным нововведениям* (инновациям).

Факт!

Отсюда и факт постоянных и по всему социо-хозяйственному пространству инициатив, причем не случайных, а нарочитых, значительная,

если не большая, часть из которых — уже инициативы ради самих инициатив!

Можно сказать, что современная экономика буквально страдает инновационными инициативами, более того, не будет никаким преувеличением заявить, что нынешней передовой экономике свойствен не более и не менее как инновационно-инициативный психоз: все вокруг прямо-таки истерически инновирует, проявляя недюжинное инициативное рвение. Всеми владеет деятельски-воображенческий зуд, только и способный теперь приносить финансово-потребительское удовлетворение.

Фантазийная экономика!

Как, разумеется, и весь ныне фантазийный мир. Это все, конечно, о них, о Западе, о Евро-Америке, а также о тех, Кто с ними и кто там — в экономико-потребительском раю, избыточном и излишественном, переполненном, давно вышедшем из реальных житейских берегов, экстра- и гипермире.

О мире Постмодерна! Итак: финансы (деньги, капитал, инвестиции), проект (задумка, фантазия, выдумка) — институциональная перемена (законодательная, организационная, топологическая, структурная, управленческая) инновация (внедрение нового, реализация проекта) — финансовая рента.

Вот и выходит ФИН, правда, в случае удачи — ФИН=Ф (вкупе с финансовой рентой).

ФИН — всегда сверху, из центра, в меру навязчиво и непременно очень вменливо (от «вменять»).

Все это вполне возможно ныне, если недюжинно фантазировать, охотно перестраивать, настойчиво вменять, созидая-де новое и упорно устраняя старое, да не на рынке вовсе, а вместо рынка, ни в коем случае не давая экономическому рыночному-де сообществу опомниться. Выходит, что тут работает *сила,* а силой такой может быть только целостная суперсистема, и эта суперсистема сегодня есть и вполне здравствует, а экономика с ее хваленым рынком (самоорганизацией) ей — этой суперсистеме — «самоорганизационно» подчиняется.

ФИН — дело не так ума, как власти: ума-власти и власти-ума, точнее, ума с властью и власти над умом, хотя не обязательно, что власти с умом.

Обратим внимание на то, что ФИН вполне корреспондируется с… мировым финансово-экономическим кризисом 2008—2010 гг. — МФЭК, то ли, наоборот, сам этот кризис корреспондируется с ФИН, а что тут

чему более обязано, не столь и важно: МФЭК ли зачинен ФИН, ФИН ли подтверждена МФЭК, главное и ФИН есть, и МФЭК есть, следственно, и современная передовая экономика есть.

О-о, проявлять ФИН, да еще и в связи с МФЭК, если не в угоду МФЭК — дело совсем не простое, более того — чреватое ненужными происшествиями, нежелательными открытиями, откуда-то сваливающимися рисками!

ФИН'ы кусаются!

Грозят они и большими крахами.

Безудержное кредитование всех и вся — большая ФИН, а потом, видишь ли, большая проблема, из-за которой затеялся кризис — МФЭК, а уж потом… э-э… необходимость очень больших непредвиденных перемен — опять же с новой большой ФИН.

Так что современная экономика, она же экономика Постмодерна, — сплошная, знаете ли, ФИН.

Такой же сплошной ФИН является и экономика, которая относительно глобальной экономики всего лишь субэкономика — экономика современной России: как для своих ФИН-держателей, так и для чужих, уже глобальных.

У российских государства (субгосударства) и предпринимательства (*суб*предпринимательства) одна забота — ФИН, причем занятая эксплуатацией оставшейся от реформ материально-технической базы, включая недра, лес, воду, воздух, как и обеспечением социо-хозяйственных условий этой эксплуатации, но никак не занятая самостоятельным и комплексным страновым развитием.

Однако деньги у России для ФИН есть — за счет нефте- и газодолларов, хотя заметная часть этих денег упорно уплывает из страны как по официально-государственным (покупка заграничных ценных бумаг — тоже ведь ФИН!), так и по потаенно-предпринимательским (вывоз капитала за рубеж — опять же ФИН!) каналам.

Нельзя сказать, что российская ФИН-элита ничего не видит и не понимает; видит она все и все понимает; но элита эта, во-первых, *суб*-элита, а точнее, суб-«элита», а во-вторых, ничего поделать с ФИН-кормушкой она уже не может, ибо развитие — вовсе не накопительная эксплуатация, а… все-таки развитие, то бишь производительное капитальное вложение, а как его совершать, ежели некуда и не с кем, опять же зачем?..

Государственные вложения не шибко ныне производительные и

экономически неэффективные, опять же-таки затратные, ибо вокруг них одни дуболомы и воры. Частные вложения на то и частные, чтобы иметь частный резон их делать, а его-то, этого завидного частного резона, нет и быть в нынешней России не может — лучше уж за границей.

Тут в России полный тупик, он же цуг-цванг, он же «полный стабилизец».

ФИН-цуг-цванг!

Разумеется, ежели речь вести о реальном производстве, научно-техническом прогрессе, росте, конкурентоспособности, совершенствовании бытия, об образовании, здравоохранении, среде обитания, человеческом жизнеотправлении, человечности, как раз тут самый настоящий ФИН-цуг-цванг!

Однако жизнь продолжается, и, несмотря на настойчивые попытки анти-России покончить с Россией, Россия, в лице хотя бы части ее ФИН-элиты, все серьезнее задумывается о необходимости перехода к обществу и хозяйству развития: не просто к развитию общества и хозяйства, что и сейчас происходит в виде суб-развития, а именно к *обществу и хозяйству развития* (уже *ауто*-развития).

Соответсвенно и к ФИН-развитию, что предполагает и развитие самой ФИН, ее превращение в непосредственно *производительно-инновационную* вещь (от *вести)*.

Кое-какие примеры такого рода ФИН-акций есть даже в нынешней *суб*-России, которая вовсе не *девелопмент*-Россия: спасение «Автоваза», реконструкция Шушенской ГЭС, пуск на воду пол лодки нового поколения, создание федеральных университетов, роды олимпийского Сочи, как и того же Сколкова. Далее одни лишь виртуально-намеренческие, если не виртуально-химерические, примеры, но они все-таки есть, эти пусть пока и не самые показательные примеры.

Хорошо, хоть осознание какое-то завелось — осознание развития и, соответственно, ФИН-развития!

Отказ от планирования развития и ФИН-развития — либо великая наивность, либо большая патология, либо обыкновенная измена — и не одному только Господу Богу. Никакого реального развития без целостного стратегического планирования (долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного), причем планирования из единого национального хозяйственного центра, быть просто не может. Мало того, его не может быть и без системного централизованного дирижизма, а сегодня, в силу хотя бы преобладания той же ФИН — *неодирижизма,* или *ФИН-дирижизма,* —

как дирижизма собственно общехозяйственного, так и дирижизма самой ФИН.

Эпоха либерализма, а точнее — эпоха ГФС- и ТНК-дирижизма, подошла к своему патозавершению. Человечество уже не может полагаться на ГФС и ТНК, их накопительно-потребительскую целесообразность, гуманизменную милость. Россия — не все, слава Богу, человечество, у нее свои собственные задачи, решение которых предполагает уже не глобальный либерализм, а *национальный дирижизм,* или в современной интерпретанции национальный неодирижизм, не исключающий ни частного бизнеса, ни гибких границ, ни экономической свободы, ни даже умеренного потребительства, но позволяющий реализовать топологическую власть и обеспечить — в про-*стран*-стве и про-*стран*-ственно — вполне «стран-ственное» развитие.

2012 г.

НЕОДИРИЖИЗМ ПЛЮС НЕОЛИБЕРАЛИЗМ РАВНЯЕТСЯ ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Никакой экономики вне властной, как собственно экономической, так и неэкономической, организации нет и быть не может. Учебники, не учитывающие довольно этого факта, попросту врут.

Экономики не может быть и без некоторой, и вполне основательной, свободы экономических агентов, и если не всех, то на крайний случай, части агентов — тех же общин, цехов, гильдий, корпораций, что то же самое структурных, кластерных, сетевых образований, представляющих собою уже не элементы экономики, а целостные образования-институции, состоящие из элементов, но по преимуществу уже элементов-частей. Внутри этих образований свободы и рынка для составляющих их элементов не так уж и много, но зато там хватает власти, идущей сверху, и подчинения, реализуемого в низах. Мало того, в поле экономики предостаточно и агентов-центров, способных под себя созидать и в своих интересах контролировать немалые, если не большие экономико-рыночные пространства, включая сонмы сидящих в этих пространствах «самостоятельных» и «свободных» агентов, формально не входящих в сложные корпоративные и фирменные образования. Среди таковых центров есть и воистину великие центры — прямо-таки «центровые центры», имеющие возможность конструирования и организации под себя необъятных

размеров подотчетных пространств, прямого и косвенного управления происходящими в них процессами и реализуемыми в них воспроизводственными параметрами. Таковы примерно собственно экономическая внутри самой экономики власть, ее разветвленная система, допускающая весьма большую свободу для властных субъектов и лишь известную, т. е. ограниченную, свободу для подвластных этим субъектам экономических агентов.

И вот такую-то исходящую из власти экономику верхоглядная и давно утерявшая ответственность перед реальностью экономическая наука называет, вслед за карикатурными публицистами от постмодерного «общества знания», либеральной, то бишь свободной.

Но это не все. Либерализм не обращает или почти не обращает никакого внимания на тот факт, что никакой развитой масштабной и устойчивой экономики нет и не может быть не только без властной экономической, но и без властной неэкономической организации: правовой, прокурорской, судебной, пенитенциарной, контрольной, фискальной, монетарной, финансовой, бюджетной, инвестиционной, перераспределительной, потребительской и т. д., осуществляемой либо государствами, либо общественными институтами, а главное, совсем не такими уж экономическими по своей природе субъектами. Учено-политический либерализм все это, конечно же, хорошо знает, но говорить об этом не любит, ибо в его задачу входит отстаивание, вполне в принципе и обоснованное, свободы экономических агентов, как и оправдание реализуемого или же, во всяком случае частью из них, вполне властного экономического произвола, осуществляемого и посредством тайных и явных соглашений, сговоров, понуждений и принуждений, весьма широко, если не глобально, распространенных в экономической среде. Либерализм, хочет он того или нет, а скорее, все-таки хочет, чем не хочет, во всяком случае — с рубежа XIX—XX вв., служит не столько какой-то там рыночно-конкурентной свободе, сколько возможности видения сильными экономического мира сего, прежде всего финансовыми, самого что ни на есть несвободного, во многом попросту и произвольного, дирижизма. Не забывая ни на миг толковать об экономической свободе, что не так уж и плохо, либерализм зато стыдливо умалчивает о доминировании в экономике самой обыкновенной несвободы, исходящей по преимуществу как раз от самых что ни на есть свободных, но вовсе при этом никак не либеральных, экономических субъектов-гигантов.

Чего либерализм явно не хочет, с чем непрерывно и последовательно борется, так это с управленческим вмешательством государств в экономику, т. е. с национально-государственным экономическим дирижизмом. Даже эпоха кейнсианства, пришедшего на помощь задыхавшемуся от самого себя капитализму в середине XX в., по мнению либералов, уже прошла. В условиях глобализации и тотальной финансизации экономики, когда эстафета управления экономическими процессами перешла к мировым корпоративно-сетевым гигантам, национально-государственный дирижизм оказался для корпоративносетевого дирижизма очень нежелательной помехой, подлежащей если не полному устранению, то явному ослаблению и ограничению. Что, собственно, и имеет место в современном «либеральном» мире.

Итак: либерализм есть интеллектуально-политическая сила, борющаяся с национально-государственным дирижизмом в пользу глобального корпоративно-сетевого дирижизма.

Однако национально-государственный дирижизм, дополняемый ныне региональным международным и всемирным межгосударственным дирижизмами, хоть и отступил под натиском глобалистического либерализма, а фактически-то глобального корпоративно-сетевого дирижизма, своих позиций полностью не сдает, а самое главное — попросту и не может сдать, ибо он, как и дополняющие его дирижизмы, совершенно необходим.

Здесь уместно обратить внимание на то, что национально-государственный дирижизм, как и дополняющие его международные дирижизмы, вовсе не чурается сотрудничества с глобальными корпоративно-сетевыми дирижизмами, а также не пренебрегает возможностью убедительно проявлять себя на метропольно-колониальной ниве. Экономический империализм никуда не делся, а лишь видоизменился, да и то не во всех своих параметрах.

Россия — совершенно дирижистская страна! Апогей национально-государственного дирижизма пришелся на советский планово-директивно-административный — период, по сути своей даже не экономический, а более всего натуральный (экономическое начало лишь вспомогательно дополняло натуральное, да и то более по форме, чем по существу — экономики в полном смысле слова в СССР не было).

В результате революционного переворота 1991 г. и последовавших за ним социо-хозяйственных реформ в оставшейся от СССР Российской Федерации была осуществлена вроде бы либеральная, достаточно

при этом и глобалистическая, экономизация хозяйства и социума, их капитализация и маркетизация, хотя никакой воистину либеральной экономической системы в России не появилось, зато возник весьма оригинальный строй произвольного административно-финансового деспотизма, сочетавший свободу криминального дирижизма в среде свободных-де экономических субъектов со свободой не менее криминального дирижизма сверху. Приватизация, присвоение, накопление, перераспределение, разграбление, эксплуатация, передел — вот главные опорные струны нового хозяйственного… э-э… скорее, беспорядка, нежели порядка, точнее же — гнуснейшего порядка среди ужаснейшего беспорядка.

Отметим, что несмотря на приватизацию, капитализацию и маркетизацию, даже своеобразную либерализацию, дирижизм российский исконно российский! — не только не исчез, но еще и усилился, только не в общественно-производительных, а всего лишь в частно-присвоительных целях. Революционное государство тщательно — и вовсе не тщетно! — позаботилось о формировании (насаждении) и процветании российского капитализма, вплетенного в глобальный экономический мир, перестраивая (именно так: перестраивая!) в соответствии с этим совершенно дьявольским проектом все нагло захваченное революционной властью советское наследство. Ныне российская экономика есть не что иное, как вполне уродливая субэкономика: энерго-сырьевая, полуфабрикатная, экспортноориентированная, импортозависимая, нетворческая, неинновационная, невысокотехнологическая, не способная к самостоятельному комплексному развитию.

Ельцинский плутократический дирижизм, несколько переориентированный на общенациональные нужды в 2000-е гг., довел развитую космическую державу до совершенно фантастического образа-состояния — криминально-компрадорско-колониального капитализма. И в этом образе-состоянии страна долго тянуть не может, что, кажется, уже понимают наиболее дальновидные круги из нынешних властей предержащих. Явно требуется всестороннее оздоровление социума, хозяйства, государства, что может стать возможным только посредством направленного перехода к новой России — уже *постреформенной,* если принять за точку отсчета ельцинские реформы.

И осуществить столь великий маневр можно лишь на путях *не-экономических преобразований*, опираясь, с одной стороны, на *неолиберализм,* а с другой — *неодирижизм,* а лучше бы сказать — на *неодирижизм*

как начало ведущее, и на *неолиберализм* как начало вспомогательное.

Ельцинский разрушительно-присвоенческий дирижизм вкупе с таким же по сути ельцинским либерализмом должен быть замещен *новым* дирижизмом вкупе с новым либерализмом, способными решать не частно-накопленческие и чисто эксплуатационные задачи, а общественно-производительные, инновационные задачи, обеспечивая возможность самостоятельного, целостного и сбалансированного развития страны.

Доказывать, что нынешняя уродливая, компрадорско-колониальная, отставшая и не способная к комплексному развитию Россия нуждается в целостном и последовательном дирижизме, сочетающем национально-государственный и национально-корпоративный дирижизмы — ломиться в открытую дверь! Россия — исторически, фундаментально и провидчески — дирижистская страна. Нет никакого смысла и доказывать, что любой эффективной и развивающейся экономики не может быть без значительной доли экономической свободы в среде экономических агентов.

Да, Россия по наследию и духу своему страна не либеральная, но это не означает, что в стране не должна наличествовать и действовать либеральная составляющая. Отсюда как раз неодирижизм, считающийся с либерализмом, как и неолиберализм, считающийся с дирижизмом. Можно сказать, что неодирижизм и неолиберализм, прорастающие ныне в России, это переосмысленные и переориентированные дирижизм и либерализм, призванные не к совместному противостоянию и взаиморазрушительной борьбе, а к эффективному взаимоположению и солидарности. Иначе для чего же свершились в стране эти крайние опыты — что тотально директивный в СССР, что тотально разрешительный в ельцинской России!

Неодирижизм — это дирижизм, сосредоточенный на главных направлениях, воздействующий на ряд основных пунктов и параметров хозяйственной среды и по способу реализации преимущественно институционально-финансово-побудительный, т. е. не тотальный, не натурально-принудительный, хотя и вполне при этом контрольно-ответственный. Такой дирижизм обязан системно сочетаться с либерализмом, но либерализмом тоже, как и дирижизм, видоизмененным — не стихийно-произвольным, а сдержанно-упорядоченным, как раз тем самым либерализмом, который ныне и рассматривается в проективных умах как неолиберализм.

Хорошо сказать: *неодирижизм вкупе с неолиберализмом,* но как этого достичь? Разумеется, не сидя на кучах денег и не растянувшись вальяжно во властных покоях. Осознание острой необходимости крутых перемен должно перетечь в систематическую работу по их безоговорочной реализации. Можно было бы всем этим пренебречь, да вот обстоятельства заставляют: конкурентный мир не дремлет, беспощадная к отставшим история продолжается, давление сурового и изменчивого бытия не ослабевает. Не сделают это одни, сделают другие, но… уже пришедшие на место, причем отнюдь не безропотно, ничего не сделавших.

Никакой беспечной услады впереди, ни у кого!

Или тяжкая работа по глубокому и масштабному *перестроению* России, или же… прямо в небытие… что недальновидным неработникам, что и самой зазевавшейся России.

Время сжато, никаких сроков уже нет, вот почему за работу, господа — энергоемкую, опасную, но… спасительную!

«Философия хозяйства». 2012. №.2.

ПОСТРЕФОРМИЗМ В УГОДУ РОССИИ: ВЫРЫВ К РАЗВИТИЮ

Россия не раз вырывалась к развитию: тяжко, мучительно, жертвенно. Достаточно упомянуть давний петровский и недавний сталинский вырывы, каждый за каких-нибудь четверть века и каждый с заметным верменны́м развитийным следствием. Были и примеры эволюционных подъемов, наиболее яркий из которых — подъем России конца XIX и начала XX вв., обусловленный сначала либеральными реформами Александра II, а затем постреформным консрватизмом Александра III. Заметим: либо насильственные энергичные вырывы по полнее революционным сценариям, либо эволюционного типа вольное движение по пути развития, но непременно через поначалу реформный либерализм, а затем через постреформный (в чем-то и антиреформный дирижизм).

Что сейчас? Сначала, в 1990-е гг., либеральное на словах, а на самом деле вполне дирижистское, даже диктатное, еще и революционного характера, контрпроизводительное, но зато сугубо присвоительное (приватизационное) реформирование хозяйства и общества, не предполагавшее никакого развития вообще, а потом стабилизационное, вполне тоже дирижистское, формирование, зависимой от глобального контекста

системы произвольного административно-корпоративного, в основе финансового, деспотизма, столь же не заинтересованного в сколько-нибудь прогрессном и целостном развитии национального хозяйства и всего российского социума. В итоге дилемма: реформа и стабилизация как котрразвитие или же развитие как контрреформа и вырыв! Небывалая вроде бы, но как же все-таки похожая на родные исторические примеры ситуация, правда, похожая все же в зеркальном отражении, ибо вырываться теперь надо не столько из застарелой стагнации, сколько из новорожденного антиразвитийного тупика.

Есть в российской истории еще одна любопытная аналогия: Великая Смута, покончившая с рюриковской Русью, ставшей к тому моменту как бы Святой Русью и последовавший через почти столетие рывок Петра I, покончивший со Святой Русью и бывший по сути запоздавшим во времени следствием Смуты. Выходит, что вырыв сегодня особенно актуален и явно неизбежен — после антиразвитийной-то смуты (1990-х—2010-х), ибо в наше изменчивое конкурентное время ждать эволюционного подхода к развитийному вырыву или же его эволюционной замены в виде спокойного саморазвития просто недопустимо!

Отсюда этакий «синергетический» сход: смута→контрреформа→вырыв к развитию (тому же сталинскому развитийному вырыву тоже ведь предшествовали сначала революционная смута, а затем уничтожавшая смуту антиреволюция). И что бы ни болтали вокруг про феодализм, капитализм, социализм, византизм, самодержавие, демократию, тоталитаризм и т. д. все тут одно: обязательное генерирование смуты→непременное вытаскивание на-гора контрсмуты→неизбежный вырыв к развитию, что значит, что реальные исторические закономерности куда как «глубжее» поверхностных оценок дипломированных профессионалов.

Да, крайний срок, видно, еще не пришел. Тот самый гневный, огнедышащий и беспощадный! Пока еще можно поиграть в ничего не значащие словеса, загадочные мимансы и неуклюжие жесты, но… *про*-развитийная ситуация в современной России, не став пока еще потребной реальностью, не потребно все-таки нарастает: развитие сегодня ***все*** («Быть или не быть?»), это более чем экономика, политика, русская идея или евроремонт, — как и сталось когда-то перед Петром и совсем недавно перед Сталиным, когда коварная историческая метафизика заставила одного стать практически русофобом, а другого столь же прак-

тически антикоммунистом, но зато превратиться в сторонников *развития*, да что *развития* — РАЗВИТИЯ!

Вряд ли стоит доказывать, что сегодня, как и у Петра со Сталиным, может быть только *вырыв* к развитию, да что *вырыв* — ВЫРЫВ! Вот такая получается неожиданность, она же и необходимость, на же и исторический приговор И не отсидеться уже в каком-нибудь Сколково, как когда-то в Александровской слободе, не ограничиться спичрайтеровскими речевыми заготовками, беглыми обещаниями и ничего не значащими намеками, не положиться ни на славное русское авось, ни на багодетельную заграницу, которая-де нам поможет… разве лишь успокоительно-афтазийно «засучать» рукава «теперича» всем «надоть», работать, проектировать и исполнять, да еще и в условиях спокойной, чуть ли уже не дьявольской, открытости, которая как раз более против, чем за — за это самое столь потребное для страны развитие. Цуг-цванг тут — и ничего более!

Время «Ч» неумолимо приближается — и ежели еще вчера перед теми же президентскими выборами, охотно думалось и говорилось об ожиданиях, то сегодня. Увы, уже не ожидания на повестке, а самые что ни на есть реальные дела. Момент истины вовсе не за горами — как раз к очередному Рождеству Христову, подкрепляемому Новым Годом. Либо развитие, которое уже даешь, а не желаешь, либо… тут уж может быть всякое — вплоть до… но не будем об этом, ибо ничто, которое ничтожит пострашнее любого народного восстания.

Многим ученым и умным обозревателям кажется, что России не хватает вдохновляющей национальной идеи, всемирного значения проекта, тщательно разработанной программы. Эх, святая простота, чего же то вы, господа, хотите от эксплуатируемой в хвост и в гриву страны, разоряемой и уничтожаемой, отброшенной в доисторическую нежить, чтоб она вдруг взяла да и гаркнула на весь мир что-то этакое, для всех-де важное и спасительное, — и все это после краха мирового соцпроекта, провала коммунистической утопии и поражения тотальной сталинско-спартанской государственности? У России одна идея — РОССИЯ! — и другой идеи у нее на сегодня нет и быть не может. Выжить, перестроиться, преобразоваться! А что еще может быть в апокалиптическую эпоху, когда к тому же с одной стороны, алчные США с технологиями, глобальным центром управления, а с другой — Китай со своей «Книгой перемен» и развитийной гонкой. А ведь Россия-то не там и не там, а «тама» — в яме, из которой ей еще выбраться надо — как раз через

развитие. Не пример всем показывать надо и не за примерами иноземными бегать, а лишь примерно для себя самоподняться. А для этого и только этого большая *воля* потребна, — не идея и не проект, а именно воля — ВОЛЯ, за которой и ИДЕЯ последует и ПРОЕКТ внезапно нарисуется.

Воля сейчас в стране одна — к эксплуатации, присвоению и неразвитию, а потому России нужна совсем другая воля, о которой и было заявлено безголосым электоратом на президентских выборах: мандат на волю к развитию народ власти дал, а вот приняла ли этот неблагодарный мандат от народа Российская власть, это вопрос?

Стране нужны большие перемены, причем не революционные и не эволюционные, а внезапно-настойчивые, те самые, что может проделать только власть: где призывом, где обоснованием, где контролем, где поркой — через закон, проект, побуждение, директиву, инициативу, наказание и вовсе не без участия денег, финансов, капитала. Не нравится петровско-сталинская диктатура, давайте тогда через рузвельтовскую, а ежели вообще никакая диктатура не нравится, то через деновское побуждение-понуждение… если, конечно, таковое получится. И без всяких диктатур совести, нравственности, закона, ибо тут вовсе не в них дело, а в самом этом деле, которое делом развития страны, хозяйства и общества называется.

Трудно? — да, трудно; страдательно? — да, страдательно; страшно? — да, страшно; невозможно? — да, невозможно! А делать-то все равно надо, уже хотя бы потому, что созданная с прозападным тщанием система эксплуатации, присвоения и неразвития уже работает против самой себя и своих же создателей. Некоторым улучшением быта российских масс и материальными подачками населению систему — эту по сути антисистему — надолго не удержать, как не удержать ее верной службой загранице и ее амбициозному глобализму. Не так, так этак, но система-антисистема неизбежно рухнет, утягивая в небытие и Россию, ибо нет у этой инфернальной конструкции ни жизнеспособного резерва, ни жизнетворческой потенции. Понять это пора, — и не только предусмотренным жертвам гнусного реформирования, но и его вычурным успешникам, не говоря о предположениях архитекторах. Так или иначе, но на повестке дня не просто развитие, а именно ВЫРЫВ к развитию, разумеется, постреформенного, антиреформенного, вопрекиреформенного образца. И не о возможности его тут надо более всего думать, а о его невозможности, которая идущим по пути развития непременно

преодолевается (подобная политика — искусство как раз невозможного!).

Как это все сделать! О-о, тут всякое возможно! Посмотрите даже не на Китай или тот же замысловатый Иран, а на США с Европой, и что увидите… ах, да… да не то что процветающий властный дирижизм, но и вполне властную диктатуру, — и это-то у либералов, демократов, гуманистов!.. неужели непонятно: всегда-то там «диктатура совести», а сегодня, в годину острого кризиса, самая что ни на есть настоящая, то бишь вполне бессовестная, прямо-таки с напряженным человеческим лицом и плохо скрываемым нечеловеческим оскалом. И ничего! Делают себе свое европейское дело, выламывая руки Греции, Испании, Португалии, готовя инквизиторскую экзекуцию для тех же Италии или Франции, может, и еще для кого-нибудь вроде Венгрии, Румынии, Болгарии и иже с ними, облагодетельствованными союзной Европой странами-перебежчиками. Как вершится там — на западе — и амсериканское большое имперское дело — прямо на весь мир и воистину по-мировому — совершенно по-глобалистски. И никого из человеколюбивых при этом не спрашивают: ни американцев, ни вропейцев, ни китайцев, ни, не дай Бог, россиян, не говоря уже о бывших соцреалистах.

А у нас, В России? Не хотят, не могут, не позволено! Ни тебе дирижизма в пользу развития, ни уж тем более в пользу развития диктатуры, хотя полно дирижизма в угоду разорению и неразвитию. Да, не позволено, не могут, не хотят! Это об истеблишменте, «элите», правящих кругах, олигархах, магнатах, банках, корпорациях, бизнесменах, в общем — о вершителях современной России. Есть и подмятая народная середина и даже вполне подневольный низ, которые хотят и готовы идти вперед, ибо для них в приоритете не материально-потребительское прозябание, а духовно-творческое возвышение. Почему они хотят и зачем готовы (это-то при интенсивном и последовательном разложении человека и человеческих масс, этому разложению вопреки!)? Ответа тут научно-исследовательского нет, ибо трансцендентно все это — хотят и готовы, и все тут! Ибо хотят *своей* страны и готовы действовать для своей же *России*.

Понимают, что без Развития не станет скоро России, а без России не станет и реальной альтернативы навалившемуся на мир античеловеческому мороку.

Развитие — это не одни только стройки, разработки, открытия, внедрения, производительность, даже не просто рост качества жизни,

не говоря об уровне потребления, это еще и нематериальное обогащение бытия — делами, смыслами, образцами, придание бытию обогащающей созидательной цели, а также удержание и совершенствование человеческого в человеке — в условиях уже созданного человеком неприродного искусственного мира.

Вопрос вырыва к развитию — не только не риторический вопрос, как и не какой-то там вопросительный вопрос, ждущий какого-то возможного ответа: это вполне императивный вопрос, требующий немедленного императивного же разрешения. Иного тут не дано! Пока у страны есть щит и меч, пока и великое дело делать надо — то самое, что обычно еще и чудом зовется!

«Философия хозяйства». 2012. №.5.

ПЕРЕМЕНЫ В МИРЕ И ПРОВИДЧЕСКИ-ДЕРЖАВНЫЙ КУРС РОССИИ

Мир Нового времени, или мир Модерна, — мир не просто перемен, а прямо-таки *переменный мир,* вовсю изменчивый. Ход исторических перемен импульсивен, по-своему и цикличен, он то ускоряется, то замедляется, то более остается на поверхности, то уходит в глубь бытия, и сегодня, уже в эпоху Постмодерна, мы наблюдаем явную интенсификацию перемен, причем касающихся не одного лишь устройства мира, не только образа человеческого бытия, но и самого человека — недаром же поставлен и вовсю ныне обсуждается вопрос о качественном скачке в эволюции человека, сравнимом с неолитической революцией (переходом от неандертальца к кроманьонцу), причем скачке, предполагающем превращение человека в какое-то уже иное, хоть еще и человекообразное, существо, именуемое пока постчеловеком (человеем, киборгом).

Преобразование человеческого бытия из натурального в искусственное, начатое активно Модерном и в целом уже достигнутое посредством строительства целостно искусственного мира, без всяких оговорок противостоящего натуральному, переходит в постмодерновое преобразование самого человека — как раз в том же направлении. Сдемиургировав новый мир по своему собственному разумению, человек (а это никто иной как европеоид, ставший европейцем, а к моменту своего активного демиургирования — этаким «христианизированным антихристом»), демиургирует ныне… человека — *нового человека,* уже и *постчеловека.* Постмодерновый мир — безусловно и исключительно переменный мир,

это полномасштабно, полноглубинно и полнострашно изменчивый мир, причем проективно и целостно изменяемый, но при этом и вполне объемно кризисный мир, мало того — мир апокалиптический. История человечества уперлась в конец истории, во всяком случае — истории человека, а вот быть или не быть постчеловеку с его постисторией — вопрос хоть пока и риторический, но все-таки уже… поставленный.

Недаром мудрецы всех физических и метафизических континентов упорно твердят ныне о последних временах, которые, быть может, вовсе и не последние, хотя бы в аспекте мироздания и земной истории, но явно уже последние в аспекте собственно человека и собственно человеческой истории. История, кажется, и впрямь завершается, на очереди — постистория, возможно, космическая, инопланетная, звездная, но вряд ли уже собственно земная. Последние земно-человеческие времена!

Новейший, он же передовой (прогрессный), он же западный, он же ныне более всего атлантический, мир (где ты, Атлантида?) рассматривает остальной мир, обнаруживая его остаточное присутствие и в пределах передового мира, как мир не просто прошлый, устаревший и вовсю отсталый, не имеющий уже собственного будущего, а как мир для передового мира лишь придаточный, резервный, ресурсный. вспомогательный, подлежащий со стороны передового мира только эксплуатации, пользованию, вычерпыванию, а в какой-то момент уже и исчерпанию, как затем и полному отвержению. Это, безусловно, оговоренный Западом и приговоренный им мир, а пока еще для того же Запада мир-резерв, мир-ресурс, мир-вспомоществователь, он же и мир-объект — как раз для управления им в целях его всесторонней и беспредельной энерго-сырьевой и трудолюдской эксплуатации.

И сегодня этот остальной, он же и отсталый, мир подлежит, включая и какую-то неперспективную долю передового мира, радикальной деконструкции и реконструкции — под демиургические задумки торжествующего на планете Запада. Отсюда как явная, так и скрытая борьба с реперными основаниями и узловыми элементами все еще бытующего мира: религиями, церквями, идеологиями, культурами, нациями, государствами, этносами, семьями, школами, университетами, в общем — со всеми несущими опорами и конструкционными узлами не просто «нововременского», а и вообще человеческого (все-еще-человеческого) мира.

Таким вот получается новый, уже, правда, евроамериканский, Ренессанс, точнее, Нессанс, ибо ничего тут не возрождается, а всего лишь

рождается — новое прозападное человечество!

Это, так оказать, глубинный, переменный (перестроечный) фон, на котором имеют место и более насущные и бросающиеся в глаза перемены, а именно перемены в устройстве планетарного мира день, который тоже весь в кризисе вкупе с кризисом главного на нынешний день в мире кризисного возбудителя — западо-атлантического глобализма.

Тут тебе и кризис глобальной финансовой системы с ее обезумевшим долларом и зарвавшимся банкирством, с уже неприемлемой для планеты общемировой финансовой кабалой; и кризис глобализма как империальной (доминантной, авторитарной, безоговорочной) политики, встречающей все большее сопротивление «подвластного» глобальному центру планетарного мира; и кризис глобалистической цивилизации с ее стремлением к цивилизационной унификации, стандартизации, соподчиненности, а главное — к господству панамериканизма. включая и «работу» глобального управляющего центра; и кризис американо-глобалического управления международным сообществом и мировыми процессами, оказавшегося империально-эгоистическим, эксплуататорским, господским и для мира в целом неэффективным, вредным и крайне опасным (конфликтогенным); и кризис научно-технического прогресса, повергающий мировое сообщество в состояние «недоуменной неопределенности», хотя пока еще и не полного помутнения; и кризис культуры, точнее бы сказать — навязанной миру «голливудской антикультуры» (Голливуд — уникальная мировая фабрика образцовой мировой антикультуры).

Проявлений общего кризиса современного глобализированного устройства мира множество, и задача наша не в их перечислении, а в самой фиксации данного кризиса, вызывающего в мире различного рода масштабно-глобальные перемены — как вроде бы антикризисные, так и явно и поразительно кризисогенные; как делаемые в угоду глобального центра и передового мира, так и происходящие в направлении интересов и остального мира; как деструктивные и демонтажные, так и охранительные и конструктивные. Общемировой идейно-политико-институциональный (цивилизационный) кризис спровоцировал большие как текущие, так и стратегические перемены, проходящие на фоне воистину гигантских общечеловеческих сдвигов, вызываемых и облегчаемых научно-техническим прогрессом (хай-тек, IT, сети) и охотно охотящихся уже за самим человеком.

Постчеловек — это не просто новое человекообразное существо

(новый человекообраз), это еще и разное по качеству постчеловеческое существо — наверху постчеловеческая, она же и сверхчеловеческая, элита, оснащенная крепким здоровьем, долгожитием, мощным (искусственным по преимуществу) интеллектом (отсюда и интеллект-революция), богатой и разнообразной информацией, высоким и по преимуществу закрытым научно-технико-технологическим комплексом и сверхэффективными средствами (психотехническими в основном) управления постчеловеческими массами (как раз уже из чиповеев), которые внизу, под тотальным контролем и управлением со стороны киборгиальной элиты, и в целом выходит уже не человечество, а *постчеловечество,* точнее — постчеловейник с составляющими его элитарным *сверхчеловейником* и массовидным *чиповейником.*

Ненаучная и даже лженаучная фантазия, — скажут нам всезнающие и ни во что давно уже не верящие, кроме науки и прогресса, постгуманисты, они же и псевдогуманисты, они же и антигуманисты, — обскурантная-де страшилка, не более того, — но… давайте просто повнимательнее оглядим свою округу, вовсе и не целый мир, а именно свою округу — домашнюю, учрежденческую, городскую, страновую, и что же, что увидим, уж не присутствие ли уже в этой округе кое-чего из постчеловеческого — тех же чиповейства с киборгианством? Наука и технический прогресс, делая свое замечательное историческое дело — науку и технический прогресс, делают при этом и многое другое, о чем уже пора всерьез задуматься все-еще-человеку, попавшему в поле перестроечного рвения науки с техническим прогрессом, и задуматься вовсе не в стиле фикшн, а в плане самой что ни на есть реальной реальности.

Человечиться далее человеку или нет, очеловечиваться по большому счету или же по малому счету расчеловечиваться — решать человеку и только человеку, разумеется, вовсю ныне объятому наукой и прогрессом, переживающему новую и явно небывалую интеллект-революцию, — а тут вдруг дилемма: оставаться человеку прошлым и отсталым, этаким «ньюнеандертальцем», но все-таки-человеком, или же идти прямиком вперед, превращаясь незаметно для себя в «неокроманьольского» постчеловека? Есть, надо полагать, что решать все-еще-человеку и его все-еще-истории!

Тут как раз совсем не помешала бы новая мировая, вполне и горячая, война — этакий всемирный жароносный Армагеддон, который бы, как бывало уже неоднократно прежде, расставил бы все точки над i, но… очень уж велика здесь угроза общего (всемирного) самоуничтожения,

а потому желанный Армагеддон все откладывается и откладывается, но зато вовсю ведется всемирная война — в целом вроде бы холодная (она никуда не делась с развалом СССР и крахом международного социалистического лагеря), а местами прямо-таки и вполне горячая в виде так называемых локальных конфликтов. Да, это безусловно, *мировая война,* а лучше бы сказать — *война миров,* имея в виду, с одной стороны, мир новейший, передовой, правящий, господствующий, высший, он же субъектный, инициационный, экспансивный и агрессивный, и, с другой стороны, остальной мир — устаревший, отставший, подчиненный, податный и податливый, низший, он же и объектный, инертный, покойный, оборонный.

Мир-управитель ведет войну с остальным — и им же вроде бы весьма управляемым — миром — как за возможность полного управления этим миром, так и за его под себя объемную переделку.

Отсюда и демонтаж в текущем мире всего того, что выражает собою, поддерживает, воспроизводит и спасает весь этот мир, что то же самое —демонтаж традиции. Идет наступление на традиционного человека (все-еще-человека), и что самое примечательное — идет не без успеха! Человек, его сознание, его метафизика и даже физика, его психика, не говоря об образе мышления, поведения и вообще жизни, стремительно меняются, и как раз в сторону… постчеловека. Не надо думать, что этот ньючеловекообраз где-то в будущем, еще и в очень проблематичном будущем, нет, он уже здесь, в настоящем, вокруг нас, да и прямо… в нас, — так что нынешняя война миров есть война не только за господство над миром и обладание его ресурсами, не только за новое — либо в угоду глобальному центру, либо на пользу всему человечеству — миропланетарное жизнеустройство, но и за самого по себе человека — этого загадочного в мироздании и для мироздания существа, способного не только к внешнему демиургированию (вокруг себя), но и само-на-себя-демиургированию (внутрь себя).

Передовой мир во главе со своим глобо-империальным центром, поддерживаемым и немало управляемым мировым финансовым капиталом и транснациональными монополиями, сосредоточенно переделывает под себя планетарный, ставший во многом уже и субглобальным, мир, навязывая субстранам свои субэлиты, субглобальное устройство с соответствующими политическими системами, субэкономику с теми же субфинансами, предначертанный образ жизни и поведения, субинституты,

колониальную, а субкультуру, всякую глобально-колониальную, а в особенности сегодня интеллект-технологическую, зависимость. Для достижения своих имперо-колониальных целей глобальный центр не стесняется инициировать по всему миру политические перевороты, цветные революции, «умные» социально-экономические реформы, меняя властителей и политические режимы, ослабляя национальные государства и подчиняя себе страновые хозяйства, ставя во главе субгосударств своих агентов и сторонников, создавая лояльные глобализму элиты, включая массы аборигенных трудящихся в орбиту глобальной эксплуатации.

Все это вызывает вполне естественное сопротивление со стороны глобализуемого глобализмом мира — пока еще в основном несиловое, увещевательное, неагрессивное, фрагментарное, но все более заявочное, требовательное и консолидированное. БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС и им подобные международные образования — характерные ответы на перестроечный и доминационный вызов всемирного глобализма. Даже саммиты G-20, будучи вроде бы прямым орудием глобализма, оказываются и непредусмотренным проводником… антиглобализма, во всяком случае, ареной, где встречаются пока еще в мирной дискуссии, так сказать, глобалисты и антиглобалисты, и, надо заметить, первые, хоть пока и берут в целом верх, но вынуждены уже кое в чем уступать вторым. Сирийская ситуация — яркий пример практически лобового столкновения интересов, замыслов и мер глобализма, возглавляемого США и Великобританией, поддерживаемых Европой, и антиглобализма, возглавляемого так или иначе Россией и Китаем, поддерживаемого БРИКСом и многими другими «развивающимися» странами.

Заметим, что глобализм объявился как полноценный геополитический феномен и орудие мирового господства с крушением СССР и международной социалистической системы, противостоявших западной империальной экспансии. Можно сказать, что и СССР с соцсистемой были вполне глобалистическими субъектами-явлениями — имперо-социалистическими, но они, проиграв схватку с западным империализмом, уступили место — а это ведь вся планета — Западу, который, почуяв поживу и впав в уже моноимпериальную прелесть, немедленно ускорил реализацию своего давнего глобального проекта, легализовав его и навязав всему миру в качестве непременного и бесспорного. Однако не прошло и четверти века, как миру стал ясен истинный смысл проекта, который состоит вовсе не в целостной и эффективной международной кооперации, а в господстве сверх- или надмирового малого верха над суб- или подмировым

большим низом на базе определяемой верхом не кооперации вовсе, а насильственной иерархической взаимозависимости.

А тут еще кризис — кризис как самого глобализма, вполне уже зарвавшегося от вдруг свалившихся на него несусветных возможностей господства, эгоизма и присвоения, энергично преследующего свой собственные интересы, но забывшего о коренных особенностях и стратегических интересах остального, ставшего ему весьма подотчетным, мира, так и кризис всей планеты, неэффективно управляемой из глобального центра, эксплуатируемой имперопередовым миром, активно переделываемой под интересы и по замыслам все более обезумлевающегося глобализма и пожелавшей перейти к какому-то иному — вонстину кооперационному, а главное, солидаристскому устройству всего планетарного общежития.

Нынешний планетарный мир — мир глобального кризиса и глобальной войны, при этом и мир глобальных перемен!

И что здесь важно: без глобальных перемен мир не выйдет из кризиса, а глобальные перемены вряд ли осуществятся без кризиса и войны, вот почему кризис и война сегодня — необходимость как для не желающего расставаться с имперо-господством глобального центра, поощряемого передовой финансово-технологической цивилизацией, так и для не желающего более служить имперо-глобализму традиционного и бурно развивающегося остального мира. Большая, напряженная и тягостная схватка тут неизбежна, но… нельзя допустить самоубийственного для всего человечества смертоносного Армагеддона, а потому схватка может идти только в «мирном» стиле: более конспиративная, чем явная: более холодная, чем горячая; более «игровая», чем собственно милитарная.

Остальной мир обязан выдвинуть свой *общемировой проект, к примеру — планетарной равноправной кооперации и планетарного солидаризма,* и заставить имперо-передовой мир его принять, для чего сам остальной мир должен имперски же сконсолидироваться. Каким образом? Через создание ряда больших имперских центров, способных, однако, к эффективному взаимодействию, а не зараженных бациллой взаимного соперничества. Здесь потребна мудрость МУДРОСТЬ! Но ведь и традиция для этого тут как тут ТРАДИЦИЯ! Передовой мир давно покончил с солидаристской традицией — как под сенью христианства, так и вопреки ему — и этому миру уже невозможно самому выдвинуть и реализовать новый мировой солидарный проект (кризис того же

ЕС говорит о многом!), да и кто Западу сегодня поверит, а вот у остального, вроде бы сейчас субглобального мира с этим все как раз иначе, ибо этот мир с метафизической традицией не расставался, следственно, и с вековой мудростью тоже, не замещал ее ни позитивной философией, ни наукой, ни прагматической идеологией. Так что суперстратегический созидательный шанс сегодня более у остального, чем передового-де мира.

Проект имперо-передового мира — проект *постчеловечества,* а вот проект остального мира может стать проектом *нового человечества,* солидарного как с новизной, так и с традицией.

Всего сложнее сегодня России, естественной, но при этом и формальной наследнице Российской империи и СССР, оставшейся империей по внутреннему устройству, но утратившей (или почти утратившей) внешнюю имперскую значимость, во всяком случае — функциональную, хотя и не расставшуюся насовсем с такой имперской атрибутикой, как военно-оборонный комплекс, включающий в себя атомные и космические силы. не говоря о средствах внезапного конспиративного поражения.

У России главная геополитическая задача — восстановление имперского величия и своей ведущей объединительной значимости на мировой арене. Это очень трудная задача, если учесть хотя бы следующие обстоятельства: а) резко сокращенную, ориентированную главным образом на экспорт сырья, энергоресурсов и полуфабрикатов, слабоконкурентную национальную экономику, зависимую от импорта продовольствия, товаров широкого потребления, новейших технологий, интеллект-продукции и капитала, как и вообще от состояния и тенденций мирового финансово-экономического контекста, немало зависимого от действий глобального центра; б) столь же зависимую от внешнего контекста и действий глобального центра (не так конституционно-институционально, как функционально) национальную, а лучше сказать, субнациональную, политическую систему, склонную к соглашательству, невыгодным для себя компромиссам, с низкой способностью к сопротивлению (Сербия, Ирак, Ливия — примеры «тух-лого» поведения, а вот Иран, Грузия, Сербия — некоторой внешнеполитической стойкости); в) слишком большую по доле, весьма распространенную и влиятельную, ненациональную по ориентации. положению, поведению и вообще по духу, лишь условно-страновую, а на самом-то деле более всего внестрановую, экономическую и в немалой степени политическую элиту, более подходящую

под определение антиэлиты, антисистемы, «малого народа», характерную обычно для зависимой колонии, а не для самостоятельной державы, способную подавить, разложить, поглотить остаточную национальную элиту, которая тоже есть, но не на первых ролях, находясь более всего в дефенсивно-резистенсной позиции, к тому же оставаясь не консолидированной в достаточной мере и морально не слишком полноценной; г) громадные внутренние кризисные проблемы: от тотальной социальной несправедливости и вполне целостной коррупции до устойчивого вымирания коренного населения и обстановки общего аморально-антикультурного разложения, что так или иначе стимулирует большую, пока еще более скрытую. чем явленную социально-политическую напряженность: нынешняя Россия — страна перманентного внутреннего кризиса, возникшего еще в СССР, но резко разогретого перестройкой и резко усиленного последующими вполне революционными реформами.

В настоящее время в России имеет место уже безусловный пореформенный кризис, из которого пока никакого заметного выхода не просматривается. Став «обуржуазненной» и «оглобаленной», страна не стала (или пока еще не стала) ни национально консолидированной, ни морально здоровой, ни эффективно упорядоченной, в общем — это более антистрана, чем страна, наполненная более антицивилизацией чем цивилизацией, испытывающая все муки аморально-антикультурного ада и вовсе не помышляющая, хотя и еще мечтающая, о какой-либо нормальной жизнеотправительной перспективе.

Нынешняя Россия — более по сути колониальная, чем суверенная страна, это, конечно, субстрана, хотя и не потерявшая шанса ни на собственное для себя возрождение, ни на обретение полной велико-державной самостоятельности. И несомненным парадоксом выглядит тот факт, что Россия по-прежнему выступает… страной-субьектом. великой исторической игры, к ее мнению в мире прислушиваются, с ее позицией считаются, на нее возлагают немалые, если не конечные надежды. Сакральное значение евразийской имперской страны во главе с Москвой, как ни странно, на первый взгляд, никуда не исчезло. История, уже, казалось бы, распростившаяся с Россией, — во всяком случае как с явным ведущим субъектом истории, одним из ее великих делателей, — вновь разворачивается… в пользу России, ибо без сильной и значимой России, выходит, никакой текущей и будущей истории нет, — и дело тут не в одних обширных российских территориях и огромных ресурсах, а в самой *метафизике России,* так или иначе утверждающей, что либо Россия — великая

империя-великий игрок, либо… *ничто*! И история выбирает самим ходом вещей историческую, а не внеисторическую Россию, вновь назначая ее ответственной за земной исторический процесс. Но вот почему же, за какую-такую метафизику?

Это не просто заметить и уж тем более понять, но это именно так: прямо без видимых, научно обоснованных, логичных и вполне аргументированных причин, ибо здесь больше скрытой трансцендентности, чем явной имманентности. Ученому миру восприятие подобного факта недоступно, ибо мир этот абсолютно уверен, что ничего трансцендентного в бытии нет, а есть лишь попросту еще неизведанное умом, не охваченное интеллектом и не подвергнутое тщательному исследованию, фактически не обоснованное, математически не смоделированное и расчетно не выверенное. Но, ох, как ошибается этот заблудший в разумных лабиринтах ученый мир, не могущий даже признать и достойно осмыслить факта своего собственного кризиса, наступившего как раз в момент наивысшего расцвета человеческой учености, прозевавшей трансцендентность не только своего собственного бытия, но и изначально кризисную трансцендентность передовой западной цивилизации, вскормившей эту самую ученость и поставившей ныне весь планетарный мир на грань исчезновения!

Постмодерновая экспансия передового Запада еще идет, но она уже встречает сопротивление Севера (Россия), Востока (Китай. Индия) и Юга (Латинская Америка, часть Африки. часть мусульманского мира), что означает, конечно, еще не конец западного нашествия на планету, но уже кое-какое предвестие этого конца. И Россия не может не быть, при всей кажущейся сейчас своей прозападности, страной в основе своей не просто незападной, но даже и антизападной. Корни дерева — не его ветви, они скрыты, глубинны, вполне и трансцендентны, и именно от корней зависит, какой быть и какой не быть той или иной стране, а уж России, как и Китаю с той же Индией, в особенности. Россия не может — при всем желании наклоненной к Западу части ее политических верхов и массы «наивных» интеллект-образованцев —перестать быть Россией, превратившись в чаямую всеми этими псевдороссиянами *анти*Россию. Да, субъектно-субъективная *анти*Россия нынче сильна в России, она совершила ельцинскую революцию и удерживает путинизм в своих липких роковых объятиях, но… есть и Его Величество Ход Истории, который, бывший еще вчера вроде бы в союзе с *анти*Россией против России, раз-

ворачивается ни с того ни с сего в сторону собственно России, отворачиваясь при этом от окончательно оглумляющейся антиРоссии. Ничего не поделаешь, здесь ведь не логика с расчетом, а трансценденция с ее металогией и суперрасчетом!

В исследовательские глаза внешнего наблюдателя бросается сегодня Россия-гнусь, Россия-дрянь, Россия-мерзость. И это так: мало чего хорошего можно сказать об аморально и некультурно мельтешащей туда-сюда стране. Попрание всего богочеловеческого, ненависть к ближнему, безумный страх да бесконечный сдавленный стон, ну еще разгул насилия, корысти и измены — вот, собственно, и вся кипучая российская современность. Но зато в проницательное сверхсознание более сердечного, чем умственного сопереживателя может войти и кое-что другое: массовое уже понимание всего воистину случившегося в стране и с нею намеренно содеянного, как и устойчивое желание со всей этой «гадостью» раз и навсегда покончить.

АнтиРоссия ныне, выйдя из недавнего антисоветского подполья, вольготно разместилась в Яви. в победной, вроде бы, для себя яви, но ей очень и очень почему-то не по себе, ее вовсю от чего-то «колбасит», она уже в явном внутреннем осатанении, ибо видит, что уже многое в России происходит как-то совсем не по ее плану — не по-антироссийски, все для нее неустойчиво и вся ее операция со страной чуть ли не напрасна, ибо Россия, как будто бы загнанная в Навь, совсем даже и не кончается, наоборот, держится, и, кажется, вновь собирается с силами, чуть ли уже не поднялась с колен и чуть ли не устремляется ввысь. Невдомек антиРоссии, а может, уже и вполне вдомек, что Россию невозможно сделать *не*Россией, а уж тем более — *анти*Россией, что это такая же утопия, как и та же недавняя попытка сделать из России надежный оплот мирового социализма — за счет, конечно же, самой России.

Россия в поиске самой себя — то ли чего-то когда-то ею утраченного, то ли еще вовсе и не бывшего. Скорее все-таки никогда еще не бывшего, хотя и без метафизической связи с когда-то, надо полагать, и бывшим. Легенда о граде Китеже — вовсе не развлекательно-отвлекательная сказка, как и не сказкой оказалась идея Святой Руси — Третьего Рима. Так что Россия, несмотря на возникновение, расцвет, кризис и крах великой Российской империи, еще не сказала своего для себя, а может, и для целого мира последнего слова, — и очень похоже, что она это СЛОВО в себе ныне вынашивает — вопреки воцарившемуся на территории России перестроечно-революционному, буржуазно-глобалического образца,

нестерпимому аду.

Вырыв России из текущего адского состояния кажется сегодня маловероятным, даже и вовсе невероятным, ибо ад здесь, он реален и победоносен, а где она — антиадовая Россия, и уж тем более — послеадовая? Да, России благодатной что-то не очень видно, и вырыв ее из ада более невероятен, чем вероятен, но… кажется… нынешний псевдороссийский режим кое-что уже понял, что отпущен ему теперь вовсе уж малый срок — как на свое безмятежное бытие, так и на исправление зловредной внутри страны ситуации, так и на то, что великий перестроечно-революционный обман уже раскрыт и время текущего и тягучего лживого пиара прошло, что страна и в самом деле жаждет больших позитивных перемен, отчего звонкое имя диктатора Сталина все предпочтительнее в массовом сознании глухого имени «демократа» Ельцина. В истории всякое возможно, как возможна революция, так возможна и антиреволюция, а то и того хуже — контрреволюция, причем все это в любое время и любым способом, так что вряд ли разумно сегодня понукать уже поднимающейся и озирающейся Россией, мечтать о ее лукавом истреблении или полном исчезновении. Опасно, ой, как опасно!

Россия — развороченная, ослабленная, вовсю кризисная, приговоренная к уничтожению через поощряемое извне самоистребление страна, но это тем не менее — все еще держава, причем держава великая, — и великая не потому вовсе, что большая и с великой бытовой амбицией, а потому что самой истории так надо — чтоб была великая российская (пусть в некотором роде и евразийская) держава, и никуда от этого трансцендентного предназначения-предопределения России не уйти, даже вроде бы с прозападной антиРоссией во главе.

Искренний и наивный Александр Блок, этот по сути последний великий поэт Империи, призывал слушать и слышать «музыку революции», той самой революции, от которой, когда она разыгралась во всю мощь, и получил «ужасного сполна». Мы же, не будучи ни завзятыми поэтами, ни бойкими революционерами, призываем слушать и слышать… *метафизику,* если хотите, даже музыку метафизики, ту самую метафизику, в которой есть все, а не одни лишь революционные мотивы: события и процессы; силы и слабость; геройство и трусость; верность и измены; разумность и безумие; размеренность и турбулентность, тишь и бури; войны и революции, в общем — все! Российская, как, собственно, и мировая, метафизическая симфония-какофония сложна, неопределенна, конспиративна, загадочна, что не значит, что не воспринимаема,

как и не значит, что слышимая в ней апокалиптика —это всего лишь разрушение и погибель, вовсе нет, это и сопротивление (Resistance), и восстановление (Restauration), и возрождение (Renaissance), а также и победа (Victoire), которая, вся обязанная апокалиптике, прямо за бедой и следует: по-беда, пост-беда, послебедствие!

«Философия хозяйства». 2012. № 5.

РУССКИЕ ИЗ ИСТОРИИ, В СОВРЕМЕННОСТИ И ДЛЯ БУДУЩЕГО

Россия — страна из череды исторических экспериментов, как явно сознательно устраивавшихся, так и вроде бы самих по себе происходивших. И человек этой страны, будь славянин, русич, угрофинн, татарин, был вынужден к этим следовавшим друг за другом экспериментам приспосабливаться, изменяться, по-разному себя проявлять, меняя свой текущий жизнеотправительный образ, словеса, тексты, стиль поведения, само сознание, но при этом сохраняя что-то и исконно свое, коренное, почвенное, подспудное, инстинктивное, даже и темное — как выживательное и спасительное, так и попросту отличительное — характе́рное и хара́ктерное — вовсе не во всем и положительное.

Россия — страна полиэтническая, разноплеменная, многонародная, но по населенческому преимуществу страна русских, с русским миром в своей сердцевине, хотя в полноте своей не только собственно русская.

Русский — это, надо полагать, бывший русич (он же русин, русь, росс), а русич — бывший, должно быть, славянин, выделившийся из славянского мира как именно русич, хотя не исключено, что проторусич и подревнее по своим истокам, чем обычный славянин. Но так или иначе возник на восточноевропейских (гиперборейских) просторах не ранее и не позднее I тысячелетия н. э. именно *русич* — атрибут по крайней мере Новгородской, затем Киевской (раннерюриковской), а потом и Московской (позднерюриковской) Руси.

В новое время «русича» сменил на историческом посту «русский», он же «великоросс» — это уже в эпоху Петровской империи, названной великим гонителем и преобразователем посконной-де Руси и заскорузлых-де русичей Российской империей, следственно, не русской, даже и не великоросской, что вовсе не значит, что поступил Петр I опрометчиво и абсурдно.

Сегодняшний русский — как раз бывший великоросс, а Россия — страна именно русских, а не великороссов и уж, тем более, не русичей.

Итак: когда-то был проторус, потом явился в среде славянской русич, затем и через великоросса на арену вышел русский. Прежде всего этнически русский, русский по крови, хотя и немало смешанной, русский по корню, по истокам, по древу, по генеалогии, по родному пространству, по родному языку, по принятой им родной культуре. От ведического (языческого) проторуса через христианизированного русича к внезапно и насильственно европеизированному русскому — еврорусскому, так сказать, — и этот-то «еврорусский» и есть на сегодняшний день собственно *русский*, тот самый русский, которому довелось стать и быть русским в Российской империи, остаться таковым в СССР и продолжать оставаться русским в нынешней Российской Федерации. Титульный, как модно теперь говорить, этнос, он же и суперэтнос, вбирающий в себя и тьмы изначально нерусских, но становящихся через какое-то время адаптированными (и кооптированными) русскими.

Между современным русским и тем же проторусом большая, конечно, разница, прежде всего по идейно-культурным характеристикам, хотя и по этническим тоже. Одно русо-русское начало в русском человеке сменялось другим русо-русским началом, а может, и не таким уж русо-русским, а и норманнским, половецким, византийским, христианским, ордынским, польско-литовским, немецким, интернационаловским, советским, евро-глобалическим, — и вышла весьма сложная этно-культурная «матрешка», содержащая не одно вовсе, а несколько образующих русский этнос начал, друг с другом органично и не очень спаянных.

В русском человеке наряду с собственно русо-русскостью всегда гнездилось и какое-нибудь исходно нерусское начало, влиявшее в той или иной степени на русо-русскость, но и само подвергавшееся непременному обрусеванию, что и имело результатом эту самую «матрешечную» конструкцию русскости, в которой русо-русскость всегда была, конечно, в сердцевине, а вокруг оседала разная обрусевавшая нерусскость.

Стабильное присутствие нерусскости в русском человеке дало повод к двум почти уже сакраментальным утверждениям: 1) что «русские» не этно-именной, вовсе и не точечный, термин, а социо-культуро-лингвособирательный; 2) что русо-русскость настолько недостаточно и неявно представлена в русском человеке, что о русском человеке как таковом и говорить-то не очень уж приходится, соответственно, и обо всем рус-

ском: языке, культуре, цивилизации, государстве, народе, наследии, истории.

Да, русский в широком смысле не только собственно этнически русский, но ведь без чисто этнического русского момента, а лучше бы сказать русской субстанции, ни о чем русском говорить вообще нет никакого смысла (тот же, к примеру, язык ведь не где-то в атмосфере сам по себе бытует, а в среде соответствующего языку этноса — первоэтноса, это всегда прямая принадлежность того или иного этноса, а этнос всегда — непосредственный производитель и носитель языка). Русским обычно называет себя всякий, кто усваивает русский язык и русскость во всей их полноте независимо от своего личного этничества и лингвистического происхождения. И хотя это именно так, это вовсе не свидетельствует об отсутствии в русском мире вполне наследственных этноспецифических русских.

Русского человека можно воспринимать как этнически не очень выраженного, а потому и как бы этнически не существующего, но это всего лишь внешнее, вполне и бестолковое, суждение, обязанное либо невольной «куриной слепоте», либо намеренной, вполне уже и не куриной, клевете. Есть они, эти непосредственно корневые русские, и вовсе не только по принадлежности к территории, языку или истории, а прямо по крови, по отцовству и материнству, по органичной связи поколений, по генетическому преемству, как и по сознанию, характеру и манере поведения, даже и по персонально-коллективному типажу, по физическому даже, не говоря о метафизическом, генотипу. Многое из идео-культурного в русском человеке может быть исходно и нерусским, что все равно не мешает русскому человеку оставаться русским, ибо сидит в нем неистребимый исходный фундамент, отличающий русского не только от любого африканца или китайца, но и от любого европейца тоже, включая, к примеру, окатоличенных поляков или оправославленных сербов, даже и от ближайших к русским вполне православных малороссов-украинцев. Тут уж ничего не поделать — «русский» это не так окаемно-поверхностно-собирательный термин, как ядрово-центрово-сердцевинный. Спросите любого аборигенного человека где-нибудь на Тамбовщине, Рязанщине или Псковщине, кто он… «по национальности», и получите от него сначала искреннее удивление по поводу столь неуместного и в общем-то глупого вопроса, а потом, хоть и вынужденный, но вполне осознанный и совсем уж не глупый ответ: «*Русский*!».

Обрусевание — это становление нерусского человека в русского,

что вовсе не противоречит коренной русскости, которая хороша как раз тем, что способна не отвергать нерусского, а принимать его в русский мир, что оборачивается и для русского человека обратной способностью легко входить в другие этно-культурные миры и к ним вполне добротно приспосабливаться. При сохранении достаточной доли своего изначалья русский человек нигде и никогда, приноравливаясь к чуждому поначалу контексту, не теряет своей фундаментальной идентичности, как и не мешает обрусевшему чужестранцу и иноплеменнику сберегать свою исходную этно-культурную особость.

Быть русским вовсе не значит быть хорошим, да еще и лучшим. Быть русским — быть прежде всего особенным, но ровно настолько, чтобы не впадать в исключительную высокомерность, не пытаться возвышаться над другими людьми и народами, но при этом не терять и того для себя важного, что обычно называется национальным (этно-народным) характером, что можно назвать жизнеотправленческой самобытностью, причем не терять в самых разных обстоятельствах и во вполне жестких контекстах.

Русскость — как имманентный людской характер и подходящий способ бытия, как самостоятельная экзистенциальная ценность (не обязательно хорошая, красивая, привлекательная, а попросту в русском человеке по экзистенциальной нужде сидящая) — зарождалась и складывалась 1) на открытом всем ветрам бескрайнем равнинном пространстве, в гуще лесов, с обильными реками, озерами и болотами, в самой что ни на есть насыщенной растительной и звериной жизнью, но при этом и «не обиженной» суровостью, хладностью и темностью природе, хотя и не без выходов русского человека в теплые южные степи, скудные северные земли, к волнительным морям и цветущим предгорьям; 2) в условиях по большей части колючего, переменчивого и контрастного климата с долгой зимой и кратким летом, неуверенной весной и нестойкой осенью; 3) при постоянной борьбе за существование как с беспредельным пространством и неустойчивой, хотя и вовсе не мертвой природой, так и с разного рода завоевателями, захватчиками, грабителями, колонизаторами; 4) под жестким прессом правящих элит, часто иноплеменных и в лучшем случае лишь обрусевавших, рассматривавших славяно-русо-русский мир более всего как объект эксплуатации и закабаления вместе с присущим ему аборигенным населением; 5) в практически непрерывном сопротивлении постоянно присутствовавшей в стране, временами ведшей себя весьма агрессивно, идейно-культурной нерусскости, либо

заимствовавшейся и привносившейся правящими кругами извне, из нерусских миров, непременно при этом навязывавшейся, часто насильственно, прямолинейно и безоговорочно, либо являвшейся вдруг изнутри, уже в качестве, так сказать, «родного» противовеса становившейся вдруг неприемлемой и «неродной» славяно-русо-русскости, а также в вынужденном приспособлении русскости к нерусскости — вплоть до восприятия последней в качестве органичного элемента первой, чуть ли иной раз даже не решающего; 6) в упорном переваривании всего нерусского до его более или менее потребительной приемлемости и «союзнического» удержания в корневой русскости; 7) с противоречивым формированием русскости от одного «модернизационного» эксперимента к другому, от одного странового кризиса к другому, от одного этнокризиса к другому, от одной социокатастрофы к другой — разрывно, импульсивно, неровно, с забросами и выбросами, разворотами и отступлениями, а в целом — волнительно-страдательно: через регулярное отрицание русскости и спасительное в ее пользу противополагание, обычно тягостно-сопротивленческое, в затяжной идейно-исторической борьбе русскости за свое выживание и сбережение, за настоящее и будущее.

В итоге возникла и бытует весьма оригинальная качественная специфика русскости как антропо-психо-культуро-исторического феномена, отличающегося, с одной стороны, какой-то бросающейся в глаза, но в то же время и их застилающей невыраженностью, неопределенностью, непроясненностью, смутностью, незаконченностью, неустойчивостью, колеблемостью, вибрационностью, переменчивостью, странностью, а с другой — крайней ценностно-поведенческой противоречивостью, соединением несоединимого, отсутствием или же неустойчивым присутствием золотой середины, без-*мер*-ностью, краелюбием, порывистостью, дисгармоничностью, а в целом — загадочностью, открытой закрытостью, как и закрытой открытостью, какой-то прямо-таки органичной неустроенностью, безразличием к общепринятым в человечестве ценностям, фатализмом, презрением к смерти, если не смертолюбием, как и поразительной стойкостью, аскетичностью, неприхотливостью, жертвенностью, но при этом и ироничностью, насмешливостью, дурашливостью, опять же покорной непокорностью и непокорной покорностью, анархичностью, безоглядностью, непоследовательностью, непрограммируемостью, спонтанностью, буйностью, но при этом и гибкостью, приспосабливаемостью, находчивостью, сметливостью, импровизационностью, а в остатке — не просто явной *инаковостью*, а самой что ни на есть…

неотмирностью, какой-то изначальной, исходной, древлеобусловленой чуждостью этому миру, даже и собственно вроде бы русскому, явной бытийственной временностью, подорожностью, непрекращающимся чаянием какого-то иного мира.

Не надо в русскости искать большой любви к порядку, деловой обязательности, рассудочной праведности, как и большого уважения к закону, взаимовыгодности, личной и всеобщей полезности. Нет, нет и нет! Все, что угодно, но только не добровольная, устойчивая и удовлетворительная принадлежность к институциональной, умственной, поведенческой и любой другой *сети*. Идеал русскости — углубленный в себя сиделец, внезапный и как бы растворяющийся в пространстве беглец (булгак), неожиданный, недолговечный и ненадежный удачник, вольный казак, безрассудный разбойник, смиренный бродяга, но никак не упорный трудолюбец, неустанный стяжатель богатства, довольный собой ловкий торговец, бесконечно деловитый предприниматель, неудержимо хитроумный финансист. Разумеется, среди русского люда есть и кое-какие «рацио», и сторонники «делов», как и справные «хозяйства», и даже улыбчивые гедонисты есть, и жаднющие крохоборы, и наглые «прихватизаторы», но… это все как бы вопреки русскости, ей в противоположение и в противовес, в укор, порицание и отрицание, где-то на ее парарусской периферии.

В ядре русскости все-таки более всего… э-э… *ничто*, да, да, именно так — НИЧТО, никак разумно не схватываемое, сходу не улавливаемое и легко не прочитываемое. Живет русский человек какой-то, знаете ли… *нежизнью*, сам себе мешая и более всего от себя же страдая и от себя же бежа. Неуютно русскому человеку в этом мире, даже и в собственно русском, и не ценит он мира *этого*, как и не ценит ни быстротекущего вокруг времени, ни житейского дара господнего, ни другого подле себя человека, ни самого себя; он ничему не учит никого из сидельцев земных, не наставляет высокопарно, никуда не ведет. Это его — русского-де неудачника — все учат, наставляют, ведут, а он… он бежит от всего на него отовсюду ниспадающего, замыкается в себе, отводит в сторону все понимающие глаза и прячет в ухмылке свою неподвижно-подвижную физиономию, отстраняется, увертывается, отлынивает. А любителей попользоваться «русским фактором», поучить «недолеланных» русо-русских, да поэксплуатировать их — пруд пруди, и кое-кому это неплохо удавалось и удается: хазарам, варягам, византийцам, ордын-

цам, полякам и литовцам, крымчанам, туркам, немцам, сбродному и бродячему интернационалу, а теперь вот и глобальным «гражданам мира» из еще многонациональной Европы и навсегда уже квазинациональной Америки.

***

В чем же тут дело? Почему естественно возникающий и упорно удерживаемый русо-русским людом *русский лад* (то бишь русский образ сбалансированного жития-бытия — а таковой ведь тоже непременная принадлежность русского мира, без которого никакого русского мира вообще быть не может) не доходит до *лада всего русского мира — русского мира-лада*, или *русского лада-мира*, а остается, несмотря на бескрайнее распространение по огромному евразийскому пространству вполне русского повседневного жития-бытия, в пределах более всего низового социального уровня, в некоторой степени среднего и лишь частично, если не вообще в крапинку, высшего? Почему русский мир никак не овладеет всем социумом и не вменит ему именно русский лад?

Вопросы! Ох, какие нелегкие и вовсю коварные вопросы!

История Руси-России, включая, видно, и Славянию, а до нее и протоРуссию со Скифией и Гипербореей, — история нескончаемого *становления-потока*: становления как этногенеза, этатогенеза, империагенеза, происходившего в каком-то дискретном, прерывном, импульсивном, но при этом непрекращающемся, неукротимом и неумолимом историческом (по-своему и внеисторическом) качественном потоке, в котором местный (почвенный) генез намертво и стратегически — вплоть до нынешнего времени — безнадежно переплелся с внешним генезиальным воздействием-участием, что предопределило на почти что вечные (многовековые) времена не то затяжку становления чего-то навеки определенного (какого-нибудь хорошо сбалансированного «тысячелетнего царства»), не то бесконечный отбор (исторический кастинг) всего лишь возможных определенностей, регулярно-пререгулярно оказывавшихся почему-то по ходу исторической реальности в разряде неприемлемых.

В то время как Западная Европа, эта прямая по местоположению, идее и алчности наследница Римской империи, была разделена на ряд ожесточенно соревновавшихся друг с другом государств, каждое из которых стремилось к имперскому господству над Европой, но не могло этого никак достичь вследствие сопротивления своих соседей-соперни-

ков, Восточная Европа оказалась со всем своим коренным населением заложницей иного этатогенезисного процесса, когда все восточноевропейское пространство стало зоной становления единого большого — имперского типа — государства, но при этом вне прямого наследования какой-либо древней столь же имперского типа государственности, а потому под мощным воздействием внешних прогосударственнических и антигосударственнических сил. В Западной Европе возымела место ясно обозначенная геополитическая полисубъектность, нашедшая воплощение в наборе самостоятельных и противодействовавших друг другу субъектов-государств (потом и наций), а в Восточной Европе, наоборот, шел поиск моносубъектности, причем поиск этот шел не просто под влиянием и по инициативе внешних сил, а и с непременным колониальным душком. Западная Европа — ареал становления послеримской «волчьей стаи», каждый крупный и сильный член которой жаждал имперской власти над Европой и Ближней Азией (крестовые походы), но, не добившись оной, установил затем метропольную власть над дальними заморскики территориями, реализовав свои изначальные имперские амбиции уже в ходе так называемых Великих географических открытий. Западная Европа породила огромные колониальные, вполне и мировые, империи. Одной из колониальных целей Западной Европы была и Восточная Европа с Сибирью (Тартария), но тут Европе мешали славяне, хазары, русичи, византийцы, варяги, татаро-монголы, даже и поляки с литовцами, как и сама складывавшаяся в мучениях большая восточноевропейская государственность. И ежели в Западной Европе возникли имперские центры-метрополии, хозяйничавшие в подчиненных им колониях, то в Восточной Европе сам аборигенный центр оказывался в колониального типа зависимости (рабстве) от водружавшегося над ним большого государственного монстра. Отсюда как раз и особенное положение и весь необычный характер складывавшейся в таком вот колониально-государственническом котле аборигенной русскости.

История русов-россов-русичей-русских уходит корнями в давние времена и в древние пласты человеческого бытия. Были когда-то протоpусы или не были, сказать сегодня трудно, хотя язык-то, называемый ныне русским, о-о-очень древнего происхождения. Но так или иначе в среде расселившегося почти по всей (!) Европе разноплеменного славянства образовалось более или менее единообразное население, которое в какой-то исторический момент стало именовать себя (или кем-то име-

новаться) русами, россами, русичами, русскими. Наверное, это стало возможным (и необходимым) со складыванием в Восточной Европе единой централизованной государственности.

А до этого на восточно-европейской территории бытовали наряду или рядом с угро-финнами и тюрками разные славяне, часть из которых вполне можно отнести сегодня если не к проторусам, то хотя бы к предрусам, ибо именно из них, пусть и со смешением с угро-финнами и частично с тюрками, образовалось в дальнейшем собственно русское племя. И были эти предрусы натуральными ведо-общинниками со своим духовным, идейным, социальным, физиологическим и материальным укладом (укладами) жизни. Потом их стали называть, противопоставляя христианам, язычниками, хотя никакими язычниками они не были, а были ведистами со своими вождями и волхвами-мудрецами, как и были они в основном селянами, аграриями, лесовиками, охотниками, рыболовами. Приходилось им быть и воинами, и, надо полагать, «разбойничками» (предказаками), что заставляло и позволяло им иметь крепостцы с крепостями да городки с городами, и князей с дружинами, и главарей-атаманов с братвой, даже кое-какую государственность. Не обходились они без ремесла и торговли, как и без систематической обороны своих земель и без грабительских и отомщенчкских походов в иные земли.

И что очень важно: именно тогда в седой древности, в незапамятные времена, в дорусском этнонаселенческом раздолье и была заложена… *русскость* (когда-то предрусскость), которой и довелось затем идти по восточноевропейской истории, изменяясь и сохраняясь, становясь вроде бы другой, но оставаясь… все той же: древней, исходной, первоосновной, субстанциальной, корневой, натуральной, ведической, языческой, инаковой, инородной, иномирной, в общем — не *этой и не той*: ни вполне рюриковской, ни вполне византийской, ни даже вполне христианской, ни тем более ордынской, европетровской, немецкой или латинской, ни, тем более, интернационаловой, ни даже советской, ни, само собой, либерал-глобалической.

И ежели так, а очень похоже, что именно так, то, превращая славян-предрусов, включая и угро-финнов с тюрками в русов, россов, русичей, русских, а теперь вот и россиян, причем не просто превращая, а и усиленно при этом гнобя, порабощая и эксплуатируя, так называемая российская, а на поверку не такая уж и российская (руская, росская, русическая, русская) государственность (какая угодно: хазарская, норманн-

ская, византийская, христианская, ордынская, святорусская, европетровская, немецкая, цезареросийская, «советско-социалистическая», либерально-глобалическая, она же и криминально-компрадоро-буржуазная, но только не собственно русо-русско-российская), эта-то *над-парапсевдо*-русско-российская государственность, сама бесконечно меняясь и экспериментируя, выделала из коренного населения именно то, чем это коренное население нынче и является — «матрешку», в глубинной сердцевине которой как сидел, так и сидит, поеживаясь, отмахиваясь и отбиваясь, но и вынужденно при этом приспосабливаясь к внешнему на себя давлению, этот самый *проторус*, да-да, именно так — проторус, он же когда-то и предрус, но настолько и вовсю битый историей, отчего и предстает сегодня уже не предрусом, а именно *проторусом* — метафизическим прообразом-предком нынешних русских, ищущих и ненаходящих себе места в искореженной совсем уж нерусскими реформами современной России.

Очень любопытная получается картина: русский человек, будучи в своей вроде бы стране, а на самом-то деле не очень-то и в своей, не находит для себя полноценной во все стороны реализации, — и не столько по причине оттеснения в некую незримую этнорезервацию, сколько в силу своей собственной неадекватности бытующему вокруг него цивилизационному контексту. В своей вроде бы стране, да вот явно не в своей тарелке! Достаточно уникальная ситуация: русский мир, который для русского человека вовсе не такой уж и русский, скорее даже — нерусский, — и никто давно уже и не знает, каким же должен быть этот русский мир в своей достаточно полной адекватности русскому человеку, который ухитряется быть и оставаться не слишком-то адекватным… даже… самому себе?

Бытует, не бытуя; хозяйствует, не хозяйствуя; живет, не живя!

Жизнь как беспробудное тягло; хозяйство как непрерывный и злостный принуд; бытие как бесперебойное небытие.

Не́жить, не́строй, не́быть!

Нет, конечно, и жизнь была и остается, и кое-какое устроение имется, и даже сносное бытие как-то выстраивается, но… все это очень и очень *вопреки* — вопреки всему: сменявшим друг друга цивилизациям и государствам, откуда-то бравшимся законам и конституциям, всяким там князьям, царям, императорам, вождям, боярам, аристократам, дворянам, купцам, предпринимателям, кулакам, преображенцам, жандармам, партийцам, энкавэдэшникам, чиновникам, менеджерам, администраторам,

как и идеологиям, политикам, экономикам, хозяйствам, культурам и антикультурам, литературам, театрам, кинематографам, газетам и журналам, телевидениям, а также безмерным эксплуатациям, рабствам, унижениям, претеснениям, преследованиям, издевательствам, неправедностям, пыткам, арестам, отсидкам, уморениям, казням, не говоря уже о нашествиях, войнах, грабежах, разорениях, пожарах, уничтожениях, экспроприациях, чистках, угонах в полон, бегствах, эмиграциях, высылках… о-о!.. всему-всему, включая и таких искателей чужеземной выгоды, как степняки, хазары, варяги, рюриковичи, византийцы, греки, ордынцы, немцы, свеи (шведы), ливонцы, поляки, литовцы, турки, запорожцы, крымчане, кавказцы, европейцы, латинцы, глобалисты… в общем — мало ли кого из тех, кто всегда зарился и до сих пор зарится на русские земли, русский люд, русские подземные кладовые, не обильную растительность и живность, на свежую русскую природу, на безграничное российское пространство.

И вот все вопросы тут… к *государственности*, да-да, именно так — к государственности, а не к чему-то или кому-то еще, ибо тысячелетняя вроде бы восточноевропейская государственность произвела на свет много чего, кроме, однако, одного — *свободы*, разумеется, цивилизованной свободы, ограниченной, регулируемой, умеренной, но… СВОБОДЫ все-таки, а не тысячелетнего даннического и любого иного, вплоть до морального, РАБСТВА.

Гнет, насилие, деспотизм, произвол, армейщина, тотальная крепость!

И ежели свобода, то уж как воля вольная — бегство, анархия, разбой, восстание, либо как вынужденность — вопреки, как чудесное сказочное мгновение, как блеснувшая во мраке молния.

А ведь были в истории проторусов, может, и не самые счастливые, но зато вполне недеспотические времена, как раз те самые — общинно-племенные, догосударственные, дофеодальные, дорюриковские, довизантийские, а также, увы, дохристианские, то бишь *ведические*. И поскольку *вопреки*, то вопреки как раз всему этому *тысячелетнему*, как и благодаря всему тому, что сохранялось в людях из *до-тысячелетнего*. Ах, этот архетип — молотый, перемолотый, но… сохранившийся и все время воспроизводящийся, ибо он от начала, от основы, от корня, от вечности, от Бога, а все остальное — от времени, от ситуаций, от цивилизационных проектов, от человека-творца, от сменявших друг друга экспериментов, ну и от тысячелетия, не выработавшего ни необходимости,

ни возможности сколько-нибудь свободного и правильного относительно потребной несвободы бытия.

Отсюда и особый, совершено и непонятный, тип человека — русского человека, со всей его инстинктивной любовью к природе и вполне разумной нелюбовью ко всему человеческому, с обязательным признанием «своих» и непризнанием себя самого, с настороженной приязнью к близким и оправданным неприятием чужаков. Не жизнь — а выживание; не хозяйство — а вынужденность; не смерть — а погибель; не мир — а антимир; не бытие — а ад! Тысячелетняя борьба за существование, но не только с природой и внешними врагами, что понятно, а и с имманентной — своей и в то же время *несвоей*! — государственностью, мало того и с самим собою тоже, ибо отрицавшийся тысячелетней государственностью архетип был вынужден непрерывно, пусть по преимуществу и потаенно, сражаться со сменяющими друг друга временно торжествовавшими типами, этому архетипу вполне ликвидационно противостоявшими. В итоге архетип выжил, но… обезображенный, исковерканный, изувеченный. И что примечательно: сдаваться он никогда не собирался и ныне тоже не собирается!

Только с уходом из этого мира последнего русского человека может исчезнуть и сама русскость — этот таинственный, ужасный и непереносимый этно-культурный архетип, восходящий к седой древности и все еще ждущий адекватного себе мироизъявления.

Не получилось у Рюриковичей, включая христианизированных владимировичей, хотя и шансы вроде бы были (Ярослав Мудрый со своей «Русской Правдой» и Иван III со Святой Русью — Третьим Римом); не получилось и у Романовых, хотя шансы и у них кое-какие были в на протяжении всего XIX в.; не получилось и у Ленина со Сталиным, ибо никаких шансов на свободное русское мироизъявление тогда вообще не было (даже не предполагалось); ничего жизнеспособного не получается и у нынешнего федерального режима, вполне и деспотического, и произволового, и эксплуататорского, даже и хищнического, хотя вроде бы и либерального (если и такового, то явно либерал-криминального). Сегодня в российской государственности вообще нет ничего русского, даже и российского почти нет, очень мало и попросту национального, зато хватает гнусной антинациональной традиционности — умело воспроизведенных деспотизма и волюнтаризма, служащих главным образом местным компрадорам, присвоенцам да мировому глобалическому закулисью.

Вот и выходит, что русскость отдельно, а государственность — отдельно, и ежели какое-то между ними текущее единение, то не более, чем симбиозное, еще и при том, что государственность бесцеремонно владеет русскостью, а не русскость непринужденно пользуется государственностью, причем государственность, будучи сама не свободной, не дает и русскости стать в своем бытии и развитии свободной. И не русскость вовсе по природе своей раба; это государственность российская никак не может выйти за пределы направленного на нее же саму *про*-рабского полагания; она и русскость держит в *про*-рабском состоянии.

Могла ли ранее и может ли сейчас русо-российская государственность стать иной — непрорабской, недеспотической, непроизвольной, небезумной, и ежели не совсем уж народовластной, то хотя бы… *про-народной*, служащей не властной элите, почти сплошь для страны неудобоваримой по причинам ее хронической инородности, иносмысловости и неизбежной неорганичности, а собственно *народу*, который не тупое население вовсе, а животрепещущая воспроизводственная целостность? То у нас элита норманнская, то провизантийская, то христианская, то проордынская, то пролатинская, то проевропейская, то пронемецкая, то, не успев как следует обрусеть, либерал-промасонская, а потом и прокоминтерновская, а затем какая-то «советско-социалистическая», промарксистская, сталинская, а теперь вот либерал-глобалическая, вполне уже компрадорская, совсем уж чужебесная.

Чего не было и до сих пор нет в стране — пророссийской, не говоря уже о прорусской, элиты, — и бытует себе страна без органичной себе элиты — без своей элиты, а та, что имеет место — не только не своя (несвоя!), не только чужая, а еще и… враждебная!

Так что ежели и симбиоз государственности и русскости, пусть и не органика, то и он, знаете ли, очень уж принудительный свыше и очень уж вынужденный снизу.

Тут большая, тупая и нескончаемая русо-русская беда: разрыв между государственностью и русскостью, между народонаселением и элитой, между властью и гражданством, тот самый критически перманентный разрыв, который не просто мешает животворному обнациональному единению, но, неизбежно поощряя внутринациональный разлад, приводит к социо-политическим противостояниям, расколам, смутам, бунтам, войнам, ничем не оправданным массовым жертвам.

Хочется это кому-то слышать или нет, но вся русо-российская цивилизация со времен по крайней мере перворюриковичей держится не так

на соголосии и согласии верхов и низов, своих и пришлых, «правых» и «левых», «почвы» и «плодов», самобытной русскости и заимствованной нерусскости, как на всего этого разноголосии и разногласии, а потому и не на доброй воле противоречащих сторон, а на насилии одной противоборствующей стороны над другой, в лучшем случае — на вынужденном и всегда временном между скрытно враждующими сторонами полукомпромиссе.

Вот и стала бытующая в цивилизации русскость настолько противоречивой и внутренне рассогласованной, что, несмотря на достигаемый местами и временами бытовой лад (те же дворянские, крестьянские, купеческие, пролетарские, интеллигентские, даже и «советские» родовые и семейные гнезда), русскость как большая государственная социальность так до сих пор имманентно не сладилась, хотя и обогатилась, тоже, правда, очень противоречивой и внутренне весьма рассогласованной, русскоязычной и русскодуховной культурой, существующей, впрочем, как бы в параллель собственно русскости, реализующей себя более втемную, чем, так сказать, всветлую.

За свою многовековую историю русскость (проторусо-славяно-русо-россо-русскость) пережила все что угодно, кроме… победы… над собой, причем как по линии внутреннего творческого единения, так и в аспекте личного высвобождения. Впечатление, что русскость, все время вроде бы рождаясь, никак все-таки не родится: и никакая внешняя или заимствованная извне конструкторская сила, она же и сила повивальная, задачи такого рождения решить не может. Казалось бы, русскость зародилась и чуть ли не встала на ноги на той же Новгородчине, ан-нет, потребовались еще варяги-повивалы, быстренько превратившие Русь-русскость во что-то варяжско-византийское, намереваясь еще и использовать Русь-русскость для покорения даже самой Византии (Олег, Святослав, Владимир); не удалась будто бы ведо-языческая Русь (хотя почему это она вдруг не удалась?), так греко-византийское христианство пришло в страну по согласию с ее правителями (вместо захвата Византии Русью произошло идейно-духовное покорение Руси Византией); христианство, обратившись в русское православие, весьма сродненное с проторусским ведо-язычеством, обогатило во многом русскость, но собою русскость не заменило, хотя и сделало из русскости новую русскость — православную, одержавшую в конце концов верх над Ордой, что не помешало победившей русскости — уже даже святой русскости — впасть в дикий кризис, отметившийся Великой Смутой, в итоге которой пала рюриковская

Русь (тогда Московская) и явилась Русь романовская — прозападная, пролатинская, что и было подтверждено неистовым Петром I, уничтожившим остатки Святой Руси вместе с ее православной русскостью, чем вынудило русскость потесниться и уступить место как откровенной нерусскости — западнизму, так и вновь обновленной русскости — еврорусскости; романовская Россия — страна перманентного противоборства традиционной (христо-ведо-языческо-христианской, или православной) русскости с западной нерусскостью и прозападной еврорусскостью, вольно и невольно сгенерировавшей Революцию — как перманентного стремления-движения, и приведшей-таки к революции-событию, в результате чего проиграло все российское, а выиграло все евроинтернациональное, для которого любое российское, не говоря о русскости, уже не имело шанса на историческое бытие; вместе с Интернационалом на денационализированную Россию свалился советизм-социализм, пытавшийся, как и Интернационал, навсегда покончить с русскостью (получившей статус уже внеисторического-де пережитка), причем не только в идейно-духовном (архетипическом) плане, но и в плане людском, что предполагало жесткие гонения на самих носителей русскости (во всех ее проявлениях) вплоть до физического уничтожения; русскости помог выжить тогда государственный национализм, одолевший внутри страны пришлый Интернационал, вынужденно опершись на все-таки бытовавшую в стране русскость, хотя, конечно же, вовсе не ради этой последней: советизм-социализм продолжал господствовать, не давая русскости сколько-нибудь свободно задышать и целостно развернуться, чему даже не поспособствовала Великая Отечественная война с ее Победой, а ведь русский фактор сыграл в войне и победе явно решающую роль; неудобоваримый компромисс между советизмом-социализмом, владевшим государственностью, и русскостью, удерживавшей язык и часть культуры, закончился крахом советизма-социализма (коммунизма) и новым приходом в страну нового Интернационала, но уже не лево-марксистского, а право-империалистического, что поставило русскость, с одной стороны, перед новым ее отрицанием, а с другой — новой возможностью вынужденно и как бы назло самопроявиться. Вот и выходит, что русскость, никогда в известное историческое время в своей стране не господствовавшая, периодически тем не менее усиливалась и, казалось, иной раз одерживала верх, но в силу как своей внутренней противоречивости (рассогласованности), так и противодействия ей разного рода экзо- и эндогенной нерусскости (антирусскости), устойчиво и навсегда наверх

так и не забиралась, ввергаясь в очередную смуту и попадая в очередной нерусский капкан, а вместе с этим и в гонимое, подчиненное, выживательное положение.

Русскость есть, она имеет историю, пройдя через огонь, гонения, страх, отчаяние, притеснения, произвол, насилие, падения, погибель, но при этом и через стояние, сопротивление, обогащение, возрождение, подъемы, даже и взлеты, но… так и не выйдя на какой-то собственный путь, возможно, ей заведомо и не предназначенный, а ежели несмотря ни на что и вдруг предназначенный, то какой же путь, и когда может случиться его обретение?

Опять несуразные вопросы, ждущие почему-то вполне суразного ответа!

***

Весьма примечательно в связи с этим нынешние положение и состояние русскости, наступившие, заметим особо, после ряда исторических поражений русскости (прозападная Смута; проевропейское «петровское преображение»; революционный 1917 г.; предательский 1991 г.), объяснимых только в терминах *русского апокалипсиса* — то вялотекущего, то разгорающегося, то затихающего. Когда и с чего этот зловредный апокалипсис начался? О-о, тут можно предположить любую дату и назвать любые события, начиная с «призвания» варягов (та ведь еще была сделочка!). Но достаточно и беглого обозрения хотя бы новой истории России, не говоря о новейшей, чтобы убедиться в наличии никуда не исчезающей апокалиптической составляющей российского бытия. Апокалипсис для России! Это не конец вовсе, а всего лишь способ бытия, когда тенденция к жизни то и дело перекрывается тенденцией к… нежизни, — и та же русскость не живет в России в полную силу, а лишь существует как-то, чему-то, конечно, служа, но не служа напрямую ни самой себе, ни своему субъекту-носителю, ни собственно России. Может, это и хорошо, так, видно, и надо, как раз в этом и состоит космическая суперзадача русскости. Именно поэтому-то русскость-то и столь загадочна, неясна, невыраженна. Но при этом и столь… *будущна*!

Да, да, именно так — *будущна*!

Это-то всего труднее сегодня понять, когда русскость при всей кажущейся либерал-ельцинской свободе, вовсе не на плаву, а по-прежнему все там же, где-то внизу, если и не в катакомбах, то уж точно на заднем дворе, никак не в общем доме, не говоря уже о каком-либо внутристра-

новом приоритете или почете; она придавлена, активно и всячески атакуема — как нечто несуразное, вредное и ненужное; русскость заслуживает ныне только порицания, хулы и отвержения, причем по всем критическим азимутам; ничто из русского не годится для новой — евроглобалической — жизни, этой последней лишь мешая и не позволяя плодотворно развернуться.

Опять конфликт: почвенной русскости и оторванной от почвы или же пришлой нерусскости, да такой по размаху конфликт, что впору говорить о большой этногенезисной Смуте, вновь посетившей российские края, — пусть во многом и фарсовой, ибо вокруг позорно-паразитический Постмодерн, но в то же время и вполне злодейской — что со стороны нерусскости, что со стороны самой русскости.

Позиция «родной» нерусскости понятна: чем меньше имманентной русскости, тем вроде бы лучше для взбодрившейся ныне имманентной нерусскости, представленной на острие главным образом евроглобализмом, хотя не все тут так просто, ибо очень уж для опрометчивой «родной» нерусскости опасно, остающейся один на один с еще более сильной внешней нерусскостью, способной попросту поглотить насовсем вообразившую себя историческим субъектом доморощенную нерусскость (в российском пространстве, явно особенном по духу, смыслам и разрешениям, выживает и что-то этакое может творить только… русскость, как и приспосабливающаяся к русскости, т. е. обрусевающая, нерусскость). Крайняя внутренняя нерусскость давно уже готова к полной сдаче на милость более сильной внешней нерусскости, имея даже союзников («союзничков») в собственно русской среде, хотя и сталкиваясь со вполне понятным сопротивлением в среде нерусской, вовсе не объятой на 100% ненавистью к коренной и производной русскости.

Так что хотим мы этого или не хотим, но в сегодняшней России имеет место затяжная разноплановая и многоуровневая борьба между почувствовавшей вдруг возможность окончательной победы над русскостью и от того оголтелой нерусскостью (внутренней и внешней) и вынужденной стихийно и вовсе не самозабвенно держаться русскостью. Инициатива и пыл в этой борьбе за нерусскостью, в особенности, своей, вполне доморощенной, а за русскостью в целом неосознанная, разрозненная и весьма пока вялая оборона, ибо нападение оголтелой нерусскости оказалось по силе, ловкости и упорству все-таки внезапным, ну и лучше организованным, а русскость не только была застигнута врасплох, но и, вжатая, зачищенная и ослабленная в «советско-социалистические»,

они же «интернациональные», времена, впала в собственный внутренний кризис — как в плане своей болезненной самоидентификации с нарушенным правом на самобытие, так и в аспекте обычного для апокалиптических времен нравственно-психологического расстройства. Русскость не только не была тогда на подъеме, но даже и на спаде — как некая все еще жизнеспособная и достаточно энергийная целостность, она, скорее, валилась в кому, причем, если и подвергалась ни с того, ни с сего окроплению святой водой, то разве лишь еще мертвой.

Реакция русского люда на обрушившуюся на него свободу, сочетавшуюся с небывало ярым по откровенности и ненависти ниспровержением присущей ему, но предусмотрительно осовковленной русскости, оказалась для этого люда одновременно как неожиданной, если смотреть на это глазами очевидца, так и вполне ожиданной, если подойти к этому экспертно-аналитически. И хотя русскость как концептуальность осталась по преимуществу в Нави, русские люди, наоборот, Яви вовсе не покинули! Они не могли, да и не знали, как развернуть в свою сторону презиравшую их и отказывавшуюся от них Явь, но зато они в основе своей, а может, и по большей части, не только не забыли о своей генотипной принадлежности к русскости, хотя нашлось и немало на тот момент отказников, но и, как инстинктивно, так и вполне осознанно оставшись верными своим предкам, пронесшим изначальную русскость через века и сообщившим ее своим потомкам вплоть до ныне существующих, не только удержали в себе архетипическую русскость, призвав ее себе и на помощь, но и, как бы опомнившись, противопоставили свою русскость ополчившейся на них антирусскости, — и сделали это почти бессловесно и очень по-разному: как стоически цивилизованно, оставаясь, несмотря на все гадкое и злое на них свалившееся, верными гражданами фактически предавшей их страны (точнее, государства с антиотечественым правительством во главе), так и протестно-антигражданск­и («варварски»-де), обратившись в беспардонных негодяев, отщепенцев и пакостников, не говоря уже об отморозках, хулиганах и бандитах (кровь ушкуйная взыграла!).

В общем, явилось вдруг и то, и другое, явно хорошее и явно плохое, как, разумеется, и третье… уже никакое, генерируемое безучастностью, безразличием, трусостью, слабостью, изменой, предательством, потерей достойного лица и благообретенного исторического образа. Всякое повылезало внезапно наружу: святое и подлое, если не подлейшее; возвышенное и угрюмо низкое; достойное и поразительно мерзкое; жиз-

нестойкое и расслабленно погибельное. Величайшее тут случилось испытание, этакий сакрально-судный кастинг, обусловленный свободой-де, безграничьем, безмерьем, но при этом и соблазнами, и прельщениями, и вседозволенностью. Время великого беспредела! Маски были сброшены и… зверь… прямо на выход, да не вон, не на задворки, а прямо на арену, в деятельность, в жизнь. Инфернализация бытия и торжество земного ада, выворот из выворотов, он же и кромешный переворот — верхом вниз и низом вверх, круговертное опрокидывание, самый что ни на есть сатанинский кульбит.

Что ж, и русские поддались на узаконенный правительством грандиозный грабеж громадного общенародного достояния, может, и не в первых рядах и не с самым большим наваром, но вполне массово и с немалой для себя выгодой. Так что и миллиардеры русские на свет явились и миллионеры, и просто очень богатые и в меру состоятельные, и вполне успешные и ничуть не отставшие… на воровском празднике жизни, разумеется, за счет наивных-де, инертных, не приспособившихся, очень уж «порядочных», в общем — отодвинутых воровской мафиозной реформой на периферию грешного земного бытия, на край убогой экзистенции, а то и вовсе загнанных в мрачное небытие.

Расслоился русский мир — на выигравший верх и проигравший низ с беспроигрышной серединой в промежности, окунулся с головой как в осатаненную антирусскость, так и в осатаневшую антирусскость, хоть и не весь, не целиком, даже и наверху не весь, да вот и с русскостью насовсем не распрощался, не смог, а в значительной части своей и не захотел, даже и не собирался. Больная, искаженная, уродливая, а… *русскость*, от которой русскому миру-люду никуда, выходит, вообще-то не деться! Для кого-то это житейская обыкновенность, для кого-то спасательный круг, а для кого-то неудобные, тяжкие, но никак не сбрасываемые вериги. Нашлись, конечно, откровенные и последовательные беглецы из русского мира и даже от самой русскости (с разной степенью выскочившей удачи, как и, конечно же, подскакивающего возмездия); бытуют повсюду по миру и в самой России как бы уже бывшие русские, а теперь вот «граждане мира», «глобокочевники», а по сути-то межнародные «перекати-поле» да «воздушные шарики»; наслаждаются еврожизнью с ее материальным избытком и досуговым комфортом, если не самоубийственными излишествами, так называемые *новые русские* (не чета старым: предприниматели, бизнесмены, начальники, менеджеры, эксперты, спе-

циалисты, политики, как и, разумеется, ловкачи, казнокрады, коррупционеры, душепродавцы, как же без них!).

Нет, русский мир вовсе не ушел в своем людском составе в подполье, как когда-то староверы, а принял, пусть и не целиком, даже и не в основном, новую жизнь и новое для себя строение, напрочь позабыв не только о советизме-социализме с его стремлением к общности, мере и единению, но и о любого происхождения нравственности — что ведической, что православной, что советской. Этот-то сброс нравственности, или Великая аморальная революция, оказался самым поразительным метафизическим событием российской современности: от все-таки человека к легко угадываемому человекозверю! Мгновенный, одноразовый, чуткий сброс, даже не мутация, требующая все-таки кое-какого времени и немало усилий. Не смутировал тут вовсе многий русский человек, а попросту… внезапно вылупился, прямо из себя, когда сдерживавшая его звериный норов нравственная скорлупка вдруг взяла, да и разлетелась на куски… разумеется, не без мановения кое-какой волшебной палочки… в руках… э-э… — уж не самого ли земногенного сатаны?

Так или иначе, но у русского человека, когда-то теснимого, преследуемого и гонимого, упорно и целеположенно отрицаемого, но выжившего, пережившего и продолжающего быть, вдруг появился шанс… высказаться, и он высказался, вполне радикально при этом разделившись: частью сохранив и отстояв себя, укрепив свой дух, возвысившись над собой и удержав русский мир этнически, культурно и цивилизованно; частью отрекшись от себя, своей русскости, поддавшись чарам глобализма и впав в псевдоевропейскую прелесть; частью самоистребившись, не выдержав новой экзистенциальной экзекуции; частью же обратившись прямо в зверя, начисто забыв о морали, мире, мере, о людях — предках, современниках, потомках, о культуре, стиле, такте, о законе, цивилизации, порядке, о грехе, воздаянии, возмездии, вообще о Боге, Высшем смысле, Софии.

В итоге теперь сложнейшее состояние русского мира вкупе с его глубинной русскостью, вполне и *кризисное*, да что кризисное — *апокалиптическое*, когда русский мир, пусть и особенно извне и даже изнутри не приветствуемый, отвечает уже более всего сам за себя — стоя́, соблазняясь, увлекаясь и зверея, возвышаясь и падая, держась и гнобясь, продолжаясь и самоотрицаясь. И в самом деле тут Страшный Суд — мало того, что чуть ли не весь мировой контекст судит нынче русский мир, ненавидя его и любя, но и сам русский мир судит себя, тоже, знаете ли,

не без любви к себе и не без к себе же ненависти. Тут уже не перестроение только, а самое что ни на есть *пересотворение*, ежели русский катарсис одолеет все-таки русскую смуту, и русский мир выйдет из смертоносной передряги вполне позитивно и перспективно обновленным.

Главное тут не в вождях, так всегда вожделенно народом русским ожидаемых, чтоб повели бы его по правильной-де дороге, которой, собственно, и нет, как нет ныне и вряд ли вообще явятся правильные и способные куда-то вообще идти к свету вожди; даже не в идее спасительной тут дело, ибо идей много и каждая либо относительна и ложна, либо никак людской средой не воспринимается, либо успешно подавляется другой идеей, столь же ложной, либо сама быстро исчезает в потоке обильного, опять же по преимуществу ложного словоизвержения; и массовое экзальтированное обращение к Господу ничего не даст, как ничего не дает тот же массовый обезжизневающий скепсис.

Здесь потребно *самопреображение русского мира*, столь же, однако, маловероятное, сколь и многонужное, — однако каких только чудес на свете не бывает, как и не случалось с русским миром, давно уже, кажется, долженствовавшим исчезнуть с лица земного!

Коварно и напрямую атакованный, униженный и ослабленный, обезумленный и раскуроченный, русский мир, приняв смертоносную дозу безнадежья, безумства и озверения, но при этом и отмобилизовав способность к стоянию, сопротивлению и самоудержанию, вовсе не сдался и уж, тем более, не исчез, хоть и отступил, и сжался, и оступился, и опоганился, но… выжил-таки, выжил и… идет себе и идет, без общей, кажется, цели, но идет… в будущее, которого для русскости вроде бы уже и нет — в глобальном-то мире, но, кажется, все-таки… есть — неизвестная, конечно, будущность, но разве так уж известна будущность европейства, американства или того же китайства?

Главное, что русский мир со своей давно уже проклятой-де русскостью есть, он бытует, разлагаясь, умирая, очищаясь и собираясь с силами, но вот для чего?

Нет, не для господства над другими мирами, даже не для доминирования в собственно российском (Российской Федерации) мире, а всего лишь для… *альтернативы*, еще никому, даже и самому русскому человеку, не ведомой, а мир-то вокруг уже бешеный, он втягивается в *большой апокалиптический кризис* и ему еще только предстоит всерьез столкнуться с тем, что русскому миру уже довелось не раз испытать и что он вовсю испытывает сейчас. Отправленный на инфернальное дно и немало

от него заразившийся, русский мир, опомнившись и придя в себя, не только не остался там — в погибельном небытии, но и, немало замаравшись и потеряв частью себя, смог отпрянуть от мертвящего края, подняться и пуститься в новое историческое плавание посреди доминирующей ныне антирусскости и ей вопреки.

Русскость преодолевает сегодня и свою собственную антирусскость, все более осознавая себя несомненной исторической данностью и непреходящей экзистенциальной ценностью. За битого двух небитых дают, и русскость, выживая, приспосабливаясь, теряя и приобретая, не очень еще заметно, но уже неотступно *самопреобразуется*, не без надежды и даже некоторого оптимизма вглядываясь в вовсе не такое уж светлое, но все-таки еще возможное для него и всего человечества *будущее*!

«Философия хозяйства». 2012. № 6.

2013 г.

РОССИЙСКИЙ ВЫЗОВ РАЗВИТИЮ РОССИИ

(вместо конференционной резолюции)

Все еще проходящие в Российской Федерации социо-хозяйственные, они же и политико-экономические, реформы — поначалу вполне революционные, затем собственно реформные, имеют результатом формирование сугубо присвоительно-распределительной, но никак не производительно-«развитиевной», системы финансово-экономического (капиталистического) хозяйства, встроенной в глобальную, контролируемую, направляемую и ориентируемую из-за пределов России цивилизационную (экономическую, политическую, хозяйственную) *систему-мир,* или же *мир-систему,* причем встроенную в качестве зависимой и подотчетной, во многом и колониального свойства, подсистемы, что то же самое *суб*-цивилизации, *суб*-государства, *суб*-хозяйства, *суб*-экономики. Такое *суб*-образование способно воспринимать не более чем *суб*-модернизацию и осуществлять некоторое *суб*-развитие — в пределах своей зависимости от глобального контекста и на основе предположенной этим контекстом специализации (энерго-сырьевой, полуфабрикатной, вспомогательной), что то же самое — в русле, на основе и в границах *глобальной субординации* (по месту, роли и состоянию).

Отсюда нежелательность, невозможность и нереализуемость собственного, самостоятельного, перспективного, опосредованного будущим и на будущее нацеленного, вполне новаторского и творческого развития, выходящего за пределы текущих инноваций (ныне более всего заимствуемых извне) и выражающегося в виде непрерывного процесса качественного (генеративного, совершенствовательного, возвышательного) преобразования национального хозяйства и всего странового социума.

В итоге наличие в пореформенной стране *тупика неразвития*, еще и неустанно подбадриваемого энтропийной тягой к *антиразвитию.*

Сверхзадача

Вырыв, а не переход или даже прорыв, к развитию, понимаемому не столько как появление в стране чего-то нового, даже и передового, сколько как обретение особого -— нацеленного как раз на развитие — *состояния социума и хозяйства.* Развитие, если иметь в виду не просто развитие, а *само*-развитие — не как развитиевные плоды, которые можно завезти и извне (что ныне в России по преимуществу и делается), а как почва с семенами, способная произвести развитиевное древо, родящее уже самые что ни на есть собственные развитиевные плоды. Потенция к развитию тут важнее самого по себе развития (как реального обновления); предреальность значимее реальности; возможность фундаментальнее действительности. В стране нет сегодня адекватной основы, лучше бы сказать — *субстанции — субстанции развития* — ни духовной, ни моральной, ни трудовой, ни интеллектуальной, ни творческой, ни технической, ни экономической, ни управленческой. Тенденция антиразвития сильнее тенденции развития, отчего более всего не развитие, а… *неразвитие.* Отсюда именно *вырыв к развитию,* а не что-нибудь иное, ибо стране надо не более и не менее как вырваться из трясины — трясины неразвития, обильно орошаемой *антиразвитием.* Сначала сброс вериг антиразвития, потом прорыв пелены неразвития, а затем уже только рывок к развитию. Это действительно *сверх*задача, ибо в тисках обыкновенности она попросту невыполнима. Тут на повестку дня выходит *чрезвычайность,* способная родить… *чудо,* если прямо-таки не с*верх-чудо*!

Сверхметод

Метод это путь — путь решения задачи. И ежели надо решать *сверх*-задачу, то и метод должен быть *сверх*-методом. Вполне и чрезвычайным, не менее экстраординарным, чем бодро осуществленная и до сих

упорно проводимая в нынешней Российской Федерации частно-присвоительная реформа, она же и самая настоящая, растянувшаяся уже на два десятилетия, *антисоциалистическая революция.* Чрезвычайным в плане устремленности, настойчивости, изобретательности, изощренности, действенности, плодоносности. *Неодирижизм* в единении с *неолиберализмом*, когда неолиберализм снизу, а неодирижизм сверху, посреди же — *субстанция развития* со своей *реальной зоной реального развития,* или же развивающаяся Россия в пространстве устаревающей на глазах и самостоятельно не развивающейся пореформенной России. Одна опричь другой! Мобилизационный сдвиг, обеспеченный консолидацией созидательных сил, их соединением в «огненный» очаг развития и расчисткой для этого очага потребного жизненного пространства.

Политический тренд: постреформизм

Укрощение разрушительных, вредоносных и опаснейших для страны, хозяйства и социума частно-присвоительных реформ — вполне уже и безумных, не дающих практически никакого в конструктивно-продуктивном плане позитивного эффекта, в чем-то уже реформ ради реформ, инерционных реформ, слепых и глухих, а потому и тупых, морально непереносимых, вполне и злодейских. Хватит! страна по горло сыта противоестественными, тянущими в инфернальный низ и не влекущими в сакральный верх реформами, преследующими и убивающими нормальную, плодотворную и перспективно обусловленную жизнь, и остро нуждается в принципиальном развороте от уже унылого и гнетущего *реформизма* к ободряюще-созидательному *постреформизму*, способному, погасив злокачественный реформизм, возжечь огонь доброкачественного жизнетворения.

Постреформизм в данном случае — не прекращение вообще преобразований, а всего лишь радикальное изменение их глобального судьбоносного курса — в чем-то и *антиреформное,* но не прямолинейно контрреформное, а более всего позитивно коррекционное, что предполагает, помимо обретения здоровой бытийственной нормы, еще и выход на достойное великой страны и ее созидательных поколений историческое творчество — идейное, социальное, культурное, научное, технологическое — прочно и надолго овладевающее интеллектуально-организационной энергией элит и трудо-полезным сочувствием народных масс, а главное — *всеобщим, достойным человека и общества, будущим!*

Развитие как… сверхразвитие

В нынешнюю эпоху — эпоху неоиндустриализма, нано- и меганауки, высоких, тонких и незримых технологий — развитие вовсе не сводится к безудержному росту материально-технической производительной базы, безграничному возрастанию потребительного богатства и столь же безмерному преумножению предметно-полезного разнообразия текущего жизнеотправления, а, наоборот, восходит к качественному обновлению самого человеческого бытия в целях его перспективного совершенствования и перевода в ***иное***, никогда еще не бывшее, природно-неприродное состояние фантазийное, сказочное, мифоподобное!

Не умаляя важности решения насущных и даже не очень-то насущных, но все же необходимых для полноценного существования человека и общества производственно-потребительных задач, приходится констатировать, что главное в современном развитии — не развитие как таковое, к которому привыкло человечество и с которым свыклась академическая мысль, не развитие условий бытия человека и общества, а развитие… уже самого по себе бытия, включая даже не бытие человека и общества, что понятно, а и самого человека с его обществом, иными словами — развитие не вширь, а вглубь — человека и общества, а ежели и чего-то вширь, то не так ради самой шири, как ради чаемой глуби.

На повестке *новая парадигма развития,* провоцируемая и подкрепляемая наплывающей на человека *новой парадигмой бытия,* включая самого *человека* и само *общество.* На очереди не слишком еще известное и понятное, но уже остро ощущаемое *парадигмальное обновление всего и вся.* Впереди явно эсхатологическое будущее, приближаемое столь же эсхатологическим развитием, как раз тем самым, которое можно при желании посчитать как за *развитие в развитии*, так и за *развитие развития*, но с той важнейшей оговоркой, что это уже развитие… как бы в обратную сторону, во внутрь себя, ввернутое в себя развитие, *интра*-развитие, ну а по новейшей умственной традиции — *нео*- или даже *пост*-развитие, может, и *мета*-развитие, как знать?, но в любом случае — *сверх*-развитие!

Парадигма сверхразвития как контрпарадигма

Глобальный Запад все уже за всех решил: человека — в *чиповея,* а общество — в *чиповейник*! Однако остальной мир, а во многом тоже и западный, *этого* не хочет, а хочет чего-то совсем другого: не *пост*-человека вовсе, а *иного человека*, или *ино*-человека, как, соответственно, не *пост*-общества, а *иного общества,* или *ино*-общества. Спасение тут

не в технике, а в идеях, не в обанкротившемся либерал-гуманизме, а в новой, уже и сверх-над-человеческой, идеологии, освещаемой не вымороченной от собственного всезнайства гуманитарной наукой со все еще подогреваемым ею пустопорожним и анти-человеческим атеизмом, а в укорененной среди высшего относительно бренного земного человека *ино*-мирья *Софии*, только и могущей сообщить нечто конструктивно-спасительное бытующему на земле все-еще-человеку, не поддавшемуся на ренессансно-просвещенческую провокацию насчет собственного *над*-природного и *вне*-сакрального величия и избегшему, в отличие от евро-человека, модерно-постмодернового пересотворительно-демиургического беснования. Не отрицание человека в ходе его глобального передельческого развития, а утверждение человека в ходе хорошо осознанного им сверхразвития — с софийным обновлением человеческого сознания и всей человеческой натуры, — как раз без «чипов» и без «вейства»!

София

Знание — сила, а ежели оно от Софии — софийное знание — то двойная сила — одновременно конструктивная и спасительная! Софийный человек, он же и *под*-Софийный — *человек меры*, разумеется, софийной. Заповеди тут следующие: признание иномирья и высших смыслов; уважение другого, как самого себя; человек в мире-социуме и мир-социум в человеке — взаимодополняемость и взаимоответственность; свободный личный выбор при всеобщей солидарности, вполне и умеренной. Этнос, народ, нация — необходимая, неизбежная и потребная реальность. Отечество, Родина, Пенаты — непререкаемая и неукоснительная ценность, пусть во многом и ирреальная. Благотворная культура, благоносная цивилизация, ответственное государство, всеобщий и всеобъемлющий людской компромисс.

Техника

Техника рядом с человеком, но не в человеке, среди социума, но не в ущерб ему. Покорение техники человеком, а не человека техникой. Техника как управляемый человеком фактор, а не управляющий человеком актор. Оснащенный техникой, но не поглощенный ею человек. Не технический человекобраз, а *над*-технический человек!

Элита как сверхэлита

Сегодня в России доминирует «либерально-российская», она же и «постмодерново-симуляционная», она же и «профанно-антироссийская»,

антиэлита, несущая в социум и внедряющая в человека *тотальный абсурд* — едкий и разлагающий. Противостоящая этой антиэлите антиабсурдная элита в России есть, но она по преимуществу в обороне и в лае. Слово за *новой элитой*, способной объемно одолеть антиэлиту с ее нарочитым абсурдом в ходе мощного контрнаступления. Отсюда на повестке дня не просто элита, а с*верх*-элита, выполняющая кажущуюся неисполнимой *сверх*-задачу: от арьергардной контрабсурдной обороны к авангардному на абсурд натиску! София — в помощь!

Идеология как сверхидеология

Конструктивно-спасительная идеология ныне сверхпотребна! Национальная, созидательная, устремленная в будущее, еще и человеческая, общественная, историческая, мало того — нравственная, трудовая, зовущая к творчеству, в общем — совершенно на сегодня невозможная: текущая практика не просто противоположна такой идеологии, но ей принципиально и вполне угрожающе враждебна. Но делать нечего: без идеологии — *новой идеологии!* — разворота к сакрально-природо-человеческой норме не совершить, как не осуществить и разворота к развитию, не говоря о сверхразвитии. Вот где тупик, так тупик! В слове, в идеях, в общественном сознании. Однако почва национальная насовсем не иссохла, кое-что плодотворное в ней еще есть — от традиции, от повседневности, от обыденности, а потому *идеологический разворот* еще возможен, но… вкупе с соответствующими делами, которых еще нет или почти нет, но которые все-таки возможны, ибо необходимы.

И опять *сверх*-, но теперь вот *сверх*-идеология, ибо к малой идеологии вынужденного народного жизнеотправления нужно добавить большую идеологию *сверх*-исторических свершений. И опять сверхзадача, ибо ни наука — эта разрушительница всяких идеологий; ни новомировская философия, оправдавшая бесноватый антропоцентризм с коррозионным атеизмом и вызволившая на волю страстных демонов денег, наживы и потребительства, как и развязного сциентизма с беспощадным техницизмом; ни закосневшие в правильных догматах и не владеющие гибкой современностью религии, не считая, разумеется, прозорливого в тяжкой правде своей Иоаннова «Откровения», тут не помогут.

Оттого и **София** — эта сверхмудрость, она же и предмудрость, она же и мудрость мудрости: вопрошай, человек, внимай и думай, ищи и обретай, если сможешь… София не против, хотя и не… за, ибо ответственно все тут, очень ответственно!

Россия

Что за слово такое — РОССИЯ?! Почему столь значимо — причем таинственно, магически, трансцендентно? А что оно означает — страну, мир, цивилизацию, народонаселение, историю? А может, и самое что ни на есть… *ничто,* которое, вроде бы ничего не означая, означает-таки какое-то… *нечто,* как раз то самое, что висит себе в ноосфере и… влечет к себе, да что влечет — притягивает, втягивает, поглощает! *Россия, Россия… Россия!* Колдовство какое-то! И все идейное — геоантропо-социо-идейное — почему-то и как-то в этом слове отовсюду сходится и из него непонятным образом на весь мир расходится. Не беги, безумец, от «России», а, остановившись и замерев хотя бы на мгновение, всматривайся и вслушивайся в это слово, думай о нем и вместе с ним и… всё вдруг и откроется — все смыслы, все идеи, все значения, ибо Россия это как раз и есть наша родимая София — загадочная, далекая и близкая, закрыто-открытая, уловимо-неуловимая… Идеология России… в России, можно даже сказать — сама Россия и есть идеология, только читать ее надо уметь, да не одним лишь умом, а и сердцем… через посредство, конечно же… Софии!

Правительство

Оно в тягучей и липучей растерянности: не можется, не хочется, даже и противно, а… *надо!* Строить в стране надо, инвестировать, производить, изобретать, внедрять, инновировать, научно-технологическую сферу держать, образование совершенствовать не по-болонски, идеологию нравственно-созидательную запускать, личный позитивный пример показывать, с народом откровенно говорить, перспективы неустанно разглядывать, на достойное будущее замахиваться… о-о… много чего надо, в том числе и доходы не в пользу одних богатых и ненужного немассового потребления распределять, и с бедностью бороться, и с коррупцией, и кое-кого в тюрьмы сажать — прямо-таки на пожизненное, и кое-чего решительно национализировать… в общем — много чего надо, много при этом работая — умно, созидательно и по-честному. Фантастика! Чует ли эту своевременно-несвоевременную фантастику российское правительство? Чует, наверное, но… очень и очень не хочется ему к ней подвигаться, оттого и… *растерянность* — уже прямо-таки *субстанциальная.* Растерянность управленческая в России, да и перед самой Россией, которая для нынешнего правительства terra incognita, причем опаснейшая. Не правительство тащит Россию к развитию, а Россия гнобит пра-

вительство из-за неразвития. Очень неприятная для «правителей» кризисно-катастрофная ситуация! И что же? Ежели не *эти* сделают жизненно потребное для России, так *другие* сделают, не другие, так… ***иные***, которые уже на подходе. Есть оно — скрытое историческое напряжение, от масс людей и немассовых элит вполне и независимое, а за напряжением этаким непременно следует… *разряжение*, —уж какое у реальной истории выходит!

Президент как… невозможный сверхпрезидент

Знает ведь всё, но… не решается! Знает, что без саморазвития России никуда, но то ли все еще верит в пресловутую и вполне и живую «глобально-либеральную рыночность», которая-де будучи никакой не рыночностью и, тем более, никакой не либеральной, дарует вдруг России потребное ей развитие; то ли всерьез надеется на «иностранный капитал», только-де и думающий о неоиндустриальном процветании России; то ли совсем не верит в возникшую на его глазах и не без его участия пореформенную Россию, ни на что, кроме грабительского самопожирания, не способную; то ли не может поверить в историческую Россию, как раз вполне способную внезапно *перестроиться* — прямо на марше, собраться с силами и умами, да и выдать рывок вперед — к новому национальному саморазвитию; то ли никак не может осознать, что развитиевной Россией надо *управлять*, да не как-нибудь, а *властительно*, а перед тем совершить *дисциплинарную революцию сверху,* которая уже давно назрела, вовсю о себе вопиет, энергийно подбадриваемая всенародным постреформенным ожиданием-протестом. Знает, но… медлит… с действием, хотя кое о чем потребном уже заговорил. Вот она — острейшая историческая коллизия: от только что свершившегося реформизма с его тупиком неразвития к постреформизму, но уже с открывающейся с ним возможностью развития.

Порожденная недавним реформизмом *административная антисистема* застряла в своем собственном системно-антисистемном кризисе, ни одному россиянину и всей России ненужная, а потому на очереди не что иное, как направленное на деятельский позитив административное перестроение, разумеется, по инициативе сверху, то самое перестроение с очищением, которое способно дать эффективное управление страной —вполне и державное, но уже не с обычным президентом во главе, а с необычным — *сверх*-президентом, реализующим *сверх*-управление и оперативно решающим стратегическую *сверх*-задачу.

Искрящийся текущий момент

Еще слышатся из народных глубин зовы к переменам, как и слышатся призывы патриотической элиты к всестороннему развитию страны. Россияне… нет, не верят, конечно, а всего лишь… надеются — без всякой при этом реальной надежды! — на поворот от раздаточно-присвоительного экономического деспотизма к *деспотизму развития* (иного уже, видно, не дано!). Затянувшаяся на годы «минута молчания» с замершей «фигурой умолчания»! Впереди, кажется, одно лишь повторение пройденного, а хотелось бы необычной новизны — *реального политического развития*! И все сфокусировано, как испокон века принято на Руси, на первом в государстве лице, которое ныне не государь вовсе, не властитель и не правитель, а не более чем дивный образ… э-э… *национального лидера* — пока более в возможности, чем в реальности, отчего и повисла в российской атмосфере дилемма: или — *или*! — а дилемма вообще-то есть выбор из двух вариантов, когда оба… хуже, а вырваться из тенет неразвития непременно надо!

Итак: *сверх*-намерение, *сверх*-воля, *сверх*-усилие, *сверх*-деяние! Нет, ныне уже не государь, не правитель, не вождь, но… вершитель — вместе с верящим в Отечество народом и поверившей в возвышение Отечества элитой.

Вызвать веру и укрепить уверенность: словом и делом! Это-то сегодня и самое трудное!

Государство

Оно вроде бы есть — большое, многочисленное, протяженное, но его как бы и нет, ибо молчит оно — о главном! и бездействует — тоже в главном! Чиновники есть, их очень много, но они не правят, ибо ими правит… нет, не конституция вовсе, а… коррупция. А ведь в России без государства ничего судьбоносного никогда вообще не происходило и, увы, до сих пор не происходит: ни масштабной стройки, ни замысловатой перестройки, ни неизбежного догоняния Запада с мобилизационной модернизацией, ни умеренного реформирования, ни взрывной революции. Государство в России — более чем государство, это главнейший на российской земле охранитель и делатель — то в роли хладнокровного консерватора, то вдруг в роли темпераментного новатора, мало того — это первый, главный и единственный во всероссийском масштабе *европеец,* хотя при этом и совершенно российский, вовсе и не европейский. Вот и сейчас в России развернута устроенная властями евро-, она же и глобо-, реформа-революция, и как всегда российско-антироссийская,

но зато с совершенно неудо-влетворительным с позиции нации и государства результатом — с резкими социальными неравенствами и смертоносными проблемами, без всякой потенции к саморазвитию и самосовершенствованию. На очереди вновь *государственная революция,* она же и *антиреволюция*, на этот раз уже *про*-российская, а ежели не так, то жди невозможных потрясений, от которых на Руси-России сладко почему-то никому не кажется!

Предпринимательство

По большому, чуть ли не по гамбургскому, счету своего полнокровного и полноценного *предпринимательства* на Руси-России никогда не было, вернее, что-то такое было, но ограниченное, вспомогательное, неразвитое, нетворческое, по преимуществу заимствованное: торговое, «добытчевское» или первопроходское, но никак не научно-технико-индустриальное, в общем — не европейское. Никакой *предпринимательской революции* в России не свершилось, как это возымело место в той же Европе. Отсюда активные экономически россияне не предпринимательство в полном смысле слова, а всего лишь «бизнесменство», ежели и какое-то подобие предпринимательства, то в европейской мере совсем нереализованное: торговое, промысловое, сырьевое, легкопромышленное, в общем — не слишком индустриальное, не техническое, не новаторское, хотя на рубеже XIX—XX вв. таковое вроде бы и появилось, но, увы, ненадолго.

Нынешний российский «рыночник» — никакой не предприниматель, тем более не производительный новатор, а всего лишь монетарно-торгово-посреднический делец. Это некий *недо*-предприниматель, а лучше бы сказать — *пере*-приниматель (в аспекте снятия денежных доходов). Такого «предпринимателя» совсем не интересует саморазвитие великой страны, ибо он не европеец и не американец, — он лишь вырвавшийся на простор денежно-присвоительного накопления бывший советский «службец» или же бывший антисоветский «криминалец». Разумеется, ростки всамделишного предпринимательства (инициативного, новаторского, плодоносного) в России всегда были и даже есть сегодня, но лишь ростки, так и не смогшие, тем более, не могущие сегодня, разрастись во всероссийское предпринимательское древо — почва и воздух, видно, не те!

Отсюда острейшая потребность в государственной поддержке не присвоительно-распределительного бизнеса, как сегодня, а *инновационно-производительного предпринимательства,* что должно быть

завтра, но при этом и острая нужда в *государственном предпринимательстве,* эффективно сочетающемся с соответствующим частно-корпоративным предпринимательством: государственно-корпоративный *неодирижизм* вкупе с корпоративно-государственным *неолиберализмом,* — вот, собственно, и все!

Экономика и хозяйство

В сегодняшней России есть вполне развитая экономика с ее деньгами, финансами и капиталами, но нет вполне и всесторонне развивающегося хозяйства с его неоиндустриальным и высокотехнологичным трудо-творчеством. В Европе экономика служила и служит, худо-бедно, производительному хозяйству, хотя нынешний самонадеянный финансизм уже немало ему препятствует (современный мировой кризис — кризис прежде всего паразитарного финансизма). В России же экономика с ее эгоистическим финансизмом и кромешной коррупцией работает против не только развитиевного хозяйства, но и вообще против всякого хозяйства, не давая возможности обеспечить нормальное жизнеотправление человека, общества, нации, государства.

В России нет и почти никогда не было ни свободного хозяйства, ни эффективной ради хозяйства свободной экономики. Россия — *другой мир*, не европейский, и европейским так и не ставший, да уже никогда и не станет -—невозможно, ненужно и опасно! И не в «институциях» тут дело, не в «производственных отношениях», а в *человеке,* который в России вовсе не европеец. Отсюда своеобразие российского развития — оно *другое, в другом* и *по-другому.* Хотим мы того или не хотим, но российское развитие не может не быть *государственно-общественным* — побудительно-дружным, мобилизационно-соборным, вдохновенно-бескорыстным. *Дирижистское общеразвитие,* долженствующее стать и *национальным саморазвитием*! Отсюда и постреформизм — как сброс всяких заимствованных извне и дурных по исполнению и результатам реформ, насаждающих глобо-колониальную экономику и приводящих к стагнации, деградации и развалу народного хозяйства. Не заграничные реформы в России потребны, а *радикальные внутренние перемены* — в политике, экономике, хозяйстве, обществе, государстве, человеке, бытии. Что Западу хорошо, то России -—смерть! Не к западной джаз-бандовой кокофонии надо российским дирижерам прислушиваться, а к стройному звучанию имперского национального оркестра, демонстрирующего пример именно российского способа бытия — с управителем в центре и общим ладом в окружающем его пространстве!

Неодирижизм и неолиберализм

Неодирижизм — это управление, но по преимуществу через контекст, идеологию и культуру, общественное сознание, как и через поощрение субъектных интенций, что не исключает ни прямых действий, ни регламентаций, ни запретов, ни понуждения. *Нео* означает, во-первых, новое (не бывшее ранее); во-вторых, с новыми задачами и средствами; в-третьих, непременное сопряженное с трудо-творческой свободой (тоже не бывшей ранее). Все дальние и ближние уроки российской истории — в *неодирижизм*, реально осуществимый, однако, лишь вкупе с *неолиберализмом,* в котором *нео* как раз и означает сопряженность с неодирижизмом. Не дирижизм здесь служит либерализму, как на Западе, а либерализм обязан послужить дирижизму. Таково главное условие овладения российской нацией *субстанцией развития*, а затем и самим национальным *саморазвитием!*

Россия и саморазвитие

Нынешняя пореформенная Россия не жаждет никакого *саморазвития*, мало того, она бросила оное в жертву частно-присвоительному обогащению, а вместе с этим и в жертву неразвитию. Это проделала вполне реальная и вполне физическая по бытованию Россия. Но есть и другая Россия —*метафизическая,* а с *этой* Россией все обстоит несколько, а может, уже и заметно, иначе: в искареженной аморальным реформизмом стране зарождается и несмотря ни на что поднимает голову, причем вопреки победной на сей момент гадостно-адовой России, *новый российский человек,* — нет, не евроамериканский предприниматель, порожденный в свое время агрессивно-новаторским Ренессансом и либерально-обновленческой Реформацией, включая и экономико-научно-технологическую революцию, как и не советско-социалистический службист, наспех выкованный неукротимым большевизмом, а свободный в помыслах и жаждущий необычного жизнетворческого действа россиянин — *новый россиянин* (вовсе не пресловутый «новый русский», а как раз этому более чем гнусному гибриду «советикуса» с «европеоидом» прямая противоположность). И именно этот *новый россиянин*, еще не очень бытийственно и функционально выраженный, но зато уже метафизически чувствуемый, как раз и стоит за постреформизм и новое развитие, вполне отдавая себе отчет в тягучей невозможности *сверхрешения сверхнеобходимой сверхзадачи.* Но иного выхода у него и у России нет, и потому чаемый вырыв к развитию должен непременно случиться!

Новая Россия

Ее нет, но она уже есть! *Новая Россия* мало-помалу сосредоточивается, неуклюже приподнимается и к кое-чему возвышенному и необычному неброско и тяжко готовится!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Постреформизм и развитие», М.; Ирпень: Издательство Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013.

ПОСТРЕФОРМИЗМ И РАЗВИТИЕ

Российские власти наконец-то заговорили о *развитии страны,* не о пресловутых инновациях, за которые можно принимать все, что угодно, где угодно и по каким угодно мотивам, а именно о *развитии* как о феномене, не нуждающемся ни в каком особенном трактовании, кроме того, что развитие это переход (перевод) целостного организма в другое — более сложное, высокое и совершенное состояние, либо потенциально заложенное в самом организме и лишь выявляемое реальностью (от начала до конца существования организма), либо достигаемое в ходе жизнедеятельности организма как заимствуемое извне при условии реального движения организма навстречу заимствуемому образу будущего состояния.

В любом случае развитие — дело, деяние или свершение *всего* социо-хозяйственного организма, касающееся не отдельных черт, частей и моментов организма, его бытия, а *всей* системы организма, способа, характера или формы его существования в целом.

Примером собственного, «изнутреннего», эволюционного и импрессивного развития большого социо-хозяйственного организма служат качественные перемены в бытии Российской империи, ее социума и хозяйства, имевшие место на рубеже XIX—XX вв., а примером стимулированного, «извнешнего», революционного и экспрессивного развития служат качественные перемены в бытии того же СССР времен первых пятилеток (1930-е прежде всего годы).

Главное, что и в Российской империи, и в СССР имело место именно *развитие,* хотя тогда же имело место и инновирование, но как внутренний, органический, встроенный момент *развития.*

Ныне, в 2000-е гг., в начале XXI в. Россия стоит перед острейшей потребностью не инновирования, да еще и типа «там и сям», а именно

развития — всего организма и всем организмом. Задача грандиозная, еще толком в стране не осмысленная, но уже стоящая перед Россией во всю свою виртуально-проективную мощь.

В 1990-е и перводесятилетские 2000-е гг. о развитии никто в стране всерьез не помышлял, ибо все мысли «деловых людей» и не самых деловых «управленцев» были заняты частным грабительско-присвоительным накоплением — благо было что грабить! — грабили с упоением огромное «пост»-советское материально-производственно-потребительное наследство. Теперь же, когда грабительство прошло свою «первопроходскую» и даже стабилизационную фазы, приходится вольно или невольно задумываться и над… *развитием*… как раз и всего награбленного, ибо последнее в жестокой общемировой конкурентно-поглотительной схватке никак без целостного развития России не устоит.

И дело тут не только в инновировании самого по себе награбленного и присвоенного, а в развитии именно *всей* страны, без чего никакое награбленное и присвоенное, пусть и инновируемое, не выживет.

Либо *вся* страна суверенно развивается, либо все награбленное и присвоенное становится через какое-то время… собственностью более сильных грабителей-присвоителей, а они всегда, как известно, тут как тут. Не оффшорный Кипр является для Российского грабокапитала опорой и защитой, а целостно развивающаяся, т. е. системно-сложная и идущая вверх, Россия.

И тут совершенно гадкая для грабокапитала дилемма: развитие страны вроде бы явно уже нужно, но… в режиме грабонакопительства страна развиваться не может. Сам же грабокапитал и является тут главным препятствием на пути потребного России и самому ему развития.

Понимают ли это российские всех властей предержащие? Понимают, при этом понимая еще и то, что страна ныне, ежели сама по себе, то лишь в спровоцированном грабонакоплением *тупике неразвития,* из которого никакого автоматического самовыхода нет!

И опять, как это было всегда в России, взоры всех развивателей обращаются к… государственной власти: либо она, либо… *никто*! И очень не хочется либералам всех мастей никакого ответственного дирижизма со стороны центральной власти, а без власти и ее властного дирижизма в России никак не обойтись.

Куда ни кинь, а всюду вылезает неразвитие со стороны грабокапитала и выступает возможность развития со стороны власти — правда, вообще власти, а не той конкретно, что нынче в стране. Развитию страны

поэтому должно предшествовать — с опережением хотя бы на полгодика — развитие самой власти — доведение властного организма до способности управлять искомым общенациональным развитием. Выходит, что потребна новая — уже «развитиевная» — *административная революция* — что во власти, что по всей стране!

Что есть сегодня развитие? Вопрос не праздный, ибо это уже не одно лишь строительство новых предприятий и инфраструктур, хотя это тоже необходимо, — сегодня это более всего изменение образа, качества и состояния 1) человека, 2) социума, 3) жизни и 4) жизнеотправления, то бишь перемены не столько вширь, сколько вглубь, что как раз и возможно не только с развитым научно-техническим сектором, но и большой *идейно-духовной работой* или с *работающей идеологией*, чего в стране вообще сегодня нет, а то, что есть, вроде телевидения со всем его постмодерновым маразмом, рабо-тает по заведенному «передовым» западнизмом графику, а именно против человека, социума, жизни и жизнеотправления, труда и творчества, то бишь и самого развития.

Так что проблема развития в современной России — очень большая и каверзная проблема, далеко выходящая за рамки как материально-технической базы бытия, так и какого-то там непрерывного ее инновирования: это проблема *большой реформы,* причем реформы… *постреформенной,* реформы на марше — через *перестроение,* и перестроения *вырывательного,* — и только тогда страна сможет выйти на путь жизнеспособного саморазвития.

А времени нет, совершенно нет, но для того и метафизика истории, как и метафизика России, чтобы разрешить неразрешимые задачи — главное тут, очень захотеть и проявить волю, а что и как — решает уже сама текущая действительность!

Проблема развития сегодняшнего российского бытия давно в центре внимания научно-размыслительного сообщества, сформировавшегося вокруг Центра общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, тесно сотрудничающего с экономическим факультетом МГУ в лице прежде всего лаборатории философии хозяйства.

Учитывая остроту «развитиевного» момента, Центр общественных наук и экономический факультет провели 5—7 декабря 2012 г. международную научную конференцию «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», на которой случилась большая заинтересованная

дискуссия, позволившая весьма продуктивно осмыслить сложную проблематику и выйти затем на письменный материал, вошедший в данную монографию.

Плодотворно сотрудничающий с ЦОН при МГУ и экономическим факультетом МГУ украинский вуз — Национальный университет государственной налоговой службы Украины любезно согласился издать монографию, — и не только по причине присутствия среди авторов монографии украинских коллег, но и в силу явной адекватности проблематики и содержания книги социо-хозяйственной обстановке в Украине.

Так родилась актуальная и весьма содержательная научно-исследовательская работа, которую авторский коллектив представляет вниманию небезразличного читателя.

«Философия хозяйства». 2013. № 2.

РОССИЯ НА ПОДЪЕМЕ!

Странно все это выглядит: «Россия на подъеме!», еще в устах непрестанного и последовательного критика произведенной сверху, насильно, обманно и преступно разорительно-грабительно-присвоительной реформы-революции, от которой выиграло «подавляющее» (подавляющее страну) успешное-де меньшинство и натерпелось унижений, лишений и смертей подавленное этим примечательным меньшинством большинство.

Гнусный переворот свершился, и страна ныне бытует в перевернутом образе, вполне безóбразном и на удивление безобрáзном. Никакие привычные характеристики не подходят для представления этого замечательно перевернутого образа, кроме таких, как «антимир», «инферно», «ад», «бесоград», а переживаемое страной состояние трудно определить иначе, чем апокалиптическое. Текст Иоаннова «Апокалипсиса» вполне корреспондирует с воцарившимися в России бесформенностью, хаотичностью и какой-то угарной антисобытийностью, включая и объявшее страну тотальное и прямо-таки уже субстанциальное, безумие.

Если кто-то думает, что безумие — удел сумасшедших, тот очень сильно ошибается: сегодня безумие — достояние прежде всего людей разумных, рациональных, деловых, предприимчивых, даже и конструктивных, не говоря уже о веселых и находчивых.

Всеобщее «деловое» помрачение: бизнесо́вое, монетарное, банковое, присвоительное, предиринимательское, потребительское, чиновничье, научническое, философническое, академическое, вузовническое, школьническое, театральническое, масс-медническое, шоу-развлекательническое, шансоническое… в общем — любое, ибо оно тотально, оно глобально, оно всеохватывающе!

На арену жизни вышел не кто-нибудь, а… античеловек, обычно упрятанный в глубинах души, ума, организма, как и сидящий по обыкновению в укромных уголках бытия, в его маргинальном подполье. А в 1990-е античеловек, он же и зверочеловек, весь вышел вперед, на авансцену, в дело, занял места, помещения, структуры, основал под себя институты, выправил право, подбил хоть и шаткие, но фундаменты и… зажил… нежизнью, распространяя вокруг себя самый что ни на есть параэкзистенциальный тлен, называемый нежитью. И стал он вдруг куда-то бежать — и от себя тоже, замыкаясь в зазаборных особняцких резервациях, не выходя из шикарных авто и золотоносных офисов, перебегая ненавистные государственные границы, чая осесть там, за пределами ненавидимой, хоть и его вовсю обогащающей, России, там, где будто бы хорошо, уютно, сладко, где не что-нибудь, а самый настоящий земной рай, где поселилось-де повальное «человеческое счастье».

А что Россия, эта многовековая страдалица от угнетения, обирательства, нечеловеческого экспериментаторства? А ничего, пережила и *это*, даже еще и продолжает переживать, но… не без кое-каких в умах и душах россиян смещений, встречных желаний и инновационных устремлений, совсем и не реформных, даже и не пореформенных, а как раз постреформенных, поскольку созданный реформой пореформенный *урод,* который не страна, не социум, не хозяйство, не экономика, не государство, не цивилизация, не культура, а один лишь тотальный неизбывный урод, никого в России сегодня не устраивает и решительно душой и умом отвергается, а ежели еще не на набитой многомиллионной толпой улице, так на это есть свое оправдание — аванс… э-э… нет, не правителю, а пока всего лишь… топ-менеджеру, данный на выборах без выбора, но все-таки так или иначе данный, и последняя — слышите, последняя! — во власть… нет, конечно, не вера… а, скорее, кое-какая доверенность, но вовсе не перемешанная с наивной доверчивостью.

«Коли понимаешь, то действуй! Но ежели обманешь, то!..». Нынешний избиратель — не избиратель вовсе, а… требователь: «Долой урода!».

И коли именно власть сделала урода уродом, то как раз власти и дается от народа шанс сделать из урода… а кого?.. неурода, конечно, но тогда какого же неурода?

И вот тут надо бы учесть кое-какие воззренческо-понятийные моменты.

Мир на рубеже XX—XXI вв. очень и очень изменился, разумеется, под моторным и руководящим воздействием западной (евроамериканской) цивилизации деловой, динамичной, инновационной, агрессивной, экспансионистской, империальной, глобальной. Мир Модерна стал миром Постмодерна! Причем постмодерн — это не ультрамодерн вовсе и не как таковой антимодерн, хотя оба эти момента в постмодерне присутствуют; это некий сыновний продукт модерна, одновременно полагающий и отрицающий своего модернового папашу, но лишь для того, чтобы вместе с этим и отрицать собственно человека, всю его историю, вообще все человеческое, а полагать более всего античеловечность, расчеловечивание человека, переход от человека к постчеловеку (чиповею, киборгу), внешне, возможно, и человекообразному, но внутренне уже совершенно другому — *за*-человеческому!

Все умное из мировоззренческого прошлого, понятийного, словесного, не говоря уже об определительном, сегодня никуда не годится. Слова есть, понятия есть, теории есть, концепты есть, но все они устарели и всего ныне происходящего вокруг не отражают, в нем не участвуют, от него отскакивают. Это всего труднее понять, но это, к сожалению или же к счастью, именно так! Это только кажется, что Платон с Аристотелем, Гегель с Кантом или Маркс с Лениным все еще живее всех живых, хотя многое из сказанного ими вроде бы и представляется и сегодня актуальным, и даже злободневным, но, увы, по преимуществу только кажется. Это не значит, что все наследие интеллектуальное надо отбросить и забыть (и как страшный сон тоже!), это лишь значит, что сидеть на этом наследии и думать, что титаны нам что-то вдруг сами подскажут, наивно и зряшно.

Их история и впрямь закончилась, сейчас эра истории без истории, когда для истории уже нет времени и пространства, нет поучительного прошлого и лучезарного будущего. Резервы истории исчерпаны, как, по-видимому, и резервы самого человека со всей его человечностью. Это уже не только не Новое время, но и не Новейшее, ибо мир безостановочно катится куда-то уже вне времени и расползается во все стороны вне пространства. Фундаментальное безумие! Здесь уже не шизофреническая

диалектика, а именно безумие, когда самый изощренный ум упорно служит безумию, а не наоборот. И все это идет от Западной цивилизации с ее убийственным Голливудом, разбудившей и возбудившей зачем-то и Восток, впавший теперь как раз боле всего в диалектическую шизофрению (Восток ныне — некий кентавр из Азии и Европы — тело еще вроде бы азийское, а голова с рогами уже европская, точнее, квазиевропская — вот и весь там дивный прогресс!).

Пора забыть о мировоззренческих возможностях науки и научной философии, явно уже обанкротившихся и оскандалившихся: ничего они не могут — ни понять, ни смоделировать, ни предусмотреть — как в движении истории, так и в судьбе человека и человечества, наполняя сознание человеческое лишь пустыми придумками и стимулируя его зряшными проектами. Гуманизм, капитализм, социализм, демократия, свобода, справедливость, братство, не говоря о равенстве (все еще патрициев и все еще рабов!) — все это сегодня не более чем ничего не значащие слова, понятия, пустологемы.

Ничего на значат ныне и такие вещи (от «вещать» или же «не вещать»), как философия, ушедшая в историю философии и прекратившая свое творческое бытие погружением эсхатологический постмодернизм; политическая экономия, так и не обнаружившая своего предмета, не знающая что же ныне оправдывать, а что осуждать, чему учить, а от чего отвращать; социология, не понимающая, с каким обьектом имеет дело и что от такого объекта можно ожидать; политология, насовсем покончившая с такими «штучками», как добро и зло, плохо и хорошо, достойно и недостойно, пристойно и непристойно; культурология, вовсю оправдывающая антикультуру, субкультуру и *бес*-культуру; история, так и не смогшая понять, где правда, а где ложь, где реальность, а где миф, сама ставшая отрицательным мифом, не различая ни пользы от себя, ни вреда; литература, со своими товарными поделками — от бесчисленных детективов до столь же бесконечных женских романов, впавшая в младенческий маразм и безжалостно утопившая в себе все то, что совсем недавно называлось литературой: театр вкупе с ТВ, кино, журналами и газетами… о-о!.. никак не могущие оторваться от чернухи, порнухи, торжества фемины и упадка маскулины, мерзости, подлости, низости… правда, о-очень все-таки не далеких от нынешней антижизненной правды-кривды; искусство со своими бессмысленными инсталляциями перформансами, уродствами, эпатажами некрофилией: музыка вместе с заунывным или истерическим пением, нащупавшая адские мотивы

(безмотивы, антимотивы) и вытащившая из небытия инфернальные голоса и ритмы; наука, ведущая свои тайные исследования в недрах микромира и в пустынях мегамира, дошедшая до оснований мирозлания и готовящая ему большой неподсудный сюрприз, о-очень превышающий по неожиданности и силе любые ядерные эксперименты.

Разумеется, что-то остается от классического нововременского наследия, воспроизводится, но не доминирует, не определяет, не возвышается. Так себе — в обороне, в оазисах, в резервациях! С классикой покончено, как покончено не только с религиозным премодерном, но и с еще вроде бы гуманистическим модерном!

Ни классики, ни гуманизма, ни человека!

Бесы и толпа, толпа и бесы!

Ад, он и есть ад!

Тогда откуда же вдруг это неожиданное «Россия на подъеме!»?

Оттуда же — прямо из земного ада, от него милого, благодаря ему, но, разумеется, и вопреки ему, против него, в сторону от него. Россия не первая оказалась в постмодерновом аду — там давно уже бытует тот же Запад, — но Россия очутилась в нем внезапно, скоротечно, целиком и по самые уши, если не с головой — причем очутилась не в привычном ей российском, а именно в новеньком для нее аду западном, развернувшемся к России, надо особо заметить, самой гнусной и темной своей стороной, если не попросту дряблой рожей.

Не прошло и двух десятилетий, как Россия уже вполне насладилась горьким вкусом западнизма, совершенно, знаете ли, канализационным, да и от своей собственной помойки ее уже капитально тошнит. И сегодня в России все более сильно осознание тошнотворного постмодернизма, причем не только вкусовое и эмоциональное, а и вполне умственное, а наряду с этим и осознание острой необходимости из всего этого какого-то немедленного вырыва.

История вершится не в соответствии с пресловутыми объективными законами, а помимо субъектно-субъективных деяний людей (масс, народов, классов, элит, властей, вождей, легальных и тайных организаций) и так называемым «ходом вещей», идущим независимо от воли и намерений людей как некая составляющая всех наличных энергий, сил и инициаций, как объективный, реагирующий при этом на обстоятельства, нередко и неосознаваемые, само- и метапроцесс, но также история вершится еще и «ходом неизвестности», способными внезапно выдать что-нибудь совершенно неожиданное, никем вообще не предусмотренное,

причем делая это с завидным постоянством и не очень-то завидной иррегулярностью. История — сумма деяний, процессов и происшествий, и роль трансценденции, вовлеченной в историю и ее тоже ведушей, чрезвычайно тут велика!

Есть события и смыслы, а есть *метасобытия* и *метасмыслы*. Так Россия пережила в XX в. поздний расцвет и внезапный упадок Российской империи: первую мировую войну (вовсе и не первую и, скорее, европейскую, чем мировую); две вроде бы революции: гражданскую-де и антиимпериалистическую войну; нашествие Интернационала (мирореволюционного и вполне империалистического); ленинскую смуту; затем сталинскую индустриальную реконструкцию с будто бы социализмом в основе, хотя попросту с тотальным всего и вся огосударствлением, вполне и ордынским; вторую европо-мировую войну, самую в истории большую и разрушительную; расцвет научно-технического индустриализма с вырывом в космос; попытку собственной мировой — социалистической-де — экспансии: «холодную войну» с Западом; нереформируемый социалистический-де, а на самом-то деле тотально-этатический, строй, впавший вдруг в маразматический застой; то ли перестройку, то ли предслом этатического (партократического) строя, а затем и полный слом сталинского способа бытия; реформную смуту с лихорадочным строительством паразитарно-присвоительного капитализма и поспешным освоением российского пространства западным глобализмом: поражение-де в «холодной войне» и сдачу страны на милость Западу; тяжелейший апокалиптический кризис; стабилизацию зависимого от глобального мирового центра строя и воспроизводственное упорядочение расстроенного реформой, присвоением и нашествием глобализма странового бытия.

При всем при этом: потери — жертвы, жертвы потери, нескончаемый жертвенно-растратно-утратный поток: людей, богатств, ресурсов, духа, ума, стремлений, надежд, иллюзий, фантазий!

Спрашивается: что же в самом деле произошло с точки зрения метаистории и в плане метасмыслов?

Разгром исторической империи — попытка колонизации (захвата) странового пространства — попытка использования мощи обреченной страны для империального в мире соперничества — использование страны для жуткого в общем-то социального эксперимента — включение возродившейся под экспериментом страны для битвы за мировые импе-

риальные интересы — победа в союзе с западным либерал-империализмом над европейским империал-фашизмом создание в соперничестве с Запалом атомной бомбы и вырыв в соревновании с США в космос — практика мирового социал-империализма — выведение страны из текущего научно-технического прогресса — прекращение надуманного социального эксперимента, внезапный крах СССР и новое колониальное освоение страны.

Получается, что было все, что угодно, кроме *собственной истории России*! Все метасмыслы как бы из-за пределов или же за пределами страны. А что сама страна, каким же был ее собственный метасмысл, кроме прохождения всех кругов земного ада и нарочито-вынужденного выживания… э-э… населения? Как-никак, а сто лет непрерывного ада, только лишь волнообразного — то пожестче, то помягче!

Кто возьмется ответить на этот вопрос, ежели вопрос этот из числа «неответствуемых» — для людей вообще, для русских людей, для всех россиян?

Почему история со всеми своими людскими деяниями, ходом вещей и ходом неизвестности распорядилась в отношении России именно так? Разве Россия лишь место для адских пришествий, происшествий и свершений? А что случилось в 1990-е, да и продолжается в 2000-е — последний акт российской адской драмы или всего лишь новый виток затянувшегося адовского спектакля?

Предположим, что всего лишь какое-то суровое трансцендентное испытание, зачем-то потребовавшаяся истории дыба, что-то вроде назидательного распятия на услужливом кресте истории, может, и самой судьбы человеческой, во всяком случае, что-то явно не рядовое, не обыденное, возможно, и героическое, но почему-то при этом явно расправное. Расправа и ей сопротивление… ценою расправы и сопротивления… и бедствий, и лишений, и крови! Почему история выбрала для этой практически бесконечной экзекуции именно Россию? или же сама Россия избрала для себя сей странноприимный вариант бытия-небытия? Одно тут ясно: история не пропустила Россию, а Россия не избежала истории! Кто тут кого не устроил, не уважил, не простил, или же совсем наоборот — устроил, уважил, простил? И ежели все-таки испытание, распятие, казнь, то не так уж и за что (русичи-русские-россияне не хуже других, а может, еще и получше), как ради чего? И в конце концов что же случилось: поучительно-исправительное наказание, до конца не удавшаяся приговорная расправа или сурово-трагическое вываривание чего-то небывалого,

но… будущного?

Что ж, Россия проходит через горнило ада, в меру закаляясь и удивительнейшим образом сохраняясь, даже и как-то и куда-то изменяясь, сменяя образ, облик, шкуру, но при этом и сберегая внутри себя что-то свое, коренное, изначальное, как раз, видимо, то самое, что из нее стараются выбить всякие критики, судьи, инквизиторы, преобразователи, реформаторы, революционеры. И как только Россия поднимается, приближаясь к самой себе, так немедленно следует разрушительно-проективные преобразования с натягиванием на Россию какого-нибудь внешнего безобразья, с которых потом России приходится тягаться, от него и тяжко освобождаясь. Вот и XX в. стал веком сокрушительной атаки на Россию, предполагавшей ее полное умерщвление — как именно России, как страны русских, как родины своего народа, что частично и удалось, но в целом все-таки не получилось, как и не получается до сих пор, уже в XXI в. — во времена апокалиптического кризиса уже самого мирового глобализма.

У России в XX в. был шанс вырваться к России, отказавшись после победы в 1945 г. от СССР, КПСС, социализма, коминтерна, соцсистемы, нарочитой попытки доминирования в мире, от участия в мировой социалистической-де революции, как и от участия в «холодной войне», от лобового соперничества с США — то бишь отказавшись от засевшей в России не-России, оставаясь при этом с атомной бомбой, ракетами и космосом. Но такового отказа не произошло, ибо антироссийское заражение оказалось сильнее пророссийской организменности (тот же Сталин не был ни сторонником, ни любителем, ни почитателем России, хотя и обращался к ней, и использовал, и даже чуть-чуть признавал за ней… э-э… лишь возможность полупечального бытования). СССР-система, или система, называвшаяся СССР, боялась коренной России, а потому и не очень-то шла навстречу России, лишь ее нещадно эксплуатируя, отягчая и удерживая в загоне.

СССР пытался заменить собою Россию, как и старался в связи с этим дать образ нового обустройства бытия — как бы построссийского, нероссийского, даже чем-то и антироссийского, отгородившись от имперского и тлетворного влияния Запада и замкнув население страны в советско-социалистической, а на самом-то деле в тоталитарно-этатической резервации, обеспечив при этом и кое-какую сносность людского существования. возможность труда и творчества, даже и немалую справедливость, но… в обмен на свободу, личностность (в широком смысле)

и любую частную инициативность.

У СССР случилась своя кратковременная удача — четверть века процветания после Победы, когда подневольный труд и подвластное творчество не казались таковыми гражданам СССР, производительность росла, имело место быстрое и целостное развитие, жизненный уровень возрастал, гуманистическое искусство и пропедевтическая литература процветали, бытовая нравственность была крепка, а между властью и народом установилось что-то вроде мирного консенсусного согласия. Воцарилась уверенность в текущем бытии, в безопасности и в завтрашнем дне. Золотая четверть века в истории подневольной, подопытной, эксплуатируемой, отрицаемой и вовсю используемой страны!

К России СССР все-таки не пошел, внутренней органики и духовной полноценности не достиг (атеизм, материализм, сциентизм), жизненной потенцией не овладел — и через четверть века после Победы впал в неизлечимый кризис — вполне уже и апокалитический! Вялые и непоследовательные реформы не помогли, как не помогли и ни вполне материальные нефтедоллары, ни идейные-де заклинания, даже мировой кризис, охвативший Запад в 1970-е гг., не помог, как и не помогли ни «братья» по системе, ни многочисленные по свету разбросанные союзнички (в основном, конечно, халявные попутчики). Система-СССР, или СССР-система, захватившая Россию и ее под себя подмявшая, даже и, по сути, предавшая, не устояла, но не так даже под ударами извне, хотя они и были, как изъеденная изнутри, причем не Россией вовсе, а новой, уже не государственно-советско-социалистической, с прямо-таки наоборотной *не*-Россией — буржуазно-компрадорско-мошеннической.

И откуда же она вдруг взялась, эта новая — гнусная и подлая — система, она же антисистема, она же антимир? Прямо из советско-социалистического подполья, из укромных уголков российского ада, из обычно подавленных и выдавленных подсознание зверочеловеческих инстинктов. Когда-то — в 1917 г. — выскочивший наружу революционный зверочеловек, затем разгромленный и загнанный не менее зверочеловеческим сталинизмом в темное подполье, вновь выскочил на свет в революционные 1990-е, но уже с прямо противоположной задачкой — присвоить богатство СССР для поддержания мирового глобализма и с непременным для себя честно-частным гешефтом.

В 1990-е гг. в стране, формально называвшейся Россией, вновь воцарилась не-Россия вкупе с анти-Россией, что не значит, что эти последние не явились непосредственно и из самой России. Вместо мировой

победы СССР с его мировым соцализмом-коммунизмом вышла победа мирового глобализма над СССР вместе с его социализмом-коммунизмом. А анти-СССР, который в общем-то более анти-Россия, чем анти-СССР, блестяще воспользовался для себя и в своих присвоительных целях созданным в СССР материально-техническим базисом. что означало две вещи: 1) осуществление Сталиным и сталинизмом что-то вроде первоначального накопления капитала (созидание индустриального богатства) и 2) революционное овладение созданным богатством про буржуазной антисистемой, запретендовавшей стать новой реальной системой на месте все той же России, разумеется, вполне подчиненной галактического кроя глобальной суперсистеме.

2000-е гг. — годы закрепления и даже облагораживания новой системы, оказавшейся совершенно далекой в основе своей от любых гуманно-цивилизационных принципов, параметров и ограничений, не говоря уже об общепринятых гражданских и социальных понятиях. Современная Россия — образец зверочеловеческого земного ада! Причем ада прямо и в среде культуры, цивилизации, законов, науки, интеллектуализма, непрерывного образования. Все самое невообразимое с морально-умственной позиции нововременского человека — все нынче в России! Россиянин (не весь, конечно, не каждый, но вовсе и не отдельный) наделал столько всего недостойного, беспардонного, безумного, что впору говорить о совершении в России прямо-таки *античеловеческого переворота*. Тьма взяла верх над светом, затмила собою свет, кинула страну в беспросветность, маргинализировала даже сам свет!

Любопытно, что сталинский подъем страны со всеми ее победами обеспечило поколение, родившееся и получившее воспитание с образованием еще в Российской империи, а разграбление, унижение и полную дегуманизацию страны проделало поколение, родившееся и выросшее как раз в эпоху расцвета СССР со всем его советизмом-социализмом, но при этом и во время безысходного кризиса СССР со всей его атрибутикой — отупением, омертвением, диссипацией!

И все это не только любопытно, но и очень знаменательно: измена по отношению к России не только не привела к торжеству придуманного в европейских кабинетах всеобщего счастья, но и не позволила на месте России сколотить что-то жизнеспособное из нероссийского материала. Вот он, — горький, наверное, и самый главный, урок, от многоэтапной антироссийской революции!

А сегодня-то, уже в 2013 г., не то ли же самое чувствуется и видится в России, а-а? Кому-то, наверное, кажется, что лучше всего стране отсиживаться в роли глобалической провинции — и если не быть совсем уж бессловесным слугой перед глобальным штабом, то хотя бы старательно изображать из себя глобалического партнера, а то и союзника, настойчиво и неуклонно вестернизируясь и все более увязывая свою судьбу с процветающим-де западным миром. И хотя в стране немало такого рода западничества (вовсе не только идейного), но металогика российского бытия все отчетливее подтверждает и кое-что другое: в России вновь поднимается… Россия — и неважно в каком конкретно обличье — очень российском или не очень — ибо главное тут в поиске и в обретении страною самой себя, разумеется, пока еще в не слишком самой себе адекватности, но все-таки в направленности к самой себе. Вершится то, что должно было свершиться сразу же после Великой Победы, но… тогда этого не состоялось, страна была насильственно «обворожена» советизмом-социализмом, как и сознательно отвернута от России. Теперь ситуация иная: страна в 1990-е оказалась на краю античеловеческой бездны, куда не захотела, а может, и не смогла, впрыгнуть, от которой в ужасе отпрянула и шаг за шагом от нее более или менее «общаком» отодвигается. Как-никак, а начало десятых годов XXI в. — не только не начало 1990-х, но даже и не начало нулевых 2000-х: многое в стране изменилось, пусть пока и без достаточного для полноценного бытия позитива, но все-таки… в сторону позитива тоже!

Интересно, что несмотря на разгул в 1990-е инферно, бесовства и безумства, как и самых примитивно-низких страстей, на водворение массированной смуты, на поднявший голову криминал, на общее беззаконие, основное население ужаленной беспределом страны вовсе не кинулось, задрав штаны, за сатанинскими соблазнами, а стоически осталось на месте, с собой, своими установками и ориентирами, заявив о себе как о цивилизованном, сознательном и вполне выдержанном народе, принявшем вызов на редкость мерзкой напасти, перед ней устоявшем и навязавшем ей непрестанную и упорную борьбу, более молчаливую, чем говорливую, но все-таки борьбу.

Здесь проявился вовсе не консерватизм как таковой, хотя и он тоже, а инстинкт к жизни, а — по первичном выживании — и к жизни нормальной — полнокровной и полноценной!

Да, кризис социума и бытия вовсе еще не преодолен, Россия пока еще вдали от России, но, во-первых, страна уже не на дне; во-вторых,

кризис сознается в полной мере и вольготно себя уже не чувствует; в-третьих, страна поднимается, преодолевая опаснейший для себя кризис.

Металогика истории разворачивается в пользу России!

В СССР не было необходимой свободы, хотя и была потребная безопасность и гарантированная устойчивость; новая революция воспользовалась как внезапно наступившим маразмом советско-социалистической системы, так и усталостью от нее населения, достаточно сильным и масштабным в ней с его стороны разочарованием; революция предоставила вроде бы свободу, но таким образом, что вызволила при этом и свободу грабить, присваивать, паразитарно и по-крупному обогащаться, чем, естественно, по полной воспользовались немногие так называемые успешные… э-э… люди-граждане (либо хорошо посвященные, либо очень уж шустрые).

Свобода, точнее бы — анархия, переплетенная с несправедливостью!

Царство лукавства, обмана и лжи!

На место государства-водителя, охранителя и гаранта пришло государство-обманщик, разбойник и супостат, но в силу метафизической предопределенности и разного рода внутренних и внешних обстоятельств-угроз вынужденное эволюционировать с начала 2000-х в сторону общесоциальных и общенациональных интересов, ибо без известного соблюдения оных новая система-антисистема развалилась бы как карточный домик, оставшись без базиса, тыла и опоры.

Верх в среде новой России-не-России взяла линия на целостность оставшейся от СССР России, на ее новое цивилизационное обустройство, на усиление ее международной субъектности, на развитие хозяйства и общества, на тот же рост народонаселения. Нет, это еще не разворот к России как таковой, но это уже разворот к суверенной, самостоятельной, субъективной стране, причем вовсе не из последнего, а вполне и первого ряда. Отрицать такой разворот сегодня уже невозможно! И вряд ли было бы справедливо не замечать серьезнейших усилий в пользу всего этого со стороны правительствующей власти — может, и не самых последовательных и эффективных, но достаточно целеположенных и неуклонных.

Как это ни странно, но у России есть сегодня шанс — при соответствующей роли центральной власти — вновь превзойти саму себя в историческом соревновании с самою собой и мировым контекстом

за собственное в истории бытие. Рассматривая этот шанс, надо иметь в виду, что главенствующий сегодня на историческом дворе мир уже не мир Модерна, а Постмодерна (что не значит, что в мире нет модерна и даже премодерна), и господство Постмодерна означает, что не стоит уже напрягать силы для сооружения жестких чего-либо конструкций, а стоит лишь давать возможность чему-либо сообразовываться в среде броуновской (вряд ли даже калейдоскопической) деконструктивности. На передний план выходит не плановое строительство чего-либо (страны, государства, социума, хозяйства), а игровое поощрение приемлемых для жизни тенденций, как и игровое же погашение тенденций неприемлемых.

Россия сегодня в движении — одновременно свободном и ограниченном, причем в движении творческом одновременно подражательном и оригинальном; Россия — созидательно-созидающий котел, в котором что-то вываривается, но это что-то не станет пригожинским кристаллом, а окажется не слишком определенным и весьма подвижным сообразованием; будущая Россия — неизвестная Россия, как ее ни воображай, ни рассчитывай, ни конструируй, что не значит, что совсем невозможная и никак не жизнеспособная.

Дело тут не только во включенности России в глобальный контекст и в общую мировую динамику, вполне уже и безумную, дело еще и в том, что нынешний человек уже не тот человек, что был еще совсем недавно, он, даже сидя на месте, настолько подвижен, изменчив и разен, что никакие жесткие формы ему уже не указ, не норма и не выход. Весь мир сдвинулся с места, что бывало обычно во время войн и при катастрофах, — и ничего другого теперь кроме непрерывной броунады, предложить себе он уже не может!

В будущей России не будет ничего стройно-постоянного, кроме самого понятия-символа — *России*! Россия — место, идея, дух, понятие-символ, вера, ну и, конечно, мир, но никак не железная конструкция, даже не здание, а ежели и дом, то дом идеальный, языковой, текстуальный, воображенческий, виртуальный.

Россия может использовать свой жизнетворческий и геостратегический шанс, если будет тянуться к себе и играть в собственных интересах. России нет никакой необходимости сливаться с Западом и нырять под Восток, тем более что Запад в разгорающемся постмодерновом кризисе, а Восток к себе усиленно такой кризис призывает, добровольно и охотно европеизируясь. да и противоречия между Западом и Востоком,

включая бойкий мусульманский мир, куда-как сильнее и судьбоноснее, чем противоречия России с Западом и Востоком.

Западный мировой империализм восточный мировой контримпериализм — вынужденные, стойкие и реальные противники. Задача России — не попасть в союзники ни к тому, ни к другому, как и не стать жертвой их взаимного антироссийского согласия. Дремать России нельзя, некогда и попросту преступно! Большое взаимовыгодное взаимодействие с равноправными отношениями при проницательнейшем слежении за словами, жестами, действиями всех нынешних стратегических игроков. Ну и, конечно, с армией и флотом этими самыми естественными и доверительными союзниками России!

Что ж, сегодня особенно актуален незабвенный Никколо Макиавелли со своим хитроумным макиавеллизмом. Нет, не устарел вовсе флорентинец, животворен как никогда, ибо мир постмодерновый зыбок, гибок, непостоянен, по-особому и коварен, как раз под стать бессмертному учению блистательного выпускника флорентийской Платоновской академии.

И что тут особенно важно: 1) стремление к общему благу; 2) непренебрежение чрезвычайшиной; 3) никакого ни к кому общечеловеческого доверия, тем более авансового. Много чему есть поучиться у Макиавелли, но нам достаточно и вот этого: 1) Россия как общее благо; 2) чрезвычайные меры ради России; 3) недоверие к не-России, анти-России и квази-России, не говоря уже о вне-России.

Перед нами глубоко, масштабно и долговременно кризисный земной мир, когда решается не что-нибудь, а быть или не быть человечеству, а ежели и быть, то уже не постчеловечеству ли? — не оставит в покое Россию, но и не может при этом не предоставлять вынужденно кое-каких возможностей для России, которыми лишь нужно непременно воспользоваться. Надо иметь в виду, что здесь у России игра не за успех, не за добычу, не за величие, а за саму Россию — Россия, увы, — *на кону*!

Неправда, что России нет, что она вся уже вышла, что она уже не ценность. Россия есть, не вышла и она великая ценность. Неверно и то, что у нее нет, кроме-де архаичного православия, никакой современной идеологии, что нет национальной идеи, нет и своего перспективного проекта. Все это есть: идея России в самой России; идеология России — софийная идеология, включая и рожденную в России философию хозяйства; российский проект — *ино*человек и *ино*человечество, *иной мир*, как раз все то, что только и может родиться через посредство мучительной

адовой страды, как раз и выпавшей на долю России.

Иное не выдумывается и не конструируется, оно само возникает в испытании, через распятие, на страшном Суде и… в момент Воскрешения!

Да будет!

«Философия хозяйства». 2013. № 2.

2014г.

ИЗ ЗАПАДНИ

(к вопросу о вырыве России к развитию)

В России и ее правящих верхах, кажется, растет осознание *тупика* неразвития, в который то ли попала, то ли была загнана великая страна в итоге скоротечных, бесцеремонных и беспощадных реформ, благочестиво-лукаво до сих пор почему-то называемых «рыночными», хотя были они попросту капиталистическими, причем вполне дирижистскими со стороны государства и компрадорскими со стороны образовавшихся стремительно-глумливо частных агентов.

В ходе реформ была получена классическая в социо-хозяйственном аспекте капиталистическая страна, однако не только не страна-лидер, но даже и не страна-партнер, а всего лишь страна-подкидыш — с субординационной (в контексте мировой экономической глобализации) и присвоительно-потребительской (в аспекте локальной реализации) моделью капитализма, предполагающей зависимое от внешнего мира с энерго-полуфабрикатно-сырьевой ориентацией псевдонациональное хозяйство, с дарованной ему возможностью столь же зависимого (импортогенного) *подразвития* (подкормочного развития) лишь ориентированного на внешний рынок как раз энерго-полуфабрикатно-сырьевого сектора, и исключающей любое полноценное — самостоятельное и целостное — развитие собственно национального хозяйства.

Изюминка такого капитализма состоит в наличии класса частных собственников — капиталистов, предпринимательский раж которых не выходит за рамки обеспечения экономической эксплуатации принадлежащих им факторов производства в целях получения для себя капитального дохода и его вывода за границу. Недаром этот класс и физически уже размещается за границей. Возникла система оригинального

финансово-предпринимательского «извнешнего» латифундизма. Данный класс собственников-капиталистов «евроамериканской ориентации» не имеет никакого отношения к новаторскому национальному предпринимательству, а если и не чурается нововведений, то лишь в прихваченном глобализмом секторе и в потребительско-распределительной части странового хозяйства (финансовой, торговой, «услуговой», аграрной, пищевой, транспортной и т. д.).

Другой изюминкой вновь возникшего капитализма стала его «социальность» — вполне, заметим, вынужденная, что выражается в некоторой поддержке государством обедневших в результате «гуманистических прогрессивных реформ» слоев населения — отчужденных от факторов производства еще при социализме и окончательно их лишенных по итогам лукавой приватизации 1990-х. Речь здесь идет как о собственно трудящихся массах, так и о нетрудовых элементах, вроде пенсионеров, инвалидов и студентов, к тому же тщательно обобранных гениальной шоковой терапией посредством монетарно-инфляционных, вполне и фокуснических, манипуляций (аннулирования «кровных» денежных накоплений, резкого падения размеров и ценности пенсий и тех же стипендий, отменой разного рода денежных и иных льгот и т. д.).

Итак: Россия имеет сегодня субординационный присвоительно-перераспределительный капитализм, ориентированный на потребности глобализированного мирового экономизма и от него в целом зависимый, слегка подправленный «социальностью», лишенный всякого внутреннего стремления к органическому развитию и испытывающий в данном вопросе комплекс полной неполноценности и массу объективно-субъективных — практически и непреодолимых — ограничений.

Главный оперативный вопрос повестки дня: что делать с этим уродливым капиталистическим монстром, пожирающим страну и не дающим ей полноценного развитийного приплода?

А ведь капитализм этот возник в итоге только что талантливо проведенной реформы и является… *по-реформенным!* Сам сидя в тупике неразвития этот примечательный капитализм-уродец загнал в тупик неразвития всю страну. вынуждая бежать из страны не только капиталы и их владельцев, но и перспективно-деловое население вообще, в особенности, «племя младое, незнакомое».

Сам этот уже вполне зачуханный капитализм, обманно криминально возникший, недостоверный и нелигитимный, не имеющий ника-

ких хозяйственных амбиций, кроме присвоительно-потребительно-паразитарных, не изменится и ни к какому стартовому новаторско-предпринимательскому состоянию не придет, выставляя в качестве оправдания отсутствие-де в России подходящего для инвестирования в нововведения «делового климата» по причине «государственного засилия» и «коррумпированности чиновничества», совершенно забывая о собственных — вполне и родовых — антипредпринимательских свойствах.

Ежели на сам по себе мертворожденный капитализм нет никакой надежды, то как же обеспечить переход России к *хозяйству развития?* Проблема осложняется еще и тем, что сначала СССР проморгал новую волну научно-технического прогресса — неоиндустриальную, оставшись в основном в индустриализме, пусть и весьма развитом, а потом и «независимая» Российская Федерация, увлекшаяся обеспечением частного присвоения национального богатства, вообще отбросила, подсев на индустриальную энерго-полуфабрикатно-сырьевую иглу, всякие намерения по освоению неоиндустриализма. Отсюда сквернота общей ситуации: современная Россия лишена достаточных для перехода к хозяйству развития собственных неоиндустриальных источников и технических средств. Выходит, что скачок к развитию на основе современных технологий можно сделать только с участием… заграницы, давно и явно уже ушедшей вперед. Передовая технология в неоиндустриальную инновационную сферу российского хозяйства, прыгнувшего в капитализацию и глобализм, так и не пришла — как раз по причине проведенной наспех капитализации и заказного прыжка в глобализм. Мировому экономизму неоиндустриальное развитие России не нужно и стратегически не выгодно. Надежды на западное участие в данном вопросе рассеиваются как дым. Запад тоже кивает на плохой «инвестиционный климат» в России.

Изо всего этого вытекает только одно, как это бывало уже в истории России не раз: опора на собственные силы, их общая мобилизация под системное развитие страны и заинтересованное привлечение передовых иностранных технологий. Нетрудно догадаться, что миссия обеспечения перехода к хозяйству развития и реализации соответствующей управленческой стратегии ложится на… *российское государство!*

Очень многим в стране не нравится наш отечественный созидательный этатизм, всячески уже раскритикованный, разоблаченный и опороченный, но… потребность в нем не где-то там — вдалеке, а прямо здесь, вблизи, при дверях! Одно дело, когда государство проводило рево-

люционную реформу 1990-х, обеспечив частную «прихватизацию» факторов производства и национального богатства, позволив свершиться «первоначальному накоплению капитала» (очень, кстати, для российских нуворишей благоносному! — это после социалистической «кровавой» индустриализации), дав возможность нынешнему уродливому капитализму быть и процветать, — тогда только и хорош этатизм, причем не менее, если не более жесткий и беспощадный, чем тот же сталинский, — совсем же другое дело, когда государство вдруг берется за несанкционированное «родным» капитализмом изменение общей ситуации и всего стратегического курса страны, в пользу ее — этой страны — целостного самостоятельного развития, что вовсе не желательно для только что сложившегося под крылом того же государства присвоительно-потребительно-паразитарного капитализма. Отсюда и безапелляционная антигосударственная риторика со стороны адептов «частной собственности и частной инициативы», а по сути-то — агентов нашего уродливого недокапитализма.

Промежуточное заключение: или наше российское государство, само весьма изменившись, берется за обеспечение перехода к хозяйству развития, или никакого неоиндустриального развития в России вообще не будет!

Из этого исторического императива следует, что коли потребность в развитии страны и ее хозяйства исторически оправдана и ситуационно обоснована, то государству нашему придется-таки стать… *государством развития.* Но здесь мало одного желания и даже хорошо продуманного в кабинетах проекта. Здесь потребно *большое действие,* причем не так даже по самому по себе развитию, как по *переходу к развитию,* ибо в целом нынешняя пореформенная Россия против как собственно развития, так и волевого перехода к нему. И не один лишь дорогой всей стране капитал против этого, но и почти весь дорогой для всей страны госаппарат, вся вполне антироссийская не жить. Сегодня на повестке более всего нажива — изголодавшихся по личному богатству и красивой жизни отпущенных вдруг на волю алчных рабов и вольно определяющихся хищных разбойников, но никак не созидательное творчество, не деловая ради него самоотдача, не воистину предпринимательский риск. Весь культурно-психологический настрой «деловой» части общества, или бизнес-сообщества, более паразитарный и проедательный, чем рабочий и созидательный. В горнило накопления, обирания и гедонизма брошено все:

созданная при социализме индустриальная инфраструктура, образованное и профессиональное рабочее население, богатая ресурсами природа, обширная плодоносная земля. И в плане полноценного развития в России явился действительный тупик, из которого… нет никакого размеренного выхода, а возможен лишь неординарный *вырыв!*

И это все надо осознавать, а осознав, понять, что страна нуждается в достаточно глубоком и масштабном *социо-хозяйственном перестроении,* концептуально вдохновляемом и политически ведомом уже не чем-нибудь, а идеологией *постреформизма.*

Все отрицательное по-реформенное (в аспекте социального нездоровья и тупика неразвития) должно решительно заменяться на положительное пост-реформенное. Переход к развитию включает в себя вполне системное постреформенное перестроение — не более и не менее! И ежели ясно, что это все должна взять на себя власть, то не менее ясно, что этого никогда не сделает наш инертный, бестолковый и развращенный госаппарат. Выходит, что делать это должна от имени общества и государства особая управленческая структура — новый «орден меченосцев», или же *государство в государстве,* — располагающая особыми возможностями и полномочиями, как и несущая особую ответственность. И не Россию целиком она должна вновь переворачивать, а создавать в России *новую Россию,* способную развиваться и тянуть за собой остальную Россию. Остальная же Россия должна новой России не только не мешать, но и продуктивно ей послужить.

Нет, не надо отменять капитализма и рынка, не надо сплошь закрывать границы, надо лишь сформировать, укрепить и развить национальной *государственно-корпоративный сектор развития,* обеспечив его лидирующую и пионерскую роль в развитии страны, а вот для всего отечественного капитализма надо предложить не отрицающее частной хозяйственной самостоятельности и инициативности побудительное управление производительной средой, происходящими в экономике процессами и поведением хозяйствующих субъектов, не исключая и директивных оборонно-стратегических к ним обращений. В центре и в основании национального сектора развития — военная и гражданская (а такая тоже есть) «оборонка», или же *стратегический сектор,* содержащий в себе и науку с образованием, и конструкторскую часть, и внедренческую, и венчурную, привлекающий подрядных и инновационных агентов.

Во главе всего процесса — *Национальное агентство* развития с чрезвычайными полномочиями и ответственностью, с плановым органом

внутри себя и финансовыми учреждениями рядом, способными финансировать целевые программы и кредитовать субъектов-исполнителей. Речь при этом не идет о прямом управлении производительными субъектами, даже национальными, даже непосредственно государственными, речь может идти более всего о контрактной системе хозяйственных отношений. В итоге все это можно назвать вкупе с общей национальной политикой в хозяйственной сфере *неодирижизмом.*

Итак: пореформенное целенаправленное перестроение хозяйства и общества; формирование и укрепление постреформенного национального государственно-корпоративного сектора развития — *стратегического сектора;* реализация властного государственно-нормативного национального хозяйствования на принципах финансового и нефинансового *неодирижизма,* органично сочетающегося с союзным ему неолиберализмом, не исключающего ни хозяйственной самостоятельности предприятий, фирм и корпораций, ни управления хозяйственной средой, экономическими процессами и поведением агентов, ни взаимовыгодного партнерства между государством, стратегическим сектором и любыми частными хозяйствующими субъектами, ни директивных оборонных заказов и добровольных контрактных отношений.

Все это никак не противоречит мировой практике, наоборот, ей абсолютно соответствует, что доказывается опытом всех стран, обеспечивавших ускоренный выход к неоиндустриализму и ставших на путь самостоятельного развития.

Вырыв к социо-хозяйственному развитию сегодня — вопрос не экономический, даже не социальный, а *политический!*

«Философия хозяйства». 2014. № 2.

ПО ПУТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Глобализация и одновременная ей международная регионализация, несущие как глобалический, так и антиглобалический моменты, настойчиво требуют евразийской международной интеграции, осуществляемой вокруг России (не Китая, а именно России, т. е. в северной стороне Евразии), а сама эта евразийская интеграция настойчиво выталкивает Россию на роль основания, центра и лидера данной интеграции. Дело тут в исторической, причем более метафизической, чем феноменальной, объективной потребности. Евразийская интеграция с Россией

во главе не столько субъектна-субъективна, хотя это и имеет место, сколько, подчеркнем особо, объективна.

И само выдвижение России на передние позиции тоже объективно, точнее сказать, это не столько желание России, сколько ее миссия. Тут сказываются разные обстоятельства, в том числе и такие, как большие размеры страны, ее воистину евразийское пространство, традиции, имперский опыт, богатые ресурсы, состоявшийся индустриализм, образованное высококвалифицированное население, международный язык (русский) и богатая интернациональная культура (классическая и современная), но главная роль принадлежит, конечно, сохранившемуся и развивающемуся оборонному комплексу, гарантирующему безопасность, государственную независимость, внешнеполитическую силу и возможность геополитического маневрирования, международный авторитет, а также поддерживающему высокотехнологический производительный очаг.

И хотя в «царстве российском» далеко не все благополучно в экономическом, научно-техническом, социальном и внутриполитическом аспектах, что не позволяет России предстать перед своими партнерами воистину процветающей и богатой страной, никакая другая из союзных евразийских стран не может исполнить лидирующей роли в новом международном интеграционном образовании.

Россия и все остальные объединяющиеся страны, их правящие круги и высшие элиты, должны сегодня ясно осознавать, что евразийская интеграция имеет, наряду с текущими и достаточно поверхностными экономическими мотивами, глубокое историческое геостратегическое обоснование, восходящее к потребности группового самосохранения, выживания и спасения, что делает интеграцию деянием насквозь политическим и диктует сегодня необходимость ее содержательного концептуального оснащения, в некоторой своей части и конспиративного.

Насколько важна сегодня и будет еще важнее в будущем евразийская интеграция, показывают кризисные события на Украине, активно стимулируемые и режиссируемые из-за рубежа. У нас, в Северной Евразии, еще только прединтеграция, а Запад уже предпринимает все возможные в нынешней глобальной войне усилия, чтобы не допустить интеграции, ее немедленно развалить. Да и сама по себе эта интеграция несет в себе достаточно проблем и противоречий, чтобы, едва начавшись, уже впасть, пусть только вроде бы из-за еще не вступившей в нее Украины, в проекционный кризис.

Евразийская интеграция — вынужденная и ускоренная — рождается в муках!

В нынешнем своем не лучшем виде Россия, несмотря на успешное проведение Сочинской олимпиады, вытянуть полностью и эффективно выпавшую на нее историческую интеграционную миссию не сможет. России нужно немедля выходить из затянувшегося социо-хозяйственного пореформенного кризиса, взяв курс на постреформенное перестроение, для чего перейти к практике последовательного государственно-корпоративного неодирижизма, сопряженного с практикой не отрицающего этого дирижизма неолиберализма.

Россия тянет за собой интеграцию, интеграция выталкивает вперед Россию! Россия — залог становления и развития евразийской интеграции, а евразийская интеграция — залог выживания, преобразования и развития России!

«Философия хозяйства». 2014. № 2.

РУССКИЙ ВОПРОС

Мой старший коллега по Московскому университету, с которым у меня лично сложились вполне любезные отношения, Г.Х. Попов, сыгравший одну из ведущих ролей в перевороте 1991—1993 гг., как и давший в то самое время вольную отечественным мздоимцам, вдруг опубликовал где-то на рубеже 1900—2000-х гг. в одной из центральных газет статью под весьма характеристическим, если не попросту стреляющим, названием — «Русский холокост» [1]. Статья, конечно, была замечена, но и, разумеется, без особого промедления… забыта. Очень неудобной то была статья — что тогда, прозвучав как гром среди ясного неба, что сегодня — в разгар «нового интернационализма»! Какой-такой «русский холокост»?!

Статья не грешила против правды, она совершенно актуальна и сейчас, хотя для меня остается загадкой, почему Г.Х. Попов, грек по этническому происхождению, конечно же, русскоговорящий и русский по культуре, вознамерился выступить ни с того ни с сего с этой убийственной статьей, возможно, лучшим своим публицистическим произведением? Но Гавриил Попов не был бы Гавриилом Поповым, если бы отказался от своей умственно-провидческой миссии быть взрывателем так называемого общественного мнения: что с освящением чиновничьей взятки, что с вскрытием очень болезненного русского вопроса.

Русские и русскость атакуются изобретательно и всесторонне: через отрицание русскости вообще (нет ее и все тут!), как и через сведение русскости к собирательному лингво-культурному феномену-призраку; через отрицание корневого характера русскости, ее кровного происхождения и бытия («русских по крови нет и быть не может!»); через невнимание к русским, русскости, русскому началу, русскому миру, их незамечание; через выдавливание русских на периферию жизни или за пределы молодых «независимых национальных государств», либо вольно-принудительную их ассимиляцию с «титульными» этносами, естественно, по второсортному разряду; через ограничение, вытеснение и запрещение русского языка (и это на территории бывшего СССР, говорившего целиком по-русски!); через опорочивание, очернение, окарикатуривание русских и всего с ними связанного, умаление, если не полное отрицание, исторической роли русского народа даже в пределах собственно российского государства; через поощрение аморальности, житейской безответственности, маргинализма, алкоголизма, абортизации и т. п. вещей среди русского населения; через избавление масс русских людей от плодоносной собственности, от земли, жилья, работы, вообще от приемлемых на сегодня условий жизни.

Странно обо всем этом говорить, но это, увы, так — и это не только в новых «независимых государствах», но и в самой Российской Федерации тоже, хотя и не в столь явной, последовательной и жесткой форме как в якобы братском «ближнем зарубежье».

Да, Г.Х Попов вовсе не для красного словца бросил на весь мир страшные огненные слова — «русский холокост», он знал, что говорил, как и мы хорошо осознаем, что видим вокруг. Но самое примечательное, что это не то что не первый «холокост» в русской истории, но фактически с некоторых пор попросту постоянный (то ослабевающийся, то усиливающийся) атрибут русской жизни. И ежели русские со своей русскостью еще в мире есть (хотя бы для себя есть), то не столько благодаря русской истории, сколько вопреки ей.

Кто только не отрицал, не поносил, не попирал, не переделывал, не уничтожал русских и русскость? Назовите мне лучше тех, кто был явно за русских и за русскость. Такие были и, слава богу, есть, но так ли их много? Даже Великая русская литература немало поиздевалась над русскими и русскостью, надо всем русским миром с его русским духом, а что говорить о каких-нибудь рюриковичах, византийцах, ордынцах, латинцах, тех же славных «запорожцах», как и всех мастей «европейцах»

(от Петра I и далее), а также интернационалистах, марксистах, большевиках, а теперь вот глобалистах, либералистах, опять же «новых европеистах», ну и, конечно же, ярых нерусских и антирусских националистах.

Взять ту же Российскую империю. Это что, и в самом деле была русская империя? Нет, вовсе нет! Петр I построил не русскую империю, а… российскую, а Русь Святую он как раз презрел, от нее и постарался радикально избавиться. А кем были собственно русские в российской империи? Да, они частично входили в состав господствовавшего феодального класса, того же служилого дворянства (по большей мере по происхождению чужеземного), но в основном-то коренные русские оказались в государственном и помещичьем, включая и церковное, рабстве. Нет, рабов на Руси не уничтожали, они были Империи нужны, работая в поте лица, служа беззаветно солдатами, активно плодясь, но… оставаясь рабами, причем гораздо большими рабами, чем иные «порабощенные-де» Империей нерусские народы. Наличие смешанного этнически, но в целом русскоязычного, свободного-де казачества дела тут не меняло, ибо казаки тоже были служивыми, да и не слишком охотно себя и русскими-то называли. А дворянство, говорившее по-французски (чтобы, видно, получше отделить себя от порабощенного им русского народа?) и жившее на европейский манер, русским-то считалось весьма условно (обратим внимание, что на Бородинском поле с двух сторон сошлись в битве… э-э… офицеры-«французы» — франко-европейские и «франко»-русские, — вот так!). Русский люд не так империю под себя устраивал, как был ее тягловыми носителем, что не значит, что русские не признавали имперскую Россию своей страной и не чуяли бытовавшего в ней русского мира.

Русские по духу своему и образу бытия люди в основном православные, хотя не всякий русский собственно православный, как и не всякий православный собственно русский. Неверно увязывать накрепко русскость с ортодоксальным (греко-византийским) христианством. В мире хватает нерусских ортодоксальных христиан (греки, грузины, абиссинцы, румыны, сербы). Хотя русское православие заметно и христианизированно, но оно не есть чистый христианизм. Истоки русскости в глубокой, еще дохристианской, может, даже и доправославной, древности. Нынешний русский не против своей православности, но православности все-таки сложной («матрешечной»), в которой сочетаются какая-то проторусскость (хотя бы ведическая), собственно русскость (этничность), ортодоксальный христианизм (греко-византийство) и, наконец, все извне

в веках заимствованное — что с Запада, что с Востока, но так же и с Юга, и с Севера. Русский — не только из белой расы, он не только арий, не только гипербореец, не только скиф, но и европеец, хотя и не западный (англосакс, германец), а восточный (венед, славянин), однако с примесью северного европейства (Гиперборея), центрального (Карпаты, Пруссия, Померания) и южного (как раз Скифия).

Русские (включая проторусов) на земле вообще и на своей земле в частности издревле, когда-то они собственно русскими (русичами, россами) и не назывались, но в какой-то момент стали именоваться русскими, в чем выразились как определенная этническая собирательность (почему нет?), так и этическая исключительность (почему же тоже нет?).

В итоге явилось-таки русское племя, не только вобравшее в себя имевшийся в наличии подходящий людской материал, но и выделившее себя из древнего мира предков-русичей, побывав даже некоторое время великороссами (с последующим закреплением имени «русский» как раз за этими самыми великороссами).

И вот тут-то очень большой и очень больной вопрос: что же это такое русские со своей треклятой русскостью?

Если на обыденном уровне, то русские… качественно не определимы, строго никак не выражены, схематично не очерчены, системно не собраны. Русские, в общем-то… никакие! И при этом они… русские (не только не китайцы, не монголы, не арабы, не армяне, не англичане, не немцы, но даже и не поляки, не сербы, мало того… не украинцы!). Что можно сказать о русских, кроме того, что они есть, хотя их при этом как бы и нет; что их будто бы нет, но они, увы, есть? Вроде бы никакие они — эти русские, но при всем при этом очень жизнеспособные, подвижные, сметливые; будучи преданными своим лесам, водам и равнинам, они неплохо чувствуют себя в степях, горах и даже пустынях; жители глубокой суши, они очень неплохие мореплаватели; в основном крестьяне, они уже во втором поколении способные ученые, военачальники, деятели искусств, писатели и поэты, инженеры, космонавты. Миром окружающим и жизнью своей особенно они не дорожат, хотя к миру и жизни совсем и не равнодушны. Не слишком рациональны, но при этом и невероятно находчивы. Русские что-то вроде непрерывного пламени: неустойчивого, текучего, переменчивого, но непременно горящего! Горят русские и не сгорают, хотя и сгорают тоже, но, сгорая, они насовсем не исчезают, во что-то иное каким-то образом перевоплощаясь.

Русские — самые непосредственные метафизики. Метафизического начала в русских куда больше, чем физического. Они явно не от мира сего, точнее — больше от иного мира, чем мира сего. В этом мире они более мимолетные, может, и мнимолетные пришельцы, чем его прочные обыватели. Этот мир интересен русским, но не настолько, чтобы им вполне удовлетвориться. В этом мире русские не очень-то обустраиваются. Они живут более для чего-то другого, не этого, не окружного. Их манит даль, высь, запределье. Это люди из Ничто! Идея русским дороже материи, никакая земная идея их не устраивает, а потому русским мила… э-э… какая-то очень уж идеальная идея, которой у людей нет, но ради которой только и стоит жить, точнее — не так жить, а как ждать, как раз того, о чем и помыслить-то нельзя. Трансценденция тут сплошная, прямо в душах русских и сидящая! А потому русскость — некое неотмирное ничто, которое в то же время и неизвестное нечто, удерживающее русского на земле, в этом мире, но при непременном условии временности своего земного, сеюмирного присутствия. Космос — другое дело, но космос как таковой тоже еще не все, ибо русский тянется за космос, к иному миру, отчего и православие свое лелеет, которое только верхней стороной ортодоксально-христианское, а нижней-то — волхво-ведическое!

Восточная Европа — ареал русскости, это русское в основном пространство. Но это и зона непрерывной борьбы — за русскость и с русскостью. Крайне страдательная зона, но она и крайне в духовном плане насыщенная. Именно здесь вылупился и бытует собственно русский человек — человек-неотмирец, человек-иномирец, человек-ничто! Не сладко ему, ибо жмут его, ругают, отрицают, как и покоряют, господствуют над ним, эксплуатируют его, хотя и от него вовсе не всем и не всегда сладко бывает, ибо неподатлив он, неправилен, негативен, но при этом еще и вынослив, приспособителен, неуничтожим, мало того — коварен, втягивающ (как трясина), разлагающ (как кислота). Легко растворяясь в чуждой среде, сам непринужденно растворяет в себе любой чуждый элемент. Не руссификация чужого тут на переднем плане, а его обрусевание, превращение в своего. Ценя своих, русский ценит и чужих, иной раз им и завидуя, но, познавая чужих, предпочитает более всего своих, совершенно с ними и не церемонясь. Страдая от русского мира — неустроенного, неопределенного, неблагополучного, тяжкого, гадкого, адского, русский человек еще больше страдает от любого нерусского мира, ибо он — русский — не от этих миров, а от своего — русского мира, совершенно и неотмирного!

Разрывающийся между миром земным и миром небесным, русский человек на практике противоречив, раздвоен, нецелостен. Менее всего ему присущи мера, середина, баланс. Русский не рожден для покоя, стабильности, благополучия. Если он и мирный обыватель, то совершенно неправильный, не только не умеющий красиво и стройно жить, но вовсе и не желающий уметь красиво и стройно жить, что не значит, что у русского нет устоев, обычаев, правил, как и чувства подлинной красоты. Глядя на русского со стороны, в особенности от лица «правильных» народов, ничего кроме нелепости, шаткости и дурости в русском человеке увидеть-де невозможно. Широк, раскидист, несобран. Неуловим, неописуем, невнятен. Ни понять русского, ни оформить, ни как следует скомпоновать.

Ни на что дельное вроде бы неспособный, русский способен, однако, на все, но для него непременно как-то и чем-то заманчивое, привлекательное, воодушевительное. Медленно запрягает, но быстро ездит! Внешне неприметный и чуть ли не никчемный, вдруг великий деятель, подвижник и герой. Противник методичности, но зато адепт скорого и бурного действа.

Русский мало кому нравится, хотя мало кто отказывается от возможности попользоваться русским миром, поездить на нем, урвать от него чего-нибудь для себя. Русский мир малопонятен для нерусского контекста, а попросту и страшен — своей неопределенностью, непредсказуемостью, поглотительной способностью. Не любят русских, но зато ими пользуются, не признают, но вынужденно считаются, ненавидят, но с ними любезничают. У русских почти нет этнодрузей и политических союзников, хотя русские признают весь мир, включая европейцев, китайцев, африканцев, даже и патагонцев, но признают так, что, немало восхитившись, предпочитают все-таки мир свой — русский, оставляя в покое любые иные этномиры.

Зачем же они на земле, эти русские? Ах, если б знать! Если б хоть устраивали себе рай на земле, покоряя и эксплуатируя другие народы; если б только и делали, что богу (богам) молились, погружаясь в нескончаемую нирвану; если б жили «по-человечески», блюдя себя и свои домы, а то ведь сколько от них всего странного, несуразного, неясного, опять же попросту и невозможного, но запросто вдруг случающегося, при этом и совершенно необъяснимого, загадочного, волшебного?!

И откуда же такая неприязнь к русским, если не истая к ним ненависть? Из-за бытового разгильдяйства, неуемства, хамства? Да, не без

этого, это все у русских есть, как и разное другое неприличное и отвратное, хотя и не у всех русских, да и не настолько великое, чтобы затмить душевную широту, поведенческую открытость, хара́ктерную непосредственность, а главное — простоту, аскетичность, непритязательность, отзывчивость, доверчивость. Чем насолили русские практически всем «братским» и «небратским», но близким (соседским, общежитским) народам? Ладно бы еще прибалты, мнящие себя культурными европейцами в сравнении с «дикими русскими азиатами», отрицающие все русское в горделивой на Россию обиде, хотя кем бы они сегодня были, не окажись своевременно в составе российского государства, не сохранившись в его лоне, не оставшись литовцами, латышами, эстонцами, а то ведь и грузины туда же, и казахи, и киргизы, и алтайцы… все вокруг недовольны, все вытесняют сейчас русских, обеспечивших многим из них европейскую и их же собственную культуру, давших им университеты, науку, консерватории, театры, заводы, фабрики, электричество, радио, железные дороги, автомобили, современные города, причем давших все это за счет сердцевинной России, за счет самих себя, за счет собственного, вполне и бывшего возможным, процветания?

Но особенно поразительна ненависть к русским, расцветшая на современной Украине, в особенности к своим же русским, коренным, приговоренным к безоговорочной украинизации. Нет сомнения в близком родстве русских с украинцами (или великороссов с малороссами), но нет уже никакой уверенности в духовной «братскости» этих двух родственных славянских народов, когда один народ — украинский, оказавшийся вдруг на территории нынешней Украины «титульным», устраивает руками своего передового западнического националистического отряда вавилонскую казнь другому славянскому народу, оказавшемуся вдруг на своей исконной территории «нацменьшинством», еще и не имеющим права ни на какую автономию, хотя бы языковую. Это даже не иго, даже не нацизм с фашизмом, а самый обыкновенный геноцид — одного этноса относительно другого этноса, так сказать, геноцид «близкородственный».

Нам скажут, что украинцы в массе своей тут не при чем, что они ничего не имеют против русских и русскости, что это только экстремистская часть украинского народа настроена и действует против русского (вполне и коренного!) населения, что украинцев настраивают против русских из-за рубежа, но… почему же основная-то часть украинского народа молчит и бездействует, уж не по причине ли мягкого и незаметного

сочувствия происходящим антирусским эксцессам, да и почему же украинцы так легко извне внушаемы и направляемы — против России, русских, русскости?

Да, все это самые обыкновенные проявления «русского холокоста» — холокоста именно над русскими, а не со стороны русских — по отношению какого-либо другого народа.

Нет, мы не собираемся возвеличивать русский народ в сравнении с другими народами, в том числе и исторически близким украинским, но мы не можем соглашаться и с унижением русского народа, допускаемым в среде других народов, пусть вроде бы и братских; русские, может, и хуже каких-то там правильных народов (хотелось бы их, правда, определить и перечислить!), но не настолько же, чтобы подвергаться системному унижению, отрицанию и нескончаемой травле?!

Русский народ — сам по себе великий народ с великой историей и великой культурой, пусть и народ-«плохиш», и с «нехорошей»-де историей, и «дурной»-де культурой — и он не обязан ни перед кем отчитываться за себя, свою историю и свою культуру, извиняясь, заискивая и раболепствуя.

Русский народ, наряду с немногими и в самом деле великими народами — действительный вершитель всемирной, а не только своей, истории, как и, увы, вершитель истории многих других народов, причем со всех концов света (по итогам той же Второй мировой войны).

Но все это не значит, что русский человек выше, «круче», полноценнее какого-либо другого — ни в коем случае: чего нет, того уж нет!

И вот перед нами и историей удивительнейший факт — факт «русского холокоста», возбуждающий сегодня острейший русский вопрос!

Что это за вопрос?

Суть дела тут, разумеется, не в имеющем место неблагоприятствовании русскому этносу со стороны иных этносов, освободившихся от русского-де гнета, бывшего якобы в Российской империи и в СССР, хотя такое неблагоприятствование и показательно: отрицательное давление на русских есть, и истории современной приходится с этим считаться! Однако дело, в общем-то, не в русофобии как таковой, не в местечковых преследованиях русских, хотя это и отвратительно. Русский вопрос в… самих же прежде всего русских, точнее, в русском мире как таковом, полном, с одной стороны, собственной русофобии, а с другой — не очень-то осознающем необходимости ее скорейшего изжива-

ния, но не столько через прямой отпор русофобам, хотя он тоже необходим, сколько посредством всеобщего самопреображения.

Русским уже давно пора, во-первых, осознать себя именно русскими; во-вторых, понять, что они либо вместе и за себя, а потом уже с другими и за других, либо их — русских — скоро попросту не будет; в-третьих, припомнить свою исконную русскость, свою древность, свою историческую обоснованность; в-четвертых, изжить слишком долго культивировавшуюся в русском народе рабскость (из-за варяжства, византийства, ордынства, тевтонства, но, разумеется, и из-за своих — коренных — поработителей); в-пятых, обратить внимание на себя, свои идейно-духовные истоки, выработать (уточнить, развить) свое собственное мировоззрение, освободить свой менталитет от внешней концептуальной зависимости; в-шестых, надеясь на Бога и Промысел, самим не плошать, ища дорогу в Иное (более простое, содержательное и животворное); в-седьмых, противопоставить русофобии не русофилию, а конструктивную сосредоточенность и поведенческую ответственость, одинаково страшные как для врагов, так и для «друзей»; в-восьмых, перестать себя окарикатуривать (развязным шутникам — отпор!); в-девятых, все лучшее, достойное, умное, мудрое — в пример!; в-десятых, учиться, трудиться, творить!

«Русский холокост» возбудил русский вопрос, а последний побуждает русский мир к сосредоточению, консолидации, преобразованию. Русофобия — неплохое лекарство, долженствующее достичь в итоге чисто русской цели — жить по-русски, преодолевая прелести Запада и не впадая в пределы Востока.

Не любят, презирают, ненавидят — значит не столько боятся, сколько завидуют, как и ценят, как раз за то неопределенное чего многим самим очень даже не хватает!

P.S. Почему я это все написал, как и постоянно обращаюсь к русской теме? По очень простой причине, точнее, по двум причинам: во-первых, потому, что я русский, рожден от русских родителей, вырос в русской семье и среди в основном русских людей, нахожусь в русском мире и живу по-русски, говорю на любимом русском языке, держу в себе русскую, пусть изрядно христианизированную и европеизированную, культуру, думаю по-русски, создаю русские тексты (я не китаец, не африканец, не еврей, не француз и не поляк, даже не украинец, хотя одна из моих бабушек этническая украинка; я всего лишь русский человек — по крови, по происхождению, по языку, сознанию, культуре и менталитету, что

не значит, что я лучше или хуже любого другого человека — что из русских, что из не русских; я такой, какой есть!); во-вторых, потому, что русофобия и тот же «русский холокост» — не выдумки, а реальность, это — правда! И я не могу не быть против такой правды, но не как самой по себе правды, а как не устраивающего меня исторического факта, мне совсем не нужного и, не призывая ни в коей мере к русофильству, которого мне тоже совсем не нужно, я хочу только одного, — созидания, а может, и возрождения, полноценного русского мира, исключающего любые основания для русофобии и всякие поводы на возможность «русского холокоста».

Литература

1. Попов Г.Х. Русский холокост // Независимая газета. 2000. 26 апр. // http://www.ng.ru/ideas/2000-04-26/8_rushol.html.

«Философия хозяйства». 2014. № 3.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ

Современный мир — мир перемен, ведущих к новой конструкции планетарного мира. Одним из моторных процессов в нынешней реконструкции мира являются региональные международные интеграции, активно стимулируемые, с одной стороны, общей глобализацией мира, а с другой — противодействием данной глобализации на региональном международном уровне. Глобализация мира в итоге сопровождается фрагментацией мира. Речь идет, конечно, об образовании больших международных интеграционных фрагментов, или больших локализированных, хотя и не изолированных, международных пространств.

Один такой интеграционный фрагмент или большое локализированное пространство, хорошо известен: это Евросоюз. Последний имеет уже более чем полувековую историю и ныне переживает своеобразный кризис протоимперской зрелости: куда идти дальше? Пока Евросоюз, совсем недавно расширившись за счет Востока и Юга Европы, предпочитает попросту усиливать свое внешнее влияние, вполне уже и имперское, на окружающие его территории. В то же время внутри Союза весьма заметная тенденция к усилению имперской же унитарности, переходу к хоть и все еще межгосударственному, но более управляемому из единого центра объединению.

На востоке от Евросоюза, на пространстве бывшего СССР, возник новый интеграционный очаг, получивший определение евразийского:

Таможенный союз (Россия, Казахстан, Белоруссия), переходящий в Евразийский экономический союз. Так или иначе, но это начало хотя и схожего с Европейским союзом, но другого по сути и форме межнационального объединения. И вот что интересно: эта евразийская интеграция, едва начавшись, тоже переживает острый кризисный момент, но, в отличие от Евросоюза, обусловленный не зрелостью и поиском нового пути, а ранней молодостью, точнее — самим рождением евразийского союза, оказавшемся в критической зависимости от позиции Украины — этого крайне противоречивого кандидата в члены Союза.

Занимая межинтеграционное географическое положение, Украина захотела цивилизационно, политически и экономически (финансово) примкнуть к Евросоюзу, а торгово-производственно поддержать связи с евразийским объединением, прежде всего с Россией. В итоге такого раздвоения на Украине возник острый социально-политический кризис, грозящий гражданской войной и полным распадом страны. Так или иначе, но Украина сегодня не прямой и не эффективный кандидат ни в одну из интеграций, а нечто вроде «черной дыры», заместить которую здоровым «белым телом» очень и очень трудно, почти что и невозможно.

Вопрос с Украиной выходит за рамки самой Украины, ее собственных чаяний, порывов и противоречивых действий. Украина оказалась в перекрестье внеукраинских геостратегических интересов и сил: США, Евросоюза (Германии, Польши), евразийской, скажем так, объединительной потенции, а напрямую — России, наконец, и Китая. Украина — не так уже субъект своей судьбы, как и ее объект, а что это такое, пусть каждый обозреватель решает для себя сам.

Сегодняшний мир сегодняшних перемен — вовсе не мирный мир, а скорее мир «войновский». Относительный мир в мире на поверхности мира, да и то не везде, а вот война в мире — в глубине мира, пожалуй что, и повсюду. Международные интеграции имеют важнейшее геостратегическое значение, они возникают не ради выгод, а ради выживания, независимого и самостоятельного развития, при этом не столько ради мира, хотя бы в пределах себя, сколько ради, увы, войны, как раз той самой, что цветет ныне пышным цветом по всему миру.

В интеграциях, как и в самих мировых переменах, нет ничего умильного, тут сплошная необходимость, вполне и железная; кто это понимает, тот и выигрывает, но горе тому, кто этого не понимает, попадая в беспощадные жернова геостратегической перспективы!

«Философия хозяйства». 2014. №.3.

РОССИЙСКИЙ АНТИКРИЗИС

Можно ли сегодня говорить о российском антикризисе — пусть еще не как о подлинной реальности, но хотя бы как о реальной уже вероятности? Если и не очень можно, то явно уже нужно, ибо страна все-таки мало-помалу отворачивается от охватившего ее с конца 1980-х гг. апокалиптического кризиса и шаг за шагом разворачивается в сторону пусть пока тоже еще по сути апокалиптического, но тем не менее уже антикризиса.

Интересное тут выходит словосочетание — апокалиптический антикризис, но что поделать — реальность сложнее, изобретательнее и изворотливее любых о ней человеческих представлений!

Вряд ли тут можно предложить что-то другое, менее парадоксальное и более для души приятное. Страна еще в кризисе, причем не так системном, как любят говорить в печати и на научных форумах, как именно в апокалиптическом, из которого нет не то что системного, но даже и какого-нибудь там синергетического, выхода. Чтобы выйти из апокалиптического кризиса, надо не только системно перевоплотиться, но еще и имманентно преобразоваться — духовно, идейно, культурно, нравственно, причем совершенно при этом трансцендентно, то бишь вполне и метафизически, а не только явленно-физически.

Системно Россия уже вполне переделана — за 1990 и 2000-е гг., а кризис, о котором речь, никуда не исчез. Чтобы он наверняка исчез, стране, ее народу-социуму, ее государству, ее гражданам, нужно радиально и в необходимой полноте измениться, чего как раз пока и не происходит, — все еще хватает безумия, абсурда, инфернальности.

И все-таки антикризисные потенции в российском мире уже проглядываются, хотя бы через осознание страшной в своей пошлой и дикой обыденности бездны, в которую провалилась отформированная глобалически страна, а также нарастание в людской среде потребности выбраться из этой коварной бездны, обрести достойное лицо и найти дорогу в будущее.

Установившаяся в стране пореформенная система сама по себе не так уж и кризисна — для самой себя! она попросту отвратительна — для людей, сообществ, жизни, будущего! Система не так кризисна, как… уродлива! И не она вовсе в кризисе, а вся страна из-за нее в кризисе — весь люд, все его деяния, хозяйство, экономика, государство, а еще больше язык, литература, искусство, культура, а в итоге — сама жизнь!

Страна у нас сейчас не так страна жизни, как увы… нежизни!

Однако жизнь и в аду… тоже ведь жизнь, пусть и в жутком своем антиобразе. Жизнь на то и жизнь, чтобы перебарывать нежизнь, если не успевает так привыкнуть к нежизни, что вовсю почитает последнюю уже за саму себя — за жизнь!

Нежизнь, вообще говоря, ныне повсюду, не в одной только России, она во всем или почти во всем мире, — и везде она нахраписто наступает, превращая жизнь в нежизнь, так что ныне страшно, жутко и тревожно не в одной только России, хотя в последней, пожалуй, всего чувствительнее, но не потому, что страшнее, жутче и тревожнее, хотя это во многом и так, а потому, видно, что, в России это всего чувствительнее для сознания человеческого — всего менее, как неожиданно оказалось, оформленного и зажатого полезностной догматикой.

Россиянин сегодня, может, и самый для всего света гадкий, но зато и самый на свете… свободный!

Неожиданный, но факт!

Переживая апокалиптический кризис, человек-россиянин что-то с себя сбрасывает, с чем-то расстается, — и вовсе не обязательно, что сбрасывает только явно отжившее и избавляется от исключительно негативного; в то же время человек-россиянин что-то в себя вбирает, что-то в себе вырабатывает, — и тоже вовсе не обязательно, что пускает в себя и вываривает в себе лишь что-то сугубо позитивное. Так или иначе, но, проходя кругами житейского ада, человек российский меняется, в чем-то, разумеется, и не меняясь, но в любом варианте он становится другим, оставаясь при этом и для всего света непременно гадким.

Воцарившаяся в мире нежизнь страшна, она губит слабых и неустойчивых, соблазняет алчных и порочных, потрафляет пошлым и нечестивым, но она, будучи тяжким испытанием, невольно отбирает и формирует людей — носителей жизни, за которыми как раз и стоит будущее.

Нежизнь страшна более всего… своей свободой, которая как раз и правит свой ужасный избирательный бал: кого-то в небытие, кого-то в ниц, кого-то в кось, кого-то в нелюди, а кого-то как раз и в люди, уже вопреки нежизни, а соответственно — в жизнь!

Нравится это кому-то или нет, но в России уже другой россиянин, другая жизнь, как и другое будущее. Все это другое еще предстоит россиянам и миру осознать! Свалившаяся вдруг на россиянина свобода делает свое дело, проталкивая новую жизнь сквозь подлую нежизнь, заставляя оценить не только лукавую свободу, но и необходимую для жизни…

несвободу, вызывая острую аллергию на нежизнь, направляя чаяния людские к жизни, ну и, что самое главное, заставляя различать зерна и плевелы — причем на всех житейских фронтах!

Нынешний россиянин вроде бы не очень-то хорош, даже весьма и плох, но… не так уж во всем он плох, а в чем-то уже и весьма… э-э… хорош! Это, безусловно, новый россиянин — и в сравнении с прежними представлениями о массовой России он, несомненно — свободный россиянин, мало того, он — самый свободный человек в мире!

С таким утверждением мало кто сейчас согласится, но… приведите, сомневающиеся, другой пример ныне столь же свободного человека: кто он и где он? В Европе, в США, в Китае, в Индии в Польше, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, в Армении, в Турции, в Бахрейне… где? Не очень-то что-то заметно: либо тихие, обструганные, зомбированные, глупые… элементики своих умных правовых, идеологических и информационных систем, либо затюканные нуждой, трудом, традицией и злостью элементики своих застывших социальных систем и текущих кризисных ситуаций.

Россияне, конечно, не самые правильные люди, за границей их часто и за людей-то не считают, но кто из «загранцев» себя самих собой же держит, и где? Как раз так, как себя самого собой же держит нынешний россиянин? Чье сознание открытее, пластичнее, разнообразнее, цветистее, неожиданнее, интереснее, а потому и… человечнее — чье?

Переживая апокалиптический кризис, Россия апокалиптически же и импровизирует, но уже не ради нежизни, которая шаг за шагом уходит в прошлое, а ради жизни, которая как раз импровизационно и отыскивается. Россия с россиянином ищет свой путь, в чем-то диктуемый и неизживаемой традицией, но в главном-то уже иной путь (не царский, не советский, но и не прозападный). Новый россиянин чает и новой России! А как, скажите, иначе, ежели кризис-то апокалиптический, а система пореформенная, как раз этим кризисом и обусловленная, ни к черту не годится?

Уже идет крутая перемена, являясь более всего не умотворным деянием, а самодовлеющим самопроцессом, или, как говаривал Александр Пушкин, «ходом вещей», что то же самое — ходом истории. О какой же новой России можно сегодня говорить? Нет, никак не о софийной, да еще и в полном смысле этого слова (это еще в будущем, ежели Богу станет угодно!), а России всего лишь пост-реформенной, то бишь о самостоятельной и жизнеспособной России, преодолевшей в ходе своего упорного

перестроения тормозящие, вредные и опасные негативы своего пореформенного обустройства.

Сегодняшняя пореформенная Россия слишком антироссийна и вообще слишком антимирова, чтобы ею удовлетвориться, а потому в актуальности сейчас как раз Россия, а вместе с нею и мир, разумеется, — новая Россия и новый мир, сохраняющие и созидающие жизнетворную органику и выблевывающие из себя, как и от себя отбрасывающие, все им непотребное, инородное, дрянное.

Как же отличить позитивно органическое от вредоносного? Нет, уважаемый читатель, не научно-идеологически вовсе, а всего лишь идейно-практически: мудрость не терпит бесспорных идеологий, не говоря о высокоправильной догматике, она тогда только мудрость, когда смотрит на мир и происходящее непосредственно и… свободно, что то же самое — реалистично. Никаких завиральных априорий, никаких медоточивых заклинаний, никаких заупокойных советов!

Сегодня достаточно только одного идейного ориентира: Россия и жизнь, жизнь и Россия, в абрисе которого главным элементом неожиданно является не жизнь вовсе, а… Россия!

Нужно осознать, хоть это и трудно, почти что и невозможно, что не Россия ныне зависит от жизни, а жизнь зависит от России!

Вот так!

Что, господа, и в самом деле ведь невозможно?

Но вот придется!

А что есть Россия, россиянин, еще и русский люд со своей русскостью?

Россия — особый, находящийся в этом мире, но в то же время и… неотмирный (!), мир. Это не страна, не государство, не кусок Евразии, хотя все это и свойственно России, это на самом деле особый мир, не подлежащий никакой воистину целостной научно-философской и даже конкретно-религиозной характеристике. Это мир очень трансцендентный и весьма, увы, апокалиптический. Нынешний кризис — всего лишь вспышка вполне уже присущей стране-пространству апокалиптики. В этом плане ничего нового, но новое, однако, все-таки есть, и состоит оно, как ни странно, в возможно уже окончательном, или хотя бы полном, выявлении неотмирной особости России, следственно, и особой ее будущности.

Россия явно не от мира сего, и недаром вовсю она рвется в Космос, но не как Америка, которая его покоряет, и не как Китай, который его

осваивает.

Россию ничем не удивишь и ничем не напугаешь, как и уже не прельстишь и не обескуражишь. Да, внешне, быть может, Россия и дурковата, но внутри-то горит великий нравственно-умственный очаг — софийный очаг, дающийся не попросту умным и не попросту деловитым, а… для чего-то сначала трансцендентно предназначенным, а потом уже и имманентно умным (по-особому) и по-житейски деловитым (тоже по-особому).

На планете ныне большая война. Но не между народами, государствами, цивилизациями, как это ученым господам по преимуществу кажется, хотя и не без всего этого, конечно, — война сегодня идет, как минимум, между мирами (Западным, к примеру, и тем же Восточным), а как максимум — между еще человеческим миром и уже постчеловеческим антимиром.

И чтобы понять это, нужно не все новые аргументы в пользу этого заключения требовать, а попросту хорошенько думать, глядя попрямее и попристальнее на окружающую реальность, а ежели планеты окажется многовато (очень уж она большая и круглая), то можно сосредоточиться на той же современной Украине, где, как в капле воды, все четко и просматривается: мир и антимир, ну и война между ними, а ведь все это на Украине только в самом начале!

Апокалиптическая Россия покидает апокалиптический антимир: в этом-то как раз и выражается российский антикризис!

Невероятно, несбыточно, не может быть!

Да, разумеется, для любителей «праведной» статистики и «правдивых» моделей такого и в самом деле быть не может: где экономический рост, где произведенные товары, где хай-тек с «ай-тейком», где шестой технологический, где поток инноваций, где тренд всеобщего развития? Ничего, или почти ничего из такого в России… вроде бы… и нет! Страна засела в тупике неразвития и из него вряд ли вообще сможет когда-нибудь выйти, ибо попала туда она вовсе не случайно, а была проективно туда загнана, в том числе и усилиями своих испуганных реформаторов. Капиталов нет, технологий нет, кадров нет! Тихая, знаете ли, катастрофа!

Катастрофа, конечно, а что же еще, и это — факт! — вполне даже и тихая катастрофа, вкрадчивая, но при этом и тихая же, и вкрадчивая… антикатастрофа, ибо где и когда дно, там и тогда уже и потребность скорого подъема, а вот где вершина, там почему-то и верная возможность

с нее внезапного падения. Россия на дне, но не на гнилостном и безнадежном, а на весьма и упругом, как раз на том самом, от которого опустившийся на дно обычно и отталкивается.

Да, подъем российский еще не в яви, не на полном свету, но страна уже и не в глухой нави, не в вязкой инфернальной трясине. Слушайте, люди, слушайте, может, и услышите… гул… от подъема — ведь сначала всегда идет… гул, а потом уже приходит событие — как подъемное, так, кстати, и катастрофное.

Падение с катастрофой уже случились, дно уверенно уже «достано», а теперь вот история гудит уже за подъем, — и никто в мире сегодня не знает, как, куда и для чего поднимается Россия, освобождаясь, пусть и не мигом, и не полностью, от глобалического ига? И победивший было глобализм сейчас в жутком недоумении: как же так, почему это вдруг, с какого-такого рожна — только-только разобрались с этим СССР, с этой непотребной Россией, только напичкали ее враждебной неРоссией, только-только взбодрили в ней ядовитую антиРоссию, а она — эта самая Россия — вновь вся здесь, прямо перед западным носом: гордая и глумливая, ветреная и дерзкая, вежливая и наглая?!

Ведь в кризисе она вроде бы перманентном, в антимире по уши, в инфернальной трясине целиком, в зависимости рабской, в тотальной мерзости — и вдруг… на подъеме! пусть еще и не очень явном и никак показательно еще не оправданном, но… увы… где-то и как-то… уже… происходящем!

Э-эх, Россия, Россия — не страна, не государство, не цивилизация… что-то совсем другое, какой-то иной для планеты мир — и не по устроению своему, обычаям и культуре, по вере, наконец, а как раз по… неустройству, по неконструкции, по невозможной возможности, мир, в глубине, в сути и в центре которого — какая-то таинственная русскость, которая не схватываема, не формулируема, не определима, — в общем — сам черт не знает что это такое — Россия!

Когда Россия в долгом застое, она вроде бы и не кризисна, но стоит России вдруг зашевелиться, подняться, зацвести, так она непременно попадает в кризис — «кризис цветения», будто и не желает никакого устойчивого расцвета, ища чего-то другого — опять иномирного!

Вот и сегодня, чуть-чуть оправилась от упадка, вызванного низкопробными, если не подлейшими, реформами, как уже лезет в другой кризис — теперь уже кризис подъема, развития, обновления, ибо перейти от пореформенного образа (антиобраза) к образу постреформенному

без перестроенческого кризиса никак невозможно. А переходить-то надо!

Озлобленное, глухое и тупое рычанье Запада в адрес России по поводу приема в ее лоно исторически российского Крыма, избегшего диктатуры новейшего киевского нацизма, — вернейшее подтверждение необходимости и возможности такого перехода.

Притихший было пореформенный кризис, этот кризис нежизни, прикрывшийся сидением потребляющей страны в тупике неразвития, может быть преодолен только переходным к постреформенному бытию кризисом, но уже кризисом жизни и развития.

Кризис вышибается кризисом!

Появится ли, наконец-то, действенная кризисно-антикризисная воля в России?

А как иначе?

По всем циклическим законам и провидческим откровениям воле этой суждено в России непременно появиться, причем как раз в это евразийско-украинско-антироссийское время. Мало кто сегодня понимает истинное значение (мистико-магическое) украинских событий. Евро-Америка не хочет не только сильной России (об Украине тут речи не идет), но она боится (уже не хочет, а боится) и сильной Евразии (тут уж Украина имеет кое-какое значение — не столько, конечно, как важный элемент в евразийской конструкции, сколько как великолепное взрывное антиевразийское устройство).

Если в России в 1990-е гг. разгулялся весьма антимир, но лишь разгулялся, ныне и заметно уже теснимый, то на Украине антимир по-настоящему воцарился. Украина взлелеяла внутри себя, — не очень это, быть может, и осознавая, — абсолютное зло, нашедшее опору и выражение в бескомпромиссном и беспощадном делении коренного населения страны на «высших» и «низших», «правильных» и «неправильных», «своих» и «чужих», мало того — на заслуживающих быть (и господствовать) и на недостойных быть (разве лишь пребывая в рабском состоянии). Сегодня на Украине не государство, как и не та же «степная вольница», а… самое настоящее антигосударство вкупе с антизаконом, а это кое-что уже для текущей современности новенькое, пожалуй что, даже и относительно бывшего ранее европейского фашизма. Вот она — антицивилизация, порожденная Западом и Запад же вновь порочащая! Украина ныне — «черное чрево» ЕвроАмерики, Украина — подопытный для ЕвроАмерики кролик, Украина — евро-американский антимировый полигон!

Россия — страна государственническая, мало того — властническая. Одна из тех немногих стран, а может, единственная из великих, где деньги всегда не сильнее власти, где даже идеология не сильнее власти. Деньги в России есть всегда, всегда имеются те или иные идеологии, но сильнее всего в России все-таки власть, но не потому что тверда, тотальна и жестока, хотя в излишней вежливости и любезности ее не заподозрить, а потому что… необходима. Только власть удерживает Россию, то подмораживая ее, то расслабляя, то резко меняя, иной раз и революционно, а вот деньги и идеологии могут лишь логично или опрометчиво раскроить Россию, но вовсе не сохранить. Россия — империя, и ничем другим она быть не может! Империя в себе и для себя, вовнутрь направленная империя. И империя, как это прямо свидетельствует текущая история, вполне нужная: кто еще в мире скажет правду о мире, ежели не имперская Россия, кто защитит мир от глобального англосаксонского и пока еще регионального евро-тевтонского империализма, как и от местечкового, но чрезвычайно злого и яростного «украинского», а на самом-то деле всего лишь галицийско-бандеровского, фашизма. Кто?

Российская власть, будучи еще по прозванию советской, совершила в стране, называвшейся СССР, прозападный (прямо как при Петре I или при первых большевиках-интернационалистах) переворот — социохозяйственную (вполне и капиталистическую) реформу. Объективная потребность вызревала в СССР, конечно, не в олигархическом капитализме, а в свободном, но при этом и властно организованном, экономическом хозяйстве, но случилось то, что случилось: возник в основе своей присвоительно-потребительский, он же и олигархический, капитализм, включенный в глобальный капитал-империальный мир, контролируемый и управляемый западной финансовой верхушкой, т. е. возник в России глобализированный субкапитализм, быстро превратившийся в административно-олигархический.

И все было бы ничего, если б не зависимость от мировой экономико-политической закулисы, если б не угроза потери всякого суверенитета, если б не великая вероятность раствориться в западно-мировом глобализме. Да и историческая память, она же и трансцендентная историческая потенция, была тут как тут: Россия не только не переставала оставаться Россией, но и всячески о себе заявляла, мало того, явно служила опорой (с учетом сохранявшегося оборонного комплекса) опорой и вдруг объявившемуся на мировой арене российскому-де капитализму. Экономической конкурентоспособности всегда ведь бывает

для экзистенции маловато — для великих, и на подмогу приходит конкурентоспособность ресурсная, военная, политическая. И почему же России не пойти ныне навстречу самой себе, укрепив власть, страну и свой мировой авторитет?

Это-то частично и произошло за 2000-е гг. Но произошло при этом и еще кое-что: вызрела настоятельная потребность в самостоятельном бытии и развитии. И нужен был резкий толчок, который и случился вдруг на евразийском фоне — Украина!

Придумать такое невозможно! Антироссийскость, русофобия, антиевразийскость. И все это любой ценой — унижения, обмана, лжи, предательства! При этом, конечно, еврофилия, американомания, ярый украинский шовинизм вкупе с идеологией прямого геноцида ему неугодных. Но проблема тут не в Украине как таковой (да и что есть на самом-то деле Украина?), а в России, в Евразии, в надвигающихся мировых геополитических и геохозяйственных переменах. На Украине ничего в общем-то нового (богдановщина, мазеповщина, петлюровщина, бандеровщина, ну и вся современщина — от первого президента незалежной до последнего, а о постмайдановском «киевском руководстве» и говорить не стоит — все властное на нынешней Украине против России, русскости, русских), просто она, Украина, во-первых, раскрылась (тайной договоренностью с Евросоюзом и тесной связью с США); во-вторых, попала в большой геостратегический оборот, о котором для себя никак уж не мечтала; в-третьих, перестает быть… собственно Украиной, так и не успев ею — Украиной — стать (та же Польша, попав в ЕС, трепещет вынужденно перед сумрачным германским ликом, но… лишь трепещет, а Украина — не Польша, кто ж Украине позволит хотя бы театрально перед кем-либо самостоятельно трепыхаться?).

Главное тут, разумеется, не то, что происходит на Украине и с Украиной, а то, что происходит в мире по поводу Украины. Это-то как раз и более всего важно для России: маски сброшены; момент истины настал; истина, ранее усердно прикрываемая, обнажилась; все стало на свои места. Спасибо Украине, вдруг сыгравшей по простоте душевной на историческую правду — свою и чужую, еще и на российскую, русскую, евразийскую!

Когда мы говорим «Украина», то имеем в виду некий псевдогосударственный фантом, всплывший на украинском Западе и воцарившийся ныне в Киеве, но никак не собственно населяющий страну народ, состоящий из тех, кто называет себя украинцами (бывшие ранее малороссами),

а также тех, кто называет себя русскими, русинами, евреями, татарами, венграми, румынами, да мало ли еще кем, ибо народ в массе своей к политике всеобщей украинизации прямого отношения не имеет, хотя, наверное, немалое число из населенцев нынешней Украины этому и всецело сочувствует. Хорошо бы нынешним жителям Украины понять, где собственно Украина со своими интересами, а где большая игра с Украиной, причем менее всего по собственно украинской надобности. Вся Украина — вовсе не Крым, даже и восточная. На том же украинском Востоке многим из населенцев хочется в Европу — и желание это, наверное, необоримо. Так что уход Украины в Европу вполне вероятен, хотя и остается вероятным и распад Украины. Что тут победит: желание или инстинкт, договор или война, разум или безумие, покажет история, но в перспективе, конечно, никакой истинной-де Украины в ее нынешних границах уже, видно, не будет!

Однако вернемся к России. Теперь окончательно ясно, что либо Россия, не замыкаясь в себе и не отгораживаясь от мира, служит себе, внутренне консолидируясь, рассчитывая на себя и свои натуральные, идейные и интеллектуальные ресурсы, либо Россию ожидает судьба Югославии! Иного тут не дано! Россия не может не выбрать Россию — саму себя, — и ей придется за это постоять, для этого немало поработать и ради этого совершить вырыв к постреформенному развитию.

Как? Воля нужна, только воля, и воля властная, что не значит, что тоталитарно-репрессивная (из этого уже ничего хорошего не выйдет!), а воля энтузиазменно-конструктивная — как с Крымом!

Вся Россия теперь Крым, — и все потому, что впереди большое и самое важное воссоединение — России с Россией, что как раз и доказывает, что Россия не Европа (Западная Европа), не США и не Канада, как и не Китай, не Индия, не Бангладеш, ну и не Белоруссия, не Казахстан, не Украина — Россия это Россия! — и никогда ни с каким внешним для нее миром она не сольется!

«Философия хозяйства». 2014. № 4.

РОССИЯ И МИР: МОМЕНТ ИСТИНЫ

(тезисы доклада)

Название доклада говорит само за себя, причем настолько точно, содержательно и убедительно, что и самого доклада можно не делать, разумеется для мало-мальски осведомленной и думающей аудитории. Ясно, что мир меняется, как и ясно, в каком направлении. Совсем не в направлении всеобщего мира и покоя — в тенетах глобализации и под сенью глобализма, еще и с толерантным взаимодействием стран, государств, цивилизаций и культур, а в направлении если не большой мировой конфронтации, то большого конфронтационного напряжения — в обстановке уже глобальных коварств, лжи, обманов, ну и допустимых еще локальных боевых действий. Глобальный империализм не унимается, он идет на все ради глобалической колонизации планеты — и ежели его вмешательство в дела мира еще недавно миром скрепя сердце принимались, то ныне ситуация стала заметно меняться: еще нет воистину многополярного мира, но уже нет и воистину мира единополярного — и ежели по планете бродит какой-то призрак, то это, во-первых, призрак многополярного мира и, во-вторых, призрак большой мировой войны.

Украина, это еще не устоявшееся государство (это, скорее, протогосударство), как и еще не сложившаяся нация (ни отдельный этнос, ни группа этносов еще не нация), попала как кур в ощип — ради то неспешно, то бурно вываривающегося на планете геостратегического «борща». Сегодня Украина вся в «борще», мало того, она уже на большом межимпериальном гастрономическом столе. Не выработав собственного рецепта для собственного бытия, отказавшись от союзничества с Россией, от защиты с ее стороны и покровительства, Украина (ее правящая верхушка, в первую очередь, но не только — многие массы тоже) решилась под американское увещевание и европейское сладостное пение на скачок в… Европу… с отскоком на вечные времена от России. Да, доверять России трудно, но… можно, а вот доверяться ЕвроАмерике… никогда нельзя — оттуда один только гуманитарный колониализм! Однако Украина на это решилась, немедленно попав в эпицентр большой геостратегической угрозы. Чего здесь больше со стороны Украины — коварства, наивности или глупости, пусть судит история, но ясно, что расширения НАТО на восток не должно быть, и его не будет. Украина, потворствуемая ЕвроАмерикой и ей благочестиво отдавшаяся, совершила даже не преступление перед Востоком, а великую ошибку, которая

обойдется Украине очень и очень дорого!

Украина ныне — мало того что оплот кромешного зла, но еще и полигон для ликвидации: норм, правил, законности, государственности, суда, совести, всего с таким трудом и с такими лишениями нажитого человечеством. Нет уже на Украине ни добра, ни зла, ни ума, ни сердца, а есть лишь произвол, корысть и безумие! Это ли не момент истины, включая и крушение таких иллюзий, как чувство родства, братскости, общей исторической судьбы! Нет более братских народов и союзных государств, а есть лишь всеобщая игра за себя и, разумеется, со смертью.

На Украину пришел, сосредоточившись, инфернальный антимир, а потому там идет борьба не столько за что-то практическое, житейское, сколько за жизнь вообще, за человека вообще за человеческий мир вообще, причем в непосредственном соприкосновении с мировым злом.

Всего этого на Украине еще не понимают, но недалеко то время, когда начнут понимать и вдруг откроют, что же есть на самом деле инфернальный антимир, куда Украина залезла по уши, отдав себя в руки авантюристов от мирового зла — что своих, что закордонных. О-о, какое это будет разочарование, какое наступит отрезвление, какой длительной и тягостной случится минута молчания!

Россия прошла свой инфернальный казус и выходит на подъем, освобождаясь от глобалической неоколониальной опеки. Главное сейчас в России — ощущение себя и возврат к себе, сопровождаемые крушением иллюзий — что относительно благотворительного Запада, что относительно близких содружественных государств; что касательно благодетельного рынка, что касательно эффективной глобализации; что по части сладостного гуманизма; что по части гуманной демократии. Россия идет к России, что и является залогом ее выживания и, даст бог, благоденствия, пусть и относительного, пусть и весьма скромного, пусть вовсе и не блестящего, но, будем надеяться, жизнеутверждающего.

Момент истины для России — Россия, — и другой более ценной истины у нее на сегодня и на будущее нет!

Россия — средоточие и опора русского мира, который не исчез ни за советское время, ни за период глобалических реформ. Он сохранился, очухался и набирает экзистенциальные обороты. И Россия ныне хорошо уже понимает, что она без русского мира — ничто, то самое ничто, которое непременно всегда ничтожится, превращаясь в прах, в пустоту, в нуль.

В мире идет война. И это надо хорошо сознавать. Современный

мир — не мир-мир, а мир-война! И главное в этой глобальной войне — борьба человеческого мира с античеловеческим антимиром, хотя имеет место и борьба за доминирование в мире, за власть над планетой, за мировые ресурсы, за выживание, вообще за жизнь. Горе тем, кто этого не понимает, в особенности, кому суждено более других творить историю. Россия возвращает себе геостратегическую субъектность — и не собирается никому вручать ключи от своей исторической судьбы. Россия должна оставаться Россией, заботясь о себе, о русском мире, о россиянах, а тем самым и о человеке как человеке и мире как мире человеческом.

«Философия хозяйства». 2014. № 4.

РОССИЯ И МИР: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

2014 г. — год больших геостратегических перемен, обозначенных вырывом России на путь самостоятельного существования в среде взаимозависимого мирового сообщества. Наступил конец патронату «Вашингтонского обкома» над управленческой структурой Российской Федерации. Западу остается давить Россию санкциями, вызывая рецидив холодной войны, активизировать ориентируемую им внутрироссийскую оппозицию, все чаще и все более открыто называемую в РФ «пятой колонной», что тоже работает на выход из тени все той же холодной войны.

Кажется, что все дело в самой России, осмелившейся вдруг на «агрессивный акт» по «аннексии» Крыма и «имперское вмешательство» в Украину в связи с событиями в Новороссии. Однако все здесь обстоит иначе: Крым был передан Украине безудержным Н.С. Хрущевым в обход законодательства и без всяких референдумов, хотя и в рамках единого тогда государства СССР; крымчане никогда не считали себя украинцами и вели борьбу за автономию Крыма, его выход из состава Украины; политический («бандеровский») переворот в Киеве активизировал борьбу крымчан за самостоятельность и недопущение НАТО и США в Крым, как, собственно, и иных зарубежных «владетелей»; Россия пошла навстречу своим фактическим соотечественникам, лишь случайно попавшим на Украину; крымский референдум убедительно подтвердил правильность и законность выбора крымчан и действий России.

Но суть происходящего в мире в связи с Россией, конечно, не в самом по себе «украинском вопросе»: планетарный мир уже вышел на тропу «войны миров» — Западного и не-Западного. Это уже не война

цивилизаций, государств, регионов — это именно война миров: передового мира и остального мира, хоть и не передового, но активно развивающегося. В одном мире США, Европа, Япония и НАТО, в другом — Азия, мусульманский мир, Южная Америка, Африка, Россия и БРИКС. Задача передового мира — сохранить, укрепить и продолжить паразитарно-эксплуатационное господство над планетой, задача остального мира — сбросить это господство и выработать альтернативу устремленному в постмодерновое небытие Западному миру.

Россия — единственная страна в мире, бросившая открытый вызов западному доминированию. Россия, окунувшись в Западный мир в качестве зависимой от его глобального центра филиальной части (фактически же полуколониальной), решительно встала на путь самостоятельного существования, не объявляя ни Западу, ни остальному миру никакой войны. Россия заинтересована не в войне, а в мире во всем мире, но Россия против любого над нею доминирования. 2014 г. — год возвращения России геостратегической субъектности.

Что касается Украины, то исполняя многовековую мечту о независимости… э-э… то ли малороссов, то ли украинцев, то ли «западенцев», нынешняя Украина в лице части ее истеблишмента кинулась на Запад, в Европу, в объятия США, забыв, что допускает своих чужеземных покровителей не куда-нибудь, а на историческую Русскую землю, причем допускает и как военную силу, направленную против нынешней России.

Вполне смешно, если б не было так грустно! Украина решилась не только на политическое, но и военное противостояние России, становясь из дружеского партнера России ее «братским врагом».

И что же оставалось России? Ждать натовцев на Украине, в Крыму, в Севастополе? Нет уж, — борьба, так борьба! Нынешняя Россия — не жалкая ельцинская «ублюдка», а вполне уважающая себя великая держава, способная за себя и постоять. Отступление РФ — этой жертвы роспуска СССР — закончено, что, собственно, не означает какого-то наступления России на бывшие свои территории, но что означает, что Россия способна отстаивать свои интересы перед зарвавшимся противником — что стародавним, что вновьиспеченным.

Во всех острых событиях всегда разные следствия. Украинский кризис очень многое обнажил, позволив и многое понять, прежде всего, кто есть кто в современном мире, как и то, что на самом деле в этом мире творится. Если совсем недавно все говорилось как бы гипотетически, ибо «умная обывательщина» предпочитает ничего не видеть и никому

не верить, то сегодня и говорить особенно не надо — и так все ясно!

Но об одной вещи все-таки надо сказать: русофобствующие граждане Украины, которые называют себя «украми», хорошо напомнили русским, что они… русские, как и напомнили миру, включая и саму Россию, что на свете есть именно русские, а не просто, скажем, россияне, те самые русские, которые, по мнению этих украинцев, заслуживают только одного — тотального уничтожения. Что ж, есть теперь над чем задуматься русским, изрядно уже подзабывшим, что они русские, это, во-первых, а во-вторых, что никаких любящих сердец в мире нет и никогда не будет, что не означает, что русским надо ожесточаться, как тем же «украм», но что означает, что русским следует быть едиными, осмотрительными и вполне жизнеспособными!

Благодаря актуальным событиям и нарастающим переменам в мире на историческую арену вновь выходит, как это было, к примеру, в 1812 г. и в 1941—1945 гг., русский фактор, что очень важно учесть, принять во внимание и осмыслить, как раз тот самый русский фактор, благодаря которому возникла и есть Россия, как и, смеем надеяться, еще в веках вовсю и побудет!

«Философия хозяйства». 2014. № 5.

РОССИЯ И КРИЗИС: БРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Вряд ли кто сомневается сегодня в наличии кризиса в мире и в России, причем кризиса даже не системного, а сущностного, когда речь идет о кризисе бытия, социума, человека, сознания. Обычно замечаются яркие негативы вроде затовариваний рынков, сокращений производств, роста безработицы, инфляции, банкротств, падений стоимости, как и войн, террористических актов, восстаний, техногенных катастроф и т. д., но менее всего обращают внимание на качественное состояние человечества и среды его обитания, на их неуклонную деградацию.

Кризис, о котором речь, является перманентным, он носит апокалиптический характер, что означает, что из него нет прогнозируемого выхода, и сводится он в своей сути к отрицанию человека самим же человеком — как посредством созданного человеком искусственного мира, оборачивающегося против человека, так и посредством нарастающего креативного вмешательства человека в человека с целью преобразования человека в иное человекообразное существо.

И все это на фоне общей взволнованности планетарного мира, его

неустойчивости и уязвимости, крайней противоречивости, растерянности, но в то же время и рискованности, маргинальности, воинственности, криминальности.

Имеет место не мировой кризис, что понятно, а кризис мира, что еще подлежит осмыслению. Генератором этого кризиса мира является, с одной стороны, Запад, уже покончивший с идеологией гуманизма и стремящийся к окончательному господству над планетарным миром, а с другой — такие очаги беспокойства и авантюризма, как мусульманский мир и некоторые «бесноватые» страны вроде нынешней Украины. Стабилизатором мира и надеждой на будущее всё-ещё-человечества служит сопротивляющийся Западу иной — не-Западный — мир, в среде которого ныне действует БРИКС. Теперь актуальна не борьба стран, народов, государств, цивилизаций, а борьба миров: Западного мира и остального мира, а также попавшего между тем и другим мирами мусульманского мира.

На планете идет война — война миров, мало того — мира и антимира, вдохновляемого Постмодерном (Постмодерн, пришедший на смену Модерну в течение XX в. — исходно, органично и радикально кризисный и апокалиптический мир, знаменующий конец человеку и переход к постчеловеку и постмиру, а следственно — к активной практике антимира).

Россия, выйдя из СССР и войдя, если не впрыгнув, в западный глобалический мир, попала в состояние тяжкого апокалиптического кризиса, из которого, возможно, только-только начинает выбираться, но… благодаря… отходу от мирового глобализма и переходу в остальной мир — антиглобалический. Намека на самостоятельность и развитие со стороны России оказалось достаточно, чтобы США ополчились против России, начав против нее борческие действия.

Открытая кульминация противоборства обозначилась по случаю Украины, Крыма, Юго-Востока Украины. Возник момент истины, после которого все стало на свои места. Россия теперь полагается на себя и обращается к остальному — не-Западному — миру, к БРИКС — как в целях удержания, укрепления и развития самой себя, так и в целях коллективного противоборства с Западом. Теперь уже кто кого, Рубикон перейден! Иллюзии исчезли, реальность взяла свое. Совершенно новая ситуация в мире — межконфронтационная!

России деваться некуда: консолидация, мобилизация, опора на собственные силы, взаимовыгодное союзничество и выход из тяжкого

апокалиптического кризиса — пусть даже и апокалиптическими методами!

Россия прошла, надо полагать, самую тяжелую фазу своего кризиса, тоже побывав в роли генератора антимира, но сейчас у России есть шанс не просто преодоления кризиса, но и качественного обновления — обретения новой России!

Хорошо сказать, да трудно сделать! Почти что и невозможно. Но другого выхода нет! А потому — вперед, Россия!

«Философия хозяйства». 2014. № 5.

2015 г.

РУССКИЕ МЫ, И НИКАКИЕ ДРУГИЕ

«Русскость», «русский мир», «русские» — тема беседы писателя Александра Владимирова с доктором экономических наук, профессором, руководителем Центра общественных наук МГУ им. М.В. Ломоносова Юрием Осиповым.

А. Владимиров: Русский вопрос — один из основных вопросов нашего сегодняшнего дня. Он волнует издания разной направленности — патриотические, демократические, либеральные. Особенно этот вопрос, подогрет событиями на Украине, антироссийской позицией официальных кругов США, ЕС, Польши, тех же прибалтийских стран, не говоря уже о самой Украине. Вы, уважаемый Юрий Михайлович, много пишете о русской проблематике, у вас есть что сказать и о современной ситуации, которая сложилась вокруг России. Так давайте начнем с характеристики самих понятий «русскость», «русский мир», «русские».

Ю. Осипов: Русский вопрос существует, и он вполне давнего происхождения. Обратите внимание, что то же слово «российский» хоть и связано со словом «русский», но не прямой его аналог. В сердцевине российскости, конечно, — русскость. Но русскость всё-таки не российскость. Российскость — то, что собрано вокруг русскости, включая и саму русскость.

А. Владимиров: И что же тогда русскость?

Ю. Осипов: Я россиянин, но… русский россиянин. Чуете? Мы уже нащупали с вами предмет интереса, и он не российский, а именно русский. Даже Российская империя, заметьте, не была собственно русской империей. Пётр Великий совсем не случайно ушёл в данном случае

от русскости, загоняя её в рабство и подполье. Советский Союз тем более не был русским союзом, как не является собственно русской и современная Российская Федерация.

А. Владимиров: Но ядро у нас всё же составляют русские. И составляют его практически повсюду.

Ю. Осипов: Да, ядро, сами основания и стержень здесь русские, и другими они просто быть не могут — ни исторически, ни по каким иным причинам. Никакого российского ядра у нас нет, хотя есть российские пространство, страна, среда и т. п. И вот тут возникает сакраментальный, вполне и неразрешимый вопрос: что же это такое — русскость?

А. Владимиров: Я тоже искал ответ на этот вопрос. Встречал множество вариантов ответа: этнос, нация.

Ю. Осипов: Нет, не этнос в обычном понимании и, тем более, не нация. Нация у нас российская, а к этносу русскость никак не сводится, даже к суперэтносу. Этнический момент тут, конечно, есть. Я, к примеру, этнически русский и никакой другой крови не имею. Я от русских родителей, вырос среди русских людей, в русской среде, я — элемент непосредственно русского мира. Но русскость к кровности не сводится. Среди русских полно и не русских по кровному происхождению, но зато русских по принадлежности. Отсюда и попытка всех людей, считающих себя русскими, отнести себя к суперэтносу. Можно, конечно, поступить и так, но русскость даже в своей русскости выходит за рамки собственно этнической характеристики.

А. Владимиров: Тогда что такое, по вашему мнению, русскость?

Ю. Осипов: Умом Россию не понять, как заметил наш знаменитый поэт, а потому и к этносу-суперэтносу дело тут не свести.

А. Владимиров: У поэта дальше есть строчки: «только верить…»

Ю. Осипов: А вот во что?

А. Владимиров: Он поясняет: в Россию.

Ю. Осипов: Ну, это поэт сказал, а мы скажем немного по-другому: Русь, Россия, русскость и есть, обращаю ваше внимание, вера русских, этакая даже археовера, она же и супервера.

А. Владимиров: Вера в самих себя?!

Ю. Осипов: И в себя тоже, но уже как бы вослед вере поначалу в некую метафизическую, достаточно и трансцендентную, субстанцию, именуемую нами как раз русскостью.

А. Владимиров: Русский дух?..

Ю. Осипов: Да, если это вам ближе и понятнее.

А. Владимиров: И что же такое русскость по существу?

Ю. Осипов: Это всего лишь сакральное самоощущение русских. Русский и всё тут!

А. Владимиров: Разъясните!

Ю. Осипов: Подавай вам непременно и определение. А что такое человек вообще, мир вообще, Бог вообще? Но я всё-таки отвечу: иномирность! Что-то, вас смущает в моих словах?

А. Владимиров: Как вам сказать?..

Ю. Осипов: Мало субстанции, так ещё и неотмирность в придачу. Не Запад тут и не Восток, как и не Север и не Юг, а всего лишь Русь-Россия. Да, да, неопределённость, незавершённость, как бы и ничто, но не в аспекте пустоты, а в плане невидимости, неясности, невыраженности. Русь-Россия — сплошная, знаете ли, сакральная конспирация!

А. Владимиров: Без руля, так сказать, и ветрила?

Ю. Осипов: Не совсем, конечно, но что-то близкое к этому: русский трансисторический проект никому не ведом, хотя он и есть.

А. Владимиров: Так не от мира он?

Ю. Осипов: Именно! Обычные мирские мерки тут не годятся.

А. Владимиров: Получается проект… без проекта…

Ю. Осипов: Для чего ж тогда вся эта русская страда, замешанная и на великой тщете?

А. Владимиров: Может, ради чего-то… неизвестного?

Ю. Осипов: Надо полагать, да.

А. Владимиров: А сегодняшний всплеск русскости — о чём-то говорит? Об историческом, о целевом, о конечном?

Ю. Осипов: Говорит и очень даже много, хотя вовсе и не о конечном. Сейчас вполне ясно, что, во-первых, русскость в реальности есть и никуда не делась; во-вторых, она стремится к чему-то иному — не западному, не восточному и, особо подчеркну, не к евразийскому; в-третьих, русскость впервые за тысячелетие имеет шанс реализоваться именно как русскость, а не как хазарство, норманнство, византийство, ордынство, тевтонство, «глобаличество».

А. Владимиров: Вы говорите о русскости как о каком-то самостоятельном субстанциональном начале?

Ю. Осипов: Совершенно верно! Начале, которое только-только готовится высказать своё собственное историческое слово.

А. Владимиров: Одинаково, как сказал другой поэт, уже в XX в., страшное для тех и этих?

Ю. Осипов: Примерно так, ибо это слово иное, неотмирное, не западное и не восточное, вообще неземное.

А. Владимиров: Какое же?

Ю. Осипов: Ах, как нам хочется всего и сразу! Я уже многое сказал, а вам всё мало. Одно только могу утверждать: русское слово!

А. Владимиров: А разве оно уже не сказано? Православие, литература, искусство?

Ю. Осипов: Нет, не сказано. До сих пор слово это было опосредовано внешним воздействием: христианским, ренессансным, просвещенческим, а вот теперь, в эпоху гнуснейшего Постмодерна, только русский мир и может выдать что-то невероятное, неординарное и неожиданное, но не придуманное в тиши келий, клубов и кабинетов, а выстраданное в пекле самого бытия. Глобальный Постмодерн вкупе с бойкой антиРоссией вне и внутри самой России как раз и выдавливает из русского мира (не этноса, не нации, а именно мира) какое-то ещё небывалое слово.

А. Владимиров: Слово за Россией и за Россией — слово!

Ю. Осипов: Верно! Тут ведь не имперский вовсе куда-то и на кого-то поход, а попросту слово, но, заметьте, имперское слово. Раз уж идёт жёсткая информационная война полумира против России, то почему же России не выдавить из себя сначала защитное, а потом и наступательное слово. Только слово! Новый российский танк, показанный на юбилейном параде 9 мая сего года, хорош не только своими конструкцией, бронёй и оружием, но и, заметьте, своим названием — «Армата»! И всех наших извнешних «доброхотов» не столько сама эта машина напугала, сколько её таинственное название.

А. Владимиров: Итак, вы, уважаемый профессор, за какую-то важную историко-сакральную роль никому непонятной русскости, так?

Ю. Осипов: Во-первых, не я, а сама историческая реальность. Вообще, следите побольше за реальностью, а не за тем, как о ней судачат. Во-вторых, почему же непонятной? Твердил вам, твердил, а вы всё туда же. Мне понятно главное: русскость — не то, что вокруг, и русскость — очаг нового слова, если хотите — истины. Разве этого мало для контакта с русскостью.

А. Владимиров: Значительная часть мира сегодня против русскости, случайно ли это?

Ю. Осипов: Не знает эта поразительная часть, что и почему, а опасность от русскости замечательно чует. Война против России носит не столько территориально-ресурсный характер, хотя это и есть, сколько

сакрально-смысловой.

А. Владимиров: И отсюда использование той же Украины, некой внутрироссийской политической оппозиции, как и изощрённая диффамация России и её власти, бесстыжее враньё, опять же «империя зла» и т. д.?

Ю. Осипов: Именно так. Тут уж у передовых мира сего все средства хороши. Та же Украина, а я имею в виду тоже ведь некую субстанцию, давно вселившуюся в Украину или давно в ней зародившуюся, очень удобна со своей вовсе не только и не столько антироссийскостью, сколько как раз антирусскостью, вполне уже и русофобской. Не мощный физически тут враг, но зато ментально энергичный, беспринципный и очень уж злой. Как же его не использовать!

А. Владимиров: Но считается, что нацио-фашизм опасен для всех?

Ю. Осипов: Амбициозных игроков вполне хватает в лучшей половине мира, а вот мозгов, прямо скажем, не очень. Рискуют, вроде бы не рискуя, но как будто бы не рискуя, очень даже рискуют. Одним словом — Постмодерн, — вывернутый, паразитарный, ограниченный, а главное — отчаявшийся, уже и обезумевший… прямо перед своим же концом.

А. Владимиров: Европу уже много раз хоронили, а она живёт себе и живёт.

Ю. Осипов: Европу не хоронят, а она сама себя хоронит, в том числе и руками бонапартов и гитлеров. Европу выручают, причём более всего с Востока, как раз из России. Вот и сейчас Европа старательно занимается собственными похоронами. Но теперь она даже реквиема по себе не дождётся. Бац — и нету! Кердык, как выразился бы один бодрый герой одного известного провидческого фильма.

А. Владимиров: Сравнение!

Ю. Осипов: Теперь ведь уже последние времена, а они не только без руля и ветрила, но и без надежды.

А. Владимиров: Но вот Россия на что-то же надеется… а может… нет?

Ю. Осипов: Обыватель всегда на что-то надеется… он всегда любит будущее. И российский обыватель тоже надеется. И русский тоже. Но есть ещё ведь «проекты», «ход вещей», «Великое Неизвестное». Много чего есть!

А. Владимиров: И тот же неведомый самим русским «русский проект».

Ю. Осипов: И он тоже. Что нам стесняться? Русские ведь мы, может, и плохие, и глупые, и нелепые, но… русские и никакие другие. Главное, не очуметь от Постмодерна, а убедительно проскочить, уйти от него, в за-Постмодерн.

А. Владимиров: А нынешняя конфронтация с Западом этому не поспособствует?

Ю. Осипов: Даже в особенности! Поскольку нет уже в России как марксистско-коммунистического проекта (причём, заметьте, западного по происхождению), так и европейского, русскости приходится противостоять разгоревшемуся и уже загоревшемуся глобалистическому проекту, думать самой о себе и о собственно русском проекте.

А. Владимиров: Так распорядилась сама история?

Ю. Осипов: Да. Она-то и даёт русскому миру великий шанс.

А. Владимиров: Хотелось бы верить…

Ю. Осипов: А вы и не верьте! Зачем себя мучить какой-то пустой верой. Вы просто оставайтесь русским и бытуйте себе в русском мире. Уверяю вас, нет ничего более завлекательного, хоть при этом немало и ужасно уязвительного, чем русскость с её русским миром. Перспектива человеческая, пусть и неведанная, именно здесь!

А. Владимиров: Спасибо вам, Юрий Михайлович, за увлекательную беседу!

Ю. Осипов: А вам за стоическое терпение. Мудрость ведь не терпит суеты. И имейте в виду, что с Россией не одна Великая Победа, но и безгранично мудрая София. Так что вперёд, в постисторию!

Интервью газете «Завтра»

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Русская стать

Стать — это остов, стан, стол, столп, стояние, стойкость, стоимость и отстой сразу.

1. Колеблется Русь-Россия, шатается, бесится и кочевряжится, падает и поднимается, выворачивается, исчезает во мгле, вдруг из мглы вновь является и… *стоит*!

2. Отчего же так? Не от физики же российской, а от *метафизики — своей*!

3. От *метафизической субстанции — русской субстанции*, которая не дух как таковой, хоть и духовна (из духа); не информация, как таковая, хоть и информационна; не коллективное бессознательное, хоть и полна всякой архетипики; не эгрегор даже, хоть и напичкана она всякими потаёнными смыслами.

4. Именно *субстанция*, этот некий находящийся в земно-небесном, если не прямо в космическом, если не в *ино*-мировом, пространстве невидимый, неслышимый и неосязаемый *сгусток метафизических сущностей*, предназначенный Бытием (Богом!) служить выражением, хранилищем и очагом не убиваемого текущим временем и не растворяемого обыденным пространством *идеального субстрата*, воплощающегося в земно́й реальности и придающего характерное качество чему-либо из непосредственно на земле сущего.

5. Субстанция эта — *плодоносное чрево*, из которого всё особенное феноменальное и исходит. И что бы ни творилось с этим особенным феноменальным, его духом, формой и содержанием, его пребыванием на свете, его историей, чрево это всегда в наличии и всегда в плодоношении, даже ежели плоды его бывают горькими, ядовитыми, злостными и даже мертвящими.

6. Идея любой субстанции, а у её истоков, конечно же, *мысль трансцендентная*, сколь всегда явна, столь всегда и загадочна, — и бессмысленно смертному заниматься субстанциальной археологией, ему промыслительно недоступной.

7. Главное тут: фиксация самого этого субстанциального феномена и самого факта присутствия в земно-небесном пространстве собственно *русской субстанции*.

8. Возникла (образовалась, извлеклась, произвелась) эта русская субстанция в незапамятные времена, задолго до времён, называемых и поныне историческими, и бытует себе, аж до сих пор бытует — в русском сознании и в русской ноосфере, в русском жизнеотправлении и в русской истории, являясь залогом бытования всего русского мира, хотя и не командным для него пунктом — русский мир всё-таки кое в чём и фундаментально свободен!

9. Субстанцию эту никому и никогда из смертных ни отменить, ни уничтожить, ни существенно переделать (лишить русскости), — она ведь не от человеческой, а от сверхчеловеческой воли!

10. Есть ли зависимость русского мира от русской субстанции?

Конечно, есть, и выражается она в непреложности русского начала (качества) в русском мире: что бы ни вытворял русский человек, он был, есть и остаётся *русским*!

11. Русскость — не так земно-феноменальная, как космо-ноуменальная данность. Это присутствие *иномирья* в сем мире! Русский — землянин, но он более *иномирный*, чем сеюмирный, землянин.

12. Нет, не выжила бы Русь-Россия в веках, если б не генотипическое её стремление, вполне и магическое, к самой себе, к своей родименькой субстанции!

13. Иномирность, сидящая в русском мире, дорого ему обходится, ибо русский мир в постоянной борьбе со странным компонентом русского сеюмирья, обозначаемым обычно русским сознанием как *Не́русь*.

14. И приходится Руси-России отступать, уходить в нети, а то и в Навь, но лишь для того, чтобы, свершив очередное утратное жертвоприношение, вновь вернуться в Явь, в текущую реальность: субстанция тут заботится и безжалостно выталкивает Русь-Россию наверх.

15. Похищения Руси-России Не́русью, — что приходящей, что своей, — так и не выходит! И всё это благодаря *русской субстанции*, которая работает себе и работает, удерживая Русь-Россию в Бытии, в Хозяйстве и в Истории.

Русское зрение

Зрение — обозрение, лицезрение, умозрение, воззрение, мировоззрение, прозрение, как и презрение тоже.

1. Для большинства русских, во всяком случае по-византийски обработанных и по-европейски образованных, не говоря уже о надёжно интегрированных в глобализм, никакого *русского зрения* (воззрения, миропонимания, мировоззрения) нет и быть не может. Если что и есть, то лишь глубокая, замшелая и потешная архаика, говорить о которой, что воду в ступе толочь! Да и русское ли оно — это зрение, а не какое-нибудь славянское, ведическое, арийское?

2. Однако русская субстанция, которая непрерывно бытует в русском мире и нарочито в каждой русской особи сидит, свидетельствует об обратном: русский на то и русский, чтобы по-своему на мир смотреть, по-своему его воспринимать и по-своему его понимать — вне зависимости от предлагаемых и внедряемых Не́русью обозренческих версий.

3. Русский, как известно, себе на уме, и умом его никому и никак не понять, может, как раз по причине этого исходного и вредного

для него и для всех «себе на уме». Не то что Не́русь, но и сама Русь-Россия с трудом что-либо различает сто́ящего в русском человеке, как и сам русский человек мало что видит достойного в себе самом — невнятная тут гуляет стихия!

4. Русский, внешне смиряясь с предложенными и навязанными ему извне воззренческими установками, всё время тешит себя одной и той же замысловатой игрой — *мировоззренческой*, ничуть не презирая сваливающихся на него обозренческих утешений, наоборот, их непрерывно принимая в расчёт: то как к нему лояльных, то как ему вредных, а то как и попросту для него враждебных.

5. Субстанция русская, может, не очень-то и самим же русским нравится, но отделаться от неё русскому люду невозможно, особливо на территории Руси-России!

6. Сегодня, на запале века XXI-ого, ничего из мировоззренческого, ныне в мире и в России культивируемого, для России-матушки не годится. Ничего! И приходится нынешней русскости браться самой за воззренческое дело, как когда-то взялся за военное дело, слезши с печки, на которой просидел 33 года, славный Илья Муромец — защитник земли русской.

7. Здесь шанс — утвердиться России в *своём* мировоззрении, восходящем к истокам русскости, её субстанции, но в то же время отвечающем уровню и запросам современности, как и потребностям неизвестного, но ожидаемого, будущего.

8. И не надо тут ничего выдумывать, сидя за учёным столом или вживаясь в окрестный опыт, надо лишь углубиться русскому сознанию в самого себя, выдавив из себя своё же *самосознание*, оглядеться по ноосферным окаёмам, найти и обозначить словом и делом запрятанное в себе мировидение, вытащить его на Свет Божий.

9. Трудно, тяжко, почти что и невозможно, ибо замордовано русское сознание чужезрением, обессилено самокритикой и самоотрицанием, приговорено к затянувшемуся беззвучному мычанию. Не так-то просто избавиться русскому сознанию от комплекса исторической неполноценности, взращенного веками (византийскими, европейскими, включая и времена господства марксизма, и момент яростного нашествия глобо-либерализма в 1990—2000-е гг.), как и одолеть в себе «рабью бациллу», оборачивающуюся комплексом как бы возмездной, он уж очень дрянной, «полноценности». Иного же выхода у современной русскости нет!

10. С самого изначалья мир зе́мный воспринимался русскими (славянами, проторусами, русичами) как животворное лоно, причём не только как вещно-питательное, но и как духовно-производное. Никаких сомнений в наличии невидимого, неслышимого и неосязаемого мира — как высшего — инициального, так и низшего — абсорбциального, у предков никогда не было, как и не было никаких сомнений в тварном происхождении сего мира. Мир вещный, природный, как и мир духовный, сверхприродный — вместе, в переплетении, в непрерывной и замысловатой игре!

11. Мир в целом — загадка, хотя часть безмерного мира и в пользовании и даже понимании человека. Мир будто бы для человека, но он и против человека! Лоно-то лоно, но лоно, жаждущее и смерти. Жизнь и смерть — не одно и то же, но они неразрывны, оба они из одного целого и оба они из иномирья. Мир — мир мистериальной борьбы человека за жизнь и против смерти, но и мир борьбы сего мира и иномирья. Одно тут переходит в другое. Отсюда и беспокойство людское, и страх, и смятение. Мир — царство неблагополучия, неустроения и несправедливости, а жизнь — одна лишь *стойкость*!

12. Природа дружественна человеку, и она же ему враждебна; духовный мир тоже; людской — тем более! Мир вокруг как *свой*, так и *чужой*; люди тоже — *свои* и *чужие*; культуры тоже. Пространство — *своё* и *чужое*. Отсюда и русское оборонное сознание: труженик и воин. Однако отсюда и сознание воинственное: хозяин, владетель, воитель.

13. Природа, живность, земля — лоно жизни. Земля кормит, но и тяготит, порабощает, мстит. Она — объект совпадения и сотрудничества, но и присвоения, и раздора. Культ земли на Руси — бо́льший, чем культ Неба, Космоса, Великого Неизвестного. Земля — *Матерь*! Быть на земле, трудиться на земле, обрабатывать землю, но и её хранить, лелеять, оборонять. Земледельцы и воины; владельцы земли и на ней труженики; крепостники и крепостные. И вот земля в Руси-России уже как проклятие, жизнь как наказание, мир как непрерывная гроза! Произвол и насилие, подневолье и покорность, но и протест, бегство, бунт. Два мировосприятия: мир как проклятие — со стороны угнетённых и проклятие русского мира — со стороны его угнетателей. Медленная, тягостная и кровоточивая *мировоззренческая катастрофа*!

14. Катастрофа катастрофой, а жизнь — жизнью: русский человек, безмерно приносимый в жертву и сам идущий на великие жертвы, не только выжил в веках, но и стал истинным, хотя и искренне никем

особенно не признанным, триумфатором *новейшей истории*, одержавшим две Великие Победы (великие из великих!) — что в страшной многомиллионной войне, что в не менее тяжком вырыве в космос!

15. И вот сейчас, после очередного исторического надругательства над собой со стороны поднявшей вновь голову вероломной Не́руси (совершенно уже бесовской, отвязной, инфернальной), русский человек обращается к себе и своему мировоззрению, окрашенному историческим православием и раскрашенному вездесущим европейством, но к ним в основе и в целом никак и не сводящемуся. Нет никакого знака равенства между русскостью и православностью, между русскостью и европейством; мировоззрение русское всё-таки не православное и не европейское, а именно *русское*!

16. Многое из уже бывшего в русском самосознании ныне оживляется, кое-что попросту повторяется, но время крайнее требует и совершенно новых, может, тоже крайних, разрешений, тем паче, что русский человек сегодня более в городе, в мегаполисе, чем в деревне, на полях и в лесах, хотя связи своей с природой и землёй насовсем он не потерял, представ ныне существом цивилизационно-натуральным. Новое в русском воззрении исходит, конечно, от элитарной русскости, от тех русских умников и мудрецов, которые предпочитают своё — русское, а не чужое — иноземное, не находя в чужезрении ни спасения, ни судьбы, ни суда!

17. В блуждающем ныне по России мировоззрении жива традиция, есть кое-какая с ней перекличка, но появляется и кое-что новое, в особенности в связи с преодолением научного (сциентического) воззрения, непопаданием в вероисповедальную догматику и избеганием новейшего евроамериканского — постмодернового — учительства.

18. Мир для современного русского умостроения сложен, он физичен и метафизичен, вещественен и духовен, феноменален и ноуменален, имманентен и трансцендентен. Ничего нового — совершенная классика! Признаётся, как и прежде — в домарксистские времена, существование Бога-Творца, но необычное внимание ныне уделяется Софии Премудрости Божией, а не одному лишь Логосу. При этом София трактуется не узко вероисповедально, а общемирово и общечеловечески — как атрибут Господа Бога, его эманация, но уж никак не ипостась Бога, тем более женская. София — *Смысл Божий*, причём как чисто божественный, так и тварный, природный и человеческий. Мир окружающий софиен,

но, увы, и антисофиен, как и антибожествен. И сама София — не так *Благодать Божия*, как *Правда Божия*, отчего она и *Страх Божий*!

19. Россия сегодня насквозь антисофийна, что не значит, что София отвернулась от России. София ведь и *Суд Божий*, и София без устали судит Россию, и России неуютно под этим судом, но София и терпеливо взывает к России, на неё всё ещё надеясь: Россия ведь исходно не от инферналья, а от иномирья, — и в замысле России не что иное, как иномирного порядка *преображение*!

20. Мир *апокалиптичен*, причём исходно апокалиптичен, и другим он быть просто не может, а русский мир в особенности — неотмирен же он! Тоже вроде бы мало нового, но акцент тут серьёзен — как раз на *апокалиптике* бытия вообще и бытия русского мира в частности. Кажется, что в апокалиптике чуть ли не сплошь негатив, но это не так, есть в ней и свой позитив — только изначально и воистину апокалиптическое ищет в бытии и из бытия выхода, не находя его — *до срока*! Апокалиптика, если она не летальна — двигатель стремлений и перемен!

21. Мир в XXI в. основательно изменился: наряду с природным (натуральным), человеческим (земным) и божественным (небесным) мирами явился на Земле в полной красе и мир не природный и не человеческий, а *техно-искусственный*, причём уже не как вспомогательный, а как вполне самодостаточный, мало того — властительный, не только потеснивший природный и человеческий миры, но и затмивший собою мир Божеский. Не далеко время и полной победы техномира над обжитой человеком частью Вселенной!

22. Техномир, полнящийся «неживой жизнью», не мыслящий, но зато вовсю решающий — главная ныне заноза истории и всего человеческого бытия, безразмерно усилившая их апокалиптику, превратив её из живой (и божественной) в неживую (технократическую) и ясно обозначив тем самым пришествие *последних времён*, подступление и *Конца Света*!

23. В мир пришёл *антимир*, но не как живая противоположность миру, а как мертвящая *не́жить*.

24. Источник этой не́жити сегодня — *ЕвроАмерика*! Она же и очаг глобального империализма, общепланетного гегемонизма и общемирового паразитизма. И иной ЕвроАмерика уже быть не может! Отсюда общепланетарная война — ЕвроАмерики с миром и мира против ЕвроАмерики, а в центре всей этой апокалиптической «забавы» — *Россия*, — как очаг и возможность идейно-воззренческой альтернативы, а не только

большая владелица недр, лесов, вод, воздуха, самой жизни, на что не может не зариться смертоносная ныне ЕвроАмерика.

25. Вот и оно — *русское мировоззрение*: всё-ещё-человеческое, метафизическое, софийное, апокалиптическое, выживательно-спасительное, но ещё и оборонно-наступательное, различающее *своё* и *чужое*, чрезвычайное по настрою, даже и алармическое (последние ведь времена!), но при этом и общепланетарное, космическое, иномирное (не довольствующееся *этим* миром и устремлённое к миру *иному*)!

Русская метрика

Метрика — мера, обмер, размер, а также картина, описание, образ, даже и матрица.

1. У русских (русичей, проторусов) нет своего древнего культового писания, сравнимого с Библией, Кораном или даже Махабхаратой, а ежели что вроде бы и есть, как та же «Велесова книга», то энергично оспаривается, как что-то недостоверное, чуть ли не поддельное, хотя что в мире буквенном так уж на Земле достоверно? Нет у русских ни своего зéмно-небесного бога, как Христос, ни своего бесспорного пророка, как Мухаммед, ни даже своего высокочтимого мудреца, как тот же Конфуций. То ли слишком молоды русские (как бы недоросли ещё), то ли не способны к высокому сакральному переживанию и большому идейному творчеству, то ли не очень почтительны к преданьям старины глубокой, то ли не слишком уважительны к своим титанам-мудрецам, то ли безразличны к какому бы то ни было идейному культу, то ли чересчур уж забывчивы, то ли… э-э… то ли какая-то сила позаботилась об утрате проторусского идейно-духовного самосознания, которого ведь не могло не быть, — было же когда-то то же ведичество, были волхвы, были боги, был единый Бог Род, были те же предания, и письменность, кажется, была, в общем — обходились как-то проторусы с идейно-духовной стороной бытия, не зверями же были, а *человеками*!

2. Откуда и почему пошла Русь, как и куда идёт, толком никто на Руси-России и не знает. Одно ясно — не с Рюриковской эпохи Русь зачалась, не по личному волшебству варяга-завоевателя Рюрика! Ясно и другое: Русь таки вдруг возникла и пошла, более того, став уже Россией — *идёт*! Не без участия Рюриковичей, как потом Романовых, а затем и Ленина со Сталиным, как и Хрущёва с Брежневым. Идёт! Пошатываясь, покряхтывая, падая и поднимаясь, ворча, скворча, замирая и буйствуя, но… *идёт*!

3. Да-а, нет на Руси *своего собственного* почтенного регламента, нет! Вся *метрика* её туманна и загадочна. Всё на Руси-России не знаемо: кто, что, как, зачем, отчего, с какой целью, куда? Многое о Руси-России сказано, да не всё: главное-то как раз и не сказано! И остаётся до сих пор Русь-Россия со всей своей русскостью сплошной загадкой.

4. Нет той могучей книги, чтобы взять, да и прочитать всё про Русь-Россию, хотя бы миф о ней ладный, выдумку удачную, небылицу достоверную. Нет, и всё тут! Остаётся либо о чём-то важном догадываться, либо что-то воображать, либо тихо помалкивать — не так от страха даже, как от недоумения. Вон сколько научных-де историй о Руси-России написано, да мало что разных, а то ведь и вряд ли… верных, а главное — *никак уж не культовых*! А без культа какая-такая правда на Земле — да никакой!

5. А может, в этой бытийно-исторической конспирации *что-то* всё-таки есть?

6. Страна русская вроде бы есть, но какая же по сути и для чего — непонятно!; страна вроде бы русская, но без собственно русской государственности, цивилизации, истории; вроде бы титульный народ — русские, но он ничего волевó не определяет; вроде бы народ царственный, но в постоянной он тягловой кабале. Русскость на Руси-России не так в Яви, как в Нави, она старательно Нéрусью отрицается и преследуется, а ежели вдруг поднимает голову, как на рубеже XIX и XX вв., так сразу же следует какое-нибудь потрясение, подъём этот прерывающее, а страну в явный крах ввергающее.

7. Третий Рим как будто бы, да вот атакуем вовсю наследниками Рима Первого, еле от них отбивается, беря даже время от времени их столицы, но… всего этого как будто бы и нет, и Третьего Рима нет, а есть лишь неопределённая, неустроенная — как надо, непредсказуемая *сторона*, предназначенная лишь для эксплуатации, обирания и… завоевания.

8. И однако она есть, эта Русь-Россия, ещё и со своей неизбывной русскостью, которая вовсе не такая уж и православность, хотя ею заметно и задета, но… не так, как было в Византии с её ортодоксией, или как в Риме с его католицизмом, или как в Европе с её протестантизмом. Сильнее всего на Руси-России как раз… *русскость*, которая всех переживает, невольно обрусевает, вольно поглощает, нехотя проглатывает, а иной раз и назад не без удовольствия выблёвывает. Ах, эта несуществующая русскость, прочно в Руси-России сидящая — медленная, неповоротливая, вязкая! Всё и вся перебыла, чем только не переболела, кого только

не одолела, над кем только не спела песнь свою заупокойную!

9. Очаг, котёл, домна! И никакого тебе истинного — понятного, полезного, достойного — домостроя, одна, знаете ли, дребедень!

10. И вот сегодня русскость вновь всматривается в саму себя, поддавливаемая внешним — ревнивым, завистливым, чуждым, немало и враждебным — окружением, включая и бывших ещё недавно в большой войне союзников, и в этой же большой войне побеждённых противников, а также бывших общежитейских «братьев», «провинциалов», ну и новых «окруженцев» — развивающихся-де, растущих, взлетающих!

11. Всматриваются отовсюду внимательно в Россию и… мало что видят, скорее — ничего приметного не видят! И не должны ничего увидеть, разве лишь мутное пятно, мглистое облачко, полупрозрачную синь. *Конспирация*! Но не потому, что русскость прячется или дюже скромна, а потому, что *не от мира сего* она. Русскость не зрить надо, а чувствовать, да и то лишь по седьмому сенсорному разряду. Метафизика тут окаянная, трансцендентность заклятая, иномирность невозможная!

12. Генотипическая матрица тут давнего происхождения, очень давнего, даже сам первый и, кажется, последний великий русский учёный и просветитель, он же и потрясающий первопроходец, запутался, вглядываясь через призму иностранных источников-линз в тёмное прошлое родной страны. Откуда она, зачем, каким образом? Прав был, что норманистам рожи квасил, но не прав был, что историю рюриковичевскую писать перестал — не выдержал, видно, издевательств письменных над реальностью, как и самой реальности, возможно, изрядно испугался, что по истечении времени случилось, надо полагать, и с первым поэтом России, историком вдруг неожиданно для себя заделавшимся, да на этом и сломавшимся.

13. Так какова же она, эта треклятая *русская матрица* — разумеется, с высоты, или же с «низоты», сегодняшнего исторического и размыслительного момента? Во-первых, это некая *само*-матрица, неизвестно как возникшая и незнамо как воспроизводящаяся, причём *само*-преобразуясь, может, *само*-переворачиваясь (или даже *само*-выворачиваясь), — и всё это ради не более и не менее, как *само*-сохранения. Нет того бога, пророка или мудреца, который задал бы эту матрицу на века, ибо она сама себя задаёт, поддерживая сама с собой деловой, хоть и дюже страдательный, разговор. Во-вторых, это не описываемая, не формализуемая и не моделируемая матрица, точнее, может, и обрисовываемая

как-то, точнее — воображаемая, но… в терминах… нет… не неопределённости даже, а… самой что ни на есть… э-э… психиатрии, но не безумия вовсе, а всего лишь *без*-умия. Близко к синергетике, но… к *за*-умной синергетике, а лучше сказать — *вопреки*-умной. Умом такую матрицу никак не прочитать, но и безумием её не схватить, хотя бы потому, что у неё — у матрицы этой — нет ни ума, ни безумия, а есть то, к чему учёность современная только-только подбирается со своим толкованием, блуждая вокруг какого-то «хаосного порядка из хаоса», или *хаосмоса*.

14. Где хаос, там и чудо, но там же и *чудо*-матрица!

15. Где чудо-*матрица*, там и чудо-*метрика*! Кто в СССР мог подумать, даже в ещё 1980-е гг., что произойдёт со страной в годы 1990-е и 2000-е, а кто мог предположить, что к 2015-ому вдруг начнётся… нет, пока ещё не возрождение, но хотя бы случится вполне заметный всплеск (если не взбрык!)… благополучно вроде бы скончавшейся под ударами глобализма… *русскости*?! Спасибо Украине с её «украми», прямо указавшей на главных врагов своих — на *русских*, — не на православных, заметим особо, коими и сами по преимуществу являются, а именно *русских*! Есть, стало быть, мир русский, есть русскость, есть и русские люди!

Русский сингуляр

Сингуляр — точка, нуль, ничто, где сразу всё и откуда всё сразу, мало того — внезапно, хотя это уже сингулярность.

1. Есть ли что-нибудь на Земле подобное русскому феномену? Вряд ли! Ничего подобного, даже схожего, нет. Всё русское — *сингулярное*, то бишь особенное, исключительное, единственное. Мало того, это ещё и неожиданное, не могущее вообще быть, невообразимое. И это не всё: сходящееся (сжимающееся) в точку, вполне и невидимую, и из неё расходящееся (разжимающееся). А точка эта и есть *сингуляр*: мало того, что единственный, но ещё и один-одинёшенек — невозможный, несуразный и неповторимый!

2. Россия — мир, хоть это и страна, и государство, и что-то вроде нации. И вот этот-то мир вдруг сингулирует, обращаясь сначала в точку, а потом возвращаясь в большое целое (с некоторых пор, кстати — *имперское*: с Ивана III, быть может, а уж с Петра I — точно!). Не физическая, конечно, Россия сворачивается в точку и из неё вдруг исходит, причём в одно и то же время, а метафизическая, ноосферная, эгрегорная, эфирная, полевая. Полюшку такому, лишённому пространства-времени, ничего ведь не стоит и в точку обратиться, и обратно в поле возвернуться,

начисто и исчезнуть, и вдруг — из ничего — вновь явиться. Вот и Русь-Россия так же: то в нуль — то в полноту, то в ничто — то в нечто. Подмигивая да попрыгивая!

3. Примеров тут предостаточно: до Рюрика как бы и нет никакой Руси, она вся в нетях, в исчезновении, в немоте, но, как оказалось, в сингуляр сыграла, ибо вдруг в феноменальной реальности возникла во всей красе, чуть ли не империей при Святославе стала, причём оба эти персонажа — Рюрик и Святослав (дед и внук) — тоже ведь сингулярные персонажи, как и сын Святослава Владимир, Русь вдруг крестивший (всё в этих персонах-точках сходилось, как и всё из них и выходило); или тот же Пётр Великий, поставивший Русь на грань катастрофы, если не ввергнувший её в катастрофу, и вдруг… Победа, Империя, Россия!; или тот же Сталин, проделавший со страной примерно то же, что и Пётр I, правда, сначала Ленин постарался, а потом уже Сталин, и вдруг — опять Победа, Империя, СССР, а сам Сталин хоть и не был императором, но зато генералиссимусом стал, повелевая полумиром. Есть и другие примеры: со смутами да революциями, самый замечательный из которых относится прямо к рубежу XX и XXI вв. — не стало России — и всё тут!, но проходит малое время — и вот она — *Россия*!

4. Не успевают «доброжелатели» русского мира возрадоваться и пропеть, приторно всплакнув, «Requiem» по России, как она вновь тут как тут — как птица Феникс на собственном же пепелище!

5. А в чём тут дело? В этой самой сингулярной способности, если, конечно, к этой необыкновенной способности добавить и кое-какие необходимости:

1) держать восточно-европейское и северное евразийское зéмно-небесное пространство (а делать это может только непритязательная, изворотливая, изобретательная и необычайно стойкая *русскость*!);

2) настоятельное присутствие в земнóм мире заинтересованного *иномирья*, хранящего человека в человеке и продуцирующего альтернативу нарастающему и наглеющему античеловечеству (неважно какую);

3) потребность иномирья в земнóм *экспериментировании* (звучит не очень красиво, но зато правдиво), которое не только не остановлено, а в явной сейчас кульминации.

6. Особенность сингулярности в её непредсказуемости: когда, зачем, как, с какими последствиями, с какими итоговыми результатами? Сингулярный эффект — эффект как бы сумасшедшего, когда царствует

как бы сумасшедшая неопределённость, питающаяся как бы сумасшедшей трансцендентностью. Достаточно помянуть совсем недавние события в Москве 1991—1993 гг.; гнусные в человеческом измерении 1990-е; грязные уже в нечеловеческом измерении 1996—1998 гг.; совсем неожиданный 1999 г., закончившийся отставкой первого в стране лица, да и с заменой на кого — на человека… э-э… «без лица»; затем и невероятные 2000-е — годы уродливой стабилизации России и странного перехода к невозможному подъёму страны. Ничего ведь нормального, ничего системного, ничего более или менее стройного! И однако: из хаоса и через хаос… э-э… сначала к воспроизводственному *бес*-порядку, а затем и к кое-какому творящему гибриду хаоса и порядка — *хаосмосному*! Да, что-то можно предчувствовать, что-то интуитивно прозревать, что-то даже в неловком абрисе вдруг вообразить, но… не более того! Сингулярность решает сама и по-своему: случается как раз то, что никогда, не может и не должно случиться! Россия же — самая подходящая для сингулярных событий мировая арена, но что важно — событий судьбоносного порядка как для России, так и для всего планетарного мира!

7. И вот сейчас, в 2014—2020.. гг., Россия вновь на переломе, мало того — во всемирном сингулярном запале, которым заведуют не так субъекты, как распределённые по хаосному планетарному пространству хаосные же сгущения, не имеющие ни устойчивых обоснований, ни явных целей, ни предвиденных разрешений. И у привыкшей к чудодейственной сингулярности России тут свой великий сингулярный шанс!

Русская невидаль

Невидаль — что не видно, но что есть, как и что есть и даже видно, но ничего такого (!) не представляет; чего не может быть никогда, но непременно сбывается, как и что никак не сбудется, но уже есть. Чему и во что никогда нельзя верить!

1. Если о русском прошлом и даже русском настоящем мало что можно сказать существенно определённого, то что можно сказать о вообще не определимом русском будущем? Здесь уж сплошная *невидаль*! Ни зги тут не видно, никакого шороха не слышно, ничего впереди никак не вырисовывается. Картина почти что печальная, если не принять во внимание *веры* — веры в Россию, в русскость, в русский мир и, заметим, менее всего в самих русских людей, склонных-таки массово к союзу с антиРоссией и даже к измене России, что понять вполне можно, даже и

оправдать, ибо Россия — далеко ведь не злато!, но вот только простить нельзя: *Россия никому измены не прощает*!

2. Россия без будущего: эка невидаль!, — она ведь всегда без будущего! Никто не знает, за счёт чего вообще бытует Россия, как и намерена, кажется, бытовать и дальше. Жертвоприношения — вовсе тут не всё, да и не главное. Никакого тебе реестра, никакого трафарета, никакого чертежа! Разве лишь выжить любой ценой, уцелеть, продлиться. Это даже не драма и не трагедия, хотя это всё и есть, это — *нескончаемая боль*! Россия — не место для благополучия, наслаждения, счастья. Зато место для бед, неурядиц, страданий. Не рай вовсе, скорее — ад! Однако ад… полный какой-то нечеловеческой притягательности! Почему — загадка! Житие как бы одним днём: ненадёжность, опасность, риск. В постоянной борьбе с не́житью, с Не́русью, с антиРоссией, как и с самою собою. Какое уж тут будущее, да ещё и светлое?

3. И однако… и однако — *жизнь*! Как испытание жутью, как обработка страхом, как закалка страдой. Жизнь ради… не́жити, то ли не́жить… ради жизни?! Без будущего, но зная, что оно всё-таки будет, но вот какое… э-э… лучше помолчать, ибо там — одна *невидаль*! Творящий хаос! *Хаосмос*! Но ведь что-то же обязательно сотворится?

4. Россия нынче на невозможном, вполне и трансцендентном, подъёме, каковой кое-кому из «доброжелателей» русского мира очень хочется непременно подорвать. Россия ведь устремилась *к себе*! Это-то для «друзей» и страшно! Что значит к себе? Нет, нет, не к Святой Руси Великих Иванов, не к Российской империи эпохи романовской и не к СССР времён большевистских, в общем — не назад, хоть и с неизбежным соприкосновением с традицией и погружением в исходную русскую метафизику. Только вперёд, только к новой России, ещё не бывшей!

5. Хороша была формула: «Православие, самодержавие, народность», родившаяся эскизно ещё в рюриковичевские лета и лишь закреплённая чеканно уже зрелым николаевским временам, да вот сегодня она для России не годится. А что может тогда сгодиться? Тяжкий вопрос, нетактичный, и ответ на него тяжкий, почти что и бессмысленный, ибо эпоха ныне больно особенная, с непрочитываемым бытием, мало того, что непрерывных перемен, но и перемен самопроизвольных, следственно — *неуправляемых*, точнее — с управлением и даже с самоуправлением, но, повторим — *неуправляемых*, счастливо не прогнозируемых, удачно не просматриваемых, надёжно не улавливаемых, — если в целом, конечно! Запад уже во флаттере (саморазрушении). Китай, ежели

не опомнится, на пути к чему-то подобному. Весь планетарный мир в неконтролируемом и неподсудном движении. Лишь России не привыкать к стихиям и катастрофам, да и прошла она уже кое-что ужасное для себя совсем недавно. «Партнёрские санкции» России не помеха, российский мир необратимо сосредоточивается, Россия step by step овладевает будущим!

6. Теперь грезится другая формула: «Россия, империя, творчество». Самое привлекательное здесь, конечно, творчество, но его-то как раз нет и не будет без России, а сама Россия может быть только как *империя* (однако не *экс*-пансивная, а *ин*-тенсивная — в себе и для себя).

7. Россия способна к *импровизации* — полномасштабной, полноприводной и полноценной. Она открыта для фундаментальной новизны. Ей всё равно, какой завтра быть, лишь бы быть и быть… *Россией*! Она сама для себя аттрактор; сама себе причина; сама для себя и суть!

8. Россия сегодня ничего на мировой ярмарке не выбирает, она идёт вперёд, что-то уже для себя и созидая. Отверженная, она и сама отвергает — отвергателей, ей уже безразличен контекст — как объект поклонения, ибо Россия — *сама себе проект*! И дело тут не в гордыне России, а в неотложной необходимости: не отгородиться, а удержаться и удержать! София ведь совсем и не «против», наоборот, она вполне «за»!

9. Мир вступает, втягивается или же попросту ниспадает в *иной земной мир* — совершенно уже искусственный, можно сказать, что и *неземной*, никем, кроме безумных фантастов, не подуманный и не могущий быть человеком нормальным помыслимым. Делает это мир, разворачивая шаг за шагом тягостную всемирную войну — *Армагеддон*! Иначе он уже не может: падение в войну от него уже не зависит. Россия, пережив страшную катастрофу СССР и собственное жуткое падение, осознала, ценой унижения, подчинения и отравы, что ей нужно немедля обратиться к себе, сбросив навсегда внешнюю зависимость, и овладеть необходимой для выживания, перемен и бытия *ситуацией* — уже и… *внеисторической*!

10. Россия сегодня — *ковчег спасения*! Вот-те на! Эта-то планетарная «чёрная дыра» и вдруг… *ковчег спасения*! А-а, в том-то нынче и дело, что не только «последние станут когда-нибудь первыми», но и, знаете ли, охотно падшие вдруг неохотно поднимутся и… пойдут вперёд и впереди! Русская апокалиптика на то и *русская* (постоянная, терпкая, скребущая), чтобы выдать что-то совсем уж непотребное — как раз сжимающемуся искусственному безвременью и необходимое!

Русский респект

Респект — уважение, уважение другого, уважение со стороны другого, самоуважение, в общем — быть самим собой и не мешать другим быть другими.

1. Русскость — этнический вроде бы момент, и это так, хотя этническое начало здесь не главное; русскость и не специфическая идеология, культура, мировоззрение, хотя что-то своё во всём этом есть; русскость всего более тяготеет — как качество — к *типу* человека, даже, если хотите, к *расе*; в этом плане русскость аналогична еврейству или тому же китайству.

2. Русскость — альтернатива всему: европейству, азиатству, североамериканству, южноамериканству, африканству, австралийству, хотя русскость, в отличие, к примеру, от той же евроамериканскости (даже и китайскости), ни на что и ни на кого не покушается. В чём же альтернативность? — в принципиальной *инаковости*, восходящей непосредственно к *иномирью*. Русские — не от мира сего, они — неотмирцы, хотя и пребывают в сем мире, волочась за своею земнóй судьбою, сжимаясь и разжимаясь, падая и поднимаясь, терпя поражения и одерживая победы — *великие победы*!

3. Русские открыты всему миру, они восприимчивы, рефлексивны и реактивны, но при этом ничто не может заставить их перестать быть русскими. Антирусскость — не одно лишь внешнее противление (агрессивность контекста), но и странная принадлежность самой русскости. Русскость в постоянной борьбе с антирусскостью, воплощающейся в таком поразительном явлении, как Нéрусь, атакующей русскость, на ней паразитирующей, её предающей и в ней же постоянно нуждающейся. Нéрусь — тоже ведь раса, точнее — *субраса*, или *антираса* — паразит! Однако Нéрусь подвигает русских не только на измену себе самим, но и на верность самим себе. Отсюда феномен *русских из русских* — не покидающих русский мир, его страдательно и жертвенно удерживающих; не пытающихся сбросить с себя русскость, её отменно культивирующих; не изменяющих России, её хранящих и обороняющих.

4. Русскость — это призвание, признание, ноша, тягло, судьба, миссия. Для чего она, эта русскость? Феноменально-практического ответа здесь нет, хотя есть феноменально-практическая история с тем же русским освоением гиперборейского пространства (северной Евразии);

созданием на удивление всем вполне человечной культуры (не гуманистической, а именно *человечной* — не греческой, не иудейской, не европейской, не азиатской); строительством имперской (многонародной, евразийской) цивилизации; сдерживанием внешних разорительных и губительных экспансий, в особенности новых и новейших европейских; одерживанием великих побед; переживанием евроэкспериментализма в виде того же практического социализма; освоением целостного научно-технического прогресса и невероятным вырывом в космос; созданием мощной армии и могучего оборонного комплекса. История значительна, разнообразна, объёмна! Это история не страны, а *мира*! Россия — *мир*! Русскость — явление *мировое*!

5. Однако заряд русскости, её очаг, её источник, не в феноменально-практической сфере, а в ноуменально-сущностной, где доминирует метафизис и господствует трансцендентность, где Логос умолкает, а Число замирает, где действует более всего София. Русский мир живёт не так физикой бытия, хотя он без неё не обходится, как его метафизикой, поклоняясь не так «ходу человека» с его пользой и выгодой, как «ходу неизвестности» с его неожиданностями и невероятностями, а также признавая более «ход вещей» с его независимостью и странностью, чем «ход человеческой практики» с его ограниченностью, уязвимостью и ущербностью. Русский — прирождённый метафизик, врождённый фаталист и урождённый мистик!

6. Хочет того русский человек или нет (хотя явно он этого не хочет!), но он противостоит со своей русскостью *всему миру*. Не имперскостью, не православностью, не социалистичностью и даже не своим показательным космизмом, а именно *русскостью*! Правда, не весь вовсе планетарный мир противостоит русскому миру, а лишь своей либо кинетически, либо потенциально агрессивной для русского мира частью. И дело тут не столько опять же в физисе (пространство, земля, недра, ресурсы), который очень хочется кое-кому прихватить, а в метафизисе, то бишь в *идее*, чего никому уже на грешной планете совсем и не хочется присвоить.

7. Идейно планетарный мир, как известно, давно (с незапамятных времён) разделён и поделён (культуры, религии, цивилизации, традиции, учения, а теперь вот и концепции, установки, обработки, пиары, зомбирования). Премодерн, знаменовавший единение человека с Природой и Сакралом, если и не умер, то на периферии нынешней идеальной вселенной; Модерн, поставивший человека над природой и вне сакрала, ещё

держится, но заметно уже уходит, становясь классикой; царствует ныне Постмодерн, провозгласивший свободу человека не только от природы и сакрала, но и от уже самого человека, отдав его с помощью авангарда в слове и в искусстве в лапы самому дьяволу.

8. Сегодня на повестке безграничное самовыражение человека в среде высвобождённой *антикультуры* (культура-то — мир запретов!). На поверхность вышел *антимир*, активно гнобящий собственно мир, превращая его в мертвенный *постмир*. Идёт интенсивное расчеловечивание человека, его превращение в *постчеловека*.

9. Это всё исходит от передовой части планетарного мира — Западной, евроамериканской, антиприродной, секуляризованной, научно-технической, искусственной, физикалистской, материалистской, логической, глобалической, империальной. Мир Постмодерна! Со свободной-де идеологией, а на самом-то деле — исключительно тоталитарной, нивелирующей, стандартизирующей, но… незаметно, прячась, скрытно, исподтишка, ибо не из высшего она иномирья, а из самого что ни на есть *инферналья*.

10. Судя по всему ныне происходящему на Западе и с Западом, мир этот — западный, несмотря на отдельные всплески настойчиво гонимой там остаточной мудрости, ничего из творящегося с ним самим не видит, не сознаёт и не понимает. Полная атрофия мозгов, чувств, интуиций! 2014 год, как и, надо полагать, ещё несколько последующих за ним лет — время обострения не только мировой текущей ситуации, но и момент обострения кое-каких истин, среди которых и действительный закат ЕвроАмерики, Постмодерна и адекватного ему квазичеловечества. Обстановка позднего Древнего Рима!

11. Россия, хоть и объявлена россо-византийскими доброхотами Третьим Римом, не собирается занимать место ни Первого, ни Второго Римов, — этим пусть занимается сегодня Америка — этот Четвёртый Рим, он же по духу своему воинственному и Первый, хоть при этом и финансово-капитальный (карфагенский, финикийский). У России совсем другая задача — выстоять и идти к новому мирозданию, в чём ей может способствовать даже и его тетраримскость, но главное значение будет всё-таки иметь *русскость*.

12. Заметим, в момент крайней опасности или нечеловеческого напряжения все в России становятся… *русскими*, да-да, именно *русскими*, — и всё потому, что русскость исходно апокалиптична, кризисна,

тяжка́, но при этом стойка́, самоотверженна, самопожертвенна и героична. В роковую минуту русские — неодолимая сила!

13. Передовой, он же западный, мир уже попал в состояние «гроги», или «бури без натиска», или «умного безумия», или просто «самопального произвола». Это уже неуправляемо управляемый мир — не более и не менее! Любое рациональное действие приводит к иррациональному результату; любая внешне логичная программа вызывает самые непредвиденные следствия, перечёркивающие весь замечательный предварительный замысел; любой тщательно продуманный курс ведёт куда угодно, кроме искусно намеченного пути.

14. Реальность, переполненная людями, объектами, ритмами, шумами, волнениями, мусором, пылью, эфиром, образами, образинами, виртуальностью, дезой, кодами, ложью, мифами, конспирацией, конкуренцией, борьбой, войной, шизофренией, паранойей, болезнями, уродствами, — и всё это с распространением на экономику, политику, «культуру», «бытовщину», — так вот эта самая реальность либо уже не реальность, либо, ежели ещё реальность, то уже некая *само*-реальность, от человека либо независимая, либо зависимая с точностью до наоборот. Вот она — *самая современная современность*!

15. Западный человек, — а это уже в значительной мере *пост*-человек, — сегодня растерян, сбит с толку, немало и подавлен, хоть и хорохорится, и на что-то такое ещё претендует, и даже громко пищит. Ему пока невдомёк, что он уже… *проиграл*, точнее, что… *его уже проиграли*! И напустили на него мо́рок: «человече» западный настолько уже под эфирным гипнозом, льющимся из всяких там media, настолько уже зомбирован, заморочен и осчастливлен, что ничего для себя угрожающего от своей же среды обитания он не видит, зато увидел вдруг угрозу… от *России* и *русских*!

16. Невидящий взор евроамериканца направлен теперь не на один мусульманский Восток, не на одну «Аль-Каиду», а и на большое государство-цивилизацию — на Россию, на весь русский мир, на всех русских, осмелившихся не только идейно отвергнуть Запад, но и попытаться избавить себя от его настырного покровительства, мало того — выдавить его из себя, столь нагло и безнаказанно вторгшегося в тело и душу России, в русский мир, в русское сознание.

17. Нет, далеко не все из нынешних русичей осознают качество и силу отравы, преподносимой благородным Западом, вполне уже и гниющим, но зато немалая часть русского коллективного сознания уже в этом

довольно-таки убеждена. Не надо во всём винить Запад, сами ведь порочны и гнилы, но не замечать разлагающего влияния «дружественного» Запада наивно, глупо и попросту… *страшно*!

18. Человек как человек, да ещё и широко образованный, культурный, думающий, западному управлению уже не нужен, ему ближе сейчас *недо*-человек с *пост*-человеческими метками и замашками: ограниченный, не умный, не мыслящий, преступно-наивный. Робот ценнее и перспективнее для Запада, чем собственно человек. Эра человека на Западе скандально («Je suis Charlie», то есть «Я — клоун») заканчивается!

19. Россия, вытолкнутая в афронт Западу не кем-нибудь, а «братской» Украиной (!), делает выборный ход в пользу России, но не нынешней России — порочной, заражённой, уродливой, гнилостной, а *другой России*, уже возникшей в метафизисе России в качестве трансцендентного проекта, — может, не очень и доброй России, но зато жизнеспособной, а главное — альтернативной как уходящему уже человечеству, так и наступающему на его место античеловечеству.

20. Откуда эта надежда на Россию, если нет в ней никакой уверенности? Не только из-за удивительной способности России возрождаться (всё тот же эффект птицы Феникс), но и по причине поразительной адекватности русского мира возникающей на планете *новой реальности*. Русскость отличается неупорядоченностью, неопределённостью, незаконченностью, а потому и мобильностью, гибкостью, приспособляемостью, как и способностью выживать в нестабильной среде, разреженной, почти что броуновской. И это очень важно для бытия в подвижном, переменчивом, неожиданном и самовольном мировом контексте. Хаосмос — совершенно русское благо! К тому же Россия, пережив жуткий апокалиптический кризис рубежа XX—XXI вв., выходит на новый исторический старт, не обременённая ничем, кроме обязательства остаться Россией и идти не к Западу, а к России. А это не просто шанс, это самый настоящий *русский респект*!

21. О-о, Россию ждут (если не поджидают) любопытнейшие времена, события, состояния! Глупо тут что-нибудь воображать, предвидеть, замышлять, тем более — рассчитывать. Ясно, что *просто так* ничего не произойдёт. Однако вряд ли нужно сегодня говорить о каверзах, испытаниях и коллизиях, ждущих (если не поджидающих) русский мир. Каркать — не функция мудреца; его святая обязанность — видеть и помалкивать! Всё свершится так, как дóлжно свершиться: просто надо быть, во-первых, убеждённым в необходимости (даже неизбежности)

русского пути, и во-вторых, идти по предназначенному пути во что бы то ни стало!

Такова она — *русская рулетка*!

Аминь!

«Развитие и экономика». 2015. № 13.

К III МОСКОВСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ФОРУМУ (МЭФ—2015)

Ответы Ю.М. Осипова журналу «Мир перемен»

1. Что вас устраивает и что не устраивает в экономической политике России? Вот уже четверть века в России проводится субглобалическая экономическая политика, предполагавшая сначала превратить экономику страны в капиталистическую, загнав ее в мировую глобалическую сеть, а затем обеспечить относительное, хотя и зависимое от глобализма, процветание российской экономики на основе и в рамках субглобалической энерго-сырьевой модели. Все это было успешно проделано, причем под либеральным флагом, но с жестким трансформационным и удерживающим экономику в ее «перекошенном» состоянии государственным дирижизмом. И все было бы ничего, если бы не «тупик неправедности» и не «тупик неразвития», в которые попала вовсе и не национальная (не справедливая и не суверенная) экономика. Невообразимое присвоение со стороны немногих и избыточное потребление многих в сочетании с обнищанием и позорным «неуклюжим» положением народных масс состоялись, но не получилось удовлетворительной в производительном плане и достаточно приемлемой в социальном отношении экономики. Пореформенная система, страдая органичной порочностью, так и не вышла из своего же собственного системного кризиса. Требовалось глубокое и масштабное перестроение постреформенного типа, которое не было осуществлено, хотя и продолжает громко стучаться в дверь.

2. Насколько объективна и насколько рукотворна российская стагнация? Как системный кризис российской экономики, так и ее текущая конъюнктурная стагнация совершенно рукотворны, но не по глупости, а по сознательно совершенному реформному преобразованию (вполне и кризисному) и столь же сознательно не совершенному выправляющему перестроению (имевшему возможность стать как раз антикризисным, но так и не состоявшимся).

3. Насколько объективен и насколько рукотворен текущий обвал российского рубля? Нынешний обвал российского рубля вполне рукотворен, но с учетом сознательного воздействия извне и вполне кризисной растерянности российских экономических властей. Пореформенную перекошенность российской экономики можно было бы посчитать за объективную, но она, увы, вполне рукотворна. И валютный обвал можно было бы посчитать за произвольный (чуть ли не объективный) сигнал о тотальном (структурном, функциональном и духовном) неблагополучии в российской хозяйственной сфере, но это не объективный сигнал, а рукотворное следствие рукотворной несостоятельности.

4. Какова ваша альтернатива теперешней российской экономической политике? Только реально управляющий в национальных интересах государственно-корпоративный центр, оснащенный новыми амбициозно-конструктивными кадрами, может решить антикризисную задачу, занявшись реальным перестроением и переориентированием национальной экономики, ограничивая влияние на нее глобализма и усиливая ее субъектность. В дирижизме вообще, а в антикризисном дирижизме в особенности, нет ничего нового. Это подтверждается опытом всего мира. Что касается России, то это в принципе дирижистская страна, каковой она остается и сейчас. Дело не в том, чтобы вводить дирижизм, а в том, чтобы его переориентировать, сменив весь дирижистский курс. Нынешняя антикризисная программа правительства если и сможет смягчить текущую стагнацию, то не сможет достичь главного — перевести национальную экономику на самостоятельный и «развитийный» путь бытия. Конъюнктурные показатели вообще не главное в хозяйственной жизни (спады, стагнации, кризисы — органика для экономики), главное — качество хозяйства, жизни, экономики. Трудно сказать, почему верховное руководство страны этого не понимает — без всестороннего и самостоятельного качественного развития дни российской экономики и самой России недолги. Особую тревогу в «просвещенных кругах» вызывает удручающее положение в стране в области науки и образования — главных условий суверенности и моторов развития. Непонимание катастрофичности сего положения — уже не ошибка, а преступление! Выжидательность — хорошее свойство у геополитических игроков, но реальная жизнь не может находиться в режиме бесконечного ожидания. Отказ от срочных постреформенных преобразований дорого обойдется России — и не в аспекте потребления и капитализации, а в плане утраты исторической перспективы. В стране создана и утверждается атмосфера

незнания, недумания и нетворчества, что для будущего страны не так даже трагично, как смехоподобно! Нынешняя кризисная ситуация не возникла сама собой, как любят уверять общественность сторонники «рыночных созидательных стихий», а вполне «сфабрикована», причем намеренно, в эгоистических интересах, но при этом и по великому недомыслию (не детскому вовсе, а вполне взрослому, ибо капитал российского происхождения должен был бы уже понимать, что без крепкой, самостоятельной и развивающейся России он попросту никто и подлежит поглощению и исчезновению). Жизнь подарила сегодня России шанс: осознать пагубность старательно, хотя и впопыхах, созданной ситуации и, собравшись с духом, переделать все не на пользу нации содеянное! Промедление тут смерти подобно, да и смирится ли со всем этим ничегонеделанием привыкшая к терпению и покорности, ко всему вроде бы безразличная Россия? Она ведь уже другая!

«Философия хозяйства». 2015. № 1.

О КОНЦЕПТЕ РОССИИ

(актуализация концептуального управления в Российской Федерации)

Концепт — целостное и целеположенное средоточие взаимообусловленных мыслей, идей, смыслов. Концепт может быть познавательным, отразительным, разъяснительным, но может иметь руководящее, ориентирующее, конструктирующее значение. Концепт вбирает в себя в отжатом виде разный интеллект-продукт, служа ему хранилищем, очагом и мастерской, и испускает из себя необходимые для контекста интеллект-блага. Концепт — метафизическая основа бытия чего-либо из явленного, существующего, феноменального, его развития, возникающих в нем перемен, всей его экзистенции, всей его судьбы. Концепт — вещь (от вести) необходимая, хотя и не всегда тщательно проработанная, а тем более — добротно сформулированная, но всегда и действенная.

Любой исторический субъект — «оконцептуален», он снабжен так или иначе своим концептом, пусть и не слишком явным и не всегда ясным в немалой своей части и намеренно конспиративным, мало того — вынужденно трансцендентным. Концепт — не математическая формула, не выверенная раз и навсегда инженерная конструкция, это всего лишь сгусток метафизической информации, выраженный в словах, понятиях,

образах, но также и… ничем, как раз тем, что стоит за словом, за понятием, за образом и соотносится лишь с воображением, интуицией, чутьем.

Вот, к примеру, старорусские концепты, точнее, их символические «имиджи»: Святая Русь, Третий Рим, Российская империя («Православие, Самодержавие, Народность»). Кратко, но емко, по каждому возможны всяческие трактования, расшифровки, пояснения. Однако — *концепты!*

Или у большевиков — тот же СССР! Это ведь тоже концепт, хотя в нем ни собственно союза, ни буквальных советов, ни действительного социализма, ни фактических республик, а попросту… Сталинская империя!

Каждый такой концепт не просто условен, лозунгов и символичен, он несет в себе и какую-то рекламность, привлекательность с притягательностью, доверительность. И обязательно загадку! За внешней стороной концепта, его брендовостью, непременно стоит кое-какая суть, не выражаемая напрямую представительным высказыванием, но так или иначе всегда лишь подразумеваемая. Любое такое высказывание может быть развернуто в содержательный текст, немало сопряженный и с затекстьем, что сделать бывает совсем не просто.

Тот же «СССР» уже несет большую смысловую, идейную и размыслительную нагрузку: что значит «союз», что — «советских», что — «социалистических», что «республик», ежели нагрузка эта смысловая очень мало имеет отношения к самим используемым словам. Да и «Сталинская империя» не слишком красноречива, ибо это все-таки более шифр, чем какое-то содержание, которое лишь подлежит раскрытию вплоть до его… нераскрытия!

Любой концепт — вещь вовсе не простая, а сложная, насыщенная содержанием, весомая, это, к примеру, не та же конституция, ибо текста показного концепты, как правило, не имеют, но зато может иметь под собой много темного, скрытого, конспиративного, попросту говоря — невыраженного, подразумеваемого, потаенного.

Каков, допустим, концепт тех же США? Да, «либеральный гуманизм — управляемая демократия — экономическое предпринимательство». Это для США всех времен, — разумеется, без упоминания об эксплуатации человека человеком, о разделении на успешных господ и неуспешных работников, о том же черном рабстве. А вот для новейших

США надо бы непременно добавить: «либеральное по духу, но насильственное по форме планетарное миссионерство — ведущая роль в мире — всемирный безоговорочный дирижизм», — разумеется, без упоминания об империализме, общемировом жандармстве, всестороннем, вплоть до военного, насилии на пространствах планеты. Хочешь-не хочешь, а *новый Рим*, замешанный на *обновленном Карфагене!*

Или тот же Китай! О-о, тут уже не концепт, а концептище, обеспечивший тысячелетие китайского бытия, да так, что никто ничего и понять-то не может — ни в феномене Китая, ни в житии его, ни в концепте! Тут тайна великая есть — за семью, знаете ли, печатями! Однако кое-что сказать все же можно: «движущаяся неподвижность — стойкое ожидание — неожиданность шанса». Это, конечно, не все: «Все само идет: покой, буря, перемена, все само же и приходит: цель, средства, результат». Фатализм? Возможно, но непременно китайский: выжидательный, продуманный, расчетный! Если США ныне это как бы «Рыкающий Лев», то Китай всего лишь… «Тигр в засаде»!

Концепт США — концепт чистой Европы, освобожденной от тенет европейской традиции. США — европейская Новь. А вот Европа ныне… э-э… это не что иное как «прощание с собою»: на место многообразной исторической Европы идет внеисторическая Единая Европа, освобождающаяся уже даже и от нововременской Традиции, но… в отличие от США… вполне жертвующая собой. Европа-мать, породившая сына — США, идущая теперь за более сильным и амбициозным сыном, отрицая себя саму!

Вот она, непредвиденная никем мистерия агрессивного бытия!

А каким же был концепт старушки-Европы? Христианско-антихристианский, гуманистический, имперо-колониальный (синтез Рима и Карфагена в многосубъектном исполнении и разнообразном обличье). А сейчас — уже молодящейся Единой Европы: «секулярность — антигуманизм — единая фантомная имперскость». Европа явно уже последних времен! Это даже не закат Европы, как было замечено на рубеже XIX—XX вв., а ее явное закатывание, ежели вдруг похищение Европы, то уже… ее остывающего трупа! Кто ее, бедную, закатывает? Сама же Европа под водительством и присмотром своего сыночка — США. А кто ее неспешно похищает? Да все они же, сама Европа и ее же США! А все почему? Из-за уже включенной в организме Европы и тех же США постмодерновой программы самоуничтожения!

А что Россия? Почуяв запах евроамериканского тления, Россия отшатнулась от Запада, — и пошла, шатаясь и озираясь, искать свою дорогу под гром растерянных, въедливых, украинских пушек.

А дорогу свою России не найти без своего же концепта. Вот и стоит перед Россией задача обретения своего концепта, да не через заимствование его извне, как это было при Рюрике, Владимире Святом, в Смутное Время, при Петре Великом, при тех же большевиках, не говоря о нынешних глобо-либералах, а посредством выработки и в самом деле своего концепта, примерно так, как это случилось для СССР при Сталине, но с той разницей, что Россия тогда была все-таки отодвинута на периферию выбора, а сегодня она уже прямо в его центре.

Россия, конечно, не свободна от своей генотипики, как и не свободна от давящих на нее обстоятельств и своего нынешнего кризисного состояния. Но зато она более или менее свободна в *импровизации,* что важно не только для работы над собой, своим концептом, но и для решения важнейшей концептуальной задачи в эпоху неконцептуального (!) Постмодерна, вовсе не обошедшего России. Ясно, что в западный Постмодерн Россия с головой попадать никак не хочет, но вообще пренебречь Постмодерном она тоже уже не может. Сегодня весь мир весьма импровизационен, все мировое бытие, вся история, мало того — кругом полно симулякров, фикций, фантомов, призраков, трясин, пустот. И ежели уж концепт, то всему этому перечисленному как-то соответствующий, все это постмодерновое учитывающий, хотя бы для противовеса ему, противоборства с ним, известного его отрицания и даже преодоления.

США сегодня явно на пике мира, Европа — на его вершине, Китай — в сердцевине. А где Россия? Первое, что приходит в голову — на периферии мира. Но это приходит только в неумную антироссийскую голову, а вот в умную пророссийскую голову приходит кое-что иное: Россия ныне… *в центре мира,* хотя она и не центр мира, по крайней мере — пока!

А как Россия туда — в центр мира — вдруг попала? По произволению Господнему, конечно, но мы бы сказали, не гневя Всевышнего — по произволению Великого Неизвестного, которому зачем-то понадобилось сдвинуть Россию именно туда — в центр мира. Смотрите сами: планетарный мир в идейно-духовном плане вдруг весь завертелся в 2014 г. вокруг России — *весь!* включая и США с Европой, и Китай с Индией, и Бразилию с Ираном, и… о-о… Украину с той же Польшей, Прибалтику с Грузией, даже и Казахстан с Белоруссией, не говоря о тех же Армении,

Киргизии или Турции. Ничего себе! Как это вообще могло случиться? А никак! Всегда ведь случается самое невероятное, и всегда почему-то внезапно! А все почему? Всего лишь потому, что решается-то не здесь, в сем мире, а там — в мире ином, где ведь никакой логики, а лишь одна *метамысль* — вот, собственно, и все!

Что ж, США у нас вроде бы Рыкающий Лев, Китай — Тигр в засаде, на Европу же можно навесить что-то вроде встревоженного Рейнеке-Лиса, а на ту же нынешнюю (про- и постмайданную) Украину не более и не менее, как Обезьяний переполох, — а вот что при всем при этом более всего подходит нынешней России… правильно… не что иное, как… Медведь-шатун!

А разбудил шатуна заокеанский львиный рык, аранжированный неохотным лисьим лаем и охотным обезьяньим ором, — и выудил медведя из берлоги, и очутился наш шатун вдруг… прямо в центре мира, сам того не желая, и задумался недоуменный и недовольный: за что же на него такая напасть, если не жестокая кара?

Не хотел медведь ни о чем таком думать, а теперь вот приходится: и концепт приходится ему строить, когда строить-то ничего по сути нельзя — ни фундамента прочного, ни возможности жесткой на нем конструкции, ни даже уверенности в правоте своей — всё зыбко, всё колеблется, всё то сбегается, то разбегается, всё ноет, воет и трещит! Не мир ведь теперь, а мир-симулякр, да еще мир-война, с которым одни лишь беспокойства и разочарования, а тут… концепт!

Уже, наверное, вовсе не матричный, во всяком случае — не одно- и не едино-матричный. И если уж без матрицы никак не обойтись, то тогда уж с сонмом матриц, то бишь не с матрицей какого-то там концепта, а с матрицей сразу ряда концептов, их, так сказать, кластером, или с матрицей концептуальных матриц, а ежели по-простому, то с неким все время изменяющимся набором неустойчивых, но сохраняющих свою направленность концептов-матриц.

Время тоже — непостоянное. Переменчивое, импровизационное!

И ежели уж установки, то такие, чтобы не впадать в концептуальную догматику и в функциональный ступор, как это случилось, к примеру, с СССР в застойные брежневские времена.

Быть всегда на стреме перемен, или, лучше сказать, на переменчивом стреме.

На что же сегодня может сподобиться наш Медведь-концептуалист? Рано или поздно, но из Медведя-шатуна выйдет Медведь-хозяин

с потребным ему здоровым концептуализмом. Каким же?

Перво-наперво трехчленка: «Русь — Москва — Россия». Русь (она же русский мир, русскость) — ядро, корень, столп; Москва — центр, точка схождения и расхождения, скрепа; Россия — мир, стан, держава (она же и империя).

Поскольку Россия в планетарном мире, и у нее есть свое в нем место, то выходит и второй смысло-знаково-символический ряд: «Самостояние — евразийность — центр мира (мироцентровость)». Незамедлительного разъяснения здесь требует, само собой разумеется, это наглое «центр мира». Что это за центр? Нет, не властный вовсе и вообще не управленческий, как у тех же США; не рационально-умственный, как у Европы; не трудо-производительный, как у Китая. Нет, нет и нет! Но и не духовный, как у Индии или того же Тибета. Здесь что-то совсем другое: Россия — центр чего-то Иного! Чего же? Нет, не отличного от чего-то другого, а именно иного — того, чего нет, никогда не будет, но… случиться-таки может! Шамбалы? Нет, не Шамбалы, а просто того, чего нет и не будет, но к чему надо-таки идти! Россия — чрево, «черная дыра», колодезь, но при этом и лоно, и очаг, и кладезь. Кладбище разных идей и концептов, но и их кладовая. Сокровенная сокровищница; прикровенное сокровение; укромное откровение. Россия — *тайна!* Но тайна реализующаяся, действующая, работающая. Россия не хочет — а исполняет, не живет — а тащится, не наслаждается — а страдает. *Миссия!* Но миссия не формулируемая, ибо она не от Логоса и нелогосная, а от Софии и софийная, однако не менторская и не образцовая, а… *ужасная!*

Ну и что из этого? А то, что в России идет скрытая работа по вбиранию, осмыслению, перевариванию и выблевыванию всего земного, придуманного, восхитительного, возбудительного, убийственного. Ничего *такого* России не нужно и ничто такое в России не задерживается. Россия на прямой связи как с небесами, так и с преисподней. Россия — *бездна!* Как раз аналогичная той, из которой все на свете и вышло. А для планеты-то что, эта Россия? Какой-такой центр? А вот тот самый — *правдианский* (веритабельный)! Только в России и из России… *правда!* Посреди большой и неуемной лжи Россия всего ближе к Христу и Иоаннову «Откровению», что не значит, что более всего она христианская. Россия, может, не так уж и христианская, но вот зато она явно… Христова, причем не так софианская она, как *софийная.* Ведь только в России родилась *софиасофия,* что вовсе не софиология и не «софиасизация», а всего лишь контакт с Софией — для России не очень-то и лицеприятный!

Россия — *софийный центр мира!* Хочешь знать правду — прямиком в Россию! Какую же правду, кроме софийной и апокалиптической? О-о, много «хочете», господа, ибо от правды этой худо сразу любому станет, а потому лучше помолчим, следуя заветам угрюмых софийных мудрецов. София может переходить в Логос, да вот Логос не может передать собою всей России! Вот почему и нам лучше, убедительно умолкнув, промыслительно помолчать!

И что же тогда принять нам за действенный концепт России, точнее, ее концептуальный кластер? Что-что… конечно же… матрешку, эту замечательную фрактальную вещь-вещицу-вестницу! В нижеследующей, примерно, экспозиции.

Внутри матрешки никому не известная *идея России* («Умом Россию не понять!»), сопряженная с Софией, Иным и Трансценденцией, что позволяет Идее быть, твориться самой и творить собою Россию — неопределенную, незаконченную, несовершенную (в аде, через ад, вопреки аду).

Далее в чудо-матрешке следует первая, главная и непрерывная жертва Идеи — русскость, а вместе с нею и русский мир, Русь, — уже не как идея, а как ее реальное воплощение в действительном метафизисе, включая сознание, ноосферу, язык, культуру, самого человека, его страну. Не нравится, ах, как не нравится, и даже очень многим не нравится — вплоть до откровенной антиРоссии, не говоря уже о сокровенной, но что поделать — куда России от Руси, русского мира, русскости?!

Есть она — русскость, и все тут! — почти не формулируемая, но зато неплохо при случае понимаемая, а иной раз и горячо, поносимая. Не знаем что, а есть; явно что-то есть, а что, увы, не знаем! Какой-то синтез из арии, гипербореи, скифии, славянии, угрофиннии, тартарии, монголии, не без примеси со стороны хазар, варягов, византийцев, степняков, тевтонов. Сложнейший этно-культурный продукт, однако местный, корневой, дре́вовый. Исконный, из доистории, глубоко исторический. Древний! Не так уж и важно, откуда и чье исходно здесь имя, — важно другое: такого больше на свете нет, и это ни у кого не перенимешь, хотя каждый явившийся в русский мир извне непременно обрусевает и это в себе с напряжением или без оного, но несет.

За Русью в матрешке следует, естественно, Россия — многоэтнонародная, многоконфессиональная, многоми́ровая. Имперская, конечно! Империя для себя, внутри себя, ради себя. Без империальности никак ей нельзя — тогда не будет и самой России. Либо Россия, и она — *Империя,*

либо ни империи, ни России. А Россия — большой, специфический. Евразийского становления и пребывания, россо-разнообразного воплощения *мир*. Сторона, часть, доля Земли! По-своему и часть космоса, его, так сказать, вовсе не последняя партия.

Проект России, который сидит в России, в ней реализуется, ее ведет, ею жертвует, ее и выручает — проект не страны, не государства, ни цивилизации, хоть все это и есть, — это *проект мира, земно-космического мира* — особенный, беспримерный, альтернативный! Дыра-то дыра, эта Россия, но в то же время и… чрево… со всеми своими потрохами и выбросами — смыслов, мыслей, идей, ну и концептов тож! И заметим: вовсе не евроамериканских, хотя в чем-то с ними и схожих! Очень важный момент, на который мало обращают в России внимания, а ежели и обращают, то лишь ради негодования на нее — непутевую, а то и презрения к ней — бестолковой!

Величайшее достояние России, ее благо, ей дар и ее достоинство, как раз в ее тесной связи с Великой Неизвестностью, настолько безупречной связи, что, во-первых, Россия не такая как все — она *несусветная!*; во-вторых, она неуловимая — ни мыслью, ни расчетом, ни, тем более, руками; в-третьих, она не слишком ценит прошлое (кроме своего выживания в нем), не лелеет настоящее (которое для нее всегда не особенно привлекательно) и открыта для будущего, вполне и необыкновенного (не в плане обретения возможного благополучия, конечно, а всего лишь… чаемого Россией Иного); в-четвертых, никак не программируемая; в-пятых, способная к непредсказуемой импровизации.

Проект России — вовсе никакой не проект, — она его и не знает, а ежели и проект, то некий самопроизвольный проект, который вроде бы есть, но которого при этом и нет!

Чрезвычайно важное обстоятельство!

Россия открыта для *само*проектирования, которое больше «куда вывезет», чем сколько-нибудь осознанное намерение. Все исторические попытки навязать России какой-либо проект (рюриковский, византийский, ордынский, европольский, греческий европетровский, большевистский, сталинский, глобалический) кончались ранним или поздним крахом.

С одной стороны, Россия и впрямь не проектируема, а с другой — ее проект, ежели есть, не подлежит ни огласке, ни формулированию, ни намеренному исполнению. Россия привержена не планам, а «ходу» — людей, «вещей», неизвестности, как раз тому, что идет «само собой».

Концепт России загадочен и не склонен к улавливанию и расшифровке. Его надо не знать, а чувствовать, и, следуя ему, — импровизировать. Да-а, такая вот страна-мир — Россия, которая не Европа и не Азия, как и не Евразия, она даже и не… Россия, но не потому что и впрямь не Россия, а потому что Россия — *тайна!*

И что же сегодня? Какой концепт… без концепта или все-таки концепт, но… э-э… законспирированный, что ли… *антиконцепт?*

Тут нужно уяснить одну своеобразную смысло-практическую вещь (от вести): все концептуальное и действенное сходится в России так или иначе к одному сакральному слову — *Россия!* Чем больше России в России — тем лучше! Не отрицать Россию надо, а всячески привечать; не любить горячо, а стоически признавать; не глядеть безучастно на Россию, а в ней разнообразно и творчески участвовать.

«Россия» и есть весь сконцентрированный в точку концепт России!

Будучи обширной и структурно диссипативной (распределенной, сетевой) *империей,* Россия не может обойтись как без высшего центрального руководства во главе с верховным правителем («царем»), так и подотчетного высшей власти местного имперского управления, сочетающегося с представительским (но уже не вечевым) народовластием. Ото всех субъектов — действующих лиц исходит служение империи, даже от частных свободных предпринимателей и независимых-де корпораций. Все это в рамках имперского, но вовсе не тотального, *дирижизма* — многоуровневого, многостороннего и многочленного. Согласование, солидарность, соборность! Общее всегда выше и значимее частного! Общее дело — для всех, а дело каждого — состоять осознанно или ненароком в общем деле!

Опять скажут нам, все это не то сказки, не то анахронизмы, не то благоглупости. И правильно скажут, если не учтут, что Россия таки выходит уже на нечто подобное, отвергнув совсем недавно сталинский жесткий тоталитаризм, а сейчас преодолевая тоталитаризм лукаво-либеральный. Худо-бедно, но Россия идет по пути концептуального баланса (динамичного, вариативного, импровизационного) между центральным властвованием и частно-локальной инициативой. И слава богу, что нынешняя Россия ничего в себе не кристаллизует, оставаясь если и не свободной, что невозможно, то все-таки привольной, что более или менее ныне уже явлено. Да, тут же рядом бытуют *произвол* и *деспотия* тоже, а при их излишестве вступает в дело имперская *мобилизация* с уместной

для нее *опричниной*. А потому лучше всего *стойкое импровизационное служение,* причем без кнута и без пряника, а всего лишь с осознанием правильности и неизбежности сего образа действия и жизни — подданных империи!

И вот тут встает проблема господ-угнетателей и подневольников-трудящихся. Теперь на переднем крае не помещики-дворяне и даже не капиталисты-мироеды, а… банки (точнее, вся финсистема). Факт! Против всякого пореформенного уродства лишь одно оружие — постреформенное исправление. Коли сделает это империя, реализовав масштабное и всестороннее *перестроение,* то сохранится и продлится Россия, а если не сделает — новые в стране потрясения, возможно, и летальные. Финансовый вопрос ныне — то же примерно что в прошлом земельный, а в недавнем прошлом (советском) — лично-доходный, так что оставайся начеку, Империя, и действуй, и все будет… нет, конечно, вовсе не так уж и хорошо, но зато… *приемлемо!*

Несколько слов о нынешнем имперском управлении. Нет, конечно, не любо (по-казачьи), хотя и не худо (уже по-русски). Хорошо уже, что без крайностей, а ежели и с колебаниями, то по курсу — российскому, господа, — *российскому!* Много чего хотелось бы, да еще и немедленно, да вот бытие с историей идут по-своему, да и Верховный действует, исходя из разных соображений, из которых наши с вами чаяния не на первом, хоть, возможно, и не на последнем, месте. Опять же тут необходимая конспирация, игровое мастерство, Макиавеллиева маета! Мало того, что Россия со своим концептом — тайна, так ведь и концепт текущего управления тоже ведь тайна, да и сам главный управляющий — тайна, да еще какая! И правильно: никто не то что из врагов, но даже из доброхотов российских не должен ничего не то что знать, но и понимать. Остается доброхотам и врагам лишь догадываться: кому со страхом, кому с воодушевлением, а если кто ко всему этому с высокомерным безразличием, так кому же он такой нужен, — история ведь, без таких как раз и обходится!

Ах, Россия, Россия — объект приязни и отвращения, любви и ненависти, служения и измены, — но ведь это жизнь, господа, в которой не то что не скучно, а чертовски даже занимательно! Не Обломов со Штольцем, не Раскольников с Павкой Корчагиным, а реальные Сергий Радонежский, Скобелев и Королев — вот герои двигающейся вперед России, разумеется, с новыми именами, но ведь и с делами тоже!

Говоря о текущей России, мы, заметив ее весьма странное и

неожиданное положение в центре мира, изрядно прошлись по ни в чем не виноватой и ничего плохого не подразумевающей стране, обнаружив «правдианский» смысл такого вот ее «мироцентрирования». Не хотела, а оказалась! И все потому, что решила вдруг улизнуть из-под западной (заокеанской) опеки и выйти на реально суверенный путь своего бытия, да еще и русский мир взять под защиту, пойти на его воссоединение (возврат Крыма, поддержка Донбасса). А это по законам звериных империальных стай недопустимо (медведь-то хоть и семействен, но ведь автаркичен). Вот стая и набросилась на Россию-медведя изгнав ее-его из своих пределов (правда, шатун сам покинул «восьмерку», да и «двадцатку» фактически тоже) и двинувшись на нее-него войной (не холодной и не горячей, а… удушающей!).

Война эта и сделала из России центр мира, однако уже центр *со-противленческий.* Чему? Великой мировой неправде! Ой, ой-ой! Это уже не борьба за независимость и самостоятелность, а нечто совсем другое (мюнхенские речи, Сирия, украинский вопрос, санкции, угрозы, проклятья). К правде мира добавилась борьба за правду, на что медведь особенно и не рассчитывал. Однако случилось, ибо случается обычно самое невероятное, и всегда почему-то внезапно!

Присмотримся к России как к центру мира, на самом уже деле в центре этом вдруг оказавшейся и действующей. Нет, не властный тут вовсе центр, не управляющий, но и не нейтральный!

Всмотримся попристальнее!

Так, Россия явно сейчас в центре, пусть и оспариваемом, того же евразийского интеграционного процесса. Никем она не командует, никого не строит, никем не управляет, а лишь в центре… процесса. А как иначе? Казахстан вроде бы инициатор, Белоруссия — анфан террибль, а Россия… э-э… матка, очаг, ось, вокруг чего всё и движется. У кого мощь, история, опыт, оружейный щит, тот и в центре — событий и ситуаций. Что не исключает и… подножек — война ведь! А Россия как раз в центре этой войны. Не понимают «братья», что без России они просто никто — пустота! Как та же Украина, которая уже не совсем Украина, а остаться ей Украиной совсем не так уж теперь просто. Война ведь!

Да, Россия в центре… и мировой войны! И не надо ни громко охать, ни закатывать выразительно глаза, ни вылуплять причудливо очи, ни сдавленно ахать: на просторах мира идет война, в частности война с Россией. Россия в войне! Факт! И в центре мира! Быть миру или

не быть, и какому — ежели быть? Удастся ли России, попав в планетарный переплет вывернуться? Кто ж из смертных это знает? Всё ведь в руцех Божиих!

Однако Россия, хоть и одна, но не одинока. Есть БРИКС, есть сочувственники на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в Латинской Америке, в Африке. Весь мир теперь в войне, хоть и не все пока об этом знают, но не весь мир в войне с Россией, с которой воюет задетый ею за живое Запад; однако идет война и с… Западом, ибо мир незападный не хочет своей западнизации, как и того же имперо-колониального господства над планетарным миром со стороны тех же США.

Все внимание сегодня к войне, из которой мир выйдет непременно уже многополюсным, полицентричным, партикуляризованным. Без войны тут не обойтись! А в центре — *Россия!* И вовсе не из-за своих пространств и ресурсов, которыми она владеет (они и так доступны сильным мира сего, пусть и не в полной мере), а по причине занятой Россией дискутабельной позы, альтернативности своего подхода к бытию, нежелания кому-либо подчиняться и большого желания быть самой собою. Мало того, из-за своей и мира *геостратегической будущности!*

Россия, этот Медведь-шатун, превращающийся день ото дня в Медведя-хозяина — *стратег,* пусть и произвольный, стихийный, мало себе и другим понятный, импровизационный. Вот две российские геостратегические оси: с Севера на Юг и с Запада на Восток. Первая: аж от Северного полюса… э-э… до Южного через разные миры: арабский, мусульманский, иранский, индийский, иудейский, африканский; вторая: от Западной Европы (ЕС) до Тихого океана и Дальнего Юго-Востока (Транссибирия). Есть еще стрелы-лучики во все стороны, обходящая империалистические центры, весьма встревоженные и заметно беснующиеся: с ними как раз-то и *война!*

Вряд ли стоит сомневаться в том, что Россия ныне еще и «крутой» *геостратегический центр — центр мира!* Разве не так? Где, в связи с чем всё сейчас решается, по крайней мере, главное, а ежели не главное, то судьбоносное, где? Вот именно — в России, в связи с Россией, по поводу России! И после этого наш Медведь не центр мира?

Россия в кризисе, но и на подъеме — духовно-стратегическом. Кризис — подъем, подъем — кризис! Все к экономике вовсе не сводится, хотя от нее многое и зависит. Старая тут песенка! Войны порождаются не одной экономикой, а и по преимуществу, пожалуй, не экономикой.

У войны всегда своя — войновская причина — как и свои правда с неправдой. Война часто — сама себе причина! Это уже потом к ней что-то прицепляется: политика, экономика, та же религия, хотя все это тоже способно порождать войны. Наполеон, Вильгельм, Гитлер, а сейчас вот США с Обамой во главе перли тогда и сейчас прут на Россию вовсе не по рациональным и расчетным причинам, хотя это тоже есть, а по мотивам вовсю трансцендентным, метафизическим, ибо Россия — *вне* этого мира, она *иное,* которое терпеть Западу никак нельзя, ежели он хочет над миром господствовать. Однако не от США пойдет новый мир, не от Европы, даже не от Китая с Индией, а… от России — вот почему центр мира, и вот почему мировая война с ним!

Каков же тогда он — *концепт России?* Кроме того, что он странный, непонятный, немыслимый, а также совершенно, знаете ли, трансцендентный, иномирный, парадоксальный, он как раз такой, каким не должен и не может быть, да и не будет, ибо будет совсем другим, вовсе никому сегодня не ведомым. Да и не концепт это, а… антиконцепт, что очень полезно иметь виду, ибо следовать ему очень опасно. Концепт уникальный: «куда вывезет», оттого и антиконцепт, но при этом все-таки концепт, кое-что важное разъясняющий и на что-то неизбежное ориентирующий.

Что делать? А ничего!

Мониторить события, ситуации и процессы и действовать в интересах России — по обстоятельствам, разобраться в чем только и может помочь наш медвежий антиконцепт — совершенно, знаете ли, *российский!*

«Философия хозяйства». 2015. № 2.

2016 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РОССИИ
(философические заметки)

Констатация

Все еще проходящие в Российской Федерации социохозяйственные, они же и политико-экономические, реформы — поначалу вполне революционные, затем собственно реформные — имеют результатом формирование сугубо присвоительно-распределительной, но никак

не производительно-«развитиевной», системы финансово-экономического (капиталистического) хозяйства, встроенной в глобальную, контролируемую, направляемую и ориентируемую из-за пределов России цивилизационную (экономическую, политическую, хозяйственную) *систему-мир,* или же *мир-систему,* причем встроенную в качестве зависимой и подотчетной, во многом и колониального свойства подсистемы, что то же самое — *суб*цивилизации, *суб*государства, *суб*хозяйства, *суб*экономики. Такое субобразование способно воспринимать не более чем *суб*модернизацию и осуществлять некоторое *суб*развитие — в пределах своей зависимости от глобального контекста и на основе предположенной этим контекстом специализации (энергосырьевой, полуфабрикатной, вспомогательной), что то же самое — в русле, на основе и в границах *глобальной субординации* (по месту, роли и состоянию).

Отсюда нежелательность, невозможность и нереализуемость собственного, самостоятельного, перспективного, опосредованного будущим и на будущее нацеленного, вполне новаторского и творческого развития, выходящего за пределы текущих инноваций (ныне более всего заимствуемых извне) и выражающегося в виде непрерывного процесса качественного (генеративного, совершенствовательного, возвышательного) преобразования национального хозяйства и всего странового социума.

В итоге наличие в пореформенной стране тупика неразвития, еще и неустанно подбадриваемого энтропийной тягой к антиразвитию.

Сверхзадача

Вырыв, а не переход или даже прорыв, к развитию, понимаемому не столько как появление в стране чего-то нового, даже и передового, сколько как обретение особого — нацеленного как раз на развитие — *состояния социума и хозяйства.* Развитие, если иметь в виду не просто развитие, а *саморазвитие* — не как развитиевные плоды, которые можно завезти и извне (что ныне в России по преимуществу и делается), а как почва с семенами, способная произвести развитиевное древо, родящее уже самые что ни на есть собственные развитиевные плоды. Потенция к развитию тут важнее самого по себе развития (как реального обновления); предреальность значимее реальности; возможность фундаментальнее действительности. В стране нет сегодня адекватной основы, лучше бы сказать — *субстанции — субстанции развития,* — ни духовной, ни моральной, ни трудовой, ни интеллектуальной, ни творческой, ни тех-

нической, ни экономической, ни управленческой. Тенденция антиразвития сильнее тенденции развития, отчего более всего не развитие, а… *неразвитие*. Отсюда именно вырыв к развитию, а не что-нибудь иное, ибо стране надо не более и не менее, как вырваться из трясины — трясины неразвития, обильно орошаемой *антиразвитием*. Сначала сброс вериг антиразвития, потом прорыв пелены неразвития, а затем уже только рывок к развитию. Это действительно сверхзадача, ибо в тисках обыкновенности она попросту невыполнима. Тут на повестку дня выходит *чрезвычайность,* способная родить… *чудо,* если прямо-таки не *сверхчудо!*

Сверхметод

Метод — это путь, путь решения задачи. И ежели надо решать *сверх*задачу, то и метод должен быть сверхметодом. Вполне чрезвычайным, не менее экстраординарным, чем бодро осуществленная и до сих упорно проводимая в нынешней Российской Федерации частно-присвоительная реформа, она же и самая настоящая, растянувшаяся уже на два десятилетия *антисоциалистическая революция.* Чрезвычайным в плане устремленности, настойчивости, изобретательности, изощренности, действенности, плодоносности. *Неодирижизм* в единении с *неолиберализмом,* когда неолиберализм снизу, а неодирижизм сверху, посреди же — субстанция развития со своей *реальной зоной реального развития,* или же развивающаяся Россия в пространстве устаревающей на глазах и самостоятельно не развивающейся пореформенной России. Одна опричь другой! Мобилизационный сдвиг, обеспеченный консолидацией созидательных сил, их соединением в «огненный» очаг развития и расчисткой для этого очага жизненного потребного пространства.

Политический тренд: постреформизм

Укрощение разрушительных, вредоносных и опаснейших для страны, хозяйства и социума частноприсвоительных реформ — вполне уже и безумных, не дающих практически никакого в конструктивно-продуктивном плане позитивного эффекта, в чем-то уже реформ ради реформ, инерционных реформ, слепых и глухих, а потому и тупых, морально непереносимых, вполне и злодейских. Хватит! Страна по горло сыта противоестественными, тянущими в инфернальный низ и не влекущими в сакральный верх реформами, преследующими и убивающими нормальную, плодотворную и перспективно обусловленную жизнь, и остро нуждается в принципиальном развороте от уже унылого и гнетущего *реформизма* к ободряюще-созидательному п*остреформизму,*

способному, погасив злокачественный реформизм, возжечь огонь доброкачественного жизнетворения.

Постреформизм в данном случае — не прекращение вообще преобразований, а всего лишь радикальное изменение их глобального судьбоносного курса — в чем-то и антиреформное, но не прямолинейно контрреформное, а более всего позитивно коррекционное, что предполагает, помимо обретения здоровой бытийственной нормы, еще и выход на достойное великой страны и ее созидательных поколений историческое творчество — идейное, социальное, культурное, научное, технологическое, — прочно и надолго овладевающее интеллектуально-организационной энергией элит и трудо-полезным сочувствием народных масс, а главное — *всеобщим, достойным человека и общества будущим!*

Развитие как… сверхразвитие

В нынешнюю эпоху — эпоху неоиндустриализма, нано- и меганауки, высоких, тонких и незримых технологий — развитие вовсе не сводится к безудержному росту материально-технической производительной базы, безграничному возрастанию потребительного богатства и столь же безмерному приумножению предметно-полезного разнообразия текущего жизнеотправления, а, наоборот, восходит к качественному обновлению самого человеческого бытия в целях его перспективного совершенствования и перевода в *иное,* никогда еще не бывшее, природно-неприродное состояние — фантазийное, сказочное, мифоподобное!

Не умаляя важности решения насущных и даже не очень-то насущных, но все же необходимых для полноценного существования человека и общества производственно-потребительных задач, приходится констатировать, что главное в современном развитии — не развитие как таковое, к которому привыкло человечество и с которым свыклась академическая мысль, не развитие условий бытия человека и общества, а развитие… уже самого по себе бытия, включая даже не бытие человека и общества, что понятно, а и самого человека с его обществом, иными словами — развитие не вширь, а вглубь — человека и общества, а ежели и чего-то вширь, то не так ради самой шири, как ради чаемой глуби.

На повестке *новая парадигма развития,* провоцируемая и подкрепляемая наплывающей на человека *новой парадигмой бытия,* включая самого *человека* и само *общество.* На очереди не слишком еще известное и понятное, но уже остро ощущаемое *парадигмальное обновление всего и вся.* Впереди явно эсхатологическое будущее, приближаемое столь же эсхатологическим развитием, как раз тем самым, которое

можно при желании посчитать как за *развитие в развитии,* так и за *развитие развития,* но с той важнейшей оговоркой, что это уже развитие… как бы в обратную сторону, во внутрь себя, ввернутое в себя развитие, *интра*развитие, ну а по новейшей умственной традиции — *нео*- или даже *пост*развитие, может, и *мета*развитие, как знать? Но в любом случае — *сверх*развитие!

Парадигма сверхразвития как контрпарадигма

Глобальный Запад все уже за всех решил: человека — в *чиповея,* а общество — в *чиповейник!* Однако остальной мир, а во многом тоже и западный, *этого* не хочет, а хочет чего-то совсем другого: не *пост*человека вовсе, а *иного человека,* или *иночеловека,* как соответственно не *пост*общества, а *иного общества,* или *ино*общества. Спасение тут не в технике, а в идеях, не в обанкротившемся либерал-гуманизме, а в новой, уже и сверх-над-человеческой идеологии, освещаемой не вымороченной от собственного всезнайства гуманитарной наукой с все еще подогреваемым ею пустопорожним и античеловеческим атеизмом, а в укорененной среди высшего относительно земного бренного человека *ино*мирья Софии, только и могущей сообщить нечто конструктивно-спасительное бытующему на земле все-еще-человеку, не поддавшемуся на ренессансно-просвещенческую провокацию насчет собственного *над*природного и *вне*сакрального величия и избегшему, в отличие от еврочеловека, модерно-постмодернового пересотворительно-демиургического беснования. Не отрицание человека в ходе его глобального передельческого развития, а утверждение человека в ходе хорошо осознанного им сверхразвития — с софийным обновлением человеческого сознания и всей человеческой натуры — как раз без «чипов» и без «вейства»!

София

Знание — сила, а ежели оно от Софии — софийное знание, — то двойная сила — одновременно конструктивная и спасительная! Софийный человек, он же и *под*софийный — *человек меры,* разумеется, софийной. Заповеди тут следующие: признание иномирья и высших смыслов; уважение другого, как самого себя; человек в мире-социуме и мир-социум в человеке — взаимодополняемость и взаимоответственность; свободный личный выбор при всеобщей солидарности, вполне и умеренной. Этнос, народ, нация — необходимая, неизбежная и потребная

реальность. Отечество, Родина, Пенаты — непререкаемая и неукоснительная ценность, пусть во многом и ирреальная. Благотворная культура, благоносная цивилизация, ответственное государство, всеобщий и всеобъемлющий людской компромисс.

Техника

Техника рядом с человеком, но не в человеке, среди социума, но не в ущерб ему. Покорение техники человеком, а не человека техникой. Техника как управляемый человеком фактор, а не управляющий человеком фактор. Оснащенный техникой, но не поглощенный ею человек. Не технический человекобраз, а *над*технический *человек*!

Элита как сверхэлита

Сегодня в России доминирует «либерально-российская», она же и «постмодерново-симуляционная», она же и «профанно-антироссийская», *антиэлита,* несущая в социум и внедряющая в человека *тотальный абсурд* — едкий и разлагающий. Противостоящая этой антиэлите антиабсурдная элита в России есть, но она по преимуществу в обороне и в лае. Слово за *новой элитой*, способной объемно одолеть антиэлиту с ее нарочитым абсурдом в ходе мощного контрнаступления. Отсюда на повестке дня не просто элита, а *сверх*элита, выполняющая кажущуюся неисполнимой *сверх*задачу: от арьергардной контрабсурдной обороны к авангардному на абсурд натиску! София — в помощь!

Идеология как сверхидеология

Конструктивно-спасительная идеология ныне сверхпотребна! Национальная, созидательная, устремленная в будущее, еще и человеческая, общественная, историческая, мало того — нравственная, трудовая, зовущая к творчеству, в общем — совершенно на сегодня невозможная: текущая практика не просто противоположна такой идеологии, но ей принципиально и вполне угрожающе враждебна. Но делать нечего: без идеологии — *новой идеологии!* — разворота к сакрально-природо-человеческой норме не совершить, как не осуществить и разворота к развитию, не говоря о сверхразвитии. Вот где тупик, так тупик! В слове, в идеях, в общественном сознании. Однако почва национальная насовсем не иссохла, кое-что плодотворное в ней еще есть — от традиции, от повседневности, от обыденности, а потому *идеологический разворот* еще возможен, но… вкупе с соответствующими делами, которых еще нет или почти нет, но которые все-таки возможны, ибо необходимы.

И опять *сверх*-, но теперь вот *сверх*идеология, ибо к малой идеологии вынужденного народного жизнеотправления нужно добавить большую идеологию сверхисторических свершений. И опять сверхзадача, ибо ни наука — эта разрушительница всяких идеологий; ни новомировская философия, оправдавшая бесноватый антропоцентризм с коррозионным атеизмом и вызволившая на волю страстных демонов денег, наживы и потребительства, как и развязного сциентизма с беспощадным техницизмом; ни закосневшие в правильных догматах и не владеющие гибкой современностью религии, не считая, разумеется, прозорливого в тяжкой правде своей Иоаннова «Откровения», тут не помогут.

Оттого и *София* — это сверхмудрость, она же и предмудрость, она же и мудрость мудрости: вопрошай, человек, внимай и думай, ищи и обретай, если сможешь… София не против, хотя и не… за, ибо ответственно все тут, очень ответственно!

Россия

Что за слово такое — РОССИЯ?! Почему столь значимо — причем таинственно, магически, трансцендентно? А что оно означает — страну, мир, цивилизацию, народонаселение, историю? А может, и самое что ни на есть… *ничто*, которое, вроде бы ничего не означая, означает-таки какое-то… *нечто,* как раз то самое, что висит себе в ноосфере и… влечет к себе, да что влечет — притягивает, втягивает, поглощает! *Россия, Россия… Россия*! Колдовство какое-то! И все идейное — гео-антропо-социо-идейное — почему-то и как-то в этом слове отовсюду сходится и из него непонятным образом на весь мир расходится. Не беги, безумец, от «России», а, остановившись и замерев хотя бы на мгновение, всматривайся и вслушивайся в это слово, думай о нем и вместе с ним и… всё вдруг и откроется — все смыслы, все идеи, все значения, ибо Россия — это как раз и есть наша родимая София — загадочная, далекая и близкая, закрыто-открытая, уловимо-неуловимая… Идеология России… в России, можно даже сказать — сама Россия и есть идеология, только читать ее надо уметь, да не одним лишь умом, а и сердцем… через посредство, конечно же… Софии!

Правительство

Оно в тягучей и липучей растерянности: не можется, не хочется, даже и противно, а… *надо!* Строить в стране надо, инвестировать, производить, изобретать, внедрять, инновировать, научно-технологическую

сферу держать, образование совершенствовать не по-болонски, идеологию нравственно-созидательную запускать, позитивный личный пример показывать, с народом откровенно говорить, перспективы неустанно разглядывать, на достойное будущее замахиваться… о-о… много чего надо, в том числе и доходы не в пользу одних богатых и ненужного немассового потребления распределять, и с бедностью бороться, и с коррупцией, и кое-кого в тюрьмы сажать — прямо-таки на пожизненное, и кое-чего решительно национализировать… в общем — много чего надо, много при этом работая — умно, созидательно и по-честному. Фантастика! Чует ли эту своевременно-несвоевременную фантастику российское правительство? Чует, наверное, но… очень и очень не хочется ему к ней подвигаться, оттого и… растерянность — уже прямо-таки субстанциальная. Растерянность управленческая в России, да и перед самой Россией, которая для нынешнего правительства terra incognita, причем опаснейшая. Не правительство тащит Россию к развитию, а Россия гнобит правительство из-за неразвития. Очень неприятная для «правителей» кризисно-катастрофная ситуация! И что же? Ежели не эти сделают жизненно потребное для России, так *другие* сделают, не другие, так… *иные,* которые уже на подходе. Есть оно — скрытое историческое напряжение, от масс людей и немассовых элит вполне и независимое, а за напряжением этаким непременно следует… *разряжение* — уж какое у реальной истории выходит!

Искрящийся текущий момент

Еще слышатся из народных глубин зовы к переменам, как и слышатся призывы патриотической элиты к всестороннему развитию страны. Россияне… нет, не верят, конечно, а всего лишь… надеются — без всякой при этом реальной надежды! — на поворот от раздаточно-присвоительного экономического деспотизма к *деспотизму развития* (иного уже, видно, не дано!). Затянувшаяся на годы «минута молчания» с замершей «фигурой умолчания»! Впереди, кажется, одно лишь повторение пройденного, а хотелось бы необычной новизны — *реального политического развития*! И все сфокусировано, как испокон века принято на Руси, на первом в государстве лице, которое ныне не государь вовсе, не властитель и не правитель, а не более чем дивный образ… э-э… *национального лидера* — пока более в возможности, чем в реальности, отчего и повисла в российской атмосфере дилемма: *или — или*! — а дилемма вообще-то есть выбор из двух вариантов, когда оба… хуже, а вырваться из тенет неразвития непременно надо!

Итак: *сверх*намерение, *сверх*воля, *сверх*усилие, *сверх*деяние! Нет, ныне уже не государь, не правитель, не вождь, но… *вершитель* — вместе с верящим в Отечество народом и поверившей в возвышение Отечества элитой.

Вызвать веру и укрепить уверенность: словом и делом! Это-то сегодня и самое трудное!

Государство

Оно вроде бы есть — большое, многочисленное, протяженное, но его как бы и нет, ибо молчит оно — о главном! — и бездействует — тоже в главном! Чиновники есть, их очень много, но они не правят, ибо ими правит… нет, не Конституция вовсе, а… коррупция. А ведь в России без государства ничего судьбоносного никогда вообще не происходило и, увы, до сих пор не происходит: ни масштабной стройки, ни замысловатой перестройки, ни неизбежного догоняния Запада с мобилизационной модернизацией, ни умеренного реформирования, ни взрывной революции. Государство в России — более чем государство, это главнейший на российской земле охранитель и делатель — то в роли хладнокровного консерватора, то вдруг в роли темпераментного новатора, мало того — это первый, главный и единственный во всероссийском масштабе *европеец,* хотя при этом и совершенно российский, вовсе и не европейский. Вот и сейчас в России развернута устроенная властями евро-, она же и глобо-, реформа-революция, и, как всегда, российско-антироссийская, но зато с совершенно неудовлетворительным с позиции нации и государства результатом — с резкими социальными неравенствами и смертоносными проблемами, без всякой потенции к саморазвитию и самосовершенствованию. На очереди вновь *государственная революция*, она же и *антиреволюция*, на этот раз уже пророссийская, а ежели не так, то жди невозможных потрясений, от которых на Руси-России сладко почему-то никому не кажется!

Предпринимательство

По большому, чуть ли не по гамбургскому счету своего полнокровного и полноценного *предпринимательства* на Руси-России никогда не было, вернее, что-то такое было, но ограниченное, вспомогательное, неразвитое, нетворческое, по преимуществу заимствованное: торговое, «добытчевское» или первопроходское, но никак не научно-технико-индустриальное, в общем — неевропейское. Никакой *предпринимательской революции* в России не свершилось, как это возымело место в той же

Европе. Отсюда активные экономически россияне — не предпринимательство в полном смысле слова, а всего лишь «бизнесменство», ежели и какое-то подобие предпринимательства, то в европейской мере совсем не реализованное: торговое, промысловое, сырьевое, легкопромышленное, в общем — не слишком индустриальное, не техническое, не новаторское, хотя на рубеже XIX–XX вв. таковое вроде бы и появилось, но, увы, ненадолго.

Нынешний российский «рыночник» — никакой не предприниматель, тем более не производительный новатор, а всего лишь монетарно-торгово-посреднический делец. Это некий *недо*предприниматель, а лучше бы сказать — *пере*приниматель (в аспекте снятия денежных доходов). Такого «предпринимателя» совсем не интересует саморазвитие великой страны, ибо он не европеец и не американец — он лишь вырвавшийся на простор денежно-присвоительного накопления бывший советский «службец» или же бывший антисоветский «криминалец». Разумеется, ростки всамделишного предпринимательства (инициативного, новаторского, плодоносного) в России всегда были и даже есть сегодня, но лишь ростки, так и не смогшие, тем более не могущие сегодня, разрастись во всероссийское предпринимательское древо — почва и воздух, видно, не те!

Отсюда острейшая потребность в государственной поддержке не присвоительно-распределительного бизнеса, как сегодня, а *инновационно-производительного предпринимательства*, что должно быть завтра, но при этом и острая нужда в *государственном предпринимательстве,* эффективно сочетающемся с соответствующим частнокорпоративным предпринимательством: государственно-корпоративный *неодирижизм* вкупе с корпоративно-государственным *неолиберализмом* — вот, собственно, и все!

Экономика и хозяйство

В сегодняшней России есть вполне развитая экономика с ее деньгами, финансами и капиталами, но нет вполне и всесторонне развивающегося хозяйства с его неоиндустриальным и высокотехнологичным трудо-творчеством. В Европе экономика служила и служит худо-бедно производительному хозяйству, хотя самонадеянный нынешний финансизм уже немало ему препятствует (современный мировой кризис — кризис прежде всего паразитарного финансизма). В России же экономика с ее эгоистическим финансизмом и кромешной коррупцией работает против не только развитиевного хозяйства, но и вообще против всякого

хозяйства, не давая возможности обеспечить нормальное жизнеотправление человека, общества, нации, государства.

В России нет и почти никогда не было ни свободного хозяйства, ни эффективной ради хозяйства свободной экономики. Россия — *другой мир,* неевропейский и европейским так и не ставший, да уже никогда и не станет — невозможно, ненужно и опасно! И не в «институциях» тут дело, не в «производственных отношениях», а в *человеке*, который в России вовсе не европеец. Отсюда своеобразие российского развития — *оно другое, в другом и по-другому.* Хотим мы того или не хотим, но российское развитие не может не быть *государственно-общественным* — побудительно-дружным, мобилизационно-соборным, вдохновенно-бескорыстным. *Дирижистское общеразвитие,* долженствующее стать и *национальным саморазвитием*! Отсюда и постреформизм — как сброс всяких заимствованных извне и дурных по исполнению и результатам реформ, насаждающих глобо-колониальную экономику и приводящих к стагнации, деградации и развалу народного хозяйства. Не заграничные реформы в России потребны, а *радикальные внутренние перемены* — в политике, экономике, хозяйстве, обществе, государстве, человеке, бытии. Что Западу хорошо, то России — смерть! Не к западной джаз-бандовой какофонии надо российским дирижерам прислушиваться, а к стройному звучанию имперского национального оркестра, демонстрирующего пример именно российского способа бытия — с управителем в центре и общим ладом в окружающем его пространстве!

Неодирижизм и неолиберализм

Неодирижизм — это управление, но по преимуществу через контекст, идеологию и культуру, общественное сознание, как и через поощрение субъектных интенций, что не исключает ни прямых действий, ни регламентаций, ни запретов, ни понуждения. *Нео* означает, во-первых, новое (не бывшее ранее); во-вторых, с новыми задачами и средствами; в-третьих, непременное сопряженное с трудо-творческой свободой (тоже не бывшей ранее). Все дальние и ближние уроки российской истории — в *неодирижизм*, реально осуществимый, однако лишь вкупе с *неолиберализмом*, в котором нео как раз и означает сопряженность с неодирижизмом. Не дирижизм здесь служит либерализму, как на Западе, а либерализм обязан послужить дирижизму. Таково главное условие овладения российской нацией *субстанцией развития*, а затем и самим национальным *саморазвитием*!

Россия и саморазвитие

Нынешняя пореформенная Россия не жаждет никакого саморазвития, мало того, она бросила оное в жертву частноприсвоительному обогащению, а вместе с этим и в жертву неразвитию. Это проделала вполне реальная и вполне физическая по бытованию Россия.

Но есть и другая Россия — *метафизическая,* а с *этой* Россией все обстоит несколько, а может, уже и заметно иначе: в искореженной аморальным реформизмом стране зарождается и, несмотря ни на что, поднимает голову, причем вопреки победной на сей момент гадостно-адовой России, *новый российский человек* — нет, не евро-американский предприниматель, порожденный в свое время агрессивно-новаторским Ренессансом и либерально-обновленческой Реформацией, включая и экономико-научно-технологическую революцию, как и не советско-социалистический службист, наспех выкованный неукротимым большевизмом, а свободный в помыслах и жаждущий необычного жизнетворческого действа россиянин — *новый россиянин* (вовсе не пресловутый «новый русский», а как раз этому более чем гнусному гибриду «советикуса» с «европеоидом» прямая противоположность). И именно этот *новый россиянин,* еще не очень бытийственно и функционально выраженный, но зато уже метафизически чувствуемый, как раз и стоит за постреформизм и новое развитие, вполне отдавая себе отчет в тягучей невозможности *сверхрешения сверхнеобходимой сверхзадачи.* Но иного выхода у него и у России нет, и потому чаемый вырыв к развитию должен непременно случиться!

Новая Россия

Ее нет, но она уже есть! *Новая Россия* мало-помалу сосредоточивается, неуклюже приподнимается и к кое-чему возвышенному и необычному неброско и тяжко готовится!

Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др.
«Развитие экономики России»: проблемы и решения»
М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016.

РОССИЯ КАК РОССИЯ

Сначала некоторые соображения относительно провозглашенной президентом В.В. Путиным идеи России как идеи патриотической, о чем как раз идет речь на конференции.

Сам по себе патриотизм вряд ли может быть собственно идеей России, ибо патриотизм свойствен не одной только России, а и любым народам, странам и государствам.

Вполне приемлемо полагать, что В.В. Путин имел ввиду важность идеи патриотизма для сегодняшней России, как это было важно, к примеру, перед и в ходе Великой Отечественной войны.

Россия сегодня ведь тоже в войне, пусть и совершенно другой, гибридной, калейдоскопической, но все-таки в войне. Сегодня потребно патриотическое единение россиян, мобилизация национальных сил, причем вовсе не только военных, но и гражданских, включая и интеллектуальные.

Вот почему, на мой взгляд, В.В. Путин высказался так о патриотизме, обращаясь ко всему российскому населению, обязанному сегодня почувствовать себя единым многонациональным народом.

Идея России — в самой России! Никакой иной идеи, адекватной самой себе, Россия не имеет и иметь не может: ни европейской идеи, ни евразийской, ни азиатской.

Россия равна самой себе, самой себе она и верна!

Россия как Россия — это… Россия!

Тавтология, нам скажут, но что из сущего в этом мире не тавтология?

Все сущее так или иначе сама-себе-сущность, все существенное — само-себе-причина, а все существующее — само-себе-проект. Россия — тем более!

Почему? Все дело в том, что Россия не вписывается целиком и полностью в существующее вокруг на Земле, она не этого мира, она не от мира сего, она — иномирна!

Ф. Тютчев это уразумел и написал удивительные слова о том, что умом Россию не понять, аршином общим не измерить, что у страны особенная стать и что в Россию можно только верить. И это не случившийся вдруг эмоциональный поэтический всплеск, а это самое что ни на есть пророческое раскрытие сути России, ее генетического кода, ее метафизической матрицы, от чего она хоть и пытается иной раз уйти, или ее старательно уводят, но никак уйти не может, да по сути совсем и не хочет.

Не надо формулировать сути России, не надо искать ее идеи, не надо выдумывать для России никаких проектов: Россия существует не для себя и не для этого мира, она бытует ради иного мира, которого нет и которого, надо думать, никогда на Земле и не будет.

Россия — сама-себе-Россия!

Отсюда и «чернодырье» России, и ее «темномирье», и «инфернальe», но при этом и непостижимая высокость, недосягаемость, святость.

Россия — никак не реализуемое ничто, переходящее от нечто к нечто и не находящее ни лица, ни формы, ни системности.

Россия — мир, причем мир вольный, неформализованный, бессистемный; все попытки пленить Россию, формализовать, осистемить терпят неминуемый крах.

Что сегодня? Россия, не пережив еще последствий очередного пореформенного кризиса, — перекошенная, уродливая, безобразная, едва поднявшаяся с колен, почти что уже полностью полоненная глобализмом, — вдруг заявляет о себе как нежелающая глобалического ига, как самостоящий исторический субъект, как ведущий мировой центр, если вообще не метафизический, при этом и геостратегический… центр мира!

Разве не так?

А все потому, что Россия не от мира сего, что она сама-себе-Россия, что она не прочитывается сим миром, что она не следует ему, что она выпадает из него, а главное — никого в этом мире не боится!

Крым — обнажение чудодейственного меча-кладенца, Сирия — разящий взмах этого меча, а далее… всего лишь меч под рукой России да сама Россия у россиян в головах!

Не надо шутить с Россией ни тем — из-за кордона, еще и из-за океана, не этим — «нутряным», доморощенным, «своим несвоим»!

У России не один меч в руках, еще и сдержанное, обдуманное, самобытное слово, не признаваемое, как водится, ни теми, ни этими, но оно есть: от древних былин и сказок, ходячих пословиц и поговорок до русской софийной философии, русской философии хозяйства и современной русской софиасофии.

Русская мысль уже за пределами уже набивших оскомину «истинных» просветительских учений, она не претендует на конечную истину, которой в этом мире нет и быть не может, но зато она на новом размыслительном просторе, как раз метадогматическом, что и дает ей шанс выказать не новую догматическую истину, а всего лишь новое слово — открытое, лучистое, заветное!

Софийное слово!

Да будет!

«Философия хозяйства». 2016. № 3.

Научная историко-социальная антропология не против представить дело так, что homo sapiens… не более чем… homo sapiens, а потому пребывание его как особи (индивида) в среде этноса, народа, нации не более чем временная необходимость: все люди-де сами по себе — особи, индивиды, а ускоренная техно-урбо-экономическая глобализация, катком проходя по этносам, народам, нациям, включая языки, культуры, цивилизации, рано или поздно приведет к единому, вполне однообразному общечеловечеству.

Что ж, может, это и так, но человек, хоть и особь, индивид, но особь, индивид социального порядка, а социальность эта связана прежде всего с родительством, предками, от которых каждый человек не только происходит физически, но и обретает самое человеческое в человеке — сознание, которое нуждается в своем пробуждении, становлении и развитии не в одних лишь физических родителях, а и в некой своей антропо-социальной среде, которая дается не просто окружающими человеками, а целостным людским сообществом, восходящим в рамках населенческих локалий к единому корневому генетическому началу-контуру-коду и объединенным внутри себя пусть и не единым, но непременно общим коллективным (общественным) сознанием.

Нет и не может быть никакого полноценного частного (личного) сознания без и вне коллективного (общественного) сознания. А это последнее культивируется в основе как раз этносами, народами, нациями — не более и не далее! Международные, в том числе и империальные, образования лишь дополняют что-то в коллективные и частные сознания, но не являются их — этих сознаний — образователями.

Этнос, он же и народ, — действенная начальная социальность; нация, она же и многоэтнический народ, — завершительная действенная социальность; далее уже лишь добавки к основанию-ядру, в том числе и общемировые, глобалические, космополитические.

Этнонационала, ставшего космополитом, глобалистом, «гражданином мира», можно в общем-то себе представить, но лишь в аспекте некой ролевой функции, а вот чистого от начала «мировика» представить себе гораздо труднее, точнее — невозможно! Во всяком случае пока — пока речь идет о человеке как таковом, а не о каком-нибудь уже постчеловеке.

Этничность, народность, национальность — вовсе не уходящие в прошлое исторические пережитки, а необходимые атрибуты все-еще-

человечества. Обратим внимание на то, что все языки (по их семантике и словарному запасу), все культуры, цивилизации, вообще все знания, как и вообще сознания, созданы и культивируются в виде классических человеческих образцов как раз базисными этнонациональными средами, а не космополитической надстроечной «пеной» (пена — она и есть пена!).

Все давно тут в наличии у этнонациональных фигурантов истории единого генотипного корня (родной матрицы) и общей питательной почвы (родной среды), чего лишена космополитическая людская страта. «Перекати-поле» там получить можно, а вот цветущее плодовитое древо — никогда!

Искусство, литература, философия, религия — все это имеет этнонациональное, а не космополитическое происхождение. Вот наука вроде бы интернациональна, даже космополитична, что, пожалуй, и верно, но… очаги той же науки в основном все-таки национального порядка, точнее, национально-государственного, что связано не только с «оборонкой» и военным делом, а и с этнонациональной средой реализации науки — благоприятной или же не очень.

Расстаться с этнонациональным сознанием — значит расстаться с человечеством!

Да, какое-то человеко-однообразное, может, и будет в перспективе иметь место на Земле, но, увы, вряд ли уже собственно человеческое — с насыщенным разнообразными словами и глубокими смыслами языком, высокой насыщенной культурой, бескрайним и неисчерпаемым сознанием.

Как вообще представить себе каких-нибудь европейцев, которых вообще-то великое разнообразие, или тех же американцев, россиян, арабов, индийцев, китайцев и любых других «националов» какими-то одинаковыми «землянами», если даже мухи на белом свете разные, как и муравьи, пчелы, термиты, да кто угодно! И однако человек, видите ли, должен обрести в итоге своего прогресса какое-то суженное, выветренное, обмелевшее, упрощенное сознание, да, собственно, и не сознание уже, а его суррогатный чипогенный заместитель?

Разумеется, когда-то не было великобританцев, французов, испанцев, русских, хотя и были какие-то их этнокровные предки. Везде до сих пор бытуют «регионалы», не очень-то охотно причисляющие себя даже к «националам». Однако везде на национальном уровне есть, повторяем, свой общий и могучий язык, своя большая и разнообразная культура,

своя сложная и утонченная цивилизация, свое единородное — при всех локальных особенностях — сознание.

Как ни оспаривай, а англичанин есть англичанин, француз — француз, немец — немец, итальянец — итальянец, ну а русский — русский, причем, заметим, не белорус и не украинец, а именно русский — великоросс!

Этнонационализм («этнонациональство») не собирается вовсе сдаваться на милость всемирной (глобальной) нивелировке, но не потому, что кому-то «этнонациональство» нравится больше, чем «глобальство»; тут работает бытийственный инстинкт, сопряженный с бытийным метафизисом, в свою очередь, сопряженным с бытийной трансценденцией (трансцендентное — незнаемое, быть может, но явно насыщенное какими-то смыслами, непременно дающими себя почувствовать в необъяснимых творениях бытия-истории — метабытия-метаистории). Не знает англичанин, русский или китаец, зачем это им быть англичанином, русским или китайцем, но… и есть, и будут!

Нельзя в движущемся, работающем, ищущем, страдающем, творящем, изменяющемся мире замереть, законсервироваться и счастливо себя чувствовать в состоянии то ли анабиоза, то ли комы, — подобное счастье возможно, как известно, лишь на кладбище: жизнь — это все-таки перемены! И этнонациональное бытие меняется, — и чтобы перемены тут имели место, происходят разные события, случаются разные происшествия, реализуются разные процессы, в результате которых что-то уходит, что-то приходит, что-то разъединяется, что-то соединяется, что-то умирает, что-то зарождается, а что-то просто меняет свои обличье, форму, органику, равным образом и свою метафизическую начинку.

Этнонациональные локалии меняются, но как локалии они не исчезают.

Космополитизм, глобализм, всякое миромасштабье, безусловно, нужны: экономика, наука, технический прогресс, производительность, потребительство, урбанизация, информативность, коммуникативность, космонавтика, разные функциональные знания, право, медицина, спорт, многое из искусства и т. д. — все это и ему подобное требуют во многом общемировой идентичности, унификации, стандартизации, в общем — чего-то одного и того же для всего мира, всего человечества.

И непросто требуют реализации, но и вполне естественно давят на все локальное, не могущее не возражать мироединому, ему не сопро-

тивляться, его немало и отрицая. Отсюда борьба общемирового с локальным, причем первое выступает могильщиком второго — до вполне опасной черты: но где же она — мера общемирового?

Видимо, в самой этой борьбе она и выявляется, по факту наступления одного и отступления другого, в некой взаимной вынужденности и самовыверенности, а не в каком-то там добровольном разумном компромиссе. Локальное меняется под давлением общемирового, сохраняя при этом себя, а сохраняясь, ставит предел агрессии на себя общемирового.

Геоэтнонациональных локалий на Земле хватает, они повсюду, разных размеров, качеств и значений, неодинаковых исторических ролей и судеб, как и вполне обозначено сегодня давление на весь земной мир передовой геоцентрической силы — источника космополитической (паракосмической) дезэтнализации земного бытия, его неполной, быть может, но все же решающей унификации. И мир земной демонстрирует под давлением геоцентроглобализма разного рода геосоциоэтнонациональные разрешения.

В мире сложилась совсем не простая в этнонациональном аспекте ситуация, немало и с прямо противоположными чертами и итогами.

К новому, уже в значительной мере и постчеловеческому бытию, ближе всех оказался, конечно, западный мир, прежде всего в лице США, хотя глобальный обновленческий центр норовит перебросить риск заявляемой им бытийной новизны на другие части мира, включая и Россию.

Что происходит на Западе? Если в Европе (в ЕС по преимуществу) идет размывание староевропейской этнонациональной идентичности и имеет место попытка создания новой, уже общеевропейской, если не единоевропейской, сверхидентичности, фактически уничтожающей само этнонациональное строение Европы, то в США, которые не представляют собой никакого целостного этнонационального образования, являясь пришлой на территорию полиэтнической квазинациональной смесью, ничего схожего с европейским процессом не происходит, наоборот, США готовятся, судя по всему, перейти в постчеловеческую фазу земнокосмического бытия.

Однако не все так просто в Старом и Новом Свете: Европу уже воочию затрясло от этнонационального реваншизма, красиво обозванного «евроскептицизмом», решительно грозящего покончить не только с «единой Европой» (с ЕС), но даже с вроде бы устоявшимися национальными образованиями (Англия, Испания, Италия), а США — где вроде бы

все «тип-топ»? — США все более… под угрозой… распада… своего «космополитического братства». И не служит ли там — в США — метафизической дрожжевой закваской на дезинтеграцию «образцовой» страны как раз неутоленная потребность в этнонациональной реализации бытующего в США населения? Ведь никаких этнонациональных американцев нет, как нет, по сути, тех же афроамериканцев, как не было и не сталось в том же СССР и никакого «советского народа»! Да, есть некий «американат» (от США), но зато нет никакой коренной Америки, сравнимой не то что с Китаем, но хотя бы с европейскими монстрами типа Англии, Германии, Франции.

Любопытно, что унификационная глобализация, а в Европе еще и европеизация, вызвали не так даже пробуждение весьма уже надежно уснувших наций, как местнических (региональных, провинциальных, областнических) агломераций, их как будто бы давно уже задавленных и затихших этносоциальных сознаний и сил (Шотландия в Великобритании, Каталония в Испании, Венето и другие северные области в Италии).

Напрягающийся под внутренним эзотерическим давлением метафизический этнонациональный пар ищет и находит места прорыва в сверхнациональных котлах, — и этими местами сегодня оказываются как раз местные локалии, где больше традиций, корней, единения, самосознания, как и исторических обид, которые никогда и никем не забываются и в нужный момент непременно срабатывают.

Все в мире космополиты, как и наши доморощенные западники, абсолютно уверены не только в непогрешимости, правильности и силе США, но и в их гибкости, ловкости и крепости, а потому и не допускают даже помыслить себе о возможном развале этой великой и во всех отношениях замечательной страны. Однако история идет вовсе не только и не столько как фактическая история, сколько как метафизическая метаистория, которая ни с чем феноменальным не считается, совершая все самое невероятное и делая это всегда внезапно! Где, к примеру, тот же феноменальный СССР, хотя, заметим, эзотерически он… все еще здесь, причем не так даже в виде того же недофеноменального СНГ, как… некоего невыраженного метаисторического призрака, концентрированно представленного на феноменальном уровне той же Российской Федерацией или же тем же ЕАЭС?

С метаисторией шутки совсем уж плохи!

Вот тот же Европейский союз захотел реализовать старую евроимперскую мечту (Карл Великий, Наполеон, Гитлер), стал брать себе

и на себя не свое (расчленение Югославии, подавление Сербии с поощрением Албании и навязыванием Косова; присоединение бывших соцстран и бывшей советской Прибалтики к ЕС; разгром Ливии, заход на Украину, давление на Грецию, санкционирование России, натовские игрища у российских еврограниц, строительство ПРО против России и т. д. и т. п.) — и что же? — неконтролируемое пришествие в Европу масс «новых варваров», подъем в Европе антиевросоюзнических настроений, нарастание движения «евроскептиков», «антиевропейские» по сути плебисциты, референдумы, голосования, как и никем из умных аналитиков не ожидавшийся внезапный выход Великобритании, точнее, ее народа, пусть и не на 100%, а всего лишь наполовину из ЕС, в общем — нехороший общеевропейский треск!

США вроде бы еще не трещат по швам, но как же их уже лихорадит, что особенно заметно по поведению 44-го президента и выборам 45-го: между Сциллой Хиллари и Харибдой Дональдом, когда воспитанная, выдержанная и добрая умница несет явную чепуху и напропалую врет, а потребную людям правду-матку режет резвый шоумен и плохой рыжий парень, к тому же и мультимиллионер! Где она, разумная, деловая, респектабельная Америка, а главное — мудрая, это после-то Ирака, Ливии, Афганистана, Сирии, Украины, да и той же Европы? А что уж говорить об 11 сентября 2001 г., приговорившем Америку к самоуничтожению?! А неутихающая стрельба граждан счастливой страны (мира!) друг в друга, включая «бесстрашных» полисменов, без предупреждения стреляющих на поражение?!

Шарлиподобная Европа упорно похищает саму себя, Америка же вовсю питается, как прожорливый дракон, переустроечными катастрофами, «умело» плодимыми ею по всему свету, однако неумолимо приближающимися, как бумеранг, что к Америке, что к Европе!

Разумный, хитрый и осторожный Китай, допустив в себя модернизирующий и одновременно разлагающий Запад, не собирается, конечно же, расставаться со своей поднебесной идентичностью, стараясь и обновиться, и сохраниться, на что у него немалые шансы, но вот с метаисторической точки зрения вовсе не беспредельные, ибо главное столкновение Старого и Нового Китая еще впереди — слишком уж это разные по эзотерическим кодам планеты, сходящиеся на одном историческом пространстве при полном параде своих суверенных авторитетов! Возможен ли тут великий всекитайский компромисс — между всем китайским старым и всем некитайским новым, а фактически — между Китаем

и не-Китаем, — большой вопрос, хотя и ясно, что Китай никогда не станет ни Европой, ни США, а превратится в итоге своего сложного пути во что-то свое — то ли просто в ново-, то ли уж в какое-то сверхкитайское!

У Индии, как и Китая, тоже очень свой путь в будущее, обусловленный неожиданным возрождением древней цивилизации — да ладно бы с евроимпериальным модерном, а то ведь и с америко-имперальным постмодерном. Что-то выйдет из сверхдуховной Индии в итоге ее современной модернизации — кто знает? Сама Индия не знает, а уж мир — тем более!

Нет, не овладеть мировым глобализаторам ни Китаем, ни Индией, как и той же Латинской Америкой при первенстве там Бразилии, не навязать им ни себя в роли бесспорного «эффективного лидера», ни своей пустотелой, механической и беспардонной цивилизации. Китай, Индия, Бразилия — поднимающиеся из пучин бытия, как и небытия тоже, — конспиративные континенты, с которыми просто так уже никакому глобализму не сладить!

Война войной, а неприступье — неприступьем!

Вот тот же исламский мир — сложный, противоречивый, запутанный — переживает бодрое экспансионное возрождение, не преминув ринуться в прямо-таки историческое сражение — за себя, за свое будущее, за свое место под солнцем, взяв на себя даже роль исторического судии нынешнего, но очень уж грешного мира, выделив из себя боевой смертоносный авангард, пробивающий дорогу исламу, и оставляя повсюду арьергард в виде мечетей и мусульманских общин.

Особого внимания в аспекте этнонационального самоопределения и строительства своего оригинального бытия заслуживает современная Украина, однако не как положительный этнохозяйственный пример, а, наоборот, разносторонне отрицательный.

Все дело в том, что государство, называемое сегодня Украиной, вовсе не государство, возникшее на основе и деяниями собственно украинского этноса, а случайно образовавшееся по итогам распада СССР некое протогосударство с титульным украинским этносом, но в полном масштабе своем с больше не украинским, русским по преимуществу населением.

Националистическая (так сказать, «титулованная») власть, обуреваемая вековой «украинской страстью», не придумала ничего лучшего, как пойти на насильственную (сначала более или менее мягкую, а затем

и жесткую, вполне уже и нацистскую) украинизацию всего населения страны, на превращение всех ее жителей уже не просто в гражданских, а прямо-таки в этнических украинцев, благо это были в основном русские, т. е. этнически близкие титульным украинцам люди.

Понимая, что русские люди, живущие на Украине и являющиеся там сравнимым по численности с украинцами этносом, вполне, кстати, коренным, не пойдут на этническую украинизацию, языковую в первую очередь, и будут искать защиты у России, киевские власти пошли на воплощенную ими интеграцию Украины в Европейский союз, ища даже силового покровительства у НАТО, получив от Европы и Запада неожиданную поддержку. Так случился острый болезненный парадокс: украинские наци ищут защиты, идя на все геополитические и хозяйственные уступки и теряя суверенитет страны, у глобалических и империальных сил, вовсе не заинтересованных в самостоятельной и самобытной Украине!

Так возник украинский вопрос, а точнее — украинский казус, быстро обозначившийся отделением от государства Украины пророссийского Крыма и гражданской войной киевской власти с непокорным «русско-язычным» Донбассом.

Историю, выходит, нельзя ни игнорировать, ни опережать, ни насиловать, а все это как раз и произошло в государстве, именуемом Украиной, которому угрожает теперь не столько суверенный этнохозяйственный расцвет, еще и в лоне Европы, сколько почти уже неминуемый закат.

Однако — Россия!

Нас более всего волнует Россия, тоже ведь переживающая возрождение, тоже совсем не простое, тоже весьма сложное — как древняя довизантийская Русь, никуда из исторического чрева России так и не исчезнувшая, и как Русь допетровская (Святая Русь), и как Россия досоветская (доленинская и досталинская). Не просто тут всё, сложно, витиевато, даже и коварно, но… процесс идет, пусть и под надзором и вниманием глобализма, как и в противостоянии ему, но идет!

Россия номинальная выходит к России реальной!

Россия — страна, держава, империя — полиэтническая и многонациональная; это, безусловно, сверхнация, в сердцевине которой русский суперэтнос. И возрождается Россия как русско-российский мир, в ядре которого русское корневое, а по окружности ядра — окружковое разное.

Этнонациональное сознание, сидевшее почти столетие под спудом советского и нарочито наднационального квазисознания, только-только

поднимается, ища для себя и новую историческую форму реализации, вовсе не отвергая всего ценного и исторически оправданного из своего международного опыта — что имперо-российского, что имперо-советского.

Российское этнонациональное сознание — сознание международное, однако скрепляемое и вдохновляемое русским имперским сознанием. Иного варианта тут быть не может!

Россия — целый мир, не только достойный ми́рового самоопределения, но и обязанный к сложному зе́мному бытию, сочетающему, с одной стороны, целостную этнонациональную самобытность с цветущим внутренним этнонациональным разнообразием, с другой — этнонациональную специфику имперского типа со всей зе́мной общечеловеческой целостностью.

Потребен своеобразный геоантропомондиальный баланс между Россией и всем остальным миром, включая и его глобалическую надстройку. Россия идет к такому балансу, что вовсе не означает наличия встречного компромиссного движения мирового контекста к России, хотя ситуация в целом все-таки не безнадежна.

Исторически вышло так, что Россия сегодня возрождается не только как собственно Россия, опираясь на свой архетипический код, но и как импровизационная альтернатива господствующему ныне модернопостмодерновому, или евроамериканскому, миру. Не китайскому, не индийскому, не бразильскому и не мусульманскому, а именно евроамериканскому (западному) миру, что, собственно, и бесит наших евроамериканских «партнеров».

Российское сознание день за днем созревает для понимания не так даже тупиковости западного пути, как, наоборот, его опасной уже открытости перед вселенскими просторами и поглощающими историю бездными глубинами, за чем маячит либо погибель, либо насильственный выворот в постбытие вкупе с его постчеловеком и постчеловечеством. Западный мир кончает с бытием и историей, он уже одной ногой в том самом запределье, где уже нет места ни бытию, ни истории, ни, увы, и самому человеку — как творению Божиему.

Западный проект близок к эсхатологическому завершению; Россия не жаждет никаких экспериментов над собой по линии сей эсхатологии; Россия предпочитает иное, что более всего сейчас ею и осознается.

Уже хорошо, что иное — хотя бы не западное, не евроамериканское, не нарочитое и проектное. Иное — никому не известное, но…

вовсю уже чаемое; нет, конечно, не земля обетованная, как и не земля Санникова, вообще никакая не утопия, как тот же коммунизм, и не какая-нибудь «страна Солнца».

Иное — не это и не то, как и вовсе не ничто, — это, конечно же… что-то, как раз то самое, к чему надо стремиться, отталкиваясь от чего-то уже бывшего и что-то ненужное преодолевая, но ничего при этом умозрительно не проектируя и реальности не навязывая: Россия — сама себе проект, а потому лишь движение России от себя к самой себе, а соответственно — и к иному, пусть и не ведомому, но… достижимому!

Россия, как и весь мир, — в кризисе! И ежели мир в кризисе разворачивающихся перемен, а Запад непосредственно в кризисе подступающего кризиса — последнего кризиса, то Россия в кризисе преодоления кризиса. Это не значит, что Россия днями выйдет из кризиса и приступит к безудержному процветанию, вовсе нет, но это значит, что Россия идет на возрожденческий подъем и ее уже никому на этом пути не остановить!

Среди ныне уродливой пореформенной России поднимается другая Россия — новая — постреформенная, может, не очень-то и правильная, но уже вполне форматная и жизнеспособная. Много проблем, много, и прежде всего с российским сознанием, но…ми перелом уже произошел и уже образуется кое-какое новое сознание — в базисе своем российское, а в надстройке — вполне и современное.

Якоря-зацепы заброшены Россией во все стороны света: на Север, на Юг, на Запад и Восток, и Россия, натянув канаты, вытягивает себя из исторической трясины, в которую попала совсем недавно — четверть века назад, да не просто вытягивает, а и выходит на преображенческий простор, вовсе не пренебрегая возможностью оказаться прямо в центре мира — разумеется, идейно-духовном, созидательном, геостратегическом.

«Философия хозяйства». 2016. № 5.

РОССИЙСКОЕ СИСТЕМНОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ КАК НЕИЗБЕЖНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

К Международной научной конференции, посвященной 75-летию экономического факультета МГУ, «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» 7—9 декабря 2016 г.

В 2009 г. Центр общественных наук при МГУ провел под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международную научную конференцию — Малый университетский форум на тему: «Российское перестроение: общество, политика, экономика», материалы которого, включая и итоговую резолюцию, были переданы от имени Совета Федерации высшему руководству страны.

Нет, мы не можем сейчас сказать, что «воз, мол, и ныне там», что в стране ничего перестроенческого не происходит, как и в то же время не можем уверенно утверждать, что в стране развернулся активный перестроенческий процесс.

Дело в том, что форум выступил за решительный переход от пореформенной модели национального хозяйства к постреформенной, преодолевающей пороки первой из названных моделей и устремленной к суверенному и целостному (системному) развитию национального хозяйства.

Российское правительство предпочло «неторопливую полумерность», видимо, во-первых, не имея возможности эффективно оторваться от «опеки» глобализма и радикально переориентировать запущенную российской реформой модель (собственно, тоже имманентно глобалическую); во-вторых, предпочтя мягкий, как бы и эволюционный, переход от энерго-сырьевой экспортно-импортной к модели всестороннего развития; в-третьих, надеясь на некоторое самоизлечение пореформенной модели через перетекание капитала в новые или реанимируемые производительные сферы с некой «помощью» глобального капитала (внешние займы банков и корпораций, приход иностранного производительного капитала и т. п. «вещи»).

Что же вышло (или выходит) в итоге?

А случился, по-видимому, некий средний вариант: модель пореформенная не повержена, но зато весьма дополнена государственной (государственно-корпоративной) инициативой, нацеленной на решение

ряда неотложных задач хозяйственного бытия по самому близкому, понятному и непременному для большого государства критерию — геостратегическому, включающему и такие аспекты, как государственная (национальная, страновая) безопасность и национальный суверенитет.

Усилия правящих верхов были направлены прежде всего на возрождение и развитие оборонно-промышленного комплекса вкупе с возрождением, перестроением и переоснащением российской армии, а также на подъем некоторых значимых для государственной безопасности и национального суверенитета сегментов, вроде авиастроения, судостроения, автостроения, транспорта, связи, инфраструктуры, портового хозяйства, атомной энергетики, космической отрасли, аграрной сферы, а также модернизации и развития экспортных энерго-сырьевых отраслей.

Что касается банковско-финансовой сферы, то, не прибегая к большим радикальным переменам, правительство держит курс на оптимизацию банковско-финансовой системы, избавляясь от «жуликоватых» ее компонентов и втягивая, пусть и не широким фронтом, банковско-финансовых агентов в сферу производительного бизнеса.

Есть и действуют в стране государственные корпорации, возник сонм государственных проектов с их прямым и косвенным финансированием, имеют место строительство новых и модернизация старых предприятий с оснащением их современным (хайтековским) оборудованием, на экспорт идут не одни углеводороды, алмазы или та же древесина, но и продукция с высокой добавленной стоимостью, вовсе не только военная.

Да, хотелось бы большего, а именно, вполне бурного процветания всего национального хозяйства по примеру Китая, Южной Кореи или Сингапура, но приходится констатировать пока то, что есть — небурное и «непроцветное» развитие национального хозяйства, но все-таки… развитие!

Чтобы адекватно рассуждать о текущей российской хозяйственной реальности, надо бы принять во внимание несколько сопутствующих смысло-фактологических моментов.

Во-первых, революция (она же и антисоциалистическая контрреволюция) 1990-х совершалась не ради развития страны, а ради крушения СССР, сдачи России Западу (пусть по дивному варианту «интеграции» России в Запад) и ради частного, вполне и безудержного (отложенного, «изголодавшегося») присвоения накопленного и просто ресурсного странового богатства; так что если сегодня развитие, то развитие все-таки анти-революционное… хоть и в условиях пореформенной, пусть уже

и не такой, как ранее, откровенно грабительской, модели хозяйственного бытия.

Во-вторых, в суждениях о реальности как таковой нельзя полагаться лишь на открытые публике данные, ибо, помимо всем известной их фальсификации, многое, очень многое из реально существующего попросту в этих данных не отражается; любая «реальная» реальность всегда значительно «шире» той, которая обычно бывает публично демонстрируемой; так что реальное российское хозяйство вкупе с его экономикой вовсе не то же самое, что легально вовсю экспонируется; судить о такой реальности через призму показательных данных примерно то же самое, что судить о научной ценности ученых работ и самих ученых по выдуманным кем-то затейливым и весьма ложным рейтингам.

В-третьих, важнейшие проекты, программы и решения вовсе не обязательно публично афишируются, что означает достаточно конспиративный характер национального государственно-корпоративного хозяйствования, — и это совершенно нормально; есть теневой сегмент, есть просто не учитываемый сегмент, а есть сегмент, сознательно «замалчиваемый»; отсюда о деятельности правящих кругов и ее результатах судить по справочным картинкам более чем опрометчиво; сегодняшний «Госплан» вовсе не на Моховой улице г. Москвы, как было когда-то в СССР, а на Знаменке да Фрунзенской набережной, если не на Лубянке.

В-четвертых, надо учитывать, что современная экономика полна разных фиктивно-финансовых чудес, непроизводительных перераспределительных манипуляций, необыкновенных «муляжей», «миражей», «воздушных шариков»; так что судить о состоянии и достижениях экономики и хозяйства в целом по тем же официальным объемам ВВП, темпам его роста, даже и по размерам занятости вряд ли вполне реалистично; главное здесь — качество и состав реального производства, как и качество и уровень самой жизни в той или иной стране, включая и Россию; всего лишь такие факты, как тотальная суперавтомобилизация или та же тотальная компьютеризация, «мобильнизация» и интернетизация страны, говорят о многом.

В-пятых, полезно принять во внимание и тот факт, что развитие предполагает не только вложения в него капиталов, техники и труда, но и наличие рынков сбыта для возникающего нового производства (предложения), причем в условиях общей открытости экономики и хозяйства внешнему миру; отсюда острейшая проблема конкурентоспособности отечественной продукции, завоевания для нее своего же собственного

рынка, как и выхода продукции за пределы страны; с наследием общей конкурентоспособности советского хозяйства и провала 1990-х весьма непросто выйти на необходимые конкурентные и спросовые параметры; отсюда и не слишком бурное и масштабное развитие, демонстрируемое нынешней Россией.

Итак: 1) не все так уж плохо в родных окаемах — развитие в стране имеет место; 2) многое из совершаемого не бросается в глаза, происходит не слишком заметно, как бы и за пределами официальной экономографии; 3) правящие круги, ведомые геостратегическими мотивами, взялись за ту часть хозяйственного бытия, которая оказалась объективно важнее и реально исполнимее (значительно и закрытую — оберегаемую «от сглаза»); 4) собственно экономическая подсистема (финансовая, капитальная) остается пока в тугой сцепке с глобальным контекстом, а потому и не слишком вольной и национально ориентированной; 5) в России идет становление новой России как некой малой России в большой России, что явно неизбежно, вполне допустимо и стратегически совершенно оправданно.

Системное перестроение в постреформенном ключе остается на сегодня главной, вполне и фундаментальной, национальной задачей, тем более что речь может сейчас идти не просто о развитии хозяйства в интересах нации, а о его *нео*-развитии, мало что современном, а и ухватывающем в качественном аспекте и выражении само будущее.

«*Нео*» — не просто новое, что понятно, не только на данный момент совершенное, что тоже понятно, а, что как раз и пока не слишком воспринимаемое самое важное — другое, весьма уже отличное по образу своему от всего предшествовавшего.

Заметим, что человечество так или иначе вступило (пусть Россия, к примеру, вступает) в новую историческую (возможно, что уже и внеисторическую) фазу (эпоху) бытия, когда стало непреложным фактом доминирование созданного человеком неприродного (искусственного) мира, и этот мир не только ежечасно о себе заявляет, превращая бытие человека в иное бытие, но и покушается уже на самого человека, требуя от него качественного себе соответствия, то бишь требует какого-то тоже иного человека, если не иного лишь человекообразного существа.

Нео-мир — нео-бытие — нео-человек!

О «нео» и его разносторонних проявлениях можно говорить и говорить, но мы сосредоточим здесь внимание на проблеме развития

национального хозяйства России и необходимом в связи с этим его перестроении (качественной мутации, если угодно).

Вглядимся попристальнее в три кита социохозяйственной современности: *нео*экономику (*нео*хозяйство), *нео*индустриализацию *(нео*производство) и *нео*дирижизм (*нео*управление).

России не избежать плавания на сих трех китах, ежели она хочет быть не только современной, но и будущной страной, как и не избежать ей необходимого их — этих китов — под себя укрощения.

1. Неоэкономика

Согласно философско-хозяйственному подходу, экономика есть особого рода хозяйство, ведущееся с участием, на основе и под эгидой *стоимости,* а на поверхности — *денег*, что позволяет говорить об экономике как об *оденеженном хозяйстве.* Отсюда экономика — хозяйство денег, с одной стороны, и опосредованное уже этим оденеженным хозяйством остальное хозяйство — с другой.

Неоэкономика прежде всего — хозяйство *нео*-денег, оторванных от ценностного носителя — золота — и предоставленных самим себе. Нео-деньги — сами-себе-деньги, совершенно идеальные, субъективированные, виртуализированные, произвольные (нынешний доллар — наилучший этому пример).

В неоэкономике деньги не просто посредник в хозяйственном процессе, а в первую очередь его попечитель и господин. Финансы, а это есть не что иное, как работающие деньги, не просто обслуживают хозяйство, а всецело доминируют в нем: не финансы для хозяйства, а хозяйство для финансов, олицетворяемых прежде всего финансовым капиталом. Отсюда выходит, что неоэкономика в основе своей — *финансомика.*

Экономика вообще — социальное счетно-решающее мегаустройство; что касается неоэкономики, то это, будучи тоже социальным счетно-решающим мегаустройством, оказывается тотально и решительно технизированным (компьютеризованным) и техноинформатизованным устройством, сравнимым с гигантским «мозгом». Неоэкономика — безусловно *когнитивная* (мозгоподобная) экономика. Молниеносная обработка тотальной информации и взгляд на экономику через информационное поле, сидящее в компьютерах, из них выскакивающее и вскакивающее в людские головы, полностью погруженное в это поле и его ни на миг не покидающее. Не информация в экономике, как было и бывает обычно, а экономика под информацией и в ее безраздельной власти — разница!

Как счетно-решающий «мозг», экономика, бытующая в реальных сознаниях (и мозгах) людей (ей просто негде больше быть со своей чисто идеальной стоимостью), — вне времени-пространства (как и сознание тоже). Но в реальности экономика, будучи распределенной по хозяйству и социуму, вынуждена сочетаться со временем-пространством, а потому и считаться с этим в своей текущей работе. Не то неоэкономика, которая, будучи оснащенной быстродействующими (мгновеннодействующими) техническими, информационными и коммуникационными средствами, работает практически уже независимо (или почти независимо) от времени-пространства, оказываясь невероятно мобильной, скорой, маневренной. Это важнейшая прерогатива неоэкономики — не просто «мозг» (как образ), а самый настоящий, гигантский и безграничный… э-э… *социотехнический мозг, разумеется, в своей решающей сердцевине вполне нематериальный*. Это, скорее, некое идеальное облако, энергоинформационное поле, чисто ноосферная компонента бытия.

Из вышевысказанного выходит, что неоэкономика будучи неограниченной и высокомобильной целостностью, теряет, в отличие от обычной экономики, такие свои характеристики, как механизм, организм, система, хотя в сфере неоэкономики, в ее составе, можно обнаружить и механизмы, и организмы, и системы, но всего лишь как локальные компоненты неоэкономики, а не как охватывающие ее в целом. Как целостность неоэкономику уместнее сравнить, наряду с «мозгом», еще и с «морем», «атмосферой», тем же гигантским «облаком».

Физио-техно-натуралистический подход совсем не годится для характеристики неоэкономики, которую в целом уже не загнать в механическое, органическое или системное представление, как и соответствующим образом не смоделировать.

Неоэкономика слишком уже сама по себе, слишком она эластична и вольна, слишком вообще неопределенна, чтобы подчиняться традиционным о ней научно-аналитическим представлениям: это уже другой мир, требующий и совершенно иного трактования, как и, разумеется, иного с ним делового обращения.

Освобожденная от давления и контроля со стороны золота, тотально виртуализированная, высокоподвижная, безграничная, прямо-таки «летучая», неоэкономика тяготеет не к порядку, еще и законно-обусловленному, а… нет, не к беспорядку как таковому, хотя это тоже есть, а… к созидательному (творящему) хаосу, находящему воспроизвод-

ственное воплощение не в порядке как таковом, а в хаосмосе, представляющем собою произвольно возникающий «порядок-беспорядок», не доходящий до космической законченности, а остающийся как бы посередине между хаосом и космосом.

Тут уже царство не закона и порядка, а беззакония и хаоса, еще и своеобразной «преисподней» неоэкономики — субэкономического зазеркалья.

Неоэкономика — сама-себе-экономика, causa sui (сама себе причина), которая существует и реализуется сначала для себя, потом для хозяйства и социума, а затем снова для себя — итогово (с доходом). И получается, что не экономика для хозяйства и в хозяйстве, хотя это и есть, а… хозяйство для экономики, под ней и под нее. Виртуальные, своевольные и вполне произволовые деньги, которые уже и не-совсем-деньги (некие квазиденьги), хоть и обслуживают они вроде бы живое житие, но лишь выворачивая его в свою сторону и в свою же пользу. Кто владеет деньгами (стоимостью), тот владеет экономикой, а соответственно и всем уже полуживым житием.

Неоэкономика — последнее слово экономики, ее высшее проявление, ее последний шанс, но при этом какая же она — неоэкономика — утонченная, изощренная, ловкая, хитроумная, путаная и паутинная, одним словом — экстра- и ультра-экономика, для которой нет в современном дискурсе даже достойного словесно-понятийного определения.

Неоэкономика — не рыночная вовсе экономика, а вполне себе… *сетевая — нето*-экономика, в которой не рынки решают, а сетевые «пауки» для сетевых же «мушек»; не на и не в рынок выходят и входят агенты, а в сети, — и попробуй там — в сети — отважно поконкурировать, повольничать, повыпендриваться… вне сети, вопреки «паукам» и «паучкам», без ведома «смотрящих», — будет тебе и «рынок», и «конкуренция», и «свобода», как и — разумеется… неминуемое банкротство. Радуйся, что ты — агент в сети, довольствуйся этой удачей, не нарушай сетевого «устава» (прямо как в армии, монастыре, учреждении, только гораздо круче!), тогда и останешься, и будешь — до поры, может, и успех какой-нибудь тебя вокруг настигнет.

Неоэкономика иерархична, многоуровнева, пирамидальна, центрирована и полицентрирована: в ней есть кому осознанно решать — сверху, кому осознанно служить — в середине, а кому и осознанно просто подчиняться — в низах.

Да, неоэкономика — поле разнообразной, высокоранговой, изощренной битвы, хотя и не рыночно-конкурентной в обычном понимании — меж самодеятельными агентами, составляющими-де «рынок», а как бы битвы вообще, неизвестно кем и как ведущейся, как бы атмосферной, мореподобной, плазменной. Битва тут как состояние, пребывание, бытие. Битва всех против всех, что не значит, что нет договоров, контрактов, согласий, консолидаций, объединений, альянсов, тех же «стрелок», «сходок», каких-то там «соборов». Все тут есть, кроме действительно что-то решающих «рынков». Рыночная экономика — вполне уже обессмысленный анахронизм. Неоэкономика — экономика тоже с рынками, конечно, но как лишь просто товарными рынками либо корректировочными (настроечными) деяниями-процессами; это вовсе уж не рыночная экономика — как вполне подотчетная рынкам экономика.

В неоэкономике любой экономический параметр может быть любым по величине, но при этом и не каким угодно (битва допускает многое, но, разумеется, не все — на то она и битва). Произвол на произвол дает меру, как и мера на меру тоже дает меру, и произвол никуда при этом не исчезает, а потому-то он как раз сам себе и мера… до встречи с другим произволом или же с неодолимой им другой мерой. Мера — из хаоса, но она же и обратно в хаос, что как раз и говорит о том, что неоэкономика — сама себе мера.

Неоэкономика — не просто новая экономика, ее очередная историческая форма, это уже экономика, отрицающая и… саму себя — как раз через свою внешнюю для себя технологизацию, в свою очередь, отрицающую социальность экономики, ее зависимость от социума и вообще от социального фундаментального начала.

Глобализация, характерная для неоэкономики — не просто миромасштабность с высокой внутримировой взаимозависимостью элементов, частей и процессов, а и отрыв виртуализированной экономики как от реальности вообще, так и от реальности собственно социальной. В этом-то отрыве и выражается самоотрицание экономики как собственно экономики, сопровождаемое ее превращением в *пост*-экономику (в ту же *техномику*).

Неоэкономика — мир не просто цифр и чисел, а весьма отвлеченных от социо-натуро-хозяйственной реальности цифр и чисел, весьма уже предоставленных самим себе; неоэкономическая реальность — реальность сначала собственно цифр и чисел, а потом уже собственно реальности, а потому неоэкономика — *сама себе реальность*, как и *сама*

себе ирреальность совершенно уже оцифренная, состоящая из цифр, навязывающая себя собственно реальности, ее заметно и замещающая.

Производительный процесс, как и любой другой реальный хозяйственный процесс, не прекращается при неоэкономике, но значительно зависит от стоимостного счетно-ценностного потока и его цифровых показателей (от потока стоимостных цифр, их, этих показателей, взаиморасположения и динамики). Теперь не производство само по себе определяет стоимость и ее динамику, а стоимость, ее динамика определяют производство. Миллионы, миллиарды, триллионы… однако, чего? Да попросту голых цифр и весьма произвольных чисел, пусть и кем-то вроде бы довольно рассчитанных. Оцифрованное облако — не оцифрованная реальность, тут уж разные миры: мир цифр от цифр и мир цифр от реальности. Разумеется, есть соответствие между облачным и реальным мирами, но вполне подвижное соответствие, упорно восходящее к несоответствию.

Отсюда и *перманентная кризисность* неоэкономики: облако и реальность не только не одно и то же, а великая разность и розность, бытующие хоть и во взаимодействии, но не вместе и не во взаимности.

Перманентная кризисность — необходимое ныне условие непрерывного поиска совместности и взаимности между облаком и реальностью, их воспроизводственного взаимосоответствия. Главное спасительное средство для неоэкономики от собственного же краха — высочайшая производительность глобализированного производства, его невероятная избыточность, как и немыслимая фиктивность (фальшивость), что позволяет цифрам и числам вольно гоняться по свету друг за другом в своем безудержном финасово-оценочно-инвестиционном раже, не страшась какое-то время своего тотального банкротства.

Избыточное производство — вовсю избыточное и облако, а раз все тут избыточно, то и неоэкономическая игра тоже вполне избыточна, правда, не игнорирующая, а постоянно подтверждающая финансово-кабальный принцип эксплуатации ирреальным облаком реального производства: никакого тебе производства без «резолюции» облака, никакого реального хозяйства вне облакового вмешательства, никакого хозяйства без облаковой кабалы. Тут ведь хозяйство не человека как такового, не производства как такового, даже не хозяйства как такового, а именно… облака, правде, вполне вроде бы осознаниенного, и институционализированного, но все-таки облака — как накачанного донельзя духообразной стоимостной субстанцией гигантского пузыря, правда, вроде

бы не мыльного, но… почему же и не мыльного?

2. Неоиндустриализм

Неоиндустриализм — вовсе не так новый индустриализм, как качественно особый индустриализм, причем настолько особый, что как бы уже и не индустриализм, а именно *пост*-индустриализм.

Само понятие «индустриализм» ныне следует трактовать не как наличие в хозяйстве тяжко и громко выраженной техники, ее широкого производства и ее же непременного участия в любом из культивируемых производств, а как присутствие в хозяйстве созданного человеком *искусственного производства с искусственной же производительной силой.* Теперь уже нельзя ограничиваться в понимании индустриализма машиной, фабрикой и железной дорогой, как и тем же электричеством, ибо ко всему этому прибавилось многое другое, чего к железу не сведешь и чьего ужасного скрежета не услышишь — радио, химия, электроника, микропроцессоры, биотехнологии, нанотехнологии, атомная энергетика, интернет и т. д. Тут вроде бы уже и не пахнет индустрией — белые халаты, стерильная чистота, умные приборы, однако и здесь тоже индустрия, но уже другая — не железная, не тяжкая, не грохочущая. Тут господствует, наряду с обычной индустрией и как бы над ней, *нео*-индустрия, отличающаяся как раз чистотой, тишиной, даже и вкрадчивостью.

Невозможно представить себе современное производство и само по себе нынешнее жизнеотправление без всякой чудо-техники и разнообразной чудо-технологики: умных машин; скрытых в недрах материалов и в «пустотах» мирозданья процессов; мгновенной связи; скорых перемещений во времени и в пространстве; телевидения, интернета, невидимой навигации и многого другого, что превратило сказку в быль, изменило бытие, жизнь, хозяйство, экономику, сознание, вообще человека.

Неоиндустриализм породил новый мир — *нео*-мир, он же и высший *арт*-мир. Да и человек становится уже и новым человеком — более искусственным, технизированным, электронизированным. Чип — уже не проект, а реальность: дело в очереди теперь за *чипо*-веком, замещающим собою собственно человека.

Куда теперь человеку без умного и чудодейственного неоиндустриализма, как и той же *нео*-науки — не так уж исследовательской, как демиургической; куда без работающих технических систем, когнитивных технологий, технизированных социума, хозяйства, экономики, культуры. Что теперь человек без компьютера, информатики, программистики, интернета, «мобильника», умного автомобиля, искусственного

спутника Земли, навигатора, а главное — что вообще человек без неоиндустриального искусственного мира и без необходимой этому миру *нео*-органики?

Неоиндустриализм не только служит человеку, ему споспешествует, но и меняет человека, превращая в *нео*-человека, мало того — он, безусловно, уже владеет, пусть еще и не полностью, человеком, его сознанием, подвигая человека к превращению уже в *пост*-человека.

Неоиндустриализм — чудо о двух концах: с одной стороны, облегченное, комфортное, сытое, долголетнее для особи бытие, а с другой — технизация, чипизация, кибернизация человека, его сознания, превращение человека в *иное* человекообразное (даже и в чистого *человекобраза*).

Неоиндустриализации не избежать, но, увлекшись ею, можно и упустить самого по себе человека — *все-еще-человека*, хотя, возможно, и удастся перейти к какому-то сверх-человечеству, вполне уже, что совсем не исключено, и апокалиптическому).

Входит ли сие превращение (супермутация) в проект под кодовым названием «Человек» или нет — вопрос, который как раз и разрешит XXI в. от Р. Х., столь стремительно переменный (не переменчивый, что понятно, а именно *переменный* — супермутационный).

3. Неодирижизм

Дирижизм как понятие родился, судя по всему, во Франции (от фр. diriger — управлять) — как некая альтернатива одновременно кейсианству, фашистскому управлению капиталистической экономикой и сталинскому директивному планизму. Однако суть дела тут не в особенностях способов управления, а в самом *феномене управления* в сфере хозяйства и экономики: управление как управление присуще не только армии или тому же государственному аппарату, а и хозяйству с экономикой тоже. Иное дело, что, согласно определенной политэкономической догматике в национальном хозяйстве и в так называемой «прогнозной экономике», управления со стороны государства либо не должно быть вовсе, либо оно должно быть минимальным. Тут не «dirigisme» боле потребен, а «laissez faire» («позвольте действовать»), что вроде бы и более соответствует основам свободного капиталистического хозяйствования (свободе частного бизнеса).

С крахом (отменой) советского социализма с роспуском СССР сталинский «планизм» был упразднен, и в реформируемой на «рыночно-экономических» началах Российской Федерации была запущена «рыночно-

экономическая (капиталистическая) свобода». Занимаясь реформой и социо-хозяйственной перестройкой, государство как бы отмежевалось от непосредственного хозяйственного процесса, оставив под своим управлением лишь часть денежно-финансовой сферы и часть социального сегмента. Все остальное ушло под свободную частную инициативу. Если некий дирижизм и сохранился в РФ, то в очень урезанном виде. Его — дирижизма — как бы и не стало.

Но вот пришли 2000-е гг., была осуществлена полу- или квази- дирижистская социо-хозяйственная стабилизация, а потому, уже к рубежу 2000-х и 2010-х гг., когда возникла потребность активизации социо-хозяйственного развития, а по сути — *перестроения* российских хозяйства и общества в сторону развития и суверенитета, во всю силу встал вопрос о необходимости и возможности запуска государственного (либо государственно-корпоративного) дирижизма, мотивированного, помимо достижения целей развития и суверенитета, переходом от пореформенной модели экономики к постреформенной, хотя это разделялось не столько властями и бизнесом, сколько частью научно-экспертного сообщества.

Само понятие «дирижизм» настолько пугает отечественный либеральный экономизм, что о нем российское руководство предпочитает не говорить, хотя и делает все возможное и даже невозможное, чтобы удерживать российское национальное хозяйство в русле с таким-де трудом и издержками добытой пореформенной (якобы «либеральной») модели. На практике экономический дирижизм в России есть, но, во-первых, как бы сугубо-де либеральный, а во-вторых, вполне на время и вынужденный, ибо дирижизм хозяйству с экономикой необходим, и от него российскому государственно-корпоративному комплексу никуда все равно не уйти.

Не видеть непрерывного, хотя и с разным знаком, дирижизма в российской и зарубежных (тех же западных) экономиках — ничего не понимать вообще в современной экономике, которая насколько свободна, настолько и управляемая, правда, не так всегда и везде государствами, как корпоративными агентами — не без участия все того же государства (один практический институционализм чего стоит!).

Дирижизм был, есть и будет; проблема сегодня не в его факте, а в реализации сего факта; разгосударствление хозяйства и экономики, предпринятое в России в 1990-х и далее годах, тоже ведь дирижизм, хотя нам более интересен дирижизм, работающий на подъем и развитие национального хозяйства, страновой экономики.

Интересен нам и новый образ дирижизма — *нео*-дирижизм, характерный уже для текущего момента. Что здесь означает сие пресловутое «нео»? Наверное, тоже какую-то качественную особенность феномена, делающую его отличительным от дирижизма вообще.

Но сначала о самом по себе управлении экономикой и в экономике, восходящем как раз и к дирижизму.

В самом феномене управления экономикой и в экономике нет ничего необычного: было, есть и будет! Весь вопрос в том, какое это управление, кем и как осуществляется, с какими результатами, а также какова мера того или иного управления — как количественная, так и качественная. Проблема тут не в самом по себе факте управления или в его отсутствии, а именно в мере управления, ибо само по себе управление не только возможно, но и необходимо.

Сама идея свободы экономики от управления так или иначе от лукавого, ибо это не соответствует ни сути экономики, нуждающейся в управлении, ни реальной практике, наполненной всякими системами и методами управлениями.

Важно уяснить, что мера управления зависит, помимо его практической эффективности, от одного более глубокого обстоятельства, раскрываемого как противоположность управления; экономика ведь действительно должна быть в меру свободной и самоуправляющейся, а потому глубинной мерой управления является… *неуправление*, реализующееся либо через самоуправление возможного объекта управления, либо через общественную стихию.

Любое управление экономикой и в экономике реализуется в рамках соотношения между волевой организацией и как бы стихийной самоорганизацией, — там-то и обнаруживается потребная мера управления.

Можно управлять открыто, назойливо, директивно — почти как в армии, а можно управлять незаметно, негромко, поощрительно, даже и попустительно, но в том и другом случае именно управлять, добиваясь чего-то намеченного.

Неуправление — управление неоэкономикой и в неоэкономике, на базе и в условиях неоиндустриализма. То же самое можно сказать и о неодирижизме. Но что же тогда конкретно стоит за этим «нео» применительно к дирижизму?

На ум прежде всего приходят такие словечки как гибкость, дискретность, мобильность, интенционность, побудительность, а также словосочетания типа создания среды, влияния на процессы, регулирования

динамики параметров, ориентации поведения, — как раз те самые словечки и словосочетания, характерные для управленческих действий в условиях глобализированной, мобильной, суперсложной, значительно самоопределяющейся, заметно более хаосмосной, еще и перманентно кризисной, своевольной, неулавливаемой экономики — современной посмодерновой экономики.

Неодирижизм — управление… как бы *без управления*, наугад, во взаимодействии с общеэкономической стихией — вплоть до операций с хаосом и в хаосе, со вполне вероятностным результатом. Разумеется, это не значит, что такой дирижизм не допускает «крутых мер» и директивных действий, но в целом же неодирижизм, будучи как бы внешним вмешательством в экономику, должен быть максимально… *экономическим,* то бишь ей — экономике — максимально споспешествующим, а не максимально противодействующим. А уж о замене экономической организации какой-то иной организацией типа «планового хозяйства» речи вообще быть не может.

Экономика на то и экономика, чтобы иметь свою организацию, в которой есть свое управление и которая допускает внешнюю организацию, однако вполне адекватную экономической, а сейчас уже и неэкономической, среде.

Предельная адекватность неоэкономике и неоиндустриализму — главная характерная особенность неодирижизма.

* * *

Вернемся к проблеме российского системного перестроения, которое на практике уже идет, но, быть может, не слишком уверенно, споро и эффективно. Главное тут препятствие — маниакальная приверженность высшего правления пореформенной экономической модели. Отсюда и главное условие выхода на более эффективное перестроение — восприятие уже постреформенной модели, как раз и предполагающей наличие осознанного, трезвого и деятельного государственно-корпоративного дирижизма в его современной неодирижистской реализации.

«Философия хозяйства». 2016. № 6.

СТАНОВЯЩАЯСЯ РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

1. Планетарный мир интенсивно меняется, однако в обстановке своего общего кризиса, который есть не просто мировой кризис, а *кризис мира,* всего его устройства, цивилизационного наполнения, государственных структур. Кризис мира сопровождается болезненной ломкой, сравнимой с ломкой, посещающей наркомана. Мир выворачивается наизнанку, как и пытается вывертываться с изнанки налицо. Миру очень нужна война с обильным кровопусканием, — и хотя война идет, но более всего не военная, не горячая, а как бы мирная война, гибридная, в то же время затяжная. «Хорошая войнушка» всегда расчищает «поляну», снимая неразрешимые проблемы и противоречия, а победитель диктует условия побежденному, устанавливая новый и для победителя приемлемый порядок. И поскольку «хорошая войнушка» смертельно опасна сегодня для всех, то продолжение апокалиптического кризиса мира оказывается делом не просто длительным и тяжким, но и попросту невозможным. Мир вынужден бытовать в условиях кризисного мира — с войнами, коллизиями, катастрофами, изощренным соперничеством.

2. История решается историей, но не так явной событийной, феноменальной, фактологической, как скрытой, смысловой, ноуменальной, метафизической. Фактическая история — не только не вся история, но и не главная история, как и движение те же поверхностных экономических параметров вовсе не вся экономика и тоже не главная. Имеет место *метаистория,* как и *метаэкономика,* смывающие всякие прогнозы, ожидания, намерения и допускающие свершаться всему самому невероятному и всегда почему-то внезапно (особенно в тотальной кризисной ситуации).

3. Коли нынешний мир в кризисе, но в кризисе и его перво-устроитель — Запад с США во главе. Россия тоже в кризисе — своем и всемирном. Но в отличие от США и Европы она бросилась в собственный кризис четверть века назад, как раз в угоду США и Европе. Теперь же ситуация такова: Запад впадает в собственный кризис, обусловив резкое обострение кризиса построенного им мира и испытывая на себе обратное давление всего кризисного мира. С вершины путь только один — вниз, что и происходит сегодня с Западом, Европой и США. Что же касается России, то она, оставаясь еще «лично» кризисной и испытывая на себе кризисное давление мирового контекста, возглавляемого США, приступает, относительно стабилизировавшись, к своему подъему, ослабляющему российский исторический кризис, что означает и возможность пути

наверх, но вовсе не на мировую вершину, на которой России делать нечего, а всего лишь в метафизический центр мира, из которого России есть что сказать человечеству!

«Философия хозяйства». 2016. № 5.

2017 г.

Я — революциЯ!

1917—2017:
сто лет Российской революции — столетие российских революций

Тезисы

о российских за последнюю сотню лет революциях,
их происхождении, потаенности,
безумии и непредсказуемых результатах

1. ***Революция*** — волевой (по преимуществу насильственный) радикальный переворот (резкий выворот) в текущем бытии-истории, его образе и способе реализации, а не сами по себе, обычно сопровождающие сие событие-происшествие, акции и процессы вроде бунтов, восстаний, массовых протестов, уличных демонстраций, стачек, гражданского (антигражданского) неповиновения, войн, вспышек террора и бандитизма, анархии, неурядиц, произвола, вообще всяких потрясений, острых пертурбаций и грубых перемен.

2. ***«Цветные революции»*** — тоже революции, но более всего в роли спусковых механизмов для либо уже назревших, либо удачно спроектированных и успешно вытащенных на свет собственно революций, а если и не особенно назревших, то в той или иной мере обоснованных реальным бытием-историей.

3. Революция — всегда трансгрессия, то бишь переход (перескок) от чего-то бытующего к чему-то другому, еще не бывшему, как правило, к чему-то и противоположному, вовсе при этом не обязательно к уже когда-то ранее существовавшему

(тут действует неумолимое «отрицание отрицания», хотя и возвратное, но все равно неореконструкционное — а иначе, какой же тогда прогресс, какая новизна, какая поступательность на бытийно-историческом векторе?).

4. Революция — целостно, обычно весьма длительно и непременно глубинно обусловленное переворотное (выворотное) событие-происшествие в бытии-истории, вызываемое, навязываемое либо попущенное, — не без издевки над самим же собой, — ничем иным, как именно *бытием-историей*, а поэтому в чем-то базисном, решающем и главном определяемое… о-о!.. *неизвестностью,* являющейся вполне адекватной принадлежностью бытия-истории, его *потаенной* «частью» (тут хорош для примера образ айсберга — видимая, подвижная, беглая, бурлящая часть революционного события-происшествия, во многом вполне субъективного накала и горения, и невидимая, весьма покойная, инертная, как бы утишенная часть, вовсе вроде бы и не событийная, но зато *всё основное* в событийной части и *решающая).*

5. Революция — следствие 1) хронически неправильного (или же как бы неправильного) прошлого, 2) неверного (или же как бы неверного) настоящего и 3) праведного (или же как бы праведного), хотя и в аспекте всего лишь ожидания, будущего; это безусловный бытийно-исторический срыв, обязанный своим фактом не только субъективному фактору, вольно или невольно его подготовляющему, провоцирующему и реализующему, не только возникающим, нередко ни с того ни с сего, объективным-де обстоятельствам, не только всей сложившейся к революционному моменту-событию общей ситуации, на привычном историческом ходу непреодолимой, а потому и ее дальнейшей бытийной невозможности; тут имеет место роковое схождение «плохого»-де прошлого, «порочного»-де настоящего и «хорошего»-де будущего, обусловленное *деградацией* (ослаблением экзистенциональной потенции) уже имеющегося бытия-истории, накоплением в нем разрушительных энергий и сил — что объективных, что субъективных, ростом нетерпеливых (и даже лихорадочных) ожиданий чего-то *иного,* — поначалу все это бытует подспудно, латентно,

не слишком заметно, потом все более явственно и замечаемо, — наконец следует взрыв, за которым и срыв, — что особенно и «занятно», ибо это не что иное, как прыжок в закулисье, зазеркалье, подполье, в темень, в неизвестность, в… никуда (о непременной в таком разе преисподней здесь можно и промолчать)!

6. Бытие-история, как и сам человек, его сознание — органически *апокалиптичны,* хотя бы в силу непреодолимого, пока есть человек как человек, противоположения в человеке природного (материнского) и неприродного (отцовского) начал, между собой неустанно борющихся, а потому, если к этому еще добавить, что ничего действенно реального, кроме кругового насилия, верховенской иерархии и эксплуатации себе подобных человек для себя не придумал, а это есть мощнейший катализатор органической апокалиптики, а соответственно, как не трудно догадаться, и таких явлений, как война, каннибализм и даже какой-нибудь инцест, как те же издевательства, пытки и казни, ну и революции тоже. Хочешь не хочешь, а апокалиптика бытия-истории непременно приводит к его обращению вкупе со звероподобием человека к срывам бытия не куда-нибудь, а прямо в небытие, а человека — в *безумное зверство,* что как раз и получает шанс оказаться именно революцией.

7. Полоса, момент, миг революционного небытия (хаоса) и зверства (беззакония) — полоса, момент, миг торжества погибельного небытия и смертоносной зверскости. Революция наступает (случается, выпадает, вспыхивает) в полосу, момент, миг забытья, помрачения, паралича бытия-истории, когда бытие-история, то ли изнемогая от самого себя, и себя уже негэнтропийно не удерживая, то ли не в силах сопротивляться противному относительно себя энтропийному наплыву, сдается и как бы уступает на время, даже и на краткий миг, свое место небытию с его хаосом, беззаконьем, беспорядьем, произволом, ну и, разумеется, вполне изуверским зверством.

8. Держать бытие-историю, противостоя апокалиптике и ею же пользуясь, как и пользуясь накопленным бытийно-историче-

ским опытом и ему же противостоя, надо уметь, а ежели сие умение, пусть и обильно сдобренное насилием, куда-то улетучивается, то неизбежно наступает *бытийно-историческая* катастрофа, умильно называемая в образованных по-европейски умах революцией, а сейчас — *бифуркацией,* — это ежели длящееся в каком-нибудь земном месте бытие-история не исчезает насовсем — как жертва катастрофы-революции-бифуркации, вполне уже инфернально-эсхатологической.

9. О Российской революции 1917 г. много чего говорено, но так ничего толком и не выговорено, причем не так даже о самой случившейся катастрофе протекавшего тогда бытия-истории вкупе с обрамлявшей его Российской империей с ее населением, как о мотивах сего срыва-крушения, в нем действительной нужде, а также о ближайших, отдаленных и дальних следствиях сего великого небытийно-внеисторического события-происшествия. Какой же был смысл в этой Революции — кто ж знает?! Автор сих строк кое-что знает, ибо в сей Революции… не было вообще-то никакого бытийного-исторического смысла, точнее, какой-то смысл и был, но лишь в самой… *бессмыслице!*

10. Сия Революция не подпадает ни под один всамделишный для той же России смысл, то бишь ни подо что, чего бы нельзя было совершить в стране безо всякой революции, но… ни бытие-история, ни ее главный вроде бы творец-человек никаким смыслом, кроме на тот роковой момент тотального бессмыслия, не обладали, как когда-то не обладали смыслами в угоду аналогичного бессмыслия те же Нидерланды, Англия, Франция со всеми своими бунташными голландцами, англичанами и французами. Держа в голове всякие намеренные, а нередко попросту надуманные, смыслы, надо непременно окунаться с головой в подавляющую всякие бытийные смыслы… бессмыслицу, — только тогда можно сделать «хорошенькую» революцию и стать ее великими героями-творцами.

11. В момент революции бытие-история отказывает себе в своем собственном мерном и осмысленном течении, ухая в бездну, а своим взвинченным участникам — в разуме, кидающемся

в безумие. Это только кажется, что бытие-история в момент революции продолжается, что действие революционеров вполне разумны, нет, тут всё совсем не так, ибо в революционном недобром замесе инициатива принадлежит хаосу и безумию, ибо без них ничего ни у бытия-истории, ни у человека, страждущего чего-то нового, а главное — *иного,* получиться не может, причем вовсе не то, что кажется на перспективу вершителям революций, а то, что и в дурном сне показаться не может, а именно… вполне роковое неизвестное!

12. Уход от власти царя Николая II и невхождение в нее великого князя Михаила — еще не революция, но зато ее явное предварение; думали ли венце-уже-*не*-носные братья о предстоящей революции — вряд ли, скорее, не думали, хотя и невольно стали первыми по значению российскими ответственно-безответственными революционерами 1917 г., наверное, и самыми эффективными; они и не заметили, эти несчастные братья, как не только сами погрузились в бессильное предреволюционное безумство, пусть и вослед своему высшему фронтовому генералитету, но и дали первый и последний зеленый свет уже нараставшему, вполне при этом и сильному в своей нетерпеливой на тот момент потенции, российскому бытийному и человеческому безумству; ну и далее настала очередь других революционных безумцев: сначала таких, как Львов, Керенский или тот же Савинков, затем уже таких, как Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев… каких там еще «пламенных революционеров»… Дзержинского, Фрунзе, Котовского… многих, очень многих из бесчисленного революционного легиона; однако нельзя тут забывать и о революционных *контр*-революционерах, прежде всего о генералах, среди которых были и те, кто как раз и обеспечил срыв России вместе с ее царем в пучину Революции — Алексеев, Брусилов, Колчак, призвавшие Николая II к отречению, ну и о других бывших царских военачальниках вроде Корнилова, Деникина, Юденича, Врангеля; в революционную мешанину попали все — «профессиональные революционеры» (Sic!), «непрофессиональные революционеры» из того же Временного правительства, совсем уж

не профессиональные контрреволюционеры, как те же генералы, многие жаждавшие революции «интеллигенты», включая сильно и слепо взбудораженных Серебряным веком крикливых поэтов, ничего такого не жаждавшие мещане, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и офицеры, инженеры, врачи, педагоги, женщины, дети, да мало ли еще кто из задетых беспощадной Революцией и обреченных на революционное безумие россиян!

13. *Революционное безумие* — это вещь! Без него ведь ни о какой революции, даже простенькой «цветной», не приходится и мечтать: только через хаос и беспредел, только через произвол и безобразие, только через беззаконие и анархию, только в фундаментальной бессмыслице происходящего! Тут потребна бесстрашная, безразмерная и беспощадная расправа с прошлым и настоящим ради чего-то иного, причем неизвестно какого (!) — с нуля, с чистого листа, с ничто, непременно и через бездну — жутким, кровавым, смрадным походом!

14. Смыслосодержательная, она же и позитивно-конструктивная, суть революции вовсе не в самой революции, а в её… уже и в главном антиреволюционных следствиях, в том именно, что выходит дееспособным из революционного ада и закрепляется в бытии-истории как ее органическая принадлежность — *норма!* Интересный факт: суть революции оказывается как бы отодвинута во времени от собственно революции, выходя уже из рук… *антиреволюции* и не имея (почти не имея, мало имея), качественной, кроме странно-генетической, связи с революцией. А ежели эффект от революции, о котором речь, посчитать за саму революцию, то даже и в этом случае получается, что суть революции… *не в самой революции,* а где-то *за ее пределами.* От революционной неизвестности к революционной известности, однако все-таки… пост-революционной известности!

15. Какое же «умие» вылупилось в конце концов из российского революционного безумства 1917 г.? Учитывая, что Революция носила весьма выраженный антироссийский (антиимперо-византийский), но при этом еще и антирусский, характер,

но при этом, уже после октября 1917 г., еще и антистароевропейский (тот же марксизм — в Европе рожденное, но при этом вполне антиевропейское в идейно-политическом плане учение-движение), то из щедрого на разрушение российского революционного безумства могло вылупиться с учетом мировой имперконкурентной и агрессивно-воинственной обстановки, тоже весьма что-то безумное, но только уже умно-безумное — и этим чем-то стало одно — сталинизм!

16. Сталинизм — это крайний этатизм, еще и тотальный, это вполне себе армейщина с ее иерархией, субординацией, дисциплиной, ответственностью, ну и, как водится, с карающим мечом, как и с побудительными поощрениями, заслуженными наградами и прощающей кого-то и за что-то высшей милостью. Экономика с ее деньгами, ценами, капвложениями, расходами, доходами, банками, кредитами и т. д. под жестким контролем, если не в резервации. Командное директивное сверху вниз из центра управление «народным хозяйством», господство плана и натуральщины. Фактически рабский труд, при этом не исключавший технического и иного творчества. Никакого властного демократизма, кроме совещательного, самоконтрольного и исполнительского, да и то в пределах подконтрольного коллективизма. Советы, союзность, федерализм, братство народов, даже социализм — имитационная, словесная, лозунговая, митинговая «шелуха», но никак не действенная реальность. Цивилизация, конечно, даже и с ненавязчивым правом, весьма добротной культурой, высокой словесностью, большой наукой, завидной инженерией, всесторонним изобретательством, но… вся в рамках, в матрице, в арматуре. *Спартанско-византийско-ордынская!* Хоть и погромившая охотно, жестко и масштабно византийско-православную церковь с полным отрицанием религии вообще, но охотно, жестко и целостно взявшая на вооружение не одну армейскую, но и церковную организацию с ее идеологической систематикой, приспособив к своей однопартийной (вплоть до писаний, образов, собраний и песнопений, разумеется, уже своих по форме и содержанию).

Марксизм, заменивший идейно-практически христианство, не избежав при этом ему выворотного уподобления — уже по сути антихристианского, служил сталинской цивилизации не более чем идеологическим прикрытием, как, собственно, и ленинизм. В приоритете был вполне содержательно выхолощенный, уставного порядка, директивного духа идейный сталинизм, не бывший не то что «русизмом», но даже и собственно марксизмом. Россия со своей русскостью и своим русским миром оказалась, как и та же экономика, в сталинской резервации, хотя весьма сталинизмом и использовавшимися — вполне деспотично и по-рабски.

17. Имел ли сталинизм отношение к Российской революции 1917 г.? Да, имел, но лишь как ее, хотя и логичный, но при этом и как бы незаконнорожденный сын — как плод ленинской-де революции и сталинской антиреволюции. Сталин преодолевал разыгравшуюся российско-антироссийскую революционную апокалиптику апокалиптическим же способом — жесточайшей, всеобщей и на время сказочно прочной *диктатурой* (личной, партийной, спецслужбистской, инквизиторской, идеологической — какой там еще?).

18. Была ли у Сталина иная возможность, был ли иной вариант, был ли иной путь? — а ведь это мало что среди разбушевавшейся апокалиптики — движения к ничто через ничто в обстановке беспощадной борьбы всех против всех, включая и само революционное чрево, но еще и, как уже было ранее отмечено, в условиях колоссального межимпериалистического мирового напряжения, вызревания новой мировой бойни, к ней уже и открытой подготовки, как и движения (Sic!) всех державных мировых игроков, включая Европу, Америку, Японию, не к чему-нибудь, а к *постгуманизменному тоталитарному диктатурству* (фашизм в Европе, причем вовсе не только в Италии и Германии; рузвельтовский «новый курс» в США, хоть и не вполне диктатурный, но все же немало и директивный; японский, уже и азиатский, милитаризованный диктат; китайские диктатурные потуги и т. д.). Весь мир прощался с гуманизмом и переходил к диктатототали-

тарным обустройствам социохозяйственного бытия. Монополизация, мобилизация, милитаризация, тоталитаризация, диктатуризация! Так что Сталин, все это зорко увидевший и глубоко осознавший, предпочел всему революционно-контрреволюционному обессмысленному словоблудию, бестолковым инициативам и ни к чему конструктивному не приводящим «деловым начинаниям» не что иное, как… увы — сталинизм!

19. Есть болезненный для каждого гуманного сознания и воображения вопрос — *сталинские репрессии.* Да, тут ничего хорошего, вернее, пожалуй — мало что хорошего, но, осуждая сам факт массовых репрессий, надо учитывать всё сразу: апокалиптику, вполне органичную человеку, неизбывную в человечестве межчеловеческую вражду, революцию с ее безмерными жертвами, исторические свидетельства и примеры, необходимость крутых в разоренной стране созидательных перемен, отсутствие на сии перемены спокойного времени и т. д. Наверное, можно было бы обойтись без именно таких вот по масштабу, жестокости и той же безумности репрессий, но… ничего ведь другого, кроме Сталина и сталинизма, в истории страны так и не случилось, — и вот это-то и должно занимать аналитические умы, как и такие аналоги сталинизма, как «иваногрозневизм» и «петропервовианство»: почему же все-таки это, а не что-то *другое?* Одно тут снисхождение напрашивается для Сталина и сталинизма: не Сталин вовсе в мировом бытии-истории придумал репрессии и не только сталинизм ими вдоволь «напробовлялся», так что, порицая Сталина и сталинизм, надо иметь в виду, к примеру, и «душку» Кромвеля, и «ребят» от Французской революции, и, разумеется, «милых» европейцев вроде Гитлера, Муссолини или Франко, да и самого Карла Маркса тоже, ну и, конечно же, родных нам «красногвардейцев» и «белогвардейцев» вкупе с их «бесстрашными вождями», да мало ли еще кого.

20. Очень уж тревожит сталинизм в негативном ключе современное сознание — факт! Но куда деть целую серию действительных, а не виртуальных, хотя и очень жертвенных, побед авторитарного «armie-строя»: индустриализацию, массовое

образование, социально-карьерный лифт, развитую науку, доступное для населения здравоохранение, высокую, хотя и подпорченную нарочитой идеологией, культуру, массовые физкультуру и спорт с их мировыми достижениями, победную армию, Великую победу в Великой войне, атомное оружие, вырыв в космос, одну их двух сверхдержав, международную соцсистему, главенство над полумиром, — и всё это за четверть века, включая и страшную мировую, а для страны — отечественную — войну? Так вот — *никуда!* — никуда *всё это* реально победное не деть, оно было там и есть тут — в реальном бытии-истории — прошлом, настоящем и… будущем.

21. Мобилизационно-армейская социохозяйственная система, как показал опыт, может иметь великие достижения, но, как тоже показал опыт, на короткий срок — сталинской хватило в полном расцвете на четверть века (уже сам Сталин понимал, что надо в корне ее менять, да духу ему не хватало, да и сам он уже уходил шаг за шагом из реального бытия-истории); в ослабленно-усеченном виде ее хватило еще на четверть века, а дальше… дальше последовал все более и более обострявшийся системный кризис, закончившийся из-за отсутствия своевременных коренных преобразований полным и чуть ли не мгновенным крахом, причем вместе с распадом сталинского СССР и сталинской же соцсистемы. Да и само сверхдержавие вдруг юркнуло в тихую небытийную заводь.

22. На месте сложного, выверенного, действенного, победного сталинского социохозяйственного монстра вдруг образовалась, не без участия антисталинистов и не без помощи внешних антистрановых сил… э-э… зияющая пустотой и смрадом… «черная дыра»! И это-то особенно примечательно: как возник нежданно-негаданно сталинизм из «черной дыры», разверзнутой революцией 1917 г., так и рухнул внезапно обратно, несмотря на все свои жертвенные победы, в «черную дыру», услужливо открытую для него уже антисталинской революцией, а относительно большевистской Революции 1917 г. — *контрреволюцией*.

23. Вот и он — феномен замыкания бытия-истории на самое

себя: *от революции к революции!* Выходит, что вроде бы весьма уже постреволюционный относительно Революции 1917 г. сталинизм, долженствовавший закрепиться надолго в бытии-истории, чуть ли не на века, оказался какой-то временной экстра- или внебытийно-исторической данностью, не подлежавшей органическому единению с бытием-историей, прежде всего с российским, хотя и был, наверное, необходим бытию-истории, может, даже и российскому, но все-таки как лишь от основного течения некая чрезвычайная, если не экстравагантная, девиация (что не значит, что не могущая как-то вдруг и повториться, разумеется, иначе, в ином образе, в иной трактовке).

24. Теряется разум, мечется душа, неровно ухает сердце — что же всё это такое? Безумная революция; кровавая пореволюционная баня; затяжной и очень зигзагообразный выход из безнадежной ситуации; спасительная-де сталинская «казарма» со зверским репрессивным инквизиторством, крепостническим трудом, мобилизационным творчеством и энтузиазменным — социалистическим-де — словесно-кнутовским «погонялом»; великие победы и вдруг… *величайшее самопоражение,* а за ним — за этим чудесным самоисчезновением — *новая революционная бездна,* но не так полная всклокоченного безумия, как это было в 1917-м и многие последующие годы, как безумия негромкого, незвонкого, даже и вкрадчиво-мертвящего, вовсе не тронутого не то что моралью, но даже и самой захудалой человечностью, то бишь тут уже было какое-то самое что ни на есть не-человеческое безумие — голодное, хищное, алчное, механическое, вовсе не иллюзийное, не романтическое, не утопическое, даже не теплое, не то что горячее — холодное, расчетливое, умное, логическое, уже вполне и совершенно *инфернальное,* в общем — *не*-людское!

25. Да, то была реставрация частной собственности, но с бессовестным захватом очень и очень малым меньшинством очень и очень больших богатств, причем созданных очень большим трудом подпавшего под очень большой большевистско-сталинский гнет немалого народонаселения России-СССР (от подневольного населения требовался совсем не дорогой по цене, включая и очень

дешевый, а то и вообще безоплатный, но непременно самоотверженный труд с беспрекословной исполнительностью, а от тотального государства — гарантии защиты, безопасности, социального обеспечения, образования, здравоохранения, карьерного роста, еще и уверенности в будущем, однако при общем управлении сверху и векторных инициативах из центра).

Вышло так, что Сталин со своим сталинизмом невольно выполнил одну важную бытийно-историческую задачу, как оказалось, главную для послесталинского алчного присвоительного племени — задачу так называемого «первоначального накопления капитала», причем не органического для той же трудящейся буржуазии, а вполне внешнего для «новобуржуазных» захватчиков накопленного богатства. Любопытно — не правда ли? — сталинизм как невольная, но эффективная предтеча не трудового вовсе, а вполне грабительского капитализма! Следственно, и Революция 1917 г. в ее конечной «социалистической» интерпретации — такая же предтеча! Но самое тут поразительное даже не в созданных сталинизмом богатствах, а в созданной сталинизмом с участием и подпольного антисталинизма, вовсе не малой армии захватчиков сего народного-де, государственного-де, общественного-де богатства. Вот где парадокс, так парадокс! Сталинизм, всячески борясь с частной собственностью, предпринимательством, казнокрадством, личным обогащением, экономическими преступлениями, криптопроизводством и криптоторговлей, спекуляцией и т. д., обеспечил вызревание в своих порах особей-опарышей, не подлежавших, как выяснилось, никаким, даже и отрицательным, человеческим-де характеристикам. Вот он — главный продукт коммунистического тоталитаризма, вроде бы и морального, и правильного, и победного! Ах, какая тут злая ирония бытия-истории!

26. И снова на коне оказалась анти-Россия с широко открытыми дверями для западной мирной-де и продуктивной-де интервенции в страну, сдачей страны благому-де Западу, ее колонизацией этим же Западом. А всё потому, что «прихватизаторы»

не могли бы состояться как новые владетели страны без поддержки Запада, его заинтересованного участия, как и без внедрения «новых псевдорусских» в вожделенную ими западную райскую кущу — второсортьем, конечно, но… лишь бы… *туда* и *там!*

27. И вот тут явилось нежданным чудом в России кое-что совершенно невозможное — большая конспиративная перемена в верхах на рубеже 1990-х — 2000-х гг. с более или менее прояснившейся ее сутью в ее же последствиях к середине первого десятилетия XXI в. — как раз через полтора десятилетия после революционного 1991 г., как заметим особо, что-то подобное произошло и с восходом сталинизма на рубеже 1920-х — 1930-х гг. — аккурат тоже через полтора десятка лет после катастрофического 1917 г.

28. Весьма судьбоносной оказалась сия перемена — вроде бы ради продолжения подлейших 1990-х, закрепления успехов криминальной во всех отношениях, антироссийской и даже противучеловеческой, вполне и русофобской, революции… э-э… *без революции,* но в то же время и ради чего-то… иного, если и не контрреволюционного, то явно иного революционного, а именно, как стало более или менее понятно к середине нулевой десятилетки — сначала ради *административного,* а потом и, что уже было настоящим громом среди ясного неба, правда, беззвучным — ради отечественного, причем не без обращения и к кое-чему *историческому российскому,* даже толикою и к… советскому (?!). Не переворот, конечно, но кое-какой крутоватый разворот с кое-каким выворачиванием только что вывернутого, — это уж точно! Дальше — больше, и к 2017 г. вдруг стало ясно, что перед взором любого сколько-нибудь проницательного наблюдателя на части территории бывшего СССР, стоит, то бишь на «поляне» Российской Федерации стоит, а не маячит вовсе, именно стоит… РОССИЯ!

29. Нет, не революция вроде бы, и не контрреволюция, но довольно-таки революционная по своим итогам новая перемена

в бытии-истории страны: только что в жуткие 1990-е на российской территории вольготно резвилась прозападная антиРоссия, как вдруг, откуда ни возьмись, восстает на той же территории… *Россия,* да еще и суверенная, самостоятельная, чуть ли не царственная, да еще и боеспособная, решительная, «злая». Ну и дела-а! Попробуй-ка — разберись!

30. Нет, вовсе не благостная, не совершенная и даже не очень-то справедливая, а весьма даже проблемная, занозистая, немало и злостная, но, во-первых, Россия всё-таки, а не глобалический заповедник-резервация, во-вторых, Россия заново образующаяся, ищущая свое новое бытийно-историческое воплощение, в-третьих, Россия, хотя еще лишь идущая к себе, но вряд ли уже остановимая кем-либо и чем-либо на этом, пусть и тернистом, может, и не бескровном, но исторически совершенно оправданном пути.

31. Чудо, вполне себе чудо! И это при всех, хотя и весьма уже скорректированных, достижениях-плодах коварных 1990-х, которые есть, бытуют, входят в новую Россию: демократизм, губернаторство, публичное представительство, многопартийность, капитализм, финансизм, олигархат, богачи, средний класс, заядлый менеджеризм, беднота, маргинальство, но при этом сидит в современной России и кое-что из «гнусного» прошлого вроде социализма, феодализма, «самодержавности», ордынщины, армейскости. Что в итоге будет и какой реально станет строящаяся вроде бы не по плану, но и не без кое-какого стратегического субъективного намерения, Россия — дело реального бытия-истории с его «ходом человека», «ходом вещей» и «ходом неизвестности», а для нас здесь важно связать этот внезапный выплеск России в России и в Россию с российско-антироссийской Революцией 1917 г., с последующим за ней крутым сталинизмом, его великими победами и внезапным крахом, с предательски противострановыми, но очень и очень круто переменными, 1990-ми, в общем — с прошедшим с 1917 г. воистину тернистым, многострадальным, многопобедным, воодушевительным, и не один раз круто и инфернально вывернутым столетием.

32. Выходит, что уже в петровско-екатерининской романовской Российской империи бытовало немало неРоссии и анти-России, даже весьма подмявших под себя Русь-Россию и немало над ней поиздевавшихся. Плененная в собственном доме, она лишь обслуживала трудом, потом и кровью не очень-то российскую, а скорее все-таки проевропейскую по духу своему империю — а такие самодержавцы, как Александр III и его несчастный сын Николай II, так и не смогли мирно и благообразно вывести Русь-Россию из нави и изменить характер всей империи в русскую сторону, несмотря на не малые с их стороны усилия. Победу одержала сначала проевропейская временноправительственная полусила, потом и проордынская (сталинская) большая сила, которая вновь пленила под себя Русь-Россию, но… все-таки была вынуждена пойти ей навстречу — опаснейшая антиэкзистентная крайность заставила, да и недееспособность надуманного «социализма-советизма» тоже; пришлось даже восстанавливать кое в чем империю времени Александра III и того же Николая II (армия, образование, культура, наука, инженерия, архитектура, даже и… церковь). Бытие-история идет, хоть и прерывисто, с падениями и крахами, но и постоянно выворачиваясь, меняя обличье всех его системных и личностных фигурантов, колеблясь от и до, самоотрицаясь и непременно снова самополагаясь.

33. Ну вот и славные, они же и «лихие», «послекраховые» 1990-е. Казалось, что России конец («Метили в коммунизм, а попали в Россию!»), — и действительно так оно и было: поносимая «жертвами сталинизма», разными «ненавистниками» социализма-советизма, ярыми адептами «цивилизованного и благополучного» Запада (и в самом деле очень и очень потребительски «вкусного» и гедонистически завлекательного, безудержно манящего, воистину «манкового»), но при этом расхватанная новыми своими «прихватизаторами», Россия погрузилась не просто в большой раздрай, жуткий аморализм и немалое отчаяние, а прямо-таки в некую «бездную бездность», долженствуя благопристойно в ней и исчезнуть. Но… нет: не исчезла Русь-Россия, каким-то чудом сохранилась, даже, пожалуй, и уцелела (в нави, в душах, в умах,

в традиции, в идее, в метафизисе, в самой даже своей трансценденции). И восстала она вдруг — как птица Феникс из пепла: оболганная, поруганная, обворованная, чуть живая, и пошла вдруг на подъем, ибо, как который уже раз в истории выясняется, что без сущностной Руси-России стране России попросту никуда — без этого вековечного корабля спасения!

34. Не надо, всезнающий читатель, криво в сем месте ухмыляться, встретив сии «наивные»-де неученые рассуждения, а оглянись лучше вокруг, да и обсмотри родные окаёмы, может, что-нибудь тобой совершенно не мыслимое и заметишь! Да, ни строго логически, ни системно, ни научно, ни даже просто по-житейски тут ничего не понять, не объяснить, не уразуметь, ибо само Бытие-История вовсе не строго логично, не системно, не научно и даже по-житейски не разумно, у него своя… э-э… не логика вовсе, а лишь свой… промысел, совсем и не логичный, своя телеология, своя апокалиптика, своя и эсхатология, согласно которым России не только еще не наступил конечный срок, а наоборот — её новое время только еще наступает! Могла ли Россия обойтись без Революции 1917 г., всех ее последствий и дальнейших бытийно-исторических выворотов? Нет, не могла, как и не может она стать ничем другим, кроме как быть самою собою — и в этой необъяснимой крепости и живучести Руси-России залог ее… нет, вовсе не процветания по типу удачливой Европы и успешной Америки, а всего лишь какой-то, просто так и не вообразимой, мирового значения судьбоносной для человечества экзистенции!

Мистика Российской революции

Самый глубокий и проницательный русский мыслитель середины XIX в. Ф.И. Тютчев выказал то, что не выказал никто на Руси ни до него, ни после, а именно, странную, вполне и невозможную, весть о России:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!»

Долгое время по-европейски образованным соотечественникам гениального прозорливца казалось, что эта тютчевская сентенция не более чем литературный казус «полурусского, вполне и европеизированного, ума», этакое ни к чему серьезному не обязывающее и чуть ли не частушечное четверостишие: то ли Россия признавалась Тютчевым полной, знаете ли, дурой, то ли сам талантливый поэт дал веселого маху, выступив этаким невольным… э-э… дурачком перед всей «умственной Россией», которой уже тогда было ясно, а уж потом — тем более, что Русь-Россия — отсталая страна с махровым феодализмом и таким же царизмом, заплесневелым православием и дурковатым народцем, так вполне и не переделанная неистовым Петром Великим в истинно европейскую страну, что Россия по-прежнему нуждается во всесторонней европеизации — если уж и не в революционной, то хотя бы в реформационной, что надо покончить с помещиками, крепостничеством, царем и его бюрократией, воинственным российским империализмом, вообще со всяким византийско-ордынского образца русским-де деспотизмом, что потребно свободное развитие прогрессивного экономизма, даже и в виде непотребного капитализма, как дикого своего, так и лукавого пришлого, а также науки, техники, образования, как и, разумеется, демократии, вполне уже европейского — конституционно-законотварного — образца.

Всё было в России и с Россией для местной не-России, если не анти-России, умом понятно, аршином проевропейским в целом измерено и адекватно оценено, причем всё оказывалось сплошь негативным и никакого перспективного значения не имело, а уж потребности верить в Россию вообще никакой не было.

Выходило одно: Тютчев высказал явную нелепость, если попросту не сморозил глупость, а потому и неча было обращать на эту примитивную писанину никакого заинтересованного внимания.

А ведь сегодня, кстати, всё то же самое: и Тютчев явно нелеп со своим нелепым словом, и Россия по-прежнему нелепа со своим неискоренимым антиевропейством, вполне, опять же, нелепым!

Но что особенно поразительно: последняя проевроамериканская реформация 1990—2000-х гг., она же по сути и революция, ничего существенного для страны так и не дала, — как была Россия нелепой Россией, так и, увы, ею, давно уже проклятая, остается!

Отсюда любопытнейшая смысловая загогулина: Россия постоянно заслуживает евророволюции, ей регулярно подвергается, нещадно затем под Европу переделывается и… как вполне глупая птица Феникс… остается Россией, чуть ли даже не вновь и вновь всерьез и взаправду возрождаясь!

Сколько реформно-революционных усилий, деяний, событий, происшествий, обманов, лукавств, свар, преступлений, героизмов, жертв, а воз российский все там же — в вязкой, унылой и темной «евразийской колее»!

Вот вам и сакраментальный вопрос: *Россия* и *Революция*?! И опять же тут как тут тютчевская «нелепость»:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!»

Жуткий это вопрос: революция за революцией, включая и рюриковскую, и византийскую, и ордынскую, и москвокняжескую, и смутовременскую, и романовско-никонианскую, а потом и все остальные революции от петровской и второалександровской до большевистской (ленинской), антибольшевистской (сталинской) и глобалической (горбачевско-ельцинской), а может, еще теперь и… э-э… не будем об этом, хотя… почему и не революция вдруг явилась в пореформенной России 2000-х гг., а-а? — и Русь-Россия, против которой, а может, и… за которую, затевались и свершались все эти революции, стоит себе и стоит — как непременное историческое, пусть и нацело «дурное», явление, чуть ли не ожидая… э-э… новой революции, освежающей, исправляющей и вновь Россию… искажающей?

Тут и знаменитые тютчевские строки уже не кажутся такими

уж нелепыми, ибо как ответить на вышеозначенный сакраментальный вопрос, не обратившись хотя бы вынужденно к тютчевской невразумительной-де сентенции, то бишь ответить на сей вопрос не совсем уже и умственно (разумно), да и не без странной веры не во что-то сакрально-абстрактное, а в саму по себе конкретную Россию, а-а?

Выходит, что *Россия* и *Революция* каким-то удивительнейшим образом бытийно, исторически и даже экзистенциально переплетены, причем как явные противники, но при этом и… соратники-трудники! Революция старательно переделывает Русь-Россию, а Русь-Россия не менее старательно остается… самою собою, то бишь вроде по сути никак и не переделанной. Смысловое ядро России, ее корневой эгрегор зачем-то сохраняются в сердцевине (криптосердцевине) России, несмотря на смертельные удары по ней жестких и бесцеремонных революций.

Интересно, что Россия каким-то непостижимым образом мало что уживается с анти-Россией, но еще и удерживается, пусть и меняясь феноменально, под натиском высокомерных, разрушительных и беспощадных антироссийских по основному духу своему революций.

Россия, анти-Россия и *Революция!*

Тройня, тройка, троица?!

Есть, над чем всерьез задуматься, не правда ли?

Давняя история — давней историей, но есть история и ближайшая, вполне и теперешняя. 2017 г. — год столетия Российской революции 1917 г., как и год 27-летия начала глобалической антироссийской революции 1990-х гг., а также год, входящий аки шарик в исторические четки, тоже вполне немало революционных 2000-х гг.

Обосновать разумно Революцию 1917 г., составившуюся из двух суб-революций — *про*-европейской февральской (масонской) и *про-анти*-европейской октябрьской (большевистской), не так уж и трудно: всё те же отсталость, гнилость, косность, феодальность, самодержавность, империальность, массовая бедность,

безудержная эксплуатация, тотальная несправедливость, запоздалое помещичество и безземельное крестьянство, недовольный всем и вся пролетариат, подпольное революционное движение, легальная фронда, ну и тягостная бессмысленная война, огромные потери и напрасные жертвы, всеобщее неудовлетворение, слабость царя Николая II, измена ему главных военачальников, антидержавный фронтовой протест, тайное и не очень вмешательство заграницы, угроза того же голода, да мало ли еще что, в общем — возникновение не одного лишь тотального неприятия всего сразу, но и внезапного явления пресловутой «революционной ситуации».

И что крайне любопытно: обе субреволюции, как и вся Революция 1917 г. в целом, носили ясно выраженный… антироссийский (!) характер. Вновь вспыхнула борьба анти-России с Россией, что как раз и было заведено в Руси-России с незапамятных времен. И это-то понять что «чистым», что и «нечистым» умом всего труднее, как и вряд ли можно понять теми же умами, зачем это вдруг в Россию пришел нероссийский (вполне и антироссийский) «социалистический проект», рожденный в Европе как судорожный евроантиевропейский проект (приведший в Европе к крайней форме антиевропейской «социализации» Европы — фашизму, вместе, разумеется, с евроантиевропейской фашистской революцией) и не имевший никакого коренного онтологического и гносеологического отношения к России.

Чтобы как-то всё это в общем-то несуразное понять, нужно обратиться не к одной лишь тогдашней России, но и к тогдашней Европе, к которой как раз внутренняя проевропейская анти-Россия вовсю слепо и стремилась, но которую тогда совершенно по-европейски империально и революционно вовсю «колбасило», что и вызвало в итоге мироевровойну 1914—1918 гг., вызволило на простор европейский фашизм и вылило в Россию «социалистический проект», он же и «красный проект», он же и «проект мировой революции», согласно которому Россия в лице своих застарелых и молодых элит, как и масс трудоспособного русского населения, должна была окончательно сгинуть долой с высоко-цивилизованных евроглаз.

Европа, хотя и не только она одна, хотя бы и та же Япония, всячески поощряла революцию в России, а уж в 1917 г. просто ее решительно спровоцировала, причем не только в лице воевавшей с Россией Германии, но и «союзной» России «сердечной» старушки Англии, сообщив России еще и «выстраданный» кризисной Европой «социалистический проект», давно уже имевший в России заразительное хождение и обретший в ней своих фанатичных адептов (то был европейский «дар» стране-дуре, которую Европе явно «было не жалко»!).

Несмотря на вихри революционных страстей и потоки невинной крови, «социалистический проект» как таковой не был реализован в России уже в силу своей явно всецело утопической надуманности (сейчас приходится только удивляться, как он вообще мог прийти в головы его адептов от Кампанеллы с Мором до Маркса с Лениным!), но зато в ушедшей в экзистенциальную навь России был реализован некий социализированный этатизм, он же сталинизм, причем этатизм тотальный, лишь прикрытый пособлявшей ему однопартийной (ВКП(б), КПСС) системой, представлявшей как бы всё передовое (сознательное-де) население страны — снизу доверху, как и, разумеется, сверху донизу.

Чтобы понять-таки сталинизм, достаточно сравнить сей поразительный строй с армией — армейского образца то был строй, вполне и имперский, как, собственно, и византийско-ордынский.

Формально то был вроде бы строй трудящихся, среди которых, как и в армии, солдаты, офицеры, генералы, маршалы, ну, и генералиссимус тоже: никто при этом не собственник ни орудий производства, ни земли, ни капиталов. С весьма эластичным по-первах социальным лифтом: кадеты (пионеры), юнкеры (комсомольцы), офицеры (специалисты, партийные функционеры), а кому повезет, то и генералы (партийные деятели, крупные директора), еще и маршалы (члены политбюро, министры). Если кому-то не нравится сравнение с армией, то можно привлечь… э-э… церковь, пусть и весьма разгромленную тогда большевиками, но вообще-то вполне себе по-армейски устроенную — с четкой иерархией и крепкой дисциплиной. Армия и церковь, да еще,

пожалуй, разные тайные и полутайные ордена вплоть до масонских — вот образчики для сталинского устройства уже не России как таковой, а Союза Советских Социалистических Республик, где ни одно из определительных слов, правда, не соответствовало фактической действительности (ни «союз», ни «советский», ни «социалистический», ни «республик»).

Был ли необходимым и эффективным сталинизм во главе со своим безусловным и непререкаемым вождем Сталиным, а потом — уже в послесталинское время — во главе с первыми лицами СССР — теми же генсеками? Надо полагать, что ни к чему другому из истоково нероссийского при загнанной в подполье исторической России на развалинах Российской империи и в разрушенной Революцией стране в обстановке жесточайшей международной конкуренции и милитарной межстрановой вражды, как и при острой потребности молниеподобного решения громадных перестроечных задач, стоявших перед страной, прибегнуть было нельзя. В аспекте решения действительно неотложных и на самом деле грандиозных задач — тех же индустриализации, электрификации, милитаризации, образования, просвещения, кадрового обеспечения и т. д., да еще и в нещадно обираемой и эксплуатируемой стране, сталинизм оказался вполне себе эффективным строем, а вот в том, что касается уплаченной за его эффективные деяния гуманитарной цены, то тут нет и не может не быть однозначного ответа: гигантская жертва, она и есть гигантская жертва!

Сталин со своим сталинизмом, а потом и сталинисты со своим уже вторичным (ослабленным, дырчатым, протечным) сталинизмом, одержали немало воистину великих побед, среди которых: 1) строительство новой цивилизации (вовсе не советской и не социалистической, а, повторим, тотально этатической); 2) индустриализация, включая во вторую очередь и сельское хозяйство; 3) ускоренная урбанизация; 4) достижение всеобщей грамотности населения и весьма гибкого социального лифта; 5) блестящее образование с высоким профессионализмом кадров;

6) передовая системная наука; 7) доступное для граждан здравоохранение и массовый спорт; 8) всестороннее хозяйственно-культурное развитие страны с выходом ее на второе место в мире; 9) мировое великодержавие с лидерством в масштабах полу-мира; 10) передовая армия и славная победа в Великой Отечественной войне; 11) создание авиации, ядерного оружия, телевидения, ракетной и атомной техники; 12) выход в космос: 13) освоение Арктики и Севморпути, заинтересованный заход в Антарктиду; 14) неслабые достижения в литературе, искусстве и в том же элитном спорте; 15) массовое жилищное строительство; 16) гуманитарная поведенческая мораль; 17) уверенность граждан в своем будущем и будущем страны.

Да, то были великие достижения социализированного этатизма, вполне и тотального. Факт! Имела ли к этому отношение Российская революция 1917 г.? Имела! Но не так по своим идеям и намерениям, как по самому факту своего свершения: без сей революции ничего подобного сталинизму вкупе с СССР в стране попросту не случилось бы! Тоже ведь факт. И что тут особенно замечательного: случилось как раз то, что революцией вовсе никак не предусматривалось, что убедительно означает, что не в идеях и намерениях революции более всего дело, а в самих фактах их свершений, не в том, чего хотят революции, а в том, что после них в итоге получается, а получается, что особенно примечательно, вовсе не то, чего хотят обычно революции, а что практически выходит в итоге революционных потрясений, причем не столько от самих этих потрясений, сколько от них — этих потрясений — и от их — этих потрясений — последствий неизбежного избавления.

Если революции исторически и хороши, то не тем, чего они хотят, даже не тем, что за ними непосредственно следует, а более всего тем, что они так или иначе отменяют старое, причем вовсе не самое при этом плохое, но якобы уже не нужное и якобы уже и впрямь отжившее.

В самой потребности в революции как в гильотине для текущего бытия не всё так уж просто: революции случаются более

ведь… сами по себе, чем в соответствии с какой-то кем-то осознанной объективной-де потребностью. Могла ли та же Российская империя обойтись без Революции 1917 г.? Почему нет, вполне и могла, но вот… не обошлась! И дело тут вовсе не в безнадежном устаревании редкостной империи, не в сложившихся роково текущих обстоятельствах, даже не в разрушительной работе тех же «революционеров» вкупе с враждебной России агентурой — тут дело в сосредоточении внутри странового организма, даже и весьма развивающегося, некой энтропийной антиэнергии, питаемой как массовым застарелым недовольством и привычным ото всего неудовлетворением, даже и протестом, тем же молодежным, так и общей неопределенностью бытия, духовной усталостью и душевным разладом, неисчезающей безысходностью, да мало ли еще чем, что работает обычно на антиэнергийный негатив, ее консолидацию, и, как правило, внезапный взрыв накопленного негативного потенциала.

Революции случаются не от того, что большинству бывает действительно плохо, а от того, что немногим очень хочется чего-то… другого: они-то, эти немногие, и оседлывают осознанно или нет накопленный в обществе энтропийный негатив, стимулируя его вырыв на волю и бросая страну в революцию.

И какой же на Руси и в России может быть самый устойчивый и неистребимый негатив, кроме как… анти-Русь и анти-Россия, поощряемые более всего, как ни странно, самой же Русью и самой же Россией. Революции в Руси-России затевают и совершают более всего именно антирусороссийские силы — внутренние и внешние, а питает эти силы вопреки себе как раз сама Русь-Россия — совершенно, знаете ли, «неправильная», но почему-то при этом неистребимая.

Вот и Российская революция 1917 г. не избежала сего антироссийского манка, яростно набросившись на корневую Русь-Россию: как поначалу ради традиционно привлекательного европейства, так и затем ради уже нетрадиционного, но оказавшегося весьма прельстительным евроантиевропеизма (пресловутого «социализма»).

А вышло в итоге что: ни то, ни другое, а… третье, причем поначалу весьма антироссийское («всемирнореволюционное»), а затем… нет, конечно, не пророссийское вовсе, а, скажем так — параросcийское, как раз со сталинской матричной закваской и в виртуально-«социалистической» упаковке, хотя и не без известного, весьма и вынужденного, обращения сталинизма к русской культурной и частично духовной составляющей, а уж во время великой войны — прямо и к русскому народу.

Нет, Сталин, отвергший назревавшую было жертву России в угоду «мировой революции», придуманной в идейных тайниках Европы, не строил никакой новой России, он лишь использовал ушедшую было в навь и частично вызванную им в явь традиционную Россию, использовав ее для строительства некой надмежнациональной имперской цивилизации, предназначавшейся для основания на планете Земля какого-то нового мира, вполне и альтернативного всему историческому прошлому — по названию-де «социалистического», а по сути-то… э-э… незнамо и какого, разве лишь экстраэтатического (чуть ли не ультраордынского). Сталина более привлекали такие исторические персонажи, как Македонский, Цезарь, Чингисхан, а вовсе не Кампанелла, Мор, Оуэн или тот же невразумительный для Сталина Карл Маркс.

Пресловутый «красный проект» был для Сталина не более чем идеологическим прикрытием и политическим рычагом, хотя Сталин и был последовательным противником экономизма-капитализма-либерализма, то бишь всего «западнизма» в целом, но сей проект никак не был для Сталина вожделенной целью (недаром же он расправился со всеми ретивыми адептами «мировой социалистической революции»!).

Нравится это кому-то или нет, но жесткий, безальтернативный, командно-дисциплинарный, армейский, еще и жестокий (для некоторых свидетелей и обозревателей попросту и зверский) сталинизм оказался, возможно, и не самым эффективным по затратам, но, заметим особо… абсолютно победным, пожалуй что, и фантастически победным. Факт! За четверть века преобразований и свершений — совершенно новая, при этом и невероятно могучая,

деятельная и уверенная в себе страна — как раз страна-победительница, восхитившая и воодушевившая полмира, но остальные полмира при этом изрядно потрясшая и напугавшая. И если первые полмира так или иначе пошли за СССР, то вторые, возглавляемые невероятно усилившимися по итогам Второй мировой войны Соединенными Штатами Америки, пустились не просто в сопротивление СССР, а в настоящую с ним войну, прозванную второпях и на всякий случай «холодной». Внешняя анти-Россия вовсе не дремала, формально выступая как анти-СССР, а внутренняя… внутренняя сидела тихо в том же СССР, впрочем, как сидела там тихо и собственно Россия. Победителем и управителем в стране был сталинизм, пусть и весьма смягченный после ухода самого Сталина (И. Джугашвили), — и сталинизм не предполагал ни слишком явной России, несмотря на главенство русского языка, русской культуры и даже существование РСФСР — этой самой крупной из «союзных республик», ни слишком явной и анти-России, тогда попросту и не слишком нужной.

Поощрив изрядно бодрый и непреклонный сталинизм, бытие-история вдруг стало спустя четверть века побед, достижений и процветания от него отворачиваться, выведя на смену удач и перспектив сначала глубокий застой с прозябанием, а затем и неумное разложение с исчезновением, на что, правда, тоже ушло не менее, если не более, четверти века.

Тут важно обратить внимание на несколько существенных фактографических и смысловых моментов.

Во-первых, сталинский строй был «хорош» (в плане «деловой эффективности») для скорого решения ясно выраженных, пусть и совершенно грандиозных, задач, требовавших полнейшей мобилизации всех возможных и невозможных ресурсов и сил по образцу военного времени («пробежать столетие за десять лет», не считаясь с «расхожей» моралью, субъективными «мнениями», личными пристрастиями и свободами, житейскими нормами, устоявшимися традициями, обоснованными временем потребностями и т. д.); по прошествии довольно краткого по историческим мер-

кам времени, как раз совпадающим с решением в целом поставленных экстраординарных задач, мобилизационная энергия неизбежно ослабевает, квазиармейская организация все более на месте пробуксовывает, созидательно-творческая мотивация оскудевает; на потребность же неизбежной демобилизации общества и дезармеизации трудо-творческого бытия образцово-тоталитарный строй не может адекватно и эффективно ответить, ибо движение в требуемом направлении ставит под уже новую революционную гильотину сам же этот победный строй; отсюда неэффективное предпочтение разного рода полумер и имитаций, лишь разлагавших строй и весьма споро и скоро доведших его до полного изнеможения, опустошения и самоотрицания.

Во-вторых, аналогично в историо-экзистенциальном аспекте выглядела и планово-административная («генштабистская») система организации национального (народного — согласно советской идейной эстетике) хозяйства: весьма и весьма эффективная на момент экстремальной «чрезвычайки» («за десять годков проскочить целую сотню лет»), когда было ясно, что (индустриализация и т. д.) и как (мобилизационно, командно и дисциплинарно) делать, данная система теряет свою революционную и контрреволюционную эффективность в обычных житейских условиях, когда на передний план выходят не что иное, как неизвестность, неопределенность, сложность, вероятностность, дискретность, разнообразность, изменчивость, гибкость, обновляемость, а также свобода личных инициатив, решений, предпринимательства, творчества, как и стремление к всестороннему, разнообразному, достаточному и высокоуровневому потреблению, вообще приходят некоторые индивидуализация и партикуляризация жизни, деятельности, самой человеческой (личной, коллективной, локальной) судьбы, тотальная планово-административная система теряет эффективность и становится тормозом не только в развитии страны, но и в самом жизнеотправлении граждан, сообществ, нации в целом.

В-третьих, каким бы ни было лояльным, трудоэффективным

и даже высокоморальным «отборное» и нужным образом обработанно-воспитанное население — беззаветно трудившееся, верно служившее и даже чрезмерно энтузиазменное, рано или поздно оно устает от напряжения, жесткой дисциплины, всесторонних ограничений, недопотребления, «уравниловки», личной несвободы, закрытых страновых границ, невозможности роста личного и семейного благосостояния, то бишь устает от параармейского, слишком уж государственно-общественного, регламентационного, принудительно-распределительного, а местами попросту и бездарного в социально-хозяйственном и идейно-культурном планах общественного и личного бытия, — и эта усталость начинает непременно сказываться сначала глухо-раздражительно, а затем и поведенчески-негативистски, в особенности с уходом признавшего сей строй и несшего его на своих героических плечах сознательного поколения и приходом других поколений, явно уже уходящих от бескорыстного героического поколения в негероическую потребительскую обыденность и желающих уже чего-то другого — хотя бы не столь казарменного и общеэнтузиазменного!

В-четвертых, воздвигнутый на всестороннем насилии и на безоговорочном подавлении не только своих явных противников, но даже и попросту с чем-то не согласных, в чем-то сомневающихся, имевших какие-то иные экзистенциальные предпочтения отдельных граждан и целых слоев населения, сталинский строй не только не мог обходиться без перманентного насилия и энергического подавления, но и, что особенно любопытно и важно, не мог-таки окончательно избавить себя не только от противников и несогласных, уходивших в сторону, в глубь, в подполье, в тень, но и, так сказать, от явно негативной, порочной, преступной, «беззаконной», криминальной, негодной, в общем — «плохой» части населения, которая, несмотря на преследования, репрессии и ликвидации, пусть и в неблагополучии, но выживала, еще и накапливалась где-то в асоциальных криптосферах, не пренебрегая и разными криптопорами даже в самом легальном строевом организме — снизу доверху и справа налево; заметим,

что скрытых, полуявных и явных неприятелей, противников, если не попросту врагов, у сталинизма, да что сталинизма — и у «советов», и у «социализма», и у «дружбы народов», и у «родной КПСС», и у «вечно живого марксизма», и у… что дальше говорить!.. — было всегда предостаточно, а с кризисом хоть уже и ослабленного сталинизма в 1970—1980-х гг. их только прибавлялось; любое из надуманно и насильственно утвержденного, в особенности что-то инородное — в духе безумной идеи «еврокоммунизма», не может пройти мимо даже при кажущемся массовым признании, вполне и искреннем, от неприятия, вражды и сопротивления, а при случае — и от сознательной ликвидации.

В-пятых, переведя редкую созидательно-предпринимательскую энергию прирожденных организаторов и делателей бытия в социально-государственное русло и весьма эту энергию используя (руководителей всех мастей, директоров, конструкторов, изобретателей, ученых, режиссеров, даже и писателей с художниками), сталинизм не смог вытравить из некоторой части этой части активного населения врожденного инстинкта к личному, своему, индивидуальному, частному делу, мало того, еще и приносящему его вершителю полное материально-психологическое удовлетворение, растущее безразмерно богатство, экзистенциальную силу и власть.

В-шестых, сталинизм не мог не создать особого слоя трудящихся — управляющих — «офицеров», «генералов», «маршалов», пусть во многом и выходцев из нижних страт общества, но занявших «верхние» места в социуме и незаменимо функционировавших в качестве «хозяев», «управителей» и «правителей» страны — слоя так называемой «партгосноменклатуры», — и когда сей строй перестал оздоровительно обновляться (пусть и репрессивно), почуял для себя несомненную стабильность и испытал возможность произвольно и беспардонно властвовать, то он, сей слой, не замедлил переродиться из «коммунистического» и «государственнического» в обыденный слой жадных потребителей и алчных присвоителей, еще и с отложенным по вине жуткого «скряги» Сталина на всё это спросом.

В-седьмых, сталинизм бился небезуспешно за обывательскую мораль («не убий», «не укради», «не подставляй другого», «не лги», «не предавай» и т. д.), сам же не слишком следовал таковой, оправдывая свое экстремальное поведение большими и важными государственными и партийными мотивами и соображениями, но кое-чего добившись из морального в поведении и жизни признавшего его и лояльного к нему поколения, сталинизм не смог всерьез и в целом преобразовать человека, что кстати, не удалось, как известно, и самому Христу, а потому с ослаблением инквизиторского давления сверху гражданско-товарищеская мораль стала как-то быстренько исчезать, замещаясь некой общечеловеческой обыденной моралью, нередко замешанной на самом обыкновенном аморализме.

В-восьмых, утвердившийся в итоге Революции 1917 г. и Гражданской войны 1918—1920-х гг., интернационально-большевистский коммунизм отверг не только российский феодализм вкупе с квазироссийским капитализмом, не только царизм с его дворянством, армией и жандармерией, не только Российскую империю («тюрьму народов» с ее «великодержавным шовинизмом», естественно — «русским»), но и саму по себе русскость, ее совершенно не понимая и не принимая, но зато яростно ненавидя; укреплявшийся год за годом державный сталинизм, не только охладевший к интербольшевизму, но и отпрянувший от мирореволюционного «красного проекта», еще и попавший в жуткое горнило великой войны, не мог не осознать спасительной важности опоры на «русский народ», на отечественные победоносные традиции, на российскую гуманистическую культуру, даже на беспощадно гонимые тогда православие и церковь, а потому и не мог не развернуться в сторону «русского начала», но… развернуться-то он развернулся, да вот, естественно, не вполне, оставив «русскость» более в нави, чем выведя ее в явь; так или иначе, но важно иметь в виду, что ни сталинизм, ни СССР, ни советский строй, ни государственный социализм не только не были русскими изобретениями, но были по сути (когда-то громко, открыто, затем уж прикрыто, втихаря) деяниями антирусскими, отчего и не были

вполне органичными российскому бытию-истории, как и близкими русским духу и сердцу; русский человек был вынужден подзабыть суетно и грешно свою русскость, но подзабыть в суете и во грехе — вовсе не значит забыть архетипически (генетически), характерически, поведенчески, мировоззренчески, в особенности непосредственно не земле, в деревне, на природе, среди народа и его преданий, да и в библиотечных спецхранах тоже, где томилась арестованная и преданная забвению собственно русская гуманитарная мысль; однако разрыв между коренной русскостью и нахлобученной на нее наднациональной нерусскостью, если не антирусскостью, имел-таки место, сыграв роковую роль в судьбе сталинизма и СССР; одно дело — вынужденно нести на своих плечах сталинизм и СССР, сохраняя в исторической нави Россию, совсем другое — быть функционализированным адептом сталинизма и СССР, их адаптированным носителем; измена России, русскости, русскому миру имела-таки место в практике «мирового коммунизма», а вот полного исправления сей коварной ошибки, если не преступления, так и не произошло.

В-девятых, нужно принять во внимание и нашествие на страну чуждой ей идеологии в виде «верного и вечно живого» учения — марксизма, принявшего в России образ марксизма-ленинизма, а на некоторое время даже марксизма-ленинизма-сталинизма, что было в общем-то справедливо, но лишь для самого этого учения; не было и нет никакого резона отрицать элементы правды в этом в основе европейском (и антиевропейском тоже) учении, но учение сие, будучи весьма правдивым в критике факта эксплуатации человека человеком, ее практической безудержности, как и в разоблачении эксплуататорской и хищнической природы капитализма и лицемерности сопутствующей ему «демократии», оказалось совершенно неприемлемым, если не вредным, в плане устроения человеческого бытия, да еще и свободного, и справедливого, мало того, оно оказалось очень даже приемлемым для построения общества «иерархического тоталитаризма» со вполне рабской внутри него составляющей; но это не всё: будучи безоговорочно примененным, насильственно внедренным

и тотально распространенным, сие учение как само весьма споро омертвело, так и закрыло намертво возможность не просто иных идеологических предпочтений, но и развития человеческой мысли и сакрального духа вообще; большевизм-сталинизм повторил ту же роковую ошибку, что в свое время совершило христианство, объявив свою собственную «истину в последней инстанции» и закрыв возможность движения и обогащения человеческого самосознания; а чем всё это заканчивается, хорошо известно: уклоны, ереси, ревизии, резкая критика, попытки усовершенствования и развития, а затем неизбежные отвержения, крахи, приговоры, ну и идейно-идеологические реформации и сокрушительные революции.

В-десятых, большевистско-сталинский режим исходил из вполне обоснованной европейской гуманистической-де наукой и еще более гуманистическим антиевропейским марксизмом «одинаковости» человека земного, лишь исторически временно и по архаическому недоразумению разделенного расово, этнически, культурно, религийно, цивилизационно, психологически, поведенчески и т. д., что будущее за человеком «одинаковым» и что как раз и должен был сотворить передовой «коммунистический разум»; говорить об абсурдности сего утверждения сейчас не приходится, хотя попытка сделать из всех насельников СССР «единобраза» в виде некоего «советского человека» таки была; но главный просчет был в другом — в непонимании и роковой недооценки «гуманистическим режимом» генетических и архетипических оснований, черт и мотивов бытия не только разных этносов, народов и племен, весьма религийно, культурно, а не только кровно, отличных друг от друга, но и у разных сообществ, страт и даже групп населения, относившихся к одному и тому же этносу, к одной и той же языковой, культурной и религийной данности, не говоря уже об индивидах, субъектах, личностях, вовсе не стремившихся к никакому штучному единообразию, да и не могших ничего такого достичь (разве лишь будущая тотальная чипизация сможет решить сию просвещенческую задачу); никакой единообразной «хомокаши» не было и быть не могло, что всегда давало

о себе знать и реально подтвердилось во всей своей красе в ударное для режима эсхатологическое время; «братские народы» остались прежде всего самими по себе народами, а «великое содружество братских народов» мгновенно разлетелось вдребезги при первой же для сего деяния возможности.

В-одиннадцатых, был или не был реальный сталинизм со своим нереальным СССР явной угрозой для Запада, но Запад воспринял сталинизм с СССР как великую для себя угрозу, тем более, что было всё еще живо и активно действовало, даже усиливаясь, «международное коммунистическое движение», заменившее собой ставшее одиозным и весьма уже оскандалившееся «мировое революционное движение»; Запад пошел на вполне сакральную для себя войну с СССР, принявшую в итоге и в целом характер «холодной войны», хотя и не избежавшей локальных вспышек и «горячих войн»; так или иначе, но у СССР со сталинизмом обозначился мощный последовательный и вовсе не скрытый «сакральный враг» — Запад, целью которого было не что-нибудь, а уничтожение СССР вкупе со всем мировым «красным проектом», во главе которого как раз и оказался победивший в Великой мировой войне сталинский СССР.

Перечень сопутствующих нашему размышлению моментов и соображений можно было бы продолжить, но главное, пожалуй, уже сказано, а потому пора, видно, и кое-что заключить.

Первое. Случившаяся в России в 1917 г. революция была не так собственно революцией, как выворотом страны из самой себя, к чему убедительно утверждающими сигналами послужили отречение царя Николая II от престола и отказ его брата Михаила стать новым российским царем Михаилом II; романовская (и при этом «немецкая») Российская империя канула в один роковой миг в Лету; взятие власти Временным правительством, по итогам Февральской революции ради несамодержавного, демократического и европоподобного бытия России, а затем захват власти «левым революционным элементом» во главе с большевиками-интернационалистами ради уже евросоциалистического (или даже миросоциалистического) пути России в неведомое в практическом плане

«социалистическое» — то ли свое, то ли мировое — будущее; победила же вследствие внезапного николаево-михайловского выворота невероятнейшая для любого мало-мальски здравого смысла «революционная авантюра», немыслимая даже для Великой французской революции, не то что для Английской; беспечный и безнадежный авантюризм сей революции состоял в отрицании российской и вообще любой самобытности и в предпочтении ею освобожденного от эксплуатации «пролетариата» и негосударственной-де «народной власти», опять же по преимуществу «пролетарской»; тут работал даже не жалкий утопизм, а вполне себе эффективное… безумие.

Второе. Последовавшая за такой эффективно-безумной революцией кровопролитная гражданская война выручила сию революцию, причем не столько сохранением и упорядочением «красной власти», сколько отстранением, пусть еще и не полным, европроектного социального утопизма и ослаблением архиреволюционного политического безумства; поэкспериментировав более или менее разумно (то бишь и «контрреволюционно»!), красная власть, опасаясь полного возврата к «прежней стране», пусть и без православного царя и византийского самодержавия, поборовшись всласть внутри себя (вплоть до физического устранения противников и несогласных, включая и самого красного вождя — Ленина), вышла на антиутопический и вполне рациональный вариант движения страны в ближайшее будущее — красный тотальный этатизм, ставший как раз и в итоге своего становления не чем иным, как сталинизмом; последний возымел в реальности некое кентаврическое воплощение, состоя из господствовавшей в стране авторитарной, наднациональной, «советско-социалистической», вовсе и не пролетарской, и не народной, управленческой части (надстройки) и подчиненной ей, если ею не задавленной, самобытно-российской, живой, рудо-творческой, несущей, тягловой, как раз народной, а долею и пролетарской, части (базиса), а обе части составляли в целом не что иное, как параармейскую византийско-ордынскую социоконструкцию; показав жертво-

обильные чудеса по коренному физисо-хозяйственному перестроению страны, вполне и молниеподобному, а также одержав Великую победу в Великой мировой войне и выведя страну в разряд великих мировых держав, новый строй, заслужив немалое признание в стране и за рубежом, обеспечил, одерживая разные локальные победы, четвертьвековое процветание страны и возвышавшуюся день от дня содержательно и материально жизнь всего в целом лояльного к режиму трудящегося населения; а вот эффективно продолжить себя в 1970—1980 гг. сей сталинский после Сталина строй уже не смог, впав в тяжкий, неодолимый, апокалиптической кризис, из которого не вышел и в пучине которого вполне благоговейно (без бурной революции и жестокой гражданской войны) исчез.

Как в 1917 г. Николай и Михаил Романовы отреклись от Российской империи (не только от престола, что само собой, а именно от… империи, государства, страны, России, хотя об этом они и не помышляли), так и Михаил Горбачев с Борисом Ельциным со товарищи отреклись в роковом 1991 г. от позднего, уже и предельно кризисного, сталинизма и от впадавшего в разорную кому СССР, но… Sic!.. отреклись вполне сознательно, немало и поучаствовав в подготовке сего совершенно предательского действа: тут уж Михаил с Борисом вовсе не заблудшие и растерянные, словно агнцы, Николай с Михаилом, — и хоть Михаил с Борисом вовсе и не волки, а так… э-э… лучше уж пусть история с ними разбирается, натужно прославляя и жестко проклиная, ставя им памятники или же вычеркивая из родной истории их имена (а ведь и к лику святых будут непременно причислены — «спасители де отечества», не так ли?).

Третье. Кажется, что СССР проиграл Западу в «холодной войне», хотя, скорее, не проиграл, а… уступил Западу, немало и предательски («добровольно»-де) ему сдавшись, хотя и, слава богу, не до конца; СССР истончился и рухнул, разбившись прямо по швам «союза братских республик», вдруг ставших «независимыми государствами» (а то вдруг кто-нибудь посчитал бы их всё еще вполне зависимыми хотя бы от той же непотопляемой России;

а уж какие они все, кроме сегодняшней России, «независимые», пусть каждый «гражданин мира» сам для себя и решает); да, Запад приложил немало усилий для кризиса, распада и поражения СССР вместе с его соцлагерем, но надо хорошо понимать, что СССР рухнул… нет, не так вовсе сам, хотя это тоже есть, как от своих, ему отважно и добросовестно изменивших, разумеется, под сенью бывшей вроде бы остро необходимой ПЕРЕСТРОЙКИ; можно было или нельзя было избежать краха СССР с засидевшимся в нем сталинизмом — вопрос на сегодня риторический, хотя можно было, видимо, сохранить великую страну при условии ее крутого реформирования сразу же после избавления страны от разноликого и взбалмошного Хрущева, всерьез и надолго повернувшись к исконному метафизису России, как уже нельзя было, надо полагать, сохранить великую страну в момент ее глубокого системного кризиса 1980-х гг., так и не дождавшуюся своего великого реформатора (может, и того же Андропова).

Четвертое. Не революция вовсе, как это было в 1917 г., учудила развал страны в 1991 г., а развал страны в 1991 г. учудил в 1990-е гг. революцию, но вот какую же? О-о, исключительную, не поддающуюся никаким привычным квалификациям. Как тут не вспомнить о тютчевской проникновенной печати: «Умом Россию не понять…». И в самом деле не понять, ничего не понять в свершившейся в 1990-е гг. революции, совершенно внешне и не революционной, а так, тихой, почти что и вкрадчивой, этакой крипто-революции — скрытой, обманной, лицемерной, лживой, а вообще-то сверх-криминальной, когда «сверх» означает не что иное, как «выше» или «вне» любых, даже и криминальных, принципов, не то чтобы аморальной, а попросту безморальной, вполне и антимировской, так сказать — преисподненской! Откуда же эта преисподняя вдруг взялась, да еще и воссевшая прямо в верхах — беспринципная, деятельная, изобретательная? Разумеется, прямо из бытия, которое оказалось на виду не то что сложнее, чем казалось обыкновенному, даже и образованному по-марксистски люду, а совершенно и другим — как раз антимировским, преисподненским, выворотным. Просто всё это «новенькое» давно уже

было под спудом, жалось по уголкам, отсиживалось в тени, но вдруг выскочило не без горбачево-ельцинских усилий на свет божий, на житейскую арену, еще и круто наверх, возвысившись надо всем «ублюдочно-порядочным миром», подлежавшим тлению, распаду и аннулированию. А ежели учесть еще и благонамеренную поддержку зарубежного инферналья, давно уже правившего свой бесовский бал в «передовом цивилизованном мире» — тогдашнем-де «победителе» в «холодной войне», то вряд ли останется какое-нибудь сомнение в квалифицировании российской революции 1990-х гг. как Великой инфернальной революции, каковой, надо полагать, в столь чистом, незамутненном, прямо-таки бриллиантовском виде в мире еще не было — сверху, нагло, криминально, беззаконно, скрытно, в открытую, прихватнически, разделочно, палачески, ну а об антигуманности тут и говорить нечего, как и о той же моральности, которых даже и не замечали, ибо не до них тогда было.

Интересненькая вышла в оставшейся от СССР России революция, не правда ли? А все почему? Во-первых, никакой воистину действенной самой по себе партии, как и устойчивого самого по себе государства, в позднем СССР уже не было, и быть не могло: искусственный сталинский тоталитаризм заложил в безвождистские партию и государство имманентные им бесцельность, нерешительность и анемию, что и сказалось на роковом рубеже 1980—1990-х гг.; во-вторых, никакого самодеятельного, а тем более внутренне сплоченного, социума из «советского люда» не получилось, и получиться не могло (неважно тогда управлявшаяся населенческая масса — не социум); в-третьих, никакие трудящиеся никакими собственниками предприятий, орудий и средств производства себя не чувствовали, не виделись таковыми и по сути ими не были («всенародная собственность» — блеф, а государственная — реальность, правда, уже и у ирреального государства); в-четвертых, почему же было шустрым инфернали́ям не провести своей революции, ежели всё святое и прибыльное в их жадные потливые руки само бежало, — вот и провели, проведя всех вокруг их честных трудящихся носов!

Пятое. Буржуазная то была революция, она же по этому разряду и контрреволюция (антикоммунистическая, антисталинская и т. д.). Глобалическая, естественно, а потому и колониально-компрадорская, оккупационная, захватническая, предательская. В общем — дрянная! Великая буржуазная, но очень уж дрянная, революция! Наяву показавшая, что есть на самом деле человек, кто на самом деле управляет человеческим бытием, как, пардон, и кто на самом деле творит историю. Ах, товарищ Сталин, товарищ Сталин, многое ты понимал и много ты сделал, как и кое-что роковое для себя и своего дела явно предчувствовал, но вряд ли настолько уж обыденное, пошлое, подлое и… жалкое. Да, инфернальная энтропия — это вовсе не шутки, как и инфернальная негэнтропия тоже. И что всего интереснее: Сталин со своим сталинизмом как раз и подготовил, взяв на себя исполинскую и жуткую по манере исполнения историческую миссию, не что иное, как пришествие в Россию инфернального капитала, осуществив для этого так называемое «первоначальное накопление капитала» посредством создания индустриальной материально-технической базы и перевороченного под нее закабаленного «народным государством» трудящегося населения, но еще и оставив обескровленные деспотизмом и надолго напуганные репрессиями, вполне и обезличенные партию, госаппарат и, конечно же, аморфное бесклассовое население. А еще интереснее то, что у истоков сего неожиданного выворочного происшествия 1990-х стояла… э-э… российская-де революция 1917 г., покончившая с исторической Россией и навязавшая ее историческому лону внеисторического оборотня в виде совершенно утопического по идее, но весьма на короткий срок слепо и неразборчиво эффективного, даже и победного, «большевистско-сталинского коммунизма». Забавно как-то выходит, не правда ли… если б… если б не страшные жертвы одних — очень многих — и не отборный гешефт других — как раз очень немногих. Вот вам и социализм, и советизм, и сталинизм, ну и марксизм-ленинизм в придачу — всё, кстати, почему-то весьма и весьма антироссийское!

Шестое. Вот и пришел на территорию России в славные

своим бесславием 1990-е гг. давно ожидавшийся… хам, он же и человек-оборотень, он же и нелюдь, он же и зверь. Странно, невозможно, но ведь факт! И из оставшихся после «коммуны» русских тоже. Выворот на то и выворот, чтобы всей темной изнанкой прямо наверх, на лицо, на свет божий. И то ли бездна вдруг объяла остаточную Россию, то ли оставшаяся Россия внезапно ухнула с размаху в бездну! Иначе ведь и не скажешь о «лихих девяностых»: страна была отправлена во внеисторическую кому и отдана на бесподобное разграбление. Раздел, раздача, захват, грабеж — со стороны бойкого меньшинства, как и прозябание, выживание, удержание на плаву — на стороне «инертного»-де большинства. В итоге же явилась некая антистрана по имени Российская Федерация, управлявшаяся прямыми назначенцами из-за океана и оттуда, из-за океана же — контролируемая. Обильные ресурсы и бытовая стойкость населения спасли от окончательной погибели отреформированную жестко, презренно и алчно страну, она каким-то чудом удержалась и не исчезла с карты мира, может, и не без субъективной сопротивленческой воли, а скорее всего — как раз именно с нею, то ли не исчезнувшей вместе с СССР, то ли вдруг конспиративно воспрявшей прямо ниоткуда (из глубины, так сказать).

И в «победившем» глобализме, нужно особо заметить, не очень-то хотели развала и исчезновения России — ручная Россия была всего приемлемее для заокеанских архитекторов «нового мира». Да, страна, ставшая в одночасье антистраной с весьма уже и антигражданским населением, не говоря о бесовских полчищах ловких и жадных объедателей вдруг распластавшегося на всю Евразию роскошного в плане дармового богатства и его присвоения полутрупа, эта самая, вдруг нежданно-негаданно обезумевшая, обобранная, обглоданная и оскорбленная страна не просто осталась на месте, но и нашла в себе силы… продолжиться, даже и быть, борясь по возможности за себя, свое «Я», свою целостность. Тоже ведь странно и невероятно, но тоже ведь факт! Ядерный потенциал, конечно, сказался, но мог и не сказаться: дело-то

шло по самому краю, к полной потере суверенитета, к исчезновению.

Революция сия хоть и прошла без большого потрясения вроде гражданской войны, но свои кое-какие борческие судороги тоже имела. Сначала выступление ГКЧП в 1991 г., бывшее как бы предреволюционным, напомнившее частично заговор генералов против царя в 1917 г., а частично так называемый «корниловский мятеж» в том же революционном году (запоздалая и неудачная реакция всё тех же генералов на свершившуюся по их же вине Революцию), а затем в те же 1990-е гг. мятежное выступление Верховного совета 1993 г., чем-то походившее на эсеровский мятеж 1918 г., хотя и совсем не похожее на Кронштадтский мятеж и то же Тамбовское восстание первых 1920-х гг. (в 1990-е обошлось, слава богу, без сих подобий, сказались все-таки анемия, пассивность, даже и безразличие населения к происходившим по инициативе верха «преобразованиям», как и, разумеется, массовая надежда на новое лучшее — после измотавшего донельзя народный дух «советско-социалистического гуманизма»).

Седьмое. Революция 1990-х, бывшая вроде бы антисоветскосоциалистической, то бишь явной контрреволюцией относительно Революции 1917 г., большевизма, сталинизма и вообще коммунизма, оказалась по идейной закваске своей очень и очень… русофобской: атака на русскость была мощной, продуманной, упорной, питаемой не только господско-колонизаторской неприязнью к коренной самобытности страны, но и вассальной приязнью к «победившему»-де в мире глобализму. Любопытно, что русофобская кампания была раскручена при вполне лояльном отношении революционной власти к православию и церкви, даже их поощрении. Русскость защищалась инстинктивно через естественное бытование русского мира, вовсе не собиравшегося отказываться от своей архегенотипичности, как и, уже вполне осознанно, через персональную, групповую, коллективную борьбу, скажем так, тогда поднявших голову и голос русофильских сил, пусть и не многих, но зато убежденных в своей правоте и экзистен-

циально стойких. Как видим, снова в стране случилось столкновение России и анти-России, причем России явно придавленной и ослабленной, да еще и вывернутой наизнанку, и властной, торжествующей, чуть ли не победоносной, анти-России, охотно и радостно вдохновлявшейся и поддерживавшейся из дальнего и близкого русофобского зарубежья.

Восьмое. Всякая революция рано или поздно выдыхается и затихает, а через каких-нибудь полтора десятка лет, когда в реалиях утверждается что-то за революцией последовавшее, вовсе не такое уж по сути и революционное, о прошедшей революции как о покойнике, либо ничего, либо вовсе не то, что было там на самом деле. Лет так через семь в революционной стране непременно происходит что-то уже не совсем революционное, если совсем не революционное, как правило, наступает смена власти, точнее, замена «пламенных революционеров» на «умеренных реформаторов», а еще через семилетку, когда ситуация в стране системно стабилизируется, ее обозревателей обычно потрясает либо не совсем полное соответствие сложившейся ситуации идеалам революции, либо такое соответствие, когда хочется задаться вопросом: «А какими же они были, эти самые идеалы у революции?». И российская революция 1990-х не избежала сей неумолимой революционной судьбы: сначала смена революционного верха (1999 г.), а затем и… вот тут-то и возникает куча вопросов, на которые либо нет вообще ответов, либо эти ответы явно преждевременны, либо они очень и очень нежелательны. Текущая ведь вокруг современность, что тут скажешь, не впав в заведомые искажения, фантазии или ошибки?!

Девятое. Однако же… придется… все-таки придется кое-что сказать, разумеется, не вполне достоверное, весьма кажущееся, немало и мифоподобное. Несмотря на хорошо известное «пожирание революциями своих сынов», чего не миновали и славно-бесславные «девятидесятники», многие из вполне корыстных «революционеров» не только уцелели, но и оказались вполне себе успешными бенефициарами революции, пусть и частично отстраненными впоследствии от «великих деяний», но зато с нема-

лым личным, если и не несметным, но весьма себе богатством, дающим небывалые потребительские возможности, а некоторые из бенефициаров не только остались на плаву и у руля, но и вовсю ныне процветают, правда, уже не как «революционеры» или же «субреволюционеры», а как деятели новой — уже не мало постреволюционной — России, разумеется, наряду с примкнувшими к этой «новой России» новыми попутчиками (тоже, конечно, заметными бенефициарами). В результате семилетки революции и семилетки постреволюционной стабилизации (не без известного передела собственности, богатств и каналов бойкого накопления) в стране возник весьма обширный владетельный класс, но не просто частных собственников, капиталистов, финансовых воротил, разумеется, с олигархическим внутриклассовым навершием, а класс, знаете ли, действительных хозяев страны, ее бытия, ее текущей истории, подкрепленный разветвленным законодательно-административным каркасом, включая и его «силовую» составляющую; обслуживаемый бесстрастной, но весьма зато ловкой и ловчей менеджериальной сетью, ныне вполне уже оцифрованной; обильно сдабриваемый медиамасскультурным (более все-таки анти-культурным) приворотным зельем.

Тут возник не так собственно капитализм, не как таковой феодализм и даже не тот же псевдосталинский этатизм, как весьма гибкий, вуальный, вполне и лицедейный… э-э… даже не строй и не порядок, а некий, скажем так, способ бытия, который можно определить как произволовый финансово-административно-информационный деспотизм, вполне уже постмодерновый, включенный, конечно же, в глобальный финансово-менеджериально-стратегический, тоже вполне себе произволовый, деспотизм, как раз тот самый — заокеанский. Наверху, стало быть, образовался и сидит, перемешиваясь внутри себя, новый владетельно-хозяйский класс, пусть и зависимый от глобального всемирного хозяина; в серединке социосреды — необходимая для любого способа бытия бодрая профессиональная обслуга; ну а внизу — масса всякого невзрачного люда, вовсе не только пролетарского, совсем и не бед-

нейшего, совершенно и не маргинального, как и не только гастарбайтеровского, а вполне себе образованного, профессионального, умелого, работоспособного, даже и ученого, и творческого, но, увы, не столь по жизни удачливого, вовсе не бенефициарного, экзистенциально отставшего и для страны как бы остаточно-осадочного.

Именно таковым (или примерно таковым) предстало к середине 2010-х гг. и до сих пор остается пореформенное устроение уцелевшей от разгромной, бесцеремонной и крайне присвоительной революции Россия — новая, так сказать, Россия. И все было бы ничего, а то даже и хорошо, если бы… не… металогическая подоснова бытия, истории, самой человеческой экзистенции страны под кодовым именем «РОССИЯ», которую… э-эх… ни умом не понять, ни аршином общим не измерить, в которую можно-де лишь верить и верить, а веруя… усердно и тщетно проклинать да проклинать за длящееся и длящееся свое существование!

Десятое. Тут-то является и самое интересное — поразительно интересное (!), ибо взбрыкнула вдруг пореформенная и постреформенная Россия, да и проделала сие взбрыкивание по инициативе и под руководством совершенно вроде бы обенефицированного и вполне как будто бы довольного итогами революции и реформы верха. Нет, конечно, то не была собственно контрреволюция, как и не была никакая-то там контрреформа, а случился вдруг странный, невероятный, невозможный разворот к… державной России, вполне и суверенной. Ни с того, ни с сего! Чего не могло и не должно было быть вообще никогда и ни под каким видом… вдруг случилось. Произошло! Ах, как же ее понять, эту Россию, как ее нормировочно измерить, да и как в нее хотя бы на мгновение поверить?! И как же не проклясть ее, в который уже раз?! «Тока-тока» что-то в России наладилось, примкнула она было к «цивилизованному миру» и на тебе — новый безумный взбрык! Едва поднявшаяся с колен, Россия немедленно возжелала возврата уснувшего было летаргическим сном, если уже не впавшего в небытие, великодержавия! Вот тебе и «добровольное»

вхождение в цивилизованный глобализм, вот тебе и «охотная» вестернизация («западнизация») страны, вот тебе и «компрадорский бизнес», вот тебе и энергосырьевая полуколония западного мира! Явно всё началось с этой «недопустимой» в «приличном международном сообществе» мюнхенской речи российского главковерха — совершенно и «несносной», а окончательно стало ясным по итогам «аннексии» русского-де Крыма и поддержки пророссийского-де Донбасса, чего цивилизованный мир никогда-де не простит России, хотя сам же с новой «прохладной войной» двинулся на Россию еще до всей этой «крымско-донбасской авантюры», вполне уже убедившись в непокорности и даже опасности для себя еще только поднимавшейся «новой России».

Одиннадцатое. Да, вроде бы мало что изменилось в России как России, начиная, условно говоря, с 2005 г., как раз ставшего аналогом 1929 г. — года, как известно, Великого сталинского перелома, но, согласимся… изменилось же, во всяком случае явно этак с 2012 г., то бишь еще через семь лет, а что же конкретно изменилось-то? — а-а!.. — армия, оборонка, кое-какая инфраструктура, новая Арктика, а затем и высокая технологика, кое-какая неопромышленность, приподнявшееся сельское хозяйство, немалое строительство, в общем — подтянулась какой-то своей частью страна, зашевелилась, пошла на подъем, оставив позади ужасный «переходный период» — кризисный, бездный, апокалиптический, вовсе при этом не процветая, но ведь уже лихорадочно и безнадежно не выживая, хотя и не без кое-какой дарованной ей «милости» алчного Запада. В самом по себе некотором укреплении и даже подъеме страны вроде бы нет ничего особенного, хотя, конечно, как на это посмотреть, но вот во взбрыке ее… э-э… было и есть что-то не просто экстраординарное, а совершенно, знаете ли, несусветное, чем, кстати, все и объясняется, ежели вспомнить о загадочной тютчевской характеристике России — как раз страны вполне и… несусветной! Так что ж случилось со страной аккурат к юбилейному 2017 г.? — уж не тихая ли, как и не броская… криптореволюция: бац — и в дамки! — причем мало что в великодер-

жавные, но еще и прямо в центр системно меняющегося планетарного мира?! Нет, вовсе не в качестве какого-то там мирового лидера, но зато уж в роли чуть ли не главного пособителя стремительно происходящих уже не в пользу США и Запада тектонических перемен, а-а?

Двенадцатое. Жадная до ненасытного присвоения частных богатств, вполне для страны разрушительная, но экзистенциально все-таки весьма простодушная, внезапная преисподненская антицивилизация 1990-х, выскочившая с черного исторического хода как бы на смену жесткой и вроде бы правильной, хоть и быстро одряхлевшей и бездарно себя проигравшей сталинской цивилизации, не была предназначена для чего-то конструктивного в социокультурном плане, а потому увлеченная тотальным эгоистическим грабежом, не препятствовала, несмотря на мощную русофобскую кампанию, неожиданному подъему сначала весьма глухого, почти и не заметного, а затем все более и более зычного голоса Руси Великой — прямо из нави, из подземья, из глубины, чуть ли не со дна сакрального озера Светлояра, от колоколов сказочного града Китежа. В общем, в разорные, погибельные, дикие 1990-е гг., вполне и антирусские, ознаменованные притеснениями и гонениями русских на территориях бывших «союзных республик» и злыми поношениями от незабвенных «братских народов», когда само бытие русскости было поставлено не то что под сомнение, а и на край исчезновения, остаточная Русь-Россия вдруг заявила о себе, пусть поначалу не слишком решительно и убедительно, но зато потом, особливо с предкавказской русофобской войной, все более и более впечатляюще. Но дело этим не ограничилось: с радикальной, почти что, как оказалось, и революционной переменой в Кремле прямо на рубеже столетий, призрак Руси-России вдруг стал шаг за шагом превращаться в реальность, а по прошествии всего-то нескольких лет в реальность не только в образную, вообразительную, идейную, но и, в особенности в связи с украинскими, тоже, увы, русофобскими, событиями, мало что в политическую, но и в державную реальность: новая пореформенная и постреволюци-

онная Россия в один миг обратилась в Новую Россию, — и российская, а не какая-нибудь еще, суть ее была убедительно негативистски подтверждена вдруг вспыхнувшей воинственным ядовитым огнем западной — идейной, политической и стратегической — русофобией. Уж лучше бы Россия оставалась советско-социалистической, чем вдруг оказалась… российской, причем, заметим особо, не православной вовсе, что было бы понятно, а именно российской. Одним махом Россия сломала все возможные на сегодня не-российские формы-скорлупки, как раз те самые, которые явно бы устроили всех ее «доброжелательных» противников — что внешних, что внутренних, — и восстала Россия практически из небытия… самою собою, пусть еще и не полномерной, далеко не совершенной, даже и весьма уродливой, но ведь восстала… и восстала как раз… РОССИЕЙ! Заметим, что ничего другого, кроме самой себя, у России нет и быть не может — из коренного, основательного, жизнеутверждающего, спасительного, наконец, что и доказывает вполне убедительно вся история России, всех ее «вывертов» с «выворачиваниями», точнее говоря — ее полная тайны кромешной метаистория, которая хоть и с фактами, но и вне их, как раз там, где факты бессильны перед скрытыми ходами и переходами бытия, как раз и творящими в основе видимую-де историю.

* * *

РОССИЯ — это, конечно, страна (сторона), земля (территория), народ (население), еще и государство, цивилизация, культура, включая язык (слово), это и социум (общежитие), и хозяйство (жизнеотправление), и способ бытия (экзистенция), но Россия — это и некая метафизическая субстанция, она же эгрегор, матрица, семя, концепция, идея, мысль, когнитив, смысл, замысел, шифр, код, в общем — то самое трансцендентное Ничто, которое при этом и Нечто, что заложено изначально в Россию или же с ней вместе зародилось, откуда всё исходит и куда всё возвращается, обогащая, отягощая и даже напрягая сей сакральный источник, не прекращающий свое бескорыстное служение России,

над нею и стойкое начальствование, что как раз и засвидетельствовано нынешним, уже XXI века, самовоспроизведением России, ее после веков пленения, мытарств и погибельных завихрений неожиданного, умом не предусмотренного и только верой чаемого возрождения.

Есть она, есть — истина России, пусть и не слишком известная, не очень понятная, совсем и не признанная, ибо неотмирна она, эта истина, как и неотмирна сама по себе Россия, которая ведь не страна, не государство, не та же нация, а… бог знает что — что-то и впрямь неопределенное, невыраженное, невысказанное, в общем — не ясное, как раз то самое, что ни разумом не высветить, ни мерой общелогической не выверить, ни в мировую матрицу не вогнать — вроде редкого элемента в менделеевской таблице.

Вместо окончательного крушения и исчезновения с лица Земли в бездной ситуации 1990-х Россия, едва пережившая свалившийся на нее с 1917 г. «советско-социалистический», он же и бесподобный государственно-партийный, гнет, совершенно вроде бы конченная и чуть ли не добитая, мало того, что выжила, так она еще и воспряла — вопреки всему ей противному — благодаря как раз своей архегенотипной неисчерпанности, явно ей послужившей и в который раз ее выручившей.

Слова, нам скажут едкие антироссисты, всего лишь слова, а мы ответим — может, и слова, но ведь и дела тоже, наличие которых убедительно подтверждается не так даже выплеском самой России, как всплеском небывало развязной и злостной, вовсе никак и не скрываемой, международной русофобии, да что русофобии — ведением настоящей антироссийской войны, пока еще «хладно-гибридной», а там, глядишь, и с новым на Россию горячим «драангом». Ежели Украина в мгновенье ока превратилась в русофобское гнездовище, то что говорить о восседающих на мировом господском престоле исконных «доброжелателях» России, очень рискующих сей благоносный престол потерять — всего лишь из-за явления на планете сильной, суверенной и… иномирной… России.

* * *

Вернемся теперь к Российской революции 1917 г., отмечающей в 2017 г. свой столетний юбилей, да и поразмышляем над историческим значением сего грандиозного по последствиям необыкновенного события — что для России, что для всей планеты, что для всего люда земного.

Россия сама по себе не очень-то шла на сию революцию, но зато она была обречена, как изнутри, так и извне, на сию революцию, точнее, на революцию вообще — любую! — лишь бы антироссийскую и антивсемировскую, но, застигнутая революцией, а лучше сказать — сначала не самыми сильными псевдореволюционными февральско-октябрьскими завихрениями, немедленно впрочем обернувшимися безудержным ультрареволюционным вихрем, точнее — бурей, в которой вдруг сошлись разные по истокам, мотивам и намерениям переделочные и попросту разрушительные ветры, включая и чисто анархические, Россия, уже сойдясь или сцепившись с революцией, уже и мировой, стала местом внезапного борческого схода всех, почти всех или же многих, обычно скрытых демонических сил, преследовавших любые цели, кроме одной — выживания, укрепления и процветания России.

Революция вдруг в России стряслась, а Россия внезапно на революцию… попалась, хотя у России были серьезные мотивы для перестроения, преобразования и преображения, скорее всего, на реформном, а не революционном пути, но раз уж выпала не без пособительного участия самой царской власти именно революция, то, захваченная не слишком внятным для нее событием, Россия влезла-таки всем своим телом и духом в спровоцированный в общем-то дурацким отреченческим событием («Умом Россию не понять…») во вполне апокалиптический, вовсе и не только российский, поток, и, уже став «революционной», то бишь бунташной, по полной отыграла свою многоголосую ревпартию.

Драка на просторах России разразилась тогда крутая: Россия дралась с анти-Россией; мир с антимиром; цивилизация с антицивилизацией; культура с антикультурой; человек против зверя, как и зверь со зверем; угнетенные против угнетения и с угнетателями;

элиты с альтерэлитами; контрреволюционеры с революционерами, как и одни революционеры с другими революционерами; бандиты с населением, как и одни бандиты с другими бандитами; обыденное против сакрального; гуманизм против дегуманизации; материализм против идеализма; наука против метафизики; дьявол против Бога.

Вот Вам, господа, и Российская революция, а то и по некоторым оценкам — русская!

Да, это была очередная историческая конвульсия великого славяно-евразийского феномена — России, но это была и конвульсия всего мира — как прежде всего развитого и передового вроде Европы с США, так и следом за ним неразвитого-де и де отставшего вроде Азии, Латинской Америки, Африки. Всего мира! Разумеется, с опережающим подстрекательством Западного мира — имперокологниального, очень и очень экономического, индустриального, экспансионистского, уже и постренессансного, ведущего большие — мирового размаха — войны. Заметим, что Российская революция оказалась очень как-то вдруг подошедшей к мировойновскому процессу, затеянному Европой, США и Японией, как и вообще к раскручивавшемуся тогда общему кризису Западного мира.

Российская революция 1917 г. — мирообусловленная, западогенная и востоковстречная революция, а потому и воистину мировая революция!

В сей запредельной революции сошлось всполошенно очень и очень многое — как российское (плохое, хорошее и никакое тож), так и нероссийское (враждебное, «дружественное», сочувственное, бесчувственное, склизкое, шершавое, тернистое, умное, безумное, прямое, кривое, дельное, бестолковое, доброе, злое, красивое, безобразное, порядочное, романтическое, утопическое, правильное, ложное, подлое, в общем — все, чем богат и беден был тогдашний человеческий, а может, и бесчеловеческий мир — обессмысленный, взбаламученный, экзальтированный, растерянный, вздорный, бунташный, порочный, больной, криминальный, патетический, апокалиптический, погибельный, бездный — и только

приняв во внимание это экстерриториальное схождение в общем фокальном кошмаре всего российского и всего нероссийского, странового и мирового, национального и общечеловеческого, можно хоть как-то понять то, чем в действительности сталась российско-нероссийская Революция 1917 г., чему на самом деле она послужила и какие возымела от себя исторические хвосты.

У сей революции нет не то что простого и внятного, но и мало-мальски удовлетворительного рационального объяснения, ибо она — сия революция — совершенно иррациональная, как раз настолько, насколько иррациональной была тогда общая историческая ситуация — что российская, что мировая.

Россия попросту попалась, может, даже из-за своей корневой неотмирности, не будучи целиком и по сути ни Европой, ни Азией, а будучи тому и другому пусть и не очень ясной, но… альтернативой, неким ее — этой альтернативы — прообразом.

Давно ведь попалась Россия на РЕВОЛЮЦИЮ, на ее наживки, аж со времени декабристов, но вот и ухнула с головой в РЕВОЛЮЦИЮ, которая нечто вроде подземного плазменного озерца или занебесного газового облачка — вполне и невидимых, обычно мало чувствуемых, но зато временами очень и очень демонстративных, ибо оттуда лишь «жесть» сплошная, насилие, кровь, всеобщее людское смятение и гиблое элитарное помешательство, бесчисленные жертвы, мало имеющие отношение к собственно революции. РЕВОЛЮЦИЯ — метафизическая субстанция, взрывающая, когда приходит момент-случай, не один лишь эфирный метафизис, но и крепчайший физис тоже, как раз самый что ни на есть человеческий.

Что касается Нового времени, вполне по сути и европейского, то оно сплошь революционно: РЕВОЛЮЦИЯ для него — верный атрибут, позволивший Европе стать ЕВРОПОЙ — госпожой мира, продолжавшей свое доминационное движение, устраивая как в своей европейской среде, так и по всему миру войно-революционные разборки.

Россия — не только бескрайняя лакомая «поляна» для жад-

ного европейского могущества, это еще и невидимая и ненавидимая Европой… преграда, причем преграда по бытийному смыслу своему альтернативная, стоящая скалой на пути империального европеизма (а теперь вот и евроамериканского глобализма).

Карл XII, Бонапарт, османны, крымские англо-французы, японцы — все они ничего не смогли сделать с Россией: последняя, переживая всякие недуги, встряски и несуразицы, шла-таки вперед, не думая ни сдаваться Европе, ни исчезать из мира. Она даже РЕВОЛЮЦИИ долго сопротивлялась, несмотря на революционно-герценовские прокламации, негативистские причитания русских-де «писателев», включая и великих (не будем тут по именам), бомбометания бешеных террористов, экзальтированные кружки. Паневропейская, она же и мировая, Война 1914 г., в которую удалось-таки втянуть Россию, не решила задачи ликвидации России, но… о, чудо!.. подготовила-таки сброс России в РЕВОЛЮЦИЮ (заметим, не так российскую, как европейскую). Замутившись немало сама, Россия таки поддалась на подлую провокацию со стороны предостаточно уже взбесившегося пнетарного мира, прежде всего, конечно, европейского, и… пошло-поехало!

Первым в России на РЕВОЛЮЦИЮ 1917 г. «клюнул» сам российский самодержец, он же любящий муж и примерный семьянин, по совместительству еще и главнокомандующий огромной армией, человек религиозный, совестливый и мнительный, ни в себе, ни в России, ни в войне, ни в той же революции, никак не бывший уверенным, в общем — этакий генополитический простак; вторым в революционные сети попался недальновидный политический фигляр Керенский, которому, правда, хватило ума, интуиции и слабоволия незамедлительно выскользнуть (может, и не по своей инициативе) из завлекательных революционных сетей; третьим стал ничем не выразительный, кроме разве холеричности натуры, рыжевато-лысоватый человек с невыразительным псевдонимом Ленин, который и взял на себя все бремя российской революции, которая, заметим, и не была или не сталась собственно революцией, а оказалась более всего очередной российской СМУТОЙ, обильно подбодренной на этот раз, как какой-нибудь огонек

в печке, не просто корыстно-враждебной заграницей, а самой что ни на есть великой заграничной смутой — МИРОВОЙ СМУТОЙ!

И вот некий вроде бы русский человек по странному прозванию Ленин, не так породивший сей хаос, как в него с головой погрузившийся и немало его приумноживший, принялся сей хаос преодолевать, причем преодолевать… революционно (вот откуда и от чего пошла собственно революция — от и из-за воцарившегося в стране хаоса), — и стал Ленин это дело делать, построяя (в голове по преимуществу) не так новую Россию и даже не новую на месте России анти-Россию, хотя это тоже имело свое положенное место, как новую для всего замутившегося и запутавшегося мира-человечества социо-хозяйственную реальность, вдохновляясь не чьим-то практическим примером, которого, разумеется, не было, а всего лишь своею голой верою в спасительную-де возможность-де осчастливить-де мир-человечество через построение на Земле придуманного европейским беспокойным и в чем-то нелепым «прогрессивным» умом некоего заменителя Царства Божиего — СОЦИАЛИЗМА!

В связи с этой-то попыткой Ленина и его соратников (не без идейных противников и даже личных врагов) смута российская и стала представляться, мало того что революцией, но еще и революцией социалистической, хотя на деле все было и сталось, конечно же, совсем иначе: Ленин вдруг ушел из жизни в самый разгар своего революционного «творения», запертый в оздоровительных-де Горках; затем шаг за шагом ушли «верные ленинцы» (точнее бы сказать, их — «верных ленинцев» — оперативно и старательно «ушли»); потом разнеслись по сторонам и исчезли с глаз долой «мировые перманентные революционеры» — троцкисты; затем настала пора раствориться (или попросту разбежаться) «интернационалистам-коминтерновцам»; а на месте причудливого утопического марксово-ленинского социализма возник непричудливо-реалистический… сталинизм, по сути своей никакой не социалистический, хоть и внешне прикрытый весьма незамысловатой — по-сталински — «социалистической» идейно-лозунговой вуалью.

Выверт России в сторону РЕВОЛЮЦИИ, СМУТЫ, ХАОСА обернулся через некоторое время — в момент уже выворачивания вывернутого, то бишь, обретения нового жизнеотправительного порядка (или же контрреволюции, антисмуты, антихаоса) — не чем иным, как армейско-византийско-ордынского образца сталинским тотальным этатизмом.

Это было апокалиптического разряда жесткое спасение от разыгравшегося миро-российского апокалипсиса, причем свершившееся прямо в гуще сего безумного апокалипсиса, — и ничто другое!

Так случилось (вышло) в России и в целом мире действительно кое-что новенькое — новое гуманитарное устройство человечества (новый способ бытия, способ хозяйства, способ производства, новая цивилизация, новая формация — что там еще!).

Явление в России и в мире сталинизма в конструкции СССР, а затем и международного соцлагеря, можно более или менее адекватно понять, если принять во внимание, во-первых, весь миромасштабный, а не только российский, бытийно-исторический ландшафт, давно уже взбаламученный и переворачиваемый вздыбившейся в неимоверных разрушительно-переделочно-созидательных амбициях христианско-антихристианской, ставшей в один прекрасный момент ренессансной, Европой; во-вторых, сонм взаимосвязанных бытийно-исторических деяний, событий и попросту происшествий, в генетической, экзистенциальной и функциональной связке с которыми как раз и возымели место Российская революция 1917 г. и последовавшее за ней воцарение сталинизма в 1930-е гг. с его временным победным самоутверждением и чуть ли не внезапным итоговым самопоражением, а именно, таких бытийно-исторических свершений, как сонм европейских либерально-демократических-де, а по сути-то экономических (буржуазных, капиталистических, «финикийских») революций и, разумеется, диктатур; колониальные европейские захваты, включая и западно-европейский «Натиск на Восток», то бишь на Россию; петровская европеизация России — судорожная,

насильственная, непоследовательная, весьма и «топорная», породившая вовсе не дружественное противостояние внутри России не чего-нибудь, а России и Европы, что лишь усилило давнее и обремененное тягой к той же революции противоборство России и анти-России; паневропейская, во мгновение ока ставшая мировой, межимпериалистическая война 1914—1918 гг., со втянутой в нее Россией, а войны такого рода — наилучшие катализаторы социально-политических потрясений и тех же революций, после которых идут, если стране повезет остаться в живых, стабилизации, реставрации, обновления, перевороты, никак не исключающие и появления диктаторских режимов вроде того же сталинского.

Но есть и другого рода факторы-процессы, обусловившие подготовку и свершение нововременских (ренессансных) революций, как и сыгравшие свою судьбоносную роль и в российских революционных событиях 1917 г. и последовавших за ними политико-социально-хозяйственных пертурбациях, завершившихся восшествием кремнистого сталинизма и образованием как бы совсем уж невозможного в реальности (неестественного, фантастического, утопического) СССР, — и прежде всего тут надо указать на рожденную ренессансной Европой новомировскую идеологию (сначала более антипапскую, антицерковную, антикатолическую, а затем и внерелигийную, атеистическую, светскую, вполне уже и антихристианскую — антихристову), согласно которой в центр мироздания был помещен человек, причем человек… свободный, предназначенный к строительству своего мироздания — гуманного, либерального. демократического, ну и, разумеется, экономического (денежно-капитало-конкурентного), для чего потребовалось создать не просто революционную идеологию всеобщего обновления, но и идеологию РЕВОЛЮЦИИ — как средства достижения ренессансного, а затем и просвещенческого европеизма; сия новоевропейская идеология не могла не привлечь внимания проевропейской части российского интеллектуализма и не быть ею охотно съеденной, разумеется, без добротной способности к идейному пищеварению, потому и не заметив в сей заваренной

для внешнего потребления европище вместе с революционной наживкой — как проевропейской (либерально-экономической), так и антиевропейской (социально-хозяйственной); идеология, о которой речь, не просто учение, концепция или даже программа, хотя это и так, а возможность сильнейшего синкретического воздействия на сознание человека с участием, заметим особо, литературы и искусства, результатом чего и стал новый человек — как послушный обыватель (электорат), так и непокорный революционер (вплоть до террориста-смертника); российский интеллектуализм, включая многую литературу и немалое искусство, припоминая опыт проевропейской и антироссийской Великой смуты, восхищаясь столь же проевропейскими и антироссийскими деяниями Петра I и памятуя о как бы коренной русской бунтарности в духе Емельки Пугачева, поставил на необходимую-де России проевропейскую и антироссийскую революцию, выжидая подходящего момента и всячески способствуя его приходу; и вот однажды, аккурат в роковой 1917 г., Россию наконец-то прорвало — заурчала долгожданная смута и «гавкнула» внезапно революция — эта незаконнорожденная дочка своей гулящей по миру интернациональной матушки — РЕВОЛЮЦИИ!

Полуевропеизированное русское сознание вкупе с таким же бессознанием неустанно жаждало революции (пусть и под предлогом обретения свободы и под видом свежих перемен), но ничего иного, как ушедшую-де вперед Европу она для себя не видела, хотя часть радикальных полуевропейцев зачем-то воспламенились идеями антиевропейского социализма (в марксистской главным образом упаковке).

Да, низвержение замшелого царизма и отвержение всей накопленной «гнилой рухляди» в России объяснить как-то можно, хотя глуповато и очень уж расходно все сталось, но что поделать, ежели Россию, как известно, ни понять, ни обобщенно измерить, ни уж тем более образумить. Но как объяснить сначала явление Ленина с его прямо-таки безумной, если не дурацкой, «пролетарской социалистической революцией», а потом и явление Сталина с его вовсе не пролетарской и не социалистической, но зато вполне

разумной тотально этатической диктатурой?

Какую еще революцию в тогдашней России мог делать Ленин, кроме той, которую он реально начал делать, ежели Ленин — противник жалкой Европы и ненавистник корневой России? Верно, только не проевропейскую и не пророссийскую! Тогда какую же? Как раз ту самую — миро-социалистическую, обоснованную-де лучшими европейскими умами при интеллектуальном лидерстве — уже ставшего культовой звездой РЕВОЛЮЦИИ — Карла Маркса! Ленинское заблуждение? Да… но кто тогда, господа, не заблуждался, а-а? Это во время-то устойчивого и, казалось, неразрешимого кризиса Европы, ее общего ЗАКАТА, нововременского АПОКАЛИПСИСА, как и пресловутой исторово-концептуальной порочности исторической России, не способной-де к саморазвитию и процветанию на основе и в рамках ни своей собственной, ни заимствованной у Европы парадигмы. Ленина бросило не просто в революционную неизвестность, а в невозможную в принципе для здравого ума неизвестность: тут было отчаяние не одного Ленина, не одних революционных интеллектуалов, а, знаете ли, всего тогдашнего бытия-истории, вполне и слишком уже… человеческого!

Какой же человеческий выход искал революционный Ленин из нечеловеческой ситуации полного краха, невообразимого хаоса, разверзшейся апокалиптики?

Он сделал ставку вслед за Марксом на трудящихся, на трудовые, прежде всего пролетарские, массы, на тех, кто мог, как ему казалось, не только бунташно отвергнуть все заскорузлое старое — несправедливое, подлое, зверское, но и построить что-то воистину новое — справедливое, доброе, человеческое. Ленин приступил к исполнению давно им уже умственно выношенного «красного проекта» — КРАСНОГО ПРОЕКТА! — небывалого, манящего, великого.

А тут, понимаешь ли, всякая рутина, грязь, непонимание и неприятие, сопротивление, разбой и прочая антиреволюционная мерзость, а потому и единственно возможный ответ: насилие, тер-

рор, обильное кровопускание, одним словом — война! Озабоченный собственным со товарищи выживанием и остаточно здравым рассудком, Ленин догадался пойти на уступки текущей реальности, ослабив революционный террор и допустив так называемый нэп, но… вчистую проиграл и ушел, либо же внезапно ушел и… вчистую проиграл, так и не осуществив весело им в нави задуманного и почему-то в яви не исполнявшегося «красного проекта».

Невдомек было Ленину, а может, и вдомек, да не захотел он признать своего сокрушительного поражения, — и не в войне, которую успешно вели с самим же трудящимся людом, им любвеобильно ненавидимым, а в самой реальной жизни, вполне и человеческой, которой вовсе не нужен был никакой «научно-де» обоснованный «социалистический проект», — и ушел Ленин, и проиграл — разбитый, больной, чуть ли не сошедший с ума.

Безумную революционную эстафету подхватил Сталин, который понял главное — или квазиармейский тоталитарный госрежим в социалистической упаковке, или всему «красному проекту» вместе с его адептами неизбежный конец. Так что Сталин начал с конца — наметившегося конца «красного проекта», и принялся спасать безнадежную постреволюционную ситуацию посредством отказа от всего утопического (гуманистического-де!) и немедленного перехода ко всему реалистическому — вплоть до кое-какой реставрации проклятого прошлого. Так зародился, а потом был исполнен сталинский «красноармейский» проект, к которому ни собственно «красный», ни буквально «армейский» не имели никакого, кроме бутафорско-метафорического, отношения.

Тут важно учесть влияние на сталинские решения не только тогдашней нервозной ситуации в разоренной, полуразрушенной, сбитой с толку стране, не только неприятия реальностью революционных начинаний, не только сопротивления российского, да и не только российского, человечества невероятному для нормального бытия «красному проекту», не только заблаговременного поражения ленинизма с марксизмом в сталинском сознании, но и общей обстановки в мире, прежде всего в Европе, как и в той же Японии, не просто объятой, несмотря на прошедшую мировую

войну, неразрешившимся апокалиптическим кризисом, но и чреватой новой большой войной, как и учесть круговую враждебность внешнего мира к новой России, в которой исполнялся-де какой-то явно антицивилизационный-де проект и которая при этом отказалась оплачивать экономические долги своей предшественницы — Российской империи.

Сталин немало заплатил-таки «прогрессивной загранице», вывозя природные богатства, золото и всякие сокровища за кордон, даже привлек ненасытных западных промышленников к своей индустриализации, как и вошел в контакт с антироссийскими партнерами-противниками, играя на противоречиях между ними и их непонимании феномена крипто-Сталина, но «арми-строй» свой Сталин все-таки построил, хотя и получил его легитимацию только по победным итогам в новой мировой войне, ставшей для России-СССР и войной отечественной.

При всей своей функциональной реалистичности и даже известной (взрывной) эффективности сталинизм страдал все-таки серьезной и неизлечимой коренной порочностью — неэкзистенциальностью (да простит читатель использование тут сего претенциозного словечка), а попросту говоря, нежизнеспособностью, что и подтвердилось спустя полвека его — этого строя — бытия-истории (четверти века подъема и процветания, и четверти века стагнации и прозябания). Сталин начал с унаследованного им эсхатологического конца в критические постреволюционные 1920-е гг. и закончил, пусть и через сороковку лет после своей физической кончины, собственным эсхатологическим концом: от конца одного проекта до конца другого проекта (через шесть-семь-восемь десятков лет).

* * *

Невообразимая как вообще возможная реальность, Российская революция 1917 г. отозвалась через семь-восемь десятков лет не в одном только быстро одряхлевшем и ставшем вдруг не нужным сталинизме, ее — этой Революции — вполне реального дитяти, пусть и поначалу жесткого, непреклонного, даже и злого, но никак уж не распущенного, не капризного, не никчемного,

сия Революция отозвалась и в последовавшей за внезапным уходом остаточного сталинизма новой, согласно территориальной принадлежности российской революции, как и одномоментно контрреволюции — относительно ленинско-сталинской революции 1917 и последовавших за сим событием годов. Именно так: не будь октябрьского переворота 1917 г. и явления сталинского социализма, не было бы и никакой реваншистской и даже возмездной революции 1990-х.

Однако 1990-е гг. — не 1910-е и 1920-е гг. Новая революция, будучи совершенно буржуазной, прозападной, глобалической и по сути совершенно антироссийской, неожиданно оказалась противу себе самой и революцией… э-э… пророссийской, открыв возможность нового самосознания и самоопределения именно России, ибо, побыв в бесцеремонных имперских объятиях глобалического Запада, Россия, сама имперская страна, каким-то чудом переориентировала гибридную революцию 1990-х на себя, на Россию, что стало более или менее ясно уже к середине 2010-х гг.

И тут является вполне любопытный и вполне каверзный вопрос: а имеет ли весьма антироссийская по сути своей Российская революция 1917 г. какое-нибудь позитивное отношение к сему чудесному развороту к России самого великого революционного антироссийского движения? Имеет, надо полагать, но… через отрицание самой себя и своих непосредственных следствий, ибо, вызвав к «жизни» сталинизм, уже немало и сам ее отрицавший, она невольно открыла возможность самосохранения, пусть и подспудного, России — как субстанции и даже как организма, пусть и ужатых и зажатых сталинизмом, но все-таки работавших, обеспечивая фактически все сталинские победы, включая и выход страны в космос.

Россия — принужденная «рабочая лошадь» сталинизма, а сталинизм — ее — этой «лошади» — диктатурное «погоняло», на тот момент, по-видимому, и немало необходимое. Роковая ошибка Сталина-победителя и не столь уже победительных сталинских «орлов»-последышей состояла в представлении,

что побежденную большевизмом Россию можно было эксплуатировать и эксплуатировать, присваивая себе ее — России — победы и достижения и не очень-то идя самой по себе России навстречу.

Нравится это кому-то или нет, но на рубеже 1980—1990-х произошел, пусть и нерешительно, непоследовательно и весьма коряво, бунт России против поработившего ее и нещадно эксплуатировавшего сталинизма, который возник в свое время вовсе не по желанию и не в угоду России, но был вынужден все-таки обратиться, причем не так к населению, которое он презирал, а именно к России — как к мистической субстанции и как все еще живому метафизическому организму. Однако пришел срок сбросить с тела и души России чуждый ее узурпаторский строй, даже к ней вроде бы приспособившийся, а по-другому ведь и быть не могло — аз возмездие!

Сталинизм, пусть и в «советско-социалистической», даже и в поздней гуманизированной одежке, не был в стране-территории, называемой до сих пор Россией, как и в народе-населении, называющим себя до сих пор русским и российским, всамделишно укорененным, своим, родным, а был лишь временно признававшимся за своего неизвестно откуда взявшимся чужаком, чего ведь не скажешь о столь презиравшейся большой революционной ратью, если не сбродом, России, которая, пусть и неловкая, и чудная, даже несуразная, была как раз корневой, своей, родной — вот почему и совершившей негромкую антисталинскую революцию, инициативу у которой быстро перехватила бестиарная, корыстная, присвоенческая, вполне и супер-бандитская революция 1990-х, но, о-о чудо! все-таки не вполне и не навсегда, отчего 2000-е гг. многое вдруг изменили: бытийно оправданная и исторически узаконенная Россия вышла-таки себе навстречу, ведомая пророссийской или же всего лишь достаточно пророссийской властью, развернув, опять же негромко, крикливую антироссийскую революцию 1990-х в российскую сторону — чуть ли даже не революционно, — разумеется, криптогенно!

* * *

Итак, кое-какие итоговые заключения.

1. Российская революция 1917 г. — эпохальное событие, вполне сравнимое с Великой Французской революцией, если ее не превзошедшее по своему историческому значению, хотя, надо полагать, уступающее в том же аспекте Великой европейской (ренессансной) революции.

2. Такого рода революция, несмотря на ее длительную сознательную подготовку и влияние на ее свершение сонма неодолимых, объективных и неотвратимых субъективных обстоятельств, включая и какие-то текущие предреволюционные деяния, события и происшествия, вольно или невольно катализирующие свершение революции, случается более всего как бы и не как бы сама собою — как следствие непереносимого более бытием-историей напряжения его внутренних (эзотерических) энергий и сил, их отрицательного для бытия-истории сгущения в каком-то охваченном усилившейся апокалиптикой месте (точке) и неотвратимого эсхатологического взрыва в сем месте (точке) протекающего, хотя на мгновение и в ужасе оторопело замирающего, бытия-истории.

3. Не бытийно-историческая, тем более — поверхностная, фактология тут в приоритете, хотя она и важна для восприятия и ближайшего понимания самого факта революции, а скрытая энерго-силовая динамика удаленной от внешнего наблюдателя бытийно-исторической криптосферы (иными словами: не отчетливый физис бытия-истории с отражающей его четкой физикой тут в авторитете, а глухой метафизис с совсем и не очень-то ясной метафизикой).

4. Такого рода грандиозные события, хоть и обязаны своим свершением разным уловимым рациональной гносеологией объективным и субъективным обстоятельствам, даже и явным причинам, но в своей главной онтологической мотивации они не доступны для человеческого рацио, оказываясь итогом действия необъяснимой до конца вне-человеческой воли, вполне и трансцендентной (не хотели, а случилось; хотели, а не выходит; хотели

одного, а вышло совсем другое; не хотели ничего, а получили катастрофу; хотели свободы, а вышла… диктатура).

5. Вот почему любая большая революция творится прежде всего САМА.

6. Российская революция 1917 г. — выворотное и вполне целостное апокалиптическое потрясение не одной лишь самой по себе России, а и всего человечества вообще — со всеми его явными и неявными атрибутами.

7. Выходит, что не только Россию не понять умом и рационально не измерить, но и все человечество тоже, как и самого по себе человека, ибо как человеку себя понять, ежели можно сравнивать себя лишь с обезьяной, которая в таком сравнении вовсе не нуждается, а сравнивать себя с Богом, который тоже в подобном сравнении не нуждается, хоть и можно, но что это дает рациональному дознавателю в аспекте себя понимания, кроме уничижительного… — ничто? так что приходится человеку вообще, а не только русскому человеку, жить-поживать в исходном для себя недоумении, — только вот неотмирный русский давно сросся с таковым, а вот европеец, всё рационально трактующий, никак признать не хочет сего фундаментального недоумения, никак не хочет; европеец ведь так до сих пор и не понял, почему он вдруг стал антихристовым гуманистом, но при этом еще и антихристом-революционером.

8. Революция 1917 г. свершилась в России, и Россия была немало виновата в свершении сего события, но в силу своей проевропейскости и антироссийскости, как и внероссийскости, сия революция не была органичной России, от чего правильнее было бы говорить о Революции 1917 г. в России, а не о Российской революции 1917 г.

9. И незаконно рожденный незаконной революцией сталинизм хоть, возможно, и был, как говорится, в чем-то конгениален России, но он не был ей органичен, как и сама породившая сталинизм Революция 1917 г., отчего, выполнив свою историческую миссию, более всего вынужденную, сталинизм не мог долго продолжаться в России, его с себя в какой-то момент и сбросившей.

10. Историческая миссия сталинизма и, соответственно, не помышлявшей о нём, но его чудесным образом предрасположившей Революции 1917 г. состояла, надо полагать, в следующем: во-первых, невольно доказать, что никакой сверхчеловеческий, наднациональный и внеэтнический, хоть по началу де и пролетарский, и международный, и многоклассовый социализм, тем более общинный, безгосударственный, внесемейный, безродный и т. д., ни экзистенциально, ни функционально, ни смыслово (эзотерически) невозможен; во-вторых, невольно доказать, что без собственно России ни сталинизму, ни миру, ни, тем более, самой России… попросту никуда; в-третьих, вопреки себе и своему социализму доказать, что Россия — сакральное, субстанциальное, бессмертное нечто, вполне в аспекте окружающей реальности иномирное, несущее в себе свою собственную программу и реализующее какой-то иномирный самой России вполне ей самой и не известный проект, отчего любые атаки на Россию, русскость и русский мир не только бессмысленны, тщетны, но и роковым образом вредны для самих же атакующих; в-четвертых, ускоренно, хотя и беспощадно и жертвенно, индустриализовать страну, создать в ней ренессансно-просвещенческую цивилизацию, кое в чем даже опередившую ее передовой европейский аналог; в-пятых, не только укоренить и защитить страну, но и разгромить совместно со стратегически гибкими партнерами-союзниками агрессивный европейский фашизм, освободить Европу от коварного для нее антиевропейского проекта (римско-имперского, интегративного, тоталитарного), вывести СССР-Россию в разряд трех-пяти великих мировых держав — вершителей судеб мира; в-шестых, создать спасительное для страны и мира ядерное оружие, вырваться в космос; в-седьмых, невольно доказать не только нереалистичность последовательного социализма, но и напрасность попытки реализации мирового «красного проекта» на основе и в рамках «братского и бескорыстного единения» на планете всех «покрасневших» от соответствующих «красных» переворотов и революций народов (от невозможности «коминтерна» до тщетно-

сти «международной соцсистемы» и «международного соцдвижения»); в-восьмых, доказать на собственном примере, что ни тотальное насилие, ни безграничные репрессии, ни всеохватный сверху контроль, ни оперативная вольница государственных спецслужб, ни монолитность единой партийной властной системы, ни моноидеологическое доминирование, ни целевая рамочная обработка гражданского сознания, ни квазиармейская организация бытия, обыденности, хозяйства, ни всеобщее повиновение и жестокая дисциплина, ни тотальная плановость, ни отсутствие экономической свободы, ни замена реальных денег их учетно-распределительным суррогатом, в общем — никакой силовой тоталитаризм, пусть и оправдываемый высоким гуманизмом и обыденным социализмом, не может быть органичным человеку и человечеству, как и стать орудием обретения Царства Божиего на Земле; в-девятых, что весьма и весьма важно — указать на порочность не только повторения сего тяжкого, хоть местами и победного, опыта, но и вольного или невольного устремления освобождавшегося от сталинизма бытия и его новых устроителей к слишком уж прямой противоположности грозному молохообразному сталинизму, что как раз и было продемонстрировано сначала горбачевской «перестройкой», а затем ельцинским «реформированием», приведшими к исчезновению не просто СССР с его сталинизмом, а великого победоносного мира, вдруг попавшего под жуткую «крышу» коварного антимира и беспощадной преисподни с их аморализмом, беззаконием, анархией, алчностью, криминалом, грабительством, маргинализмом, ну и безупречно массовым предательством; в-десятых, что, заметим особо, не просто странно, но и категорически для многих нынешних «успешников» неприемлемо, а именно — обозначить неизбежность разворота послесталинской бытийно-исторической ситуации непосредственно к России — через посредство многоступенчатого припоминания Россией самой себя, возврата России к себе, но не к бывшей с ней когда-то в прошлом какой-либо конкретной феноменальности, а к русо-российской корневой субстанциальности,

к своей исконной метафизической парадигме, к своей экзистенциальной концептуальности, к своему трансисторическому проекту, разумеется, не через новое умозрительное проектирование, а посредством вольного движения России в свое же будущее, — и все это не без символического обращения россиян к образу бескорыстного деятельного вождя — Сталина — и к сакральной созидательной силе, воздвигнутого им победоносного державного могущества.

* * *

Далее: могла ли Россия избежать Революции в 1917 г. и случившихся далее пертурбаций, событий, деяний, жертв, как и сталинизма с его СССР, ну а потом и Судного перестроечного дня в адрес «советского социализма», СССР и остаточного сталинизма с последующим в 1990-е гг. погружением страны в античеловеческую и антимировскую бездну? Ближайший обсервационный ответ: и да, и нет, ибо, во-первых, тут явно «фифти-фифти», а во-вторых, убедительных аргументов тут хватит на любой из возможных ответов. А то, что никакого радушно-рационального ответа тут нет, важно для понимания того факта, что бытие-история творится, во-первых, так, как она творится, а во-вторых, творится явно по-своему, чего разумно-рациональному наблюдателю, оценщику и судии либо неизвестно, либо для понимания его недоступно.

Остается лишь метафизический ответ: именно так, как происходит, и должно происходить — по велению самого Бытия-Истории, которое вовсе не пассив и не только результат, а мощный актив, как и неистовый априор.

Нет, Бытие-История не готовило кулинарно ни российской революции, ни сталинизма, ни той же перестройки, но оно не прошло мимо (или без) всего этого — вот что важно! Не готовило сих роскошных блюд, но без них оно все-таки не обошлось! Тогда что же выходит, что всё в Бытии-Истории неизбежно, и человеку остается только это всё фатально принимать? Однако не все тут так уж просто: человек ведь тоже творит бытие-историю — хозяйствуя, трудясь, творя, управляя, рождая, убивая, созидая, разрушая,

воюя, уничтожая, спасая, оберегая, бедствуя, бездействуя, — да мало ли еще чего вершит и не вершит по жизни своей человек — это разумно-безумно-неразумное, как и сознательно-подсознательно-бессознательное существо. И ежели обратить свой взор на великих творцов (и дельцов, как и «недельцов» тоже) бытия-истории, то выявится особого рода «братание» между субъектом-вершителем и Бытием-Историей на то или иное волевое деяние или, наоборот, радикальное бездействие человека-вершителя, конечно же, моментное, сроковое или же долгое, почти что и бессрочное.

Не беря в пример слишком уж сакрализованного Христа, можно взять тех же Конфуция, Магомета, Лютера, как и тех же великих авантюристов вроде Македонского, Кортеса или Бонапарта, как и великих устроителей мира сего вроде Перикла, Цезаря, Петра I, и заметить, что Бытие-История явно считалось с их великими деяниями, хотя и по-разному и на разные сроки. Нечто подобное мы можем увидеть и в близком нам отечественном бытии-истории, находя самые разные примеры субъектного взаимодействия с ходом Бытия-Истории: бездеятельный и безуспешный (не)правитель Николай II, готовивший, не сознавая того, славное революционное блюдо, тот самый (не)деятель, которого (не) приняло Бытие-История в свете последовавших в России эсхатологических событий; волевой, решительный, успешный, но преданный серым окружным обывательством, включая и самого недальновидного и «боязливого» императора, реформатор-преобразователь Столыпин, субъект-одиночка, (не) вошедший в прочный, хотя и весьма заискрившийся, контакт с Бытием-Историей; бездеятельный, неумелый, пиарный неудачник Керенский, лишь скользнувший о «тело» Бытия-Истории, им и решительно отвергнутый; умный, бойкий, беспощадный Ленин — утопист-неудачник, но принятый Бытием-Историей на мгновение в виде острого булата к свершавшейся уже Революции и уже на немалый срок в виде революционного призрака-мифа; примерно такой же, может, менее умственно утопичный и более по характеру наивный Троцкий с яркой и печальной судьбой жертвенного неудачника; умный,

скрытый, коварный и беспощадный Сталин, волевой, упорный и… гибкий, хоть при этом и не вертлявый, одним словом — вождь, единственный, кого Бытие-История не так приняло, как на время кому… э-э… подчинилось… да-да, именно так, ибо ситуация была очень и очень крайняя, а времени на ее выпаривание и преодоление не было, отчего Сталину и удалось не просто предложить Бытию-Истории свой сталинизм, им, кстати, вовсе и не выдуманный, а и навязать его Бытию-Истории, а последнему на сталинизм вынужденно согласиться, правда, лишь на некоторое, хотя и значимое, время; хитроумный, ловкий, скользкий, неулавливаемый Горбачев — могильщик сталинизма, уже, правда, изношенного, чье деятельное бездействие как нельзя лучше подошло Бытию-Истории, хоть и не подошло в моральном плане «честному российскому люду»; наконец, но… не будем тут распространяться о действующем современнике-макиавеллисте, ибо хоть и многое уже налицо, но движение его личное и динамика его союза с Бытием-Историей еще вовсю продолжаются.

Из сказанного выходит, что кое-какое субъектно-субъективное влияние на бытие-историю не только возможно, но и вовсю или же не вовсю случается. Да, это так, но, заметим, по «хотению» все-таки Бытия-Истории, которое объемнее, гуще и весомее любого субъектно-субъективного хода человека, мало того, оно человеку в исходе, основе и по итогам совершенно ведь не известно. Иное дело, что человек может войти в резонанс с Бытием-Историей, причем как в плане свершения чего-то им — человеком — желаемого, так и в аспекте недопущения чего-то, человеком нежелаемого.

Так можно ли было предотвратить Российскую революцию 1917 г. и все за нею последовавшее, как и предотвратить ту же невнятную перестройку и последовавшую за ней катастрофу?

Нельзя! Нельзя, потому что Столыпина «ушли», а тот же Андропов… э-э… не успел сделать что-то такое, чтобы безоговорочно отвести ему роль возможного спасителя Отечества. Короче, не возник ни тогда, в преддверии Революции 1917 г., ни недавно,

в преддверии перестройки, тот самый субъективный фактор, способный повлиять в желаемом направлении на нежелательный ход Бытия-Истории.

В общем, можно на сие влиять, — и ведь влияют же, — но… лишь избранным фигурантам истории, только… избранным, да и то по каким-то великим исключительным случаям.

* * *

И последнее: о мистике Российской революции.

Да, феномен Российской (Русской) революции как некая извечная принадлежность Руси-России и в самом деле мистичен, — и не только потому, что не подлежит рациональному, тем более — научному-де объяснению, а более всего именно своей атрибуцией Руси-России, бытие-история которой никак не обходится без революционных, парареволюционных или хотя бы квазиреволюционных происшествий, являющихся непременным следствием каких-то глубинных («подземных») или же высших («занебесных») мотиваций, процессов и толчков, тех самых, что как раз и вызывают время от времени необъяснимые просто так экзистенциальные судороги всего русо-российского организма.

Неотмирность дорого обходится Руси-России при ее взаимодействии с земным миром: тут явный экзистенциальный конфликт, вовсе широким людом и не осознаваемый, — то замирающий, то, наоборот, внезапно разжигающийся: схожий хронический конфликт имеет место у Руси-России со своей стойкой и злотворной анти-положностью, — тоже то возгорающийся, то затихающий; а еще и не исчезает конфликт между миром людским и миром вполне себе нелюдским, как раз уже не миром, а *антимиром,* — тоже стойким и живучим — на евразийских-то просторах. Русь-Россия от всего этого сакрально конфликтного как бы в непрерывном, пусть на время и замедляющемся, чуть ли иной раз и не исчезающем, *становлении:* Русь-Россия время от времени как бы умирает и как бы заново рождается, то ли чего-то небывалого при этом ища, то ли от чего-то в ужасе отпрядывая. Устойчивый в своей

неустойчивости, животворящий, но при этом и весьма смертоносный, экзистенциальный котел-невидимка — вот что такое Русь-Россия, не находящая себе места, сидя на своем же месте, вовсе не стремясь превращать сие насиженное ею сакрализованное место в какое-то там Царство Божие на Земле!

Чего же хочет Россия? Кто же это знает, ежели сама Россия этого не знает, хотя, видно, чает Россия чего-то… ИНОГО — ИНОМИРНОГО, вовсе не этого и совсем не того, а вот чего же… э-эх… если б знать, если б знать!

Проект под кодовым названием «РОССИЯ» реализуется-таки Бытием-Историей, пусть и витиевато, дискретно, как и рисково, и жертвенно, но все-таки реализуется, — и в сегодняшний день — день 2017 года — реализуется в особенности, что подтверждается, конечно же, не разумом, не расчетом, не бесспорной выверкой, а всего лишь интуитивно, эзотерически, метафизически, даже и вслепую — *мистически:* а ежели все это не так, то зачем же тогда вся эта многовековая российская заваруха, а-а?

«Умом Россию не понять…
…В Россию можно только верить!»

Вот так!

Осипов Ю.М. Я — революция: сто лет Российской революции — 1917—2017 гг. М: ТЕИС. 2017.

КОМПРОМИСС, ИЛИ РАЗУМ ПРОТИВ БЕЗУМИЯ

«Худой мир лучше доброй ссоры» — гласит народная пословица. Факт, в особенности ежели мир не такой уж худой, а ссора еще только набирает обороты.

Политика — искусство возможного, хотя, скорее, искусство все-таки невозможного, отчего компромисс — как раз и есть высшая политика. Из всякой сложной ситуации можно выйти вполне достойно, не теряя ни своего достоинства, ни своего достояния. Не теряя и лица!

Компромисс — надежное средство выхода из безнадежных ситуа-

ций, восходящее к доброволию и обращенное к взаимной, если не всеобщей, выгоде.

Компромисс — наиумнейшее антикризисное деяние, знаменуемое торжеством Разума над Безумием! Тут важна воля, а еще важнее ум (или рассудок), причем ум, способный воспринимать не одни лишь текущие моменты и окружающие обстоятельства, а и скрытые, не бросающиеся в глаза и не бьющие в уши потребности бытия, истории, развернутого в пространстве времени и даже свернутой в невидимую точку вечности.

Компромисс — вынужденность, но обязанная четкому осознанию необходимости и неизбежности выхода на взаимное согласие, на меру, на самоограничения, даже и на ту или иную уступку: либо в разрешении острой проблемы, либо в приемлемом для разных сторон образе поведения, — а вовсе не какое-то там проявление дружбы, братства или вселенской любви. Компромисс — трезвый расчет, восходящий к предпочтению мира, сосуществования, невмешательства над напряжением, конфронтацией и войной.

Бытие, жизнь, существование человека не минуют, конечно, борьбы, как не минуют они и кооперации, сотрудничества, солидарности. И где-то в гуще всего этого обязательно дают о себе знать компромиссы, иной раз и не слишком субъективно осознанные. Без компромиссов в общем-то никуда!

Компромисс — всегда согласие с кем-то и на что-то, но согласие, как правило, со взаимными уступками. И эти-то уступки — самое важное, весомое и… болезненное в компромиссе. Какие-такие уступки, до каких пределов и каких пор, с какими последствиями для участвующих в нем сторон?

Компромиссов всяких — великое множество: можно даже соорудить обширную их типологию, но, оставив сию каторжную работу на долю подневольных диссертантов, обратим внимание на большие социохозяйственные компромиссы, нередко даже и не осознаваемые вполне ни обществом, ни даже экспертами, а просто как-то сами по себе сложившиеся и реализующиеся.

Заметим, что любое сколько-нибудь устойчивое цивилизованное общество держится обычно за счет либо сознательно внедренных, либо стихийно возникших компромиссов: между властью (управляющей структурой) и подвластным (управляемым) населением; между государством и гражданами страны, включая, к примеру, тех же налогоплательщиков; между национальным экономическим центром и бизнесом;

между национальным административным центром и управляемой им, а то и весьма самоуправляющейся, периферией и т. д.

Такого рода компромиссы не избегают ни колебаний, ни неравновесий, ни нарушений, ни даже конфликтов и кризисов, как и тех или иных качественных перемен, то бишь все они так или иначе динамичны и изменчивы, что как раз и гарантирует им жизнеспособие — до момента какой-нибудь явно несуразной, но зато очень бойкой «цветной революции».

Примером крупного международного компромисса, вполне и миромасштабного, может послужить взаимообусловленное поведение СССР, США и Великобритании в победном 1945 г., предотвратившее сразу же после поражения Германии военное столкновение между уже расходившимися по сторонам союзниками по антигитлеровской коалиции, а также обеспечившее на некоторое историческое время относительно устойчивый на фундаментальном уровне международный порядок, пусть и дополнившийся большой холодной войной и рядом горячих войн, но все-таки не приведшее к апокалиптической ядерной катастрофе. Уместно также вспомнить послевоенный компромисс в Корее с ее разделением на две зоны — Северную и Южную, и тот же компромисс между СССР и США, закрывший Карибский кризис и предотвративший третью, уже очень горячую, мировую войну с применением все того же термояда. Как ни странно, но и сама холодная война, ведущаяся поверх ядерных запасов, тоже ведь была своеобразным компромиссом, не допускавшим ядерного конфликта. Кое-какой компромиссный мотив можно заметить не только в мирном — без гражданской войны — роспуске СССР, но и в сопровождавшей переворот 1991 г. международной поведенческой алгоритмике, хотя и с явным бенефициарным перекосом в пользу Запада и США, но все-таки с сохранением России, ее формального суверенитета и фактической целостности, пусть и не без охранительной роли российского ядерного щита. Попыткой международного компромисса, опять же с выгодой для Запада и США, стало и расширение G7 до G8 с приглашением в сию амбициозную компанию, пусть и не на первые роли, все той же России. Совсем не исключено, что повышение цен на нефть и газ в 2000-е гг. стало результатом кое-какого неафишируемого компромиссного соглашения между российским правящим верхом и глобальным финансовым центром, добивавшимся зависимой лояльности России относительно Запада — вплоть до абсорбирования ее в Западный мир, конечно же, в качестве ресурсного придатка и полуколониального источника

реального дохода.

Новейшей попыткой прибегнуть к компромиссу, хотя пока и неуспешной, вследствие патологической недоговороспособности нынешних украинских властей, является межстрановое соглашение по острейшей проблеме Донбасса, достигнутое в Минске. А вот примером довольно-таки удачного новейшего межстранового компромисса, хотя и проблематичного в плане его временно́й незыблемости, стало возвращение к партнерским отношениям России и Турции после громкого инцидента со сбитым турецкими ВВС российского боевого самолета в Сирии.

Компромисс — вещь сама по себе хорошая, но всегда или почти всегда нелегко, если не попросту тяжко, достижимая. Это надо иметь в виду, рассуждая о компромиссах, их полезности и необходимости. Ясно бывает, как нужен тот или иной компромисс, а вот реализовать его бывает сплошь и рядом практически невозможно. Однако потребность в компромиссах никуда не девается, как не исчезает и экзистенциальное стремление человечества к жизни и ее нормам, которые все-таки предпочтительнее нормативов хаоса и смерти.

Мечтать сегодня о большом всепланетарном компромиссе между всеми мировыми геостратегическими игроками — верх наивности, хотя кое о чем все-таки помечтать можно, к примеру, о том же долларовом или же ином валютном компромиссе, предполагающем международный контроль за количественной и ценностной динамикой доллара или какой-то еще общепризнанной мировой валюты, хотя бы ради выхода из чреватого общемировой катастрофой острейшего кризиса давно уже зарвавшегося доллара и соответственно всей мировой валютной сферы (о международной валютной системе сегодня говорить уже не приходится — слишком много тут грубого волюнтаризма и страстно возделанной мировыми банкирами стихии, если не откровенного с их стороны безумства).

Пойдя на беспрецедентное и формально бескомпромиссное, т. е. без всяких сопутствующих условий и встречных уступок, саморазрушение СССР и международного соцлагеря вкупе с Варшавским договором, на самосжатие СССР до наследной ему Российской Федерации и на уход последней из заграничных зон и пунктов присутствия и влияния бывшего СССР, тогдашнее перестроечное-де руководство СССР-РФ рассчитывало — то ли по наивности, замешанной на глупости, то ли из корневой ненависти к советскому социализму и СССР, то ли попросту по мотивам

неумирающего предательства (Иудин комплекс!) — на серьезный и долговременный компромисс с Западом, включая США, Европу, ту же Японию, ожидая равноуважительных партнерских отношений, роспуска НАТО и что-то вроде «плана Маршалла» для России, как бы и бескорыстного.

На такой компромисс Запад, конечно, не пошел, хотя и кое-какие субкомпромиссные, или паракомпромиссные, деяния и поведения по отношению к России, как это было уже выше отмечено, возымели место.

Большой геостратегический компромисс между Россией и Западом так и не состоялся, хотя кое-кто в России и даже на Западе на что-то этакое и надеялся. Россия не только не стала органической частью Запада, а, испытав все прелести погружения в западную глобализацию и поглощения себя заокеанским глобализмом (читай — империализмом), рассталась с идеей подобного компромисса и перешла на путь определенно суверенного бытия, возвращая себе шаг за шагом утерянный было навсегда статус великой державы, а также предлагая Западу и всем его главным игрокам уже другой — не дружественный и не любовный, а вполне прагматический межми́ровый компромисс, — и это несмотря на развязанную против непокорной и уже не прозападной России так навязываемую гибридную, то бишь разнообразную и чуть ли не калейдоскопическую, во многом и скрытую, войну.

Что ж, коварный гибридный вызов был принят Россией, но она не бросилась, сломя голову, в сию лукавую войну, заняв не так даже оборонительную, как особого рода напряженно-выжидательную позицию, дающую России преимущество не столько активными противодействиями, сколько уверенным в своей правоте стоянием (вроде стояния русского войска Ивана III на р. Угре против ордынцев), что более всего и занервировало как многоликих «натовских» партнеров, ставших вдруг ее заядлыми противниками, каковыми, впрочем, всегда и были, так и новейших «врагов» России, вроде Украины, Прибалтики и, увы, той же Польши, побывавших ранее в лоне или же «под пятой» России — от Российской империи до СССР с его соцлагерем, а теперь, укрывшись или пытаясь укрыться под зонтиками ЕС и НАТО, превратившихся прямо-таки в экзистофобов России, ее весьма и откровенных ненавистников.

Приняв гибридно-войно́вский вызов, ему невольно, но уверенно противостоя, Россия, немало поддерживаемая своими прагматичными сопутниками по стратегическому БРИКС, выступает за прекращение сей «странной войны», надеясь на возможность компромиссного разрешения

возникших в мире глобальных противоречий.

Отметим в связи с этим два возможных стратегических ожидания.

Первое относится, конечно, к планетарному масштабу, к возможности всему миру и прежде всего Западу во главе с США осознать уже идущую в мире большую планетарную перемену, делающую невозможными ни продолжение субъектно-империального доминирования Запада с центром в США над планетой, ни продолжение идейно-культурной вестернизации мира, уже достаточно зараженной антимировским и античеловеческим ферментом.

Либо тотальная война Запада со всем остальным миром, которая не может не стать для человечества погребальным Армагеддоном, либо все-таки общепланетарный компромисс на основе бытийно-исторического разнообразия человечества, его пространственной партикуляризации и геополитической многоцентровости.

Задача невероятная, но иного жизнеутверждающего выхода у человечества нет, к тому же события в США в связи с избранием нового президента страны, как и само появление на посту президента «стороннего», если уже не «иного», человека в облике Д. Трампа, дают шанс на возможность движения мира к какому-то новому, вполне и компромиссному, существованию, а в его рамках и новому, тоже вполне компромиссному, сосуществованию России и Запада, а может, уже и не единого Запада, а лишь его отдельных геополитических игроков, относящихся, или пока еще относящихся, к западному миру, прежде всего, конечно, в виде США, Великобритании, Японии, а также Европы с ее заметавшимися после южно-мусульманского нашествия и альбионского брексита, «интегрированными членами».

И вот тут не может не заявить о себе второе большое ожидание, относящееся уже непосредственно к Большой Европе — от Атлантики до Урала и далее аж до Тихого океана — надежда на пан-европейский компромисс.

Многовековое грандевропейское бытие-история прямо-таки вопиет за возможность сего геостртатегического компромисса: древняя античность, христианизм, два Рима с мифотворным третьим, многовековое культурное и цивилизационное взаимодействие, экономическая совместность, ну и, разумеется, войны, войны и войны, что еще надо для того, чтобы осознать простую в общем-то истину — необходимость тотального пан-европейского компромисса!

А начать тут придется с осознания одной «нехорошей» для Европы

вещи (от вести): необходимости, да уже и неизбежности, прекращения алчно-имперского движения европейского Запада на Восток Европы, тем более через посредство центрально-, средне- или же межевропейских стран-«подвижниц».

Только с концом всяких попыток «Дранг нах Остен» («Натиска на Восток») возможно достижение действительного и устойчивого общеевропейского компромисса (пора уже Западу понять, что ЕС и НАТО нечего делать ни в Прибалтике, ни на Украине, ни в Грузии, ни, не дай Бог, в Белоруссии, как нечего было им делать в том же, еще находившемся в составе Украины, Крыму, как нечего делать американским кораблям в том же Черном море) — вот что надо хорошенько уразуметь нашим славным «европейцам» — что внешним, что внутренним, как и столь же хорошенько подумать над «услугами» Польши, Румынии, Болгарии и иных «добровольцев» в реализации контроля над Россией и возможности ведения против России «последней и решающей» — было это уже, было, неужели не ясно, что «русский медведь» никому не отдаст ни своей «тайги», ни даже дальних подступов к ней.

С наваждением, посетившим и накрывшим Запад в 1990-е гг., что Россия настолько ослабла, что ее как бы уже и нет, а ежели и есть, то лишь по милости великолепной и могучей «семерки», как и той же Западной Европы (Сербию-то, покоренную НАТО и все той же Западной Европой, Россия ведь не защитила, так почему же не двинуться Европе вновь на европейский Восток, а-а?), так вот с этим-то наваждением пора кончать, а за сим кончать и с «Дранг нах Остен», как, впрочем, и вообще с империальным расширением ЕС и НАТО куда бы то ни было.

Европейской войны с Востоком Европы, то бишь с Россией, вроде бы сейчас нет, а вот поход-то восточный все равно продолжается, в особенности после исторически жалких, вполне и пирровых, «побед» на «юге» — над Югославией, над Сербией, над той же Ливией. Ах, соблазн, соблазн! — и разве не понятно, что здесь западня, даже и не военная, а, скажем так, институциональная, как раз та самая, в которую совсем недавно попал из великих мира сего… СССР, потерпев от самого же себя великое институциональное поражение — легко и позорно развалившись; западня, в которой сидит уже ныне глобалическая Америка с острейшим внутренним и внешним институциональным кризисом, чуть ли не предкатастрофным; западня, в которую, путаясь в самом себе, угодил уже и ЕС, переживающий то ли свой институциональный кризис, то ли ползучую, но неумолимо ускоряющуюся суицидную катастрофу.

Только пан-европейский компромисс, господа европейцы, только он, и ничего другого!

Тогда и ваш вопрос: «А со стороны России-то что — в качестве уступкового вклада в пан-европейский компромисс?». И наш ответ: «Да ничего, господа европейцы, ровным счетом ничего, ибо Россия уже столько уступила и отдала Европе по итогам деятельности Горбачева—Ельцина, что стыдно, господа, очень даже стыдно, хотя чего-чего, а уж чувства стыда у Европы отродясь не водилось, требовать от России еще каких-либо уступок; тут хватит уже и роспуска Варшавского договора, и подарочного вывода войск из Германии, и бесплатной отдачи ГДР, и отпавших от Востока Европы и прибившихся к Западной Европе (к Европе!) бывших советско-российских “союзничков”, и не предъявленных ни Европе, ни этим “союзникам” ни контрибуций, ни плат за долгожданную “свободу”, как и многое, многое другое».

Для России Европа — не враг, хотя, что хорошо видно, Европа безумно старается быть таковым; Европа для России и не друг, что тоже хорошо известно; лучше всего, ежели Европа останется для России в роли мирного и эффективного партнера — как раз на основе и в рамках разумного пан-европейского компромисса.

И ничего более!

Да станется: Разум против Безумия!

«Философия хозяйства». 2017. № 2.

РОССИЯ, ВПЕРЕД!

История ничего не забывает, хотя и не обо всем открыто говорит, многое повторяет, хотя и не слишком повторяясь, кое-что созидает новое, в том числе и вольно импровизируя — невероятно, броско и, как правило, внезапно!

История, а это все Бытие в движении и переменах, идет вперед, пусть и кругами, и витиевато, и путанно, но… *вперед:* разве сегодняшний мир такой же, каким он был в Древней Греции, в средневековой Европе или в той же византийско-ордынской Руси, не говоря об Индии с Китаем — этих вечных недвижимых переменных?

Мир меняется, пусть в разных его местах по-разному и с разной интенсивностью, но меняется, а уж сегодня не перемены даже в мире, а нечто уже иное, как бы *мир-перемен*, а может, и… *перемена-мир.*

Вот и Россия меняется, которая тоже уже не просто меняющаяся Россия, а *Россия-перемена,* а то и *перемена-Россия* (это уж как кому нравится), что означает, что на реформе-революции 1990-х ничего не закончилось, наоборот, все в России только начинается, ибо на историческом старте не бывшая ранее страна под именами Российская империя или СССР, а Новая Россия — не византийская, не ордынская, не евроцентристская, не сталинская, не глобалическая, а… *российская.* Россия ныне выходит наконец-то к самой себе, как раз той самой — изначальной, но вовсе не к прежней, а к новой, причем не пореформенной (образца 1990—2010-х гг.), а к постреформенной — еще не обрисованной и не выстраданной.

У нынешней России нет ничего в идейно-концептуальном запасе более ценного, кроме… *России,* которая и есть собственно, *российская идея,* мало того, это еще и ее — России — *вера* — вера в саму себя!

Неплохо, не правда ли?! И никой тут смысловой тавтологии, если хорошенько над этим подумать.

Само Бытие-История вытаскивает на передний план Россию… *как именно Россию* — это великое, хотя и еще вполне не осознанное, не понятое, достояние человечества, его Бытия и Истории, его Экзистенции — немало, заметим, и апокалиптической!

Осознать бы это все, воспользоваться необыкновенным шансом, не прозевать, сделать и выйти на *Новую Россию:* ах, какая великая сакральная ответственность лежит нынче на россиянах, на всех доморощенных интеллектуалах, на церкви с властью, на всей России, аж жуть!

Россия — вперед!

«Философия хозяйства». 2017. № 5.

РОССИЯ НА ПУТИ К РОССИИ — НОВОЙ РОССИИ

Не успела очередная антироссийская по сути и следствиям революция, разразившаяся в ходе развала СССР и прихода к верховной власти прозападных маргинальных сил, насладиться своей победой не так над СССР с его советизмом-социализмом, а фактически — поздним сталинизмом, как над давно уже исторически устаревшей и густо замшелой архаической «Русью», вдруг эта самая «Русь», а точнее — Россия, вдруг стала вновь подниматься в России, мало того — подстраивать под себя, причем непосредственно в имперском образе, весь российский социум,

включая не одну государственность, но и хозяйство, экономику, культуру, само народонаселение.

На смену субглобалической — зависимой от Запада, США и Европы — страны неожиданно, незаметно и даже внезапно пришла… великая имперская держава — суверенная, амбициозная, вовсе не слабая, а кое в чем и весьма сильная.

Да, случилось чудо — очередное российское (русское) чудо — чудо нового (очередного) восстания России из бездны. Революция 1990-х разбросала камни российского мира, надеясь на уже нероссийское собирание уже нероссийских камней, — ан нет, все вдруг пошло иначе, хотя начало 2000-х вовсе не уничтожили антисталинских достижений сей революции, разве их немного подправив, а лишь развернули собирание камней в сторону и в пользу России, ее цивилизации, что означало, с одной стороны, закрепление деяний революции, а с другой — их антиреволюционную корректировку.

Нравится это кому-то или нет, но в стране идет особого рода конструктивная революция, обеспечивающая поиск Россией самой же себя, разумеется, в новом историческом образе.

Мало того, Россия выходит на первые, а кое в чем и главные, геостратегические роли в мире, заняв, опять же неожиданно, почти незаметно и даже внезапно, центральное концептуально-практическое место в общемировом «котле перемен», фактически тектонических.

Историческая анти-Россия, питаемая внутренним и внешним западнизмом, смогла не просто в «каженный» уже раз напасть на Россию как Россию, тоже, разумеется, историческую, мало того — начальную, исходную, корневую, почвенную, но, не успев докончить свое «системное разрушительное дело», покончив с «проклятой Русью», вновь вынуждена отступать перед исконной Русью-Россией, в который уже раз возрождающейся и идущей к себе, однако вновь благодарной бойкой анти-России за науку.

Из материалов Международной научной конференции «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»: Сборник тезисов выступлений / Под ред. Ю. М. Осипова и др.М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017.

2018 г.

РОССИЯ ИДЕТ К РОССИИ

«Россия идет к России».

Странно, не правда ли? Какая-такая Россия и к какой такой России? Вопросы. А есть ли на них ответы, ежели в российской, не говоря о мировой, интеллект-сфере нет даже постановки вопроса о России как об особом феномене реальности, не говоря уже о насыщенном имманентным смыслом понятии «Россия» — еще и адекватно историческими и текущими реалиями обоснованном?

Да, в далеком и недалеком прошлом Русь-Россия волновала лучшие отечественные умы: Нестор, Филофей, Ломоносов, славянофилы, К. Леонтьев, Данилевский, софианцы, те же евразийцы… Однако, замечая кое-какую онтологическую особость, выявляя ее характерные черты, обозначая уникальность исторической судьбы, они почему-то не ставили перед собой таких простых вопросов: «Что же собственно российского в России?» или же «Что же русского в русскости?», не располагая, конечно же, никакими удовлетворительными на них ответами.

Славянство, ведичество, православность, европейство, азиатство, евразийскость… что? Что в самой сути России и русскости? Что там, кроме названий страны и части ее населения, ну, еще и языка?

Обратим внимание, что такой умственной категории, не говоря уже о научной категории, как «Россия», попросту не существует. Есть страна по имени Россия, есть масса людей, прозываемых русскими, а России как России и русских как русских почему-то нет!

Автор сих строк столкнулся с «Россией» и «русскостью» по итогам событий 1991 г. и всего последовавшего за этими событиями общероссийского по сути «революционного лихолетья», когда пришлось-таки ему задуматься над самым что ни на есть естественным вопросом: «А в какой же по сути стране он — русский вроде бы человек — бытует?». В Российской Федерации всего лишь? Но ведь это не более чем гео-политико-юридический обозначительный термин, никак не затрагивающий сути того, что он формально обозначает.

В особенности задумался, когда писал свою первую о России работу: «Российская Реформация» (М.: Гуманитарное знание, 1994); осознав вдруг, что есть же она — Россия, которая вовсе не Советский Союз, не РСФСР и не Российская Федерация, а что-то другое, что-то глубинное,

самобытное и неявное, весьма и отличное от своих исторических названий (или прозваний), как и понял тогда, что тут — terra incognita, что не описывать дотошно надо, а что надо… открывать, да и открывать-то в пылу неожиданных откровений, что и случилось уже позже, когда автору этих строк довелось-таки попасть духовно-мысленно (метафизически, значит) в так называемую точку обратной перспективы (в сингуляр, так сказать), когда все сразу по горизонтали, вертикали, диагоналям и во времени вдруг и видится (холически, стало быть, полилектически), мало того, сутью как раз своей и представляется.

Русь-Россия — присутствующая в этом мире иномирность, не этого мира тайна, которую, как мудро заметил великий русский поэт, умом никак не понять, но зато в которую можно и должно лишь верить. Россия — волшебная и вероподобная данность, вполне неопределенная и неопределимая, назойливо и прихотливо сидящая в русском сознании и наполняющая трансцендентным смыслом саму по себе русскость — эту идеальную сверхэтническую субстанцию, и придающая тем самым смысл и силу никак умно́ и строго не обозначаемому ни топологически, ни типологически русскому миру.

С таким гносеологическим подходом к России и русскости можно, конечно, не соглашаться, да что с того — и не надо! — Россия и русскость от этого не пострадают, как и не исчезнут из реальности, а вот не признавать бытия России и русскости в их собственной загадочной интерпретации не то что преступление, а самая что ни на есть обыденная пошлость, причем все равно для кого — для своих-де или же для тех, вполне и не своих, ибо за таковым непризнанием не что иное, как… катастрофа — что когнитивная, что душевная, что попросту мозговая.

Так от какой же бытующей ныне России уходит бытующая ныне Россия, направляясь… э-э… к себе же самой?

Заметив, что ответа на сей вопрос никто на свете толком не знает, знать просто так не может и даже из прихоти не должен, ответим на сей вопрос так: Россия — сама себе проект и ни в каких умозрительных и тщательно-де разработанных учеными кудесниками лжепроектах она не нуждается, а потому Россия, прорываясь сегодня через антироссийскую блокадную завесу западно-глобалического образца, уходит от России… нероссийской — причем не только от бывшей советской, но и от нынешней постсоветской — пореформенной, направляясь и продвигаясь шаг за шагом к России постреформенной, однако не к какой-либо прежней из Россий, как и очень уж осовремененной России,

а к совершенно новой — Новой России!

А это-та новая Россия — мало что Россия со своей неистребимой русскостью, а еще и иная Россия, которой не то что не было в известной и весьма по-ученому искаженной истории, но и не могущей вообще быть в реальности, но которая-таки в реальности будет — как сомкнувшаяся смыслово́ и сакрально с источниковой Русью-Россией, уходящей корнями в трансцендентное изначалье, так и принявшая на свою многострадальную героическую грудь бремя изощренной в технотронике будущности.

И что самое интересное: ни одно из порхающих вокруг представлений о России и ее будущем в наступающей непреклонно реальности не подтвердится!

Россия сама выдаст для себя Россию — свою Россию — невозможную и внеземную!

Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»: По итогам международной научной конференции (6—8 декабря 2017 г., / экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова). М.: Издательский дом «Библио-Глобус», 2018.

РОССИЯ НА ПУТИ К РОССИИ

«Россия» — это не нейтральное название страны, а вполне онтологическое имя, но не только и не столько страны, сколько… э-э… тут надо подумать и разобраться — чего же?.. так вот: метафизической смысловой субстанции — не более и не менее!

Что это за субстанция?

Надо полагать — некое идейно-духовное средоточие (облакообразное ядро), способное не только быть где-то в бытийно-небытийных тайниках мироздания, но и проявлять себя в текущем реальном бытии, производя и сохраняя существующих от поколения к поколению землян, не только человеками вообще, а и какими-то качественно особенными, не такими как все, относящимися и к особенным сообществам (массам, совокупностям) — родам, племенам, этносам, народам, расам, ну а затем и к общинам, обществам, государствам, цивилизациям, обладающим своими языками, этносом, культурой, генотипами, архетипами, кодами и т. д., в общем — и в самом деле особенными.

Касательно России выходит, что этим идейно-духовным средоточием, сопряженным и с кое-какой особенной «физикой» (внешностью, органикой, строением тела) является, конечно, русскость, носителями которой являются среди человеков особые человеки — русские (как родокровные, так и примкнувшие к ним — обрусевшие). Русскость — оттуда и там, а русские — тоже оттуда, но более всего здесь, хотя и русскость тоже здесь, но уже через русских.

Россия как страна, безусловно, пространнее, чем Россия как идейно-духовное образование, но Россия как страна на то и Россия, чтобы нести в себе свое идейно-духовное начало как свою всеохватывающую, хотя и не тотальную, принадлежность.

Россия (Русь) — это и есть качественная суть страны под названием «Россия», а не только характерное обозначение части земного пространства, покрываемой страной Россией.

И ежели говорится о движении России к России, то явно имеется в виду движение страны под названием «Россия» к своей же сути, выражаемой в свою очередь сутью метафизической смысловой субстанции, тоже называемой «Россия», то бишь собственно российской субстанции, делающей и сохраняющей Россию именно Россией, ее поддерживающей и от себя не отпускающей — несмотря на большие, если не роковые, бытийно-исторические перипетии, в немалой части антироссийские, переживаемые испокон веку Россией (Русью).

Да, Россия, обречена бытовать со своим органическим антиподом антиРоссией как в своем собственном чреве, так и в окружающей Россию среде. Интересно, что со времени, более или менее нам известном, Россия бытует более всего не как собственно российская, а какая-нибудь иная — вовсе и не такая уж российская: то варяжско-рюриковская, то византийско-христианская, то азийско-ордынская, то европо-«немецкая», то интер-коммунистическая, то евро-америко-глобалическая. И сегодня мы наблюдаем «разгулянье» по России западно-цивилизованной-де антиРоссии, совершившей свою антироссийскую революцию 1990-х и захватившей в стране кое-какие господствующие высоты, однако не овладевшей важнейшими из коренных этно-идейно-духовных.

И что тут особенно знаменательно: как и в прежние времена, ни у какой неРоссии (пусть даже и у самой «злой» из антиРоссий) ничего не получается в России ни в плане конечной расправы с Россией, которая всегда упорно выживает и продолжается, пусть даже временно и в каком-

нибудь параобразе, ни без России, которая всегда остается в работно-тягловом, включая и военное дело, общестрановом ядре-основании, без которого как раз у на какой-то срок господствующей не-анти-России ничего конструктивного в России и не получается.

Да, это есть: пользование коренной Россией, ее активная эксплуатация, порою над нею и отвратительный гнет, но… рано или поздно случаются обрусевание не-анти-России и новое восстановление России, пусть и в ином облике, но все-таки… России — до очередного то ли срыва самой России, то ли ее намеренного подрыва, то ли наглого ее захвата. Неприятно слышать это коренному русскому человеку, но ведь это — факт!

Россия (Русь) всегда есть и бытует в России, но по преимуществу все-таки в Нави, а не в Яви, — и только оттуда — из Нави, она бывает и здесь — в Яви. Почему же так? А все из-за странной неотмирности России, ее идеи, ее концепции, ее эгрегора, ее сути, как и от невозможности воплотить сию неотмирность в сем мире, полном земной обыденности, обильно ободряемой ныне материализмом, прагматизмом, монетаризмом и постмодернизмом.

Окружающий мир не слишком вдохновляет коренную Россию — она и не находит большого резона шибко обустраиваться на принципах сего мира: изначальная Русь-Россия жаждет чего-то иного — то ли возврата к какому-то золотому прошлому, то ли обретения несусветного золотого будущего, но уж никак не позолоченного долларом настоящего.

Россия открыта для любой неземной импровизации, ибо ее ничто, кроме природы, земли и пространства, в этом мире особо и не удерживает.

Однако это не значит, что Россия не стремится к себе самой — ее же влекущей, хотя и не очень-то ей самой известной. Главное тут — постоянное неудовлетворение от самой себя бытующей и текущей и неутолимая жажда иной России — еще не бывшей, да и вряд ли вообще возможной.

Неотмирность России — роковая причина неустойчивости России, ее стремления выйти за пределы привычной житейской обыденности. Отсюда и исходная уязвимость России перед лукавой и деловой не-анти-Россией, как и, наоборот, фундаментальная от сей не-анти-России защищенность, пусть и не монолитная, даже временно ослабленная и местами дырявая, но на удивление стойкая, вязкая, упругая, а в итоге — действенная.

Вот и сейчас, по результатам вполне антироссийской революции 1990-х, Россия, вроде бы уже окончательно покоренная и загнанная в глубокую Навь, вдруг вновь поднимается, пронизывая и окрашивая собой лишь формально российскую, а на самом-то деле весьма и весьма нероссийскую, явь.

Разумеется, дело не в движении России назад, к какому-то своему большому историческому, тем более — фантазийному, образу, нет, совсем нет — речь идет об обретении Россией нового исторического образа, но уже не формально, а и вполне существенно, российского.

Что значит российского в современных реалиях?

Понятно, наверное, что не евроамериканского, не китайского, не любого иного из ныне существующих и даже благоденствующих образцов. Россия — вполне самобытная явленность, не собственно европейская и не собственно азийская, даже и не смешанная евразийская, — это — российская явленность.

Определить российскость в общем-то невозможно, — она и сама себя толком не знает. Российскость можно только чувствовать, а чувствуя — лишь в нее верить. Россию как Россию осознанно не построить, ибо она созидается сама, вполне и трансцендентно. Проект России — проект иномирья, а потому в рамках сего мира Россия не что иное, как сама себе проект. Выходит, что не сочинять Россию надо, а дать ей возможность самой раскрыться, расцвесть и утвердиться.

И такой шанс вдруг возник перед Россией как по итогам увядшего советско-социалистического пленения, то бишь от него освобождения, пусть и уродливо-безумного, так и в обстановке небывалой открытости России всему планетарному миру, его конкурентной враждебности России, что и предопределяет возможность и необходимость суверенной импровизации именно по российскому, а не какому-то еще варианту: или есть Россия и Россия по своей сути, или никакой вообще России, кроме картографической единицы, называемой «Россией», нет.

Итак, в пространстве России прямо-таки зарождается новый геосубъект, уже не просто носящий имя «Россия», но и по существу складывающийся как Россия. Здесь имеет место как припоминание Россией бывшей своей исторической субъектности, так и созидание уже новой субъектности — XXI века. Если тут и есть какая-то импровизация, то имеющая как, с одной стороны, источниковое обоснование в метафизическом эгрегоре России, так и, с другой — текущее обоснование от современности, мало того, что глобализированной, но и чрезвычайно

переменной, к тому же очень и очень относительно России «борческой». Импровизация поэтому вовсе не такая уж и произвольная, хотя в чем-то и своевольная, но все-таки это достаточно субъективно, объективно и трансцендентно творческая импровизация.

Россия вовсе не знает, какой ей стать конкретно, но она знает, что ей надо-таки стать… Россией — Новой Россией! И тут важно постоянное справочное обращение к самой себе, пусть и неопределимой, но тем не менее существующей, как и важна непременная корректировка всего созидаемого Россией ради самой себя — прямо относительно трех «С»: самоопределения, суверенитета, самостояния. Эти-то три «С-кита» и вытаскивают из России номинальной Россию действительную — и никакого тут другого исхода у нынешней России попросту нет!

Не идти же России вновь под евроамериканский колониальный гнет, как и не растворяться же ей в глобализированном мире, опять же евроамериканском, не натягивать же вновь на себя какие-нибудь заграничные одежды, — нет, нет и нет! — Россия не для того освободилась от тенет сталинизма и морока марксизма, как и, споро вкусив в 1990—2000-е гг. евроамериканского цивилизованного водительства под сенью объективной-де глобализации и по мотивам благодетельного-де глобализма, резко отпрянула от западнизменного «рая», чтобы не воспользоваться открывшейся для нее возможностью и свалившейся на нее необходимостью послужить наконец-то самой себе и обеспечить единственно для себя приемлемый вырыв к самой же себе.

Никакой шибко умозрительный, тщательно разработанный и очень уж конструкционный проект для России не нужен, в особенности, наскоро сфабрикованный по ученым грантам или же выделанный какой-нибудь «авторитетной» менеджериальной прозападной комиссией. Никаких вообще тут придуманных проектов, ибо Россия — сама себе проект! Тогда что же — стихия? Нет, вовсе не стихия, а реализация стратегического проективного замысла, рождающегося в голове Верховного Правителя и им шаг за шагом исполняемого, точнее, согласно ему — замыслу — ведущего себя, правление и страну. Разумеется, такой замысел рождается не без предварительных фундаментальных оценок и логических расчетов, но в целом он носит более ориентировочный, чем программный характер, это, во-первых, а во-вторых — замысел в основе своей весьма конспиративен, — время громогласных, как и тотально-директивных, планов прошло, во всяком случае для России, теперь более приемлема скрытая векторная стратегия — при наличии в России разных

«Россий», включая и не-анти-Россию, а также при всесторонней открытости страны в остро конкурентной, если не враждебной, к тому же еще и очень переменной, внешней среде. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация! Однако не тотальная по всей стране, а лишь высшая управленческая, оборонная и, как ни странно, концептуальная.

Перестроить такую страну, как Россия, в любую из возможных сторон очень и очень непросто, в чем пришлось убедиться за последние четверть века гражданам СССР-России. Призывать к большому перестроению можно сколько угодно, даже что-то для этого участливо предлагать, но вот сделать-то что-либо значительное, когда тот же отечественный капитал не слишком от себя производителен и инновационен, но зато очень меркантилен, присвоителен и жаден, да и бежит, сломя голову, со всеми своими накоплениями за границу, в офшоры; когда частный интерес населения, его активной части, явно преобладает над общественным, общестрановым; когда в стране явная нехватка квалифицированных и дееспособных кадров — управленческих, технических, конструкторских, как и тех же квалифицированных рабочих; когда нравственное состояние «граждан» не отличается, откровенно говоря, не то что потребным качеством, но даже и малой нормой и т. д. и т. п. В общем — в условиях хронического кризиса общества, государства, хозяйства, морали и т. д. действовать широко, с размахом, громогласно и самоуверенно, не то что неумно, а попросту и невозможно — разве лишь святое дело возрождения страны вчистую провалить!

Отсюда не одна интерактивная управленческая осторожность, но и выбор первоочередного из всего необходимого, а главное — возможного, того, чего явно не избежать, на чем непременно сосредоточиться, от чего можно побыстрее получить позитивные результаты, за чем маячат текущее спасение страны и ее суверенное будущее. И верховное правление нацелено, как кажется, на подъем, пусть и не слишком броский, но все-таки исторически обусловленного самой практикой российского бытия давно оправданного действенного ядра России — военно-оборонного комплекса, тянувшего за собой и остальную, как бы для него уже и периферийную, часть России.

И явилась вдруг обновленная «оборонка», и возникла новая современная армия, и пошел вперед технический интеллектуализм, и стала вдруг формироваться посреди убогой-де России Новая Россия — национальная, государственническая, имперская, и зарделась Россия, и заиграла чудесными палевыми красками, и поднялась в рост, и вдарила

во все свои протестные колокола!

Наивно? Конечно, наивно, но ровно в той степени, насколько наивным оказался человеческий мир, опять проморгавший подъем и «взбрык» России, и теперь смотрящий на нее то с наивной ненавистью, то с не менее наивной удовлетворенностью, то с наивной укоризной, а то и с наивным восхищением, мало того, и с наивной надеждой тоже, чуть ли не последней, ибо не хочет человеческий мир ни быть под погибельной Америкой, ни оказаться под тенеобразным Китаем, ни сгинуть в лучистом ядерном Армагеддоне!

Нынешний очень грамотный современник не признает и не понимает метафизики (разнообразный бытовой оккультизм, который многие в отечестве ныне признают, хотя и ничего в нем не понимают, — вовсе не метафизика). Россия же — сплошная не то что метафизика, а даже сплошная мистика, лишь абрисно угадываемая метафизической гносеологией. Россия — тайна! Вот почему можно позволить себе лишь некоторые вольные рассуждения о России, ее состоянии и движении, а не дать развернутую и подернутую бесспорными доказательствами фактологическую картину. Онтос России — за семью печатями, а уж гнозис… э-э… так и вовсе сплошная тьма. Россия — не Шамбала — так ведь о Шамбале хоть сказать что-то можно, а вот о России… что скажешь, если от нее одно сплошное недоумение, да и есть ли она — Россия — как идейно-духовная субстанция, а не зафиксированная на географической карте «спейсовская» конфигурация, а-а?

Что ж, раз нет метафизической России — в головах людских, разумеется, — то остается лишь говорить о России, условно говоря, физической — пространственной, населенческой, страновой.

Однако в этом случае в голову стразу же непрошенно лезет типологический вопрос: а что есть Россия как Россия в типологическом плане? Заметим, что вопрос этот хоть вроде бы научный, а ведь по сути-то он вполне… метафизический (как и вся наука физика тоже ведь… метафизика).

Итак, что это за географический «зверь» — Россия?

Крути тут сей субъект пред глазами, не крути, а вылезет все одно — ИМПЕРИЯ!

Да, да, именно так — империя, которая, кстати, формировалась еще первыми рюриковичами (вспомним того же храброго Святослава), потом московскими князьями и царями (Иван III — уже фактический император), ну а встала сия империя на ноги уже при Петре Великом

(уже как романовская). Разгром Российской империи в революцию 1917 г. оказался лишь большим, но вовсе не смертельным для империи потрясением, — не прошло и двух десятков лет, как империя сталинизмом была вполне восстановлена, пусть и под лукаво продуманным названием «СССР». И опять, уже после развала ирреального СССР и «буржуйского» погрома страны в 1990-х гг., империя вновь на исторической арене, уже как бы и «путинская».

Любопытно, не правда ли? А все дело в том, что либо сказалось восточноевропейское, а затем и европейское государственно-цивилизационное образование в виде все той же российской империи, либо сего образования вроде нет и быть не может, но оно — это образование — все-таки необходимо, причем как исходно метафизически, так и производно физически, — и с этой-то необходимостью ничего никому не поделать. Вот и сегодня — опять перед глазами изумленных интеллектуалов… империя, пусть и называемая скромно Российской Федерацией, но… ИМПЕРИЯ!

Какая же это империя?

Вовсе не римская, хотя и не без въедливого византийства; не та же британская, ибо не колониальная; не азиатская, хотя и не без известной ордынщины; как и, разумеется, не карфагенская (не финикийская), хотя и не без кое-какой торгово-финансовой карфагенщины.

Это — российская империя, вроде бы смешанная по имманентному составу, но все-таки имеющая и свою особенную корневую выраженность — для-себя-империя и сама-себе-империя, что означает, что сия империя есть не что иное, как особый внутренний строй, может, даже и квазиармейский, когда вокруг не для-себя-произвольное бытование граждан, а гражданское для-империи-служение, когда для граждан главным является не личное благополучие, а благоденствие всей страны, когда гражданин служит империи, а империя служит гражданину.

Вот какая ту своеобразная загвоздочка, господа присяжные и заседатели, ну и судьи с прокурорами и адвокатами тоже.

Представьте себе, господа — неустанные критики и противники России, неимперское устройство и бытие России, что тогда с Россией будет, кроме того, что ее — России — попросту не будет? Имперское устройство и бытие России вовсе не чья-то субъективная прихоть (того же Путина), а объективная метафизическая потребность, как и, кстати, сходное, хоть и в гораздо меньших масштабах, устройство и бытие того

же Израиля, только Израиль таков от своей малости и от явной уязвимости от внешнего регионального окружения, а Россия — от своей великости и… нет, не от уязвимости как таковой, а, скорее, от чуть ли не мировой для себя угрозы, вполне, знаете ли, и алчной. Разные тут у двух государств могли быть мотивы, а вот исход все-таки один — служение, мобилизация, отпор!

Итак, Россия — империя, а потому и хозяйство ее должно быть не просто в чем-то империальным, а в целом, знаете ли, имперским, то бишь находиться как бы под имперской опекой и в имперской оболочке, что не исключает ни многоукладности, ни частной собственности, ни частного предпринимательства, ни корпоративной самостоятельности, ни частной инициативности банковской системы, ни автономности регионов, ни… ни… ни, но при всем при этом предполагается и имперский государственно-корпоративный дирижизм, причем осуществляемый непременно из имперского центра; и централизованное проектирование из кое-чего стране потребного; и непременное исполнение кое-каких национальных проектов; и наличие разного рода производительных, инновационных, творческих и иных национальных комплексов; и бытие национально-государственного научно-исследовательского, конструкторского, внедренческого сектора; и присутствие национально-государственного банковско-финансового сектора, да мало ли еще чего, что необходимо и чего никак не избежать в рамках имперской, вполне и рациональной, организации национального хозяйства. Главное тут — разнообразие, подчиненное, однако в той или иной мере общим национальным интересам и целям, которые в России по сути как раз и имперские, что не значит, что агрессивные, воинственные, захватнические, отнюдь — лишь внутридомовские.

«И создала себе империя дом, хранила его, и улучшала, и возвышала» — так было, так есть и так, надо надеяться, будет!

Выходит, что Россия, идя к себе самой, идет к… империи — своей империи, к ее восстановлению (не в прежних границах, а всего лишь как внутреннего себя обустройства), а, возрождая империю, Россия идет и к самой себе!

Нет России без империи, как и нет северо-евразийской империи без России (Руси-России), ее, пардон, метафизики! Вот так! И это не чьи-то, в том числе и автора сих срок, симпатизантные пожелания, это попросту веление самого Бытия-Истории, вовсе и не только российского. Понять бы надо это всем россиянам: веление Бытия-Истории, причем

не только российского! Лишь империя может спасти и возродить Россию и поставить ее в метафизический центр мира, а тут ведь тоже веление Бытия-Истории, а не какое-то там хотение России, тем более — не ее правительства!

Вот говорят, что, Революция 1917 г., сталинизм, революция 1990-х и т. д. были объективными следствиями своего времени, а вот возрождение российской империальности — для себя самой! — никакое вроде бы не объективное веление времени, — тогда что ж — желание г-на Путина и его команды, разумеется, глубоко де ошибочное?

Однако разве трудно заметить, что Россия вполне вынужденно по внутренним и внешним мотивам и обстоятельствам устремлена сегодня именно к имперской — а не какой-нибудь еще — реализации. Бытие-История буквально выдавливает из России империю, а из империи — Россию. Разве не так?

Да, в России полно всяких проблем, это далеко не благополучная, как это было, к примеру, в недавние 1950—1960-е гг., страна, но, как это уже было в отчаянные 1930—1940-е гг., Россия вновь рвется к империи, ибо так велит не только ее генотипическая интуиция, не только сходное по раздраю историческое время, но и большой общезе́мный промысел, восходящий прямиком, может, и «кривяком», к высшему и неподвластному человеку Промыслу, обычно заменяемому наукой бессодержательной объективной де закономерностью.

Да, автору сих строк, как и многим его читателям, хорошо известны все вопиющие проблемы, изъяны, пороки, несуразности, преступности современного российского бытия, но ежели мы, соотечественники, не хотим обратиться в энтропийную пыль, может, по-обыденному и счастливую, то будем тогда любезны чувствовать и быть российскими имперцами — творцами как своей, так и мировой истории!

«Философия хозяйства». 2018. № 3.

БРЕМЯ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН, ИЛИ МИСТЕРИАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ МИРОВЫХ ПИРАМИД

Пирамида — величайший смысло-функциональный образ, он же и реальный способ, организованного бытия оцивилизованного человечества!

Пирамида: мощное, пространное, вгрызшееся в землю (Землю!)

народное основание; крепко сбитая, уходящая вверх, постепенно сужаясь, деловитая середина; клинообразная, уже и паракосмическая, властная вершина. В самом низу пирамиды работники с их работящими надсмотрщиками, в середине бодрые управленцы с незаменимыми профессионалами, высокие интеллектуалы, всех мастей непреклонные воины и вообще всякие охранительные вооруженцы, а наверху — властители с богами — все равно какими, лишь бы умело сакрализованными. Все это в случае, ежели пирамида одна-одинешенька, локальная, граничная, государственная, национальная, моноэтническая, единокультовая и однокультурная.

Совсем другой выглядит сложная пирамида — многонациональная, межгосударственная, полиэтническая, разнокультовая и поликультурная. Такая пирамида, уже большая, обычно величаемая мировой, включает в себя кучу меньших пирамид, а потому она, оставаясь пирамидой, оказывается пирамидой из пирамид, состоящей из некоторого числа системно под большую пирамиду взаимоувязанных меньших пирамид (и пирамидок тоже).

Своеобразные это пирамиды, в особенности большие — пирамиды из пирамид, ибо бытуют они непосредственно в социумах, никак фигурально не выраженные, но зато в когнитивно-социальном плане, ноосферном, духо-идеальном вполне себе и возможные. Пирамида тут — воображаемый метафизический образ, не боле того, но при этом такой образ, за которым маячит самая что ни на есть и реальная реальность — вполне, знаете ли, пирамидная! Центрированная иерархия тут — вот, собственно, и все!

И ничего в оцивилизованном мире, кроме таких вот идеальных пирамид, нет и быть не может. Факт!

История оцивилизованного человечества — история разных социостранных пирамид, их возникновений, бытия, деяний, свершений, достижений, перестроений, лицедейств, измен, мучений, угасаний, разрушений, исчезновений. Бытие-история — не что иное, как великая пирамидная мистерия с нескончаемой сменой пирамид, их между собой непременным соперничеством, неотменно-отменной меж ними войной. Примеров — уйма, надо ли их перечислять?

Что сегодня?

А сегодня на планете присутствие и доминирование американо-европейской всемирной пирамиды — пирамиды из десятков пирамид и пирамидок, что случилось по итогам сначала вынужденного ухода

с насиженного лидерского места старой плюроевропейской всемирной пирамиды, а затем и внезапного саморазрушения молодой советско-социалистической (коммунистической) мировой пирамиды по итогам известных и к ночи не поминаемых «перестроечных» событий рубежа 1980—1990-х гг.

Заметим: присутствие и доминирование на планете американо-европейской, а точнее — американской с англосаксонской закваской и собственно европейской компонентой, всемирной пирамиды.

Есть у этой пирамиды и свой изобразительно-оккультный образ, он же и тайный код — доллар — с нанесенной на его серозеленый бумажный лик (sic!)… пирамидой, почему-то при этом (sic!) усеченной, как бы и недостроенной, но зато с искрящимся над ней — усеченной и плосковерхой — всевидящим оком.

Итак: пирамида-таки — таки усеченная — таки под всевидящим оком. Не слабо! Ну и немало загадочно: то, что пирамида — понятно, то что под всевидящим оком — тоже, пожалуй, понятно, ибо тут проектная пирамида, да еще и покровительствуемая-де самим Провидением, а вот почему все-таки пирамида усеченная — чтоб не впасть в образ Вавилонской башни или же из-за неизбежного в подобных миропритязательных случаях недостроя, а может, по причине непременного наступления «конца истории» — как раз там, на срезе пирамиды, на ее плоской вершине, над которой возможно уже лишь воображаемое постисторическое, как раз вполне и конусное, навершие? Кто знает!

Пирамида всемирная, вполне и империальная. Новый тут Рим, перемешанный с финикийским Карфагеном, а потому и индустрия тут с постиндустрией, и военная сила, и деньги с финансами, и меркантилизм, и наука с техникой, и космонавтика, и нейрокибертехнологизм, и Голливуд с рок- и поп-музыкой, и боги, которые совсем и не боги, а скорее потаенные идолы, в общем, много чего, не исключая Капитолия, Сената, Белого дома, гигантских памятников-храмов отцам-основателям Великой Америки, как и конных статуй с восседающими на них победоносными генералами времени великой гражданской распри.

Одним словом — ВСЕМИРНАЯ ИМПЕРИЯ!

Да, уход с исторической арены реального СССР с его международной соцсистемой освободил Америке путь на вершину мирового господства, а странное вхождение остатков СССР и его соцсистемы, не исключая и задумчивого Китая, в лоно глобальной американо-европейской пирамиды, позволил Америке почувствовать себя истинным и вполне

праведным хозяином планеты Земля, разделив ее на подотчетные округа — сателлитный, согласный, прихвостневый, коварный, противный, — и каждому из членов пирамиды свое: кому пряник, кому похлопывание по плечу, кому кнут, а кому и войнушку, а главное — всем планетариям на показ свою силу, силу, силу!

Победа вроде бы! Тут и «конец истории» подоспел, и постмодерн вдруг явился, и совсем уж новое времечко наступило. Триумф! Да не просто Америки — как державы, а и давнего евроамериканского проекта, вполне по задумке уже человеческого (никак не Божьего!). Дискретная европеизация мира сменилась его тотальной американизацией.

Но… но недаром у мудрых отцов-основателей Америки на долларе пирамидка-то усеченная, с плоской крышей, без конусного навершия. Вроде как всевидящее око тут за Америку, что, может, и так, но все-таки… усечена пирамидка, усечена, что означает, наверное, какой-то скрытый в великом архитектурном замысле казус, если не подвох, как раз имперский, точнее — мироимперский, что и не замедлило всего через какие-нибудь четверть века после «победы» Америки над СССР и всем вообще миром внезапно сказаться.

О чем речь, братцы?

Да все о том же, что нет и не может быть никакого имперского моногосподства надо всем планетарным миром, нет и все тут! Ложная это идея, ложный это помысел, ложный это проект. Многое можно великой империи сотворить и натворить, да вот не все — всемирной эффективной для всего мира империи нельзя сотворить, хотя кое-что имперское натворить и можно, очень даже немалое и очень даже недоброе.

Что такое Америка? Искусственный, сборный, некорневой псевдонациональный псевдоорганизм, хотя вроде бы и государственный, и гражданский, и цивилизованный, но, увы, не земной, хотя как будто бы и на земле (на Земле), какой-то нездешний, неземной, иномирный, но вот откудошний — со всей своей изначально пиратско-бандитской моралью, уж не из самой ли преисподней? Да, вроде бы европейский по происхождению, масонского кроя и финикийского пошиба, но не без собственных вековечных этнокорней, без выработанной на месте содержательной культуры, без выстраданной религии, без сочной, насыщенной сакральными событиями истории. Этакий механизм-молодец — он же и устроитель — невиданного доселе межокеанского мира, новой Европы без Европы, что-то вроде большого трудо-предпринимательского лагеря, полного энергии, инициативы, стяжательства, присвоения, эксплуатации,

денег, капитала, кредита, бизнеса, завозных мастеров, профессионалов, интеллектуалов, ну и рабов тоже.

Америка — мир в мире, но такой мир, который, несмотря на родство свое с Европой, тоже ведь не паинькой, стоит особняком на планете Земля, не имея с остальным планетарным миром никакой телесно-духовной органики, кроме разве неограниченного присутствия в этом остальном мире самодовольного доллара, уже ничем реальным и не обеспеченного, кроме своей безупречной наглости; — изощренного карфагенского финансизма; продуктов индустрии, плодов науки и техники; римских по духу военных баз и морских флотилий по всему миру с легионами развязных «хороших парней»; как и всяких локальных от благодетельной Америки войн, переворотов, революций; голливудской постмодерновой стряпни на потребу ущербных элит и для надежной обработки всемирного плебса; ну и безотказной, поддерживаемой своей разветвленной разведкой и своими же повсюду «пятыми колоннами», беспардонной и весьма уже бестолковой дипломатии.

Такой вот водитель стался у современного мира — безапелляционный; с презумпцией своего превосходства над миром и правом им командовать; веселый, бесцеремонный, карнавальный; нахальный и… беспощадный. И что очень важно: занятый более всего собой, своими интересами и своей выгодой, а отнюдь не чаяниями управляемого-де им мира, предназначенного быть вовсе не для себя, а для великой беззастенчивой Америки, ей беззаветно служить, на нее много трудиться, ее страстно желать, ей худо подражать и ее шибко ненавидеть.

Что ж, земной мир весьма быстро во всем разобрался и, считаясь с американской римско-карфагенской имперской силой, стал шаг за шагом отруливать от благодельной Америки, ища своих собственных путей обустройства и личного бытия в новейших планетарных условиях, что, разумеется, межокеанскому «эффективному менеджеру» круто не понравилось. И понятно!

Тут-то и задвигался великий мистериальный танец мировых пирамид, конечно, с медленных, почти и незаметных на первый взгляд па, затем более рисуночных, но все еще осторожных, наконец — то ли не очень-то скрываемых, то ли вполне уже откровенных, как это случилось, к примеру, с Россией, явно заявившей о своем намерении не только покинуть благодатную америко-европейскую заводь, но и… но и возвести свою пирамиду — вполне суверенную — российскую. Россия, сама-

то всего лишь подугасшая и подразвалившаяся после развала СССР пирамида, решила не только не терять своей собственной пирамидальности, сидя в глобальных тенетах всемирной пирамиды, а двинулась навстречу самой себе, восстанавливая национальный суверенитет и свою имперскую органику. Не остались равнодушными к возможному освобождению из объятий американского пирамидального глобализма Китай, Индия, Иран, Турция, Бразилия, Индонезия и немалое число других стран, пусть и по-разному себя показывая в разгорающейся всемирной пирамидной мистерии. Не остается нейтральной ко всему этому и Западная Европа, засидевшаяся под покровительственным гнетом США в присутствии их оккупационного войска в уже разлюбленной ею заокеанской подклети.

Россия ныне не так реставрирует свою евразийскую пирамиду, как и не особенно ее реконструирует, как, учитывая новые миробытийные реалии, построяет новую российскую хомосоциальную пирамиду — царско-народную или, как, может быть, лучше и точнее — народно-царскую, во всяком случае — не римскую по духу и не карфагенскую, не европейскую и не азиатскую, а, надо полагать, соборно-гражданскую, как и, разумеется, великодержавную — в себе и для себя имперскую. Да, иерархическую, с трудовым населением и управляющей им разнородной элитой, но зато с личными свободами и семейной традицией, с нейрокибер-сетями и виртуальными коммуникациями, и при этом — с национальным многоэтническим и поликультурным единением. Никакой тут красивой идиллии с беспечным массовым благополучием, но зато с возможностью полноценного бытия, совершенствования и творчества, в общем — в целом безопасной, но не лишенной напряжений, испытаний, коллизий и стойкости жизни.

Откуда сия уверенность? Не только от веры в Россию (Ф. Тютчев), но и от осознания богатой всякими терпкими событиями и грозными перипетиями российской истории, ее полного неуемного страдательного вектора, ее глубинной метафизики, как и великого постсоветско-социалистического провала 1990-х гг., внезапного погружения в бездну, мучительного в ней пребывания и невероятного из нее вырыва — не зря же все это стряслось с СССР и подвергло истязанию Россию, а также от нового очередного «дружеского» контакта страны с самодовольным, беспардонным и хищным Западом, решительного от него отпрядования, вовсе и не на Восток, как многим кажется, а к себе самой — к России.

Россия идет, возвращаясь и обновляясь, к России, как раз к той,

которая и может статься согласно с ее собственным проектом, который надо не так строить, как позволять ему самому, пусть и с оглядкой, строиться.

Россия выходит на подъем — как раз пирамидный, вовсе при этом не вавилонского пошиба, а соответствующий заложенному в строительно-домовом коде Руси-России и воплощенном в ее шатровой архитектуре от древних теремов, башен и церквей до провиденциально выстроенного над Москвой великолепного здания Московского университета — совершенно ведь пирамидального. И Россию ныне никому и никак на сем пирамидном подъеме не остановить — ни родным «доброжелателям», ни чужеземным пособителям, ни откровенным врагам.

Не то теперь славные своей материальной культурой, идеальной антикультурой и необыкновенным зазнайством Соединенные Штаты Америки, вдруг в мгновение всевидящего ока превратившиеся в одряхлевшего, хотя и страшно молодящегося, с накаченными рыхлыми мускулами безумного старичка, что то же самое — из недостроенной, хотя и шикарной и гордой пирамиды в увядшую саморазваливающуюся Вавилонскую башню.

Если кто-то из экзальтированных почитателей Америки не замечает уже аварийного состояния сей великолепной поставилонской башни и не слышит пока еще негромкого скрипа от задвигавшихся туда-сюда ее навечно вроде бы поставленных правильными рядками камней, тот может обратить внимание на в высшей степени выразительное безумие, вполне уже и субстанциональное, незаметно, но верно охватившее насельников потрясающей по красоте и трясущейся от самой себя плоскокрышей американской башни.

А башня сия не сдается, держится за саму себя, источая на мировую округу гнев свой и печаль, отчего и постреливает, не очень-то достигая намеченных целей, зато сея вокруг много боли, страдания и смерти.

Очень уж смертоносной выходит сия недостроенная башня, только что вроде бы коснувшаяся небес и на тебе — затрепетавшая от страха перед взятой высотой, заволновавшаяся, завибрировавшая, затрещавшая.

В чем же тут дело?

А всего лишь в недостойной смертных попытке занять место… всевидящего ока, то бишь и самого Господа Бога. Бац, и нет уже новой Вавилонской башни! Нет, конечно, она все еще есть, она стоит, пошаты-

ваясь, но уже не только как священная пирамида, но даже и не как Вавилонская башня, а как… груда камней, образцов, осколков… нет, конечно, не буквальных булыжников, а всего лишь виртуальных, эфирных, метафизических «вещиц», — где она ныне, славная Америка?

Любопытное это дело — саморазрушение, самоаннигиляция, самоисчезновение. Был тот же СССР с его полумиром, и, вдруг, нет ни СССР, ни его полумира. А всего-то один таинственный «чек» пришел там во власть, — и… ничего! Вот и в Америке всего-то один «чек» явился во власти, и затрясло вдруг Америку, и заколбасило, и забезумило. Вот оно как!

Точка тут, всего лишь точка, та самая — реперная, или сингулярная, а в точке этой всего лишь «чек», ну и… пошло-поехало, сначала в СССР и с СССР, а теперь вот в США и с США. Трудно в американское наваждение поверить не в пример советско-социалистическому. Да, трудно, но увы, есть он — ход самой по себе истории, а может, и не истории вовсе, а метаистории, если вообще не какой-то там внеистории, оплодотворяемой Великой Неизвестностью.

Энтропия! Интереснейший феномен, как, собственно, и феномен негэнтропии, который даже поинтереснее энтропии будет. Как полвека назад стала исчерпываться созидательная негэнтропия в СССР, уступив в один прекрасный момент свое место смертоносной энтропии, так и теперь американская негэнтропия уступает место американской же энтропии, — и что тут не делай, а все равно «трамп» получается — великая лажа, так сказать.

Энтропия, конечно — прежде всего усталость, старение, утрата энергий и сил, но не только — это еще и искажение пути, потеря цели, убыль предназначения, но и это не все — это еще и исчерпание… самого себя! Как СССР, оставаясь вроде бы сильным и вовсю для чего-то великого предназначенным, попросту исчерпал себя — как мощного фигуранта бытия-истории, так и США, оставаясь сильными и вроде бы все еще для чего-то великого предназначенными, исчерпывают самих себя — и тоже как мощного фигуранта бытия-истории. От великого нечто до нулевого ничто даже не один шаг, а всего лишь мгновение, разумеется, не временно́е, а смысловое. Вот так!

В интересном положении оказалась ныне и Европа, которая Западная, почти сплошь объединенная в рыхлую, но все-таки единую пирамиду — Брюссельскую (этакая получилась самозванная пирамида

из сонма пирамид и пирамидок). Европе пора уже освобождаться от своего заокеанского опекуна, выставив на всеобщее обозрение и вправив в мировой бытийно-исторический процесс свою собственную, пусть и не молодую, но обновленную всем организмом, пирамиду, весьма и, знаете ли, имперскую — новый европейский Рим, пусть пока и не «четвертый Рейх», но все-таки! В то же время Европа, она же Европейский союз, проглотив кучу балтийских и центральноевропейских стран — пирамид и пирамидок, — явно почувствовала себя не слишком здо́рово, обнаружив не одно лишь затратное экономическое напряжение, но и, что более гнусно, вполне политическое раздражение, ибо сии страны-падчерицы (или страны-приемыши) оказались на поверку весьма привередливыми и строптивыми (недаром все из бывшего соцлагеря или прямо из СССР). Уже поэтому ЕС стало малость мутить, а уж когда из ЕС стала выходить великая несносная «англичанка», то по Европе явно проскочила судорога… нет, конечно, еще не отчаяния, но уже… кое-какого несварения — точно! Да и в самом ЕС уже через край противоречий и неустройств, обязанных не только беспечной Греции и какой-нибудь бесшабашной Каталонии, но и вполне себе рассудочным Австрии и той же Италии. А ежели взять Францию с ее закоренелым недоверием к Германии, а саму Германию в ее унизительном положении плодовитой дойной коровы, а… а… а… и т. д.? Да, общеевропейский союз вроде бы имеет место хоть и потрескивает по некоторым швам, а вот потребные уже для Европы Соединенные Штаты Европы что-то не получаются, да и вряд ли вообще получатся — для кое-какого межгосударственного объединения Европа оказалась годна, а вот для полного политического единства, чуть ли не слияния — нет. Отсюда и кризис нынешней Европы, из которого она то ли выйдет, укрепившись в целом или разделившись на части, то ли нет, попросту уже распавшись. Очень в интересном положении оказалась ныне Европа, что говорить!

А что же такого творится ныне в Европе? Да все то же — энтропия, за которой рыхлость, дырчатость, рассеяние, распад. И откуда Европе взять новую порцию негэнтропии, чтобы не только поддержать себя, но и обновиться, преобразоваться, выйти на вектор нового европейского бытия? Был когда-то «план Маршалла», сообщивший Европе потребную ей тогда негэнтропию, а потом явились внутриевропейские интеграционные процессы, сию негэнтропию весьма и весьма усилившие, потом… потом рухнул СССР со своим соцлагерем, опять же в пользу европейской негэн-

тропии — рынки, экспансия, внешняя кровь, но, как и водится в этом злосчастном мире, пришли и кое-какие нехорошие вещи: разгром Югославии и той же Ливии, чего история никогда не простит Европе, как она не простила СССР и соцлагерю тех же Венгрии с Чехословакией; выхаживание Косова — этого криминального всеевропейского анклава; дурной заход в Грузию и на Украину; унылое и бесперспективное противоборство с Россией (те же антироссийские санкции); нашествие на Европу южных иноплеменников и иноверцев; мусульманизация Европы с утратой ею своего христианского лица; новая культурная (постмодерновая) идеология вкупе со странной антикультурной политикой; нашествие субстанционального элитного безумия. Как и Америке, актуально платящей внутренней кутерьмой за Сербию, Ирак, «Арабскую весну» и ту же атаку на Россию, Европе тоже сталось ни с того, ни с сего платить по свеженьким счетам: — не успела Европа насладиться своей протоимперской мощью, двигаясь на Юг и Восток, так на тебе — подлая внутренняя энтропия и угроза распада, а ежели и не распада, то кое-каких пренеприятнейших передряг. Так вот все и бывает!

В реальном бытии-истории все самое судьбоносное почему-то происходит не так, как провидит человек, ибо бытие-история тоже ведь сознание, только не такое, как у отдельного человека и даже у группы людей, коллектива, общины, общества, мало того, в этом обобщенном бытийно-историческом сознании царствует не просто большая неизвестность, а неизвестность работающая и решающая, лишь частично улавливаемая одаренным на этот случай человеческим сознанием — посредством исключительных откровений, вполне и трансцендентных.

Есть игра престолов, а есть игра хомо-социальных пирамид, — и любая достигшая неких пределов своего бытия пирамида непременно рушится — как сама по себе, так и под беспощадными ударами извне, чтобы либо уступить свое место другой пирамиде (или пирамидам), либо позволить возникнуть где-то рядом или вдали какой-то иной пирамиде (или пирамидам), что как раз и лежит в глубокой сути игры пирамид — игры не на жизнь, а на смерть, хотя в параметр сей игры входит в соперничество между собой живых пирамид — уже по самому факту своего существования, не говоря о почти неизбежной их взаимной неприязни и конфронтации.

СССР-пирамида рухнула, чтобы высвободить пирамидостроительную энергию ряда новых субъектов, но и… чтобы уступить место возведению новой российской пирамиды — восточноевропейской

и евразийской вкупе, хотя, конечно же, формально еще вовсе не выраженной.

Очередь рухнуть теперь за всемирной Запад-пирамидой, включая США-пирамиду и Европу-пирамиду, однако суть дела тут не так в их непременном развале, хотя это и не исключено, как в их неизбежных коррозии, разделении, ослаблении и историческом отступлении. Звучит, кажется, нелепо, фантастично, даже и глупо, но бытие-история никаких такого рода оценок не приемлет, оно просто вершит свое бело-черное дело, никак не обращаясь ни к лепости им проделываемого, ни к реалистичности, ни к умности — вершит себе и все!

Однако у всякой пирамиды есть хозяин, восседающий на ее вершине, он же управитель, удерживатель, благотворитель, что не мешает творить ему и кое-какое зло, и немалое беззаконие, и подленькую мерзость. В общем, у каждой пирамиды свой владетель и водитель — то как известная персона, лицо, вождь, то как потаенный штаб, коллегия, синклит, а раз так, то пирамида всегда субъектна, осознаниенна, волева́, а потому она всегда имеет свой выраженный интерес и хорошо осознанный резон быть, держаться, не уходить, ничего не уступать, не исчезать. Тут мало бывает деловой эффективности и даже военной силы, тут бывают потребны активные во все стороны действия, не исключающие и хирургических вмешательств в иные организмы, как и любого рода внешние войны.

Всемирная глобальная пирамида, самоуверенно ведомая американо-английским административно-финансовым — в немалой части закрытым — истеблишментом, поднаторела во всем активном быто-житейском ассортименте ради самосохранения, себя укрепления и своего жизнеспособия. Во всем! Включая жестокость, обман, ложь, подкупы, провокации, кризисы, перевороты, революции, войны, причем повсюду, не исключая и самих любимых всеми США с Англией. Иначе ведь нельзя — это вам не укромный пятачок по имени Люксембург или искрящийся карлик по прозванию Монте-Карло, это — целый мир, а у него свои требования к управлению и жизнеспособности. Вот и идет сейчас войной всемирная американо-английская пирамида на пока еще едва обрисовывающиеся прото-пирамиды вроде российской и китайской, экзистенциально ей явно угрожающие, хотя главная угроза для всемирной пирамиды исходит от нее же самой — не дряхлой, но кое-какой предательской молью уже подернутой; еще вроде бы идейно не слабой, но уже утрачивающей свою концептуальную мощь; изворотливой как будто бы,

да уж слишком уже нечестивой; прогрессивной-де, да что-то решительно обезумливающейся.

Безумие ведь не приходит само и вовсе не всегда и не обязательно приходит в физически немощный организм, — соблазн всевластия, глобальной эксплуатации и тупого гедонизма ничем, кроме как коварным безумием, не оплачивается!

А от тихого миролюбимого безумия до безумной войны, увы, один миг, как раз между славным-де прошлыми и уже вполне бесславным будущим.

Это не так война Америки против России и того же Китая, как война вытягиваемого Америкой из преисподней инфернального антимира со всем человеческим миром вообще — вот что ныне главное! И такая война не может не быть тотально, субстанциально и институциально безумной. В этой войне нет ни глубинных мотивов, ни больших задач, ни высоких целей, как не может быть ничего подобного у любого возбудившегося вдруг безумца. Любопытно, что двинулась умом не одна Америка вкупе с Англией и кое-какой Европой, а вся всемирная пирамида, ведомая взбесившейся Америкой, исключая, быть может, тех ее членов, которые, почуяв опасность, двинулись прочь из нее, сбрасывая на ходу ее желтые одежды.

Речь уже не о границах, не о ресурсах, даже не о выживании как таковом, а о самом бытии, его образе, его, если хотите, концепции — и тут встает самый что ни на есть метафизический вопрос: ежели быть, то кем и как быть, коли уже не по-американски, не по-европейски, да и не по-китайски, не по-индийски, не по-ирански, не по-японски, вообще не по-каковски, и не по-российски тоже, мало того, не в соответствии ни с какой известной идеологией, включая и все мировые религии?

Ну и ну, вот и доигралось прогрессивное человечество, все более подпадая под нейрокибертехническое владычество — до великого себя отрицания!

Отсюда не что иное, как совершенно концептуальный характер разгорающейся войны мировых пирамид, — и не в самих пирамидах тут дело, а в их, пардон, концепциях — в их концептуальной, знаете ли, мистерии.

Оставь, наука, поле духовно-идейной битвы, открой дорогу Откровению, может, у страждущего человечества что-нибудь хорошее и выйдет!

«Философия хозяйства». 2018. № 4.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РОССИИ

Россия — евразийская страна, она в Европе и в Азии, в ней присутствуют как европейские, так и азиатские элементы, хотя по сути своей это страна, конечно же, российская, то бишь не собственно европейская и не собственно азиатская, даже и не какая-то смешанная евроазиатская, а именно российская — по духу, языку, культуре, цивилизации, государственности, традиции, предназначению.

Евразийство России более всего проявляет себя вдоль вектора «Европа — Азия», а не обратного «Азия — Европа», причем не просто из-за евроазиатского расположения страны, а по причине органического сочетания в рамках России Европы и Азии, как и эффективного их между собой взаимодействия. Россия — евразийский котел, в котором «варятся» Европа с Азией, производя по составу вроде бы евразийский, а по сути-то российский, продукт. Россия, имея в себе европейский и азиатский ингредиенты, определяется в итоге не их смесью, а третьей, преодолевающей оба отмеченных ингредиента, составляющей — российской.

Евразийский вектор бытия вполне естествен для России, мало того, он, несмотря на тяготение России к Европе, немало и определяющ, ибо одно дело тяготение России к Европе, а совсем другое — собственное движение России на восток и юг, на юго-восток, к Азии.

Что происходит сегодня? А сегодня происходит усиление российской хозяйственно-пространственной динамики как раз на восток, в Азию, что связано как с экономическими ресурсно-бытовыми потребностями страны, так и с усиливающейся конфронтацией Запада, или Евро-Америки, с Россией, вызванной нежеланием России находиться в вассальной зависимости от Запада во главе с США, и нарастающим ростом России как самостоятельной великой державы — одного из мировых центров. Фактически запад ведет необъявленную, но весьма рекламируемую войну против России (так называемую гибридную, или гуманитарную), еще более отталкивая тем самым Россию от себя и подталкивая Россию к Востоку.

Так или иначе, но высказанная в середине 1990-х гг. президентом Казахстана Н. Назарбаевым идея евразийской интеграции получила объективно-событийную и субъективно-действенную международную поддержку и весьма продуктивное воплощение: в Евразии не просто возникло общее, вполне и глобальное, экономическое пространство, но и стал складываться своеобразный, отличающийся от западного и того же европейского, многополюсный и полицентровый мир, не преследующий

цели всеобщей идентификации и способный сохранить не только имеющиеся государственные суверенитеты, но и уберечь культурно-цивилизационные традиции каждого из действующих национальных субъектов.

Евразийский интеграционный мир — возможный прообраз будущего, уже и не западного, планетарного мира.

Уходящий с ведущей исторической арены Запад ведет сейчас войну не с одной Россией, а и с Азией, Латинской Америкой, Африкой, со всем земным миром, мало того, он ведет войну с традицией, культурой, цивилизацией, человеком, его гуманитарным сознанием. Это заставляет остальной, т. е. незападный в основе, мир объединяться и противодействовать агрессивному Западу во главе с практически взбесившимися США.

Отсюда потребность, с одной стороны, углубления межстрановой интеграции в незападном мире, прежде всего, в евразийском, по линии не только товарного обмена, но и научно-технологического сотрудничества, а с другой — усиления политической координации и военно-оборонного взаимодействия.

Кому-то может показаться это чрезмерным, достаточно, мол, экономического кооперирования, но лучше все-таки быть самостоятельно дальновидными, чем зависимо безоружными. Россия, затрачивая немалые ресурсы и испытывая серьезные волевые напряжения, удерживает Запад от конечной мировой агрессии и предохраняет те же евразийские страны от подчинения западному империальному монстру, если не от полного исчезновения с карты мира, но одной России тут недостаточно, — вот почему и наш российский призыв к международному евразийскому благоразумию. В единении Евразия непобедима и имеет все шансы на будущее — уже свое, не западное!

«Философия хозяйства». 2018. № 4.

РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ

Миттельшпиль в шахматах — середина партии, однако не просто ее средняя часть, а некая сердцевинная ситуация, в которой всё, или почти всё, решается, — в общем — это решающая часть партии.

Дебют России как России в великой мировой игре, образом которой как раз и служат для нас шахматы, состоялся с момента первого

знаменательного хода — Мюнхенской речи Президента Российской Федерации, когда и первая геостратегическая фигура была двинута вперед, и перчатка, знаете ли, гроссмейстерская была брошена действующему гегемону — Западу. Эндшпиль в этой замысловатой и весьма рискованной (прямо по Михаилу Талю) партии еще впереди, а вот миттельшпиль уже налицо: война России уже объявлена Западом и вовсю ведется этим самоуверенным «партнерским противником», или «противным партнером» — правда, в отличие от шахмат, без соблюдения каких бы то ни было правил (уже по Остапу Бендеру).

Ничего неожиданного в этой войне Запада с Россией нет — это всего лишь продолжение многотысячелетней тяжбы Европейского Запада с Европейским Востоком, с той лишь особенностью, что нынешнему Западу показалось, что больной для него российский вопрос был уже решен с уходом с бытийно-исторической арены СССР и подключением оставшейся от него Российской Федерации к Западу-победителю в качестве побежденного-де вассала.

Однако… то была лишь победа Запада с поражением СССР-России в отдельно взятой партии, а не во всей геостратегической игре, — из ничего вдруг возникла новая партия, в которой Западу, застигнутому этой реваншевой партией прямо-таки врасплох, приходится не только отыгрываться, но и, пренебрегая правилами, впадать в элементарное шулерство.

Что же сегодня? Партия идет, передний российский фронт явно покрепче и поухватистее западного, вынужденного реально химичить (Сирия, Великобритания) и отчаянно медийно-политически алхимичить (США, Великобритания, Польша, Украина), а вот тыл российский из-за структурных производственных, социальных и финансовых перекосов, инертной внутренней социально-экономической политики и уже фактического кризиса сложившейся по итогам реформы 1990-х системы административного управления не столь упруг и дееспособен, как передовой фронт, что требует, как это принято в военных делах, перегруппировки сил с заменами кое-каких ключевых фигур.

Нетрудно заметить, что правящий в стране верх это понимает, кое-что и предпринимает для исправления не лучшей тыловой ситуации, но… тут мы воздержимся от прямых рекомендаций всезнающему правительству, ограничившись лишь тремя почти что уже сакраментальными «деловыми» тезисами: 1) немедленная реконструкция управления;

2) мобилизация всех национальных сил, включая отечественный интеллект; 3) решительный переход к постреформенному перестроению хозяйства с ликвидацией крайне опасных для бытия страны вышеотмеченных перекосов. Знаем, что трудно, тяжко, почти что и невозможно, а что делать — разве есть иной выход?

Такова она, надо полагать, миттельшпилевская для России ситуация, сложившаяся в инициированной ею партии на витиеватом треке большой мировой игры, той самой игры, в которой участвуют, кроме России и Запада, и другие заинтересованные игроки, среди которых есть и реальные партнеры России, даже, пусть и на срок, ее союзники, что означает, что Россия, начав рискованную, но необходимую для себя партию, имеет возможность ее вести и далее, не только отчетливо представляя всю ситуацию на мировой шахматной доске, как и делая на ней неожиданные для фронтальных «партнеров» по войне, но зато верные для себя ходы, но и, что сейчас особенно важно, совершить внутреннее через «не могу» самопреображение, без чего ни на какой благоносный эндшпиль в разверзшейся партии рассчитывать попросту не приходится.

«Философия хозяйства». 2018. № 5.

2019 г.

БОЛЬШАЯ ИГРА — РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ — «РУССКАЯ РУЛЕТКА»

Жизнь — игра, война — театр (театр военных действий), многое из вокруг происходящего — цирк! Вроде бы вполне милые, не совсем милые, а то и весьма саркастические, метафоры — игра, театр, цирк, но при этом и вполне себе смыслосодержательные определения, более того — сами сущности тут по существу и есть!

Бытие человеческое, как и больших земно-человеческих образований (стран, государств, наций), — большая экзистенциальная игра. Можно ли так? Можно! Именно игра и именно большая: с субъектами-игроками, их «игроцкими» ходами и выходками, ходом самой игры — с намерениями, планами, тактиками и стратегиями, с неопределенностью, вероятностью, случайностью и неизвестностью, с удачами и победами, промахами и поражениями, с метафизикой, мистикой и чудесами, в общем, со всем, что свойственно почти любой игре — что шахматам, что преферансу, что тому же футболу, но что присуще и самому бытию,

самой жизни, самой зе́мной экзистенции.

Не одно тут лишь сравнение с игрой, а и сама по себе игра, мощная, разнообразная, захватывающая, романтическая, ну и рисковая, жесткая, беспощадная, кровавая. Не в шутку вовсе тут игра, да и не только на жизнь, а и на смерть!

Почему так? А потому что жизнь тут, экзистенция, бытие, ну и сознание, воля, деятельность, творчество, выдумки, перемены, суета, беспокойство, беспредел, отчаяние, ну и… много еще чего, что не может вершиться иначе, как через борьбу — «за» или «против», вообще всякую борьбу, а следственно, и через игру, которая и есть борьба, ее проектно-расчетная и даже стихийная реализация. Никакой игры нет лишь на погосте, да и то, знаете ли… духи, души покойников, призраки… своя, видно, и там игра, как же без нее?

Играя в большую экзистенциальную игру, каждый субъект-игрок играет не только с другими игроками, как и не только с самой игрой, но и с собою тоже, что, пожалуй. самое важное в такой игре и есть, хотя менее всего игроком замечаемо, контролируемо и управляемо: поглощенный игрой, делая превосходные на свой взгляд ходы и обыгрывая других игроков, гордясь собою, хотя и немало при этом расходуясь, игрок-счастливец не замечает ни своего уже лукаво ослабленного состояния, ни подступающего к нему предательского самопереигрывания. И это не только самое в любой игре важное — для самого успешного игрока, но и самое для него… страшное!

Что сегодня?

Большая. планетарного масштаба и значения, судьбоносная для всего зе́много мира, экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра. И Россия в лице своего государства — один из ведущих в этой игре игроков, разумеется, игрок среди игроков, ну и игрок с самим собою: одно дело — игра России в мировой игре, совсем другое, хотя и зависимая от мировой игры, как и в нее попросту включенная, но все-таки своя игра России с самою собою, так что наряду с большой планетарной игрой, в которой участвует Россия, идет и другая, тоже ведь не малая игра по значимости и риску — игра России с… самой же Россией.

На том пока и порешим!

А теперь обратимся к самой большой игре, которая разворачивается на наших глазах и в которой Россия непосредственно из ведущих игроков, той самой игре, которая вдруг пошла при внезапном и неожиданном для всего мира выходе нынешней России к игровому столу, что

было сначала обозначено всего лишь метким словом (мюнхенской речью главы российского государства в 2007 г.), а затем и кое-какими деяниями (подъем «оборонки» и рождение новых вооруженных сил — это внутри страны, и кое-какие оборонно-наступательные действия вне страны: от защиты российских окаемов и русского мира до борьбы с угрожающим России международным терроризмом на том же Ближнем Востоке).

Игра со стороны России — игра за себя, свой суверенитет, свою неприступность, свое бытие и соответственно против всепоглощающего имперо-колониального глобализма, круто замешанного на постмодерновом западнизме, а потому и игре за иное общемировое устройство — многополярное, и за иное, чем западное, цивилизационное разрешение зе́много бытия.

Игра-то игра, но зато… какая!

Ничего особенно нового в самом факте такой игры для человеческого мира нет — сия экзистенциально-футуростратегическая игра, она же и борьба, всегда на Земле была, есть она и сейчас, правда, в уже глобально и тесно взаимозависимом планетарном мире, а для ведущих игроков еще и с атомной бомбой за пазухой.

Некоторый набор внутренних и внешних ходовдеяний, не говоря о бьющих в цель откровенных словах, и вот — из почти что списанного, то бишь весьма разоренного и ослабленного предшествующей мировой игрой, субъекта — постсоветской России 1990-х, вдруг возникает… игрок, да еще какой (!)… вдруг оказавшийся в самом центре больших игровских событий, прямо в эпицентре большой геостратегической игры.

Почему?

По причине вдруг им начатой и неплохо проведенной контригры как раз против главного и вполне уже почивавшего на планетарных лаврах всемирного глобального игрока — «дяди Сэма». Стоило лишь нашему «мюнхенцу» заявить, что «дядя Сэм», не более чем… «дядя Сэм» (то бишь вовсе не бабушка из «Красной шапочки», а всего лишь… серый волк в образе бабушки), как всё стало на свои места: «дядя Сэм» оказался снова на своем почетном имперо-колониальном, но уже явно пошатнувшемся, стуле, а мир, вдруг зашевелившись, стал подыскивать себе другие на мировой арене стулья, если не «контрстулья», относительно великого «дяди Сэма».

Раздосадованный «дядя Сэм» тут же начал вполне себе уже военную игру с взбрыкнувшей Россией, обозвав в конце концов эту войну

«гибридной» — не объявленной официально и по преимуществу информационно-санкционной, без собственно боевых, то бишь горячих действий, но все-таки войной, а затем повел и войну тут уже более всего торговую, с другим мощным контригроком — Китаем, причем войну уже объявленную, пусть и вопреки дипломатическому этикету.

Интересно, что раздраженный «дядя Сэм» не удержался и даже открыл внутризападную войну, в основном с не слишком с ним солидарной и стремившейся к своей имперского пошиба самостоятельности Европой — Европейским союзом.

Очень любопытная тут выходит в целом всемировская заварушка!

С началом войны США и всего Запада с Россией российская большая игра вступила, завершив стадию дебюта, в характерную для шахмат основную игровскую стадию — миттельшпиль, в ту самую стадию, когда всё главное для перспективы ведущейся игры и решается, пусть еще и не слишком заметно, а во многом и вообще скрытно, но… решается: в замыслах игроков и в их ходах, «ходом вещей», «ходом неизвестности».

Россия, пользуясь ментальной, духовной, геополитический, отчасти и экономической, поддержкой так или иначе антисэмовски настроенной части мира, тоже, впрочем, по преимуществу игровской, справляется в целом с фронтальной против себя «войновской» игрой «дядюшки Сэма», принявшего, кстати, адекватный себе персональный образ в лице г. Трампа — очень уж подходит «рыжий Дональд» на хрестоматийного «дядюшку».

Россия отстаивает прежде всего себя, свой суверенитет, но при этом еще и ведет геополитическое наступление, препятствуя Штатам вольготно по миру господствовать, а также если не впрямую построяя, то активно способствуя созиданию новой конструкции планетарного мира — многополярной, да еще и ведет атаку, пусть еще только «вылазковскую», на святая святых Западного мира — американский доллар.

Примечательно, что Россия не только играет в большую мировую игру, но и весьма определенно переигрывает в ней зазнавшегося «дядю Сэма», хоть и несет немалое материальное бремя и заметные экономические убытки.

Зачем это России надо: большая игра, война, борьба, бремя, убытки, потери?

С позиции обыденного здравого смысла ничего такого стране вроде бы вовсе не надо, наоборот, надо бы ей было оставаться в «великолепной восьмерке», пусть и в роли «попутной шестерки (!)», пользуясь

доверием и покровительством всесильного «дяди Сэма», возлежать на отведенной глобализмом энерго-сырьевой поляне, спокойно продавая себя и свои ресурсы, раздавая «умному Западу», а может, и хитроумному Китаю, свои пространство, территорию, землю, покончив с собою как историческим субъектом, но при этом жить, жить, жить — в немалом материальном достатке и в неограниченном виртуальном довольстве.

Но… но, с одной стороны, имперо-колониальный эгоизм Америки и Запада, как и их лицемерное, эгоистическое и в целом неэффективное управление миром, реализуемое через перевороты, войны и катастрофы, вкупе с тлетворным антикультурным и ядовитым античеловеческим влиянием, а с другой — поначалу глухой, а с российской инициативой все более зычный, протест незападной части планетарного мира против всего этого американо-западного безобразия с желанием обзавестись неформальным суверенитетом и идти по жизни и в будущее своими путями, сохраняя традиции и выдвигая для себя свои же новые экзистенциальные и цивилизационные разрешения.

В мире так или иначе назрела потребность в освобождении от американо-западного доминирования, усиленная и ускоренная наглыми силовыми и санкционными расправами с неугодными режимами и государствами, что привело к возникновению международного оппозиционного «сердечного соглашения» под чудесным названием БРИК (теперь уже БРИКС), а также к неожиданному, но вполне оправданному «взбрыку» России — страны европейской, хотя при этом и евразийской и даже азиатской, в основе христианской, пусть по преимуществу, и русско-православной, белорасовой, арийской, то бишь… в целом такой же по натуре, генезису, культуре, цивилизации, как и большинство других западной принадлежности стран, что и стало мощнейшим концептуально-политическим ударом для почивавшего на золотых лаврах Запада. Из чуть ли уже не ставшего союзническим партнером Запада, если не прямо звеном западнического по духу планетарного Севера, могшего эффективно-де противостоять Востоку и Югу, Россия вдруг оказалась мало того что выпавшей из северной западнического кроя железной челюсти золотой коронкой, но еще и… чуть ли не главной противницей Запада, хотя, конечно, не так, собственно, Запада, как американо-западнического на планете и над самой Россией доминирования.

За сие-то «предательство», как старается себя убедить обманутый-де Россией Запад, уже и вовсю саморазрушающийся как поздний Рим или

та же запоздалая Византия, Запад и обрушился на Россию войной, которая вовсе не предавала Запад, а всего лишь заявила о себе как… Россия, причем заявила не то что незападной страной, а попросту… собою, следственно, никак не частью глобальной американской (американоевропейской) империи. Россия всего лишь отказалась пребывать в сей замечательной всемирной империи, вновь вступив на путь собственного суверенного бытия — и ничего более!

Запад хорошо понимает, что за Россией на данный исторический момент не только большая экзистенциальная правда, но и явная геостратегическая инициатива, а еще лучше он сознает, что из России истекает для него великая экзистенциально-геостратегическая угроза, против которой он, во-первых, не может не бороться, а во-вторых, не может не бороться несправедливо и неправедно, лживо, подло, ибо как тут иначе поступать с лицемерных имперо-колониальных позиций перед лицом жесткой и колючей исторической правды, хотя Россия нынешняя вовсе и не такая уж праведная «дамочка», а та еще в своих евразийских чертогах прозападная «блудница».

Да — суверенитет, независимость, самостояние, самодеятельность, — все это так, и это вполне уже оправдывает антиамериканский «взбрык» России. Но дело не только и столько в этом: Россия — сама-себе-проект, хотя сама себе она вполне и не принадлежит, а поэтому действует не так, как видится и хочется актуальной России, а как ей вовсе и не видится, и не хочется, что бывало не раз в большом бытии-истории России, что случилось с ней и в переходном XX в. — от Великой революции 1917 г. до великого самопогрома 1991 г., ну и, разумеется, революционной реформы 1990-х. Антиамериканский (антизападный, антиглобалический) рывок России из того же ряда не слишком субъективно желательных, но объективно неизбежных происшествий. Метафизики с глубинной трансценденцией тут куда как больше, чем физики с имманентной ей поверхностной обыденностью.

Россия исходно неотмирна и деяния ее с событиями, происшествиями и потрясениями тоже неотмирны — никаким разумом с никакой логикой они не объяснимы!

Но и это не всё: какой бы конкретно ни была в текущем бытии-истории Россия, в каком бы положении ни находилась, она всегда, пусть и не слишком выраженно, пусть более всего потенциально, пусть где-то в темных закромах бытия-истории, она — Россия — всегда какая-то ни-

кому и неизвестная, даже и самой России… альтернатива, причем альтернатива всему зе́мному миру сразу, не говоря уже о Западе, Европе и тех же США, да и самой себе она постоянная альтернатива, ибо ни на чем конкретном не задерживается, хотя и спелёнывается, и спутывается, и насильно кем-то и чем-то на чем-то конкретном удерживается: то рюриковством, то византийством, то ордынством, то святорусскостью, то европейством, то большевизмом, а теперь вот и глобализмом, но, увы, ничего с того не получается: приходит момент, когда Россия охотно и без сожаления сбрасывает с себя навязанные ей одежды и, охотно или нет, напяливает на себя какие-то новые одежды, как правило, увы, с чужого плеча, поносит их некоторое время и непременно с себя сбрасывает — не то как норовистый конь, не то как вытянутый в неурочье из берлоги растревоженный медведь, но непременно сбрасывает, ища что-то иное, а что… и сама не знает!

Россия — единственная страна в мире, причем не просто страна, а мир-страна, не эволюционирующая просто так, не развивающаяся в рамках навсегда избранной модели, не что-то конкретное достигающая и на чем-то конкретном покоящаяся, а идущая дискретно и импульсивно куда-то вперед, держа в себе неизвестную ей самой альтернативу и стремясь к чему-то иному — не этому, не тутошнему, не сеюмирному, не земному только, а хотя бы к земно-космическому, то бишь к действительно иному.

Таков он, изначальный, запрятанный в первосемени, генетический код России, ее подспудная проектная матрица, ждущая реального воплощения в каком-то (не)реальном и (не)зе́мном варианте.

Игра, в которую вступила (попала, встряла) Россия, не только большая игра с миром, с Западом, Востоком, Югом, с Европой, США, Китаем, Индией, с кем тут еще, ибо игроков разных хватает, включая и мелких подпевал, подстрекателей, перебежчиков, изменщиков, нахлебников, но это и большая игра России с самою собою — вполне себе «русская рулетка», — и ежели вовне у России война фронтальная — против внешней антиРоссии, то внутри России идет уже тыловая война — как с самою собою, так и со вполне враждебной коренной России (России как России) внутренней антиРоссией, давненько поселившейся в России и с ней самозабвенно враждующей.

Отсюда и российский миттельшпиль, о котором речь, накрывающий сразу и внешнее фронтальное и внутреннее тыловое, а потому

и говорить надо о миттельшпиле сложном, двойственном, внешне-внутреннем, фронтально-тыловом.

А по-другому, надо заметить, в России и с Россией и быть не может: внешняя антиРоссия вполне тут естественна, а внутренняя — весьма для России органична. Так что ежели экзистенциально-геостратегическая война, то непременно там — вовне и здесь — внутри.

Во внешней сфере Россия не ставит перед собой задачи какого-либо себе подчинения и уж тем более уничтожения (в отличие от некоторых, западного кроя сил, буквально грезящих распадом и исчезновением России), ибо игра, которую ведет Россия, это игра всего лишь за самостояние России и всего лишь за новое устройство мира, к которому мир, как надеется Россия, должен прийти без всемирной тотальной войны— компромиссно и согласительно. Разумеется, амбициозный имперо-колониальный и агрессивный Запад, в особенности США с Англией, никакого переустройства мира не желают и ради сохранения своего доминирования идут на всё, включая прежде всего войну с Россией, что означает, что конфронтация Запада с Россией, вполне и яростная со стороны уходящего в преисподние дали Запада, совершенно неизбежна.

Что же Россия?

Ведет-таки свою игру, разоблачая и дискредитируя Запад во главе с США, вовсю уже прибегающий к нарочитой диффамации России и к откровенной антироссийской лжи, отбивая любые западные на себя идеократические наскоки; останавливая на подступах к России западный «Дранг нах Остен»; ведя и кое-какое наступление, включая медийно-информационное; ища и находя поддержку вовне, не исключая и самого Запада, который вовсе не так однороден, каким кажется, и где находятся силы, заинтересованные в существовании и даже процветании России, как и заинтересованные в переходе к новому обустройству мира; обретая, — может, и временных, — союзников, сторонников и попутчиков, а в складывающейся тревожной ситуации в мире не таких уж и временных; создавая и стимулируя международные интеграционные группировки, заключая межстрановые договоры, реализуя взаимовыгодные политико-экономические отношения, продвигая свое конструктивное влияние во все стороны, в особенности на Юго-Восток, Ближний и Средний Восток, поддерживая взаимоприемлемые отношения со многими странами, не исключая и страны СНГ.

Да — война с Западом, да — западные санкции, да — западная

игра без правил, но при этом невероятные, но такие долгожданные со стороны России стойкость, твердость, отстаивание своих интересов, наступательные, причем не только реактивного, но и опережающего характера, «игроцкие» ходы: политические, информационные, экономические, военные, технические, геостратегические. Запад тревожится, негодует, бесится, но… фортуна нынче все-таки более с Россией, чем с Западом: таков всесильный, он же и магический, разворот самого Бытия-Истории!

Россия в целом справляется — и неплохо, надо заметить, справляется! — с большой геостратегической игрой, доведя начатую ею партию в позиционном, содержательном и перспективном планах до весьма обнадеживающего миттельшпиля, что позволяет сделать вывод о новом качестве России как действующего на мировой арене субъекта-игрока. Что, что, но это у нынешней России, судя по всему, получается!

Не то с внутренней — тыловой на сегодня — социохозяйственной игрой, а ведь в стране тоже идет немалая игра — за настоящее, будущее и даже прошлое (его трактовку), в которой участвуют разные субъекты-силы и силы-субъекты, как и просто силы как силы — вроде обстоятельств, стихий, процессов, случайностей, неизвестностей.

Внутри страны, как и на мировых просторах, тоже ведь своеобразное казино, где хватает всего: игроков, управителей, инициаторов, слуг, хапуг, мошенников, палачей, жертв, а главное — игры без правил, питаемой алчностью, блудом, деспотизмом.

Тут ведь не какое-то райское для населения убежище, скорее некое адовское прибежище, где в почете деньги, богатство, успех любой ценой, присвоение, коррупция, грабеж… да, конечно, уже не так, как в лихие 1990-е, но… увы… всё еще сверх всякой меры, — да и что еще может быть в пореформенном (созданном лукавой грабительской реформой) казино, если не это: игра без правил, нескончаемая схватка за блага, разъедающее беззаконие.

Но что особенно интересно, хоть и не особенно приятно: идет и вполне себе «казионная» игра… между властью и населением — на основе и в рамках пореформенной социохозяйственной системы, которая в общем-то никакая не система, а скорее — антисистема, ибо управляющая власть, хоть и старается иной раз что-то хорошее сделать, но либо в не очень-то управляемой ею среде, либо с не слишком адекватными стране задачами, либо явно «чужебесно» и вполне себе абсурдно, либо всего лишь некомпетентно, а главное — более всего служа, если уж это получается… самой себе, как и новым в стране большой собственности

и кое-каких властей предержащим, кровные интересы которых, увы, не очень-то совпадают не то что с народными, а даже и национальными.

Тут даже не противоречие между верхами и низами, а уже… противостояние, нет, конечно, не площадное, во всяком случае, пока, а… воззренческое, поведенческое, духовное, одним словом — метафизическое.

Власть — одно, население — другое, — и никакие телеинтервью и телешоу ситуацию внутри страны не спасают и спасти не могут, в особенности с уклонением власти от возможности начать отход по итогам мартовских выборов от по сути и духу глобалической пореформенной системы (антисистемы) в пользу постреформенной системы, как более адекватной России, — что исторической, что нынешней, что будущей.

Власть решилась не на переделку себя под коренную суть и текущие интересы России, а вместе с этим и на созидание новой, адекватной как раз самой себе России, а на дельнейшую переделку России под все тот же реформенный, в основе и в главном вполне глобалический, проект, т. е. переделку не себя под Россию, а Россию под себя, наступая на все те же, излюбленные отечественным правлением, грабли: не себя ломать под Россию, разумеется, новую Россию, а ломать Россию под себя, повторяя, что рюриковичей-византийцев, что Петра-европейца, что большевиков — мировых революционеров.

Ату ее — корневую Россию! И что же в стране сейчас?

А сейчас наблюдается, может, пока не слишком явно выраженный, но все-таки… кризис, да не какой-нибудь там переходный или обычный экономический, а кризис самой пореформенной системы, ее уже собственный кризис, который на деле выражается сверху в кризисе властных намерений и в кризисе властного управления, а снизу — в кризисе народного к власти доверия.

Да, это кризис пореформенной системы, но вовсе не ее крах, — система жива и действует, однако в концепте своем она близка к полному банкротству: она то ли не захотела, то ли не смогла радикально измениться, а потому сама въехала в кризисное безвременье, когда никакие ссылки на безобразные 1990-е уже не выручают, — тут уж ее — пореформенной системы — собственное достижение.

Верховное правление рассчитывает на некоторое подправление социохозяйственной ситуации в стране и даже во властвующей системе, но… на основе, в рамках и усилиями самой этой системы, что очень напо-

минает те же николаевские (Николая I и Николая II), хрущевские и брежневские времена, а это, как хорошо известно из отечественной, да и зарубежной тоже, истории, чревато лишь углублением кризиса и переходом кризисной системы в неуправляемый режим существования.

Внутри страны, как мы видим, идет совсем другая большая игра, совсем иная тут разворачивается партия, отличный у нее и миттельшпиль. Какой же? Мало того, что остро проблемный, напряжный, неопределенный и рискованный, но и… страшно сказать… чуть ли не безысходный, что-то вроде шахматного пата, когда любой ход либо ничего не меняет, либо многое или все в партии лишь усугубляет.

Возникшая по итогам реформы и стабилизации пореформенной системы, административно-менеджериальная подсистема существует, действует, как и безостановочно бездействует, более всего ради себя, но никак не ради какого-то там населения, предназначенного для непонимания, послушания, эксплуатации, обирания, безработицы, самовыживания, обмана, издевательств, ну и для бегства за границу; точно так же бытуют и надзорно-охранительные органы, кроме разве МЧС, даже и неподсудные «независимые суды»; и наша медийно-развлекательная матрица такая же, хотя и имеет, как и везде во всем, какие-то позитивные исключения.

Если власть бывает в себе очень уж уверена и не считает нужным искать реальной, а не той же шоу-электоральной, поддержки у народа, то это, как когда-то выразился хитроумный Талейран, даже не преступление с ее стороны, а… ошибка, та самая роковая ошибка, которая дорого обходится всякому из правлений, как раз вполне уже в себя и в свою несокрушимость уверившимся.

Власть, даже самая авторитарная, неотделима от народа-демоса, даже са́мого, казалось-бы, пассивного и самой же властью изрядно… э-э… презираемого, ибо между народом-демосом и властью бытует мистическая — невидимая и безгласная — связь, причем как позитивная, так и негативная, причем направленная в обе стороны — либо такая связь, либо этакая — и что тут особенно важно: не власть вовсе питает энергией и силой народ, а народ питает власть, а потому не так народ мистически зависит от власти, хотя и немало от нее функционально зависит, как власть мистически зависит от народа — не так от действия народного, хотя и это бывает, как от его… существования. Плохо народу, когда власть уходит от него в отрыв и ему достойно не служит, но горе власти, которая, оторвавшись от народа, служит боле себе чем народу, ибо вовсе

не власть, даже и церковная, благословляет по существу народ, а народ — власть, как, собственно, именно народ благословляет церковь, правящую партию, того же авторитарного вождя, а не наоборот.

Народ всегда бытует и всегда остается, как и та же Россия — бытует и остается, а вот власти и правления приходят и уходят, мало того — исчезают, как и навязанные ими не органично стране режимы.

И что же в России сегодня? А сегодня, что надо бы хорошенько осознать, не что иное, как кризис, да и явная бесперспективность для России навязанного ей пореформенного режима, а потому и необходимо встать на путь постреформенного перестроения, вовсе и не возвратного к чему-то из прежнего, нет, а как раз устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по концепту.

Какой же суперход, во всяком случае открытый для публичного обозначения, намерено предпринять наше властное правление в развернувшейся в стране судьбоносной партии, чтобы не так даже преодолеть, как попросту смыть и забыть возникший в стране системный кризис, начисто переделав все и вся, всю российскую обыденность, все управление, все жизнеотправление, разумеется, кроме возникшей собственности и всех властей предержащих.

Нетрудно догадаться, что вся надежда теперь у властей на тотальную цифровизацию бытия, жизни, хозяйства, экономики, человека, сознания, интеллекта, когнитива, коммуникаций, не говоря уже о труде, производстве, потреблении, творчестве, технике, технологиях, — надежда, сравнимая с надеждами, если их не превышающая, на ту же христианскую веру, коммунизм (как учение прежде всего), на научно-технический прогресс, на электрификацию, индустриализацию, коллективизацию, химизацию, электронизацию (ЭВМ), на тот же глобализм, капитализм, на рынок в конце концов, а теперь вот на всеобъемлющие цифровые технологии, включая и кибернейроповеденческие, да с такой системностью, массированностью и дотошностью, что впору говорить не просто о новой научно-технической революции, а о новой гуманитарной революции, вполне и гибридной (человек+техника+цифра), сравнимой по силе и образу с неолитической революцией, когда произошла замена неандертальца на кроманьонца, с той лишь разницей, что нынешний «кроманьонец» — оператор-цифровик, он же и киборг, а вместо кроманьонского общества, сменившего неандертальское стадо, приходит оцифрованная матричная сеть.

Не случайно ныне приоритет в образовании и науке отдан математике, лишенной что материального, что идеального предмета, кроме голой когнитивной цифры, а фундаментальная наука, она же и по сути метафизика, в загоне, даже и во вполне осознанном притеснении, если уже не в гонении, ибо всё теперь сводится к количеству, числам, моделям — к цифровым скелетам, а не к содержательным, описываемым словами, «телам» и «душам».

Особенно ныне стало тяжко под прессом наукометрических лимитаций гуманитарной фундаментальной науке, всего ближе и полнее относящейся к метафизике, к слову, к переживанию и откровению, к мудрости, но при этом и к человеку с обществом, к сознанию, разуму, когнитиву, психике, ноосфере, как и к трансценденции, ко всему тому, что призвано концептуально судить обо всем происходящем с бытием, жизнью, человеком, обществом, историей, идеологией, с стой же наукой, с культурой, цивилизацией, государством, вообще со всем человеческим мирозданием.

Цифровизация, видно, нужна и явно неизбежна, но… какая цифровизация, с какой гуманитарной мерой и в каком предметном воплощении? Предпринимаемый в России, как и во всем мире, курс на цифровизацию всего и вся оправдан творческой (демиургической) историей человека, но насколько оправдана вполне возможная тотальная цифровая эсхатология, ведущая к трансгрессии человека и человечества во что-то иное, вовсе не обязательно, что человеческое? Не окажется ли новая гуманитарная революция самой настоящей античеловеческой революцией, в итоге которой уже не станет ни человека, ни человечества, ни Земли как космического ковчега спасения? Или же наоборот — всё у человека с человечества, как и у Земли грешной, только начинается?

Кто ответит на эти и им подобные вопросы, пусть и не полно, не окончательно, но хотя бы с заботой о человеке и его будущем, ежели не гуманитарная метафизика, которую нынче если и не гонят взашей из университетов и академий, но к которой явно не спешат прислушиваться ни функционеры, ни даже ученые — денег она не приносит, степеней, должностей и премий тоже!

Вот вам, господа, и российский миттельшпиль, прямо посреди функционального игрового алгоритма и в смысловых глубинах сложнейшей экзистенциально-геостратегической партии, точнее, двух взаимоувязанных партий — внешней для России и для нее же внутренней, — и что интересно: вовне Россия разворачивает антиглобалическую игру —

против однополярного мира за многополюсный мир, а внутри страны российское правление ведет вполне глобалическую игру, точнее, игру-то вроде бы национальную, по месту ведения, а вот по целям, механизмам и духу своему вполне себе глобалическую — за нового цифрогенного человека (may be — постчеловека) и новое, тоже цифрогенное — сетевое общежитие (may be — постчеловеческое).

Особенность сей игры, что игры вовне, главным образом с Западом, с США и Европой, хотя и не только — с бывшими и нынешними «союзничками» тоже, что игры внутри — с собственным населением, которое, как может, приспосабливается к глобалическим новинам, обороняется от них, избегает их и им сопротивляется, кое в чем им поддается, кое-чему идет навстречу, в общем — преобразуется, по возможности себя сохраняя, — так вот особенность сей игры в большой неопределенности, как текущей, так и перспективной: во-первых, «что день грядущий нам готовит?», ибо всякое тут возможно, а во-вторых, чем же все-таки в итоге всё это станется — что в эндшпиле, что в самом уже конце?

В общем, хочешь, не хочешь, а «русская рулетка» тут: что там — вовне, что тут — внутри, хотя, быть может, вовсе и не русская, во всяком случае не только русская, ибо истории известны и другие «рулетки» вроде той же бонапартовой, но все-таки… э-э… рулетка, хотя, заметим особо: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!».

Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова
«Россия в игре: страна и мир» /
Ростов н/Д, Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2019.

ВИБРИРУЮЩИЕ ГОРИЗОНТЫ РОССИИ

«Горизонт» — нормальное словечко для необъятной и недоуменной России: куда ни кинь блуждающего взгляда, везде увидишь удаляющиеся в неведомое горизонты, непременно и вибрирующие — от далей, от игры света и тени, от путевой и целевой неопределенности.

«Горизонт» — совершенно адекватное для России понятие — что онтологическое, что гносеологическое, за которым стоит не одна лишь огромность России, даже не только ее мирность (Россия — не просто страна, это целый мир, а ежели и страна, то более всего не от «стороны», а от… странности!), как и не только некая невыраженность, даже размытость образа — что пространственная, что временна́я, не только сама

по себе загадочность России, ее бытийно-исторического пути, — за понятием «горизонт» скрывается наряду со сказанным не что иное, как… неотмирность России, ее и в самом деле странное единение с иным миром, не совсем зе́мным, а может, совсем и не зе́мным, а каким-то другим, не явленным в заметной глазу окружающей данности, но неявно в зе́мной и незе́мной данности присутствующим, еще и не нейтрально присутствующим, а вполне себе действенно, разумеется, незнаемо для истого наблюдателя и как!

Это как раз то самое особенное, что делает Россию (Не)Зе́мной, немало, пожалуй, и преисподненской, хотя и немало занебесненской тоже, в общем, не такой, как все: западные ли, восточные ли, южные ли страны, вовсе и не лучшей, чем все они, да и не сильно худшей, а попросту… иной — с иным генезисом, иным сущным образом, иным бытием, иной историей, иным, надо полагать, и будущим, — нет, вовсе не свободной от зе́много мира, в нем сидящей, от него немало и зависимой, но все-таки… иной — не то, что особенной, что понятно, а вообще иной, вовсе не таковской, из какого-то другого, так сказать, теста и на какой-то иной закваске.

Корни России где-то в глубоком изначалье, Россия экзистентирует очень и очень давно, с незапамятных времен, хотя Россией она, даже Русью, когда-то и не называлась, а ежели и была Русью-Россией, то всего более как идея, замысел, смысловая завязь, как эгрегор. Доисторическая протоРусь — древняя и средневековая историческая Русь — нововременская и уже нынешняя Россия. Нет, не от Рюрика и уж тем более не от Владимира Святого пошла Русь-Россия, а от незапамятья, от ведоволхвических изначалий, что подтверждается не так артефактами и письменными источниками, как словом русским, безонными по смыслам русскими сказами, а всего более — характером русским — древним, корневым, неистребимым.

Само начало Руси-России где-то за историческим горизонтом (а может, и за доисторическим), а потому и за горизонтом неопределенным: расплывчатым, мерцающим, ускользающим, в общем — вибрирующим.

Тут ведь большая и затяжная мистериальная игра мира Зе́много и мира Иного, в которой не то призом, не то козырем, не то просто разменной картой служит Русь-Россия, — сама при этом игрок, отчего и нескончаемая вибрация русского пространства и русского времени, как и самой Руси-России, ее физики и метафизики, даже когда явленной Руси-России

как бы и нет, а есть лишь застрявшая где-то в Нави какая-то (Не)Русь-Россия.

Если Россия проект, то это проект неведомых сил, ибо, как показывает реальное бытие-история, Россия, вынужденно надевая на себя тот или иной текущий проектный образ, никак в полной мере его не признает и окончательно своим не считает — как неловко надевает его, так и ловко сбрасывает, что говорит о том, что Россия в своей реальной зе́мной ипостаси — сама-себе-проект!

Да, какой-то замысел-проект для России есть, как раз оттуда, то бишь… ниоткуда — из иномирья, но это весьма трансцендентный проект, никак и никому и не известный, включая и саму Россию, а потому Россия — сама-себе-проект: и то, что у нее по ходу и на ходу выходит, то и выходит, а предлагать России какой-то «верный» умозрительный проект — сущая безделица, не раз уже тяжко и кроваво исполненная, хотя можно, наверно, проникнув в эгрегор России и как-то его обозрев и осознав, немало и поспособствовать самореализации России — самой по себе, ради себя и ради мира человеческого.

Самое любопытное, что сегодня, уже в XXI в., данное понимание России и такое отношение к ней очень и очень потребны — пора уже дать России дорогу к самой себе!

И сделать это надо вопреки внутренней и внешней антиРоссии, с ее резко ныне поднявшейся бесподобной русофобией и открыто ведущейся со стороны Запада против России (именно России, а не просто Российской Федерации) «гуманитарной» — обратим на это закавыченное словечко внимание — войны, то бишь войны на уничтожение России как особенного смыслового — и именно гуманитарного, а не какого-либо еще — феномена.

Дело в том, что Россия как экзистенциально-геостратегический субъект вдруг взяла, да и заявила во всеуслышание прямо посреди западного кроя «глобальной глобализации» о своей самостоятельности, о следовании своему геополитическому курсу, о приоритете своих национальных интересов, а главное — о нежелании переставать быть Россией, что сразу же поставило Россию в положение экзистенциально геостратегического конкурента и даже противника Запада во главе с США, упорно продолжавшими свой имперский натиск на Восток Европы, присоединяя к себе как еще недавно бывшие под главенством СССР государства из так называемой «международной соцсистемы», так и кое-какие быв-

шие территории самого СССР, оказавшиеся вдруг новыми «независимыми государствами».

На этот новейший натиск Запада на европейский Восток, на этой очередной «дранг нах Остен», Россия, как это уже случалось в истории не раз, ответила стойким сопротивлением, перестав верить в эфемерный (фейковый) солидаризм с глобализованным, хотя и полным своих собственных неразрешимых противоречий Западом, бесцеремонно ведомым в бездную неизвестность явно уже тронувшимися умом в своем имперском бессознании самонадеянными США.

Тут-то и заиграли вовсю российские, хотя и не только российские, экзистенциальные, гуманитарные и геостратегические горизонты, которые Россия оказалась обязанной защитить, утвердить и «обороссить».

Пошла большая, сложная, неоднозначная, противоречивая и весьма рискованная для России и всего зе́много мира игра, вплетенная в Большую общемировую игру, разверзшуюся на Земле в наступившем XXI в., где игроками не только Запад с США, или лучше — США с Западом, а и весь, или почти весь, неЗапад, причем вовсе не только Восток, но и Юг с кое-каким Севером в придачу.

Россия сейчас в самой гуще Большой общемировой игры — как субъект-участник и как субъект-объект тоже, ибо игра тут не за какой-то нейтральный и приемлемый для всех игроков приз, а за саму для каждого из участников собственную экзистенцию — как факт, как образ, как контент, как континиум. Не шуточная тут вовсе игра, а близкая к той, которая ведется прямо-таки «не на жизнь, а на смерть», причем, заметим особо, по преимуществу и как «игра без правил».

Вполне «гуманитарная», так сказать, игра!

Россия в этой игре вовсе не на периферии, а в са́мом ее центре (если не в са́мом ее пекле), ибо (и отчего) у России не только свои национальные горизонты, а и мировые тоже — мировая ведь это держава — Россия, — оттого и горизонты у нее безграничные, а потому не просто вибрирующие, а, знаете ли, вовсю и пляшущие, чуть ли не скачущие.

Планетарный мир стремительно меняется, это уже не просто изменяющийся мир, а мир-перемена, и хотя США с Западом все еще почитают себя за навершие построенной ими мировой глобализованной пирамиды, причем навершие лидирующее, управляющее, господствующее, но в реальности это уже не совсем так, а кое в чем и совсем не так: мировая глобализованная пирамида не просто трещит ныне по швам, но и шаг за шагом распадается на ряд мировых пирамид, среди которых

и вновь поднимающаяся российская (может, и евразийская) пирамида.

А началось все для России со слова (Слова!) — с мюнхенской (2007 г.) речи главы российского государства, в которой была обозначена невозможность суверенного пребывания России в западо-американской «семье» по причине имперо-колониального поведения США и Запада относительно России и всего мира, продолжения излюбленного ими «дранг нах Остен», созидания вокруг России полосы напряженности и так называемой военно-базовой «Анаконды».

Нечестная и нечестивая игра Запада с Россией, оказавшейся в «перестроечные» и «реформные» 1980—1990-е гг. в роли зависимого псевдо-игрока, была-таки Россией прервана: Россия предпочла для себя тогу самостоятельного игрока, имеющего свои интересы, независимое суждение и свои на руках карты и козыри, — негоже было великой ядерной державе участвовать в игре с западными «партнерами» в функции и с позиции лоха-вассала, призванного к хитроумной игре шулерскими «ведунами» для его заведомого проигрыша.

За словом, сказанным в Мюнхене, а точнее, за слово, сказанное в Мюнхене, пошло наглое высокомерное наступление Запада на Россию, а за кое-какими ее вынужденными отпорными действиями — и настоящая война с Россией, сначала названная весьма коряво «гибридной», а затем уже более изящно — «гуманитарной».

Что ж, сегодня против России чуть ли не единый, хотя не такой уж и монолитный, западный фронт, поносящий Россию и ведущий с ней «гуманитарную войну», готовя и войну настоящую, уже горячую, и противостоит сему цивилизованному-де фронту не слишком-де цивилизованная Россия — сама ставшая фронтом, но уже оборонным, хотя и не без кое-каких наступательных выпадов и операций.

Фронт! Это словцо еще не вернулось в оживленный публичный обиход в своем корневом значении, но фактически феномен фронта уже налицо. Внешний фронт для России уже явно имеет место, он крепок со стороны России, мобилен, в меру активен, что позволяет России не только сохранять и укреплять суверенитет, но и вести свою, немало значимую для себя и всего мира, весьма при этом и загадочную, экзистенциально-геостратегическую игру.

Однако шаг за шагом все более проявляет себя в России и другой фронт — фронт внутренний, который вроде бы и не фронт, а так себе… внутренняя ситуация, но, увы, пусть и подспудно, она все ближе к… э-э… фронтовой, ибо это ситуация хоть и не явной войны, но

и не безмятежного мира, к тому же и ситуация кое-какой борьбы — борьбы не просто за новую Россию, а и за само бытие России как России, ибо тут не одни мотивы и проблемы обновления, роста и развития, а и кое-что куда-как более серьезное: «Быть России иль не быть, а ежели быть, то какой?» — не более и не менее!

Пореформенная (с рубежа 1980—1990-х гг.) Россия! Что это за образованьице такое; что это за «чудо-юдо», что за полифоническая химера? Кто в ней правит, как правит, зачем правит — без известного и работающего текущего проекта (все кабинетные на заказ «программы» тут не в счет — концепта национального как не было, так и нет!), без действенного аппарата, без жизнеутверждающих достижений на векторах занятости, жилья, образования, здравоохранения, науки, гражданской техники, свободного предпринимательства, общенародного благосостояния, а главное, на векторах хоть какой-нибудь нравственной меры и хоть какой-нибудь функциональной справедливости, хоть какого-нибудь воистину дружественного, хотя бы щадящего, отношения правящих и владетельных верхов к народу, стране, природе, ресурсам, интеллекту, городам, территориям? Сложившееся по итогам реформы «управленчество», вроде бы управляя страной, социумом, нацией, ведет при этом чуть ли не настоящую, вполне себе и беспощадную… войну — со страной, социумом, нацией, как раз вполне себе гуманитарную, что трудно наивно-честному уму представить, но что имеет-таки место быть!

Не надо тут приводить сонма примеров, не надо и ничего особенно доказывать: куда ни кинь обнадеживающего взгляда, везде одно и то же: безлимитное стяжательство, безудержное частное присвоение, неугомонный грабеж, алчная неправедность, мертвящее менеджериальное безразличие, массированное неблагополучие масс, дешевая медийная эскапада, ну и вранье, вранье, вранье!

Но что интересно: правящая система таки влезла, не очень-то, видно, это и замечая, точнее — старательно этого не замечая, в собственный системный кризис — причем кризис не так даже неверного и неважнецкого для страны и ее населения государственно-корпоративного управления, как кризис концептуально-экзистенциальный, не говоря уже о нравственном.

Война со страной обернулась-таки для правящей системы сущностным, смысловым и функциональным банкротством!

Алчность, произвол, деспотизм — вот три метафизических зверя,

на которые воссела правящая пореформенная гвардия, с которых она никак не может, да, видно, и не хочет, слезть и которые завели ее в тупик, ею — гвардией — либо не особенно и осознаваемый, либо на который она закрывает глаза, либо ничего другого и не желает.

А зря!

Тут ведь проблема фронтового тыла, без которого ведь никуда — что на любом из передних — внешних — фронтов, что и на внутреннем, заднем.

«Отечественная элита» катастрофически недооценивает «подотчетного» ей населения, его ожиданий и настроений — как факта возможной с его стороны поддержки, так и, наоборот, сначала факта его равнодушия к власти, а потом и факта с его стороны ее — власти — задушевного отрицания.

Безмолвный энергизм российского населения — та еще сила! Она ведь как на созидательную негэнтропию может работать, так и на разрушительную энтропию — что в среде социума, что в системе самой власти. Революция 1917 г. случилась всего лишь по причине того, что российское население попросту отвернулось от надоевшей ей власти. Не революционеры вовсе сделали революцию, не народ, а именно все более терявшая обратную связь, уходившая в себя и становившаяся все более неэффективной и ненужной власть! То же самое происходило в стране и в конце XX в., лишь ярко обозначившись непосредственно в 1991 г. Зачем же актуальной власти подменять исторически обанкротившийся коммунистический большевизм, ведший затяжную гражданскую войну со страной, новым большевизмом — буржуазно-глобалическим, не в меру увлекающимся аналогичной, пусть и обзывают теперь «гуманитарной», войной со своей же страной? Может, все это кому-то сегодня и выгодно, но при ускоряющемся бытии-истории такое поведение властей явно недальновидно — особо долгого времени для необольшевизма у бытия-истории вряд ли теперь сыщется!

Доминационный горизонт нынешней власти не совпадает с экзистенциальными горизонтами России, он слишком узок для России и ей явно не адекватен.

Евроамериканизации России все равно не выйдет, как не выйдет вдруг и ее нарочитой евразиации: России необходима… россиезация, разумеется, новая, не отрицающая России и с ней антироссийски не воюющая, а полагающая Россию, находящаяся с ней в органическом единении.

А ныне лишь разрастающийся отрыв правящего и господствующего верха от управляемого и эксплуатируемого им низа, вполне и опасный отрыв, за которым маячит сакраментальное: «Низы не хотят, верхи не могут!».

Низы без верхов всегда ведь как-то выживают, бытуют, пусть и не слишком наслаждаясь своим житием, а вот верхи без низов — ничто, а потому органика между верхами и низами куда предпочтительнее разрыва между ними, да еще и неуклонно нарастающего.

И ежели надежда российских верхов породниться с западными верхами, да еще и не на правах «бедных родственников», не в роли вассалов, кажется, рухнула и канула в лету, то верхам российским (и псевдороссийским, и даже антироссийским) самое «оно» породниться с… Россией, с (не) своей Родиной, с (не) родным населением, с (не) своим народом, вступив со всем этим (не) своим в органическое единение — тогда-то верхи, может, и выживут — как верхи, — разумеется, при их эффективном взаимодействии с уже заведомо проклятой ими (не) своей, но зато старательно обираемой ими страной.

Да, Россия выживает, бытует, существует, однако… кризис, причем в первую очередь концептуальный, а это есть не что иное, как… кризис и прежде всего именно концептуальный, и такой кризис для страны очень тягостен и безмерно опасен. Верховное правление должно немедля это осознать и решительно изменить (не) свой курс, немало изменив и (не) свое действующее коллективное лицо: настал момент пост-реформенного разворота, что, как кажется, и понимается отчасти в верхах, но почему-то на деле никак там «не можется». А надо бы!

Горизонты властей предержащих куда как у́же горизонтов России — страшное тут, почти и бездное, расхождение!

Площадная по форме, вполне и водевильная драма власти — с одной стороны, и экзистенциальная по сути, вовсе не театральная, а вполне себе житейная, с другой стороны, трагедия России!

Если горизонты власти непроизвольно трепещут — от генного страха, то горизонты России уже надсадно ноют — от безразмерного абсурда!

Да, не все в отечестве слышат это заунывное попискивание довольных вроде бы собой верхов — собственности и властей предержащих, как и слышат это грозное безмолвие изрядно уже обездоленной и зачем-то все еще старательно насилуемой властями и крупным бизнесом вполне себе мирной и в целом лояльной к ним недоумевающей страны!

Странная ситуация, не правда ли?

Впечатление, вполне уже и устойчивое, что власть, заявившая о суверенитете страны и ее великодержавии, отстаивающая все это пред внешним миром, теми же США, во внутренней сфере оказывается пасынком глобалистического евроамериканизма, занимаясь «по-ихнему» переделкой под «ихние» же стандарты всего населенческого жизнеотравления, не считаясь на деле ни с традициями, ни с культурными генотипами, ни с суверенным национальным творчеством, ни даже со здравым народным смыслом.

Жалкое, беспринципное и безапелляционное подражательство, оправдываемое «оптимизацией», «мировыми стандартами», «экономией», «техническим прогрессом», «цифровизацией», «наукометрией», «рейтингологией» и тому подобной фейковой чепухой, — подражательство, не останавливающееся перед самыми настоящими погромами важнейших жизнеотправительных сфер вроде образования, здравоохранения, науки, культуры — то бишь самогó творящего духа нации!

Зачем это «деется»?

Страшно подумать, невозможно высказать! Зачем нам в качестве образца провалившаяся в тартарары в идейно-духовном плане Евро-Америка? Разве не понятно, что за сим бездумным подражательством лишь античеловеческий погост? А главное — вместо животрепещущей страны не более чем «серая дыра». И на этой-то дыре верхи собираются спокойно и беззаботно почивать — каково!

Безумие Запада, все или почти все человеческое уже уничтожившее, как-то очень уж любезно воспринято (не) нашими безумцами: то ли по недоумию, то ли от владельческого страха, то ли от слишком прочной «повязанности». А ведь как раз здесь — в национальной идейно-духовной засаде — весь действительный суверенитет России и зиждется. Правящий же верх маниакально бьет по нему и бьет, наслаждаясь видом разрушаемых им «архаических крепостей».

Вот он — либеральный-де необольшевизм!

Была надежда, были ожидания, подтвержденные патриотически возбужденным массовым электоратом, но… увы!.. все это сразу же после «великой акции» и рассеялось.

Что за самоубийственный шаг, жест, ход?! Такая фантастическая электоральная поддержка и… ничего! — ничего радикально нового, никакого нового курса, никаких значимых перемен. А ведь чего-то такого

ждали, всё прощая возникшему из уголовной пены пореформенному режиму: коррупцию, инфляцию, несправедливости, обираловку, массовую бедность при невиданной роскоши «избранных», «оптимизации», «реформы», «инновации», «прокуратуру», «суд», «полицию», даже бездарных мажоров и разное другое, чем заметен унылый пореформенный «перформанс». И вот: «На внутреннем фронте без перемен»! А ведь такое уже бывало: и когда-то давно, и тогда — еще на памяти, и совсем недавно: гниение, застой, паралич!

Где она — новая жизнь, а не отталкивающее прозябание, уныние и бесперспективность? Отчего многая молодежь не видит для себя деловой, творческой, житейской, а главное — моральной, гражданской, благородной перспективы, и утекает за границу, куда ей совсем и не хочется, где ничего воодушевляющего и воистину ценного для себя и не находит?

Да, население (ни в коем случае уже не народ!) в целом молчит, сопит, пыхтит — разочарованно и недоуменно, хотя и не совсем уж молчит, даже втихомолку побуркивает, а кое в чем себя уже заметно и недвусмысленно открыто проявляет, но… власть, делая старательно вид, что все прекрасно в «королевстве», не вслушивается в это людское, почти что и беззвучное бурчание, не чувствует силы и энтропийной потенции накапливающейся энергии недовольства и отторжения, не замечает подспудного, вполне себе и угрюмого «волнования» субсоциальной «подземки».

Родовой присвоительно-накопительный эгоизм не позволяет верхам ни признать низы, ни понять их, ни пойти им навстречу. «Страшно далеки они от народа!» Однако и от себя самих они тоже страшно далеки, ибо сами по себе они — никто!

Любая полноценная нация предполагает единение «верхов» и «низов» (а лучше — «низов» и «верхов»), вовсе и не монолитное, а, скажем так, компромиссное — идейно-духовное, личностное, субъектное. И не так в противном случае вершится преступление, как нарастает непоправимая ошибка — помыслить себя «хозяивами» страны, и в это непозволительно уверовать!

Суверенитет единой нации — не так в военно-политической ее ипостаси, хотя это и необходимо, как в идейно-духовной, гражданской, товарищеской, даже и родственной, в единении всех и вся — не одинаковых вовсе, по-разному успешных, но перед лицом и в составе нации… равных!

«Ха-ха, — скажут нам, — чего захотелось?», — и сказавшие это

окажутся фактически правыми — при бешеных-то разрывах в благосостояниях, текущих доходах, социальных положениях, возможностях… э-э… российских «сограждан», но экзистенциально стратегически, совсем и не эмоционально, сказавшие это «ха-ха…» никак ведь не выступят против реальной возможности целостного преображения России — как раз на пути России к России и вкруг неё!

Доступными широкому населению полунатуральными хлебами, обильными легковесными зрелищами и прекраснодушными фейковыми речами на бесчисленных форумах сей нарастающей неуклонно потребности того же населения во внушительной экзистенциальной перемене не прикрыть, а показным, роботизированным на западный манер «эффективным управлением» уж никак не достичь!

Генеральная перемена, о которой речь, не может произойти без сонма вспомогательных перемен, весьма и острых, вполне, разумеется, альтернативных как тому, что уже есть и не собирается уходить, так и охотно и бойко ныне проводимым нынешней властью далеких даже от простого здравого смысла «усовершенствований», не говоря уже о систематическом (если не системном) опустошении электронных кубышек ни в чем не повинных перед родной страной ее трудовых насельников.

Альтернатива лихой 1990-х «Реформе» — последовательная пост-Реформа, причем никакая не грубая анти-Реформа, а лишь достаточно коррекционная пост-Реформа, вовсе не обязательно и очень громкая, совсем и не визгливая, но зато поступательная и необратимая. Раскручивать сие важнейшее дело можно на основе и вокруг «оборонки» с армией, Ледовитого океана, Дальнего Востока, Крыма или той же киберсферы, но раскручивать-то надо, имея в виду не одни новые продукты, предприятия и отрасли, но и реальное обновление всей нынешней системы праздного и при этом весьма унылого правления, мало того — системы всего жизнеотправления общества, как раз на основе и перед лицом единой нации, в ее общих интересах.

Никаких загадок и «невозможностев» тут нет, потребны лишь ясное понимание и твердая воля, не исключая и обостренного чувства самосохранения, — однако от кого же лично ждать понимания и чьей же персонально ожидать воли? Вроде бы ясно, от кого и чьей, да вот… не будем далее разворачивать такое «нехорошество», а лишь заметим, что старушенция история никому и ничего из собственности и властей предержащих не прощает, особенно из-за эгоистической, самодовольной и легкомысленной (не) деятельности.

Что ж, российские горизонты натужно вибрируют, и вовсе не только от обширных страновых далей, но и от вселившихся в страну инородных для нее качественных, поведенческих и управленческих странностей — пореформенных, конечно, от которых она (не) терпеливо ждет постреформенного избавления, все более освобождая себя от актуальных относительно воцарившегося в стране режима иллюзий.

Россия, вперед!

P.S. Автор допускает возможность своей неправоты, мало того, был бы счастлив оказаться неправым в оценке всего ныне в России происходящего, но говорить как-то иначе автор почему-то желанием не располагает, да и в гуманитарном концептуальном мониторинге не так важна констатация уже отчетливо проявленного, как превентивное «замечание незамеченного», хотя уже в реалиях подспудно, а то и уже прямо «при дверях» присутствующего.

«Философия хозяйства». 2019. № 1.

САМА СЕБЕ ЦИФРА

Цифра — как обозначение количества, объема, размера и как знак (условный) качества — вещь не простая, а вполне себе магическая, да ладно бы сама по себе — 1, 2, 3 и т. д., а то ведь бытуя в числах с исчислениями — чего только там нет, в беспредельном цифирном мироздании, — да и чего только цифра не обозначает — идеи, смыслы, судьбы, сроки!

Магия и магика (работа) цифры — не шутка вовсе, а… реальность!

Цифра не только служит, обозначая что-либо, но и, навязывая реальности себя, что-то в ней определяет, заставляя уже реальность служить себе, — цифре!

Какие уж тут шутки!

Наука, вовсю пользуясь цифрой, числом и исчислением, отрицает магию и магику цифры и всего с ней связанного, а зря, ибо сама уже подошла к краю, когда цифра стала вовсю определять… качество (!) э-э… самой науки, причем вроде бы и не магическая цифра, а самой же наукой (наукометрией) вполне рационально рассчитанная, но… и независимо от науки (человека науки) тоже: «Быть или не быть?» — все равно чему: лаборатории, эксперименту, исследованию, мысли, самому ученому, в общем — процессу и его акторам, — и все это решает исчисленная нейротехноцифровым устройством… цифра — уже сама себе цифра —

самостоятельная, независимая, непреклонная!

Рейтинг — сила!

Но не только рейтинг как таковой, ибо те же цели — тоже ведь рейтинги, как и доходы, и расходы, и бюджеты, да и вообще любые оценочные величины вроде тех же экзаменационных отметок в образовании или судейских баллов в спорте, но одно дело — человеком исчисленный рейтинг, пусть и не без помощи и участия техномеханики, и совсем другое — рейтинг, исчисленный машиной, пусть и очень «умной», информативно объемной и точной, но… все-таки… машиной.

Человек сам отпускает на волю цифру и сам себя ставит в зависимость от нее, местами уже чуть ли не крепостническую («цифровое рабство» — не досужая вовсе выдумка!)

Пора уже вводить понятие цифросферы (техноцифроноосферы) — особого под- или над-мира, бытующего в человеческом (сознаниевом, умственном, когнитивном) поле, что-то обслуживающего, в чем-то участвующего, чем-то управляющего, что-то определяющего, во всяком случае, уже неотрывного от человеческого мира, с ним и неразлучного, при этом вовсю развивающегося, расширяющегося и содержательно насыщающегося.

Никто не будет отрицать, что явление цифросферы зе́мному населению, как и внедрение ее в человеческий мир, имеет свой резон быть, приносит несомненную пользу и даже оказывается неизбежными, коль скоро прометеевский технос давно уже выпущен хомосом на свободу, и хомос, вовсю творя технос, вынужден теперь лишь вольно или невольно считаться с его поступательным нарастанием в рамках земно-космического бытия.

Что касается практической технологизации земно-космического бытия, то она уже давно весьма зависит от цифры и цифротронных технологий, и эта зависимость, не обязательно вредная, будет только нарастать.

Что может происходить с человеком и его бытием под влиянием нарастающей цифросферы?

Активная цифровизация всего и вся, что означает как, с одной стороны, приход цифровых (матрично-цифровых) образов (копий, клонов) человека во все еще гуманитарные технологии его жизнеотправления, так и, с другой стороны, тотальную цифротехнологизацию самого по себе жизнеотправления, его практической реализации, причем не так с позиции услуги, как с позиции — все больше! — управления человеком, его

самочувствием, поведением и деятельностью, его личным, коллективным и социальным жизнеотправлением (почему нет, ежели оцифрованный искусственный интеллект будет с этим справляться лучше, чем естественный, а естественный интеллект окажется в тесной функциональной зависимости от искусственного?).

Нам бодро и чуть ли не с полным знанием дела говорят, что искусственный интеллект никогда не превзойдет естественный (божеский!) интеллект. Может, это и так, но цифроинтеллект и не собирается превосходить человеческий интеллект, он просто его сначала значимо дополнит, а потом местами и полностью заменит — как более точный, правильный, быстрый и… надежный — это во-первых, а во-вторых, так перемешается с естественным, что этого последнего — как чисто человеческого — попросту и не останется (нужны будут не так роботы-человеки, а человеки-роботы, что как раз наиболее важно, вовсю приемлемо и вполне посильно реализовать цифросфере).

Вот та же экономика, она и в самом деле останется при нашествии техносферы… экономикой, т. е. хомо-социально-стоимостной сферой, или же обратится во что-то другое, допустим — в цифро-техно-артсферу, в рамках которой человек, конечно же, будет иметь место, но вот в роли того или иного управленца экономическим процессом или всего лишь в роли подотчетного элемента цифротехнологической сети? Кто и как ответит на этот вопрос, ежели гигантское счетно-решающее устройство, основанное на цифротехно-логике, будет исполнять экономические, уже и постэкономические, оптимум-задачи лучше любого ловкача-экономиста? Мы, в частности, склонны предвидеть перерастание, и весьма стремительное, все-еще-гуманитарной экономики в постгуманитарную постэкономику — техномику.

Разумеется, мы не правы, — да и кто мы такие, чтобы внаглую ставить подобные вопросы и на них отважно отвечать?

Однако, если уж так дело у нас в России идет, вопросом на вопрос: «А что, господа, вы ничего такого в текущей экономической реальности не замечаете, что счет-расчет в экономике уже в немалой степени как бы… над… экономикой, как раз — в цифротехнологической сфере, а вовсе не в социально-стоимостной, что экономика уже сеть, вполне и цифротехнотронная, а так называемые экономические субъекты (они же и агенты) либо мушки в этой сети (подавляющее мультимиллиардное большинство), либо разных размеров пауки и паучки (тоже подавляю-

щее, но уже иначе, мильонное меньшинство). Что разве еще есть характерные-де для экономики рынок, конкуренция, свободное ценообразование, свободная миграция товаров, капиталов и рабочей силы и т. д.? — и хотя это все вроде бы еще есть, но… лишь как несущественное обрамление-подспорье мощной технотронной (и цифротронной), внешне и незаметной, счетно-решающей, управляющей… э-э… системы-сферы. Цифрокриптовалюты, кстати — не верный ли признак-предвестник наступления оцифренной постэкономической эры?!

Искусственный постчеловеческий интеллект: в дополнение к натуральному человеческому интеллекту или взамен ему? Не совсем в дополнение, ибо он так выйдет на позиции постгуманитарного управленца, но и вовсе не так уж и взамен, ибо человек, став постчеловеком, не покинет насовсем позиции и роли управленца, пусть тоже постгуманитарного. В общем — постгуманитарный хомотехногенный оцифренный менеджмент!

И тут важнейшая для России национально-гуманистическая задача: создать свой гибридный (натурально-искусственный, хомо-технологический) интеллект (вроде кроманьонов среди неандерталов, малой нации в большой нации, техносферы в ноосфере), но такой гибридный интеллект, который будет управляться из национального центра и подотчетный нации, то бишь российский интеллект для России, ибо в противном случае Россия непременно подпадет под чужой аналогичный интеллект и ей грозит в нем немало, а то и насовсем, раствориться.

Гибридный интеллект, о котором речь, — важнейшая стратегическая задача, подлежащая как раз мобилизационному пореформенному исполнению, однако, обратим на это особое внимание — задача фундаментально гуманитарная, ибо тут не что иное, как «Быть или не быть — человеку, да еще и российскому человеку?». О-о, сию задачу просто так, да еще только научно-технически, не решить: тут потребна мировоззренческая, хомовоззренческая, культуровоззренческая составляющая, вполне себе метафизическая, философско-хозяйственная и софиасофская, а кто тут способен помочь, кроме волхвического склада русско-российских прозорливцев, не обремененных никакой заведомой, да еще в основном чужеродной, догматикой.

Возможно ли? А что делать, ежели на кону, знаете ли, не приз какой-нибудь, даже не земля с недрами и имуществом, даже не жизнь, а исполнение двух экзистенциальных проектов — «Россия» и «Человек», но можно и наоборот: «Человек» и «Россия»!

Науко-техноцентрическое и науко-технократическое сознание подавляющего большинства из властей предержащих, как и тьмы бойких исполнителей «цифрового проекта», никогда не позволит ни тем, ни другим встать на путь воистину гуманитарного разрешения актуальной фундаментальной задачи: ничего тут принципиально в субъектно-субъективном плане не изменится, и человечеству российскому придется пережить, наряду и с другими локальными человечествами, величайшую из трансгрессий безо всякой «подушки гуманитарной безопасности», хотя доминирующие верхи будут рассчитывать на иную для себя участь, чем предусматриваемая ими участь низов, однако все будет, как это принято у человеков, для всех одинаково тщетно: «цифирный лом» окажется жестким и беспощадным как для тех, так и для этих, а вот для кого круче как раз и покажет тщательно оцифрованное историческое время.

Вот они — зияющие горизонты цифровизации, когда не то что все, но хотя бы главное, никому не известно, — и чтобы состоялось именно так, как предписано Неизвестностью, и проводится глобальная операция по вычищению гуманитарной сферы образования и мысли от всякого закоренелого, замшелого и загнившего-де гуманитарства — как раз с активной помощью обездушенной рейтинговой цифры.

Вера в науку и технику — тоже ведь вера!

А где вера, там и… самоубийство!

Теперь вот большая вера в вездесущую вольную цифру и большой искусственный интеллект. Разве не сбудется?!

«Философия хозяйства». 2019. № 2.

ОКАЯННАЯ ПРАВДА

Держу в руках белую книгу с совсем не белым содержимым, названную М.М. Гузевым «Окаянное время. Факты (1991—2018 гг.)». Книга о нашем времени, о нас, о сегодняшней России — пореформенной: звонкой, вычурной, блестящей, но при этом и молчаливой, задумчивой, угрюмой, а может, и впрямь окаянной, грешной, проклятой, — а-а?

С книгой не поспоришь, ибо… факты!, хотя и суждения там тоже есть… увы… справедливые. Никуда тут от окаянства не деться, разве лишь противопоставить в утешение, как это обычно делается, другие факты, как бы и положительные, которых тоже наберется немало, но пересилить окаянство никак не удается, ибо его — окаянства — слишком уж много, да не только в родной отчизне, а и повсюду на планете Земля.

Примечательно, что у автора в обозрении, если не под судом, не ситуация вдруг возникшая, хотя и она тоже, а протекающее привольно время, да-да… время! — которое не только не ситуация, даже и не эпоха, а сама экзистенция человеческая, сама жизнь людская, само земно-космическое бытие. Вот оно как! Слишком уж много развелось и расплылось вокруг бесовства, несправедливости, безнравственности, лжи, стяжательства, безумия, уродства, в общем — тьмы, возведенной в ранг неотступного блага и вполне уже по-современному институционализированной, слишком всего этого много, чрезмерно много, уже и невыносимо много, — тот еще факт!

Да-а, вполне окаянная тут правда, та самая, которая не только в окаянно белой книге с вовсе не белым и вполне окаянным содержимым, но которая еще и за книгой — повсюду, не исключая и науки с литературой и искусством, с mass-media, не говоря уж об отправлении власти, управления, собственности, присвоения, распределения, как и вообще всех экзистенциальных нужд и возможностей, не исключая и дивных надежд с пустыми ожиданиями.

Интересно заметить, что эта книга белая вышла в белый свет аккурат к семидесятилетнему юбилею ее автора, — знаменательно, не правда ли!, — мог бы что-нибудь и позитивненькое о времени-то нашем светлом нагородить, а тут… окаянство!

«Философия хозяйства». 2019. № 2.

РОССИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Идеология — целостный идейно-смысловой концепт, которым руководствуется осознанно или нет в своем жизнеотправлении тот или иной субъект.

Можно, наверное, и иначе трактовать идеологию, но мы предпочтем приведенное здесь определение, вполне, знаете ли, и энциклопедийное.

Проще признать, конечно, всего лишь идеологию России или, скажем, идеологию для России, чем Россию как идеологию, то бишь самого субъекта идеологии признать за идеологию.

Однако, ежели не преминуть тем, что Россия не просто страна под названием «Россия», а некий восходящий к мировому изначалью идейно смысловой феномен, он же и сам себе проект, то можно предположить возможность наличия в данном феномене-проекте какого-то

исходного идейно-смыслового замысла-послания, определяющего суть и экзистенцию России и позволяющего составить суждение не просто как о России, а именно России как идеологии, мало того, самой для себя и в себе идеологии.

Прелюбопытнейший тут заход на понимание России, ее феномена, проекта и судьбы, который, кажется, никто и не удосужился до сих пор сделать, — и лишь философия хозяйства, обогащаемая и одобряемая софиасофией, оказалась способной поставить сей неудобный для русофобов и даже многих патриотов вопрос, да еще и попытаться его как-то для себя разрешить.

Не простой вопросец, право, ничего не скажешь!

Нет, мы не будем в краткой заметке на него отвечать, отметив лишь, что в искомой идеологии, не отличающейся большой сообразностью с этим — зе́мным и земны́м — миром, заключена какая-то великая — не земна́я и не зе́мная — тайна, изрядно, если не безысходно, запутывающая поиск решения поставленного, вполне при этом и сакрального, как и интеллектуально давно уже проклятого, вопроса.

Не от мира сего Россия, не к миру сему и ее идеология!

Однако сдаваться перед тайной неземной не достойно русского мыслящего человека, в особенности сына исконного, коренного и, так сказать, глубинного народа, генетически, произвольно и самоотверженно несущего исконную, коренную и глубинную идеологию России, ее суть, концепт и экзистенцию, верящего в Россию как Россию, пусть и с обывательско-научной точки зрения несуразную, тяжкую и несчастливую, но зато необъяснимо притягательную и немилосердно почему-то завораживающую.

Э-э… Россия — это… Россия! — та самая Россия, в идейно-смысловом зародыше которой сидит и не исчезает в основе и в главном неотмирная, а потому и неразгаданная веками, но зато устойчивая в веках, какая-то своя — спасительно-трансцендентная сакральная — идеология, не только делающая Россию Россией, но и ставящая Россию в текущие и чуть ли не последние времена в центр всего великого земно-космического происшествия, называемого бытием-историей.

Интересно, не правда ли?!

А тут еще, понимаешь ли, вездесущая технотронная цифра! Россия и цифра — та еще проблемка!

«Философия хозяйства». 2019. № 3.

ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ АКТУАЛЬНОЙ РОССИИ

Человек — существо идеологическое и, конечно же, идеократическое. У каждого своя идеология, иногда особенная, а по преимуществу в той или иной степени выраженности и распространенности — общая: групповая, классовая, массовая. Человек не может без идеологии, без какого-то жизнепонимания, вовсе не обязательно и очень выверенного и стройного, не слишком, может, и проговариваемого, но всегда в человеке бытующего, даже и без особых на то убеждений, частенько и без особого словоизвержения.

Однако есть идеологии как сами-себе-идеологии, существующие независимо от конкретных лиц, но в людях сидящие, да так крепко, что весьма овладевают людьми, их сознанием, мировосприятием, мыслеизъявлением, поведением, устремлениями, решениями, даже и судьбой. Религии, мифы, сказки, доктрины, учения, уставы, программы, конституции, законы (право), не говоря уже о науках, философии, литературе, искусствах, mass-media, обрядах, традициях, гимнах, даже той же рекламе — всё это так или иначе идеологии, для конкретных лиц, может, и внешние, но зачастую весьма при этом действенные.

Идеологизированный по жизни человек бытует в идеологизированном мире, в мире идеологий, — и никуда от идеологической компоненты человеку не деться, даже и сейчас, в постмодерновую эпоху глобализма, интернета, гаджетов и чипов, в эпоху вроде бы идейной нулификации, во времена тотальной де безыдейщины. Идеологическое сопровождение человечества — пока оно всё-ещё-человечество, — было, есть и будет, просто оно меняется со временем по сути, форме и экзистенциальному значению.

Особое место в идеологическом плане занимают в человеческом бытии, скажем так, чистые идеологии, идеологии сами-по-себе, по-сво́ему концептуально исполненные, такие, к примеру, как друизм, клерикализм, гуманизм, сциентизм, экономизм, капитализм, европеизм, социализм, коммунизм, фашизм, индустриализм, национализм, масонизм, технократизм, американизм и т. п. идейные и при этом идеократические построения.

В образованной среде эти и им подобные идеологемы, или идеоматрицы, и почитаются обычно за собственно идеологии.

Отсюда идеология — целостный (и самодовлеющий) идейно-идеократический концепт, предполагающий и отстаивающий свое воззрение на бытие, внедряющийся (внедряемый) в сознание человека,

так или иначе управляющий сознанием и поведением человека, делающий человека особенным, но при этом и типовым, немало и определяющий человеческую экзистенцию.

Каждое сообразованное в себе и для себя людское скопление вроде стран, государств, наций имеет, хочет оно того или нет, какую-то свою, пусть и не слишком ясную и стройную, хотя совсем и не редко весьма и весьма определенную идеологию, без которой ни сего скопления, ни его выживания, ни достижений.

Деидеологизированных сообществ вроде стран, государств и наций нет и быть не может!

Иное дело, что действующая в том или ином месте идеология особо не выпячивается, о ней специально и много не говорят, даже и сознательно о ней умалчивают. Это касается в основном малых людо-территориальных образований, хотя случается нечто подобное и с великими — не то чтобы по недоразумению, а более всего по какой-то исторической надобности, если не по псевдоисторической суетности.

Этакое происшествие случилось и в российской державе, расставшейся с назойливым марксизмом и неудавшимся социализмом-коммунизмом и конституционно объявившей себя свободной от какой бы то ни было государственной идеологии, что не помешало кинуться в «рыночный фундаментализм», за которым весело маячили экономизм, капитализм, глобализм, американизм, постмодернизм и т. п. вполне идейные вещи и вещицы, включая и вполне себе произвольный и деятельный идейно-идеократический криминализм.

Вранье тут было, самое настоящее и истошное вранье! Формально не провозглашенная, хотя и немало проговариваемая устами отдельных персонажей, нажи́во-грабительская идеология, вполне, знаете ли, и (Sic!)… государственная!

Однако случилась в терзаемой прихватизаторами России и другая идеология, уже не государственная, а именно — народная, гражданская, массовая. Какая же? Фантастически человеческая! Как раз страновая, нацийная, даже и державная, в общем — российская!

Так и бытуют до сих пор в России две главные идеологии: алчно-присвоительная, она же и античеловеческая, и жизнеутвердительная, она же и человеческая. Бытуют в тяжкой, затяжной, изнурительной борьбе между собой и за себя, не находя между собой социального компромисса, как раз целостно-национального. Две идеологии, но ведь и две нации в одном экзистенциальном флаконе тоже. Раздвоенной бытует Россия,

когда есть базисная, но униженная, Россия и надстроечная, вполне себе верховодная, антиРоссия. Ситуация!

Что ж, это действительно так!

И вот выясняется, что современной России, оказавшейся в жестком, вполне и войновском, противостоянии с милым антироссийскому сердцу (скорее, антисердцу!) Западом — вполне себе, в отличие от российского пореформенного государства, и идеологизированном, во многом как раз и по-антироссийски (не по-нероссийски, что понятно, а именно по-антироссийски, что в общем-то тоже вполне понятно, хотя вовсе и не для всех в той же России).

Так или иначе, но встает вопрос о необходимости какой-то единой для нынешней России национальной идеологии. И встает сей вопрос, что называется, ребром: «Или — или!», а за этим «или-или» не так даже концепты разные, как сильнейшая историческая потребность — прямо ради выживания и бытия России: «Быть России как России иль не быть?!».

Фантастическая тут взвилась задача, решить которую по-ученому, да еще и «панельно-дискуссионно», никак не возможно, а решать-то все равно надо, и в дискуссии, конечно, однако никак не в мертвенно-панельной, а в живой, в самой что ни на есть жизнеотправительной, то бишь в широком смысле слова хозяйственной — национально-хозяйственной.

Исходным смысловым аргументом, как и отправной сингулярной точкой в решении вышеявленной задачи должно стать понятие, за которым стоит реальный исторический феномен, называемый то сердечно, то равнодушно, то акцентированно, то безразлично, то победно, то скорбно, то восторженно, то обыденно… Россией!

Да, Россия, именно Россия, но, повторяем, не как страна, государство, нация, а как вполне концептуальное понятие, насыщенное бывшими и судьбоносными, пусть и не особенно раскрытыми и осознаваемыми, смыслами, за которым не фантазия вовсе, а самая что ни на есть реальность.

Россия — идея, причем сама-себе-идея, сама себе и для себя идеократия!

Какая же идея? А кто ж это знает, ежели Россия, будучи феноменом в основе своей неотмирным, и сама этого толком не знает, в чем ее, возможно, и некоторая фактическая уязвимость, но зато и явно великая сакральная сила, — как раз та самая сила, которая так ныне беспокоит не один лишь самодовольный Запад, но и весь озабоченный своим насто-

ящим и будущим планетарный мир. Неизвестность, невнятность, невыявленность России, ее историо-внеисторическая загадочность, ее извечное метафизическое безмолвие — истинные забота, головоломка и даже страх зе́много человечества, в особенности передового, прогрессивного, высшего!

Да, в России есть какая-то восходящая к предыстории сакральная тайна: Россия существует, падает, чуть ли не исчезает, поднимается, меняется и… остается — все такой же неразрешенной тайной. Россию отвергают, не любят, хулят, ненавидят, хотя и почему-то на нее-то только и надеются в тяжкие кризисные годины, получают от нее и выручку, но… все равно, за редким исключением, отрицают, хают, порицают, ну и, конечно же, зарятся на нее: какие просторы, какие богатства, какие резервы!

Мировой контекст не просто не приветлив к России, он ей, хотя и по-разному, враждебен. Ничего не поделать: такова она — судьбина великой северо-восточной державы, у которой бывают попутчики, но практически нет союзников, кроме, как принято стало повторять, собственных армии, флота и ВКС.

Хочется это кому-либо или нет, но Россия, будучи открытой миру или весьма закрытой, всегда на положении если не осажденной, то уж окруженной по периметру враждебными силами крепости. И идеология России должна это учитывать, как и учитывать факт уже развязанной ныне Западом против нее «гуманитарной войны», грозящей перейти в уже войну натурально войновскую.

Но это не всё: в России бытует, весьма, знаете ли, и процветая, самая что ни на есть антиподная России антиРоссия, для которой Россия — подлое недоразумение, черная дыра, вязкая дрянь, что-то явно недопустимое в оптике цивилизационного мира, долженствующее непременно исчезнуть. Так что у России не одни внешние противники, они же и враги, но и весьма боеспособный внутренний противник, он же и враг — антироссийский. Крепость крепостью, а внутри-то всё не так уж и просто: россияне вроде бы вокруг, да вот с таким антироссийским взрывным зарядом то ли за пазухой, то ли за спиной, то ли прямо в руках, что лишь полная от этого жуть. Забавно, не правда ли: не просто упорные критики исторической и актуальной России, а ее упрямые ниспровергатели, вполне и беспощадные.

Понять их как всего лишь вроде бы благонамеренных людей можно: Россия — страна трудная, проблемная, тяжкая, пожалуй что, и

страшная, — и ежели для большинства она все же мать родна, пусть и суровая, и неправедная, и несправедливая, то для других лишь мачеха злая, от которой либо бежать (и вовсю бегут!), либо которую и умертвить досрочно не жалко.

Ах, эта юдоль российская: и «за», и «против» России, причем «за» и «против» со стороны не только россиян, но и самой же России. Анти-Россия не только рядом с Россией, не только внутри пространства российского, но и в самой по себе России. Да, это так: Россия неустанно отрицает саму себя, столь же неустанно при этом себя полагая и удерживая в веках.

Вот и сейчас, во время очередной российско-антироссийской революции, Россия, бодро отрицая себя, почему-то не исчезла, а как Феникс-птица не только сохранилась — немало и в Нави, но и восстала почти что из пепла — прямо в Яви, мало того, вновь заявила о себе как Россия, удерживая при этом в себе зачем-то враждебную ей антиРоссию.

В чем же тут дело? Да всё в том же — в негасимой русскости, в животворящем русском духе, в неистребимых русских, в неутомимом русском мире. Именно так: не так даже в российскости, как в русскости, как раз и удерживающей Россию в Яви, возвращая ее не первый раз из Нави, — а ведь другой исторически упругой экзистенциальной платформы, кроме русского начала-фактора, у России попросту и нет!

Заметим особо: русскость тут не как верховенство надо всем, а как всему животворное основание. Исчезнет русскость — как основание, исчезнет и Россия — даже и как топологический феномен!

Рассуждая об идеологии для актуальной России, примериваясь к какому-то концептуальному разрешению сложнейшей задачи, всё это парадоксальное бытийно-феноменальное и противоречивое историо-событийное достояние России необходимо иметь в виду: никакого благодушия и никаких пустых благоволений Россия тут не потерпит!

Идеология для России — это прежде всего идеология самой России, как видим, более трансцендентная, чем имманентная, более неведомая, чем ведомая, более самоположенная, чем кем-то сформулированная. Можно, конечно, по аналогии с лозунгом «Свобода, Равенство, Братство» или «Православие, Самодержавие, Народность» провозгласить какую-нибудь триединую формулу вроде «Единство, Равноправие, Служение», так кто ж этим в России удовлетворится, непременно потребуют разъяснений, разной аргументации, как раз для того, чтобы с формулой сей

не только не согласиться, но ее решительно опровергнуть и начисто отвергнуть.

И все-таки кое-какие параметро-парадигмальные приближения по поводу идеологии для нынешней России сделать придется. Попробуем!

Примем во внимание, что Россия — большой, русогенный, но при этом природно, этнически, лингвистически. культурно, религийно разнообразный мир, причем мир не просто государственно и цивилизационно единый, но и имперски обустроенный, а еще и в основе своей вполне самодостаточный. Это, конечно, не изолированный мир в планетарном мире, вовсе нет, но мир, так сказать, конгениальный планетарному миру. Этакий не просто мир в мире, а мир посреди мира, если в целом и не передовой, как тот же западный, но явно сердцевинный, причем не западный и не восточный, даже и не евразийский, а… российский, точнее — русороссийский.

Отсюда и абрис кое-какого идеологического концепта.

Первое. Россия как большой специфический мир с многовековой историей, восходящей в доисторическое прошлое; общий дом для всех ее населенцев; дом-крепость, не замкнутый, но с контролируемым входом и выходом.

Второе. Мир в имманентном единении и в непременном разнообразии, ищущем подвижной гармонии разного в общем; мир суверенный, однако разнообразно взаимодействующий в своих интересах с внешним контекстом вплоть до образования международных сообществ и союзов; мир с оборонно-мобилизационным лейтмотивом в историческом и актуальном бытии.

Третье. Высокая значимость и несомненность государственно-гражданской организации социума с централизованным властно-верховным началом и общим для всех служением общим интересам и потребностям; метафизическое народоправие, или народ как метафизический фундамент страны, государства, нации; всесторонняя личная, коллективная и локальная свобода в сочетании с общей для всех цивилизационной ответственностью.

Четвертое. Верховенство закона в сочетании с правом физических и юридических лиц на свою защиту и обоснованное для себя снисхождение; служение Отечеству как благодатная ноша, а измена Родине как недопустимое преступление; культ совести, нравственности, правды, товарищества, взаимности, геройства с параллельным осуждением всего

противоположного — воспитание.

Пятое. Культ высокой культуры, уважение большого интеллекта, поощрение творчества; русскоязычие как непринудительная общая норма; благодарное внимание к истокам и истории, прошлым и старшим поколениям, официальной и народной памяти.

Шестое. Уважение к человеку!

Седьмое. Россия как первая и последняя вера; вера в Россию, ее бытийно-историческое предназначение, ее движение к еще неведомому, но чаемому человечеством (все-еще-человечеством) инобытию.

Не так уж и трудно набросать эскиз идеологии для России (было бы желание), как не очень трудно и опровергнуть всё нами предположенное, точнее, не признать (какое еще служение Отечеству, какая ответственность перед страной, какая-такая измена Родине — это в наш-то глобализированный, космополитический, денационализирующийся век?!), а не признав это, ничего и не предложить (какая-такая идеология в свободные-де от всякого идеократического насилия времена?).

Однако вопрос — сей противный и чуть ли не проклятый современным интеллектуализмом — наличествует, он не досужее пожелание, а железная необходимость, исходящая прямо от «бетонных» реалий, — и сколько бы его ни игнорировать, он все равно никуда не денется, а наоборот, будет всё громче о себе заявлять — неумолимые реалии об этом как раз и позаботятся — не стало бы лишь нам — все-еще-россиянам и людям — поздновато на него отвечать!

«Философия хозяйства». 2019. № 3.

РОССИЯ КАК РОССИЯ, ИЛИ РОССИЯ В РОССИИ

Обычно Россию воспринимают как страну, место рождения или пребывания, как территорию с населяющими ее людьми, но менее всего как духовно-смысловой феномен, как из глубин чуть ли не вечности вышедший особого рода субъект, как идею, концепт, парадигму, в общем — как напичканное своим собственным содержанием историческое явление, имевшее когда-то свое рождение от какого-то неведомого зерна-генома, многое что пережившее на долгом пути, воспринявшее и выработавшее, определив свое «Я», — как раз то самое «Я», которое делает ее при всех внешних влияниях и даже заимствованиях ни собственно Западом, ни собственно Востоком, ни даже пресловутой Евразией.

И как бы кому-то ни хотелось видеть в России то норманнщину,

то византийщину, то ордынщину, то европейство с неметчиной, то советчину с социализменностью, то, наконец, американизированную глобальщину, в общем, всё что угодно, кроме самой России, она — Россия — как была Россией, так ею и остается: любимой, уважаемой, признаваемой, раздражающей, нелюбимой, ненавидимой, но — Россией!

Да, странная, непонятная, временами и местами прямо-таки адская, невыносимая, отталкивающая, но при этом и загадочно к себе влекущая, манковая, восхищающая, дивная, благая. Умом Россию не понять, в нее можно только верить, — факт! И верят ее люди в свою матушку Россию, и доверяют ей, и ценят ее, и поругивают в сердцах, но ей не изменяют, хотя есть и отвергатели, и опровергатели, и изменщики, — что делать, ежели страна такая?!

А какая?!

Полная не разгадываемой до срока неиссякаемой тайны, что как раз и заставляет умных и мудрых людей из Европы и Азии говорить о России как особенной стране, да еще и стране чудес, как и об общении России напрямую с Богом, с Софией, разумеется, общении невидимом и неслышимом, ибо ежели это не так, то бишь без сего общения, то откуда и отчего ж она — Россия, как и почему она есть, держится, страдает и вершит при этом великие дела?

Тайна!

Россия — тайна, но ведь и тайна — Россия!

Россия как Россия, или Россия в России, — да будет! Не мешать бы!

«Философия хозяйства». 2019. № 5.

РОССИЙСКИЙ РАЗВОРОТ: ОТ НЕ-РОССИИ К РОССИИ И ОТ ЦИФРОМАНИИ К ЧЕЛОВЕКУ

Нужен ли сейчас в России какой-то там социохозяйственный разворот?

Вроде бы только что прошла, пусть и разорительная и нагло присвоительная, глобалическая по сути реформа, она же и революция, прошла за ней и пореформенная стабилизация, остановившая бурное разорение, расхищение и присвоение страны, ее хозяйства, даже поведшая их на кое-какой подъем, но при этом не только утвердившая беспримерные прихватизационные подвиги и достижения реформы-революции,

но и обеспечившая формирование новой социохозяйственной системы, включенной в виде производно-зависимой части в мировое глобальное хозяйство, контролируемое Западом во главе с США, а потому и части глобально-экономической (финансовой, товарообменной), глобально-технологической и глобально-производственной.

Стабилизация привела к кое-каким частным успехам и даже росту, пусть и неравномерному, благополучия российского населения, а не одних только новых владетелей страны, ее хозяйства, но стабилизация при этом увенчалась не полноценной в своих собственный глазах державой с суверенной экономикой и независимым хозяйством, а явлением всего лишь субсубъекта, чья социохозяйственная экзистенция слишком уж зависела от внешнего контекста, управляемого США вкупе с мирового масштаба финансовыми, производительными и торговыми гигантами.

Неприятно об этом говорить, но ведь так и было, да и остается до сих пор именно так. Такова цена впрыгивания в глобализированный капитализм, точнее — в глобальную, расставленную Западом, экономико-хозяйственную, культурно-поведенческую, экзистенциально-цивилизационную сеть — СЕТЬ!

Благодаря инициативе и усилиям нынешней российской власти, хоть и засевшей вместе со страной в глобальной сети, но засевшей, кажется, все-таки одной ногой, а не двумя сразу, а потому другой ногой оставшейся, а может, и тоже засевшей вместе со страной, у себя дома, в России, благодаря этим усилиям началось и продолжается не очень на деле решительно, но все-таки кое-какое высвобождение власти и страны из роковой глобальной трясины, поскольку верхи и подпирающие их крупные национальные капиталы таки поняли, что без воистину самостоятельной и сильной России им не видать ни власти, ни капиталов, ни страны.

Осознали, кажется, с каким Змием имеют дело и насколько сей Змий амбициозен, агрессивен, прожорлив и беспощаден!

Не принятые там — на высоких-де змеиных полях — за своих, а может, и попросту ужаснувшись, быстренько взяли обратный курс на Россию, бросившись обустраивать в ней собственную вотчину, превращая ее — вынужденно, инстинктивно, расчетливо — не во что иное, как в национальную державную крепость — КРЕПОСТЬ!

То разоряли страну, разбрасывая советско-социалистические камни, их же и ловко себе прихватывая, то занялись укреплением страны,

не слишком ловко собирая воедино уже ставшие глобально-капиталистическими камни.

Один храм разрушили, стали на его месте и на его фундаменте возводить другой. Вроде бы неплохо — в намерении, но и не слишком хорошо — в исполнении. Ослабив несколько внешнее глобалистическое управление и подтянув суверенитет, милостиво оставили в стране западный змеиный помет, живя и действуя более по-западному (глобальному), чем по-национальному (российскому).

И разыгралось, пусть во многом и подспудно, и незаметно, и тихо, основное противоречие исторического момента: между искусственным, обезумленным и античеловеческим, но почему-то упорно в стране внедряемым, пусть и без особого шума, западнизмом и фундаментальным, коренным, глубинным, вовсе в целом и в основе уже не совето-социалистическим, «российством».

Построяя вроде бы для себя, как и для овладенной ими страны, национальную крепость, правящие круги, истово бросая в бой прозападно подготовленный самим же Западом для внешнего колониального потребления имитационный (и смертоносный!) менеджеризм, опять, который уже раз в российской истории, атакуют собственно Россию, пытаясь сделать из нее какую-то очередную надуманную неРоссию.

Конфликт тут, серьезнейший конфликт, прямо-таки архиконфликт — между Россией как Россией и Россией как неРоссией, не единожды уже бывший в истории России и приводивший в итоге к печальным катастрофическим последствиям, которые приходилось всегда жертвенно стране преодолевать.

Занявшись Россией как суверенной державой, что совсем и не плохо, верховное правление, преклоняясь культурно-цивилизованно, экономически и техно-производительно перед Западом, не только оставляет Запад в России, не только дает ему предпочтение, но и переделывает страну по западным, якобы непременно прогрессивным и правильным, лекалам, возможно, лелея мечту таки слиться с Западом, который, ведя гуманитарную войну с Россией со вспомогательным участием Польши, Прибалтики и Украины, рассчитывает таки включить в себя озападненную Россию в качестве мощного, но столь же вспомогательного, придатка.

Правящая элита, поджав под себя ноги и усевшись на двух козлоподобных барных стульях — как бы российском и как бы западном, надеется, обманув всех сразу, а главное — российское население с его

глубинным народом, настолько суверенно озападниться и озападнить страну, что вхождение ее в мировой глобалический клуб станет независимым, самостоятельным и триумфальным. «Пусть зовут, но на равных!» — не этот ли девиз влечет и тешит наших собственников, денег и властей предержащих, очень и очень далеких от Китая с Индией, с которыми можно торговать, технологизировать, культурничить, но уж никак не сливаться.

Было, уже было — сливались наши «предержащие» то с норманнством, то с византийством, то с ордынством, то с европейством, то просто с неметчиной, то с мировым коммунизмом, а то и пытались огульно слиться с современны западного кроя глобализмом — и что? Не пора ли России слиться с самой по себе Россией, разумеется, не изолированной от мира и великих общепланетарных перемен, но воистину Россией в себе и для себя — по существу?

Отсюда и разворот — нет, вовсе и не от Запада, как можно тут сходу подумать, хотя кое в чем это и так, а по преимуществу… к России, не упуская из виду ни Запада, ни Востока, ни Юга, ни даже Севера, с ними суверенно и конструктивно взаимодействуя.

Да-а, это совсем не просто — не только вернуться к России, убедившись в империальной ненасытности глобалического Запада и своей в его среде вассальной отчужденности, но и обратиться к тысячелетней глубинной России, пережившей разные обязанные внешнему контексту преобразовательные увлечения ее верховного правления и доминировавших элит и, несмотря на это, оставшейся Россией, пусть временами и уходившей в историческую тень, в полубытийную навь.

Тут уместно заметить, что в тяжкие моменты, особенно при оборонительных войнах, верхи никогда не гнушались вспоминать о матушке Руси-России и обращаться к ней за поддержкой, — матушка Русь-Россия всегда выручала не только себя, но и своих чужебесных «хозяивов». Выручила она и мировой большевизм с «отцом народов» во главе — как в деле поправления зарвавшегося в интернациональном угаре большевизма, так и в критический момент великой мировой войны, сразу ставшей для большевизма даже не национальной — это по-европейски, — а отечественной, что было уже мало что по-российски, а и попросту по-русски.

Так что еще совсем недавний по историческим меркам опыт позитивного обращения родного, так сказать, чужебесия к почвенной России вполне убедительно подтверждает необратимость нового разворота

России к России.

Разумеется, времена не те, ситуация не та, люди не те, да и сама Россия не та — не русо-народная. Однако, однако… тут спешить не надо: Россия — это не столько население как таковое, хотя куда тут без населения, а… идея, концепт, парадигма, не слишком-то и осознанно культивируемые этим самым населением, а лучше сказать — генотипно спящие, если не засевшие, в недрах населенческого сознания, если не подсознания, в особенности глубинного, и выражающиеся вовсе не так в обыденном, текущем, людском поведении, служа тем самым лишь внешним прикрытием, как в реализации какого-то не очень-то известного и понятного, а точнее — неизвестного и непонятного, исторического предназначения — не территориально-пространственного только, даже не житейского, а глубинно-смыслового.

Россия — не Запад и не Восток, это — Россия!

Была, есть и… должна вроде бы остаться собою, хотя бы не Западом и не Востоком, но вот как ее — Россию — совместить с нынешними трансгрессивными переменами в мире и очень уж особенными, аж до полного разрыва со всем прошлым, бытийно-историческими, если не внебытийно-внеисторическими, парадигмами — то ли бытия, то ли антибытия (того же ирреально-виртуального, надстроечного, как бы летучего, облакового, при этом и весьма оторванного от обычной реальной реальности, ее вытесняющего, замещающего, умерщвляющего)?

Интересный, занимательный, но в то же время и жуткий вопрос! В самом деле, не растворится ли Россия в наступающей быстроходным темпом новой топ-искусственной… э-э… ирреальности, как должен, видно, расствориться весь мир, во всяком случае передовой, в рядах которого уже замаячили такие археотипические мастодонты, как те же Китай с Индией, интенсивно овладеваемые новой топ-ирреальностью?

Нынешний сокрываемый, но прорывающийся, как все нарочито тайное, наружу западнизм правящего в России класса — сущая мелочь по сравнению с тем, что ожидает Россию и ее правящий верх с разворачивающейся вроде бы очередной, но, кажется, уже и последней, научно-технической революцией — нейро-кибер-геннотехнологической, которая в силу своей пересотворенческой направленности уже непосредственно на человека как вида — от отношений между людьми и обустройства социума до переделки сознания, интеллекта, мышления и даже самого́ человеческого организма — камня на камне не оставит от всего сразу: от человека как человека, превратив его в постчеловека (того же

киборга), от социума, превратив его в некую виртуальную паутину (сеть), от экономики с ее деньгами, капиталами, банками, сделав ее цифротехносетью, от цивилизации с ее государствами, правом, судами, превратив все это в оцифрованное счетно-решающее поле, и вослед всему этому от образования с его учителями и учениками, студентами и профессорами, от здравоохранения с его врачевателями и пациентами, от культуры с ее высокими гуманитарными критериями, от воззренческой науки, размыслительной философии, глубокомысленного богословия, не говоря об инотронной метафизике, даже от наполненной солдатами армии, превращенной в большое обезлюденное теле-кибер-механическое чудовище.

Цифра — последнее античеловеческое оружие в руках, мозгах, мечтах и замыслах вовсю демиургирующего человека, она-то все и решит, да и уже очень многое решает, преобразуя сознание, разум, поведение и даже физический облик человека, делая человека неким иночеловеком, поглощенным разной искусственной атрибутикой.

Цифра — на то она и цифра, чтобы ни с чем и ни с кем не считаться. Холодна, пуста, беспощадна! Это вовсе не слово, полное сакрального духа и неземных смыслов, это что-то совсем другое, прямо противоположное, не сказочное вовсе, но зато очень и очень магическое — по-черному!

Россию нагружают сверху и сбоку цифрой, погружая ее в некий новый образ существования (в перспективе, если так все и пойдет — уже и постсуществования), но сулящая немыслимые блага нейро-кибергенно-технологическая революция несет в себе помимо этих страшно привлекательных для прельщенного ею человека явных вроде бы благ запрятанное глубоко внутри, но с торчащими наружу острыми ушами, очень большое, коварное и грозное… антиблаго, превращающее человека в постчеловека, а человеческое бытие, хоть и в сверхбытие, но в то же время, которое может вдруг и замереть на месте, в самое что ни на есть антибытие.

Что же тогда делать? Остановить цифровизацию, прогресс, движение в новое время?

Прометеевская тут дилемма: «Идти нельзя остановиться»!

Идти придется и идем, и остановиться не можем, а вот о-становить все-таки надо бы, не останавливая насовсем процесса, но… взяв его под узды и поведя в нужном направлении — человекообразном, придав ему, останавливая, не остановку как таковую, а иную смысло-целевую

установку, снабдив иным станом, иной опорой, иным древом — гуманитарным.

Власть, скрепя сердце свое трепещущее от вынужденного страха, как-то и в чем-то считается с людьми страны, с их нуждами и запросами, да и то считается не более, чем наполовину, а то и на четверть, а то и… вообще не считается — тоже от страха. Власть не очень-то уважает людей страны (безуспешных-де недосубъектов) и совершенно их, посещая при этом нарочито и тоже от страха священные храмы и места, не любит.

Не любит, и все!

Не будем говорить, что вовсю презирает, — попросту не любит, хотя что она сама по себе — эта власть — без всех этих безуспешных-де «людишек»? — да… ничего, ибо не люди ничто без власти с ее безумными инициативами, а власть без людей и их трудового подвижничества — ничто!

Вот и потребность, причем более всего потребная самой власти, разворота к людям страны, той самой страны, которая все еще бытует — может, пока еще и втуне, глубинно — как Россия. Не спеленывать, обесмысливать и обезжизнивать людей цифрой надо, а цифру потребно спеленать и обезвредить ради людей, — и ежели уж искусственный разум, то и не вполне же искусственный и не вполне же разум, а не более чем вспомогатель, пусть и в радикально новом человеческом мире, но… человеческом!

И в России, еще не ставшей великолепным на вид, но уже весьма гнилым внутри себя Западом, как и не попавшей еще в сети не родного ей Востока, есть шанс создать свой новый мир — как раз российский, пусть и по-новому технологизированный, сохранив при этом себя — Россию, ее людей и даже ее ловкую, но не слишком все-таки мудрую власть.

Тут как раз и выплывает еще один значимый и неотложный повод к российскому развороту: от сакрализуемого отчаянно и безоговорочно хай-техноса к давно уже сакрализированному идейно-духовному хомосу. Поясним: не от хомоса к техносу надо стремиться, как сейчас и происходит, а техносу идти рядом с хомосом и ему в угоду, не избегая своего «хай», но и не угрожая вследствие своего взрывоподобного развития и безграничного внедрения в человеческое жизнеотправление самому человеку как человеку — как раз хомосу!

Технос споспешествует хомосу, но он ему и реально угрожает — явлением гибридного (кентаврического) существа — техно-гуманоида. Сказки — на то и сказки, мифы — мифы, а фантастика — фантастика,

чтобы реально исполняться, и пусть это исполнение не приведет к хомотворной относительно хомоса катастрофе!

Надо ли упрощать и опустошать человека, сводя его к оснащенной и подавленной техносом безъязычной погремушке, надеясь, что это лишь для примитивных-де народных масс? — несусветная наивность: вероятность явления погремушек в верхах куда как выше их распространения по низу!

Да-а, недаром заговорили ныне о «цифровом рабстве», даже и о «цифровом фашизме», как когда-то предупредительно высказывались о «казарменном социализме», который, заметим, как раз реально и воплотился в том же сталинском СССР, что и предопределило в конце концов казусное и небеспозорное самоустранение сей временно вроде бы эффективной, но надолго не жизнеспособной социохозяйственной системы (даже в армии «казарма» далеко не так уж хороша, а что говорить об огромном социуме, бескрайнем хозяйстве, постоянно потребных крупных переменах, обновленческом прогрессе и масштабном саморазвитии, ни в какой «казарме» подолгу, наверняка и полноценно все-таки невозможных).

Цифровизация несет как немалую пользу, так и большой риск, что необходимо хорошо понимать всем — от простых поборников заманчивой сети и адептов волшебной сетевой аппаратуры до создателей липкой невидимой сети и умной не по годам аппаратуры и, само собой, постчеловеческого навершия из топопредержащих собственности и властей, как и топовершащих судьбоносные решения.

Да-а, соображать надо, понимать, работать, даже и расчетливо крутиться, разворачивая свои воображения, решения и деяния в разные стороны, ища меж противоположностями (а хомос и технос ныне — крутые противоположности, ведущие между собой не так противореченские, как самые что ни на есть боевые действия — техноавангардные и хомоарьергардные) какого-то приемлемого для феномена человека баланса, если, конечно, человек в любой своей ипостаси действительно желает оставаться человеком, не трансгрессируя в… нет, нет… уже не в иное существо, а в иной, знаете ли, феномен… типа того же нанооблачка.

Россия всегда на краю — на краю своего существования, а теперь и все человечество там же — на краю существования, но Россия, терпя невзгоды, страдания и лишения, всегда отпрядывала от края бездны и оставалась в зе́мном человечестве, а вот человечеству в целом отпрядывать уже некуда, а потому всякие техногенные перемены нынешнего

разряда не то что особенно рискованны, а воистину, знаете ли, мортиабельны.

Вот почему у нас — россиян — теплится надежда именно на Россию, как раз умеющую (не то слово — скорее, предназначенную, вовсе, может, не так уж и умеющую) отпрядывать от бездны, причем вместе с человечеством, как это было, к примеру, в момент великой мировой войны, только сейчас это будет — если будет! — куда как сложнее: от войны и в самой войне был откровенный, отталкивающий ужас, а тут, увы, одно лишь манящее прельщение.

Тогда, может, всё решится через катастрофу, которая только и сможет убедить человека что-то нужное понять, что-то потребное решить, что-то необходимое сделать, как раз то и такое, что позволит продлить человеческое существование на планете Земля — уже в новую и вполне неведанную эпоху с новым и вполне неведомым человеческим миром?

Уверенности тут немного, а та, что есть, обязана более всего, помимо веры в Господа Бога для истинно в Него верующих, непреходящей вере в саму Россию, в ее замысел, опять же Божий, ее таинственное предназначение и загадочную судьбу. Атака на Россию, предпринятая уходящим в зе́мное небытие Западом, говорит как раз об этом са́мом — об исключительной роли России не просто в современном мире, а непосредственно в судьбе человеческого мира (нет, не человечества, а именно мира), ибо позиция России как России в зе́мном мире не страдает эгоистической корыстью, свойственной иным населенцам планеты. Однако этого мало: потребна и большая работа, истинно судьбоносное значение которой мало кто сегодня понимает в нынешней России, хотя сама по себе Россия, как показывает неоднозначная текующая реальность (только-только из бездны на свет и вновь вдруг блуждания по краю бездны без особой надежды нового от нее осознанного отрыва — сложно все, неопределенно, рисково!), это как раз понимает, разумеется, по-своему — мистически!

Не мешать бы чересчур уж прогрессивным чужебесным разумом, больным на несуразные преобразования, копируемым с умирающего Запада, идти России по дороге, открытой ей Богом, мало того, споспешествовать бы России, — не просто как стране, а как идее, концепту, парадигме, — на ее пути в будущее, такое же неведомое, как и сама Россия, а ведь, заметим, крайности нежданно-негаданно сходятся, так что, судя по всему ныне в мире и в России происходящему, таки сойдутся!

Post scriptum

В вышеприведенном тексте сознательно не затронуты широко известные мотивы и направления возможного российского разворота вроде таких, как от зависимой глобализированной экономики к суверенной национальной или от абстрактного и разрушительного менеджеризма к предметному и созидательному управлению, не говоря уже о таких уже набивших оскомину разворотных интенциях, как от коррупции к законопорядку или от вопиющего социального неравентва к животворной социальной справедливости. Вообще такого рода мотивов и направлений в нынешней России хватает с избытком, и в одной статье их не перечесть.

Мы коснулись, как нам кажется, кое-чего на сей исторический момент особенно важного и не особенно пока осознанного: России как фундамента и остова России, а также человека как человека среди набирающей обороты и торжествующей античеловеческой цифры. Можно было бы порассуждать, к примеру, о воцарившейся в стране антикультуре во всех ее возможных и невозможных ипостасях, об откровенном бесовстве так называемых «удачников», кичащихся своим пошлым богатством, о поведенческой разнузданности что масс, что «элит», о той же отрицательной эффективности то ли деятельности, то ли бездеятельности, то ли бесцельной суеты, то ли затяжного, чуть ли уже не летаргического от реформистской усталости, сна нынешнего высшего правления — в общем, есть, о чем поговорить под разворотным углом зрения, но… всего тут ведь не затронешь, да и что из того? — и так всё всем хорошо известно, да вот не слишком-то «хочут» нынешние топ-управленцы разворачиваться не то что к России и ее людям, но даже и к обыкновенному здравому смыслу, а ведь без России и ее людей они же, подчеркнем еще раз, попросту… никто, а в планетарном замере еще и… ничто!

Прозреют ли, сии калифы на час до часа своего исторического поражения?

Вопрос! Вряд ли.

«Философия хозяйства». 2019. № 5.

2020 г.

РОССИЯ — ИДЕОЛОГИЯ — РОССИЯ

Идеология любой устойчивой, хотя и изрядно меняющейся, страны — это ее глубинное (архетипическое) и текущее (событийное) самосознание, идейно-смысловая нагрузочная весть, которая непременно присуща стране и с которой страна бытует, мало того, которой страна буквально живет — как именно эта страна — и которая буквально держит страну — как именно эту страну, даже ежели сама эта идеология не получает какого-то более или менее внятного словесно-понятийного, концептуального, парадигмального оформления. Идеология страны — не явное лого-рациональное целое, а более всего неявная идейно-смысловая, этическая и поведенческая данность, занимающая — как дух — социогуманитарное пространство страны и которой страна, органичное ей население, вольно или невольно, осознанно или бессознательно руководствуется в своей нескончаемо текущей экзистенции.

Без органичной стране идеологии, пусть четко и целостно не сформулированной, нет и не может быть никакой страны, никакой цивилизации, никакого государства и никакой животворящей экзистенции.

Есть, разумеется, и своя идеология у России — как исходная идея, как глубокий концепт, как действующая парадигма, что и не требует доказательства, коль скоро Россия бытует в веках и распростерлась на пол-Евразии, пусть и не с такой мощной людской насыщенностью, как Европа и Азия, но все-таки исторически бытует и геомасштабно наличествует, да еще и как идейно-смысловая альтернатива что Западу, что Востоку: тут уж есть явные свидетельства бытийно-исторической действенности, если не экзистенциальной эффективности, глубинно-архетипической и явленно-деятельской идеологичности России, вполне своеобразной, вовсе не такой уж, как кому-то кажется, примитивной, хаосной и нелепой.

Ссылка на идейно-смысловую православность России хороша, но ведь не одна Россия на земле православна, тем более христианна, да и сама Россия не только православна, но и исламна, и буддийна, и чудейна, и язычна, отчего получается, что есть что-то, что выходит за рамки религийных идеологий и что держит в веках и в пространстве Россию как Россию, да-да — именно как Россию (!), а не как Европу или Азию и даже

не как Евразию. Есть он, есть — какой-то таинственный идейно-смысловой инвариант, Россию делающий Россией и удерживающий Россию как Россию, который, увы, трудно, может быть, логически рассудительно понять, но как несомненный факт признать все-таки можно, — есть!

Уместно сказать, что это — русскость, и вряд ли это будет ошибочно, ибо в реалиях так оно и есть — русскость, да вот что это, опять же, такое — вопрос! — столь же навязчивый, сколь и безответный!

Можно, в общем-то, вполне удовольствоваться этим утверждением, как и добавить, что Россия вместе со своей русскостью, против которых в реальном бытии-истории ведется, хотя и неравномерная, но непрекращающаяся борьба (что извне, что внутри), — всего-навсего не-от-мира-сего-феномен, отчего ни умом его не понять, ни легко и надежно в него уверовать, о нем и его идеологии говорить надо хотя бы потому, что Россия, повторяем, самобытна и особенна, что это не Европа, не Азия и не Евразия, а именно Россия, причем, как свидетельствует реальность, сама-себе-Россия, хоть и европейна она, и азийна, и евразийна, и вообще всякая, но… как была, так и остается Россией, даже и под марксистским (совето-социалистическим) прикрытием, и под нынешним глобозападническим давлением, не говоря уже обо всех прошлых ударных на территории России трансформационных деяниях.

А что сегодня? Кое-кто в России настойчиво убеждает нас — россиян, русских, русскоязычных, что никакой особенной России, то есть России как России, нет и быть не может, что мы — Россия и россияне — должны быть как все — из лучших, разумеется, хотя под этим «из лучших» понимается почему-то глобозапад во главе с США, а потому и никакой у России собственной идеологии нет и быть не может, она попросту России не нужна. Правда, при этом почему-то и зачем-то активно внедряется в России и в Россию колониального замеса глобозаднизм с образцом в виде США, да ладно бы в экономику и технологику, а то ведь в гуманитарную культуру, в социальную сферу, в образование, в то же здравоохранение, которые, прямо скажем, от этого нынче вовсе и не такие уж здравые и не столь уж охранительные, а, наоборот, весьма больные, вредоносные, разлагающие.

Короче, современная Россия, как и любая другая, тем более — державная, страна, заслуживает и должна иметь адекватную себе страновую идеологию, вкупе с которой ей не то что проще и удобнее

быть, а быть именно Россией, самою собою, веря в себя, свое будущее и в свое предназначение на этом земно-космическом свете, которое, кстати, судя по историческому опыту России, вовсе не сводимо к выгоде и удобству, а, наоборот, полно сложностей, испытаний, страды и страданий, еще и несуразностей разных, в общем — потаенной неизвестности, несбыточных надежд и невозможных свершений. Россия идет к какой-то невероятной и непредсказуемой цели и, судя по падениям, вывертам и взлетам, все еще выпадающим на ее долю, идет — к чему-то иному, для сего света к чему-то и несусветному, точнее же — к иносветному, а вот к чему конкретно — кто ж это знает?

Итак, Россия — это большая, очень большая страна, страна — мир, страна — великодержавный субъект, однако ничего от себя миру земному не навязывающая, хотя и страна по духу и устроению своему имперская, государственническая, с централизованным правлением и служивым населением, переживающая от мирового контекста всякое — немало нужного ей и для нее полезного, но при этом и в избытке ей ненужного и для нее враждебного, что заставляет Россию хотя и не закрываться насовсем от внешнего мира, но всегда быть начеку, рассматривая себя как виртуальную крепость с контролируемыми входом и выходом, а также не забывать о своей мобилизационной способности и о своем умении за себя постоять, хотя и попадает она иной раз по своей неотмирности в сиюмирный просак, а потом из него жертвенно выпутывается.

В общем, не страна, а казус, не бытие, а недоразумение, не история, а зрящность — как многим в самой России кажется, а все равно ведь стоит Россия, подвижничает, лезет по невидимой лестнице ввысь, подогреваемая снизу своей жуткой преисподней. Страна — парадокс, но кто в мире, скажите, свободнее идейно-духовно коренных россиян, кто более жаждет иного, кто более всего его достоин? А иное — это вовсе не технотронное постчеловеческое постбытие, несомое в человеческую экзистенцию Западом и весьма уже подхваченное Востоком, — это что-то совсем другое — не знаемое пока обыденной Россией, но зато чувствуемое Россией глубинной: не зря же она — эта странная страна — вообще существует, бытуя в веках и располагаясь на широких евразийских просторах, мало того — на крайних северах в обнимку с Арктикой и на запредельных югах в союзе с Антарктикой.

Нет, Россия не для одной только России, она для всего мира, для всей планеты, для всего космоса: крепость, конечно, но ведь

и сборный общеземный пункт, и опорная для человечества платформа, и большая для землян надежда — как раз для Иного!

И такая вот уникальная страна, да без своей идеологии — нонсенс какой-то!

Есть она — идеология России — и должна быть, как есть и должна быть сама Россия, — факт!

Стоит, как видно, заинтересованно порассуждать на сию непростую тему, что и делается в меру сил в нижеследующей монографии.

И это, заметим, только начало!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма»). М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Лмоносова, 2020.

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ РОССИИ, ИЛИ РОССИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Вполне сформировавшийся, пусть и по воле Божией, и, как видно, по своей собственной инициативе, человек, то бишь человек осознаниенный, с сознанием, человек-сознание, оснащенный словом, языком, мыслью, всегда не просто идеен, бытуя идеально, с идеей, посредством идеи, но и непременно идеологичен, имея внутри себя, для себя, от себя некую идейную сознаниево-экзистенциальную конструкцию, пусть и не слишком определенную, не очень стройную, вполне себе подвижную, изменчивую, но все-таки идеократическую конструкцию — идеологию: что личную, что групповую, что общественную, что ми́ровую, что культурную, что государственную, что цивилизованную, что вероисповедную, что антимировскую и даже античеловеческую, ту самую идеологию, которой человек живет, которой руководствуется, с которой утверждается, нападает и защищается, с которой и по которой реализует себя, будучи как автором и актором своей идеологии, так и ее принадлежностью, послушным исполнителем, даже и рабом.

Идеология для человека и его сознания — опора, устав, регламент, руководство, в каком бы конкретном образе сам человек ни был. Человек, сознание, идеология если и не одно и то же, то уж разные ипостаси одного и того же — как раз человека. Человек — по жизни сплошная

идеология, им воспринимаемая, созидаемая, изменяемая, а главное — незнамо как во многом и возникающая, то бишь вещь (от вести) трансцендентная, вовсе не всегда и не во всем самим ее носителем осознаваемая, однако в нем сидящая и его ведущая.

Идеология — действующее сознание, а сознание — реализующаяся непрерывно идеология.

Вне и без идеологии человека нет и быть не может, как не может быть человека как человека вне и без сознания. Даже бессознание, которое можно рассматривать как перерыв, приостановку, помрачение сознания (как явление антисознания), тоже по-своему идеологично, пусть и бездново идеологично (точнее — идеоаллогично), как и то же безумие, которое есть не что иное, как бунт, вспышка, взрыв, помутнение сознания, но что из того: там и там все одно — идеократия, пусть иной раз и теневая, мутная, черная.

Не только человек с его сознанием идеологичен (как носитель и реализатор идеологии), но и окружающие человека с его сознанием хомогенные (институциональные) образования (институты) идеологичны — и не только вследствие своего происхождения от человека с его сознанием, но и по причине своей, уже и собственной, и вовсю работающей, пусть и работающей через человека и его сознание, идеологией — вполне, пожалуй, и трансцендентной.

Будучи сам идейным, идеогенным и идеократическим, человек бытует в идейном, идеогенном и идеократическом мире, так что тут — в мире человеческом — все не только пронизано идеями и идеологиями, но и полно их хаотической, хотя и не без островков стабильности, идейной динамикой, не брезгующей и борьбой, порою весьма ожесточенной и вовсе не единожды смертоносной.

И российский человек идеен, идеопродуктивен и идеократичен, и все вокруг него тоже, и сама Россия идейна, идеогенна и идеократична, не говоря уже о цивилизации, государстве, культуре, о тех же науках, философиях, религиях, театрах, СМИ и, разумеется, дворовых, площадных и тех же тюремных субкультурах.

Мир, с избытком начиненный идеями, идеологемами и идеологиями, в котором любая идеология не более чем частный момент, хотя есть в этом идеологическом мире и объемлющие большие идеопространства идеологии — вроде той же российской, как и той же идеоконструкции, пусть и не самой ясной, выверенной и строгой, но все-таки существующей под вполне уже сакральным именем Россия.

Если говорить об идеологии, или же идеологеме, под именем Россия, то речь может идти не так о сформулированном концепте, как о трансцендентно бытующем «самозарядном» самом-себе-концепте, который не так читать надо и формулировать, как попросту признавать и, насколько возможно осознанно, обозначать, учитывая наследие незапамятной и более или менее памятной истории России, вглядываясь пристально и проникновенно в сам феномен России — прошлый, настоящий и, возможно, будущий. Меняясь идейно-концептуально и так и эдак, Россия, вбирая в себя все идейно-смысловое текущее, отбирала, компоновала и сохраняла какой-то себе присущий идейно-смыслово-концептуальный инвариант в виде некого внутри себя виртуального идейно-смыслового сгущения, некого концептуального облачка, может, и некого туманообразного призрака, тот самый инвариант, неодолимо присутствовавший и присутствующий в феномене России (протоРуси — Руси — России), так или иначе воспроизводившийся во времени и обеспечивавший фактическое бытие России как именно России, несмотря на все внутренние страновые перипетии и внешние для России перипетийные обстоятельства и отрицательные влияния, хотя и России в разных во времени конкретных обликах, образах и ипостасях.

Этот-то инвариант особенно важен для понимания исторической практики России, включая сегодняшнюю и возможную в будущем практики, как и особенно интересен для совершения познавательно-объяснительной на заданную здесь идеотворную тему почти что и невозможной размыслительной операции.

Концепт России, уходящий корнями в доисторические времена — к Началу, хорош прежде всего… э-э… своим отсутствием, своей неизвестностью, оттого и неразрешимой по-людски тайной; он запечатлен своей… неотмирностью: Россия не просто особенна, как и все вокруг этнокультурные образования, она и в самом деле не от мира сего, ибо никак в сей мир не вписывается, хотя в нем и в веках бытует, Россия явно от мира иного, хотя она и в мире этом — как и само сознание человеческое: оно вроде бы здесь, на Земле, в мире зе́мном, но от момента исхода из мира иного и до сего дня оно и там — в мире ином, куда, видно, и стремится в полноте своей окончательно вернуться; Россия как исходно иной, никому толком и не известный концепт, странная и даже страшная страна, держащаяся и удерживающая в себе несоединимые даже в диалектическое противоречивое единство крайности, среди которых вовсе не так Запад и Восток, хотя это и есть, как, с одной стороны, упорное

неохотное полагание себя, а с другой — не менее упорное, но зато весьма охотное себя же отрицание.

Россия то ли прямо из бездны и по-над бездной, то ли сама она наполовину бездна, а наполовину ее — бездны — невозможное преодоление.

Задерживаясь в настоящем, Россия не живет настоящим, идеализируя свое отфильтрованное памятью легендарное прошлое и мечтая о своем отсепарированном свободным воображением утопическом будущем.

У России как бы нет настоящего, а ежели оно и есть, то как бы некое пролетное действо, даже и не особенно сливающееся с собственно Россией.

Россия при этом существует, она есть, даже и в настоящем она есть, но так есть, что надо еще отыскать ее, заметить, подтвердить. То, что происходит в пространстве, называемом Россией, — не сама по себе Россия, тут все сложнее и запутаннее, ибо много в этом пространстве творится нероссийского и даже антироссийского, не говоря о самой круто противоречивой России.

Идея России — мало того, что не в обыденной экзистенции, она даже и не в самой по себе России, ибо она более всего за пределами России, в планетарном мире, да что в мире — и в само́м иномирье тоже.

Для чего вообще Россия? А кто ж это знает, ежели сама Россия не знает, ибо она где-то там — в закрытой для человека неизвестности? Да, конечно, Россия не избегает текущей зе́мной обыденности, но ею она не живет, стремясь, несмотря на все житейские соблазны и конструктивные-де деяния, к чему-то и впрямь иному: то ли к когда-то в незапамятные времена бывшему, чтобы вновь с ним напрочь сомкнуться, то ли к еще не бывшему, но влекущему, чтобы замкнуть себя на что-то пока неведомое, но явно для России, а может, и для всего мира неизбежное.

Только Россия, видно, может, отрицая зачем-то себя, допускать в своем лоне цветущую буйным цветом свою противоположность — неРоссию и чертополошно процветающего своего противника — антиРоссию, поскольку изначальная идея России, как и ее глубинный концепт, не ограничивается, надо полагать, собственно Россией, а полагает некую сверхРоссию, как раз ту самую, которая выразилась и продолжает выражаться, в частности, в возникновении и бытии большой евразийской империи, исполняющей, с одной стороны, миссию укрощения амбициоз-

ного и агрессивного Запада, хотя его не просто в культурно-цивилизационном отношении признает, но и по-своему горячо любит — за умение красиво жить и плодотворно творить — новизну, хотя сливаться с Европой вовсе не желает, так и, с другой стороны, миссию сдерживания Востока, который она тоже признает, отдавая ему должное в части традиционной стойкости и непреходящего любомудрия, но примером для себя, не говоря о ему подражании, не считает.

Россия — не так место столкновения Запада и Востока, хотя это в некоторой мере и так, как место борьбы ее исходной иномирной парадигмы с текущей, обычно оснащенной неРоссией и антиРоссией, а потому и в целом не очень-то российской Россией, что достаточно рельефно просматривается во всей более или менее знаемой истории Руси-России: от норманнщины через византийщину и ордынщину до петроевропейщины, ленинобольшевизма с полуазиатским сталинизмом и нынешней глобозападнейщины. Выходит, что идея и концепт России и в самом деле включают в себя реализацию России в борьбе с самой собою, но в такой борьбе, при которой Россия, испытывая бесконечную страду и нескончаемые страдания, если не попросту выплески ада на своей земле, не без эсхатологического риска сохраняет себя, заодно и обороссиевая свою, пусть и не до конца, неРоссию и одергивая свою же антиРоссию. Мало того, из русо-российской заводи вырастает под давлением указанного многовекового борения какая-то, пока еще никак и не ведомая, будущая Россия — как раз Россия, надо думать, последних для мира эсхатологических времен.

Если учесть то важнейшее обстоятельство, что Россия не раз оказывалась, как оказалась, надо особо заметить, и сегодня, в эпицентре общемировых перемен, не говоря уж о евразийских такого рода событиях, когда течение бытия-истории как бы прерывается и обретает затем новый образ и курс, то можно сделать вывод, что у России есть еще и сверхроссийская, пусть даже и борческая, миссия, она же сверхмиссия — менять — не по своему, как правило, желанию — общемировое, или хотя бы евразийское, течение бытия-истории.

В общем, Россия как феномен бытия-истории есть не что иное, как Россия-не-для-себя — что внутренне, или эндогенно, что извнешне, или экзогенно, — тут и там все, что угодно, кроме процветающей ради самой себя единой, целостной, гармоничной, правильной и праведной России! И это еще без учета обычных социальных, присвоительных, имущественных и любых других экзистенциальных противоречий, охватывающих и

раздирающих любое социохозяйственное образование по всему зéмному свету, пусть и с разной степенью охвата и раздора, как и с разными способами предотвращения, смягчения и подавления.

Живая, то бишь самореализующаяся, идеология России не может не учитывать всей вышеуказанной многоликости, полиморфности, полифункциональности и разносудебности России — России из Россий, отчего не только идеологическая разность, бытующая в России, объединяя под одним покровом разные идеи и концепты, подходы и разрешения, причем не просто разные, а крайне разные, как было уже замечено, по-разному полагающие Россию и по-разному ее отрицающие, вплоть до, с одной стороны, неизрекаемой к ней любви, а с другой — велеречивой к ней же ненависти.

Вот почему все попытки навесить на Русь-Россию какую-нибудь более или менее стройную идеологию, обычно заимствуемую из преуспевшей в сем вопросе заграницы, оканчивались и ныне оканчиваются не то чтобы поражением, сколько… ничем: никак не удается устроителям под себя, на свой взгляд и вовсе, как правило, не своей, строго говоря, России внедрить в нее какую-нибудь из вроде бы успешных за пределами России идеологию.

Глубинная Россия, хотя и дозволяет текущей России попробовать на зуб и даже принять поначалу что-нибудь иноземненькое, вполне себе и разумное, и привлекательное, даже вроде бы и полезное, и эффективное, но… непременно со временем все это чудненькое почему-то отвергает, немало его при этом и перевирая, и искажая, и в конце концов выхолащивая.

В Россию, как заметил мудрый Ф. Тютчев, можно только верить, а мы вослед великому поэту заметим: трудно верить, почти что и невозможно, а… надо!

Вера в Россию и есть ее тайная идеология!

Отсюда и кое-какие вполне себе идеологические, отделанные, как алмаз, народные приоритеты вроде культа матушки-земли русской, ее бесспорной святости, необходимости ее защиты от воров окаянных, признания державности России, бескорыстного служения Отечеству, преданности Родине, склонности к соборности и товариществу («нашеству»), народоправству, признания царского, даже и самодержавного, правления, имперскости, государственности, гражданственности, приоритета общего над частным, чаяния социальной справедливости и личной честности, то есть всего того, что позволяет соединять несоединимое,

одолевать хаос, гасить чрезмерную неопределенность, обеспечивать воспроизведение ударно вибрирующего иной раз бытия, в общем — реализовывать российскую — разноликую, разнохарактерную и весьма раздорную — экзистенцию, держать страну, сочетая прошлое, настоящее и будущее, если не в главном и не в едином, то пусть и временами в бурном, небезопасном и небескровном, в общем историческом потоке.

О какой же российской идеологии для и в пользу современной России можно сегодня говорить? Это в разворошенной, прибитой и истерзанной реформой стране, пусть и относительно в пореформенном ключе стабилизированной, даже и весьма новотехнически оснащенной, немало и материально-потребительски обеспеченной, шоу-зрелищно даже процветающей, но при этом и в моральном отношении омерзительно падшей, расколотой на ряд не сводящихся в единое целое Россий вроде супербогатой, владетельной, успешной, деловой-де и страшно довольной собой высшей России и ей противоположной, кое-как держащейся трудовой, немало бедствующей, неудачливой, нищенской, маргинальной России — и все это в переполненной несправедливостью, коррупцией, обманом, лукавством, лицемерием, присвоительством, мздоимством, вымогательствами, злодеяниями, криминалом, — надо ли перечислять все подобные то ли родимые, то ли благоприобретенные, то ли сознательно нанесенные, то ли стихийно вдруг явившиеся на свет темные… нет, пожалуй, не пятна даже, а целые патологические язвы, да ладно бы лишь на теле России, а то ведь и в самой ее душе!

Ничего себе страна, ничего себе вера в нее, ничего себе и в ее пользу какая-то там идеология?!

Ясно, что ежели идеология для актуальной России, то идеология не так самого по себе бытия, даже и не так выживания, не говоря уже о совершенствовании, как идеология спасения — да, да, именно так: СПАСЕНИЯ!

Сидящая в глубинах народного сознания корневая, отточенная веками страды, страданий, поражений и побед, отечественная идеология хотя и отступила под давлением переворотных обстоятельств и насильственной антимировской и античеловеческой порчи, даже и скукожилась от потока обрушившейся на нее лжи, но не умерла и насовсем не исчезла, выручая и поддерживая ни в чем нарочито новеньком идейно-поведенческом не повинный люд, сохраняя в нем человечность, пусть и затруднявшую сему люду его гражданское, ответственное и достойное человека

существование посреди разгулявшейся не в меру вседозволенности, произвола, безнравственности, несправедливости, как и массового бесовского помрачения — совершенно и идеологического, прямо в плане идейно-поведенческого оборотничества — от света к темени.

Нынешняя реформно-пореформенная власть, устроившая вполне себе крамольную дезидеологизацию страны, а точнее — проводя новую, направленную на расчеловечивание человека, вполне себе и кромешную, негативную идеологизацию населения, вдруг осознала всю взрывную опасность для себя самой и своих пореформенных адептов — новых владетелей страны, наличие дезидеологизированных, или по-новому идеологизиро-ванных, народонаселенческих масс, мало того, что немало стяжательно-монетарически настроенных, но и обойденных, обманутых, обиженных, униженных, оскорбленных, весьма уже и по-новому криминализированных, принялась лихорадочно за позитивную, но лишь для нее допустимую, идеологизацию населения, введя в действие идею патриотизма и обратив внимание людей к великому историческому событию — Победе в Великой войне 1941—1945 гг. На что-то большое ныне действующей власти не хватило и хватить не могло: в реальности ведь ни тебе России как России, ни тебе правды о текущем настоящем, ни тебе обнадеживающего и приемлемого для всей страны зова в будущее. В общем — ни руководящей национальной идеи, ни действенного отечественного концепта, ни привлекательной экзистенциальной парадигмы. Тут почти тотальное безмолвие, причем на этот раз не от народа, которому не привыкать безмолвствовать, а, обратим на это особое внимание, от самой власти. А что ей — власти — сказать людям, какую предложить от себя приемлемую для них целостную идеологию? Ясно ведь — никакую!

А идеология потребна — для России, для людей России, для самой же не слишком-то народной власти. Без добротной идеологии ведь никуда! Какая такая стабильно воспроизводящаяся национальная экзистенция без действенной национальной идеологии — никакая! Лукавая глобоидеология общечеловеческих-де чаяний, потребностей и ценностей разрушительна для любого национального образования, прежде всего для его идейно-поведенческого статута, а уж для России — этого гигантского и разнообразного мира в мире — и подавно!

Идеологию для России не стоит выдумывать, а лучше обратиться к самой России, рассматривая саму Россию как идеологию, что вполне

допустимо, ибо Россия прежде всего не страна, не государство, не империя, даже не цивилизация, а… ИДЕЯ — да, да именно так — ИДЕЯ!

Какая же? Ежели не от мира сего, то вряд ли миром сим она может быть ясно понята, воспринята и сформулирована, а потому, коли уж Россия от мира иного, то и идея ее тоже иномирная, что понуждает говорить об идее России как идее ожидания чего-то на Земле ИНОГО, если не противоположного сему миру, то хотя бы чего-то ему альтернативного.

Понять бы это, да и усвоить! Разумеется, принято это, да еще и освоено, далеко не всеми в российском и мировом пространствах, даже и не многими, мало того, и не немногими, а… всего лишь единицами, но единицами-лидерами, способными не так на деструктивное переворачивание бытия-истории, как на ее конструктивное творение вкупе с самоходом реальности и самовыплесками неизвестности.

А раз уж Россия пребывает в мире сем, да не просто пребывает, а весьма участвует в его реализации и судьбе, то она вполне может и продиктовать свою для себя идеологию, что, собственно, в реалиях и происходит, пусть человеком идеологически (по-идеологическому) и не осознаваемую.

Исходя из России как сакральной идеи, идеология России должна быть и идеологией россиян — людей России, а потому должна быть сориентирована на бытие россиян в России, на их мировоззрение, поведение и деятельность, на их экзистенцию.

Принимая во внимание нынешнее, мягко выражаясь, кризисное, если не патологическое, состояние России, ее населения и, главное, ее правления, то бишь ежели говорить об идеологии для актуальной России, то, конечно же, не столько как о возможной в текущей реализации, сколько как о возможной в будущей реализации, то бишь не так, как о практически действующей, как о потенциально возможной идеологии. Утверждение такой идеологии в реальности возможно лишь при условии глубоких и масштабных перемен в стране по постреформенному вектору — как раз и предполагаемому идеей России, ее фундаментальным концептом и функциональной парадигмой. Что-то вроде этого ожидал российский электорат в марте 2018 г., но верховная власть не пошла на сии перемены, предпочтя частичный ремонт близкой и даже родной ей пореформенной системы, да и то более на косметический ремонт, чем на капитальный. Нельзя сказать, что российские верхи всего происходящего не видят и ничего всерьез не воспринимают — и видят, и воспринимают, — но они бытуют в тенетах реформизма и не осмеливаются

по вполне понятным обстоятельствам на достаточно крутые перемены в бытии России и в текущей идеологии, все еще зараженной глобозападнизмом и весьма далекой от собственно России.

Заметим, что здесь имеет место самое что ни на есть серьезное противоположение не так даже России и глобозападнизма, как глобозападнической России и России глубинной, да что глубинной — и наличной тоже!

Не предполагая никого поучать и ничего из практического советовать, попробуем все-таки обрисовать в общих чертах в концептуальном ключе возможную идеологию для актуальной России.

Начнем с утверждения, что Россия — это наш — наш для россиян — общий земно-космический дом, в котором, раз это наш общий дом, должно иметь место внутреннее жизнеотправительное устроение на принципах всеобщего гражданского единения, моральной и функциональной справедливости и взаимной солидарности меж людьми, коллективами и иными образованиями, разумеется, устроение правовое, государственное, ну, и имперское тоже, в рамках и посредством которого реализуется всеобщее гражданское служение в сочетании с высокой государственной ответственностью при неукоснительном приоритете общего начала над любым частным, а уж раз это земно-космический дом — что-то вроде Софийного Дома, то бытие в нем предполагает всеобщее трудо-творческое себя исполнение с ориентацией российской экзистенции на движение не просто вперед и ввысь, а и к иному по качеству бытию, однако бытию по сути своей непременно ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ!

Как всякий дом, наш общенародный дом по имени Россия должен быть открыт для внешнего мира, но ровно настолько, чтобы оставаться для себя и его обитателей не чем иным, как именно ДОМОМ, вовсе не какой-нибудь гостиницей или туристической базой, а потому его в целом свободные входы и выходы должны в меру контролироваться и регулироваться, что обычно и делается главным национальным домоустроителем — государством, а весь дом должен непрестанно охраняться, обороняться, старательно поддерживаться и непременно продолжаться. Суверенитет и безопасность — важнейшие приоритеты любого национального домоустроения. Отсюда и оборонно-воительная составляющая всякого национального образования, не говоря уже об имперском, каковым как раз и является распростертая наполовину Евразии меж Западом, Востоком и Югом своеобычная Россия. Воинский дух в сочетании

со стойкостью, отвагой и презрением к смерти в чрезвычайных обстоятельствах — великое достояние России, ее народа, а соответственно и издавна бытующей в России самовоспроизводящейся народной идеологии.

Общий дом — это непременно общие правила общежития (писаные или неписаные), взаимные меж людьми и институциями обязательства, общепринятые нормы поведения и деяний — в общем, те или иные регламенты, а соответственно и контроль за их соблюдением. Ничего особенного для любой цивилизации, а потому и для России тоже, может, лишь особенно актуально и остро для нынешней пореформенной России, пережившей настоящую соционравственную катастрофу и все еще не избавившейся от ее тлетворных последствий. Идеология нынешней России не может не быть идеологией возрождающихся морали, ответственности, дисциплины, порядка.

Общий дом — всегда общие дела, а ежели это наш общий дом, то, безусловно, наши в нем общие дела. Да, можно много говорить о разных общих делах в хозяйстве, экономике, производстве, политике, науке, искусстве, творчестве, как по всем этим делам со стороны идеологии благоприятствовании. Однако среди вала общих разного калибра дел потребно выделять главные, как раз в особенности нуждающиеся в идеологическом обосновании. Кроме таких достаточно уже обоснованных общих — национальных — дел, как оборона, Вооруженные силы или то же освоение космоса и Арктики, есть и другие приоритетные, может, пока еще не очень очевидные, общие дела, требующие соответствующего обоснования как по сути своей, так и по режиму реализации, причем обоснования, подчеркиваем это особо, именно идеологического, гуманитарного, культурно-цивилиованного, национального, общечеловеческого.

О чем тут может идти речь?

Во-первых, для сегодняшней России актуальна, скажем так, антикризисная идеология, призванная обосновывать преодоление в целом уже очевидного социо-культуро-цивилизационного… э-э… неблагополучия, если не… уродства, в которое влезла и в котором бытует пореформенная Россия; помимо того, что сие целостное неблагополучие-уродство пора уже признать и соответственно обрисовать: от банковского дела через СМИ и театры до экологии и национальной лингвистики; надо, конечно же, внушить обществу, госаппарату, разного рода влиятельным деятелям, обычным людям, что в патогенном, искаженном,

хаосном состоянии не то что стране далеко не уйти, а и попросту не выстоять на месте — как невозможно это сделать любому захваченному предсмертным разложением организму; разумеется, кто-то не видит во всем вокруг происходящем ничего особенно страшного, кто-то даже в нынешнем кризисном состоянии и неопределенном течении российского бытия углядывает возможность прогрессивного развития страны в русле передового-де глобозаднизма; кто-то попросту «греет руки», обогащаясь, гедонизируя, гламурничая, кривляясь, а кто-то из немногих, если не единиц — не только понимает, что все это рано или поздно заканчивается, но и знает хорошо, чем это реально заканчивается; так не лучше ли заняться вовремя преодолением кризиса, пока кризис — во многом ведь прямо-таки античеловеческого и антимировского пошиба — не займется самими его нынешними инициаторами, адептами и бенефициарами. Страшный суд — вовсе не надуманная горьковатая метафора, а неизбежное очищающее и вполне себе беспощадное деяние роковой Неизвестности (и Неизбежности тоже!); зачем вообще доводить дело до тотального насилия, исправляющего вроде бы уродливую реальность, но и способного, переиначивая реальность, ее вновь, уже по-своему, во здравие-де искалечить?

Во-вторых, нужно, надо полагать, обосновывать идеологически способ выведения актуальной России из разъедающего ее кризиса — не просто системного, а воистину экзистенциального (с антиэкзистенциальной при этом направленностью); вряд ли тут удастся обойтись камуфляжными полумерами, ибо тут нужны весьма радикальные меры, введению которых должна предшествовать нелицеприятная по идее обрисовка бытующей в России ситуационной картины — достаточно откровенная, что-то в духе и стиле знаменитой мюнхенской 2007 г. речи российского лидера перед оторопевшим от вдруг услышанной правды сверхнациональным истеблишментом, более всего, конечно, глобозападническим; далее потребно уже сопровождаемое обновляющейся идеологией позитивное реконструкционно-конструктивное движение всей российской нации: от пореформенной и уже весьма самодискридитировавшейся модели бытия к постреформенной — пророссийской и прочеловеческой; ежели движение нации, то осознанное и добровольное, а не спровоцированное взрывным катаклизмом или же подстегиваемое жесткой диктатурой влезание в новый, уже и неизвестно в какой, заграничный «костюмчик»; отсюда и потребность идейного «прикида» буду-

щего образа новой России, того самого образа, который может возникнуть в ходе реконструктивного движения нации по российскому руслу, то бишь вместе с самопревращением самой России; не навязывание тут в приоритете, а выявление возможного, хотя и с учетом того чудесного обстоятельства, что на поверку в реалиях является всегда что-то из невероятного, причем из того, что не может быть вроде бы никогда.

В-третьих, идеологический подвох, вполне и императивный, важен для осмысления нового забродившего по земле российской экзистенциального призрака — призрака новой, уже постреформенной России, разумеется, воспринимающего многое из так называемого современного, чего не скинуть при всем желании с «корабля современности», да, собственно, и не надо; главное в том, что идти далее по весьма уже разбитой колее радикального глобозападного постмодернизма уже никак нельзя — настает время нового консерватизма, не возвратного вовсе, а лишь разворотного, вполне себе по духу и форматике передового; идеология сего передового консерватизма и должна исполнить небывалую сверхзадачу — помочь бескатаклизменно вывести Россию как к самой себе, так и к человеку — сей страны насельнику (дело тут сейчас не так в месте рождения каждого из насельников российских, как в плодах его в ней пребывания; что означает и наличие соревнования коренников с пришельцами за лучшую участь под ныне притуманенным, но все более проясняющимся российским солнцем, — при этом вовсе не исключается и явление меж теми и другими продуктивного экзистенциального единения); вряд ли стоит чертить здесь образ возможной в будущем неоконсервативной России: уже ушедшего и канувшего в Лету не вернешь, да и не надо, а нужное людям и стране непременно себя утвердит со сменой общего курса и решающих реальность акторов; сложно, трудно, почти что и невозможно, но… надо! Обратись к России и ее людям, управитель, и российская мать сыра земля, что питает Россию, ее людей и тебя, управитель, как и космос — сокол ясный, что над сырой землею российской и тянет Россию ввысь, в Иное, все потребное и устроят!

И, наконец, в-четвертых (так уж вышло в статье), самое-самое, пожалуй, для текущей современности и просматриваемого будущего: уже идущее вхождение России и ее людей в новый технотронный мир, который вовсе уже не просто машинный, электротехнический, телерадиотехнический, когда техника по преимуществу на службе у человека, пусть и человека весьма уже технизированного, но все-таки еще вполне

человека по своей биоментоправометрике, а в совершенно новый — отрывно новый — технотронный мир, когда возникает феномен не только практически полного подчинения человека технике, во всяком случае — решительной и решающей зависимости человека от техники, а и появляется возможность реального превращения человека в какое-то техноискусственное существо, может, и по внешности все еще человекообразное, но по сути уже какое-то иное — постчеловеческое; сторонники новейшего нейрокибер-генно-нано-психо-прогресса нам, конечно, возразят, утверждая, что речь идет лишь о новой волне технизации человеческого жизнеопределения, никак человеку как человеку не угрожающей, хотя и многое в нем и его жизнеотправлении меняющей, а мы все-таки будем исходить из наличия реальной угрозы человечеству, вполне и трансгрессивной; тревожная гуманитарная озабоченность сейчас все-таки актуальнее и значимее научно-технологической беспечности; вот почему в идеологию современной России необходимо закладывать мощнейший гуманитарный мотив: техника техникой, а человек человеком! Россия, вырывающаяся из-под зависимой, если не колониальной, опеки Запада, обязана, верша новую технотронную волну, иметь целостное представление о наступающих коренных переменах и не допустить внезапного для себя и своих людей от надвигающейся новизны сокрушительного поражения; потребен новый размыслительно-ориентирный кластер, состоящий по крайней мере из Института человека, Института философии хозяйства и Института будущего; потребна и в самом деле новая идеология для России, исходящая из самой России — как раз России как идеологии!

P. S. Идеология, читатель, — это не только и не столько то, что бывает хорошо продумано и словами ловко изложено, даже и не все то, что вполне захватывает людское сознание и неплохо в реальности работает, идеология, читатель, — это и то, что не имеет рационально-словесной выраженности, мало того, по преимуществу и не имеет, ибо идеология менее всего рациональна и менее всего словесна, это скорее — потенция, стремление, воля, вожделение, наконец, природа и реализация чего, знаете ли, совершенно метафизические, если не прямо мистические.

Да, можно долго и нудно писать «Слово о благодати», «Государя», «Домострой» или «Программу КПСС», можно что-либо из этого хорошо усвоить и чему-то там следовать по жизни — что совсем и не плохо, — но достаточно вдруг оказаться в другом месте и увидеть другое, даже и просто ознакомиться с другим, включая и другой текст, как идеология,

а это, повторим, не что иное, как обычно невысказываемое стройно и целостно сказание сознания о себе самом и для себя самого или же его — сознания — собственное руководство, и вдруг тщательно воспринятая, выработанная и обустроенная идеология кардинально меняется… э-э… иной раз на прямо противоположную!

Пока смотришь вожделенно на Запад, на господствующие там деньги, на доминирующую во всем механику — одна у тебя идеология; обернулся с интересом на Восток — другая вдруг является в тебе под давлением восточной мудрости идеология; а ежели обратился всерьез к России — уже российская вырастает в тебе идеология, разумеется, не слишком тебе самому и понятная — трансцендентная, ибо не какая-нибудь, а иномирная.

Так «о чем же лай мой»?

Да все о том же — о развороте России к России, да не просто к стране, Родине, Отчизне, что совсем и не плохо, а именно к России — как к идее, концепту, парадигме, как к сакральному бытийно-историческому, но при этом и зе́мно-космическому, явлению-событию, как к непреходящей для россиянина, не говоря уж о коренных русских, ценности.

P. P. S. Здравомыслящий россиянин, причем неважно кто — рабочий, интеллигент, артист, администратор, мошенник, вор, гастарбайтер, услышав о призыве к новой позитивной идеологии для России, да еще и исходящей из самой России, в лучшем случае пожмет от недоумения плечами, а в худшем — уже от всего и вся надежного понимания — покрутит руцей у виска своего: «Ну и ну, господа хорошие, чего захотели?!» А мы, как раз господа эти хорошие, возражать не будем, как и убеждать никого ни в чем не будем, а когда все самое-самое все-таки случится и о нас никто, как водится, не вспомнит, ибо не только не до нас будет, но и никого из способных что-то эдакое вспомнить не будет, как и сейчас, в общем-то, почти нет, то все сразу всем и увидится: нужное, зряшное, промыслительное, внезапное, а главное — страшное и непоправимое, но что из того, ежели поделом будет, да и есть!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма»). М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Ровно год назад, в июне 2019 г., нами, учеными России, по инициативе Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова на базе и при участии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина была проведена Всероссийская научная конференция «На родных просторах: проблемы, деяния, разрешения», на которой речь шла о необходимости разворота России, причем разворота России к России, и соответственно об отвороте (а потому и развороте тоже) России от глобализма, вовсе не либерального и не демократического, а попросту империо-колониального, когда империя там — на Западе, в Евроамерике, в США, у англосаксов, а колонии — по всему миру, включая в известной мере и нынешнюю Россию.

Ученое сообщество, проводившее конференцию, давно твердит о необходимости суверенизации России как большого хозяйственного очага с обретением им фактической национально выраженной субъектности и комплексно сбалансированной целостности. Подобное возможно именно при обращении России к самой себе, однако не в ее нынешней прозападной стро́евой, идеологической и управленческой заданности, а в ее собственной, обоснованной исторически, концептуальности — как страны суверенной, великодержавной, империальной, государственнической, соборной, центрократической, опирающейся по преимуществу на собственные силы, по-своему идеократической, духовной.

Такой разворот России к России никак не предполагает возвращения страны к какой-либо из ее уже состоявшихся в прошлом версий (это и попросту невозможно), он предполагает лишь учет характерных для России как России конструкционных скреп, конечно же, в современной реалистической трактовке, немало и пореформенной, тех самых скреп, без которых не только Россия — не Россия, а лишь некий похожий на Россию квазизападнический эрзац, но и само существование России вообще оказывается под большим вопросом.

Итак, то был конференционный июнь 2019 г. А в декабре того же 2019 г. то же самое научное сообщество провело уже в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова международную научную конференцию по очень тогда и сейчас (июнь 2020 г.) занимательной теме: «Россия в координатах ударных перемен», предвосхитив тем самым хоть и не собственно разворот России к России, чаявшийся ученым миром еще в июне 2019 г., но хотя бы начало каких-то,

правда, не очень внятных по смыслу, задачам и конечным целям, правительственных перемен — аккурат в январе 2020 г.

Нет, сии правительственные начинания никак не были ни всерьез пророссийскими, ни всерьез ударными, хотя и делались внешне в интересах будто бы России и чуть ли не по-ударному, но, как оказалось, ради все-таки не более чем косметического подправления бытовавшего в России пореформенного строя и действовавшей в стране (или же фантастически бездействовавшей) управленческой системы.

Начали тогда, помимо некоторой перетряски состава правительства, почему-то с подновления Конституции Российской Федерации, а не с конкретных системных преобразований, по поводу которых у правящих кругов, видимо, не было никаких серьезных намерений, не говоря уже о целостно-целевой программе российского перестроения, хотя и было уделено внимание так называемым национальным проектам, которые действующий (а, скорее, фантастически бездействующий) менеджменто-бизнесовый контент либо не слишком способен достаточно эффективно выполнять, либо склонен рассматривать не более как источник легкой для себя наживы.

Через короткое время стало ясно, что новая конституционная реформа задумывалась более всего ради бессрочного продолжения действующего единоличного лидерства и столь же бессрочного удержания существующего в стране пореформенного, чуть ли уже не неофеодально-иерархического строя со всеми его аномальными достояниями и абсурдными оптимизационными квази-глобалистического толка инициативами, уже нанесшими огромный вред хозяйственному, социальному и трудо-творческому жизнеотправлению страны и готовыми продолжаться теперь более всего на ниве и под прикрытием как раз уже воистину ударной цифровизации.

Но тут вдруг вступила в бой коронавирусная пандемия — этакая коронованная дьяволом старушенция с косой — отчего все «ударные начинания»… нет, конечно, не пошли насовсем прахом, но… угодили куда-то в тень, скрылись, затаились, поджидая часа своего внезапного возрождения!

Однако наступит ли он — этот час, да и когда и в каком исполнении — тут уж большой вопрос! Люди — весь мир, вся Россия — выйдут из пандемического панкарантина уже весьма, пусть и невольно, другими, да они уже и сейчас заметно другие, — и кто тут будет более прав

в аспекте возможного или нет, коренного или профанического, проросийского или же проглобалического… да нет, конечно, не разворота России к России вовсе, на который, видно, нынешние креаторы никогда не пойдут, а хотя бы в аспекте хоть каких-то заметных и значимых перемен… э-э… не то чтобы к лучшему, как того всем россиянам хотелось бы, а хотя бы к какому-то хозяйственно-политическому здравомыслию.

До чего же дело дошло — аж до взывания хотя бы к здравомыслию, к некопанию под собой и перед другими окаянной бездной ямы!

Настрой правящего верха ничего всерьез не менять в стране, в ее устройстве и в жизнеотправлении вполне понятен — ему надо сохранить себя и своих неправедно обогатившихся и прозападно настроенных адептов, свои и их баснословные доходы, свое и их господствующее в стране положение, удержать страну в качестве своей вотчинной «дойной коровы».

А реальность «коровья» требует-таки больших перемен, причем независимо от конкретных чаяний конкретных людей, — и какое-то понимание этого императива у правящего верха есть, и он, этот верх, пытается что-то делать, но, увы, более всего лишь изображая перемены, точнее, может, и проводя их, но такие перемены, которые не только не выходят за рамки существующего в России пореформенного мироустроения, но, наоборот, в его, и только его, рамках, а также ради него, и только ради него.

Патовая, в общем-то, ситуация, если не откровенный цугцванг!

Итак: разворот, о котором у нас здесь речь, необходим, но его нет, а если что и есть, то не более чем имитация, да и то не разворота, а неких невнятных для российского населения поверхностных перемен. Однако пандемия, многое что обнаружив из неблаговидного, неблагоприятного и даже вредного, привнесенного в страну пореформенным режимом, весьма изменила ментально-поведенческое настроение населения, которое вдруг почувствовало себя не так даже чем-то по жизни обделенным, хотя это и так, — что было понятно, кстати, и без пандемии, — а то ли вслепую ведомым, то ли нарочно бросаемым в какую-то заранее подготовленную квази-жизненную ловушку, конечно же, цифро-онлайн-сетевую, из которой никакого выхода ему уже не предвидится.

Имеет место самая обыкновенная разводка — сверху вниз, за которой и в самом деле маячит некий разворот, однако не к России, как требует историческая реальность, а всего лишь к безжизненной технократической пу́стыни — искусственному разуму с его глобаленкой,

виртуаленкой, удаленкой, отдаленкой, разобщенкой, ну и тотальной контроленкой.

Да, тут действительно разворот, но разворот с выворотом: социалки в технотронку, как и о́боротом: человека в киборга, в общем — долгожданная технотронная, а потому и вполне античеловеческая, не говоря уже о походя, не без удовлетворения, захватываемой антироссийскости, революция.

Все это очень и очень серьезно, ибо дорого может обойтись человеку, социуму, культуре, цивилизации, той же России!

Инициаторы и адепты сей, в общем-то безумной — как, впрочем, и все революции — авантюры понятия не имеют об истинных последствиях ими творимого, ибо за сим творимым вовсе не одни, да и не столько одни, ими чаемые преобразования человечества, якобы несущие всем власть предержащим «золотые яйца» вроде всеобщей покорности, инфантильности и послушаемости (так сказать, некоего ласкового дебилизма), а много чего такого, о чем сии конструкторы тотальной гуманитарной деконструкции и не подозревают, но о чем мы все-таки здесь благоразумно помолчим, заметив лишь, что никому из насельников Земли не удастся избежать коварных последствий технотронного безумия, да не от самой по себе техники, а от погруженного в техномир человекообразного существа — то ли еще человека, но очень уж технозированного, то ли какого-то переходного хомотехнического кентавра, то ли уж напрямую техноподобного постчеловека.

Нет, мы вовсе не против новой, даже по-своему и разумной, техники, но лишь при условии ее служения человеку и только человеку, социуму и только социуму, России и только России, то бишь ежели сия новая техника — не более чем орудие утверждения человека как человека, социума как социума, России как России.

А для всего этого нужны ПЕРЕМЕНЫ, причем РАЗВОРОТНЫЕ перемены: от глобализма к России, а самой России — к РОССИИ; от реформы к постреформе, а самой постреформы — к волевому, из центра, национально обусловленному, системному хозяйствованию; от аномального, расхлябанного, рассеянного, карнавального, гедонистического, а потому и коррозионного и энтропийного квази-бытия, переполненного несправедливостью, неравенствами, разрывами, враждой, коррупцией, криминалитетом, — к бытию ответственному, упорядоченному, мобилизационному, служивому, солидарному, гармоническому!

Никто тут, знаете ли, не помышляет ни о каких благонамеренных

утопиях — вроде той же коммунистической, — но зато думает о вовсе не простой, но все-таки возможной, человеческой реальности, с одной стороны, выводящей человека на новые параметры бытия, включая и технотронные, а с другой — требующей от человека великой осмотрительности и немалой маневренности и осторожности — вполне и реалистических.

Какие надежные критерии и опоры в социохозяйственной преобразовательской деятельности могут быть сегодня обозначены для вовлеченного в творение нового бытия россиянина? Ответ тут таков: человек как критерий и Россия как опора!

Достаточно этому следовать и на это опираться, чтобы понять, принять и использовать все остальное практическое, что необходимо совершить для страны и ее народа (заметим — всего народа, а не какой-либо его малой части).

Можно начать и с конституции, но… тут все равно следует стратегический выбор: что делать дальше? — причем выбор вполне судьбоносный, а для выбирающего, между прочим, в первую очередь! Интересно, что выбирающий не знает, видимо, вполне, а может, и вовсе, что он на самом деле выбирает и какими последствиями для страны и его самого чреват этот выбор.

Темно тут все!

Заметим, что даже ужасные 1990-е не смогли уничтожить Россию, хотя и сильно ее потрепали, а Россия — совсем уж не закланная жертва ни для Запада, ни для Востока, ни для самой себя — не навредить бы!

Нижеследующая книга такая по содержанию, какой авторам удалась! Сегодня непросто понимать и принимать реальность, говорить о ней, ибо она настолько запутана, переменчива и попросту… нереальна, что ее как бы и нет, причем не то что перед аналитическим взором научного исследователя, но даже и перед острым глазом вольного обозревателя.

Так что не обессудьте, господа, — что вышло, то вышло!

Мир сейчас замер, чуть ли не как стайер в ожидании стартового хлопка под пандемическим взглядом грозного судии, и он — этот мир — не очень-то готов, в отличие от замершего в согбенной позе атлета, рвануться вперед, ибо ни сил в себе не чувствует, ни дорожки перед собой не видит, ни финишной черты не различает.

Россия ныне тоже в заметном экзистенциальном оцепенении, которое еще надо осмыслить и попытаться найти из него выход, а выход

сей, прямо скажем, начальствующему глазу, пожалуй, даже и не мерещится.

Как раз тот самый выход — дальний!

Однако думать об этом все равно надо, надеяться на будущее надо, держать страну надо, — и книга наша, как кажется, во всем этом посильно участвует, что и хорошо, и отрадно, хоть книги ныне в официальных ученых кругах не в моде, даже и не в почете, но мы, авторы и издатели сей монографии, все равно стоим за свое — человеческое, родное, российское!

Слава думающим, пишущим, издающим!

Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др.
«Российский разворот».
М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020.

МИР И РОССИЯ ПОД УДАРНЫМИ ПЕРЕМЕНА: НАСТОЯЩИМИ И ГРЯДУЩИМИ

Всем уже хорошо известно, что мир земный и Россия в его составе радикально ныне меняются, причем настолько скоро и сильно, что в пору говорить даже не о трансформации мира и России в нем, а о са́мой что ни на есть трансгрессии — не просто об обновлении зе́много объекта, а о переходе его в нечто качественно иное: о преращении знаемого человеком мира через нашествие на сей мир не чего-нибудь, а… антимира в какой-то иной… э-э… пока что и не знаемый, то ли мир, то ли что-то попросту немировое, может, и в некий постмир, а той же знаемой России через нашествие на нее того же антимира и, разумеется, вкупе с ним антиРоссия, во что-то тоже совсем иное, пожалуй что, не просто уже постросcийское, а и постмировое.

На бытийной поверхности идет крутая ломка сложившегося за послевоенное время и малость успевшего поторжествовать на вершине своего могущества глобализированного во главе с имперскими США и с империальным Западом в своем остове мироустройства (от глобального мира к партикулярному с образованием ряда миров — субмиров — с соответствующими каждому из них имперского пошиба центрами), а по сути же идет, как минимум, рождение нового по форме и качеству планетарного мира и, как максимум, мучительное преобразование мира

зе́много в мир, надо полагать, уже и неземный, если не случится его выпадение обратно в исходную бездну (пустоту).

Так или иначе, на планете имеют место вполне себе ударные — с той или иной степенью ударности — перемены, причем не просто перемены мира, эволюционно идущие от самого мира, а перемены, ниспадающие на мир от… э-э… какого-то ниоткуда.

Происходящее всего труднее и даже всего невозможнее понять хорошо образованному по-университетски научному уму, но зато гораздо легче осознать уму метафизическому, тоже немало образованному, но иначе, не по-университетски, а то и вопреки университетам, как раз тому уму, который не исключает великой и решающей роли в бытии человечества как зе́мной неизвестности (относительной трансцендентности), так и внезе́мной Великой Неизвестности (абсолютной трансцендентности).

Мир человеческий и вместе с ним Россия настолько ныне отдались, или отданы, интегральной неизвестности (зе́мно-незе́мной), что судьба их уже вовсе не в человеческих руках и людских головах, а, скажем помягче, метачеловеческих, как и металюдских, хотя уже и не в руках и не в головах, а попросту в ведении неведомых, но очень уж действенных, сил — неких неявных транссил.

Наряду с общепланетарным переустройством мира и участием в этом процессе России, неукротимо развертывается кое-что другое и куда как более важное — нейро-кибер-генно-нано-цифро-технотронная с участием психо-это-троники переделка не просто жизнеотправления человечества, а и самого по себе человека, грозящая явлением на месте собственно человека некоего уже не наследного ему, а его просто замещающего, постчеловеческого существа.

Любое ныне просматриваемое будущее уже и не будущее как таковое, а некое постбудущее, тесно сопряженное не с чем-нибудь, а с… не-будущим (отсутствием будущего), и не только потому, что будущее, как обычно, неведомо, а и потому, что его как содержательно насыщенного и наследственно продолженного уже попросту может и не статься.

Жизнь человеческая, конечно, продолжается и, возможно, будет еще какое-то время продолжаться, но, во-первых, уже без надежного, пусть и весьма воображаемого, будущего, а во-вторых, в каком-то ином субстанциальном выражении, может, совсем и не в плотском, следственно, не в витальном, а в каком-то поствитальном, том же, к примеру, «лучистом» (по Э.К. Циолковскому).

Таков общий превращенческий фон, на котором и работают вовсю ударные перемены, отрицающие не одно лишь текущее устройство мира, но и его субстанциальную смысло-сущностную начинку, причем вроде бы хомогенные перемены — от человека, но при этом явно уже и какие-то метагенные, чуть ли и незе́мные, идущие уже не от человека.

Перемены тут не только и не столько выражаются в изменениях самой реальности, сколько в инициационных ударах извне и сверху по этой самой реальности, в тем самых измененческих ударах, которые буквально выбивают из мира и человека — удар за ударом — всё мирочеловеческое, либо выделывая из мира и человека что-то никому ныне неведомое, экстремально новое, либо всего лишь эсхатологически замещая мир и человека в нем зияющей впереди пустотой.

И что же Россия со свои глубинным народом и неглубинным населением, включая и его — население — топ-сегмент, состоящий их разного рода пореформенных владетелей российской экзистенции?

Да, и в России ныне потрясающее любое воображение имущественно-экзистенциальное расслоение на разные России: от сверхбогатой, вполне по духу и чуждой родной стране, ино-России, немало и антироссийской по бытийным ориентирам и образу жизни, так сказать — евро-России, до едва сводящей концы с концами, не имеющей никакой ясной экзистенциальной перспективы, падо-России, находящейся как бы в родной, но вовсе не отеческой, низовой резервации, а между этими двумя крайними Россиями лихорадочно благоденствует некая срединная Россия — мезо-Россия, в которой всего понамешано, но так или иначе удачливого, сытого, преуспевающего.

Однако число Россий в нынешней России не ограничивается указанными тремя, есть и еще одна приметная тройка Россий, заслуживающая быть особо выделенной.

Во-первых, есть Россия владетельная и властная, господствующая, как раз та самая, которая образовалась в ходе и по результатам революционных 1990-х гг., причем не так даже собственно Россия, ее органичная часть, как некое присутствующее в России, ею управляющее и ею алчно питающееся инородное тело, лишь вынужденно, неохотно и побарски неуклюже с Россией считающееся.

Во-вторых, есть прямо противоположная Россия, коренная, она же и глубинная, низшая, подмятая под высшую, к тому же и во многом неумолимо уходящая, так сказать — возрастная, обманутая и обманув-

шаяся, униженная и оскорбленная, лишенная не то что богатства с уважением, но даже и приличествующего бескорыстным труженикам материального достатка и заслуженного морального удовлетворения. Это в основе своей недоуменно молчащая Россия, удрученная, тихая, хотя и мистически в своем неподвижном безмолвии грозная.

В-третьих, есть еще одна Россия — молодая, так сказать — юве-Россия, но тоже весьма отверженная, как раз та самая, что не находит ни своего ведущего места в разрешении российской экзистенции, ни своей доли в национальном богатстве родной страны, которая, может, и готова быть в России, работать в ней и ей служить, но которая вовсе не готова рабски или вассально служить непонятно откуда взявшимся лукавым хозяевам России, ее фактическим захватчикам, — и хотя сия Россия в целом помалкивает — до поры, но это Россия, безусловно, протестная. Интересно, что эта Россия, народившаяся уже при реформно-пореформенном режиме российского бытия, его — этого бытия — атрибутивное сыно-дочернее достояние, в среде которого вовсе не слабаки и какие-то неудачники, не маргиналы и не бедняки, и уж, тем более, не одряхлевшие «совки», а вполне себе по-современному подготовленные и по-новому мыслящие молодые люди — со своими потребностями, претензиями и требованиями — и вовсе не только в аспекте занятости, жилья и материального благополучия, а в плане иной жизни, иных к ней экзистенциальных подходов, иных перспектив, иного будущего, всего того, что никак, судя по всему, не предположено возникшим и будто бы даже укрепляющимся в России пореформенным мироустройством.

Зато уж какой России в современной России нет, так это России общежитейского гражданского единения, социально-экзистенциальной гармонии, даже и реального, устраивающего население страны, цивилизационного порядка, не говоря уж об исчезающих тенях справедливости, взаимности, того же товарищества.

Если выдавить из себя символическую экзистенциальную триаду для российской современности, то получится что-то вроде этого: «Произвол, хаос, страх!».

Нам, конечно, тут же возразят, что, мол, хотя это всё и есть, но никак не доминирует, на что мы в свою очередь ответим: «Спросите у людей любого социально-экзистенциального поколения, сословия, региона, города, деревни, даже и самых успешных, удачливых, довольных и чуть ли не натужно счастливых, и получите вполне трафаретный утвердительный ответ, ибо почвы твердой ни у кого в стране нет, опоры

надежной нет, доверия ни к чему и ни к кому нет, уверенности ни в настоящем, ни в будущем, ни даже в прошлом нет, ну и веры в Россию нынешнюю почти уже нет, исключая, конечно, веру глубинного народа в свою глубинную, почти что уже и мифическую, Россию».

Хлебы, пусть и не для всех в потребной мере, в стране есть, зрелища всякие есть, пустышек разных прельстительных хватает, но… правды нет, правды, а на непрерывной, чуть ли уже не сакрализованной лжи ведь ничего здорового, крепкого и долговечного не построить.

Так что радикальный разворот России к России и ее народу действительно потребен — всесторонний и круговой, тот самый ударный разворот, который только и способен вывести страну хоть и не к абсолютному, но все-таки к единению, равным образом, пусть и не к солнечному, но все-таки животворящему будущему — общему для всех без исключения насельников России.

Пойдет ли на такой разворот нынешняя пореформенная власть? Вряд ли! Так что впереди, видно, не так даже застой, а некое закамуфлированное под передовое развитие экзистенциальное прозябание, хотя всякое контрпродуктивное промедление, как известно, смерти подобно, надеемся, смерти все-таки не самой по себе России — как раз глубинной!

Действовать надо, действовать — в ударном пост-реформенном ключе! Иного России сегодня не дано! Причем не выдумывая ничего для России умозрительного, тем более, беря бездумно что-нибудь этакое из чужеземного, вроде той же наукометрии, а вдумываясь в Россию, ища в ней самой ориентиры ее движения вперед, не пренебрегая ни научно-техническим прогрессом, ни той же электронной цифровизацией, но следуя при этом самой что ни на есть законной для России экзистенциальной триаде: «Россия, человек, народ!».

Слабó, конечно, слабó свершить такое для убежденных в своей прельстительной правоте глобалических по духу и лишь вынужденно по виду национальных реформистов, но бытие-история имеет свои предпочтения, не говоря уже о предпочтениях мира иного, — так лучше учесть сии таинственные предпочтения и им, по возможности, следовать, чем пренебрегать ими и им безрассудно и самоубийственно сопротивляться, не так ли?

О-о, ударный разворот — как ты ныне потребен и как ты сегодня невозможен!

До поры, разумеется!

«Философия хозяйства». 2020. № 1.

В ОЖИДАНИИ РАЗВОРОТА

Россия в ожидании разворота, а коли так, то какого же разворота, к чему?

Если все-таки разворота, то, конечно, в виде радикально-программного деяния, способного отвернуть страну от если уж и не пагубного, то крайне (достаточно) все-таки опасного для нее движения в, мягко выражаясь, неверном направлении, а вследствие масштабности, если не гигантскости, задачи, то разворота с немалым выворотом — как раз всего того, что не просто вековечно держит Россию как страну-континент (и сегодня, надо заметить, тоже), а что делает Россию Россией — не Западом, не Востоком и даже не Евразией, а именно Россией, что только и может обеспечить России именно российское, а не какое-нибудь еще — настороженно сомнительное — будущее.

На первый и не слишком умный взгляд, такой разворот России к России носит лишь археокультурный, по преимуществу публично-фольклористический характер, что, собственно, на практике и допускается, да и то лишь частично, нынешним страновым правлением, ориентированным в целом куда угодно, но только не на Россию как Россию, а ведь по сути сей разворот означает кое-что совсем другое, ибо речь тут идет о самом бытии страны, его способе, характере и образе, а потому и о существенном, по-своему и экстраординарном, бытийно-историческом деянии-событии, примечательном вовсе не старательно навязыванием России чего-то извне заимствуемого или же впопыхах и на легкие деньги придумываемого, а всего лишь допущением… России в России, выведением (как раз с выворотом) глубинной России из нави в явь, в общем — россиезацией России.

То и другое уже бывало в бытии-истории России: и навязывание ей не-России (не-Руси), и возвраты к России (Руси), причем первое сопровождалось обычно кризисами, потерями и катастрофами, второе, наоборот — стабилизацией, упорядочиванием, развитием, могуществом.

Последние исторические примеры того и другого: первого — большевистская революция, вдохновленная европейским лукавым замыслом и вполне себе поначалу антироссийская, и так называемая «рыночная реформа» 1990-х, тоже вдохновленная оттуда же — с Запада; второго — разворот к России того же большевизма, убедившегося в пагубности своих архиреволюционных деяний не только для страны, но и для самого себя, сначала военный и нэповский разворот, а потом и державный сталинский (пусть тогда был и не полный разворот к России,

но он все-таки был!).

Сегодня, то бишь уже в XXI в., мы имеем вновь после разрушительно-присвоительной революции 1990-х гг. некий разворот… не так, правда, к собственно России, как попросту к российской стране, однако разворот сей, увы, не так собственно разворот, как некое его недоворотное и кривоватое подобие, оставляющее-таки страну в тенетах глобализма и во многом вне коренной России.

Такое положение, надо полагать, весьма устраивает нынешнее верховное правление вкупе с владетельными элитами, не слишком ориентированными не то что на глубинную Россию, но даже и на как таковую страну (а не всего лишь доходное пространство). Сия властно-управленческая позиция недальновидна и шатка, мало того, она реально угрожает и самому нынешнему устройству России, и ее правлению, ибо не только находится в опасном отрыве от страновой реальности, но и вынуждает эту реальность ко вполне оправданному противодействию.

Что же это за Россия такая, к которой необходимо ныне решительно развернуться властям, собственности и управления предержащим (если захотят и смогут, конечно)?

Нет, не надо тут ничего ни научно, ни экспертно, ни даже философски формулировать: Россию ведь умом не понять, а вот сердцем почуять вполне можно, а потому надо всего лишь обернуться к России и стать к ней лицом к лицу, признать ее, ну и потрудиться основательно в ее пользу, в интересах ее народа, ради ее полноценной жизни, а не в угоду лишь всего и вся ныне в России предержащим, ориентированным более всего, повторим еще раз, не на Россию, а на благословенный для них Запад.

Не так Россию умом постигать надо, как действовать в России с умом, причем с умом своим, а не колониально и чуть ли не подобострастно заимствованным.

Ориентиры бы сменить надо срочно, пока сами ориентиры, насладившись сверх краёв нынешней кризисно-тупиковой реальностью, не сменили бы самих ориентаторов.

Разворот к России, о котором речь, предполагает, конечно, движение не к какой-либо уже бывшей России, а ко вполне новой России — России XXI в., что означает не что иное, как развертывание в стране с учетом и на основе хорошо осознаваемых традиций особенно потребных для нынешней России содержательных вещей вроде развитой,

не подлежащей сомнению, государственности, внутренней устроительной империальности, органического народоправства, общенародного гражданского служения, ненапускного массового патриотизма, людского братства, поведенческой праведности, распределительно-присвоенческой меры управленческой справедливости, взаимообусловленной многоэтничности и взаимоприемлемой многоконфессиональности, а главное — поддержание выработанной веками способности, с одной стороны, к взаимному и эффективному общежитию всех и вся на единой безграничной территории, а с другой — к общенародной защите сего общежития вкупе с безграничной территорией от любых внешних посягательств, а потому и созидания в стране в ходе свободного, но направляемого из волевого созидательного центра, жизнеотправления нового для России бытия, обуловленного, конечно, и фундаментальными императивами XXI в., восходящими к новому технологизму и обновляющемуся гуманитаризму — бытия целостного, трудового, производительного, высококультурного, творческого, безопасного и самоохранительного.

Хорошо сказать, да вот, как и кому это сделать?

Тут важно осознать всем страной российской предержащим, что без новой России, обращенной к России как России, никакого не то что достойного, а вообще какого-нибудь приемлемого будущего у страны нет и не будет: нынешнее настоящее России очень уж упорно и мощно работает против ее собственного по образу и качеству будущего, очень!

Потребна радикальная смена управленческого курса как со сменой стратегического подхода к судьбе России, так и сменой самих топ-управленцев, — и никак не косметическая смена, она же и подмена, чем увлекается нынешнее верховное правление, а вполне себе органическая смена, ясно обозначенная и публично обоснованная — хотя бы через созыв и работу какого-нибудь Чрезвычайного Собрания Народных Представителей. Откровенный и вполне деловой разговор в масштабе нации давно уже назрел: ситуация в стране, при всей вроде бы стабильности и даже житейской привлекательности, настолько внутри себя аномальна и на деле крива, что выправить ее и нормализовать можно только через совместные усилия власти и нации, на что, заметим, нынешняя власть вряд ли просто так пойдет, хотя в перспективе оттого и неизбежно проиграет, но нам ничего другого не остается на данный исторический момент, как говорить об этом и говорить, это утверждать и к этому призывать, а… вдруг! Чудеса ведь бывают, да и ситуация в стране все более тупиково-

кризисно обостряется и в неразрешении своем напряженно сжимается, ожидая внезапного разряжения, которого лучше все-таки не допустить, чем стать свидетелями этого внезапного ситуационного взрыва: подобное ведь не раз уже бывало и всегда приносило немало проблем, тягот и бед, как бы назло предшествовавших чьим-то затем напряжным, затратным, жертвенным и вовсе не всегда и не во всём позитивным победам.

Да, ныне явный ситуационный тупик — что правда, то правда! — но и из безнадежных тупиков находятся иной раз выходы, были бы желание и действие — большое, ответственное, ну и рисковое тоже!

Явятся ли сверху столь потребные российской державе перестроические деяния или нет — дело реальной истории, но также и людских на то устремлений: большой уверенности в позитиве тут, честно говоря, нет, но куда по жизни вообще без всякой на позитив надежды?!

Так что увидится!

«Философия хозяйства». 2020. № 1.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Гуманитарное знание — все знание о человеке, его сознании, слове, языке, речи, мышлении и мысли, чувствах, когнитиве, психике, поведении, но и знание о культуре, социуме, праве, цивилизации, государстве, этносах, нациях, об истории, о прошлом, настоящем и будущем, о кризисах, войнах и катастрофах, как и знание о, может, частично и ве́домом, но не воочию наличествующем — о трансцендентном, включая знание о Боге, Софии, Великом Неизвестном, мало того, это еще и некое обобщающее знание о мире вообще, включая как его более или менее познаваемую физисную составляющую, так и не слишком познаваемую метафизисную, и это не все — есть еще знание о самом знании — о мифах, философии, религиях, науке, литературе, даже о библиотеках, музеях, выставках, кладах, артефактах и т. д., и т. п.

Гуманитарное знание беспредельно разнообразно и неограниченно обширно, это целый воображаемый человеком мир, сидящий в самом человеке и лишь частично воплощенный вещным образом вне человека, включая прежде всего, конечно, печатное, а ныне все более и более электронное слово.

Гуманитарное знание — не просто знание о чем-то, а и само сознание человека — особи, семьи, рода, коллектива, сообщества, общества,

этноса, нации, страны, континента, всего человечества, всей Земли.

Человеческое сознание в чем-то едино, но, будучи в чем-то единым, оно и весьма различно — от локалии к локалии, от эпохи к эпохе, даже от момента к моменту, да так бывает различно, что приходится констатировать наличие разных сознаний, настолько разных, что случается констатировать их, этих разных сознаний, полную несводимость друг к другу, а потому и признавать сосуществование, весьма и вынужденное, разных сознаний, их соперничество, борьбу между собой, увы, и смертоносную тоже.

Как бы то ни было, а пока на Земле — некое разнообразное распределение сознаний, некий огромный без границ цветастый из разных сознаний ковер, на котором выделяются, раз уж речь идет о всем зе́мном мире, разного рода большие сознания — общественные сознания, такие как континентальные, островные, геотропные, климатогенные, идеократические, религийные, культурогенные, этнические, национальные. Хочет того человек или нет, но ему как особи со своим оригинальным сознанием не стать, не выжить и вообще не быть без сонма общественных сознаний, в которые он включен от рождения и по жизни, хотя по жизни ему приходится и менять при случае наборы общественных сознаний — то добровольно, то вынужденно.

Никакого цельного, самодостаточного, а главное — богатого по смыслам и смыслотворчеству — общемирового сознания, как и тех же общемировых языка и слова, несмотря на все космополитические попытки их заиметь, нет и пока есть человек как человек не будет.

Нет ничего удивительного в том, что локальные общественные сознания не только просто так не исчезают, не просто продолжают быть, но и борются за себя — как втихомолку, почти безмолвно, так вполне себе открыто, очно, о себе громко заявляя и ведя за себя сражения: тут ведь дело не во вкусах и поведенческих предпочтениях, а в стремлении человека себя сохранить как именно человека — субъекта слова, культуры и сакрала. Чует повсюду человече, что надвинулись на него обезличенные глобализация, технологизация и революционный космополизм, и всячески сему сопротивляется, выдвигая в защиту себя если не религийное, не этногенное, не национальное (всячески уже оговоренные и оболганные), то хотя бы попросту свое!

Свое против не так чужого, как чуждого!

Итак, гуманитарное знание за и против гуманитарного сознания, а вместе они — за и против локальных самосознаний.

Великая гуманитарная война!

И Россия тут не на обочине: во-первых, как важнейший объект атаки на все ее гуманитарное свое, а во-вторых, как обороняющаяся и вольно или невольно огрызающаяся гуманитарная крепость, но при этом еще и испытывающая внутри себя борьбу за и против как чуждого ей, так и, увы, своего.

Все смешалось в доме российском!

Автор сего текста, вовсе не отрицающий наличия кое-каких общемировых гуманитарных новин, как и возможности их заинтересованного восприятия в культурном поле России, стоит более всего за свое — за свое прежде всего гуманитарное знание, как и, разумеется, за не только культивирование, но и производство своего гуманитарного знания, а следственно — за поддержание и обогащение опять же своего гуманитарного сознания, можно сказать, что и национального сознания — не просто патриотического, а содержательно (смыслово) патриотического, да и не так уж патриотического, как именно своего!

Отсюда гуманитарное знание есть не что иное, как национальное достояние, от которого многое что зависит в национальной экзистенции, в морально-психическом состоянии народа, в наплывающей на Россию и ее людей исторической судьбе.

Речь здесь вовсе не идет о каком-то искусственном нагнетании своего и только своего гуманитарного знания, тем более, о каком-либо полном отстранении от общемировых гуманитарных процессов, нет, вовсе нет, речь идет, во-первых, о своем вполне органичном национальному сознанию и страновому ареалу видении, понимании и публичном представлении всего происходящего в мире и в России по гуманитарному прежде всего вектору; во-вторых, о повышении практической роли развивающегося гуманитаризма в жизнедеятельности российского общества, в жизни россиян; в-третьих, о сохранении богатейшего по содержанию своего гуманитарного наследия и преумножении собственного гуманитарного богатства России; в-четвертых, о воистину уважительном и благотворном отношении к гуманитарному знанию, к его носителям и, в особенности, его творцам.

Да, современные наука, технологизм и менеджеризм увлечены развитием по преимуществу негуманитарной составляющей человеческого бытия. Обращаясь с гуманитаризмом либо как с анахронизмом, либо как с некой остаточной вынужденностью, либо, что особенно

тревожно, как с объектом своего чуть ли не трансгрессивного, а следовательно, и смертельного воздействия, замещая гуманитаризм разного рода технологизмом, в том числе и социальным, личностным, поведенческим.

Общество, которое не культивирует свой собственный, ответственный, позитивный, конструктивный, уж извините — человеческий, гуманитаризм, неизбежно деградирует, энтропирует и исчезает. Неуважительное отношение со стороны соотечественников, включая прежде всего разных властей и разных богатств предержащих, к национальному гуманитаризму и его адептам — не просто роковая ошибка, а и великое перед бытием-историей преступление!

Хорошо сказано: «Кто не хочет кормить свою армию, кормит чужую», что, кажется, неплохо понимают правящие круги в нынешней России, уделяя огромное внимание обороне и армии, но разве не истинна другая истина: «Кто недооценивает, принижает, гонит взащей свой по идейно-духовному наполнению гуманитаризм, служащий главным основанием и несомненным гарантом суверенного национального бытия, тот действует не только против нации, государства и самого бытия, но и против самого же себя».

Не желаешь поддерживать собственный гуманитаризм и своих гуманитариев — исчезни! — причем по своей же воле исчезни, не говоря уже о глупости головы и лености сердца!

Да, замечательно, что в нынешней России восстановлена армия и поднята обороноспособность, — кто бы возражал! — но война-то на планете идет сейчас по преимуществу ГУМАНИТАРНАЯ, в которой активно участвуют именно гуманитарные знания, гуманитарные концепты, гуманитарные всполохи, молнии и грозы, ну и самые что ни на есть гуманитарные воины, или воины-гуманитарии!

Или сдавайся со всей своей военной силой, не имеющей в сей момент реального масштабного применения, или держи в стране мощную гуманитарную силу, которая и объединит нацию, и воспитает граждан, и придаст смысл существованию, и оборонит страну — как раз от чуждого гуманитарного вторжения!

Сколько уже всего из ценного бездарно упущено и по недомыслию допущено вредного и разрушительного в гуманитарной сфере страны по итогам роковых 1990-х, сколько в стране вертится всего чуждого, нелепого, странного, коварного, а главное — античеловеческого (как «ихнего» — по чужебесию, так и своего — уже по своебесию)!

Гуманитарное состояние страны… э-э… скажем помягче… ныне

неблагополучно и тревожно, причем по любому вектору: культуры, воспитания, поведения, языка, знаний, того же патриотизма, опять же гуманитарной науки, философии, всей идейно-духовной составляющей, всей гуманитарной экзистенции.

Разумеется, легче всего заговорить о гуманитарной апокалиптике, ее нынешнем всплеске, о конце гуманизма, закате Просвещения, о кризисе человека, культуры, того же Слова, о дурном влиянии технологизма и менеджеризма, той же цифровизации, но… что заставило властей предержащих отменить ненужные-де «запреты» и выпустить на волю воистину роковое «все дозволено», а на место ответственности поместить тотальный произвол, что-о в самом деле… кроме как корысти и алчности тех же «прихватизаторов» — новых-де предержащих мира сего, к примеру, отменить воспитание в школах и вузах, как и теснить гуманитарную мысль, навязывая ей мертвящую наукометрическую матрицу?!

Нельзя не отметить, что «что-то» позитивное стало вдруг с января 2020 г. происходить в России, причем не только со стороны настрадавшегося «низа», но и с весьма довольного собой, но вдруг почему-то встревожившегося «верха». Да, о собственно национальном гуманитаризме, разумеется, ни слова, но что-то, хоть и глухо, все-таки стало проговариваться: «глубинный народ», «идеология для России», «воспитание», «знание истории страны», «русский язык», «цивилизационный код» и т. д., и т. п., то бишь говорят не только уже о вошедшей в культурный обиход памяти о Великой войне и Великой Победе, об уважении к сражавшимся за Отечество и за него павшим, о великих воинских, трудовых и людских подвигах и жертвах, что тоже есть национальный гуманитаризм, крайне необходимый, но все-таки столь же крайне и недостаточный.

Имеющееся на сегодня движение в сторону национального гуманитаризма, пусть и не слишком мощное, масштабное и целостное, скорее — начально-отправное, вселяет если не большой оптимизм, но кое-какую позитивную надежду: «А вдруг и впрямь всерьез, глубоко и надолго?».

Хотелось бы, да что хотелось бы — тут ведь не что иное, как величайшая задача не только сбережения России и ее народа в мрачные, разорванные и разорительные времена апокалиптического Постмодерна и страшной по своей злостной обыденности постсоветской Реформы, но и выведение страны и ее людей к полноценному существованию нового —

за-постмодернового! — образца, а уж последнего ли в бытии человечества или нет, то… обойдемся тут без такого рода недостойных-де цивилизованных гуманитариев пророчеств!

Обойдемся, конечно, но… будем все-таки бдительны!

«Философия хозяйства». 2020. № 2.

ПОД УДАРНЫМИ ПЕРЕМЕНАМИ

Сегодня, весной (мартом — апрелем) 2020 г., когда пишутся эти строки, вряд ли кто в мире и в России сомневается в том, что и мир, и Россия бытуют не просто… с… переменами, а… под… переменами, причем уже не с более или менее плавными переменами, а под переменами воистину ударными, хотя еще в декабре 2019 г., когда в Московском государственном университет имени М.В. Ломоносова проходила международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера», мало кто, даже из инициаторов и участников конференции, мог предполагать, что сие ударно-переменное действо и впрямь может вскоре случиться — сначала в России по инициативе верховного правления и безо всякого коронавируса, а потом уже и с коронавирусом — что в России, что и во всем мире.

Однако факт остается фактом — ударные перемены пошли, они идут, причем идут с обычными для такого рода экстраординарных происшествий невероятием, внезапностью, неоднозначностью, ну и потаенностью тоже, причем как конспиративно кем-то замысленной, так и с само собой возникающей — что по ходу реализации перемен, что по их немедленным и на перспективу отложенным результатам.

Да, кто-то, возможно, что-то такое знает и на что-то уже предусмотренное итогово рассчитывает, но никто вполне и до конца не знает и не может знать, что же из всего этого на самом деле выйдет, как это обычно и случается при всех сколько-нибудь радикальных переменах: что-то знают и даже предвидят, а что-то не знают и не предвидят, но все равно на перемены идут, как и сами перемены идут независимо от воли самих «переменщиков», — и людские надежды с расчетами сочетаются тут со своеволием и стихией самой реальности, а иначе и быть не может, когда знание бытует среди незнания, определенность — среди неопределенности, порядок — среди хаоса, а полнота — среди пустоты!

И что для нас — профессиональных ученых и неангажированных

мыслителей — тут особенно интересно: в первой декаде декабря 2019 г. в МГУ происходит конференция по поводу «ударных перемен» в России, на тот момент лишь фиксировавшихся, предполагавшихся и не более чем желавшихся, в практическом же ключе никак не предвидевшихся (хотя и как-то в потенции провидевшихся!), а во второй декаде января 2020 г. — вдруг!.. начало в России по инициативе верховного правления если еще не в полной мере ударных, но явно уже «переменных перемен»!

Каково!

Выходит, что нынешний философско-хозяйственный интеллектуализм, он же и особого рода практический концептуализм, пронизанный новой метафизической гносеологией, пусть даже вполне исповедуемый лишь конференционным ядром, кое-что в реальности да значит, а ежели учесть, что он уже давно твердит о необходимости существенных перемен в России с разворотом России в сторону России как именно России, а потому и в сторону ее ударного перестроения по вектору постреформизма, постглобализма, постлиберализма, а также неоиндустриализма, неоэкономизма, неодирижизма, как и, конечно же, в направлении восстановления Россией великодержавного статуса и обретения ею всестороннего, отвечающего нуждам круговой безопасности, суверенитета вкупе с переориентацией внутреннего социально-присвоенческого распорядка в пользу нации, трудящихся, отечественного интеллекта в сочетании с морально-психологическим оздоровлением всего российского бытия, то придется признать, насколько же оказывается практически значимым сей отечественный гуманитарный интеллектуализм, восходящий к русской софийной философии конца XIX и всего XX в. и исходящий из российской XX—XXI вв. философии хозяйства, причем не так с целью феноменологического обозревания и фактологического трактования текущей реальности, как для улавливания глубинных сущностно-смысловых метасгущений и метапотоков, обычно в глаза не бросающихся, но воистину для реальности судьбоносных.

Да, такой философско-хозяйственный, он же и софийный, интеллектуализм, не склонен эйфорически воспринимать предпринятые верховной российской властью переменческие инициативы, ибо они, согласно данному направлению российской гуманитарной мысли, пока недостаточно объемны и радикальны в свете системно-кризисного состояния возникшего и действующего в России пореформенного строя (в попытке лишь изменить социохозяйственную ситуацию, не меняя самого

матричного обустройства страны, как раз создающего и воспроизводящего весь нынешний социохозяйственный негатив), но сам факт приступа, пусть и немало запоздалого, хоть к каким-то переменам в сторону чего-то уже другого, как-то уже отличного от того, что в стране ныне есть и вовсю цветет махровым негативным цветом, не может не вызывать пусть и небезавансового, но все-таки удовлетворения.

Прибегнув к метафоре, можно сказать, что уже изрядно почерневший по весне пореформенный лед в России таки тронулся, — и это хорошо! — теперь дело за ледоходом с освобождающейся ото льда живой водой, ну и со взрывными «раскидами» образующихся в потоке вешней воды ледовых заторов!

Что касается внешнего для России контекста, то указанный новый интеллектуализм, он же и особого рода практический концептуализм, давно уже исходит в своих оценках текущей реальности из ряда фундаментальных воззренческих заключений и узловых бытийно-исторических фактов: 1) из констатации апокалиптического кризиса западного мира во главе с США (не просто системного кризиса, а именно апокалиптического, того самого кризиса, из которого нет ни скорого автоматического, ни спорого рукотворного выхода), кризиса цивилизационного, культурного, духовного, экзистенциального, как раз постмодернового; 2) из констатации системного, с признаками все того же апокалиптического, кризиса глобализации и в особенности американизированного (имперского, метропольно-колониального) глобализма (с 2008 г., как минимум); 3) из факта противоборства между, с одной стороны, глобальным мировым центром — тех же США и, с другой стороны, значительной части планетарного мира — того же БРИКС, даже того же ЕС — за, с одной стороны, господство над миром одних — как раз центровских — и, с другой стороны — за самостоятельность других, как раз тех, кто для глобального центра либо из напрямую ему подчиненных, как тот же ЕС, либо попросту для него из периферийных, как страны того же БРИКС, весьма при этом противоборства серьезного, если не жуткого, принявшего характер не более и не менее как разнообразной по исполнению общемировой гибридной войны, способной перейти, вполне и внезапно, и в горячую мировую бойню, в войну всех против всех, в легендарный, но такой ныне реалистичный, Армагеддон; 4) из факта развязанной глобальным центром с участием его сателлитов гибридной войны против России, возжелавшей не только всестороннего суверени-

тета с опорой на собственные силы, но и возвращения к мирового значения великодержавию; 5) из факта провоцируемого Западом наступления по всему миру культивируемого тем же Западом античеловеческого антимира — вполне себе ударного наступления вполне себе ударного антимира с его вывороченным из преисподней на передний план все еще человеческого бытия уже и нечеловеческим постмодернизмом; из факта развертывания по миру с эпицентром на Западе во главе с США нового научно-технотронного переворота, вольно или невольно усиливающего тенденцию превращения (трансгрессии) человека в постчеловека (киборга, чиповея), а социума в постсоциум (сетепирамидную ульеобразность).

С учетом всего этого, как и, разумеется, кое-чего еще и другого, — из потаенного, обычно публично не очень-то проговариваемого — всего тут нам и не раскрыть! — философско-хозяйственный интеллектуализм, о котором здесь речь, настойчиво всегда выступал и продолжает выступать не только за усиление государственно-хозяйственной суверенности России, но и за утверждение культуро-цивилизационного своеобразия России, а главное — за мобилизационную опору России на собственные силы вплоть до гибридной автаркии при движении страны от пореформенной и изрядно глобализированной к постреформенной — независимой, самодостаточной и вполне в самой себе уверенной!

Так или иначе, но пореформенная Россия, все последнее четвертьвековое время находившаяся в обстановке и под влиянием мирообусловленных (контекстных) ударных перемен, немало для России и пагубных, нуждалась и особенно нуждается сейчас в собственных ударных переменах, способных радикально изменить и укрепить Россию, противостоя при этом и нежелательным для страны мировым переменам, — и эти внутренние перемены, кажется, таки начались в январе 2020 г., хоть и, как представляется, с весьма рискованным, пусть еще и не с роковым, надеемся, запозданием — даже не с того же триумфального для нынешнего верховного правления 2018 г.

Ну а какие же вообще могут быть ударные перемены в России, раз уж они так ей необходимы, без их воистину ударного — невероятного и внезапного — не так даже стимулирования, как… возгона, в чем-то сравнимого с мобилизацией военного времени — энергической и бескомпромиссной, чему как раз и стала вдруг служить возникшая и мгновенно охватившая весь земной мир коронавирусная пандемия!

Можно верить в чудеса, а можно в них не верить, можно признавать конспирологию, а можно ее не признавать, можно соглашаться с присутствием в этом мире какого-то иного мира, влияющего на отправление этого — нашенского — мира, а можно все это отвергать, но факт остается фактом: пандемия оказалась с учетом ее не только собственно вирусного содержания мощнейшим не просто ускорителем, но, пожалуй что, и соавтором вполне себе ударных перемен, отражающих и учитывающих, безусловно, общий переменческий фон — что в мире, что в России, — но при этом и вызволивших кое-что явно новенькое — спровоцированность, безапелляционность и неотвратимость практически уже любых перемен ударного свойства в контексте всех вялопротекавших переменных процессов: либо теперь ускоряемых, либо корректируемых, либо круто замедляемых, либо ставящихся под сомнение, либо даже насовсем упраздняемых. Внезапные и бойкие «вирусные» перемены энергично и бескомпромиссно атаковали вялые с ленцой уже имевшиеся ранее перемены, — и вдруг по миру стала подниматься прямо ниоткуда, победно фосфорически засветившись, какая-то еще полная тайн… новая реальность!

Удаленка, разобщенка, отдаленка!

Ну и триумфальная внедренка — той же оцифрованной сети!

Тут уже не просто эпоха каких-то там перемен, а эпохальное переменочное мгновение — мгновенный скачок из одного бытия в другое, может, уже и не в бытие как таковое, а во что-то совсем и иное!

Интересно, не правда ли?

Вот он — ультрановейший мир, пусть еще и жизнеотправительно не подтвердившийся, форматно не устоявшийся, воспроизводственно не преуспевший, но зато небывало новый, другой, иной, вроде только что вылупившегося из невидимого и непостижимого яйца гигантского диковинного змия, как раз того самого — всепожирающего!

А что Россия? Да, она действительно теперь не только с ударными переменами, но и под ними — факт! От январского начала перемен до их внезапного весеннего (мартовско-апрельского) вирусогенного расцвета!

Не избалованный заботливым вниманием со стороны властей, государства, административного аппарата, всяких там обслуживающих население учреждений, фирм, контор, привыкший полагаться более всего на себя, народ российский все переживет, сосредоточившись на своем выживании, но не в народе сейчас главное, а в элитах, управлен-

цах, всяческих властей и судьбоносных инициатив предержащих. Пандемия — большая беда, как и любая смертоносная война, но это и немалый шанс — выйти не просто обновленными из тяжкого испытания, но позитивно жизнеспособными, что в обычной ситуации почему-то никак не удается ныне сделать — ни плавно эволюционно, ни управленчески принужденно.

Итог развернутых и развертывающихся перемен никто в полноте не знает, а вот путь к итогу… нет, его в полной мере тоже никто не знает, но… его можно, как бы идя наощупь по болоту с вешкой в руках, итерально угадать, залогом чему служит не так четкое знание пути, как стремление к новой конструктивной жизни, вдохновляемое верой в Россию!

Делай, что должно, и что надо непременно прибудет!

Нижеследующая монография создана по итогам вышеупомянутой декабрьской 2019 г. конференции с учетом последовавших уже в 2020 г. переменочных событий. Отличаясь разными авторскими подходами и взглядами, монография вносит посильный вклад в восприятие наступающей исторической нови, не преминув заглянуть и в невозможно-возможную будущность человека, России, мира. Концептуальный мониторинг реальности тут сочетается с концептуальным ее провидением, но еще и с концептуальным ее созиданием. Участники монографии далеки от прекраснодушной уверенности не только в своей непоколебимой де правоте, но и в желании и способности реальных акторов текущей реальности, прежде всего властей, финансов, капиталов и разных реальных, включая и порочные, инициатив предержащих, преследовать те же или хотя бы схожие цели и решать те же или хотя бы схожие задачи, что близки патриотически настроенным гуманитарным концептуалам и которые выдвинуты ими в разряд приоритетных целей и задач, как и участники монографии вполне уверены в непредсказуемом своеволии протекающей вокруг реальности, способной на любую самую невероятную, самую внезапную и самую судьбоносную импровизацию, не исключая ни авантюрной, ни бедоносной, ни даже самоубийственной.

Так что от монографистов — незаурядное и очень ситуационно потребное осмысление текущей реальности, ее провидение, ну и кое-какие позитивного настроя рекомендации, а от акционной реальности — решения, деяния, разрешения, достижения, что не исключает ни сбоев, ни тупиков, ни провалов, ну а для всех концептуалов и акторов вместе — того или иного неизбежного воздаяния!

Тридцатилетний опыт реализации современного философского-хозяйственного концептуализма показывает, что характерные для него разработки, откровения и выкладки вовсе не из разряда витающих где-то в высоких облаках фантазий и мало имеющих соответствия с текущей реальностью выдумок, никак на ее ход не влияющих, — нет, вовсе нет: корреляция между заявляемым нами концептуализмом и реально вокруг происходящим достаточно высока, что позволяет не сомневаться в его — этого концептуализма — воззренческой, провидческой и функциональной незрящности, а то и, осмелимся сказать, стратегической эффективности.

Подтверждением тому служит и бьющая в глаза корреляция между, с одной стороны, смысловым содержанием и функциональным пафосом отмеченной выше декабрьской конференции 2019 г., а с другой — совершающейся с начала 2020 г. и интенсивно изменяющейся российской и мировой реальностью.

Разумеется, конференция не могла вполне предвидеть как конкретных деяний высшего российского правления — той же, к примеру, переработки конституции, так и такие миромасштабные события, как коронавирусная пандемия, а вот настрой российской и мировой реальности на ударные перемены сия конференция все-таки провидела — посредством ментально-духовного погружения в метасмысловые глубины изрядно зараженной постмодерном и уже подзаблудшей в трех соснах — глобализма, финансизма и нового технологизма — мировой реальности.

Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др.
«Россия под переменами» /
М.; Ростов н/Д: Изд-во ЮРНЦ РАНХиГС, 2020.

АКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ: ПЕРЕМЕНЫ — ПАНДЕМИЯ — ПЕРЕМЕНЫ!

Помимо больших и еще не бывалых в истории перемен, в полосу которых втянулось, будучи при этом и усиленно в нее втягиваемым субъективно, объективно и незнамо как, современное человечество, включая и Россию, — прежде всего перемен геостратегических, технологических, экономических, но также и экзистенциальных, гуманитарных, социальных, а еще и, пусть и не на близкую, быть может, перспективу, перемен

антропных, физиологических, чуть ли не видовых — Россия, не свободная от общечеловеческих перемен, переживает и свои собственные большие перемены, обусловленные, быть может, не так даже текущим пандемийным выплеском, как растянувшейся уже на три десятилетия чередой непрерывных внутристрановых перемен, явственно начатой великой катастрофотропной переменой рубежа 1980—1990-х гг., выразившейся наиболее ярко в ловко, деловито и лихорадочно спровоцированном крушении СССР и напористом, вполне и беспардонно-криминальном переделывании оставшейся от СССР коренной России — тогда и теперь Российской Федерации, по вроде бы западоцентричным лекалам, да еще при покровительственном лидерстве и даже прямом участии Запада — США и Европы, в целях перехода, если не перескока, постсоветской России в лоно по-западному и по-имперски со стороны США глобализованного мира с построением в самой России зависимого от глобализации и глобализма социохозяйственного строя со вновь сформированной владетельной и хозяйничающей в своих частных присвоительно-накопительно-потребительных интересах прозападно настроенной, компрадорской и весьма противороссийской в своей сердцевине финансово-административной элитой.

Формально-функционально то была тотальная социохозяйственная реформа, а на самом-то деле вполне себе большая революция, сравнимая с петровской конца XVII — начала XVIII в. революцией, Великой революцией в России 1917 г. и той же не менее великой по историческому значению сталинской революцией 1930-х гг. Сия невероятная, внезапная, дерзкая и чертовски лукавая революция рубежа 1980—1990 гг., сама бывшая большой (гигантской!) переменой, породила цепь последовавших за ней перемен, тоже совсем и не малых, призванных как утвердить и развить резвые начинания антисоветской и весьма при этом антироссийской революции, так и скорректировать, приглушить, а то и вообще отринуть кое-какие из становившихся опасными для самой революции ее достижения и итоги революционных-же «закидонов».

Пройдя лихую горячую и нервозную фазу в 1990-е гг., революция как переворот уступила место сначала революции как стабилизации себя и страны, а затем уже и революции как адаптации себя и страны к постреволюционному бытию, что не значит, что беспроблемному и непеременчивому — как по внешнему, так и по внутреннему контурам, а совсем наоборот — очень даже проблемному и переменчивому, что требовало новых — весьма при этом значительных и значимых — перемен.

Помимо важной этапной перемены в верховной власти в 1999 г., позволившей не только подтвердить факт революции и сохранить ее главный плод — новый, тогда еще вовсе не созревший и совсем еще не упрочившийся строй российского бытия, но и осуществить в последовавшие за властным кульбитом 1999 г. 5—7 лет доработку и упрочение нового — как раз уже пореформенного — строя, обретя и немалые достижения — через посредство главным образом энерго-сырьевого экспорта при возросших тогда, не без, надо полагать, кое-какого сделочного компромисса новой власти с глобальным центром, мировых ценах на энергию и сырье — в наращивании экономического потенциала страны, в укреплении только что народившегося капитала и даже в росте благосостояния успевшего революционно обеднеть населения.

И вот тут, прямо в разгар почти что триумфального, с точки зрения глобокомпрадорских реформаторов, шествия новой России, чуть ли уже не встроенной в Западный мир на исключительных правах (G 8), нежданно-негаданно выскочила новая, вполне и революционная по духу и концепту, а в какой-то мере и противореволюционная относительно геостратегических итогов только что завершившейся в России прозападной революции, новая большая перемена, вызванная великодержавным жестом России, идейно-концептуально выразившимся в мюнхенской 2007 г. речи российского лидера и обозначившим прямо-таки чуть ли политико-правительственный наезд России на лукаво-благодетельный Запад, что вызвало попервах раздражение Запада в адрес «взбунтовавшейся» вдруг России, затем отторжение Западом от себя уже неугодной для него России, а следом и пошаговое вытягивание на свет новой холодной войны — теперь уже против России, которую Россия, вспомнившая вдруг о своем великодержавном империального кроя прошлом, не замедлила оборонно-сопротивленчески принять.

Странная, казалось бы, перемена — не по ситуации вроде бы и не ко времени, а однако же случившаяся, подтвердив, как и в случае с крахом СССР и совето-социализма, золотое экзистенциальное правило: «Чему, понимаешь ли, быть, того, понимаешь ли, не миновать!», а бывает это неминуемое продиктовано не так желаниями правителей, стремлениями доминирующих элит и настроениями масс, хотя это все и есть, как метасмыслологией самого бытия-истории, в которой великую движущую роль играет, наряду с объективным ходом текущей реальности, вроде бы надежно уже уснувший, но вдруг внезапно пробуждающийся сакрально-

генетический код эволюирущего бытийно-исторического феномена, уходящий своими корнями в трансцендентные глубины и выси не так даже бытия, как… небытия, и без всякой видимой причины вдруг дающий о себе знать, возвращаясь в свет и поселяясь ни с того, ни с сего в сознании-бессознании людей, включая и правителей, и элиты, и народные массы, и преломляющийся в реальных тенденциях и процессах, событиях и происшествиях, включая и сами невероятно-внезапные перемены.

В условиях все более открытого, назойливого и беспардонного натиска Запада во главе с США на Восток Европы — на Россию, находившего воплощение не только во все более разнузданной информационной войне против России, но и в расширении на европейский восток того же НАТО за счет абсорбирования бывших союзнических Советскому Союзу или же отколовшихся от СССР центральноевропейских стран со строительством в них и вообще вокруг России военных объектов и баз, не могла не случиться, учитывая все те же бытийно-исторические обстоятельства и экзистенциальные мотивы, что и во внезапной вспышке противостояния России и Запада, и новая крупная — высоко значимая и крайне судьбоносная, — перемена как в жизни России, в самом ее феномене, так и во все более хладо-войновских отношениях России с Западом, а именно переход России, не постесняемся так сказать, от обороны к наступлению, что нашло фактическое подтверждение сначала в связи с украинскими, а потом и сирийскими событиями, и в особенности с возвращением в состав России ставшего пророссийски пассионарным Крыма.

Полуприкрытая холодная война Запада с Россией сразу же по итогам сей геостратегической перемены превратилась во вполне открытую, как стало принято говорить, гибридную (многофакторную) войну, со временем получившую более адекватное для такой войны именование — гуманитарная, то бишь межцивилизованная, экзистенциальная, смысло-концептуальная, в общем, ставшая межми́ровой в пределах планетарного мира войной.

Кто в нынешнем мире, кроме разве ярого русофоба Збигнева Бжезинского, давно уже усердно выкликавшего проклятия в сторону СССР, России, русского мира и призывавшего Запад к крестовому на СССР-Россию походу, да последовательной русофилки бабы Ванги, провидевшей угасание Запада и новый подъем России, мог предвидеть именно такое развитие событий в отношении что России, что Запада: сначала как бы поражение СССР и как бы победу Запада над СССР в холодной войне;

затем круто прозападную в России реформацию с вроде бы интегрированием России в Запад; потом внезапный выпад России против Запада с превентивной защитой своих геостратегических интересов и своего суверенного будущего; наконец, вновь вспыхнувшую войну Запада против России, как всегда, впрочем, по сути-то как раз… гуманитарную.

Так вот именно на деле обычно и случается: видимая событийная явь что-то для себя полагает, а сокрытая метасмысловая навь что-то свое для яви предполагает, что означает, что реальность, хоть и движется вперед через посредство людей, их решений, усилий и деяний, не без участия при этом объективно разворачивающихся процессов и внезапных произвольных случайностей, но… (sic!)… движется она и по почти что щучьему велению какой-то неявной, неизвестной и никак человеку и бытийной реальности не подчиняющейся могущественной силы, действующей вполне по своему́, хотя и коррекционно связанному с относительно вольно текущей реальностью, «усмотрению»!

Хочешь не хочешь, а без признательного обращения к сокровенной, полной тайны, вовсю работающей трансценденции тут не обойтись!

Нельзя сказать, что человек в лице как отдельных особей и социальных групп, так и больших людских масс совсем ничего из само собой трансцендентно происходящего не чувствует, не замечает, не предвидит — и чувствует, и замечает, и предвидит, мало того, кое в чем необъяснимом даже полусознательно участвует, но все равно, он не только действует в окружении неизвестности и небытия, не только с ними считается, но и ими таинственным образом ведется — сначала через те же свои предчувствования, затем через чего-то осознание, а потом и через свои намеренные интенционные деяния.

Как гениальному Менделееву будто бы явилась во сне периодическая система химических элементов, причем явилась прямо ниоткуда, пусть и с участием его немало уже подготовленного к сему явлению подсознания, так и в текущую реальность внезапно являются прямо ниоткуда самые что ни на есть невозможные, но зато и самые судьбоносные, разрешения, тоже не без какой-то предварительной самоподготовки к ним со стороны самой же реальности.

Начальная для текущей изменчивой реальности грандиозная перемена, случившаяся в отечественных окаемах на рубеже 1980—1990-х гг., означала не просто переход реальности к чему-то иному, не просто ее разворот или даже переворот, не просто какой-то там качественный скачок от чего-то одного к чему-то другому, а еще и настоящий выворот

реальности из самой себя — резкий, спорый, грозный, беспощадный, жуткий, страшный!

Вы-во-рот!

Кверху дном, когда все обычно считаемое негативным, антигуманным, аморальным, асоциальным, криминальным выходит вдруг из подполья, куда в нормальной ситуации бывает более или менее надежно загнанным, и начинает творить, добравшись до высшей власти, свой бесовский инфернальный бал, разгоняя по углам все позитивное, человеческое, цивильное, порядочное, да ладно бы если просто бал, а то ведь начинает творить в своих интересах и по своим инфернальным лекалам революционное преображение бытия, страны, хозяйства, всей экзистенции, захватывая собственность, присваивая богатство, построяя на руинах сдавшейся им реальности систему своего эксплуатационного господства над бытием, страной, населением, над самой вывернутой наизнанку реальностью!

Блестящая тут свершилась в 1990-х гг. с позиции ее авторов и акторов перестроечная операция, она же и великая ударная перемена, положившая начало бытию Российской Федерации в качестве формально нового национального и социохозяйственного субъекта, а фактически-то прозападно настроенного и ориентированного на глобализм суб-субъекта.

Однако одно дело — формальная субъектность Российской Федерации, совсем другое — реальная, — и новый правящий верх, понимавший это не хуже любого из вольных геостратегических оракулов тогдашней российской и зарубежной современности, приступил при первой же возможности, немало при этом лукавя и достаточно ловко маневрируя, к наращиванию реальной субъектности России, как раз той самой субъектности, необходимой не столько, быть может, для выживания и бытия собственно Российской Федерации, сколько для выживания и бытия возникшего в ней, пусть и на западный манер, строя со всем его владетельным, пусть и немало по духу и настрою своему антироссийским, классовым навершием.

Иллюзии, что сему хоть и антироссийскому по духу и прозападному по настрою, то бишь компрадорскому, коллаборационистскому и в общем-то второ-, если не третьесортному с позиции мирового финансово-административного закулисья, классу удастся войти равноправной органичной частью в доминирующую на планете и правящую миром западо-глобалическую среду, весьма быстро стали улетучиваться.

Либо своя, вполне субъектная и суверенная Россия и под новой российской элитой, — либо… либо ничего — ни элиты и ни России — не более и не менее!

Отсюда сначала в России стались скромные, негромкие и непритязательные стабилизационные перемены, а затем уже пошли перемены, скажем так, честолюбивые, небесшумные и вполне себе притязательные, как раз и великодержавные, разумеется, с возможным в пореформенное время хотя бы частичным облагораживанием что самого нового строя, что его элитных владетелей, что его вынужденных по жизни рядовых участников.

В стране все это вылилось в такую примерно формулу: «Запад по форме, отечество по функции!» — что означало принятие правившим в России классом парадигмального западнизма в сочетании с ограничивающим глобалический функционализм столь же функциональным патриотизмом. «Мы — как вы, но мы — сами!» Выходило, почти как у Петра Великого, а частично даже и как у самого отца народов товарища Сталина: «Запад, может, частично и в нас, но мы — не в Западе!»

Россия как особое метаисторическое нечто, то бишь Россия как Россия, вновь при этом не принималась за основу бытия правящим в России верхом, ибо тогда пришлось бы круто и чуть ли не насовсем отказаться от передового-де Запада, а патриотизм понимать не столько как просто страновой, сколько как высокозначимый генотипический феномен. Это никак не входило в текущий пореформенный концепт России как державы, как когда-то не входило и в бывшие тогда концепты новой России, что у Петра Великого, что у великого Сталина: задачи у всех российских преобразователей всегда были и остаются если и не прямо в концептуальном плане антироссийскими, как было у Петра Великого, то не более чем частично российскими, да и то лишь в культурном и духовном аспектах, как это вынужденно случилось у того же великого Сталина. Все или почти все реформы и революции затевались и велись в России, в том числе и задолго до Петра I, как по преимуществу антироссийские, тогда как собственно России доставались уже либо коррекционные контрреформы, что произошло, к примеру, в царствование великого миротворца Александра III, почему-то великим до сих пор не прозывающегося, либо у самого товарища Сталина — вовсе не верного ленинца и никак уж не фанатичного марксиста.

И что сегодня — на рубеже 2020-х?

Установившийся в пореформенной России некий смешанный прозападно-азиатский строй — строй произвольного финансово-административного с криминальными чертами деспотизма, хоть и работает с горем пополам, но, во-первых, очень уж затратно по причине активного растрачивания и проедания национальных хомо-природных ресурсов и производимых в стране богатств, то бишь реализуясь очень и очень по факту и на перспективу паразитарно; во-вторых, проворачиваясь с таким функциональным скрипом, что практически не выходит из какого-то относительно своей рабочей динамики патосостояния, порождая массовое деловое неудовлетворение и социально-психологическое напряжение почти во всех слоях населения, кроме разве что части высших элитарно-владетельных кругов; в-третьих, прокручиваясь в органическом неспособии добиваться действенного и ненаигранного национального единения на основах социальной и правовой справедливости, эффективной людской солидарности и честного гражданского служения, не говоря об обретении страной, ее населением, ее свободным предпринимательством, ее трудящимися, ее творческими и интеллектуальными силами вполне себе экзистенциального… нет, не довольства вовсе, а всего лишь удовлетворения, не дозволяющего массам соотечественников, в особенности из динамичной молодежи, искать житейской удачи за пределами страны; в-четвертых, находясь в чрезвычайной зависимости от глобализованной по-западному, по-американски, а теперь вот и по-восточному, уже и по-китайски, экономической и вообще хозяйственной, технологической и информационной, культурной и цивилизованной среды, что принижает национальный суверенитет и сильно мешает исполнению текущих национальных и перспективных геостратегических задач, овладению будущим; в-пятых, реализуясь в почти уже патологическом неспособии соскочить с энерго-сырьевой иглы и развивать разнообразное внутреннее производство, включая научно-техническое и киберинформационное; в-шестых, маниакально вредя своими неуклюжими оптимизационными мероприятиями жизнедеятельности общества, в особенности в социально-гуманитарной сфере; в-седьмых, бытуя с почти что полным пренебрежением к отечественному гуманитарному интеллекту, в особенности к российской философской, мировоззренческой, метафизической мысли.

Реформно-пореформенный строй вышел не откуда-нибудь, а прямо, уж извините, из бездны, пройдя при своем рождении самую что ни на есть инфернальную часть фабрикационной преисподней, а потому

выскочил на свет изначально уже достаточно патогенным, уродливым, маргинальным, криминогенным, в общем-то не так даже строем, как пато-строем, скорее — пато-нестроем, требовавшим в момент его собирания во что-то воспроизводственно целостное его бытийного утверждения и функциональной отработки уже своей собственной для себя оздоровительно-переделочно-устроительной реформы, может, с приостановкой и переориентацией той — изначальной, родительской, более разрушительной, чем созидательной — реформы, которая, конечно, из-за страха восстановления какой-то здравой, а потому и крайне опасной для инфернальных реформаторов-захватчиков нормы, не могла и не смогла состояться, а лишь получила полумерную себе замену, если не подмену — в виде заметной по итогам пореформенной стабилизации на основе все того же растущего энерго-сырьевого экспорта при возраставших тогда мировых ценах на энергию и сырье.

Реформно-пореформенный строй был в тот момент спасен, получив даже кое-какую цивильную отладку, мало того, он даже добился и весьма значительных, чуть ли не победительных достижений в наполнении потребительного рынка, в денежно-банковско-финансовом обустройстве страны, в возрождении, пусть и скособоченного в сторону энерго-сырьевого экспортного сектора, национального хозяйства, в становлении, пусть и вполне глобализированной — читай, и зависимой от внешних инвестиционных источников и механизмов реализации — экономики.

Строй сей даже успел пережить нечто подобное триумфальному — в его, конечно, собственной интерпретации — расцвету! Однако все родовые пороки новенького строя, все его благоприобретенные изъяны и уродства никуда по причине сего расцвета не делись — через весьма краткое время, попав в жуткое месиво мирового экономического кризиса 2008 г. и последующих 2010-х. гг., строй сей не только сам впал в собственный кризис, но еще и в кризис вполне себе тупикового, то бишь безвыходного, характера, из которого сей мгновенно подувядший строй могло вывести только волевое, уже и постреформенного порядка, перестроение, на что подунывшие предержащие сего строя, его собственного кризиса и всей попавшей в кризисный просак страны никак своевременно не пошли, рассчитывая, видно, на «рыночно-глобалический автоматизм» выхода из кризиса и на «выходное» самосовершенствование самого пореформенного строя, чего как раз — ни первого, ни второго — просто так произойти никак уж не могло.

Сокрушительный в идейно-концептуальном и одновременно в практическом планах момент истины наступил для правящего верха по случаю вроде бы блестящего для верховного лидерства итога общенациональных выборов 2018 г., когда, с одной стороны, нация выдала беспрецедентный мандат доверия национальному лидерству, однако, надо особо заметить, вовсе не на продолжение все той же всем уже изрядно поднадоевшей стро́евой бодяги и все той же управленческой тягомотины, а на серьезные, фундаментального характера перемены — как в текущей социохозяйственной практике, так и в самом обустройстве страны, разумеется, в сторону интересов нации, а не, как уже стало для страны невыносимым, в угоду владетельного меньшинства, а с другой стороны… э-э… нация получила взамен сначала изумительное безмолвие и недоуменное бездействие торжествовавших электоральную победу властей, а затем… (sic!)… шоковую пенсионную терапию, вызвавшую лишь несказанную досаду и волнительное негодование обманутого в очередной раз электората.

Что ж, от блестящих электоральных побед до не менее ярко сверкающих поражений бывает иной раз даже не один шаг, а всего лишь одно мгновение, что, собственно, и случилось в большом российском стане, но вовсе не по инициативе вдруг вздыбившегося народа, а самой же самодовольно себя переоценившей и потерявшей экзистенциально-историческую осмотрительность власти!

Странно, поразительно, вопросно, но — факт!

Однако никуда не делся и другой факт, а именно факт тупикового кризиса текущего реформизма и созданного им строя, системы и практики наличествовавшего в стране управления, кризиса занятости, труда и творчества, распределения благ и благосостояния, всей вообще российской экзистенции, ну и соответственно — кризиса власти в сочетании с кризисом единоличного общенационального лидерства.

Чего тут было больше: преступления, как говорится, или ошибки, а может, попросту какого-то затмения, родственного бессознанию?

Исключительнейший шанс для начала больших, хорошо продуманных и всесторонне обоснованных перемен был тогда властями упущен: то ли слишком уж уверились они в успешности своих реформных деяний, в прочности пореформенного строя и непоколебимости власти, в правильности общего странового курса, в благодетельности новоиспеченной, пусть и двоякой лояльности элиты, в сносном материальном и вообще в экзистенциальном положении частного предпринимательства и

трудящихся масс, в успешной-де реализации культуры и той же науки, того же здравоохранения, в достаточном-де контроле над криминалитетом и т. д., то ли случилась тогда какая-то неодолимая невозможность что-либо делать по вектору перемен, граничащая с инерционной скованностью, то ли в самом деле не виделось сверху в узкий наблюдательный глазок, что же в реальности творится в стране, в каком положении находится народ, чего страна-нация ожидает от властей предержащих и т. д., в общем — не верилось им, не хотелось, не моглось, а потому снизу оставались тогда одни лишь в послевыборную пустоту вопросы: где же адекватное видение правлением всего в стране происходящего, как и всего ею чаемого? где обращение властей предержащих со страной как именно с родной страной, а не всего лишь своей по в общем-то нелегитимному факту ею присвоительного владения? где наконец признание властями России как России, а не как всего лишь плодоносной для двуликой элиты и всего мирового глобалического света территории, лишь называемой географически Россией, или все-таки сия страна для верхов всего лишь и в самом деле… эта страна, из которой подлежит сделать наконец-то другую — западную-де! — страну с энерго-сырьевым экспортом, Болонским протоколом, страховой медициной, рискованной цифроманией и той же безумной наукометрией под дрожащей от умиления и страха обильно потеющей подмышкой?!

Недаром, видно, проницательная баба Ванга пророчила, по свидетельству очевидцев, а лучше сказать — очеслышцев, что российскому лидерству придется-таки сделать выбор между, с одной стороны, интересами окружающей его олигархической элиты и, с другой стороны, интересами российского народа, включая, добавим, ибо мы даем высказанную провидицей мысль в вольной интерпретации, и выбор между нахрапистой не-Россией, если не анти-Россией, с выгодой для себя насевшей на Россию, и собственно Россией!

Ожидавшегося в стране внутриполитического и внутрихозяйственного разворота в марте 2018 г. не случилось, а потому и не состоялось и чего-то подобного бонапартовскому «восемнадцатому брюмера», зато в верхах воцарилось победное бездействие, а по стране вместо громогласия от начала больших позитивных для нее перемен слышался лишь заунывный скрип нехотя и тяжко проворачивавшейся, по-преимуществу и вхолостую, правительствовавшей машины.

Ни с чем не сравнимый острый миг вдруг постигшего страну мертвенно бледного и покойно хладного безвременья!

Недоумение, разочарование, обида!

Однако последовало затем и кое-какое продолжение — сколь предвиденное и неотвратимое, столь же неожиданное и вопросное.

Тут вполне уместно обратиться к актуальному четвертьвековому опыту уникального, не имеющего аналогов, воззренческо-практического концептуализма, восходящего к софийной, а точнее — софиасофской, то бишь метафизической в основе своей мысли — и исходящего, из философско-хозяйственного, помимо научно-исследовательского гнозиса, воспринимающего хозяйство как все, включая и идейно-духовное, жизнеотправление человека, а философию как не столько это жизнеотправление извне отображающую и трактующую, сколько из него, из его внутренней метасмыслологии, вырастающую.

Не раскрывая в полном объеме само это течение мысли, даже не прибегая к тезисной форме его содержательного представления, удовольствуемся лишь перечислением ряда знаковых вех в виде всего лишь названий некоторых публикаций и дискуссионных мероприятий, имевших и имеющих прямое генетическое отношение к данному воззренческо-практическому концептуализму (без указаний на тип публикации или мероприятия, авторство, объем, место издания или проведения, иных справочных данных).

Вдумаемся!

Публикации: «Перестройка или апокалипсис» (1991); «Переходы и катастрофы» (1994); «Российская Реформация» (1994); «Мерцающие контуры российской государственности» (2001); «От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России» (2002); «Феномен Сталин» (2003); «Эпоха Постмодерна» (2004); «Постмодерновый мир и Россия» (2004); «Россия перед лицом глобализации» (2004); «Имперские предчувствия России» (2005); «Империя Россия» (2005); «Постижение России» (2005); «Россия державная» (2006); «Постмодерновые реалии России» (2007); «Российское обновление» (2007); «Национальная элита — судьба России» (2009); «Экономический суверенитет и суверенная экономика» (2009); «Перестроение России» (2010); «Мобилизационный потенциал национальной экономики» (2010); «XXI век — интеллект-революция» (2012); «Постреформизм и развитие» (2013); «Неодирижизм и модернизация российской экономики» (2014); «Я — революциЯ!» (2017); «Россия: вибрирующие горизонты» (2019); «Россия в игре: страна и мир» (2019); «Россия и идеология» (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) (2020); «Россия под переменами» (2020).

Конференции: «Переходные процессы и их отражение в экономической теории» (1997); «Развитие капитализма в России — сто лет спустя» (1999); «Перспективы социализма в России» (2000); «Российский путь в XXI веке» (2001); «Типологические характеристики России» (2002); «Глобальное и национальное в экономике» (2004); «Феномен нового человека» (2005); «Постмодерновые реалии России» (2006); «Россия сосредоточивается: воля к жизни и процветанию» (2007); «Феномен власти в сонме реальных измерений» (2007); «Становление новой России» (2008); «Самоутверждение России» (2010); «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (2012); «Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы» (2014); «Российское системное перестроение: неоэкономизм, неоиндустриализм, неодирижизм» (2016); «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия» (2017); «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (2018); «Идеология актуальной России» (2019); «Россия в координатах ударных перемен» (2019).

Даже беглое знакомство с приведенными перечнями публикаций и конференций позволяет представить себе, насколько обозначенный выше философско-хозяйственный, он же и метафизический, и софийный, и софиасофский, концептуализм способен на самую что ни на есть не только фиксационную и даже не только провиденциальную, но и вполне конструктивную для России работу, если сопоставить сей концептуализм с текущей реальностью, ее потребностями и императивами, как и с тем, что происходило и происходит в российской реальности, то на передний план выходит заметное предшествование всего концептуально проговариваемого всему реально происходящему, причем более всего лишь только реально разворачивающемуся, а то и вовсе еще практически никак не предположенному (между мыслимым и реальным тут прослеживается явная корреляция, да не только одномоментная, или текущая, превентивная, так сказать, фьючерсная, и концептуализм, о котором речь, не просто в одном потоке с реальностью, а и в доступе туда, где реальность еще только самопроектируется и самозарождается, то бишь в доступе на саму покрытую тайной фабрику реальности!).

А теперь, робко надеясь на снисходительное приятие всего сказанного о действующем в современной ученой среде нового концептуализма, попробуем рассмотреть с его позиций текущее переменовское бытие России.

Примем, однако, еще раз во внимание, что немало в чем-то

преуспевшая пореформенная власть не пошла на серьезные внутренние перемены в устройстве и в бытии страны пост-реформенного порядка, то ли уверовав в нужность, адекватность и эффективность пореформенного строя, то ли не имея реальной возможности что-то в нем всерьез изменить, то ли все-таки недопонимая, в чем же она реально бытует и с чем реально имеет дело, то ли… впрочем, это не так уж и важно — не пошла на такого рода радикальные перемены — и все тут, хотя у этой же пореформенной власти хватило ума, своеволия, настырности и… безумия наброситься на социогуманитарную сферу, ее «оптимизционно» сжимая, разлагая, сокращая, уничтожая, а главное — уродуя, чего не смогла избежать даже научно-интеллектуальная часть этой сферы, то бишь сам национальный интеллект!

Не вступив на путь требовавшихся уже самой тупиковокризисной ситуацией перемен, а лишь эту ситуацию усугубляя своими высокомерными по стилю, но низкопробными по сути менеджериальными «оптимизационными» экзекуциями, как и прошмыгнув, зажмурившись, чтобы ничего такого не увидеть, никому из страждущих не ответить на колкие вопросы, никак решительно при этом не действовать, мимо заискрившегося было по поводу больших перемен 18 марта, да еще и затеяв сразу после мартовской победы бездарнейшее пенсионное мероприятие, верховное правление попало в самим же им устроенный капкан — недоверия, настороженности, раздражения как раз со стороны массового, да и не только массового, но и кое-какого элитарного тоже электората, как раз того самого патриотически настроенного гражданского общества, самой же властью усердно накликанного, ее доверчиво поддержавшего и в один коварный миг весьма в ней разочаровавшегося.

Власть, видно, и не заметила тогда, что не так даже обманула ожидания российского общества, что ей было, надо думать, вполне и ясно, как его, это самое общество… оскорбило и унизило, что, возможно, до власти все-таки дошло, но уже заметно позже — этак через годик-два, а оскорбление с унижением, заметим, никогда, никем и никому не прощается, если, конечно, допустивший сию роковую бестактность не попытается ее по-честному исправить!

Что ж, коли Магомет не посчитал нужным идти к Горе, то Гора, которая есть не что иное, как полная тайны Великая Неизвестность, нашла для себя вдруг возможным (и необходимым) двинуться… нет, не… к… Магомету, а… на… Магомета, а в нашем случае, коли власть российская не пошла к России как России, то Россия как Россия — эта

трансцендентная сакральная навь — двинулась, словно пушкинский каменный гость на Дон Жуана, на российскую власть, которая, будто очнувшись ото сна, вдруг бросилась, очертя голову, может, еще и не в очень глубокие и дальнобойные, но все-таки в весьма ударные перемены, как то провидел за месяц до этого на своем декабрьском 2019 г. форуме поминавшийся выше новейший отечественный концептуализм («Россия в координатах ударных перемен»).

Интересно, не правда ли?

Хотя на форуме затрагивались не так возможные деяния властей, ибо тут задача и функция самих властей, как концептуальные основания концептуально необходимых перемен, разумеется, по терминологии конференции, ударных!

Верховная власть, почувствовав-таки самонараставшую потребность серьезных перемен в российском жизнеустроении, предпочла, дождавшись почему-то января 2020 г., начать, сменив один состав пореформенного правительства на другой, с Конституции, ее «ударной» переработки чуть ли даже не в… постреформированном ключе, но, как стало скоренько ясно, более всего, по вектору удержания и продления действующего режима и действующей личной власти, следственно, и продолжения пореформенного строя, возможно, лишь с его некоторой модификацией, конечно же, в основе уже «цифирной».

И вот тут оказалось, что Гора, она же Великая Неизвестность, не более чем померещилась тогда правящему российскому верху, да и то лишь где-то на подступах к российскому горизонту, хотя и этого хватило верховному правлению, чтобы стронуться с места и пойти на кое-какие внутрироссийские перемены, а вот воочию предстала сия Гора, она же Великая Неизвестность, перед сим правлением уже не только по российским, а и по общемировым мотивам, заодно затмив, а то и отменив посредством коронавирусной пандемии все паллиативные переменовские начинания российской власти, мало того, поставив сию власть с ее внутрироссийским строем и системой управления не только перед необходимостью иных, вовсе не косметических, перемен в России, а и прямо на грань бытия — что власти, что строя, что России, разумеется, вместе со всем, особенно же передовым, то бишь западным, человечеством!

На декабрьской 2019 г. конференции, выше уже упоминавшейся, речь шла не только о переменах, ожидавших Россию, но и о переменах, вполне и тоже ударных, которые вовсю уже шли во всем мире, среди ко-

торых достойное место в конференционной дискуссии заняло провоцируемое Западом нашествие на человеческий мир не чего-нибудь, а… постмодернового антимира, тогда еще как бы мирного нашествия, полузаметного, мягкого, чуть ли не бархатного, но именно нашествия и именно антимира — с его антибытием и античеловеком, ну, может, квазибытием и квазичеловеком… и вдруг!.. коронная пандемия, которая оказалась вовсе не так уж собственно вирусной пандемией, как паравирусной пан-пандемией, не просто приносящей хвори и смерти, невзгоды и испытания, но и приговаривающей и уносящей в небытие все, или почти все, коронованное западным постмодерном, симуляционно-карнавальное бытие, точнее — псевдобытие с его псевдокультурой, псевдоцивилизацией, псевдоэкзистенцией, а фактически — суицидной антропонекрофилией!

Этот-то антимир как раз и занесла в Россию прозападная «либеральная» реформа, мало того, она все сделала, чтобы вогнать его в чрево России, изменить под него страну, сознание и душу ее людей, и, надо особо подчеркнуть, многого добилась, а именно, помимо всяких частных губительных следствий, действительной, а вовсе не мнимой гуманитарной с крепким антигуманистическим замесом катастрофы!

И явилась вдруг в мир совершенно антимировская по генотипу пандемия, чтобы либо сей мир, оказавшийся на проверочных весах Великой Неизвестности слишком уж легким от вселившейся в него пустоты, шоковым образом образумить и заставить вновь позитивно вывернуться, пересотворившись — уже по-божески, по-софийному, по-человечески, либо же, пусть может и не сразу, но… исчезнуть!

Начатые верховным российским правлением запоздалые перемены, пусть по недоразумению даже и ударные, захлебнулись в одночасье в половодье гигантских антимировских перемен, спровоцированных всего лишь какой-то там микротропной пандемией, и в них — этих монструозных переменах — благополучно и утонули: «Какая-такая теперь Конституция, какие-такие выборы 2024 г., какое-такое бессрочное лидерство?».

На дворе вовсе не новая Россия с безмятежным пореформенным строем и везучим пореформенным лидерством, даже не ожидавшая еще вчера своей очереди на восхождение постреформированная Россия — все это уже в прошлом, ибо на дворе, пардон, тягостный мертвый сезон, да не тот, не зимне-пляжный, а совсем другой — антиэкзистенциальный, а там в конце двора, прямо за детской пластиковой площадкой, уже

маячит что-то… э-э… густое, темное, грозное… э-э… уж не диктатура ли?! — хоть гражданская, хоть военная; хоть все еще хомосоциальная, хоть вовсю уже оцифрованная; хоть не объявленная, которая, кстати, уже есть, хоть и громогласно заявленная, которая, видно, таковой только и может в царстве сием реально статься.

Все, что ныне вокруг, ныне же под вопросом, все сжалось в нулевую сингулярную точку, все на неведомом и безответном перепутье!

Впереди одна лишь неизвестность, уже нашенская, своя, не великая вовсе, причем и во всем будто бы хорошо уже и удачно-де опробированном и вроде бы надежно проверенном!

Перестраиваться ныне надо — срочно, споро, мобилизационно!

А кто на это ныне способен — снизу доверху и сверху вниз?

Шоумены, журналисты, артисты?

Психологи, сексологи, визажисты?

Уж не мошенники ли с казнокрадами?

Кто вытащит страну — западники, либералы, рыночники? Уж не армия ли?

О-о, как все тут не просто!

Как в яму — так в миг, а вот из ямы-то как?

Приговор: реформистам, миллиардерам, менеджерам, оптимизаторам, губернаторам, литераторам, деятелям искусств, медиа- и шоу-звездам, академикам, профессорам, лауреатам, орденоносцам, в общем — всем, всем, всем!

Разве… всем?

А что, разве есть исключения, из тех, кто присваивал, хапал, пиршествовал, куршавелил, безумствовал, бездельничал, болтал, молчал, охал да ахал?

Вот и передовым наукометристам тут приговор, получившим вместе со своей «Истиной» горький момент истины, хоть и не признáют они этого, ничего не поймут, не захотят понять, продолжат «метрить», пока их не остановит какая-нибудь умная, твердая и беспощадная сила.

И не признавшим русскую софийную философию тоже приговор, как и не признающим философию хозяйства, новую метафизику, ту же софиасофию, не говоря уже о Софии Премудрости Божией!

Да, любопытно и страшно видеть, как сама вздыбившаяся и одновременно замершая в оцепенении реальность, как раз вполне себе постмодерновая, вынесла сей круговой приговор — и самой себе тоже, а не только своим авторам, адептам и акторам, правда, вынесла окольно,

не напрямую — через посредство Неизвестности, которую хоть ученый мир и не признает, но которая не только есть, но и вовсю работает — прямо в реальности и прямо на реальность, а вот будет ли сей приговор приведен в исполнение, кто ж знает, кроме самой этой Неизвестности?

Важно, однако, что приговор сей есть, и он вполне реален, как и то, что реальность уже к себе прежней не вернется, хотя и попытается взять реванш за ударную атаку на себя, а вот какой она в России в итоге станется… о-о… лучше об этом пока и помолчать!

Из коллективной монографии
«Коронованная пандемия и зачарованный мир» /
под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова и др.;
Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог:
Издательство Южного федерального университета, 2020.

РОССИЯ И ПЕРЕДЕЛЬЕ

Да, именно так — Россия и переделье, что означает сразу три момента: 1) в нахлынувшей на Россию, как и на весь мир, стихийно-хаосной переделке (от «попасть в переделку», в тряску, испытание, борьбу, кутерьму); 2) в происходящих в России, как и во всем мире, самопеределочных (измененческих) процессах, как принято говорить, объективных, а на самом-то деле незнамо как вдруг возникающих и зачем-то идущих, сначала тихо и незаметно, а потом и очень даже заметно и громко, что-то или же все сразу меняющих, в основном смено-поколенческих процессах, отрицательно относительно всякой наличности настроенных, тяготеющих к чему-то иному; 3) в предпринимаемых властными, как и вообще что-то решающими, центрами сознательных переменочных действиях.

Есть при этом и кое-что еще, обычно обыденным, включая и научное, сознанием не осознаваемое, даже и не замечаемое: метасмысловой измененческий ход даже не бытия-истории, не говоря об обыденной повседневной жизни, а ход… неизвестности, оказывающейся не только самостоятельным актором перемен, но и главной действующей силой во всех трех выше обозначенных моментах.

За неизвестностью, о которой речь, стоит не что иное, как… вечность, которая не где-то там, а прямо здесь, мало того, прикрываясь неизвестностью, она вовсю еще и работает, а вот как и с какими для мироздания, земли и человека на ней итогами, — кто ж из смертных знает?!

Этого не знает даже сама смертная реальность, отчего она не столько бытие, не история, даже не жизнь, сколько… самотекущая экзистенция, когда никому и ничего из делаемого и происходящего не то что доподлинно, но даже и достаточно, не известно.

Вот та же нахлынувшая на мир переделка: что может о ней сказать определенного попавший в нее и под нее мир, включая и Россию, или та же идущая вовсю якобы объективно большая перемена — что может она поведать определенного жаждущему ее поколению переменщиков, а что сами эти переменщики (блогеры, айтишники, демонстранщики, майданщики и т. д.) могут определенного сказать об этой чаемой ими большой перемене; а те же переменогенные деяния властей предержащих и решений принимающих — те ли это деяния, соответствуют ли они потребностям не одной лишь реальности, но и… неизвестности, а за ней и вечности, что они могут выказать тут определенного, да еще и воистину верного?

О-о, как все тут не просто: и реальность ныне вовсю дрожит, трещит и раскалывается; и беспокойные переменщики чего-то жаждут и на что-то безапелляционно идут; и власти предержащие, и как вообще решения принимающие, явно или неявно трепещут — хоть от своего звездного бездействия, хоть от собственных освещенных тайной деяний, хоть от всего этого трагически неизвестных, а то уже и весьма комедийно известных, результатов.

Вот почему не только вокруг мир-перемена, не только мир-хаос, даже не только мир-безумие, а мир-тревожная неизвестность!

Никто ничего не знает!

Одни глупцы, наглецы и «силоволы» все знают, они-то все вокруг и определяют, ибо им никаких знаний и не надо, — и, заметим, все они не просто менеджеры, а… эффективные менеджеры!

Да-а, человекообразных особей хватает, вот только людей что-то маловато, да что маловато, почти что и нет. Неочеловеки при всем их технотронном совершенстве — уже не совсем люди, а, скорее, попросту и нелюди, а мы все к ним как к людям; — забудем, господа, были люди и ушли, теперь уже что-то другое, весь мир другой, ибо он уже почти мир перевернутый, обернувшийся на этот раз даже не изнанкой своей, что допустимо, а взращенным революционическим просвещением… антимиром, — да, да, именно так — антимиром, который даже не родная преисподняя, а обернутая в неживую красоту нежить. Не жизнь вокруг теперь и даже не погост, а лишь имитация жизни с имитацией погоста, еще и

прикрытые имитацией самой преисподней, то бишь самая что ни на есть нежизнь!

Это уже даже не Постмодерн, ибо в Постмодерне еще что-то есть — тот же отступающий Модерн, пусть и нещадно отрицаемый, а теперь уж никакого Модерна, даже и отступающего, а всего лишь Пост, а что это такое, кроме как не антимир, нежить да нежизнь, а-а?

Все человеческое, все людское, все божеское ныне в отступлении; да, все это еще есть, даже еще и борется за себя, за земную жизнь, за человеческий мир; но кто, зададимся вопросом, правит ныне бытийный бал, еще и чумный, коронавирусный, пандемический, мало того — цифротронный, если не ответим вполне и не сумняшеся… никто, но не потому, что этот кто-то и в самом деле с земно-гуманистической точки зрения… никто: что можете, господа, о нем сказать, пусть и экстравагантного, и постмодернического, и запредельного? — снова ответим — ни-че-го!

Не пытайтесь, господа, понять, что думают, о чем заботятся и что делают нынешние мировых властей, ресурсов, денег, капиталов и самой жизни предержащие, ничего у вас не выйдет, ибо они ни о чем, кроме как о своем, не думают, ни о ком, кроме себя, не заботятся, ничего, кроме своего, и не делают, зато думает, заботится и делает вместо них… неизвестность, ради которой как раз и пришло вкупе со своим тотальным и вполне себе эффективным менеджеризмом бесстрастное и беспощадное безвременье.

Знаю, что не согласятся со мною ученые, знатоки всего и вся, возразят, заулюлюкают, покрутят пальцем у своего виска, но… все равно я это говорю, поскольку это именно так и есть: внеисторическое наступление неизвестности на известность и такое же отступление известности перед неизвестностью — вполне себе уже достоверный факт! Вот оно — главное знамение времени, да ладно бы времени, а то ведь как раз самого что ни на есть безвременья — великого безвременья!

Вокруг, знаете ли, выкаблучивает свою смертоносную пляску насыщенное вещами, товарами и безделицей ничто — НИЧТО!, которое не просто в тренде, а прямо-таки в широкоугольном размахе — и Россия, эта умильно прихорашивающаяся наследница сдавшегося (точнее, сданного!) на милость сего победного НИЧТО, зиждется не где-нибудь, а прямо там, в этом НИЧТО, с этим НИЧТО в своем нутре, как и с этим же НИЧТО во внешней и внутренней, почти что и безнадежной схватке за себя, за жизнь, за мир, за человека. Ах, как не просто нынешней России оставаться Россией, когда глубинная Россия все еще в Нави, а в Яви как

раз Россия НИЧТО-йная, хотя, слава Богу, не совсем уж НИЧТО-жная!

Кое-какие шансы у России все-таки есть — не просто оставаться Россией, а восстать Россией, но для этого надо много сообща работать, да не за компьютером сидя, а в бескрайнем пространстве российском, не гуляя по виртуалу, а бытуя в реалиях, не прикрываясь пиарной вуалью, а глядя в глаза горькой истине.

Инфернальным потокам, нахлынувшим на Россию, придется противопоставить, ежели России суждено не только остаться географически, но и восстать Россией субъектно — НОВОЙ РОССИЕЙ! — не что иное, как свои — российские по духу, смыслам и значению — перемены, причем не левые и не правые, не либеральные и не консервативные, не европейские и не азиатские, а именно российские, о которых российский добропорядочный, не говоря об антироссийском ублюдочном, гражданин даже не подозревает.

Однако недаром вокруг России, прямо у ее границ, на бывших ее территориях, у нее, можно сказать, под носом, разыгрывается бесовская геостратегическая, называемая гибридной, еще и гуманитарной, пандемия, что указывает лишь на одно: «Переделье на переделье!», что то же самое: «Либо — либо!», а еще точнее: «Смерть или жизнь!».

Какое-такое «Переделье на переделье!»?

Неужели и это, господа, непонятно?! Как раз то самое, что и раньше бывало: «Консолидация, мобилизация, перестроение».

Нас упрекают доброхоты всех мастей: «Что ж, выходит — война?!». А что и где в современном мире не война, — хотелось бы знать? И что и где не есть война против России?

Все дело в том, что либо вышеупомянутое «КМП», либо не то что России — ничего не будет, даже нынешнего безутешного НИЧТО не будет! Отсюда и война с НИЧТО за НЕЧТО, — иного, увы, ни России, ни миру не дано!

За какое же такое НЕЧТО? Нет смысла фантазировать, утопизировать, мифологизировать: не за цифру же, хотя почему и не за цифру, только вот за свою и… нет, вовсе не за человеколюбивую… а всего лишь за… человеку подотчетную!

Во-первых, Россию к России как России все равно припрет; во-вторых, уже припирает; в-третьих, немало уже и приперло, — что еще надо, чтобы вразумиться и Россией заняться в пользу России? Да-а, кое от чего придется отказаться и к кое-чему все-таки обернуться — непростая, прямо скажем, задача, да вот бытие-история, переполненное

буквально уже бездной неизвестности, уже не терпит и в итоге уж никак не потерпит, так что зазевавшимся лучше с ней не припираться: на место одних непременно приходят, коли надо, другие, глядишь, куда более и сообразительные!

Ах, эта безмолвная, неведомая и неуправляемая тишина, вдруг наполняющаяся несусветным грохотом, бесстрастно поглощающая в своем чреве как тех, так и этих!

«Философия хозяйства». 2020. № 6.

2021 г.

РОССИЯ В ПЕРЕДЕЛЬЕ
(двадцать тезисов — 2020)

1

Переделье — не общепринятая наукообразная категория, а всего лишь реальный исторический факт, касающийся не одной России, а и всего мира, — и важно то, что это не просто перемены и даже не просто переделки, а перемены и переделки в гуще большой переделки, в которую нарочно или нет вдруг попадают человек, семья, сообщество, страна, мир и которая выглядит как вдруг возникшее хаосно-рисковое состояние, как пребывание в трудных и опасных обстоятельствах, как и из них тернистое выбирание, в общем — как неординарное потрясение субъекта-объекта, как большая замятня, как грозовой накат неопределенности, как и ослепительная вспышка неизвестности. Попадание в такой потрясающий контент или в потрясный контекст — все равно, обычно весьма свободно, а вот выхождение из него не то что совсем уж не свободно, но обычно уже крайне проблемно: «Быть или не быть, а ежели вдруг и быть, то кем и на каких условиях?» Отсюда и наше ПЕРЕДЕЛЬЕ, которое есть сразу перемены, переделывание, ситуационная экстремальность, испытание, пытка, протирка и продирка, а в итоге либо выживание с каким-то вольным или невольным обновлением, либо предрешенная сверху, снизу, сбоку или изнутри — пусть и с каким-то обновлением, как и без оного — погибель. Оказаться в ПЕРЕДЕЛЬЕ — оказаться не просто между одной и другой жизнями, а и попасть вдруг прямиком между жизнью и смертью!

2

Что ж это за ПЕРЕДЕЛЬЕ такое, в котором то ли всего лишь находится ныне человечество, то ли в которое оно нежданно-негаданно попало, то ли же на которое оно ожидаемо или внезапно попалось? Нет, это уже не модерновское переделье, но и, что особенно важно подчеркнуть, и не постмодерновское, это что-то явно другое, ибо нет уже ни борьбы Модерна с Постмодерном, что вершилась издавна в течение полтысячелетия, ни скоростного отрицания Модерна Постмодерном, как случилось в том же XX в., это явилось что-то иное, явилось как какое-то фантастическое запределье — ЗАПРЕДЕЛЬЕ, когда на рисковом кону уже весь зе́мный мир, включая и самого человека: демиургическая искусственность взяла верх над сакрализованной естественностью, а все более искусственный хомобра́з уже берет верх над человеком как человеком, что означает не очередную трансформацию мира и новую волну в совершенствовании человека по цивилизационному (научно-техническому по преимуществу) вектору, а полную трансгрессию мира в искусственный антимир, а человека — в искусственного постчеловека. Здесь уже не отрицание чего-то из бывшего и становящегося прошлым ради чего-то нового и как бы более высокого и совершенного, а отрицание уже самого феномена зе́много мира и самого феномена зе́много человека. То еще ПЕРЕДЕЛЬЕ, вполне себе уже и в самом деле запредельное!

3

Таков общий земно-космический, а лучше сказать — бездно-инфернальный, передельевский фон, на кулисных вуалях которого копошатся проекционные тени из несусветного будущего окончательно обыскусственной Земли и наделенной искусственным разумом нера́зумной, но при этом якобы сверхразу́мной, интегрально-бессмертной постчеловеческой киборгиальности. Однако фон — это только фон, а не вся реальность: и Земля с ее Природой пока на месте, хоть и бунтуют они, и взбрыкивают, и кусаются, и человечество с его осознаниенными Богом мозгами тоже вроде бы еще на месте, во всяком случае, пока на месте, хоть и волнуется, и зудит, и скулит, и рычит, и трепещет, ну и, как водится, хорохорится. Творение, а это есть не что иное, как ТВОРЕНИЕ, вовсю, видно, продолжается, отчего Модерн все еще остается Модерном, пусть и изрядно побитым, Премодерн — Премодерном, пусть и нечестиво потертым, Постмодерн — Постмодерном, пусть и немало потрескавшимся, а нынешний запредельный и разгулявшийся Артсупермодерн, оказывается тем, чем и должен быть — Артсупермодерном! Вот и вся

тут недолга: далее уже без остановки — с запредельным ветерком!

4

И в самом деле: человечий демиургический прогресс не остановить! Мир должен быть в итоге не просто вывернут им наизнанку, что уже вовсю происходит, а буквально перевернут, став не чем-нибудь, а полноценным и полноправным антимиром — АНТИМИРОМ, а человек при этом должен не просто стать другим — другим человеком, а, перестав быть собственно человеком, стать каким-то другим существом — АНТИСУЩЕСТВОМ! Вот тогда-то и завершится ТВОРЕНИЕ! Чего и кого? Надо полагать, неземно-космического мира и неземно-космического существа, прямо по волшебному заказу, пардон, тех же русских космистов рубежа XIX—XX вв. Интересно, не правда ли? Не ради ли этого «Общего дела», а не какого-то там коммунизма, явились в Россию со своей мировой пролетарской-де революцией те же Ленин, Троцкий, Сталин, как и ради чего на самом-то деле разгорелась в России жестокая братоубийственная гражданская война: кто и за что в ней так нещадно бился, жертвуя людскими миллионами?! И не ради ли чего-то подобного пришла в Россию та же новая мировая война, уже и весьма технотронная («война моторов»), а потом заполыхала и так называемая «холодная война» — между все той же Россией, вынужденной стать в лице СССР сначала ядерной, а потом и космической державой, и агрессивным бесноватым Западом, первым ставшим ядерным, а затем, уже вослед СССР, и космическим.

Много тут выскакивает разных неожиданных вопросов, не имеющих пока что удобоваримых ответов, да и кому их ставить и давать, ежели некому их даже представить, не то что поставить и ответить? ПЕРЕДЕЛЬЕ мира и России — давний и очень загадочный процесс!

5

Уже изрядно обыскусственный, раздетый до гола и опущенный ниже плинтуса точной наукой, ловкой инженерией, фальшивой экономикой, фейковой политикой, гуттаперчевым правом, авангардным анти-искусством и вообще всякой нарастающей идеотоманией человеческий разум не способен ни задавать подобные вопросы, ни отвечать на них, надеясь на вполне уже искусственный разум, когда в царствии которого уже не придется ни ставить такого рода вопросы, ни отвечать на них — примерно как с ковидом, о котором, как выяснилось, никто из смертных ничего вразумительного сказать не может, хотя наука вроде бы много

чего знает и умеет, да, видно, то ли не все, то ли что-то все-таки знает и умеет, но… молчит. Знать и понимать, кстати, — не одно и то же! Нынешний квазиобразованец знает как будто бы многое, чуть ли не все, но адекватного суждения о вроде бы знаемом составить, увы, не может. Вся надежда на вполне уже искусственный, надетый на технотрон, разум, в задачу которого войдет вовсе не это, а кое-что другое — окончательная победа антимира над миром, а артпостчеловека над человеком, — и не потому, что галатехноискусственный разум злее естественного, а потому что он всего лишь разум и только разум, без всякой примеси околора́зумной неразу́мности, свойственной как раз собственно человеческому разуму, его обычно и выручающей, а потому он, этот вполне уже искусственный разум, и примет единственно верное решение — долой!

6

Да, это так и будет, но будет… э-э… не скоро, — хотя почему же и не скоро? — в общем — еще не завтра, что означает, что у человека есть еще шанс кое-что важное осознать, устрашиться и побороться за себя, пусть, напогляд, и мнимый шанс, почти что и безнадежный, но все-таки шанс — чего на свете не бывает! Ко вполне естественному — природосакральному — разуму человеку уже, видно, не вернуться, — факт! — но можно, как все-еще-человеку кажется, обрести некий все-еще-человеческий суперразум, заново зачерпнув исходной природности и изначальной сакральности, однако в иной уже смысловой интерпретации и языково́й транскрипции, как раз в тех их реализациях, которые диктуются не суетной обыденностью, жаждущей изобилия, комфорта и бессмертия, а глубоким безмолвным, даже и отшельническим переживанием, пусть поначалу и не слишком замечаемым и социально результативным, но все-таки… состоявшемся, да не где-нибудь, а в странной, непонятной, бестолковой и вполне себе ужасной России, которая ныне, как и весь мир, в жерновах всемирного переделья, однако и в своего собственного переделья тоже. Не один только космизм родился в России, но и… русизм тоже, который не есть ни западный гуманизм, ни какой-нибудь восточный «изм» вроде ламаизма и буддизма, а именно русизм, вовсе еще никем не осознанный. Что это за «зверь» такой, этот самый русизм? А кто ж его знает, ежели он погружен в Великую Неизвестность, питается Иным и ведется Софией Премудростью Божией? Ясно, что это какое-то ино-мыслие, еще, повторяем, вовсе не осознанное, разве лишь чуть-чуть осознанное, но что интересно — работает, испокон веку ведь работает, и даже сейчас работает, не имея на то ни регистрации в ученых

головах, ни разрешительного академического штампа на своем заумном челе, а ежели чего и имеет, так это навешанную на него заранее и предусмотрительно презумпцию виновности, ему немало мешающую, но из себя все-таки не выводящую — безрезультатную!

7

Да, на Россию, кинувшуюся, сломя голову, в известное перестроечное время на Запад, точнее — в Запад, нахлынул, может, еще и в большей мере, чем тогда на сам Запад, победоносный антимир, от которого Россия не только сейчас не избавлена, но прямо в смертоносной кабале у него и пребывает. К убивающему человека в человеке антимиру за 2000-е гг. прибавилась уже никем не скрываемая гибридная, она же гуманитарная, она же экзистенциальная, она же и геостратегическая, она же пока и холодная («холодная — 2») война, ведомая Западом вкупе с некоторыми его сателлитами против России: война наглая, гнусная, улыбчивая, лицедейная, бескомпромиссная, война на уничтожение (теперь уже не одна «англичанка», а весь Запад с упоением гадит России). А в самой нутряной России тоже ненамного лучше: антиРоссия как была бодренькой в 1990-е, так и осталась, а все не слишком уверенные усилия российской-де власти перевести антиРоссию в режим России терпят неминуемый, если не запрограммированный, крах, да и есть ли они — эти усилия? Нельзя сказать, что высшее правление не делает из падшей в 1990-е гг. прозападной России какую-то новую Россию, чуть ли не антизападную, разумеется, не по духу, а лишь по поведению, и кое-что у правления получается, да вот не все, далеко не все, ибо с Западом в нутре статься антизападным вовне никак невозможно. Отсюда и пресловутые то ли «ни то, ни се», то ли все-таки «то и се», а в итоге — «не то и не се». Вот и остается России лишь держаться, как это было не раз в ее истории, включая и СССР-ную, за саму себя — инстинктивно, интуитивно, по привычке, генотипически, но менее всего осознанно, деловито, институционально. Тот же русский мир, конечно — реальность, но реальность, не подкрепляемая почти никакой… реальностью, кроме факта стихийного вопреки всему реальному своего нереального существования. Однако Русь не исчезла насовсем из России, хотя и отошла в навскую тень, она здесь — в России, и хоть не определяет сейчас происходящего с Россией переделья, но и не стоит, как ни странно, совсем уж в стороне от этого более чем рискованного то ли исторического, то ли уже внеисторического процесса. Переделье в России — многооб-

разный, неоднозначный, во многом эсхатологического свойства, турбулентно-хаосный, пусть и немало антироссийски управляемый, процесс-поток, а посреди этого беспримерного процесса-потока торчит непотопляемым столпом сакральная Русь-Россия, свободная от любых навешиваемых на нее оценочно-пометочных ярлыков — непонимаемая, ненавидимая, презираемая, да не просто стоит, как соляной столб, а и держит на своих плечах, да не что-нибудь, а весь русский мир, может, и даже весь планетарный мир!

8

Тогда кто же тут кого переделывает: внешние западники и вторящие им внутренние прозападники переделывают Россию или Россия, игнорируя западников и прозападников, переделывает… само бытие, как свое, так и не свое тоже? Да, отступила, ушла в тень, погрузилась в Навь, но… торчит себе неуместным торчком в самой что ни есть Яви, принимая на себя шквальный вражеский огонь, и огрызается, и бьется, и бесит гуманитарных огнестрельщиков! Сколько уже повсюду с ума своего бойкого сшедших из-за России, да не простых людишек, а все «топ», знаете ли, да «топ», самых из самых, из богатеев, властителей, суперзвезд, из чуть ли не бессмертных. Ох, как ядовита эта Русь, ох, как токсична эта Россия, ох, как глупо с Русью-Россией тягаться, ей перечить, ее под себя переделывать, ее отрицать, да еще и желать ей скорейшей погибели! И нанизывает она и нанизывает на свой невидимый виртуально-загадочный шампур, да ладно бы людишек, а то ведь и целые блудливо-заблудшие страны, — и все это как бы само собой у нее получается, каким-то неявным экстремальным самоходом! Давно ведь сказано, что хоть Русь-Россия и в единении с Бездной, но она еще и в особых отношениях с Небом, если не с самим Господом Богом, который не зря, совсем не зря пестует по-особому жестко Русь-Россию, открывая с ее участием «черную дыру» что для Запада, что для Востока, что для самой же России разумеется, ежели что не так как у самой Руси-России, так и в ее отношениях с друзьями, партнерами, союзниками, противниками, врагами. Вот и выходит всамделишное ПЕРЕДЕЛЬЕ, да не в угоду только России, хотя и не без этого, а и всему миру, мало того — чуть ли и не самому Господу Богу!

9

Странное во всех смыслах идет ПЕРЕДЕЛЬЕ, очень странное: с пандемической остановкой времени и убыстренным донельзя технологикой бегом того же времени на месте. Астрономическое время вроде бы

все то же, а вот бытийно-историческое — совсем уж не то: в одно мгновение ныне все вокруг, как-то само решается и решается самой реальностью (ежели более всего не ирреальностью), полной расплывчатой и туманной неизвестности. Заткнули было просвещенцы метафизику в черную дыру незнания взамен как будто подпольной крысы, а она — метафизика — крысой в перевернутую реальность (или уже ирреальность), бац, и вернулась, да не той метафизикой, не прошлой, хотя и не без ее поощрительного участия, а вполне себе новой, уже не только, как было поначалу, пост-модерновой, а, как становится ныне ясно, уже и пост-постмодерновой. И ничего уже без нее — без этой новой метафизики — не понять из происходящего, но и саму эту новую метафизику — метаметафизику — никому, кроме отчаянных и отчаявшихся единиц из РусиРоссии, не понять, а потому работать этой метафизике приходится самостоятельно, почти что бессубъектно, вроде той же пандемии — незаметненько, из-за угла, из-под Божьей полы, из невидимого Дома Софийного, в общем, через творческую неизвестность — Великую Неизвестность!

10

Если России суждено, продравшись через ПЕРЕДЕЛЬЕ, уцелеть, то, конечно же, весьма и весьма другой, совсем даже не этой, уже и не постреформенной — этого мало, а… кто ж это знает — какой?.. ничего ведь в идейно-проективном сознании не осталось у прошедшего через Постмодерн человека: ни сакрала, ни естества, ни гуманизма, ни либерализма, ни социализма с коммунизмом, разве один лишь фашизм еще теплится, под другими, разумеется, личинами, да и то лишь в воспаленных мозгах кое-каких неоконсерваторов, в общем — ничего, кроме, конечно же, новейшего интеллект-увлечения новейшим (хайтековским) искусственным разумом. Торжество технотронного искусственного разума — замена человека… нечеловеком, этаким техновеком, а на это ведь надо еще решиться, да и сделать это надо, как раз чем и занято прежде всего нынешнее высшее ПЕРЕДЕЛЬЕ, служащее скрытым адекватом уже брошенной в бытийно-исторический утиль великой когда-то идеи МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, а может, и не адекватом вовсе, а ее — этой идеи — логическим продолжением и даже исполнением — почему нет? Если первым субъектом-объектом такой мирозначимой революции оказалась Франция XVIII в., то вторым сталась Россия XX в. (с 1917 г.), а теперь вот снова на Россию падает революционный выбор, уже передельческий, пусть и не только на Россию, пусть и на весь мир тоже, но… России

от этого не легче, ибо она снова в жертвенном эпицентре мировых ревпертурбаций, да еще и в обстановке войны с Россией со стороны внешней и внутренней антиРоссии. Не спи, «медведь русский», думай, соображай, ищи выход, как и средства к нему и возможность по нему движения, прозревай и проектируй, бейся, а иначе с братьями, друзьями, союзниками, партнерами и попутчиками, открыто или скрытно, но охотно участвующими в гоне на тебя, не то что проиграешь, как в 1980—1990-е, а и гикнешься со сдавленным рыком прямо туда — в небытие!

11

Что делать? Ответ на сей сакраментальный вопрос весьма прост: «Делай, что должно, и все решится!». Важнее тут другой вопрос: кто из смертных будет такое делать, кто поймет, проявит волю и станет решительно действовать? Какой субъект, актор, актер? А времечко поджидает этого возможно-невозможного героя, ох, как поджидает, безжалостно отправляя на свалку бытия-истории немалый по числу и весьма возвысившийся в Постмодерн управленческий топ-сброд, вовсю активничающий, глаголящий, суетящийся, тусующийся, да все как-то невпопад, не в жилу, не в масть, не в пас, не в толк, но зато невообразимо для себя гешефтно. Постмодерн, обильный на потребление, вещизм, зрелища, суету, сетизм, вообще на всякую бессмысленность, все это самозванное менеджериальное правление как-то еще терпит, но, заметим, он — Постмодерн — заканчивается, и ему на смену идет не просто пост-Постмодерн, как было выше отмечено, а и самый что ни на есть реальный анти-Постмодерн, для которого преобразовательные попытки еврофашизма и совкоммунизма были всего лишь не более чем пробными шарами. Искусственное цифротронное образумливание, точнее, обезумливание, то ли еще человечества, то ли уже постчеловечества выдаст такие возможности построения новых утопий, которые даже не снились первым адептам и строителям хорошо организованного, тотально контролируемого и вслепую ведомого человейника. И ежели что-то делать, находясь в глобальном передельческом процессе-потоке, то, придется, овладевая искусством выживания и посильного участия в сем процессе-потоке, менять его качество, разворачиваясь к новому человеческому бытию все-еще-человека, ориентируясь на никому вполне не известную, но кое-кому все-таки дающуюся Софию Премудрость Божию, чему как раз и могут послужить русская софийная философия конца XIX и всего

XX в., русская философия хозяйства и русская софиасофия, то бишь упомянутый выше, но уже в современном исполнении русизм!

12

Разумеется, никто из «топов» ничего в софийном направлении делать не будет — сути и необходимости этого даже не поймет! Человек действующий, а уж, тем более, человек управляющий, уже забыл по преимуществу не то что об «общем благе», но даже об «общем деле» — как раз совершенно гуманитарных, соотнося их с отвергнутыми концептами типа «Свобода, Равенство, Братство», «Православие, Самодержавие, Народность», социал-фашизм или тот же социализм-коммунизм, а теперь вот и американоцентричный глобализм. Никакой концепт, пусть и кем-то хорошо разработанный, обоснованный и усиленно пропагандируемый и даже вроде бы кем-то исполняемый, ничего сегодня не решит. Пока еще нужна горячая турбулентная варка, в которой как раз и варится современный мир: Постмодерн не зря же пришел в мир со всем своим изысканным концептуально и действенно хаосом, и он — Постмодерн — еще из мира не ушел и не сразу уйдет, пока что-то этакое в мире сем не выварится — то ли новый мир с приоритетом искусственного технотронного разума, то ли антимир со своими нежизнью и небытием, то ли все-таки новый, но при этом и иной, все-еще-человеческий, мир, пусть и с технотронной умственной составляющей, но вправленной в оздоровившееся земное естество.

13

Все сказанное относится и к России, о чем свидетельствует воистину трагикомическая концептуальная растерянность в среде всех великих всего ныне предержащих — богатств, собственности, властей и чуть ли не всей российской экзистенции: страна вроде бы есть, империя как будто бы есть, люди есть, патриотизм есть, государство есть, а ни общих для всех людей страны целей с общими для них задачами, ни общей для всех перспективы, ни общего проекта, ни общего дела, ни, уж тем более, общей более ли менее слаженной работы, хотя кое-какие локальные примеры, отдельные признаки и мерцающие там и там призраки чего-то такого вроде бы есть, но, увы, никакого живоносного целого во всем этом нет — да и откуда ему взяться, коли все старательно и справно в стране поделено, разделено, распределено, «дистрибьютировано», раздроблено, а ежели что-то «общее» и есть, так это лишь по вектору эксплуатации, присвоения и частного в основном накопления, причем по преимуществу на топ-уровне, так сказать, высшем, хотя и

на низовых уровнях тоже? Номинально российская нация вроде бы есть, а вот фактически, в реалиях, ее нет и быть не может, чему виной не только прозападно-коллаборационно-глобалический капитализм, делегированно утвержденный в стране, более всего склонный к присвоению и менее всего к творческому производству, а и сами люди, причем сверху донизу, мало что подпорченные в позднесоветское время, но и не без энтузиазма сбросившие с себя в те же 1990-е тяжкое человеческое бремя, устремившись как раз к алчному присвоению и безудержному потреблению, к захвату не одной лишь собственности и власти, но и «достойного положения» в новом владетельном феодально-азиатского пошиба классе — доходы здесь, в России, а семейное пребывание как раз там, в вожделенной «загранице». Этакий денационализированный и как бы космополитизированный «загран-отряд», он же и «иностранный легион», состоящий причем вовсе не из одних олигархов, магнатов и вообще богатеев, а и из самых разных людишек, вполне себе и незаметненьких. Бери сладкоголосого любого из ТВ или радио патриота, а детки его уже давно там — в райской загранке: что поделать, коли одна свобода вокруг — грабить, присваивать, бежать, предавать, наслаждаться!

14

О-очень все не просто в родимой отчизне, о-очень! Да, зазияла было надежда на становление новой России — как раз общей, национальной, державной, да вот быстро что-то померкла в мертвящих лучах той же «оптимизации», да и многого другого с нею схожего, а потом и совсем растаяла под обжигавшим душу хладным душем из «НИЧТО» от 18 марта 2018 г., не возродившись и под бойкими на вид «конституционными переменами», а уж при COVID-19 и вовсе исчезла, как легкий весенний дым. Безвременье, безперспективье, безнадежье! Не лучший вариант в сравнении с французским гильотивированным слоганом: «Свобода, Равенство, Братство!» или тем же утешительно-раболепским «Правосудие, Самодержавие, Народность!». Да, так, именно так, видно, в России все и есть, хотя и не только это, а и все другое тоже есть — грех жаловаться! — включая уже весьма утвердившуюся новую несправедливость, сдабриваемую чиновничьим равнодушием, бизнес-произволом, воровством, коррупцией, мошенничеством: люди есть люди, а они ведь такие — разные и… подлые! Так что ждать субъективного, да еще и разумного, да еще и мирного переделывания России в правильном (кто ж достоверно знает каком конкретно?) направлении ныне не приходится, ситуация вовсю идет и будет, видно, идти своим ходом, в противоборстве

явно и неявно проявляющих себя сил и тенденций, в обстановке обостряющегося международного соперничества и нарастающих внешних угроз, в увязке с общемировым Передельем, от него в скверной зависимости и от себя в мерзком уклонении. Дело за скрытым в бытии и по обыкновению человеком не замечаемым Ином, опекаемом Великой Неизвестностью и направляемом, а может, просто попущаемом Господом Богом Творцом, ежели, конечно, явится у Господа на то благая воля: настоятельно вразумить, побудить к верному выбору, понудить к решительному и умелому действию!

15

Итак: не тотальное уныние, конечно, хотя куда без его удушливой толики, но уж всеобщая озабоченность — точно! — и никакого тебе массового одушевления. Такова сегодня в целом материально обеспеченная, весьма даже сытая, чуть ли не процветающая Россия. А жизни-то полноценной нет, во всяком случае общей, совместной, социальной, так сказать — страновой. Удаленка, разделенка, разобщенка! И вовсе не только по причине загадочной вирусной пандемии, а и вследствие нашествия беспощадной цифротронной нежизни. Социум сам заметно распался, споро рассеялся, почти что и исчез. Вокруг ведь не социум, а, скажем так, от французского — эссем (essaim), что означает в натуре рой, а в ученом искусе — множество, разумеется, не связанное в никакое стройное единство. И ничего другого, кроме сего эссема страна и не могла получить в итоге ПЕРЕСТРОЙКИ и РЕФОРМЫ, а обратного движения сего эссема к эффективному социуму так и не произошло: энтропия, диссипация, исчезновение! Однако не насовсем: что-то еще остается, как раз добиваемое вирусной пандемией и цифрошизоманией, но в то же время и возрождаемое в ежеминутной борьбе с этими «милыми» нашествиями. Уникальное состояние человеческого бытия, может, и с «со», но вряд ли со «стоянием», впрочем, почему нет — стои́м же! Да, стоим: инстинкт общности, совместности, социальности, а главное — государственности, еще и имперальной, то бишь по духу своему консолидационной, пока срабатывает. Странные они, эти русские, непостижимые они — все эти россияне, загадочна и она — эта Россия!

16

И чего-то своего Россия как ждала, так и ждет: своей страны, своего государства, своего правления. Ждет от Иного, от Великой Неизвестности, от Софии, от Господа Бога, но и от себя тоже ждет, готовясь, видно, к очередному большому рывку — незнамо куда! Нет, не во что-то

сегодняшнее и не завтрашнее, а в отдаленное какое-то будущее, хотя это будущее, надо особо заметить, может уже и при дверях, которые способны внезапно раскрыться, как врата Ада, прямо здесь и сейчас открыться, — кто знает? Накапливается, накапливается энергия перемен, нарастает напряжение, усиливается ожидание — неважно и чего конкретно! — ибо вся фишка бытия-истории не в бросающейся в глаза известности, а как раз в незаметной неизвестности, а потому и ожидание тут неизвестно чего и неизвестно когда вдруг превращающегося в реальность: немая статичная сцена и, вдруг, все на сцене начинает говорить и хаотически двигаться, да еще и с убыстряющейся скоростью, до внезапного момента замедления всей сценической говорливой беготни и ее полной в тиши остановке, но уже в иной расстановке, почему-то вдруг изменившейся по составу и структуре всей сценической труппо-тусовки. Кто-то еще на сцене, кто-то уже за кулисами, а кто-то канул вдруг в пустоту разверзшейся оркестровой ямы. Мистерия! А ежели театр сей еще и погорелый, тогда что? Тогда, пардон, на сцену выходит диктатура: худрука, главрежа, каких-нибудь молодых обновленцев, а то и попросту каких-нибудь мерзавцев с улицы, ибо… МИСТЕРИЯ!

17

От утишенного покоем мирского стояния до буйной запредельной пляски не такое уж большое временно́е и экзистенциальное расстояние, ежели внутри утишенного мира накапливается мощный плясовой заряд, а спусковое событие-деяние-бездействие всегда найдется: за примерами далеко ходить не надо, достаточно обратиться к опыту ближнего «братского» зарубежья. И никак вроде бы вовсю еще парящая в интеллектатмосфере, социально-гуманитарная наука не поймет одной простой вещи, что всюду работает то, что наукой сей даже не предположено, не то что учтено и понято, а именно… Иное, Неизвестное, Сакральное, что и делает реальность незамечаемой и несхватываемой точной-де наукой. До сих пор ведь рассуждают о причинах гибели СССР, о явлении персонажей по имени Горбачев и Ельцин, о будто бы в принципе невозможном, но на практике ставшем вполне себе возможным — том же антицивилизационном перевороте, вполне и инфернальном, о благолепности того же Запада и отвратительности России, не заслуживающей-де своеобычного бытия на Земле и т. д., и т. п. А сейчас, когда социально-гуманитарно заполыхал весь западный и в значительной мере южный окаем России, благонамеренные социо-гуманитарии валят всё на внешние, конечно же, западно-глобалистские, вполне себе и реальные, враждебные

происки, усердно делая вид, что никаких местных бытийно-исторических мотивов для сих пожаров нет и быть не может, в особенности, антироссийских.

18

Мир переворачивается, господа, весь мир, а что взять с наших тихо или буйно помешанных соседей, одними из первых попавших в мировое ПЕРЕДЕЛЬЕ, а все почему? — да потому, что миром правит вовсе не людское благоразумие, даже и не человеческое безумие, да и вообще не человек, а, повторим который раз — Великая Неизвестность со своим Иным, наряду, конечно, с Бездной и Сакралом, за которым маячат София и сам Господь Бог. Значит, так все и «надоть», а что касается людей — что властителей, что обывателей, что героев, что негероев, что законопослушников, что «криминалов», что граждан, что повстанцев, то все они, думая, что участвуют в чем-то одном — этаком, на самом-то деле работают на совсем другое — вовсе не этакое, им как раз и неведомое. Ни одно правление, пусть и самое диктаторское, ни одна революция, пусть и самая жестокая, усердно переворачивая текущее бытие, не достигают вполне своих целей, зато бытие, выворачиваясь под их натиском, всегда достигает каких-то иных целей, вовсе не обязательно, что и благостных, точнее, совсем, как правило, и не благостных, мало того, еще и, как правило, невероятных. Сегодня вокруг вовсе не кризис, как пытаются убедить народы разного рода гуманитарщики, ибо кризис — это состояние чего-то, что не только есть, но и что еще будет далее, пусть в измененном виде, а сегодня, если еще не катастрофа (тьфу, тьфу!), то уж великий катаклизм — точно!, да такой катаклизм, за которым не так недомогание, ненастье или нахлынувшее злосчастье, как, пардон, самый обыкновенный… крах, причем сразу всего и вся из якобы человеческого, гуманитарного, цивилизованного, искусственного и искусного, — вот только замечать это никому не хочется, а уж понимать — прямо-таки страшно! Грета Тумберг — это вовсе не Грета Тумберг, даже вообще не девочка из Швеции, а всего лишь в ее образе… весть, разумеется, черная, или злая, весть, коснувшаяся всего и вся из нынешнего мира, как вовсю бытующего модернового, всюду снующего постмодернового, так и все еще действенного премодернового, ну и, само собой, каждого из наличествующих на Земле человеков! И вовсе не случайно, что за валькирической Гретой последовал химерический COVID-19 с его фактически предсказанной Гретой (не девочкой, конечно, а вестью!) смертоносной пандемией. И оказалось вдруг, что передовой-де мир,

давно уже зараженный антимиром, сам уже во многом антимир, оказался не то чтобы бессильным перед сей пандемией, хотя и не без этого, а бессильным перед… самим собой! А ведь феномен Греты, заметим, ни в какую гуманитарную науку не помещается, как, собственно, и весь нынешний мир с его роковым всемирным антимировым катаклизмом! И что примечательно: не науке довелось выверить и выправить скособоченный и обезумевший от нее же само́й мир, а Грете вдруг удалось сей мир ненаучно выверить и бросить его вместе с наукой в бездные жернова!

19

Что говорить, забавно все это, как и все вообще гуманитарное в нынешнем мире, включая и те же гуманитарные войны, а не только выборы, опросы, рейтинги, коллаборации, диспуты, форумы, ток-шоу, теледебаты, партнерства, союзы, договоры, кибератаки, мошенничества, да мало ли еще что из вокруг даже не происходящего, а попросто сию моментно мелькающего! Да, забавно, как забавной оказалась Грета Тумберг, а потом и коронные летучие мыши, а потом и коронованная домохозяйка из Минска, гонящая взашей, сидя в Литве, всенародно избранного «Батьку», а потом… ах… не будем о «потом», ибо все это не только не смешно, а попросту и страшно: куда катится вполне просвещенный Просвещением и его Наукой передовой мир, зачем катится, по какому сценарию и чьему наущению, кроме, конечно, служащей этому вольно или невольно хай-топ-науки? Да и кто или же что правит ныне миром, да и правит ли или же просто, имитируя правление миром, странами, государствами, правит вполне заурядно лишь собой, оставляя миру одно лишь незаурядное неправление? Может ли вообще кто или что ныне чем-то, кроме себя, править, ставя большие цели и их достигая? Правление, как и политика — искусство невозможного, так есть ли оно — это искусство, или все уже свелось лишь к искусству возможного, точнее, выдуманного, что как раз и есть инфернальное искусство неправления? Мир, кажется, и в самом деле управляется теперь самим собою, делая правителей не более чем мешающими ему сценическими коллаборантами. Не забавно вовсе, но по-своему ведь интересно! Мир уже катится сам по себе, и его просто так не остановить, причем катится он по вектору антимировской перезагрузки с капитуляцией человека перед природой и сакралом с угрозой собственной самоликвидации. Искусственный с хай-технотронной начинкой мир — уже, мягко выражаясь, не совсем, человеческий, а, выражаясь покрепче, вовсе и не человеческий, как раз тот самый

мир, который ни Земле, ни Богу, ни черту не нужен, а ежели чему и нужен, так это лишь Бездне или же столь же бездному Космосу. Человечество, судя по всему, въедет в этот свой же нечеловеческий мир, несмотря на предупреждения старых и новых метафизиков, как и сигналы от иных сил вроде той же немыслимой Греты или той же невероятной коронавирусной пандемии. Остановиться, задуматься, понять, а там, глядишь, и что-то изменить, но кто, где, когда, как?

20

Весь передовой мир (и не только собственно Запад, но и все передовые навершия по всему остальному миру) захвачен ныне передельческой цифрошизоманией, видя в ней не только новую производительность и бытийный комфорт, но и, что самое важное, главное средство… спасения… да, да, именно так — СПАСЕНИЯ!, причем ото всего гуманитарного сразу: от ущербности, от болезней, от невзгод, от забот, от смерти, но и, что особенно важно, от морали, от обязательств, от ответственности, и это не все — от думания, от знаний, от памяти, от мышления, в общем — от всего тяжкого, трудного, страдательного, давящего, а главное — от всего собственно человеческого! «Хошь, не хошь», а мир не просто станет иным, а попросту перестанет быть собственно миром: проект антихристовой мировой революции как раз на этом и завершится! Но произойдет это хоть и не в отдаленном будущем, но все-таки не завтра, хотя завтра уже все станет ясно — достаточно пережить пандемию и хорошенько оцифириться («оттопыриться», так сказать). А что тогда Россия, назначенная, несмотря на свою величавость, главной жертвой всемирного передельнического переворота: как в плане самого переворота, так и в аспекте живительных соков для глобального постми́рового трупа? Россия должна сей знаменательный факт хорошо осознать, причем не кто-то в России, кто ни на что подобное не способен, а… сама Россия, причем не вследствие сказанного кем-то подходящего слова, а трансцендентно-экзистенциально, — не только Россия должна, как известно, сосредоточиться на России, которая как раз и есть сама-себе-идея и сама-себе-концепт, как и главное для россиян… вера, да-да, именно так — ВЕРА! — первая и последняя! И ежели уж переделье в России или Россия в переделье, то ПЕРЕДЕЛЬЕ РОССИЙСКОЕ и в РОССИЙСКОМ же ПЕРЕДЕЛЬЕ! Осознать это, сидя в «Мерседесе» и мчась в свой загородный замок, как и блаженствуя на какой-нибудь благодатной европейской вилле, конечно, невозможно, да и не нужно,

ибо уже не этим фигурантам небытия придется заняться ПРЕОБРАЖЕНИЕМ РОССИИ, а то, что это придется-таки делать — факт!, подтверждаемый и ежедневно усиливаемый новейшей гуманитарной (очень при этом разнообразной) войной против России, заставляющей не только ее саму сосредоточиваться, но и сосредоточивать на ней внимание, думы и дела самих россиян, их на это отмобилизовывать, вовсе уже не страшась вполне, кажется, уже возможной, если не необходимой, ЧРЕЗВЫЧАЙКИ!

«Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»: Сборник статей по итогам международной научной конференции 9–11 декабря 2020 г. / под ред. Ю.М. Осипов и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021.

НА ХОДУ!

Как бы ни хотелось кое-кому из бенефициаров пореформенного — глобализированного и вестернизированного — обустройства (и образа) нынешней России оставить в России все *как есть*, а это *есть* не что иное, как вассально зависимая от США и западной цивилизации (читай, и западного постмодернового антимира!) страна, несущая «нашим» и не нашим бенефициарам самые что ни на есть «золотые яйца», этой-то России таки суждено, во-первых, освобождаться от западно-американской над собой «партнерско-экономической» гегемонии, пойдя и на военное с коллаборациональным посредничеством прихваченной Западом и ему «верно» служащей Украиной столкновение (как раз на полях и с участием Украины); во-вторых, *перестраиваться*, пусть и не слишком выразительно и последовательно («золотой петух», видно, еще не вполне клюнул российское бенефициарное правление в его вовсе не золотое темечко!), причем перестраиваться по *пост*реформенному вектору, шаг за шагом впрягаясь в *неонациональный социохозяйственный неодирижизм*, вполне себе и центро-государственный.

Да, много кому в России все это переменное не нравится, а то и глубоко противно (не для того же расселись, аки грачи, у доходно-присвоенческих золотоносных кормушек, чтобы вдруг с ними расстаться), а среди «грачей» ведь не одни пресловутые олигархи, банкиры, министерские чиновники, те же губернаторы с прокурорами, а и, знаете ли,

академики, писатели, врачи, профессоры, артисты, шоумены, продюсеры, адвокаты, как и разного рода откровенные мошенники, в общем, целые легионы разного рода и размера гешефтополучателей.

Вот и выходит фундаментальное противостояние: с одной стороны, необходимость радикальных постреформенных перемен, а с другой — вязкая невозможность их, эти перемены, осуществить. Тупик! И на выручку приходит Его Величество Ход вещей, да не как-нибудь, а в виде войны, да не так меж славянами на юго-востоке Европы, как прямо-таки меж *мирами* — миром *все еще человеческим* и миром *уже-не-человеческим*, или *антимиром*, в среде которых и Запад, и Восток, и Евроазия, и Африка, и Латинская Америка, ну и США, Европа со своим ЕС, Китай, Индия, Иран, как и та же Россия.

Война меж мирами делает и весь мир, по сути, уже войновским миром, этаким миром-*войной* — ВОЙНОЙ! А за всем этим войновским миром скрываются — ныне вовсю называемые тектоническими — *мировые перемены*, а сам зе́мный мир теперь не только и не просто мир-война, но и мир-*перемена* — ПЕРЕМЕНА!

Вот и Россия в сей мировой войне, вот и Россия в *большой перемене*: не хотели или не могли меняться в мирном мире, придется меняться в войновском мире, но главное — *придется*!

«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство»: Сборник статей по итогам международной научной конференции. 8—10 декабря 2021 г. / под редакцией Ю.М. Осипова и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023.

2022 г.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА КАК ЗНАМЕНИЕ ЗАБЛУДШЕГО ВРЕМЕНИ

Мир-Война

Некоторое время назад (этак лет семь, а то и больше) я заговорил с конференционных трибун и стал писать в своих публикациях о *Войне*, вещая не так о войне в привычном понимании — не как о военно-армейском действе, даже не как о той же холодной войне, а как об особом состоянии всего нынешнего мирового целого — состоянии тотальной,

многоцелевой и многоплановой, как стало ныне принято выражаться — гибридной, гуманитарной, экзистенциальной — войне, что позволило мне рассматривать текущий вокруг мир, он же и *Мир*, как *мир-войну*, а точнее — ***Мир-Войну***, не более и не менее!

Моё смысло-знаково-понятийное новшество не то что не было замечено, но адекватного восприятия, как давно уже повелось в нашем просвещённом масонско-университетском просвещением учёном сообществе, не последовало. Не воспринимают этого «*Мира-Войны*» и сейчас, хотя вдруг заметили, что в мире уже вовсю идёт *новая мировая война*, хотя опять же упорно не замечается, что это не просто война между государствами, странами, народами, нациями, даже и цивилизациями, а *мировая война между мирами*, да мало что, к примеру, между западным и восточным мирами или, скажем, тем же евроамериканским и российским, а более всего между миром, который всё ещё можно называть, пусть и с натяжкой, *миром всё-ещё-человеческим*, не расставшимся с *традицией*, а потому и полагать его именно *Миром*, и другим миром, который, правда, миром-то уже и не назовёшь, а если его за что-то мирового пошиба и примешь, то лишь за… *антимир* — ***Антимир***!, за мир-перевёртыш, за мир-оборотень, загнавший мир всё-ещё-человеческий окончательно и бесповоротно в преисподнюю (тоже ведь, кстати, в нечто великое — *Преисподнюю*!) и задравшего преисподнюю — Преисподнюю! — наверх, как раз и получив в качестве постэкзистенциального приза не что иное как *антимир* на месте собственно *мира*. И коли сейчас Война, то война миров, точнее же Мира с Антимиром, а лучше бы сказать — агрессивно наступающего Антимира с неуверенно обороняющимся от него Миром, а вместе с этим и *уже-анти-чело-веко-вечества* с *ещё-чело-веко-вечеством*, — вот так!

Поскольку ни у Аристотеля, ни у Иоанна Богослова, ни у Гегеля, ни у Маркса, ни у кого ещё из признанных интеллект-авторитетов нет ни Мира-Войны, ни войны реальных зе́мных, а не фантастических, как у того же Уэллса, миров, как нет и Антимира с его войной против Мира, а Мира с его войной против Антимира, то всего *Этого* нет и в воображении тугих на ухо и слабых глазами экспертов-просвещенцев, хоть и знают они хорошо, что человеческого мира как мира без войны никогда вообще не было, нет и быть не может, причём не какой-то там локально-временной войновской возни, а войны имманентно и постоянно миру человеческому присущей, как раз вполне себе гибридной, гуманитарной,

экзистенциальной, да ладно бы армейской, разбойной, воровской, хулиганской, экономической, империальной, колониальной, пропагандистской, идейной, межрелигиозной, межкультуровой, а то ведь вполне себе межлюдской, межполовой, внутрисемейной, межродственнической, межклановой, межсоседской, межпоколенческой, школьной, дворовой, какой там ещё… а-а… ещё, пожалуй, песочненской (младенческой, так сказать).

Всё бытие человеческое пронизано войной: соревнованием, конкуренцией, неприятием, ненавистью, завистью, обманом, коварством, дрязгами, ложью, клеветой, мошенством… что-о… надо продолжать, коли словом, всего лишь одним словом, не говоря уже об ударе кухонным ножом, убить человека можно?!

Но это не всё: есть ещё практически постоянная и нескончаемая война с природой, со средой обитания, с тем же городом, с плохой дорогой, с личным авто, с навязчивым сервисом, с нехватками, дефицитами, неудобствами, да мало ли ещё с чем, не исключая, конечно же, войны каждого с самим собой, особливо с запретными желаниями, соблазнами, недомоганиями, болезнями, ну и, как водится, со смертью!

В общем *война*, да мало что против чего-то и кого-то, а то ведь за жизнь, за себя, за благополучие, за честь, за достоинство… и сколько при этом уступок, сдач, провалов, поражений, измен, предательств… о-о… лучше об этом не говорить: обидно, противно, горько!

Жизнь — война, человек — война, любая людская ячейка — война, общество — война, мир — война!

Не сла́бо, правда?

Однако оговоримся сразу, что *не всё* человеческое бытие сводится к войне, более того, в нём хватает и всего противоположного, так сказать — мирного, включая и лад, и дружество, и честь, и верность, и благоволие, и любовь, но сия оговорка никак не мешает нашему кардинальному утверждению, что бытие таки насквозь *пронизано* войной, — факт!

Отсюда выходит, что мир, о котором у нас обычно случается речь, всегда был, есть и будет до скончания своего не просто миром как миром или *мирным миром*, а и как *миром-войной* — не более и не менее!

Война (не) война

А сегодня мы наблюдаем не что иное, как особую, уже и внеэпохальную, так сказать — *вечненскую*, взбаламучку мира-войны, как и особое качество сей взбаламучки — *тотально и эсхатологически антимировскую*, отчего и позволяем себе перевести мир-войну в разряд *Мира*

(Не) Войны, говоря тем самым… нет, не о Конце Света… однако и впрямь о каком-то чего-то *конце* и, возможно, каком-то чего-то *начале*, во всяком случае, о конце текущего планетарного мира, пусть и обозначаемого всего лишь как *однополярный* (глобальный, прозападный, проамериканский) и начале другого планетарного мира, хотя бы *многополярного* (не-глобального, не-прозападного, не-проамериканского), а вот воистину какого — кто ж знает?, — и это в случае, что маловероятно, ежели все, хоть и по-разному, но весьма антимировски заражённые (прокажённые), полярные центры (существующие, уходящие, нарастающие) не встрянут в междусобойный *Армагеддон*, который со всем человеческим мироздaнием сразу — окончательно и бесповоротно — и разберётся!

Не так тут в обороте Америка с Европой и всем, так сказать, Западом, даже не доллар с евро, даже не миромасштабный капитал, как и не тот же мировой финансизм, как и вообще не экономический империализм, даже не уже нагнавшая страху тотальная цифровизация, крайне ныне страшны для человеческого мироздания, хоть они по-своему немало и вредоносны, как воистину страшен, причём всем этим вышеперечисленным порождаемый, планетарно распространённый и весьма уже закреплённый *антимир* — АНТИМИР!, близкий по бессмыслию и проделкам своим тем силам, энергиям и информациям, которые обычно называются антихристовыми, сатанинскими, шайтанскими, бесовскими, но которые на внешний взгляд таковыми частенько и не выглядят, даже наоборот, смотрятся пусть и не совсем и не всегда пристойными, на зато в целом весьма привлекательными, даже и притягательными, а завлекаемый и поглощаемый ими человек даже не замечает, как теряет в себе всё человеческое, небесное, божественное, превращаясь в некоего зомбичека, лишённого не то что человечности, но даже и обычно свойственного человеку, пусть весьма и исковерканного, сознания.

Антимиру нужен вовсе не человек, а как раз *не*-человек, *анти*-человек, *пост*-человек, а он — этот Антимир — всё это нечеловеческое (или не-совсем-человеческое, пара-человеческое, квази-человеческое) в изобилии ныне в человеке под его внешне человеческой личиной и получает, особенно в высших слоях человеческой зоо-ноо-сферы, как и в средних и низших, безусловно, тоже.

Успех Антимира грандиозен, неоспорим и, увы, грозен, хоть грозу сию ненасытную, как и угрозу от неё, вполне себе эсхато-апокалипто-концесветовского разряда, мало кто из современных насельников пла-

неты замечает: не осуждать же, право, тех же «битлóв» за их незамысловатые поп-песенки (за что?!); того же хриплоголосого и выразительно «страшного» ещё того, советского времени, барда за его разрушительные песнопения (за что?!); умно-малевический «Чёрный квадрат» (за что?!); почти все MEDIA (ох, за что же?!); почти всё «современное искусство» (это-то за что?!); почти всю «современную литературу», не избегая и достижений достославного «Серебряного века» (за что?!); многую науку, особливо гуманитарную (это-то за что?!); смутного розлива политособей новейшего образца (за что?!); оголтелый феминизм (это-то, у-ух, за что?!); современную безóбразную и безобразную архитектуру (за что?!), да и всякое там психоложество, сексопатоложество, адвокатство, рекламство, продюсерство, менеджеризм, консультантство, говорунство, пиарство, да мало ли чего и кого ещё, что и кто владеет сознанием, воспитывает человекообразных, направляет «мысли» планетарцев и правит, правит, правит ими, выдувая человека из человека, превращая человека сначала в пустого человекобраза (за что?!), а затем и коли повезёт и успеется, уже и нечеловеческое существо, а то и попросту в земно-космическую пыль (о-ох, за что же?!). Можно ещё добавить, что ещё за излишнее, пардон, «потреблятство», безудержный пустопорожний туризм, неуёмное мирогражданство, за наркоту, гопоту, интеркривлянье, за проходную ложь, всякие там кастинги, конкурсы, смотры, премии, включая Нобелевку, за ту же грантоманию, ну и за деньги, деньги, деньги, как и за непрерывное «бла», «бла», «бла», за скоморошество, за верхоглядство, за бессмыслицу, за праздношатающуюся пустоту.

За что же так, за что, за что?!

Да всего лишь за нечеловеческий в сторону человека гуманитарный, он же и антигуманитарный, *террор*, — да, да, именно так — ТЕРРОР! — словесный, информационный, звуковой, музыкальный, рекламный, идейный, безыдейный, менеджериальный, фокуснический, чародейный, мошеннический, ну и никакой тоже, однако тот самый ТЕРРОР, что *незаметно* — соблазняя, привлекая, теребя и баламуча — *ничтожит* и *уничтожает*, да ни чего-нибудь и кого-нибудь, а *человека в человеке,* да и самого *человека* тоже: вглядись, читатель, в лица и глаза своих ультрасовременных современников, причём любого происхождения, возраста и пола, и *всё* сразу увидишь, если захочешь и не испугаешься, как раз то самое *ничто*, изваянное из аутизма, пустоты, нескрываемого эгоизма и плохо скрываемого предкончинного страха!

Что-о, разве не так?!

Война среди войны

Вот и Война, уже не как составная часть Мира-Войны, что само собой, а как *сама по себе войн*а, как раз та *самая*, что сингулярно загнездилась ныне на Украине в образе-де российско-украинского смертоносного конфликта, а на самом-то деле ни в каком не в образе на постмодерновой геостратегической сцене, а во вполне себе реальных реалиях, да и не так геостратегических, хоть это и есть, а вполне себе телео-эсхато-экзистенциальных — *апокалиптических*, ну и, надо верить, в *апокастатических* тоже.

Да-а, это война вроде бы двух родственных (близких, но вовсе не братских, как уверяют нас доброхоты) сторонних стран — России и Украины, но ежели со стороны Украины эта война не столько за себя как Украину, сколько как за Украину-антиРоссию, раз!, за НАТО и весь Запад, за германцев и англосаксов, за США, два!, но ещё и, чего, может, на Украине особенно и не осознают, за наступающий на земный мир, пусть и мир-войну, погребальный антимир, что как раз и превращает мир, пусть и мир-войну, всё более в антимир-войну, а точнее — в мир, в котором не просто перманентная, пусть и по времени прерывная и пространственно разнесённая по зе́мным углам *ми́ровая война* (чуть было не сказал — *мирная война!*), да не на жизнь, а на смерть война, как и на телео-эсхато-экзистенциальную *нежизнь, как раз война между ещё живым миром и уже не живым антимиром,* — и ежели Украина в своём прозападно-натовско-американском раже попалась на крючок чудо-юдо-расчудесного антимира и за него слепо воюет, то Россия, освобождаясь, пусть пока и не слишком решительно и последовательно, от этого же самого крючка, воюет, сознавая это или нет, не просто за себя и русский мир, но и против сего чудо-юдо-американища, пусть даже и не слишком это освобождение приветствуя.

Заметим, всё тут, как в сказке, только не в милой сказочке про какой-нибудь аленький цветочек, а совсем в другой сказке, когда святорусский богатырь, пусть и подобманутый лукавой Бабой-Ягой (как раз агентом чуда-юда-чудища — той же Западной Европы) сражается аккурат с этим самым чудом-юдом-чудищем — Кощеем де Бессмертным, который не откуда-нибудь, а прямо из-за океана, а ежели всё именно так, как в этой сказке, то как неустанно твердит известный политолог-внук вслед за Сталиным: «*Дело наше правое, победа будет за нами*» — за Россией, как и уже исходящим от России (или из неё) *Новым Миром*, если, конечно ему — этому *Новому Миру* — вообще суждено сбыться и какое-то время

побыть, что, не станем скрывать, вовсе и не… беспроблемно!

Вырыв или заблуд?

События хоть и делаются человеком, пусть и не вполне, но зато идут они, чуть ли уже не вполне, за сокрытым от глаз человеческих *Иным*, а Иное на то и *иное*, чтобы влияя на события, их очередной и внеочередной при нужде ход, оставаться не просто в Тени, а и в Неизвестности, охотно скрываясь в первой и обильно питаясь последней. А иначе, какой же тогда вообще мир, какой человек, какая жизнь, какая обитаемая планета Земля, какое Солнце, какой Космос, какое и Мироздание?!

Как-никак, а главный исторический, если уже во многом не постисторический, вопрос звучит просто: «*Быть или не быть?*», да не чему-нибудь и не кому-нибудь, а зе́мному миру вообще, не говоря о всё-ещё-вроде-бы-передовом белорасовом мире, включая, знаете ли, и Россию. Вот так: не более и не менее!

Война «белых» между собой на Украине — война не просто сакральная, она ещё и запальная — для всего прежде всего «белого» мира, в которой из «белых» может и не статься победителя, как, собственно, и побеждённого, зато могут статься благоприобретателями из «небелых», «смуглых» или попросту «чернявых» насельников Земли, впрочем, не таких уж при этом и счастливчиков.

О-о, если б знать, если б знать, как когда-то знали бы свою судьбу, свои деяния и их последствия те же Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт или бесноватый Адольф Гитлер, да и те же Ленин, Сталин, Рузвельт, Черчилль, де Голль, не говоря о Горбачёве с Ельциным!

Великая Неизвестность! А ведь и она ничего такого не знает, даже, уж простите, и сам *Господь Бог* не знает, ибо коли бы они — Господь Бог и Великая Неизвестность — всё этакое заранее знали, то зачем же тогда всё этакое с Землёй, Космосом и Человеком кем-то и зачем-то было затевать?

Однако кое-какая догадка всё-таки есть: возможность перескока *этого мира* в *иной мир*! Что ж, почему нет, да вот в *какой* же тогда мир? Тут уж, извините, никакого воображения человеческого для человеческого же ответа не хватит, ибо речь тут может идти только о ***пост***-человеческом мире, да и не о мире уже, а скорее, о каком-то ***пост***-мире, о чём зе́мному человеку и поведать-то нечего, кроме, пожалуй, о чём-то, по Циолковскому, истово «лучезарном»!

Post scriptum: и что же?

История, как известно, не знает сослагательного наклонения: «Если бы да кабы…» не для истории… бац!.. и всё тут!

И свершается то, что свершается: благополучия и невзгоды, подъёмы и спады, развития и стагнации, победы и поражения, подвиги и предательства, ну и что-то небесное с чем-то преисподненским, и героическое с подленькими, и исключительное с обыденным, в общем, всякое — как желательное и восхитительное, так и нежелательное и отвратительное, что как раз и есть бытие, жизнь, экзистенция, однако не одна лишь тут противоречивость, даже и не столкновение противоположностей, их борьба, а самая что ни на есть *Апокалиптика*, если не *Бездника,* всё это противоположное и противоборствующее убедительно полагающая, разумеется, вкупе с Иным, Неизвестностью и Тайной!

Бытие, жизнь, экзистенция, пронизанные и сдабриваемые Апокалиптикой, сами и назначили, поощряемые Иным, Неизвестностью, Тайной, начальным и центральным местом *Большой общемировой разборки* (БОМР) Украину, а её — этой БОМР — главными субъектами-участниками, помимо самой Украины, её нынешнего режима, так же и Россию как прямого противника нынешней Украины с её непотребно-нацистским режимом, но при этом и весь (пусть почти весь) Запад с Западной Европой посередине и с США во главе, но уже как якобы союзника нынешней Украины и сакрального врага России, тоже ведь там и там непотребно-нацистского.

Ничего не поделать: «Украина не Россия» — «Украина цэ Европа» — «Украина цэ евронацизм»!

И пошло-поехало, сбивая с обветшалых пьедесталов пресловутую «братскость» славян, «руських», православных, христианских, восточноевропейских, евразийских, советских (постсоветских), общеисторических, просвещенских, общекультурных, «белых», наконец.

Да, Украина — не единое целое, она этно-культурно-исторически разнообразна, но в ней давно уже завелось аки бацилла активное, амбициозное и агрессивное, скажем так, «укрогенное ядро», оно же и «малый укронарод», со своей «украиньской идеей» и своим «украиньским проектом», вовсе не сегодня, а уже давненько о себе заявившее, кроваво за себя и против чужих, прежде всего «русских», не раз и не два постоявшее. Это-то ядро и взяло верх на нынешней Украине и, вступив в союз с Западом, Великобританией, США, той же Польшей, принялось покорять под себя всю Украину, вытесняя из неё всё «чужое», прежде всего,

конечно, всё «руськое».

И всё бы было более или менее ничего, если бы это «укродвижение» не оказалось на руку хитроумному Западу во главе с прямолинейными США, которые немедленно включились в розыгрыш столь де многообещающей и для них удобной, чуть ли не козырной, хоть и краплёной, карты — как раз против России, вынужденной стать при всей своей нынешней вестернизации и даже зависимости от Запада и тех же США, на защиту русского мира на Украине, как и, естественно, и в самой России, что в конечном счёте и привело к тому, к чему и привело — к войне на Украине между Россией, с одной стороны, и Украиной с её укронациорежимом вкупе с патронирующим Украину Западом и США — с другой.

Хошь не хошь, а война сия есть, она идёт, разгорается, грозя перевести уже ведущуюся под жупелом гибридности, гуманитарности, экзистенциальности мировую войну в войну истинно войновскую, чуть ли не термоядерную!

Непозволительно залихватски вещать, как это делают ныне бодрые записные телешоудискутанты о возможном исходе разгоревшейся внешне вроде украино-российской, а в глубине-то западно-российской, войны, как и о возможно-невозможной, или, наоборот, невозможно-возможной судьбе Украины, России, того же Запада с США во главе и с Великобританией у изголовья, как и с Германией и Польшей во чреве. Достаточно и указания на вдруг возникший острый и токсичный замес *мировой полифуркации*, в котором всё проблемно-ми́ровое ныне сошлось и всё ещё более проблемное ми́ровое из которого вдруг и выскочит, разумеется, через посредство мирового Иного, мирозданческой Неизвестности и вселенской Тайны.

Защищая русский мир и себя, Россия защищает и Украину, что не мешало бы понять завзятым критикам «русского империализма», мало того, Россия вкупе с Украиной очищается от антимировской заразы, а это, знаете ли, означает, что и от погибели тоже!

Не ради чьей-то из воюющих сторон геостратегической победы и чего-то из них геостратегического положения возникла вдруг сия межми́ровая война на территории Украины, а ради полного разоблачения всего, почти всего или очень многого из накопленного и культивируемого человечеством, ведомым пока что, хоть и вовсю уже деградирующим, Западом во главе с США, а также война разразилась ради понимания бытующего земно-космического мира и восприятия тугого и вовсе не доброго полифуркационного узла, в котором он — этот мир — сегодня

оказался, а также ради очищения, возрождения и преображения прямых участников военного столкновения — России и Украины.

Аминь!

«Философия хозяйства». 2022. № 3.

РОССИЯ В ТЕКУЩЕМ МЕЖВЕКОВЬЕ: ОТ ВЫВОРАЧИВАНИЯ К ВЫВОРАЧИВАНИЮ *(из века XX-го в век XXI-й)*

От первого лица

Почему от *первого*? А как же еще, ежели автор нижеследующего опуса современник описываемого им хода бытия-истории, его свидетель и участник, его фиксатор, ну и в меру сил и возможностей постижитель, да не как отвлеченный любознатец, а как выходец из самого текущего времени, из его гущи, из его напряженной, не избежавшей и немалой трагичности, событийности.

Так что от первого, именно от первого, то бишь от самого себя, без посредства иных лиц и текстов, без ни на кого и ни на что ссылок, кроме разверзшейся вдруг перед ним и в нем самом реальности, да и то без на нее чеканных фактологических ссылок (кто ж знает вполне достоверно эту зыбко-уклончивую чекань?), а более всего посредством приближающихся к реальности суждений (пусть и *прокси*!) и приближающих саму реальность к разверзшемуся сознанию откровений.

Тут уместно заметить, что не только суждения и откровения по поводу реальности в той или иной степени по преимуществу *прокси*, но и сама реальность тоже ведь прокси — поди-ка улови ее в сети, да не разума своего, а самой же реальности!

Так что ниже следует не что иное, как *прокси*-текст, обращенный к *прокси*-реальности. Отчего автор, снимая шляпу перед неуловимой реальностью, остается в шляпе (*прокси*-шляпе, конечно) перед своим о реальности прокси-опусом, что избавляет автора и саму реальность от придирчивого над ними суда, обычно затеваемого щедро одáренными наукой и изрядно ею замордованными высокообразованными умами.

Интересно, что менее всего осведомленными о текущем бытии, как и менее всего его понимающими оказываются как раз современники всего вокруг происходящего, отчего и твердят упорно: «История, мол,

рассудит!», хоть история, надо заметить, не очень-то утруждает себя такого рода разборками, и вовсе не потому, что ничего не знает, а потому, что знать ничего такого не хочет, переотправляя свое знание прямиком в небытие и доставляя людя́м самим разбираться в ни с того ни с сего происшедшем, гарантируя лишь одно — отсутствие подлинной истины (у Создателя на этот счет все изначально продумано: «Тайна, она и есть Тайна!»).

Однако не говорить о происходящем вокруг, как и о ранее происшедшем, человеку с его сознанием, разумом, когнитивом, как и с бессознанием, безумием и дуростью, никак нельзя, ибо тогда человек — не человек, да и Создатель со своей тайной — не Создатель, как и все вокруг тогда — НИЧТО!!!, а это совсем не так: вокруг все-таки НЕЧТО, пусть и вперемешку с НИЧТО, отчего тут лишь один выход: «Мыслю, значит существую, а коли существую, то… увы… мыслю!».

Вот и вперед: мысль за мыслью, какой бы странной, заумной, глупой и страшной она ни сталась!

Заумь

Мало нам пере-*ворот*-ов, *револ*-юций (revolve — вращение), тех же воз-*врат*-ов с из-*вращ*-ениями, так нет, подавай еще и *вы*-ворот, да не просто вы-*ворот*, а, понимаешь ли, самое настоящее ***выворачивание***, да ладно бы, вроде бы перевертывания, а то ведь, как говорится, до кишок, до самого низа, до крайнего края, до полного ничто, до последней черты, до насовсем.

Ничего не поделать: тут не мы — людишки — виноваты, а сама суть человеческая, само человеческое бытие, сам витально-мортиальный людской контент, сама людская история, а в общем-то — само *миросоздание*. Так уж устроен земно-космический мир, что он не может, отворачиваясь раз за разом от самого себя, не ***выворачиваться*** при этом — не без коллизий, катастроф, конвульсий, ну и, соответственно, затрат, потерь, жертв, разгула смерти.

Да-а, иной раз какие-нибудь бедствия, вроде эпидемий, моров, холода, зноя, пожаров, наводнений, вихрей, бурь, штормов отводят от обильно смертоносных выворачиваний земно-космического бытия, а иной раз такому вот гнусному выворачиванию очень даже споспешествуют, однако выворачивание, то бишь *смена образа бытия на иной образ — частенько и противоположный, и немыслимый, и вообще невозможный* — происходит как бы и не как бы *само собой,* сопровождаясь и немалыми, а то и очень большими, даже слишком большими, бедствиями

(из вышеперечисленных тоже), конечно же, с затратами, потерями, убылью, смертями.

Тут, видите ли, взаимовлиятельная под разными знаками стихийно-спонтанная взаимность!

Выворачивание!

Постепенное, пошаговое, размеренное. Такое тоже бывает, гасящее, пусть и не до конца, неопределенность, стихийность, бунташность, мерзостность, мраковость, бедственность. А бывает и другое: резкое, бессовестное, беспощадное, страшное, как раз круто-р-революционное, при этом как довольно объективно и субъективно подготовленное, даже и ожидаемое, чаемое, предвидимое, так и внезапное, неожиданное, невероятное, даже и невозможное.

В общем, всякое и по-всякому сие бывает, и баста — «неча» абстрактной классификацией заниматься: реальность все равно богаче, разнообразнее, неопределеннее, а главное — своевольнее: что и как хочет, то и творит!

Она — *реальность* — отнюдь не мертва и не тупа, она тоже с умом, душой и норовом, хотя и с безумием, пустотой и мертвечиной тоже, и способна, знаете ли, решать и действовать, причем тоже *по-своему*, экзистенцируя вместе с человеком, не исключая при этом любых своих потенций что за, что против человека, как в угоду ему, так и вопреки.

Экзистенция человека-человечества и экзистенция земно-космической реальности взаимоувязаны, взаимообусловлены и взаимофатализованы, но ровно настолько, чтобы взаимодействуя между собой, борясь между собой и согласуясь, не терять своей самости и даже не утрачивать собственного величия: то и то ведь великие мировоззренческие феномены, идущие, возможно, к конечному точечно-сингулярному единению, но пока они есть как есть, они будут оставаться именно такими — стремящимися друг к другу и друг от друга отталкивающимися.

Жизнь, как и вообще бытие, как и вообще экзистенция, возможна только на условиях борческих внутри себя перемен и пре-*вращ*-ений, а для нашего случая — *выворачиваний*, однако никогда не окончательных, мало того, никогда не бессрочно устойчивых, ибо за любым *выворачиванием* рано или поздно следует новое выворачивание, но более всего уже как ***выворачивание вывернутого***, на что мы и обращаем особое внимание: вывернулось бытие — замечательно, но изволь теперь

вывернуться еще раз, причем вовсе не в обратный образ (состояние, контент), а в… ***иной***, не бывший ранее, зато для бытия, жизни, экзистенции на какой-то срок приемлемый.

Выворачивание вывернутого!

Телеология (целевая установка) всей этой выворачиваемости и вывовыворачиваемости бытия и т. д. хоть обычно и весьма заметна, но по сути своей не очень-то известна и понятна: к чему, куда, зачем? И уж тем более неизвестна и непонятна ее *эсхатология*, то бишь, завершение, конец, амба. Тут уж царство *Великой Неизвестности*, благодаря и вопреки которой и которому и живет человек, и думает, и ищет, и не находит, и отчаивается, и утешается, и кончается.

Кажется человеку, что хорошо бы ему все знать, но зачем ему тогда жить — не думая, не ища, не находя, не отчаиваясь, не утешаясь? Нет, не знанием вовсе, а верой в то или иное знание, а то и верой в само незнание, точнее, не верой даже в последнее, а всего лишь… *согласием* — согласием на незнание, что то же самое — на ущербное свое величие либо же величественное свое ущербие. Что ж еще остается затерянному в мироздании и зачем-то осознаниенному и мыслящему животному существу — человеку?!

Ах, да — творить! Тогда что и для чего в итоге, а-а?

Творить незнамо *что* и *зачем* — это ли не *действительный экзистенциальный героизм*, а-а?!

Работник, выходит, человек, *работник*, ну и творец, да-да, *творец* — бедолага, трудяга, искусник и… *царь*!

Иноиное

Человек натурален, он в природе и из природы, в особенности первый человек, первоначальный, может, и пред-человек, животный, зверовой, всеядный, однако вдруг обретший, получивший, принявший и кое-что *неприродное*, а потому… *иное*, а именно — сознание, а вместе с ним слово, язык, речь, в общем — *когнитив* — как разумную реализацию сознания или же осознаниенную реализацию разума, все тут одно, главное ведь, что он стал в природе, оставаясь натурорганизмом, другим относительно природы, а именно… *иным*, что и породило главную экзистенциональную коллизию человека — устремление к *иному*: от природы к неприроде; от одной неприроды к другой, еще более неприродной; от себя данного к другому себе — вплоть до выхода из самого себя, что организменного, что идеально-духовного, что социального.

Иное не просто вошло в человека (оказалось в нем, возникло в нем), но и захватило его, причем настолько сильно и целостно, что сделало его не просто *иносуществом* в земно-космическом пространстве (обиталище), а превратило прямо-таки в одержимое иным иносущество, что означало экзистенциальное устремление (потенцию) человека к *иному*, к переменам, к новизне, а в более обобщенном и точном выражении — к ***иноиному***!

Внутреннее сингулярного пошиба устремление, с одной стороны, и внешний, чуть ли не безграничный, экзистенциальный пространственно-временной земно-космический массив-континиум — с другой.

Вот вам, господа, и завязочка с неразвязочкой: движение от чего-то данного существующего к чему-то иному, берущемуся через посредство иного, а в итоге — ***иноинобытийность***!

Однако это не все с иным, ибо иное в виде сознания с его словом, речью, разумом не только не рассталось с тем запевным иным — ИНЫМ!, от которого и произошло, а осталось с ним в генезисно-функциональной связи, причем не только не в однонаправленной (оттуда в сюда), а в противодейственной (туда-сюда), ибо человеческое иное, сочетавшись с животностью и в ней засев, получило тем самым и право на кое-какую, пусть и не полную, свободу от запевного первоиного (иначе не проживешь!), отчего и связь тут обоих иных, и их взаимодействие, и взаимозависимость, и противодействие с бунташностью, и давиловка, и сопротивление, и покорность, и изворотливость, в общем, настоящее во всех возможных проявлениях и каверзах ***иноинобытие***!

И выходит некий *круговорот Иного в Мироздании*, включая и земное *миросоздание*, включая и человека, тот самый круговорот, он же ***иноиноворот***, в котором мало что задействовано субъективное человеческое иное, так еще и объективное относительно человека, то бишь внешнее иное, да мало что какое-то там далекое и напрочь человеку неизвестное, так ведь еще и близкое здешнее, тутошнее, не дающее человеку покоя, требующее перемен, еще их и немало определяющее, разумеется, неопределенно определяющее.

Вот и поживи устроительно и правильно, еще и покойно, на Земле в союзе с Космосом, и порадуйся, и поблаженствуй, — не тут-то было, не тут-то есть и, надо полагать, не тут-то и будет: ***иноинобеспокойство*** — не просто сила, но и то ли роковая, то ли, наоборот, банальная, чуть ли при этом не сакральная, кутерьма!

Иноиновыворачивание

Вывернуться нутром (изнанкой, задником) вверх, чтобы подменить таковым на время и, как правило, в беспощадной схватке ставшее почему-то и зачем-то устаревшим, ненужным, надоевшим, а то и ненавистным, все еще существующее *лицо* (лицо бытующей реальности), а если иначе и неявнее сказать, то выпустить из-под контроля и дать волю преисподней в своем собственном, чисто преисподненском, абрисе.

В каком же? Мало что в ужасном, гнусном, подлом, главное — в разрушительном, чтоб сокрушить все или почти все бытующее, убрать его с глаз долой, можно сказать, что и съесть, во всяком случае — схаотизировать для начала, потом обезднить, наконец и изничтожить.

Все этакое есть не что иное, как ***выворот***, обычно называемый переворотом, реформированием, революцией, а изысканнее всего — преобразованием. Иной раз и действительно преобразованием, растянутым обычно на долгое время, почти что по ходу и незаметным, обнаруживающим себя истинного лишь в итоге. Однако все равно там и там выворачивание: в одном каком-то разе бесцеремонное и беспощадное, в другом же — чуть ли не вежливо-деликатное.

Да, бытие вращается, двигаясь по кругу, возвращаясь к прежнему себе обновленным, но при этом бытие идет вперед, пусть и кружась, и спиралясь, да так идет, что кружась и спиралясь, к какому-то прежнему все-таки не возвращаясь, то бишь бытие окончательно и бесповоротно всегда изменяется — вполне себе и качественно, отчего выходит, что оно *развивается*, меняет свой образ, преобразуется, — и как-то неохотно при этом замечается, что временами и местами оно воистину выворачивается, да не одним заходом, зачерпывая на срок что-то иное из спасительного *небытия*, а двумя, чтобы вполне жизнестойко обновиться, выворачивая вывернутое, и тогда уж понадежнее уйти в сторону от небытия.

Ах, это Иное — негативное и позитивное; то тут, понимаешь ли, разбрасывание камней, то, видишь ли, собирание камней, то, видишь ли, заходясь всего лишь по новой, то, понимаешь ли, действуя в новинку, уже явно по-новому. И как тут, ежели хочешь радикально меняться, обойтись без сначала грубого выворачивания текущей реальности, а затем без крутого выворачивания уже ранее вывернутой реальности?

Как показывает история — *никак*, никак *не обойтись*, разумеется, *там*, где вдруг взрастает *потребность* в радикальном обновлении бытия,

либо же там, где взрастает потребность догнать ушедшую вперед новизну, как и освободить себя от нагрянувшей вдруг и не вдруг новизны, в общем — так или иначе качественно измениться.

Хочешь быть, умей *иноиновыворачиваться*, а вот как это делать, решается многим, включая и рок, и удачу, и обстоятельства, и Иное, и Неизвестность, ну и Преисподнюю с Небесами тоже: миг — и нету, миг за мигом — и есть, — и там, и там потребность: смерти и жизни, жизни и смерти, чего-то и чьей-то смерти, чего-то и кого-то жизни!

Так вот!

Апокалиптика

Легко сказать: *выворачивание*, труднее, но тоже можно сказать: *выворачивание вывернутого*, можно еще и добавить: *апокалиптика*, пусть и в единении с *апокастатикой* (антиапокалиптикой), но ведь за всем этим ***потребность*** — потребность жизни и смерти, новой жизни и новой смерти, чего-то ухода и чего-то прихода, чьего-то поражения и чьей-то победы!

Заковыка тут, пожалуй что, еще и страшная!

Так вот и бытийствуем — *апокалиптически*, но и *апокастатически* тоже!

А может ли быть по-другому? Нет, не может! К другому, а точнее — к *иному*, может быть лишь одно неувядаемое ***стремление***.

Вот, к примеру, та же Западная Европа, она же и попросту Европа, оснащенная христианской цивилизацией, давшая правила, но не оковы, а еще и давшая, как раз наряду с правилами и им не вопреки, *волю*, эта самая Европа, наследница Антики, Рима и Карфагена, поубавив и подправив христианство, уже давно господствовавшее в Европе, не убоявшись и весьма отпрянуть от него навстречу антихристу и атеизму, двинулась, если не ринулась, выработав в себе потребность возвышения человека (разумеется, способного на это, не только над самим собой и природой, но и перед Богом тоже, даже и перед Христом), двинулась-таки по пути демиургического *пересотворения данного человеку мира и самого этого человека*, достигнув на рубеже XX и XXI вв. безоговорочного доминирования, если не победы, стремительно создававшегося ею искусственного мира над естественным (на пути от природы к *не*природе) и изрядно обыскусственного человека над человеком, в целом еще естественным (по пути, как вдруг выяснилось, от человека к *пост*человеку).

Таковым сталось бегство Европы от бытийной апокалиптики и,

между прочим, бегство совершенно при этом апокалиптическое: с бедами, войнами, революциями, реками пролитой людской крови, но что интересно: достигнув небывалых материально-технических производственно-потребительских успехов, Европа, теперь уже Большая Европа вкупе с США и новыми своими сателлитами, не только не вырвалась из объятий апокалиптики, но, кажется, отдалась им сполна, занявшись, как это ни странно звучит в момент ее почти полного победного торжества над бытующим земно-космическим очеловеченным миром… *самоликвидацией,* причем для земно-космического очеловеченного мира вовсе в целом не безобидной, наоборот, очень даже рискованной, пожалуй что, и коварно-убойно-рискованной!

Непрерывно, время от времени ожесточенно выворачиваясь из самой себя, не минуя и выворачивания вывернутого, Европы вывернула по-европейски (конечно, по колониально-европейски) и весь зе́мно-космический мир, в ходе чего весьма досталось и двинувшейся навстречу Европе, пусть и не без внешнего побуждения и внутреннего насилия, Руси-России, причем досталось как от Европы, так и от отрицавшей Европу европейской же заговорно-повстанчески-диктатурной анти-Европы, конечно же, вперемешку с европейской внешней и проевропейской внутренней анти-Россией.

Апокалиптическое выворачивание Руси-России ради ее европеизации, не минувшее ни выворачиваний с их смутами, бунтами, войнами и насилиями, с переворотами и революциями, ни, разумеется, выворачивание вывернутого (и почти все это тяжко, зло, коварно!), что по-своему и ознаменовало русо-российскую историческую апокалиптику по меньшей мере с момента Великой Смуты рубежа XVI—XVII вв., причем с борьбой как за Европу, так и против Европы; что говорить, трясло Русь-Россию ахово — что изнутри, что извне, и изменялась невольно под давлением Русь-Россия, и тяжко-стоически себя сохраняла, лелея эпохальную *апокалиптическую недосказанность*: то ли так, то ли не так бытовала, выкручиваясь, Русь-Россия, все как-то было у нее наперекосяк между собой исконной и навязавшейся и навязанной ей Европой, не становясь ни полноценной Русью-Россией, ни полноценной Европой, а некой промежуточной, нескомпонованной, недогибридной сутью, если не жутью: «ни туды и ни сюды», — и что интересно: до сих пор трясет Россию между собою и Европой (Востоком Русь-Россия никогда всерьез быть не собиралась, хоть и была и есть там — на Востоке, хоть и испы-

тала, да и сейчас испытывает, восточное, вовсе при этом не искусительное, как от Европы, влияние).

Жизнь людская, конечно, везде идет — хорошо ли, плохо ли, в покое ли, в тряске ли, плодотворно ли, тщетно ли, — что в Европе идет, что в Азии, что в России, но вот так идет: *апокалиптически*, хоть и *апокастатически* тоже, и бытие людское все выворачивается и выворачивается, изворачиваясь, а иначе ни жизни, ни бытия, а один бесконечный мертвый сезон.

А теперь позволим себе приблизиться к себе, к нашим окоемам и временам, ну и к бытийно-историческим событиям текущего времени. И хотя все в бытии-истории восходит (или нисходит) к прошлому, включая и давнее, и незапамятное, и чуть ли вообще никогда не бывшее — на той же Земле, ограничим свой размыслительный дивертисмент XX и XXI вв., поставив в центр нашего ментального эксперимента Россию — как идеальное Нечто и метаидеальное Ничто, что еще нам остается, если не это?

Между Нечто'м и Ничто'

Да, Россия это явное *Нечто* — кто станет возражать, да и что с этаким Нечтом может сравниться, но Россия при этом и какое-то *Ничто* — кто и что может сказать определенного о России, разве лишь в ответ на вопрос об этом выпучить свои умные глаза и развести свои холеные руки?

Монстр загадочный, эта Россия, да и только!

Такая-сякая, а ведь есть она, бытует, да еще *как* есть и *как* бытует, мало что телом своим необъятным распростерлась на полмира, так еще и будучи самой по себе целым миром, конечно же, для остального человечества… э-э… миром, скажем помягче, непригожим, чуть ли вообще не нужным, да вот мало что вовсю существующим миром, так еще и занозисто существующим, а главное, непонятно *как* и *для чего* существующим: ни сам он — сей мир, ни его глашатаи и противники не знают довольно ни того, *как* он существует, ни того, *для чего* существует, ибо существует он явно не для себя, хотя и не для всех на Земле скопом, а вот существует же, выворачиваясь, переворачиваясь, изворачиваясь, меняя не одну только свою личину, а и нутро тоже, хоть и не вполне и не до конца, становясь иным и оставаясь все тем же, разумеется, все тем же монстром — непонятным, необъяснимым, загадочным! Монстром, несущим в себе и на себе несусветное что-то, и что-то для земного мира де даже опасное, во всяком случае что-то чуждое всему *этому* миру,

хотя ни этого *что-то*, ни его возможной значимости для зе́много мира никто толком при всех обо всем этом умных, не очень умных и совершенно неумных толках не знает, как не знает ничего подобного, повторяем, и сама Россия.

Тайна!

Да ладно бы одна какая-то большая — монструозная — Тайна, а то ведь за что ни возьмись из российского везде одни лишь непонятки: от тайны к тайне через тайну!

Вот, к слову, почему Россия периодически вдруг, истово из себя выворачиваясь, отказывает себе в самой себе, обращаясь в Ничто, ради какого-то извнешнего, — как давненько повелось, более всего европейского, Нечто, — которое страна деланно на себя натягивает, чтобы через срок его — это Нечто — либо в себе не без усердия переварить, либо напрочь отбросить, чтобы… э-э… возвернуться к себе самой, в полной же полноте все-таки никогда не возвращаясь?

Поди-ка, пойми ее, эту Россию!

Однако сии выворотные и вовсе не безобидные мероприятия с завидно-незавидной регулярностью повторяются, потрясая страну, ее народонаселение, разделяя и по-новому собирая страну и ее народонаселение, обновляясь качественно, причем, особо заметим, прямо-таки как в сказке — умирая и воскресая, однако ровно для того, чтобы вновь умереть и вновь воскреснуть!

Вот и XX в. ознаменовался для России крутыми, почти что даже сказочными, обновленческими пертурбациями.

Побыла, побыла 200 лет Российская империя, совсем не худо развиваясь экономо-техно-культурно-интеллектуально на переходе из века XIX-го в век XX-й, да вот… бац! — аккурат в 1917 г. и нет Российской империи, а на месте ее большая дыра из Ничто, лихорадочно заделываемая очередным европроектом — сначала с февраля 1917-го так называемым «буржуазным» (капиталистическим, либерально-демократическим, насквозь евроэкономическим), а потом, уже с октября того же 1917-го, так называемым «социалистическим», быстро превратившимся в советский, большевистский, чуть ли не пролетарский.

Вывернулась тогда «Расея», ох, как круто вывернулась — аж до ненаглядной своей преисподней!

Разворошилась, заметалась, пустилась в бега, охаоснилась, распалась и разделилась, ожесточилась, передралась, окровавилась.

А все почему?

Да из-за Европы, будь она неладна, из-за Европы — как эталона, примера, возбудителя и возмутителя, однако разной Европы и по-разному воспринимавшейся в России, по-разному и разной входившей в Россию, как и по-разному и разной вторгавшейся в Россию через возникшую вдруг в ходе революции 1917-го обширную дыру.

О чем тут речь?

Одно дело Европа как Европа — примерная, привлекательная, соблазнительная, в особенности для русских европеоидов с их неугасимым желанием европеизации России, это как минимум, а то и вообще замещения России Европой — это уже как максимум.

Однако в Европе за XIX в. подросла и все более набирала силу не что-нибудь, а… анти-Европа, та самая — сначала социалистическая, коммунистическая, а потом и фашистская, в общем — *революционная,* мало того — *миро*революционная. В Европе нашлись и выросли силы, желавшие заменить текущую тогда Европу на *иную* Европу, причем такую, что от текшей Европы не осталось бы и следа.

Что касается россиян, включая как русских, так и инородцев, то одной частью их влекла и завлекала Европа как Европа, а вот другой частью — уже не так Европа, как *анти-Европа,* что и подтвердили революционные пертурбации 1917 г.: сначала революционный феврализм — за Европу как Европу, а потом и революционный октябризм — уже за всемирного-де пошиба анти-Европу. И поскольку тогда победил октябризм, то, выворачивая донельзя Россию, революция выставила вперед действенно и проективно не что иное, как *анти-Россию*, создав на месте и вместо России не что-нибудь, а… вдумайся, читатель!.. *Союз Советских Социалистических Республик* (**СССР**), не бывший по сути… э-э… вновь задумайся, читатель!.. ни союзом, ни республик, а потом выяснилось, что и не советских, и не социалистических, однако рухнувший в подошедший момент в одночасье, правда, в подготовленное объективно и субъективно одночасье — аккурат в 1991 г, причем не где-нибудь, а в таежном Беловежье, как-то при этом нелепо и даже комично.

СССР (Не) СССР

А как заманчиво возбудительно у революционных октябристо-большевиков все начиналось! Новый мир, новая жизнь, новая история! И все это под идейно-загадочным и много чего обещавшим зонтиком в четыре магические буквы — **СССР**! Это с идейно-утопической стороны, а вот с реально-фактической все это эсэсэсэровское пошло и шло как-то не так: оказалось вдруг, что без старого, осужденного и вроде бы

уже отброшенного мира, как и столь же старой, осужденной и вроде бы навсегда отброшенной России никак было не обойтись, что и заставило Ильича крепко задуматься, немало расстроиться, даже и круто обидеться (на того же Маркса), да так сильно, что в общем-то не отличавшийся нездоровьем Ильич вдруг заболел вполне и неизлечимо, почитал напоследок заказанную им «Историю масонства» (!), захирел и, не скрывая отчаяния, ушел из этого мира, оставшись в нем по внезапному порыву его не на шутку озаботившихся соратников мавзолейным памятником — что Утопии, в которую поверил и которой служил, что Неудаче, которую потерпел и которую не смог перенести, что Отчаянию, которое вдруг испытал и которое его так и не отпустило. Стал мавзолей и памятником самому СССР, да не с 1991 г, а прямо тогда, когда и был сооружен, только об этом тогда никто не знал и не думал.

Неча гадать, чтобы было, если б Ильич остался еще жить и работать, может, и совершенно уже *иным* Ильичом, как и гадать, что сталось бы при Ильиче с тем же СССР. Главное тут было то, что революционное, по Ильичу, выворачивание России не привело к ожидавшимся тогда результатам и потребовало не чего-нибудь, а нового, тоже не менее революционного, выворачивания страны, социума, хозяйства — в той или иной степени обратного, что и было частично сделано еще при действовавшем во власти Ильиче, включая прежде всего нэп (новую экономическую политику).

Так что вывернуть-то приговоренный объект было можно, как и он сам мог вдруг вывернуться, но важно было не забыть вновь вывернуть объект или самому же объекту вывернуться в обратном направлении, хотя и уже в обновленном образе.

Слава богу, тогда догадались, пусть и по итогам кровопролитных контр-р-революционных восстаний, развернуть ситуацию от р-революционной погибели к пост-не-, если не анти-, революционной жизни!

Однако от Утопии насовсем тогда не отказались — как путеводной идеи, как символа новизны и борьбы за нее, как и попросту идеологического прикрытия: СССР как магическое созвездие остался в образе своем мифотворном, укрепился, обзавелся новой конституцией, даже оснастился, заметим, идейно-политическим шармом.

Это все было внешне, по поверхности, на словах, идейно, а вот по внутреннему содержанию оказалось по итогам уже сталинского выворачивания с рубежа 1920—1930-х гг. вовсе не СССР'ом, а скрытой про-,

а в чем-то на деле и недо-, но все-таки скорее российской, чем антироссийской, империей.

Ничего себе: вот вам и пролетарская революция, и социализм с коммунизмом, и К. Маркс с В.И. Лениным, и марксизм с ленинизмом, и вообще мировая революция!

По верху царствует Утопия, а в глуби-то совсем иная Реальность, правда, немало отличная от Российской империи, ничего не скажешь: без помещиков и дворян, без купцов и буржуев, без (почти без) Церкви и священства, без протестной интеллигенции и бунташного студенчества, без бастующего пролетариата, но зато с трудолюбивым и дисциплинированным рабочим классом, без крестьянства, но зато с колхозами и колхозниками, без солдат, офицеров и генералов, но зато с красноармейцами, командирами и военачальниками, без царя — ЦАРЯ!, но зато с вождем — ВОЖДЕМ!, без аристократии и чиновничества, но зато с партией, партийцами и госслужащими, а еще и с классической и тянувшейся к классике новой культурой, облаченной в творческие союзы, и т. д., и т. п., в общем, при всем немалом отличии от российской имперской реальности сталинская реальность как-то уж о-очень смахивала на свою предшественницу, ибо пришлось сталинской реальности выпрыгивать прямо из прерывной бездны, обращая возникшее из революции несусветное Ничто в какое-то сеюсветное Нечто.

Окончательно все стало ясно со сталинской пророссийской, и лишь частично прорусской, империей по итогам ее победы в Великой войне 1941—1945 гг.: ни у кого уже тогда не было сомнений как в возрождении в окоемах дореволюционной России в чем-то прежней, а в чем-то новой — уже сталинской, если под Сталиным понимать в данном случае исторический державный символ, а не конкретную личность, — так и в том, что эта новая империя встряла в бытие-историю под именем, знаком и покровом магического четырехбуквия — **СССР**!

И смирился ум человеческий, зная, что СССР только символ, что суть под этим символом иная, что СССР не СССР вовсе, но что было ему — уму человеческому — делать, коли так все в реалиях обычно свершается и на этот раз так же свершилось: имя-миф лишь сошлось с реальной реальностью, а эта реальность не отвергла вовсе имени-мифа, да и многое ли вообще в реальности совпадает со своими наименованиями, да и что тут особенно судить, коли у СССР столько вывернулось в итоге побед?!

СССР: величие, тщета и ущерб!

Да, Сталину (не как просто человеку, а как субъекту-символу) удалось благодаря жесткому и деятельному сталинизму построить… нет, не Новую Россию, нет… скорее, Новую Страну на месте России, но все-таки не вместо России, а построить эту Новую Страну даже вместе с Россией — глубинной, конечно, Россией, страну, поименованную красиво, привлекательно, по-своему и загадочно, даже изящно — **СССР**!, однако, как свидетельствуют состояние, поведение и реплики Сталина-человека в последние годы его жизни, вождь не избежал, находясь вроде бы в зените личной и державной славы, ставши бесспорно великим лидером великой страны, да что страны — полумира, а в некотором плане и всего тогдашнего мира, не избежал-таки вполне себе коварно давившего его беспокойства, даже и немалой угнетенности, навевавшихся не только и не столько нараставшим нездоровьем и чуть ли не маниакальной подозрительностью в адрес окружавшего его, скажем так, соратничества, сколько невеселыми думами относительно судьбы своего детища — СССР, осознавая, что в возникшей и продолжающей быть, пусть и победной, конфигурации ему — СССР — без существенных перемен долго не просуществовать.

Доказать вполне сие психо-ментальное состояние Сталина, может, и невозможно, а вот и пренебречь данной версией никак нельзя: что-то подобное случилось как раз с Лениным, что-то этакое не миновало и Сталина, пусть и не совсем отчаянное, как у Ленина, но вовсе и не такое уж безобидно отвлеченное.

Сталин довольно понимал, что его — сталинский, вполне себе армейско-диктато-мобилизационный, хоть для того момента необходимый и эффективный — режим бытия великой страны не мог долее продолжаться, а проективных идей, а главное — деятельских сил у Сталина на новое пересотворение страны у него явно уже не было. Понимание было, а потребного проекта и нужных деяний быть уже не могло. Драма тут пострашнее, чем это случилось с Лениным, ибо Ильич был травмирован неудачным началом Проекта, в который он зачем-то по-кабинетному уверовал, а вот Сталин был убиваем осознанием не чего-нибудь, а *конца* своего собственного проекта, пусть еще только подступавшего конца, но все-таки конца, как и самим его — этого конца — тяжким осознанием. Недаром же Сталин раздраженно бросил в ответ на бурную овацию в его честь, устроенную делегатами XIX съезда ВКП(б): «Чему аплодируете?».

Да, сталинский проект нуждался в крутых переменах, да вот в каких? Сталин, уйдя из жизни, как и когда-то Петр Великий, да и как Ленин, не оставил явного и достойного великих деяний преемника, да и не мог, как и Петр, как и Ильич, этого сделать: *кого*? Так что сотканный в виде новой цивилизации сталинизм был оставлен Сталиным на поруки истории и на руки не то что не новых сталиных, а так… временщиков, что-то пытавшихся вроде бы изменить, да все как-то либо заезжая не в ту степь, либо с испугом отпрядывая от чего-то ими начатого, либо ничего такого вовсе не предпринимая, отчего и доведя дело, пользуясь от безысходности услугами ими сохранявшегося, но все более хиревшего сталинизма, мало что до краха сталинизма, так ведь еще и до краха самого **СССР**, любовно выпестованного не без жестокой боевитости Сталиным.

Автору этих строк довелось быть свидетелем всего бывшего и случившегося со сталинским СССР, хотя и было сему свидетелю аккурат 9 лет от роду в дни ухода великого вождя — СТАЛИНА, когда врезалось в память мальчишке из московских Хамовников на всю жизнь: «Как будем жить-то без Сталина, как?», — это из причитаний на московских коммунальных кухнях женщин перед хмурыми взглядами мужчин, да и не зря причитавших: жизнь хоть и шла, да как-то… не так, не то что не по-сталински, а попросту без ясного проекта, надежного руля и верно направляемого ветрила.

Да, автор этих строк был когда-то, как и подавляющее большинство сверстников, вполне себе сталинцем, видел неоднократно Сталина на трибуне Мавзолея или на стадионе «Динамо» (может, иной раз и не самого Джугашвили, а его двойника, — кто знает?), был октябренком, пионером, комсомольцем, ответственным комсомольским работником, в 24 года, еще студентом, стал коммунистом, то бишь пребывал немалую часть жизни в контексте сталинской цивилизации и был ее — этой цивилизации — вполне себе верным участником, мало того, ничего плохого не видел в социальной сути сей цивилизации, ее нацеленности на труд, творчество, служение, а главное — на общность всех людей страны, на товарищество, на взаимность.

Сталинцем был, а вот сталинистом не был, более того, взрослея и набираясь опыта, стоял за перемены в сей цивилизации, за что были тогда и многие из окружавших его сограждан-товарищей, а со временем он стал осознавать, уже будучи профессиональным обществоведом, что перемены сии должны быть, мягко выражаясь, значительными, причем

настолько, что стране надо было переходить к какому-то иному себя обустройству и к какой-то иной роли в мировом сообществе. Да, был настроен критически к бытовавшему остаточно позднему сталинскому строю, но никогда не был против родной страны, ее корней, ее народа, хоть и не был настолько слеп, чтобы рисовать какую-то благостную о родной стране картинку.

С пониманием воспринял андроповский переделочный выплеск, оставшийся, правда, непроясненным в смысло-стратегических намерениях эпизодом, как и позитивно поначалу воспринял идею *перестройки* — ПЕРЕСТРОЙКИ!, шаг за шагом втягиваясь в ее осуществление, опять же не столько в запрограммированное, сколько просто самопотекшее, что к рубежу 1980—1990-х уже вдруг обнажившее тот прискорбный факт, что дело шло не к перестройке страны — СССР, а к ее *ликвидации*!

Хоть и трудно было в это поверить, но не принимать это — ЭТО! — во внимание, в особенности после факта отказа на заседании Верховного Совета действовавшего тогда председателя правительства стать президентом СССР, сменив на этом посту главного «перестройщика», а фактически уже и главного погубителя страны, было уже нельзя. Дальнейшие события 1991 г. лишь все *это* ликвидационное подтвердили: СССР был тогда волево, хоть и трусливо, порешен и отправлен в небытие!

Вот уж грянул выверт так выверт, правда, вовсе не случайный, не скоропостижный, не моментный, а, знаете ли, давненько, очень давненько, вызревавший. Даже старательно взращивавшийся, а в какое-то пиковое время, как раз «перестроечное», аки румяный пирожок из печи Бабы-яги, вдруг и вывалившийся.

Да-а, выверт сей оказался знатным, да ладно что предательски-подлым — чего не бывает среди человеков, этих звероподобных божеских-де тварей, — да вот был он, этот самый выверт, и результатом вполне себе тайного и вполне себе осознанного прото-прима-прозападного заговора, устроенного с участием англосаксов не только ради устранения остаточного сталинизма (совето-социализма, того же СССР), но и вассального, если не вполне себе колониального, присовокупления освобожденной от СССР и советизма-социализма страны к Западу — не более и не менее!

Невозможная возможность

Отстранив угрозу сжигания страны в топке мировой революции, как и поглощения страны р-революционным антимиром, Сталин взнуздал своей железной дланью страну, ее люд, подавив р-революционное безобразие и разную уголовную нечисть, обернул страну к самой себе, своей истории, своему настоящему и своему будущему, загнал страну, ее люд на ***Великую стройку***, не гнушаясь ни насилием, ни лишениями, ни «дружбой» с иностранным капиталом и «ихним» предпринимательством, ни рукоемким ГУЛАГом с его рабским трудом, ни понуждением к служению общему делу разного рода спецов, ни идейно-идеологическими, пусть и немало утопически надуманными нововведениями, ни обращением к славной отечественной истории и великой культурной классике, ни побуждением к техническому и культурному в неоклассической манере текущему творчеству и т. д., и т. п., — и что важно: одержал-таки величайшую в историческом контексте победу, переделав страну, укрепив ее, одержав победу в Великой войне, создав и оставив после себя новую, весьма и оригинальную, хоть и «тяжкую» для многих цивилизацию — *государственно-народно-трудо-социально-товарищескую*!

Факт, как и фактом стало, что цивилизация сия, оттеснив, взяв под контроль или хотя бы локализовав животно-зверо-бесовское начало в человеке, не смогла, да и не могла, несмотря на все свои недюжинные потуги, контрольные ухищрения и стратегические старания, достаточно по масштабу и качеству преобразовать человека, вынужденно оставляя, пусть и в тени, в тиши, на краю, в дебрях экзистенции, начало животно-зверо-бесовское: *человеческий проект*, несмотря на свои громадные усилия и беспрецедентные победы, так и не осилил *природы человеческой*, хоть и дал возможность многим массам и многому числу творцов побыть на свете и реализоваться не кем-нибудь, а ЛЮДЬМИ!

Сталин отвернул страну от ее архи-анти-миро-р-революционного выворачивания и, тяжко вывернув революцией вывернутое, осуществил трудное, но продуктивное выворачивание страны к самой себе в образе новой, немало и российской по духу и алгоритмике цивилизации.

Однако бытие зе́мное, как и история человеческая, не терпят в силу своей порочной изначальности (дух, сознание, разум тут в плену у материи, бессознания, безумия!) ничего из социально благоустроенного и обращенного во благо вообще человека, как и не терпят самого аскетически и разумно благоустроенного человека, не потерпели они и сталинской устроительной инициативы, мирно-продуктивного горения

которой хватило на плюс-минус четверть века, да и то с нараставшим день ото дня сего его горения — угасанием.

Сталинская цивилизация, построенная на служении, дисциплине, контроле, ограничениях и запретах, в общем — на армейского образца этатизме, на диктате, причем вовсе не антинародном, а, скорее, наоборот, весьма и народном, что как раз было очень даже немаловажно, не преобразованная вовремя, верно и надежно стала разъедаться (именно разъедаться!) сразу или же вскоре по уходу Сталина, пусть поначалу и не очень заметно, но зато и действенно, что делалось как осознанно, так и не очень, а то и вообще бессознательно, но… *делалось*!

Снизу делалось, изнутри, из людской среды, пусть и как-то само собой, обыденно, по-мещански, хоть это вроде бы не поощрялось, сдерживалось, даже и преследовалось, но делалось, как и делалось сверху, от самой власти, не отличавшейся ни умом, ни стратегическим видением, ни реконструктивной волей, и делалось как неосознанно, так и, увы, вполне осознанно, но так же это делалось (поощрялось) оттуда, из-за рубежа, от противника, причем не так милитарно, как идейно, через «правдивую информацию», через культуру в смеси с антикультурой, через образчики раскованного бытия, стереотипы иного — свободного-де и оттого привлекательного — поведения, в общем, через тот или иной соблазн, что, кстати, хорошо работало, весьма и эффективно.

Сталинская цивилизация как бы сама перерождалась, что в известной мере и было, однако не без деятельного или бездеятельного попустительства сверху, как и не без вовсе не слабого влияния извне, как раз со стороны той самой заграницы, которая ведь «всегда поможет».

Разъеденная, ослабленная и достаточно вольно или невольно дискредитированная, да уже и изрядно поднадоевшая, как в свое время та же Российская империя во главе с невольным и безвольным царем-самодержцем, сталинская цивилизация подверглась не без за́говорного побуждения и юридической, что называется, ликвидации, — и, что особенно примечательно, как-то уж слишком обыденно, нелепо и смехотворно.

От великого исторического до тривиально ничтожного, конечно, не один бывает шаг, как и от великого до смешного, тут, знаете ли, эпоха, пусть и по историческим меркам краткая, но вот где она — великая, надежная историческая гарантия для всего великого исторического, — кроме, разумеется, гарантии его тривиально обидного конца, где?!

Кажущееся обычно невозможным не просто в реальности случается, а все невозможное как раз в реальности по преимуществу и случается, переходя из разряда невозможного сначала в разряд (не)возможного, а затем уж и в разряд непосредственно возможного.

Даже чаявший революцию в России и на нее вроде бы без устали работавший Владимир Ульянов-Ленин («профессиональный революционер», каково!) проглядел саму революцию как факт, ибо революцию вызвали к факту не «революционеры» вовсе, а… генералы, заставившие царя отречься, выбив, того и не желая, самодержавный клин армейским клином, взбаламутив страну и взбудоражив антицарскую политэлиту, поспешившую перехватить ставшую вдруг неприкаянной после отказа царева брата взойти на колебавшийся самодержавный престол.

Вот и у нас в 1991 г. нашлись свои генералы, правда, не войсковые, а… свадебные (вроде «мали́новских») — сначала одна кучка («путчисты»), затем другая («заговорщики»), — и дело было сделано: невозможное, став вдруг (не)возможным, обратилось во мгновение беловежского ока в реальную возможность, причем как по линии бытийной объектности, так и по линии обыденной субъектности — тут уж все одно!

Возможная (не) возможность

Да, невозможное (казавшееся невозможным), пройдя через (не)возможное, стало вдруг в 1991 г. возможным… нет, не развал и даже не распад СССР, а попросту его… постыдно робкая ***отмена*** (мог бы кто-нибудь представить себе этакое даже в том же еще 1990 г.!). Однако *это* произошло и произошло аки (не)возможный выверт: бац! — и нет СССР со всем его остаточным сталинизмом, с его условным советизмом и недореальным социализмом!

Да, СССР был одним предательским махом разрушен, однако, надо заметить, что СССР разрушился в немалой степени и сам, точнее, был разрушен той реальностью, в которой оказался быть и которая, шаг за шагом его исподтишка отрицая, в конце концов его напрочь и отвергла.

Можно ли было сохранить СССР? Вопрос, что называется, риторический, но ответ тут таков: может, и можно, но вот кому это было тогда под силу и как, а поскольку некому было, да и вообще поздновато уже было, а потому делать это надо было очень и очень волево́, чуть ли не посталински, то сохранить не преобразованный вовремя и радикально СССР (может, уже и не-совсем-СССР!) было нельзя, что и подтвердило все тогда происшедшее как с СССР, ставшим вдруг бывшим, так и

с РСФСР, тоже ставшей в единый миг бывшей, однако в отличие от СССР продолжавшей себя экзистенциально-исторически уже как сколок от СССР в виде Российской Федерации.

А что же произошло дальше? Нет, уважаемые господа, вовсе не братание с Западом (с США прежде всего), вовсе нет, а почти-что-капитуляция перед Западом, во всяком случае сдача перед ним всех ново-«независимых» псевдогосударств (кроме, конечно, Белоруссии), та самая сдача, которая не только открыла (не)возможную возможность почти-что-оккупационной вестернизации (не)-зависимых стран-осколков, но и (Sic!) под ее — вестернизации — прикрытием, с ее поддержкой и даже с гарантией от нее провести (не)мыслимое — так называемую ***Реформу*** (по сути-то ведь *революцию*!), да мало что прозападную (про-колониально-про-западную), так еще и аморально-грабительски-присвоительную в интересах и в пользу как *своих* (несторонников прежде всего СССР, его отрицателей, противников, врагов, погубителей, ему изменников, да вот не только — и просто нелюдей тоже, включая и откровенных бесов, в особенности из болотной сферы искусств), так и в пользу *пришлых*, как раз по преимуществу с Запада, что известных деловых гигантов, что обыкновенных жуликов.

Отвержению, обгаживанию и осмеянию подверглись тогда не только СССР, Сталин с его сталинизмом, советизм с социализмом, не только Россия с ее неистребимой русскостью, но и, что особенно занятно, всякая вообще «людскость», человечность, гуманность, товарищество, моральность, честность, искренность, трудолюбивость, аскетизм, не говоря уже об экзистенциальных традициях и той же культовой классике, особливо советской (сталинской тож!).

Зато в моду и дело пошли хапужность, наглость, хваткость, мошенство, пошлость, шумность, гамность, безрассудность, ложь, обман, глумливость, в общем — весь арсенал *преисподненского антимира*!

Беловежский выворот дал ход, с одной стороны, ***вв***орачиванию в бывший СССР отъявленного западнизма в его наихудшем имперо-колониальном варианте, а с другой — ***вы***ворачиванию той же страны под ничего уже не говорившем грифом РФ до самых, что называется, кишок, до дна, до бездны, однако с устроением в этой стране (в РФ, стало быть)… э-э… чего даже капитализмом не назовешь, а вот *инфернализмом*, пожалуй что, и можно, да и нужно было назвать — устроение ни того, ни другого, ни даже третьего из известного, а чего-то и впрямь (не)известного, как бы и (не)реального, настолько при этом уродливого,

что и имени сему не подберешь, однако тогда все-таки бывшего, вполне себе и реально бывшего, с одной стороны, под сенью, опекой, с поддержкой и участием Запада (с колониальной за это платой со стороны РФ, разумеется), а с другой (внимание, читатель!) — с невольным, хоть и естественным пособительством еще не растерянной вполне и до конца *традицией* — что глубинной и давней (археокультурной), что обретенной совсем недавно, как раз той, от которой так решительно на словах и на деле отпрянула инфернальная новизна — социал-советско-сталинской (чего в бытии-истории не бывает!).

Зацепившись в страхе за Запад и невольно, не без страха и вынужденно опираясь на традицию (и ее носителей — ЛЮДЕЙ!), возникшее по итогам коварной перестроечной проделки и вывороченное наизнанку правление смогло, подавив запоздалое сопротивление 1993 г. (уже и от своих тоже!) бесцеремонно начатому «реформированию», а фактически выворачиванию страны по начертанной на тот момент услужливым Западом (США прежде всего) неоколониальной «дорожной карте» (ликвидация планирования и госуправления хозяйственной жизнью, освобождение частной бизнес-инициативы, денег, их текущей стоимости, цен, инфляции, границ, миграции товаров, капиталов, людей, ускоренная приватизация, она же «прихватизация», предприятий, расхват и распродажа всего и вся, из могущего быть проданным за рубежом, образование бешеных частных капиталов, бойкого олигархата, частных (конечно же — нечестных) банков и т. д., и т. п., ну и media-информокультурная, вполне себе и инфернальная, бесовская, бешеная, а потому и задиристо антикультурная, античеловеческая, как и антироссийская, не говоря об антирусскости, революция, а также, что уже вершилось само собой, великая аморально-криминальная революция с разгулом коррупции, воровства, бандитизма, мздоимства и т.п. примечательных вещей). Да, это был бросок в бездну — БЕЗДНУ!, в ней тряское, турбулентное, вывороченное и вымороченное пребывание с очень немалым шансом в ней навсегда и сгинуть — как в порыве к новой де жизни, небывало свободной и много чего небывало хорошего сулившей, так и попросту от самой этой новой жизни, не выдержав предложенных ею возможностей и мытарств, — и это касалось не только отдельных особей, семей, групп, сообществ, страт, но и самой страны, могшей в одночасье развалиться и быть колониально проглоченной по кускам любвеобильным относительно земно-космических пространств, властных ресурсов и дешевого труда цветовавшим нарочито яркими и жутко ароматными цветами

от лукавого добра и милейшего зла, охочим до всего чужого, вполне уже перезрелым, гниющим и гнетущим Западом, да и, заметим, Востоком, и Югом тоже.

И тут, господа ученые, не ведающие ничего, кроме усвоенных ими сызмальства масонских о реальности побасенок, нельзя не обратиться к тому, что обыкновенно называется *чудом* — ЧУДОМ!, конечно же, ученой братией никак не признаваемым, разве лишь иной раз про себя да с каким-нибудь близким пособником в моменты вынужденных признательных срывов (все тут ведь на краях, на краях, да и на крови, пожалуй, тоже!)

Чудеса, да и только!

Чуда бывают разные, есть среди них и социо-историо-экзистентные, касающиеся обществ, стран, государств, народов, их судеб, причем чуда как темные и весьма злые, так и светлые и чуть ли не добрые.

Темное и злое чудо, к примеру, — театрализованный крах СССР в угоду своему главному и исконному противнику — Западу, еще и к его радости, и к его выгоде, а наряду с этим крахом и крах на территории СССР ренесансно-просвещенческой (европейской тож) цивилизации, включая соответствующие ей государственность и гражданственность, а еще крах человечности и человека, в общем — явный *приступ бездной инфернальности*, плотно захватившей умственно, психически и поведенчески почти все правление с немалой частью и активного населения.

Оказалось, что все вокруг, включая культуру, институты и самих людей, совсем не то, каким еще недавно представлялось — достойным, а вполне себе темное, злое, хищное, мертвящее, ужасающее. Вот-те на: бац! — и чудо сие свершилось, причем для его бенефициаров вовсе не такое уж и плохое, совсем даже наоборот — хорошее, правильное и (Sic!)… *справедливое*!

Вот так!

Однако этим чудом дело тогда не ограничилось: явилось и другое чудо — *иное*, совсем противоположного свойства, а именно, если и не очень светлое, и не очень доброе, однако для судеб страны, народа, государства, цивилизации весьма и весьма позитивное, и выразилось оно в чудесном (иначе не скажешь!) уцелевании страны, государства, цивилизации, народа, пусть и объеденными, изъеденными, потрепанными, обескураженными, умученными, но… *уцелевшими*!

Да, инфернал действовал устремленно, активно, нагло изощренно,

лживо, изобретательно, даже моментами изящно, но при этом и сопротивление ему было не такое уж слабое, причем и весьма осознанное, субъектное, даже и институциональное, как стихийное, бытованное, самособойное, так и обстоятельственное, а моментами и попросту — героическое. Запад многое раскусил в России и ее людях, да вот не все, промахнулся-таки, как промахнулись в итоге с Западом, его шикарным благодетельством ему наивные симпатизаторы, его явные и неявные сторонники, к нему вовсе не храбрые перебежчики, да и сами бенефициары того чуда — как раз *чудовищного чуда*! — тоже ведь промахнулись с Россией и ее «людями», что, правда, стало окончательно ясно несколько позже, хотя, пожалуй что, пока и не до конца.

Тут ведь надо непременно уразуметь кое-что непреложное: сама Россия не то что *тайна* — ТАЙНА!, но и *чудо* — ЧУДО!, и сама Россия прежде всего автор и актор происходящих с ней чудес — то она к Бездне вприпрыжку, то внезапно к Небу, и тоже с подскоком, отчего и сама Россия — *(не)возможная (не)возможность*, когда «Да» и «Нет» тут как бы в равном положении и значении. Что тут поделаешь, ежели сидит издавна в России усердно отрицающая ее *анти*-Россия, не только не дает России покоя, но и ставит ее время от времени на край бытия, толкая в бездну, а потом получив от России по своим заслугам, не перестает удивляться в очередной раз возродившейся вдруг почти что из праха России, правда, всегда как-то ловко, хоть и не без труда, потерь и крови, изменившейся при этом ровно настолько, чтобы оставаться Россией, мало того, и с уже давненько ставшей органичной ей анти-Россией во чреве своем!

Любопытно все это, не правда ли, однако еще любопытнее не что иное, как новый (очередной в российском бытии-истории) *вывовыворотный кульбит* в стиле *выворачивания вывороченного*, каждый осуществляется step by step, ни кем иным, как post (non) post-перестроечно-реформенной Россией (как Российской Федерацией, конечно).

Есть тут отправное мгновение (не секундное, конечно, но и не сильно протяженное) — смена правления, ознаменованная добровольным (?!) уходом одного высшего в РФ лица и приходом другого, причем в алгоритме, прямо скажем, весьма ловкой, чуть ли не красивой комбинации: без нервов, без шума, без народных демонстраций, и ежели под залпы, то лишь в пределах возобновившейся северокавказской войны, закончившейся, особо заметим, тоже не без по-своему красивой комбинации — достойной для одних — тех — и для себя тоже!

Р-раз, и пошла в ход новая для российской стороны эпоха — вставания, стабилизации, возрождения, однако уже не какой-то там прежней страны, а обновленной, переделанной, реконструированной, не отказывающейся в целом от достигнутого в 1980—1990-е, а его — это достигнутое — пусть и не в целом, продолжавшая, совершенствовшая, разумеется, не без оценочного перебора полученного состояния и его нелицеприятной коррекцией.

Да, это было явное выворачивание, даже и выворачивание вывернутого, но ровно такое, чтобы выворотно скорректировать и утвердить ранее вывороченное, не возвращаясь далеко и в целом назад, а продвигаясь вперед на основе и в рамках вновь вывороченного, при этом все еще цепляясь за Запад, но и не отрицая насовсем своих традиций, не покидая американизированного глобализма и даже считаясь на срок с чуть ли не вассальной от него зависимостью (аккурат поначалу не где-нибудь, а в ряду G8), не пренебрегая и благими отношениями с не-Западом, включая вскорости возникший БРИК (затем уже и БРИКС), в общем, продвигаясь по новому экзистенцтреку не то что в обнимку с ее лукавыми обстоятельствами, что было неизбежно, а потому и понятно, но и, можно сказать, продвигаясь прямо-таки в Неизвестность, разве лишь рассчитывая на ее внезапную благосклонность.

Выкарабкивание из бездны уродливым, но целым, в бездном смятении выворачиваясь по линии ранее вывороченного, идя не куда-нибудь во вполне себе предусмотренное или хотя бы где-то и как-то на горизонте провидимое, а в самую что ни на есть безбрежную Неизвестность, полагаясь лишь на никому неведомое вполне Провидение, причем себя же бытующего немало отрицая и не очень-то доверяя внешнему контексту — чем тут было не чудо, а-а?

Да-а, вот и третье по счету чудо в ряду чуд, совершившихся маниакально с момента театрально-разбойного крушения СССР, — чудо обновленного воссоздания, но не СССР, тем более уж не России, а всего лишь страны, охваченной возникшей в 1990-е, пусть и просеивавшейся, новизной — много вестернизированной, немало антироссийской, мало-мало традициальной.

Однако удалось-таки, и удалось, повторяем, как вполне себе *чудо* — ЧУДО!, что вообще-то не раз бывало в бытии-истории Отчизны: разорение с превращением, как и оно же превращение с разорением, как и покорение с разорением, или же разорение с покорением, а потом освобождение с неустроением, или неустроение с освобождением, как и

устроение с подавлением, или же подавление с устроением, а тут, понимаешь ли, возрождение с *перерождением* (от СССР и России к не-СССР и к не-России), или же перерождение (как раз то самое, о чем выше в скобках) с *возрождением*, а все-таки *чудо* — ЧУДО!, давшее шанс не только выпрыгнуть из бездны, запрыгнув в Неизвестность, но и допрыгать… э-э… до чего-то и впрямь особенного и великого да при этом еще и… *своего*!

Ино-странно-шествие

Кого выпрыг и куда? Ясно, что страны, называвшейся Российской Федерацией, к какой-то *иной*, чем прежде, стране, да еще и *по-иному*: без социальных потрясений и спровоцированных рывков, даже и вкрадчиво, отрекшись от «лихоманки» бурных 1990-х, но скрепляя и закрепляя важнейшие как фундаментальные, так и надстроечные обретения славных 1990-х: что капитал-экономические — само собой, глобализованные, что культо-культурные, исходно и актуально по преимуществу тоже не свои, а либо уже ранее взятые извне и освоенные, либо лихорадочно только что привнесенные.

Так вот, все вроде бы и пошло-поехало в РФ с появлением на рубеже XX и XXI вв. обновленного правления раздрызганной страной и более всего с физическим воскрешением населения и воссоздания его среды обитания. Страна тогда, что называется, задышала, хоть и полуили недо-вывернувшись (о полном выворачивании вывернутого даже и речи не шло), оставив позади аномальное, хоть и на редкость свободное (***воля***!), бытийное состояние 1990-х, но зато и оставив в целом в сохранности, вовсе и не выворачиваясь, благообретенное в 1990-х устроение бытия, вполне и без слов оправданное: хозяева (естественно, новые) наверху; массы (естественно, трудящиеся, не слишком трудящиеся и вовсе не трудящиеся) внизу; расчетливо услужливые, но немало эгоистичные и весьма безразличные ко всему на свете, кроме самих себя, управляющие, менеджеры по преимуществу при этом малоэффективные, а также разного рода спецы, профессионалы, знатоки, в меру удачливые, как и не в меру все более связываемые по рукам и ногам всякими безумно, но зато охотно заимствованными на Западе регламентами. В общем, все как обычно: и «демократия» тут, как и везде, с густым замесом плутократии, и столь важный для новых верхов новейший деспотизм, как раз финансово-административно-цифро-электронный, вовсе на вид и не грозный, даже улыбчивый и чуть ли не стыдливый, весьма и

произвольный (произволовый), но зато для верхов очень даже эффективный.

Не состоялось, обращаем еще раз внимание, в полном смысле слова никакого полного выворота, а был лишь выгодный для устроительно-правящих верхов *полу-недо-выворот*, нет, не косметический вовсе, а, скажем так, благообразненский по наружности и верхуугодненский по функционалу.

Однако… верхи наши вдруг осознали кое-что для себя экстраординарное, а именно, что им не только нет достойного места в западных верхах, кроме разве как в прихожих, и это несмотря на G8, оказавшейся лишь лукавой ловушкой-подкидышем, как и осознали наши верхи, что им вкупе с РФ отведена сугубо вассально-колониальная роль в западном клубке высшей знати и в клубе избранных наций, что они — все эти наши верхи — не более чем нанятые Западом управляющие его — западного — большого имения, лишь называвшегося до поры РФ, отчего и явилась на свет в 2007 г. претенциозная, если не попросту демаршевая, пусть и вежливо произнесенная речь лидера РФ в Мюнхене — аки заява на иные, так сказать, партнерские отношения, аки заява на суверенность (!) выпестованной Западом и от него вовсе не отпрядывавшей постперестроечной РФ.

И что же? А ничего, точнее, кое-что получили ответкой от Запада, мало что недоуменные упреки, так еще и кое-какие выпорочные репрессии, а главное — сначала не очень выраженную, а потом все более рисуночную, гибридно-гуманитарную войну с укреплением позиций НАТО вблизи рубежей России, включая натовскую вестернизацию Украины, оживление и расширение антироссийской кольцевой «Анаконды», включая создание и действие микробиологических лабораторий по границам РФ, беспардонную санкционно-конкурентную технолого-экологическую битву с РФ, с российским бизнесом, поощрение внутрироссийского прозападного и антироссийского «гражданского лобби», яростную информационную против РФ русофобскую буффонаду, — и все это от Запада в качестве попытки либо по-хозяйски «образумить» зарвавшееся российское правление, либо, коли оно не образумливается, то и убрать его с глаз долой, заменив на честное прозападно-вассальное, а то и вообще убрать Россию с зе́мной карты, расчленив ее и по частям к себе присовокупив.

Ну а после киевского майданного наци-переворота, крымского чуда-прыжка РФ, донбасского восстания против киевского наци-украин-

ства, сирийских с благоносным участием РФ событий мир земный получил не что иное, как вполне себе горячую на территории Европы в ее украинском анклаве *войну* — ВОЙНУ!, причем хоть и по внешнему факту между Украиной и РФ (можно сказать, что и между РФ и Украиной), а на деле-то войну Запада (США, англосаксов, того же ЕС) не так даже против РФ, как против все того же, против чего весьма было даже и само на тот момент РФ-правление, а именно — против ***России***!

Тут-то российское, хоть и в культо-бытийном плане — все еще прозападное правление и сообразило, что перед ним очень сложная и очень коварная угроза-риск: мало что от Запада, что стало понятным, но и от самих же себя, остававшихся *без надежного тыла*, которым как раз и была, как всегда, ***глубинная Россия***, как раз та самая, которая, оказавшись в основном в нави по итогам 1990-х, не только не перестала быть Россией, но еще и каким-то неведомо чудесным образом оставалась, пусть и лишь весомой в РФ-яви тенью (о-о, эти парадоксы Бытия-Истории — весомой тенью, надо же!), как оставалась она в том же СССР, все более при этом обращаясь во все более весомую реальность, как раз все более при Сталине.

И пришлось нашим вестернизированным и оглобализованным правящим верхам обратиться не только беглым взором к этой самой глубинной России, разумеется, не для того, чтобы окончательно и бесповоротно вытащить ее из нави в явь, а лишь для того, чтобы использовать ее теневой образ в воссоздании для себя более или менее надежного, невольно становившегося все более по духу и норову пророссийским *тыла*, мало того, *цитадели*, а вовсе не какой-то там «крепостцы», что верхам, да и всей стране, очень даже пригодилось, когда мировая реальность вдруг откровенчески *разверзлась* и предстала *совсем другой*, мало что открыто военной (боевой), так еще и неприкрыто злобно-лживой со стороны Запада в адрес уже не так РФ, как собственно России, но при этом реальность предстала и вполне себе оправданно-разоблачительной, как и оборонительно-контрнаступательной, но уже со стороны не так РФ, как собственно России, в адрес не на шутку оборзевшего истерически Запада.

Изворотливый паллиатив: выход или невыход?

Какой-такой еще вдруг паллиатив? Как раз тот самый, какому доводится следовать нынешнему российскому правлению, а под его эгидой и РФ с сидящими в ней Россией и анти-Россией, когда вожделенный для российских западников Запад покровительственно и образцово угнездился в РФ и при этом самозабвенно с РФ-Россией воюет, стремясь

ее уже не так подчинить, как уничтожить, в то же время, когда вестернизированная и оглобализованная РФ, сопротивляясь, вынужденно бьется за себя с немало ее только что очаровавшим и заколдовавшим Западом, стремясь не так избавиться от сего очарования и колдовства, как попросту остаться на Земле, уцелеть, выжить, не выдавливая из себя насовсем Запад, столь страшной изменнической ценой его в себя впустившая, вобравшая и им теперь насквозь пропитанная, мало того, там — на Западе, еще и частью своей западнической не без удовлетворения бытующая, стремясь там — на Западе, остаться навсегда, хоть и там же навсегда, судя по всему, сгинуть, отчего получается в общем-то черт знает что: война на полях Украины не так с квазинатовской Украиной, хоть это и имеет свое неизбежное место, как с развернувшимся против РФ-России Западом, но… (Sic!)… не так *против* наглого Запада, как… *за себя,* однако за себя все-таки… *западническую,* хотя при этом и себя целостную, суверенную, великодержавную!

Если для Запада сия им желательная война есть война не на жизнь, а на смерть — РФ-России, конечно — не себя же, хоть и неукротимо загнивающего, но все равно непревзойденного-де и даже чуть ли не вечного, то для РФ-России сия вынужденная война не на смерть как раз — себя, а за жизнь — как раз себя, однако какой же себя в итоге?

Каверзный вопрос, недопустимый в приличном интерсобрании, а для внутристранового ракурса попросту и попусту провокационный!

Что ж, кто знает ответ на сей подлый вопрос, пусть и ответит, хотя бы для себя, не для ученой же братии стараться, все равно не поймет, да и спорить непременно будет, хотя бы изуверски наоборотно.

Автор сего опуса, конечно же, ничего такого не знает, ничего такого от ведущих на Украине странную войну с Западом отечественных верхов он не слышал, отчего может только малость порассуждать, да и то не как всезнающий эксперт, а всего лишь как ничего вообще не знающий, кроме, пожалуй, самого незнания, кое-как мудрствующий гуманитарий, правда, мало что русак, так еще и верный гражданин РФ.

Итак, за что сражаемся, друзья?

Ежели за Россию, как нас уверяют, взбодрившиеся вдруг медиакомментаторы, то тогда за какую же Россию: за *их* — ее владетелей, или за *нашу* — ее коренных насельников?

Ежели за *их*, то бишь за ту, которая уже *есть* — одно дело, пожалуй что, и гиблое, ибо противоречиво тупиковое: воевать с Западом за весьма уже протухшую от западнизма прозападную по контенту

Россию — это ли не провально исторический абсурд, господа? А ежели воевать за *нашу* Россию, то надо, господа верховники, существенно *все* в стране менять, как и самим столь же существенно меняться, достигая вместо уже устроенной и полюбившейся владетелям вестернизированной страны, вовсе и не оригинальной, социо-экзистенциальной иерархии (о которой мы тут малость кое-что сказали выше), кстати, смешанной европо-азиатской, достигая в итоге другой иерархии — ***соборной***, сочетающей единение всех с их же — этих всех — разнообразием, однако на условиях… нет, не «свободы, равенства и братства» (увольте, господа!), а всего лишь возможности личного *выбора,* уважения личностного *достоинства* и неукоснительного полагания общественной *взаимности*!

А иначе ни войны не выиграть, ни страны не сохранить, ни будущего не отстоять, в общем — можно вдруг и без страны остаться, ибо дело тут не в одной только войне России с Западом, но и в войне за Россию в самой России, которая, надо заметить, куда сложнее, труднее и страшнее войны с этим треклятым Западом (черт бы с ним, с Западом, нам бы Россию воскресить — как ***Российскую Россию,*** а не какую-то там еще!).

Главное тут в том, что ничего иного — ни проекта, ни пути, ни решения — нет: либо Россия по сути своей российская, либо ее вообще нет, а экзистенциально-геостратегический паллиатив меж западнизмом и местным европо-азиатским этатизмом (деспотизмом) Россию не спасет, да и кому она вообще нужна — этакая странная *не*Россия, кроме, конечно, ее пространства и ее ресурсов, даже и части ее нынешних насельников, разумеется, в роли чьих-то рабов?

Думать надо, думать, а думать-то уже и некогда, а потому действовать надо, разумеется, не безумно — как раз в направлении к России — что думать, что действовать, а она — Россия — не подведет!

Resume

Война на то и война, чтобы все обычно сокрытое, скрываемое, задушиваемое и замазываемое вдруг обнажить, что и делает нынешняя укро-российская-де война, обнажающая обычно прикрытую пустыми словами, тупым молчанием и лукавыми недоговорками гнусную реальность — что нашенскую, что любую «ихнюю», что вообще всеобщую, а реальность-то, она вот какая, не то что не такая, какой обычно представлена и представляется, а, увы, совсем другая, но это еще не все, она крайне неприглядная, это мягко говоря, и другой она, то бишь хотя бы

приглядной, к сожалению или нет, вряд ли когда станет, что, конечно, не значит, что за реальность как все-таки приемлемую для все-еще-человека реальность надо бороться, пусть даже и «войновски», при этом не в басню бороться, а в правду, немало при этом ***выворачивая вывернутое*** — как раз в направлении от антимировской тьмы, охватившей вывороченный ею мир, включая, заметим, и Россию, к мировскому, конечно же, экзистенциальному, свету, что как раз нынешняя, сама-то тьмою еще всецело распятая, Россия, хочет ли она этого или не хочет, как хотят ли этого ее правители и насельники или не хотят, вынужденно, но при этом и сакрально, и делает!

Одержать локальную победу над заблудшей Украиной, как и отбиться от блудливого Запада можно, хоть и трудно, главное — отбиться от сидящей в России *анти*-России и одержать России победу над самою собой — тоже ведь немало заблудшей, да вовсе не только в западные златолюбивые кущи, а и в свою собственную закулисную преисподнюю, откуда выход только один — через ***преображение***, — вот на это текущие ныне обстоятельства и происходящие на глазах происшествия, включая и «войновские», и работают!

Да сбудется!

«Философия хозяйства». 2022. № 4.

РАЗВЕРЗШАЯСЯ РЕАЛЬНОСТЬ И (НЕ)ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Именно так: разверзшаяся мировая и отечественная реальность, все и вся обнажающая и себя так или иначе по-своему преобразующая, и (не)возможность целеположенного системного преображения, да не кого-нибудь или чего-нибудь, а для нас прежде всего родной страны — России (Российской Федерации), оказавшейся по воле бытия-истории в эпицентре бытийно-исторического разверзия, испытывая острейшую потребность не в частичных и поверхностных, а в целостных и глубоких переменах, воистину преображенческих!

Мировая война, которая ныне уже никем не отрицается, хотя фактически никогда и не прекращавшаяся, лишь то затихая, то усиливаясь, делает свое дело, сбрасывая сегодня как ирреальную исказительную пелену с реальности, которая хоть немало и мир-мир (мирная реальность), но совсем и немало при этом и мир-война (то бишь вовсе и не такая уж

мирная реальность), так и сбрасывая иллюзийную пелену с глаз и умов людских, предоставляя им возможность как прозорливо выйти на фактически реализующую реальность, так и убедиться в неистинности, если не прямо во лживости, расхожих о ней представлений, включая политические, идеологические, научные, философические, даже и религийные, как и попросту обыденные.

Да — война!, точнее, ее горячая вспышка, если не фаза, в которую оказалась втянутой РФ, та самая война, которая беспощадно вскрывает реальность и требует разного рода, масштаба и глубины перемен — ПЕРЕМЕН!, причем не в одной только России, а и по всему миру, включая и сферу международных отношений.

Ничего не поделать: большие и радикальные перемены приходят в мир обычно с войной и по ее итогам — и не очень-то важно, с какой войной и для кого каким конкретно итогам — победным ли, пораженческим ли или же всего лишь никаким.

Не осознавать актуального всполоха войны посреди погружающегося в хаос мира, как и ее — этой войны — непредсказуемости, что по ее ходу, размаху и мощи, что, в особенности, по ее итогам — никакая не ошибка, а самое настоящее преступление, могущее иметь катастрофические последствия для неосознающего, да и не только для властей предержащих, как бы ведущих войну, но и для стран, народов, наций, для всего планетарного человечества.

Все то же самое можно сказать и по поводу прорывающихся или уже самоидущих в мире, как и в той же России-РФ, перемен, особенно же в России, ибо тут для нас Родина, Отечество, Дом, Свои (что мы сами, что наши предки, что идущие за нами потомки): не осознавать при этом и необходимости вполне себе целеположенных перемен в мире и в России-РФ, как и потребности в преображении России-РФ по вектору от глобо-вестернизации к национал-россиезации (движения России к самой себе!) тоже уже никакая не ошибка (война ведь, да еще и война-то не так с РФ, как с именно Россией!), а самое что ни на есть, как это уже было совсем недавно на рубеже 1980—1990-х гг., пусть для кого-то и невольное, преступление (для того и война, как раз война с Россией, война на ее уничтожение, причем не столько как страны с захватом ее ресурсов, сколько — пусть это и для кого-то из соотечественников очень уж странно, а то и невозможно звучит — как… идеи — ИДЕИ!, разумеется, через рассеяние, разделение и по частям рабское подчинение, если не геноцидное уничтожение ее — этой сакральной по своей духовной сути

идеи — носителей — россо-россиян!).

Священная для Запада (для Англии, для кое-какой Европы, теперь вот отчетливо и для США) война против России, какой бы ни была Россия-РФ по актуальному образу и как бы она ни признавала и даже не любила Запад, война эта, хоть и разная по обличью и дискретная по исполнению, но фактически непрестанная, даже и когда Россия-СССР оказывалась, как это произошло все на том же рубеже 1980—1990-х гг., «сдаденной» Западу, как и когда возрождалась в 2000-е гг. не без согласия и даже поддержки все того же Запада (США как и властителей мира сего — тех же финансовых воротил, а не только политиков и концептуалов), разумеется, не без вестернизации и эксплуатации натужно поднимавшейся России-РФ, однако и с расчетом сделать вассальную РФ тараном против набравшего мощь Китая, — так вот сия война всегда (слышите, господа, — ВСЕГДА!) имела место, лишь меняя форму, конкретные задачи, текущие задачи, средства, тактику, ну и накал тоже, но никогда не меняя главной стратегической цели — подчинения России, ее и уничтожения.

Важнейшая констатация, позволяющая понять как нынешнюю целевую конфронтацию Запада с Россией, а России-РФ с Западом, пусть со стороны России и вынужденную, так и все последнего времени украинские события, включая и развернувшиеся на территории Украины боевые действия — а вот между Россией и Украиной или все-таки между Россией и Западом, тут уж все одно!

Какими бы ни были текущие поводы к возникновению этих боевых действий, как и ближайшие доводы по объяснению и оправдыванию этих действий с обеих конфликтующих сторон, за нагромождением всех возможных, включая и фальшивые, аргументаций стоит для России-РФ нечто бесспорно реальное и мотивационно утвердительное, хотя и не могущее быть признанным ни Западом с США во главе, ни, конечно же, обандерившейся Украиной, а именно: защита, сохранение и утверждение на будущее русского (россо-российского) мира, а тем самым и России, которой не на что более экзистенциально-борчески опереться в мировой не на жизнь, а не смерть геостратегической схватке, кроме как на русский (россо-российский) мир, обеспечивая тем самым свою безопасность, свой суверенитет и свое будущее, а в мировом масштабе, возможно, и выживание и существование — уже не под гнетом Запада и его финансовых акул — всего планетарного человечества.

Да, Россия, хотят ли этого в России или нет — быть может, единственный на планете, авангардно-реактивный, вполне и экзистенциальный, еще и концептуально самый опасный противник Запада — и это несмотря на практически тотальную вестернизацию пореформенной РФ и ее включенность в глобальные заокеанского плетения и заброса ментальные, идеологические, культурные, экономические и ново-технотронные сети!

А все почему? Ни Западу от себя не уйти — империальному, колониалистскому, агрессивному, самоуверенному и наглому, ни России — несмотря ни на что модерновое все равно своеобычной, имперской, сердобольной, да еще и, опять же несмотря ни на что, Западу альтернативной, причем вовсе не отделенной стеной от Запада, а с ним пытающейся взаимоприемлемо, даже и охотно, взаимодействовать. Парадоксально, но факт! Однако тут не чьи-то субъектно-субъективные парадоксы, хоть и не без этого, даже и не парадоксы самой объективной реальности, хоть тоже не без этого, а вполне себе трансцендентные парадоксы, обязанные своим наличием в реальном бытии-истории чему-то неизвестному, иному, для мира зе́много внешнему, чуть ли не чему-то потустороннему, а может, как раз и Божиему, — кто знает?

Запад нынче в крутой конвульсивной тряске, возникшей прямо на пике его — Запада — имперо-колониального могущества, самодовольного паразитарного процветания и самоуверенного господства над земным миром. Помимо того момента, что ежели уж на пике, то дальше уже только вниз (закон бытия!), так еще вдруг ни с того, ни с сего проснулась в анти-западном, точнее, в анти-западо-империальном (доминационном), настроении, переходящем в деятельный раж, вполне вроде бы вестернизированная и чуть ли уже не вассальная относительно Запада, даже вполне себе как будто бы и прозападная, РФ, она же в данном случае и Россия, как раз та самая — глубинная (и в веках неистребимая!).

Анти-Запад от России! Этого еще для передового во всех отношениях Запада не хватало! Чего-чего, но уж этого Запад (США прежде всего, Англия) стерпеть никак не мог, да не потому что уязвленным и даже обманутым себя почувствовал, а потому что сразу же ощутил для себя реальную угрозу, причем не так военную, как и не ту же экономическую, как… экзистенциальную, то бишь смысловую, концептуальную, целестратегическую, промыслительную, а главное — эсхато-апокалиптическую! И пошла в Западе тряска, сначала не очень заметная,

а потом все более и более противно выраженная, а вместе с нею (или заодно с нею) разразилась и война Запада с Россией-РФ, сначала гибридная, негромкая, чуть ли не вкрадчивая, а потом и вполне себе войновская, боевитая, то бишь горячая, громкая, раскатистая, аккурат на ловко разыгранной Западом антироссийской Украине — причем война уже напрямую с русским (россо-российским) миром, это с «ихней» стороны, и за этот же мир уже с нашей — пророссийской — стороны, — в общем, пошла война между Западом и Россией, как и между Россией и Западом, не разбиравшая, в отличие от политиков, идеологов и пропагандистов, кто тут прав, а кто виноват, ибо это была война, повторяем, не какая-нибудь, а экзистенциальная, да не так за изменение взаимоположений и структур в планетарном мире, как, опять же повторяем, не на жизнь, а на смерть, да не только, заметим не вскользь, непосредственных участников сей многогранной, немало и потаенной, даже и странной, войны, но и всех-всех на планете Земля, включая и ни в чем таком не виноватых антарктических пингвинов.

Ну, исчезнут с карты мира Россия, Европа, даже и США с Канадой, может, и еще кто, но зато у оставшихся какой вроде бы откроется шанс зажить, если и не привольно, то вполне себе сносно, однако нет, не будет этого шанса, ни у кого не будет без России, ибо мир человеческий, уже в целом достаточно свихнувшийся, вкусив токсичного западнизма, не имеет не то что сил, но даже понимания и желания взяться за прекращение сей эсхатологической войны и за добровольное со стороны всех ответственных субъектов планеты преображение человеческого (если уже в известной мере не постчеловеческого) мира.

И все-таки, неужели уже все, неужели лишь агония когда-то очеловеченной, а ныне настойчиво расчеловечиваемой планеты Земля? Зачем Запад самоуверенно и, заметим, вполне себе самоубийственно прет на Россию, зачем те же англосаксы, за исключением желания убить конкурента и поживиться за его счет, душат континентальную Европу, зачем США раздражают тайваньской занозой хитро-неторопливый Китай? Чтобы окончательно всех избранных ими на ликвидацию изничтожить и окончательно утвердить себя полновластными господами зе́много (уже и постзе́много) мира, включая и ближайший космос, не останавливаясь, видно, и перед уничтожением своего собственного, как бы и недочеловеческого, людского материала, наводнившего и поглощающего Запад с его Европой, Англией, США? Что, в Австралию подадутся полноценные-де англосаксы или куда?

Да, весь зе́мный мир сегодня, пусть и по-разному в разных местах, трясет, где посильнее и полихорадочнее, где послабее и не столь угрозно, однако… весь!

Мировое правительство, ведомое посвященными в конспиративное дело сильными мира сего, вообще говоря, либо не знает, что творит (что маловероятно), либо с ума спятило (снесло, так сказать, с катушек, что более, кстати, вероятно), либо все-таки оно знает, что вершит, но делать по-другому уже не может, ибо преобразить мир как человеческое целое оно не в состоянии, да и не хочет, а на оставление мира без себя на преображение кому-либо другому, включая даже Господа Бога, никогда не пойдет, отчего и общемировая тряска, и мир-хаос, и мир-война, в которых главным субъектным генератором служат США вкупе со своим бывшим, а, может, еще и нынешним хозяином Англией, как раз та самая тряска-хаос-война, что бывает предтечей полного разноса любого экзистенциального целого и его погибели.

Вообще говоря, когда мир человеческий стал однополярно-глобальным, как бы ведомым общепризнанным господином мира — США, мир стал не только активно и целостно превращаться под натиском новейшего (высокого!) техно-электронно-цифрового «оборудования» в вытекавший из США и растекавшийся по всей планете античеловеческий антимир и этим последним последовательно замещаться, но и, позволим себе так выразиться, переставать быть и собственно миром, становясь всего лишь пространством обитания массы все более уходящих от естественного человеческого образа «обыскусствываемых», пусть по виду еще и вроде бы человеческих, существ, во всяком случае, сие происходит в передовом, прогрессном, как бы и высшем ареале зе́много мира, не исключая в немалой степени и его российской (по именованию и геопринадлежности) части.

Разумеется, многое из вышесказанного можно легко принять за буйно разыгравшуюся фантазию автора, чему просто так и не возразишь: живем же, хоть и в хаосе, хоть и воюем, хоть и меняемся и мир меняем, хоть и сам мир меняется и нас меняет, даже ежели все это не без нарастающей новой апокалиптики, ну и что?!, а ежели теперь все или многое по-другому, так это же не впервой, как живали всегда, не минуя и вспышек хаоса, не всегда же и воевали, как и переживали большие перемены, так и сейчас живем, погружаясь в очередной прилив хаоса, воюем, переживаем большие перемены — и ничего!

Верно — и в самом деле ничего!

Взять хотя бы ту же войну: что она из себя есть и ради чего итожно, как и истошно, идет? Кто-нибудь на планете это знает? Если и кто-то чего-то знает, то, конечно же, помалкивает, а скорее всего, никто ничего такого не знает, ибо все более как-то само идет, хоть и с инициативами, и с планами, и с какими-то для кого-то итоговыми ожиданиями, а вот что же в действительности идет и куда идет, как раз то самое, которое куда-как шире, глубже и потаеннее, чем, пусть и разнообразная, и раскидистая, и немало сокрытая война как таковая, ибо это сам человеческий мир судорожно сражается сам с собой, переходя в иной мир (не в другой вовсе, как бывало, а именно в иной, отдающий ароматом то ли какого-то постмира, ныне антимирово дюже благоухающего, то ли, увы, не самого, быть может, обыкновенного, но все-таки, пусть и о-очень своеобразного, суетящегося, даже и бешено мельтешащего погоста).

Война на то и война, чтобы иметь самые невероятные не только ходы и конфигурации, русла и потоки, хаос и его сдержки, сгустки и дыры, но и увязанные с войной текущие и перспективные следствия, одним из которых может стать не что иное, как преображение — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, однако не самовлюбленных США, склонных ныне более всего к обратному действу — обезображению всего и вся в мире, включая и самих себя; не Китая, ждущего лишь своего китайского часа с полной и, быть может, окончательной, реализацией заложенной в нем издревле образоносной программы (зачем ему какое-то там преображение, коли он более всего склонен не к преображению, а к отражению самого себя в себе же самом); не той же бессрочной Индии, глубоко и надежно сидящей в своем собственном, проверенном тысячелетиями, не увядающем изображении, всегда ее выручавшем и, как, по-видимому, надеется Индия, выручит и в очередной раз; не, конечно же, преображения Европы, уже неспособной выдать на гора ничего, кроме нового издания фашизма, да вот уже не столь энергийного, не настоящего, скорее даже бутафорского, что, может, и вздернет Европу немного вверх, но не более чем на собственную, вполне и унылую, дыбу; разумеется, и никакое не преображение теряющей какое-либо вообще «ображение» Англии, дождавшейся не только развала своей мировой империи, но теперь уже поджидающей развала и самой себя, то бишь ждущей с нетерпением провиденциальной самоликвидации.

Ладно, дело, конечно, не в разных ранее или ныне могучих земно-имперциальных субъектах, их (не)возможностей к преображению, хотя в мироздании, в котором вольно разгуливает Иное и всегда таится,

ни от кого не прячась, Великая Неизвестность (что ей прятаться, коли она всего лишь… Ничто, да еще и великое!), всякое может быть, как и не быть, как раз, не устаем мы повторять от работы к работе, самое невероятное и, как правило, быть почему-то внезапно, так что и преображения кое-какие возможны в реалиях при всех их в реалиях же невозможностях.

Мир наш — земный, как и вроде бы не наш — внеземный, но таинственно все-таки тоже наш, как и не менее таинственно в зе́мном мире присутствующий, даже и по-своему в нем действующий, вовсе не механический, не логический и даже не вероятностно-диалектический, хотя что-то этакое в нем в меру и есть, а вполне себе как раз в чем-то главном весьма и весьма произвольный, однако не так, как это людям обычно кажется, а как-то иначе, хотя бы аналогично сознанию с его бессознанием, когнитиву с его мыслью, духу с его душою, в общем — наличествующий мир наш, как и не наш — непредсказуемо иной: что хочет и может, то и творит, пусть и с трудностями, провалами, откатами, со скрипом и скрежетом, а вот что творит, почему и для чего — вопрос, еще и безответный!

Мы видим сейчас нарастающую тенденцию к расчеловечиванию человеческого мира, замечаем, пусть пока и немногие из человеков, и «размировывание мира», как не можем не углядеть трансцендентную неслучайность, какой бы случайной она ни казалась, разгорающейся на планете общемировой со сложным характером войны, касающейся всех на планете — как явных участников войны, так и, хоть и тоже фиксируемых, ее до поры как бы неучастников.

Мир рушится, изменяется, хоть в чем-то и удерживаясь, в этой разгорающейся аки костер войне, как и попросту через посредство этой войны, а точнее бы сказать — не так в войне и через ее посредство, как в ситуации мира-войны.

Мир-война, да и только!

Да, сия война, а точнее — сей мир-война (или война-мир, это уж кому как нравится) может иметь разные последствия для ее явных участников и неявных (не)участников, причем самые, знаете ли, неожиданные, ибо каждый из зе́мных субъектов (уже во многом и псевдосубъектов), коли уж ему хочется как-то оставаться на свете и далее (может, уже и не субъектом, даже и не псевдосубъектом, а так… облаком), — коли, конечно, сам мир земный далее останется, да не как облако пыли, — должен так или иначе отпрянывать от жутко беспощадной дороги антимировского расчеловечивания и размировывания мира и, что самое трудное

и почти что невозможное, не просто стать при этом другим, а воистину преобразиться, пусть не через мучительное преображение — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, предполагающее не что-нибудь, а одержание страдательной победы над самим собою, то хотя бы достижение в себе самом знаменательных перемен, причем на контртреке относительно нагрянувшего в человеческий мир не просто антигуманного, а прямо-таки сатанински античеловеческого антимира, включая и его новейшую технологическую составляющую, поглощающую человека и человечество аки ядовитый и удушающий, сводящий с ума «сиреневый туман» (считай, что и бездный).

Да, вроде бы удобен массовый хай-тек, быстр, ловок, даже и непорочен, работает вовсю в режиме «реального времени» (как будто мирозданческое время, вселившееся в сознание людей, есть что-то нереальное, а вот..!), но зато работает с каким-то рассыпанием социумов и отчуждением людей друг от друга с какими-то постправдами, постморалями и постсоциалями, ну и, конечно, с поступравлением, правда, уже все более скрытым управлением «постлюдями» в среде постсоциумов, если уже и не в гуще постжизни.

А вот и главный для любого все-еще-российского (не по названию и по геопринадлежности) все-еще-человека вопрос: а удастся ли все-еще-соотечественникам одержать самую крутую из (не)возможных побед, да не так в самой по себе войне, хотя это вроде бы и важно, хоть и немало проблематично, ибо что вообще-то тут считать априорно и посчитать апостериорно за победу?, как одержать победу… над самими собою, причем надо всеми сразу, разумеется, через сброс с себя, с социума, с России не только прозападного анти-мировского ига, включая и финансовое, и капиталовое, и даже лукаво обзываемое рыночным торгово-торгашеское, но и своего собственного, тоже ведь античеловеческого, как раз пореформенного, ига: циничного, коррупционного, лживого, мошеннического, симуляционного, разгильдяйского, хаосного, антигосударственного, антигражданского, антисоциумного, антинационального (хватит, пожалуй!), да и не впасть ненароком в немалой степени уже и домашнего внедрения электронно-цифровое рабство?.

И вот что тут можно сказать, однако не без сначала чего-то не-(или не очень-)утешительного — одного и другого, но так же и… нет, не вполне уже утешительного, конечно, а попросту, как бы возможного, но при этом и весьма невозможного, в общем — (не)возможного!

Первое. Позиционирующие действия высшего правления РФ

во все более разгорающихся международной и внутристрановой кризисных, включая и военную, и мобилизационную, ситуациях так или иначе показывают, уже и достаточно убедительно, что функционирующее кое-как общегосударственное правление (об истинно эффективном управлении социумом и в нем происходящими и вершащимися процессами, да еще и в интересах самого социума, говорить пока что не приходится), не собирается ничего в РФ кардинально менять, в целом (пусть и почти в целом) довольствуясь тем, что есть, причем есть, то бишь возникло, не без активного на то делового пособления самого нынешнего правления, а уж ежели что и менять в стране, то либо частично и в рамках в основе устраивающей правление системы, либо попросту имитационно, как раз ради неутешительного утешения тех или иных вопрошателей и протестантов. Таков неутешительный в целом вариант не слишком подвижного по сути движения нынешней РФ-ситуации… эээ… куда?

Второе. Правление сегодня находится не в лучшем для себя и для РФ положении, а главное, в обстановке нарастания существенных (скорее, сущностных) крутых и неотложных, весьма и рисковых, проблем, которые оно не очень-то склонно, да и попросту не очень-то и умеет, приемлемо для страны разрешать. Развивающаяся помимо воли правления не слишком благоприятная для него и РФ ситуация давит и давит, выдавливая из правления решения и действия, которые ему, мягко говоря, не по душе, но которые настойчиво требует объективная реальность, отчего и феноменальная «раскоряка»: делать ничего противосистемного не хочется, а что-то делать все-таки надо, причем не просто принимать какие-то меры вроде, как оказалось, весьма «дырчатых» СВО и той же частичной мобилизации, а, уж извините, вершить кое-какие жгуче неприятные для правления преобразования, не просто недружелюбно затрагивающие, но и болезненно изменяющие только что выпестованную пореформенную РФ-систему, причем выпестованную не без поддержки и участия еще совсем недавно дружественного-де, а теперь вот и вполне враждебного-де Запада. Тут возникает кое-какая надежда на кое-какие, пусть и не полномасштабные и не слишком радикальные социохозяйственные, включая и управленческие, перемены, так сказать, ситуационно вынужденные, если не выдавливаемые самой текущей по своему собственному треку назойливой реальностью. Будут сии перемены или нет, кто знает, однако некий «форточный шанс» для них и в самом деле открывается, порождая некоторую толику выжидательного

утешения: а вдруг нынешнее правление и в самом деле займется, самопреобразуясь, навязываемыми разверзшейся реальностью переменами!

Третье. Разверзшаяся реальная реальность, достигнув — возможно, и в совсем недалекий срок — какой-то уже невыносимой для любого социума с его истеблишментом кульминации, буквально заставит, грозя катастрофой, сначала радикально изменить правление, его характер, цели, методы, в сторону, конечно же, сосредоточенной жесткости (хотя бы по мотивам и на принципах военного времени), а затем и пойти на уже остро необходимые и неотложные перемены в устройстве и жизнеотправлении социума, после чего — разумеется, не сразу — может возникнуть (всего лишь при этом может, то бишь без большой на то сегодня уверенности) тенденция сначала к преобразованию, а затем и преображению — ПРЕОБРАЖЕНИЮ! — России-РФ в истинную, а не вестернизированно обряженную, антимировски прихваченную и немало внутренне рассогласованную РФ, Россию — РОССИЮ! Верится ли? Больше, конечно, нет, чем да, но поскольку в реальности случается всякое, да еще и самое невероятное, причем случается, как правило, внезапно, то почему же… нет, не верить, конечно, а всего лишь… почему же не надеяться, отчего у нас не возможность преображения, а опять же лукавая (не)возможность, то бишь возможность и невозможность в одном, как говорится, флаконе, а уж что на самом деле выйдет, когда и как, это будет решать сама реальность, причем не без участия каких-то провиденциальных сил — что высших, что низших, это уж как сложится, а может, и разложится — аж до «черной дыры» и «темной материи», — кто знает?

Что же в итоге получается, кроме неопределенности, потаенности, многозначности мировой и отечественной ситуаций, их своевольности и чуть ли не неодолимости человеком, как раз уже человеком-«не», т. е. (не) знающим (вполне или достаточно знающим), (не) действующим (вполне, достаточно и в нужном направлении действующим), (не) управляющим (вполне или достаточно эффективно управляющим)?

Да-а, сейчас именно так: не, не и не, хотя и не нет, нет, нет, как и, заметим особо, не да, да, да! Именно «не», которое заключаем в скобки — (не), (не), (не). Время, понимаешь ли, такое: прервавшееся, провалившееся, испарившееся, то бишь… время безвременья, причем вполне себе и величественного безвременья — БЕЗВРЕМЕНЬЯ!

И что же? Кто или что нас выручит? Либо сами выручим себя, одерживая победу над собой и преображаясь на пути опять же к самим себе, либо, знаете ли, никто, ибо Господь, на которого можно, конечно,

надеяться, самим ничего с собой и перед собой такого не делая, не очень-то бывает на стороне не то что валтасаровцев, но даже обыкновенных ничевошников, не говоря уж о предающих свое сакральное этно-национальное изначалье «гражданах мира».

Время сейчас не зовет вперед, а безвременье вовсю давит — выстоять бы, преобразуясь, а преобразуясь, выстоять! Вот такая вышла ныне неразвязываемая просто так бытийно-историческая завязочка, ранее, может, и бывалая, да вот все-таки не такая, как ныне — крайняя!

«Философия хозяйства». 2022. № 5.

2023 г.

БУНТАШНЫЙ МИР И РОССИЯ

На этот раз понесло, словно взбесившегося апокалиптического коня, прогрессивный, всевластный Запад: только-только, добившись крушения СССР и мировой соцсистемы, вестернизировав весь планетарный мир, подчинив себе ООН и всю «свору» международных организаций, взгромоздился было Запад в лице прежде всего США с Англией подмышкой на мировую вершину в качестве единоличного хозяина планеты и… на тебе! — затрясло вдруг Запад прямо изнутри, аки при подземном землетрясении, и США затрясло, и Англию, и континентальную Западную и Центральную Европу, и весь незападный мир затрясло, однако иначе — не так от самих себя затрясло — как затрясся Запад, как от Запада затрясло в желании избавиться от западного владычества, нет, не провалиться при этом в тартарары, куда устремился трясущийся Запад, а, наоборот, отпрянуть от «тартараров» вкупе с зависшим над ними Западом, переделаться, стать другими, зажить на планете без обезумевшего Запада.

Да, именно так — от обезумевшего Запада, время чему как раз с победой Запада над миром и пришло, ибо победа такого рода вдруг оказывается не то что мнимой, — это еще полдела, — а воистину… роковой, причем печально роковой, чем-то вроде победы альпиниста, забравшегося на вершину как будто бы Эвереста, а на самом деле… Вавилонской башни, которую вдруг затрясло и которая пошла-поехала по пути самоуничтожения.

Ничего не поделать: время пришло — ВРЕМЯ!, аккурат для Запада пришло, для США с Англией, время конца их — англосаксов — времени,

отчего и затеяли они — англосаксы — войну с Россией — их вроде бы уже вестернизированным ими же… антиподом, ибо хоть и удалось им вестернизировать поверхностную Российскую Федерацию, да не удалось — и не могло удастся! — стереть в порошок глубинную Россию, выпарить из той же РФ, рассеять в пространстве мироздания российское ноосферное облако, что, кстати, не удается сделать (вот уже сколько веков!) и имманентной России анти-России, даже и самой России не удается избавиться от самой себя, а что уж каким-то там англосаксам вдруг избавиться от России, избавляя-де от России и весь мир, который, может, и не возражал бы против этого, да вот что-то ему мешает, и не только ядерная сила России, а и что-то другое — мистическое, ибо от России в мир исходит нечто такое, что не исходит ни от кого в мире — жить не то чтобы не по лжи, хоть кое-что в этом и есть, и жить… э-э… не так для себя, как для всех, так для себя, как для всех, во всяком случае, очень не только для себя, а как раз очень зачем-то для других: поддерживая, удерживая, спасая, выручая, даже и облагораживая.

Бесчеловечная-де для себя Россия — единственный в мире мощный источник… человечности, да не той, не англосаксонской, даже и не собственно христианской, а какой-то своей, еще и доисторической, а именно дружеской, товарищеской, добротолюбской.

Русским все любы, даже и англосаксы, только англосаксы этого не поняли, посчитав сие к ним доброрасположение за слабость русских, за возможность их колониально себе подчинить, а то и вообще от них избавиться, да вот мироздание с миром, не говоря о самой России, почему-то с этой англосаксонской перспективой не согласились, предоставив англосаксам с их сателлитами возможность трястись от самих себе, от мира и от давно проклятой ими за антиподность загадочной России.

Да, в чем России с ее русскими насельниками не откажешь, так это в загадочности, да не в китайского, индийского или арабского образца, а совсем другого, восходящего не китайской, индийской или арабской закрытости, а к русской и только русской… открытости, чего ведь никому на свете не понято и чего нагло непонятливым анлосаксам остается лишь страшиться, а страшась, затевать с Россией войну, надеясь убрать Россию со света, хорошенько поживиться за ее счет, а главное, унять свою апокалиптическую дрожь и избежать собственной от нее по примеру Вавилонской башни погибели.

Что ж, Россия, только-только по-современному вестернизированная, колониально деиндустриализованная, жадно обглоданная своими

и чужими хищниками, как наивно-де, так вовсе и не наивно обманутая, прицепленная вроде бы надежно к Западу в качестве вспомогательной (ресурсной) платформы, правда, еще и вполне оцифренная, окомпьютеризованная и осмартфоненная, разумеется, от Запада и Востока зависимая, мало что вдруг заговорила устами своего лидера, да не где-нибудь, а прямо в логове, как вскоре выяснилось, не просто геостратегического, но и воистину экзистенциального врача — в славном изящными предательствами граде Мюнхене о себе как самостоятельной (не смешно ли?!) самости, так еще и, ничтоже сумняшеся, приняла брошенный ей Западом дуэльный вызов сначала (2008 г.) и потом, уже сейчас, на кавказской площадке, а затем и ныне, помимо Кавказа, Средней Азии и Ирака, по преимуществу на разгоряченной русофобией восточно-европейской площадке — на украинской прежде всего, да и на польской тоже, прибалтийской, болгарской, румынской, молдавской, — чешской, словацкой, пойдя на сей вызов практически одна, но зато под заинтересованные, почти что и секундантские взоры всего оставшегося мира: «Чья же возьмет?!».

Да, дуэль пошла, однако, в отличие от обычных дуэлей, затяжная, со сменой стрелков, оружия, позиций, тактики и стратегии, в общем — непонятная, странная, загадочная, этакая прокси-дуэль, а может, и попросту квази-дуэль, хоть идет она с затратами, потерями, жертвами, однако для России и с приобретениями, точнее возвратами своего, исконного, когда-то опрометчиво раздаренного.

А братушки в таких вот дуэльных делах, как водится — и самые злые, беспощадные, еще и безрассудные, да что безрассудные — бешеные!

А что Россия, хороша что ли?

Нет, не хороша вовсе, однако иной России у нас — русо-россиян — нет — пока, во всяком случае, нет — так что ничего тут не поделать: «За Россию, братья и сестры, за Россию!», причем за эту самую, что есть: для кого «мамку добрую», а для кого и «мачеху злую», а для всех — что тех, что этих, что еще каких — все-таки мать родную!

Вот и пошла выверка, и пошло испытание, и пошла инспекция, и пошел отбор, причем всего сразу: преданности, готовности, умелости, решимости, сознательности, помраченности, враждебности, да не одних лишь руссо-россиян, не только противников, сторонников и чуть ли не союзников РФ, как и не только действующих в РФ социума, хозяйства, власти, армии, но и самой по себе России как экзистенцирующего

на Земле и в Мироздании феномена — исторического, нынешнего, будущного, вроде бы наскрозь открытого, да вот как-то не особенно разумом схватываемого, точнее, вовсе и не схватываемого, вполне и конспиративного, ибо не от мира сего Россия, а от какого-то иного, может, еще и не бывшего, да-да, именно так — не бывшего, а чтоб он проявил себя в настоящем, конечно же, будущем настоящем, мироздание с зе́мной ноосферой и затеяли эту безумную экзистенциально-эсхатологическую дуэль, определив ее неизбежной жертвой, страшно сказать… передовой, прогрессивный, всевластный Запад!

Однако тут не все так для России просто: чтобы выйти победительницей из этой безрассудной со стороны Запада и весьма рассудной со стороны России дуэли, России надо провести совсем не поддающуюся человеческому рассудочному восприятию дуэль — с самою собою!

Да, да — с самою собою!

Надо убить в себе… э-э… дракона, нет, нет, вовсе не какого-то там китайского, а своего собственного, самой его родившего и самой же вскормленного услужливо подсунутым ядовитым, настоенном на изысканном сатанизме, вестерном молоком!

Вот и суперзадача, вполне по виду и не решаемая, но с которой Россия обязана непременно справиться, осуществив внутри себя необходимые для самой себя в сторону самой же себя перемены, как раз те самые, что хорошо в общем-то уже известны, — тут нет никакого секрета: национальные (антиглобалистские), дирижистские, нравственные, очищающие, соборные, для чего не о сути перемен размышлять надо, а их — перемены — исполнять, для чего нужны понимание, желание и воля, — и ежели действующий ныне субъективный фактор не окажется на это способным, то в дело вступит объективный фактор — сама Россия, да так лихо вступит, что никому из бездействовавших, противодействовавших и попросту мешавших исполнению великой исторической задачи субъектов мало почему-то не покажется!

«Не буди лихо, пока оно тихо!», правда, не так уж это надвигающееся лихо, откровенно говоря, уже и тихо: «Что-о, разве в общей какофонии взбунтовавшейся мировой реальности его совсем уж не слышно, а-а?!».

«Философия хозяйства». 2023. № 1.

СЖАТИЕ

Хоть гуманитарность нынче и на паузе, но остаточный гуманитарий не может не думать обо всем происходящем с миром человеческим, в котором вовсе не только царит хорошо заметная внешняя (феноменальная) кризисная турбулентность, но и нарастает скрытое внутреннее (ноуменальное) напряжение, грозящее куда более серьезными и яростными, чем та же прокси-война на Украине или то же последнее малоазийское землетрясение, последствиями для зе́мно-человеческого бытия, ибо история не просто зашла, как это частенько у нее бывает, в зону поверхностно-ситуационной взбаламученности, а оказалась зажатой, что не раз с ней тоже бывало, в глубинных выжидательных тисках неведомых ей радикально-тектонических перемен.

Там и там в игре и на кону не что-нибудь, а судьба земно-человеческого мира — что глобализированного по атлантической модели, что уцелевшего в матрично-национальной модели, а в целом — мира вообще — не более и не менее!

И вот наряду с бурливой волнительностью, на Земле так или иначе отчетливо замечаемой, в мире земно-человеческом имеет место еще и не столь, а то и вовсе не бросающееся в глаза, но от этого не менее реальное… сжатие, причем чуть ли не в точку, да вот не по случаю вдруг откуда-то выскочившей, аки дикий зверь, опасности, а по причине накатывающей на человечество роковой для него… неизвестности — НЕИЗВЕСТНОСТИ!

Если бы мир человеческий просто затрещал по швам, что не только хорошо слышно, но и хорошо видно, хотя бы по той же украинской событийности, так нет, мир явно… загудел, да так, что гул сей мало что зримо ничем не обозначен, так ведь он и не слышен, ну пусть почти не слышен, а это-то и самое страшное: отчего гул, зачем, что с ним надвигается на мир, кроме его очередной встряски и даже кое-какой перетряски, уж не иной ли мир идет, аки каменный гость, на смену этому миру, а может… но не будем об этом, господа-товарищи, все равно ведь не поверите, точнее, не захотите поверить, что правильно, надо заметить, и сделаете.

А что же российский гуманитарий? Смолчит, как всегда, на всякий случай, да и оттого, что нечего бывает ему, как всегда, сказать, ибо мыслями своими он, как всегда, там, в западном размыслительном ареале,

на него и надеется, авось какая-нибудь новая пророческая книженция вдруг там явится, с которой все и разъяснится, да и заняться будет чем — комментариями…

А ежели вдруг найдется, который не смолчит и свое слово скажет, что тогда? Да ладно, что окруженцы непременно сочтут за сумасшедшего и нарочито проигнорируют, так ведь через какой-то срок, а теперь чуть ли не онлайн, когда вдруг окруженцы увидят, что реальность и впрямь по гуманитарию идет, да ведь выдадут еще и за свое откровение.

Да, господа-товарищи, война идет мировая, и тектонические перемены грядут, да все будет не так, как об этом ныне вам думается, совсем не так, а потому остается мобилизация и еще раз мобилизация со всеми отсюда вытекающими переменами — ПЕРЕМЕНАМИ!

«Философия хозяйства». 2023. № 2.

РОССИЯ ВО МГЛЕ И НАЯВУ: НЕАКТУАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНОСТЬ ПЕРЕД ОТТАЛКИВАЮЩИМ ЛИКОМ АКТУАЛЬНОЙ НЕГУМАНИТАРНОСТИ

(*вольное и слегка мистифицированное авторское изложение импровизационно исполненного доклада*)

21 сентября 2023 г. В Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина состоялся при инициативном участии Научного совета «Центр общественных наук МГУ» и лаборатории философии хозяйства экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Всероссийский научный симпозиум из многолетнего традиционного цикла «Средняя Россия: земля и люди» по теме «Переменная социохозяйственная реальность: вызовы, деяния, итоги». На заседании с основным докладом выступил д.э.н., профессор Ю.М. Осипов, председатель НС «ЦОН МГУ» и заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ. Ниже приводится изложение его доклада, правда, весьма произвольно исполненное и даже слегка мистифицированное самим же докладчиком.

«Позвольте, милостивые государи, начать с тезиса-утверждения, нашедшего одобрение на проведенной год назад по моей инициативе в МГУ блиц-конференции по вопросу о состоянии той идейно-духовной данности, которую можно обобщенно обозначить как *гуманитарность,* той самой данности, обязанной своим формированием и бытием многовековой эпохе, представленной Ренессансом и Просвещением и протянувшейся до середины — конца XX в. и даже начала нынешнего XXI в., пусть и все более теснимой уже с середины — конца XIX в., весь XX в. и, естественно, уже текущий XXI в. научно-физикалистско-технократическим подходом, а ныне более всего электронно-цифрократическим, в общем, начать с тезиса-утверждения о совершении на наших глазах чрезвычайного происшествия, а само это происшествие можно определенно назвать сегодня, в 2023 г., как ***отмена гуманитарности***, а для личного утешения посчитать сие всего лишь за паузу, то бишь

за временное отлучение гуманитарности от текущего сюжетно-ситуационного бытийного процесса, так сказать, смириться с фактом субъективно-объективной *постановки* (или *попадания,* — это уж кому как нравится) *гуманитарности на паузу.*

Что *это* значит? А всего лишь то, что сегодня, как стало принято в обществе говорить, в *эпоху* (слышите, в *эпоху!*) *постправды* (слышите, ***пост***правды!), никакой гуманитарности — ни религиозной, ни философской, ни научной, ни даже обыденной — попросту нет, а есть лишь ее — гуманитарности — мастодонтный *симулякр* в виде неуловимой, нефиксируемой и неподсудной… *гуманитарщины,* что то же самое — мнимо- и мимо-летной бессодержательной псевдогуманитарной трескотни, да не кого-нибудь, а более всего самоуверенных в самих себе и своем говорении несметных роев завзятых *медийцев,* верещащих с одинаковым упоением о чем угодно из поверхностно, игрово́ и назойливо вокруг вроде бы (слышите, *вроде бы!*) происходящего, кроме, конечно же, *сути,* да не так того на глазах смутно и путано происходящего, где никакой сути попросту и нет, как не бросающегося в глаза потаенного хода *бытия-истории,* что гораздо более волнует остаточных все-еще-гуманитариев, чем произвольная психотерапевтическая болтовня не на шутку разговорившихся на потребу властей и простодушной публики матерых медийцев. Речь идет, собственно, о *гуманитарной сути*, как раз той самой, которой у всего на глазах происходящего и нет, но зато где полно пустого только ее заменителя в виде антигуманитарного и, соответственно, античеловеческого миража-морока, не подлежащего никакому исследованию, кроме выходящего за его ничем не обозначенные пределы столь же беспредельному *металогическому,* но при этом и *метадогматическому* (шествующему вне или мимо любой догматики) откровенческому бытийно-историческому, то бишь воистину гуманитарному, осмыслению.

Суровый приговор, не правда ли? Да вот другого и быть не может, ибо никакой той же гуманитарной науки как науки о человеке и человечестве, кроме отдельных еще как-то тлеющих ее очажков, теперь уже нет, как нет ни актуальной гуманитарной философии, ни рождающейся на глазах высокой гуманитарной культуры, ни тем более актуального гуманитарного (пусть меня извинят богословы) богословия. Мир вроде бы вокруг еще человеческий по внешнему образу и по исторической инерции, но он становится все менее человеческим, да не только в силу своей интенсивной поглощаемости техномиром как таковым, а, увы, как раз

в силу обволакивания человека тем обаятельно-одурманивающим миражом-мороком, который не имеет более точного на сегодня — вполне уже, кстати, и научного — определения, как *сатанический.* Да, мир ускоренно осатанивается, аккурат в параллель с денежно-вещно-досугово-потребительским обжорством, можно сказать, что и с его победой, почти уже и полной, коли еще учесть захватившую и охватившую остаточного человека, то бишь уже и не-совсем-человека, ускоренно нарастающую под бдительным опекунским водительством глобальной технонейросети всеобщую цифроманию.

Однако мы с вами живем в стране, не только называемой, но и представленной внутри и вовне Российской Федерацией (РФ), той самой РФ, что расположилась вполне себе нелегитимно, но зато владельчески по-хозяйски, на грузном и отошедшем в навь теле исконной, глубинной, исторической Русо-России, точь-в-точь (или уж почти точь-в-точь) как когда-то располагались рюриковичи, затем владимировичи-византийцы, потом Романовы со своим Петром Великим и не своей Екатериной, тоже по случаю Великой, потом Ленин с Троцким и тучей большевиков, основав на месте России симуляционный (и неправдоподобный) СССР, наконец, Сталин со своим сталинизмом, правда, добившийся своей и своего строя легитимации в итоге ряда великих перестроечных побед, но прежде всего, конечно, вследствие Великой Победы в Великой войне, но также и по причине спасительного для себя и своего строя возврата, пусть и под личиной СССР, к исторической России, ее великой культуре.

В общем, куда ни загляни в прошлое, всюду одно и то же — Рось, ее отрицание не-Росью, затем вынужденное полагание Роси, разумеется, уже в новом ее внешнем обличьи. Да, конечно, прогресс тут Роси, как раз через борьбу с нею разной не-Роси, да ведь не в простой борьбе, а в о-очень затратной, «потерьной», кровавой, можно сказать, что и смертельной, а итог всегда ежели не один и тот же, то уж сходный — Новая Рось, новые ее хозяева и традиционные в ней коренные рабы.

А что сегодня? А кто вам, коллеги, *это* скажет, кроме обращения псевдогуманитариев к расхожим капитализму, глобализму, обществу потребления, научно-технической цивилизации, культурной эклектике, ну еще к «айтицифризму», то бишь аккурат ко всему, ничего по сути и не говорящему. И выходит, что какого-то особенного социо-культуро-хозяйственного нутра в стране, именуемой РФ, как бы и нет, а раз нет (а его и впрямь, кажется, нет), то и говорить-то не о чем, тем более, что мир

зе́мный настолько изменился, что и подходящего для его характеристики языка как бы и нет, а тот, что есть, явно уже устарел и для суперновейшего мира не слишком уже годится. Однако попытаться кое-что заявить все-таки можно, спроецировав на современность кое-какие понятия из «раньших времен».

Смотрите сами! Думаю, что вас не слишком удивит, ежели я определю нынешний социо-культуро-хозяйственны… э-э… подождите, ибо слово «порядок» тут явно не подходит, как и «беспорядок» тоже, так что придется «прибечь» к новому словечку, а именно — «хаосмос», означающему, с одной стороны, постоянное присутствие в бытии хаоса, а с другой, возникновение частичных и временных в этом хаосе принципиальных устоев и узлов тяготения к упорядочиванию, обеспечивающих воспроизводство того, что привычно называется системами, а мы назовем попросту устойчивыми или нет *сгущениями бытия,* и вот теперь, вооружившись уже этим категориальным представлением об устроенности нынешнего бытия, попробуем продолжить наше сиюмоментное концептуальное изыскание.

Позволю себе предваряюще заметить, что со всем мною тут вещаемым можно как соглашаться, так и не соглашаться, я ничего никому не навязываю, просто выражаю свое мнение, и только.

Так что же мы имеем сегодня в РФ? Не углубляясь в детали, замечу: *фиктивно-финансовый феодализм* (этакая тут троица из трех фет — ффф). Куда ни кинь взгляда, мы на эту троицу из фет непременно и наткнемся. А что, разве не так? Это, конечно, при наличии всего того, о чем я сказал ранее, то бишь капитализма, глобализма и т. д. для нас, остаточных гуманитариев, хоть и имеющего значение, но не являющегося главным, ибо во главе всего, по моему мнению, как раз эти три эф: фикция, финансизм, феодализм, а чуть иначе: сотканный из противоположностей, между собой благополучно уживающихся и взаимно воспроизводящихся, *евроазиатский способ произвольно-фактического бытия.* Вот так!

Не надо думать, что нынешняя РФ есть Европа и Азия в смешении и только. РФ не Европа и не Азия как таковые, и не какая-то там ЕвроАзия, но она при этом и… *не Россия*! Тогда что или кто же она? Отвечу так: гигантский, не нашедший себя, но и сам не стремящийся себя найти как определенного экзистенциально-исторического феномена… э-э… ***симулякр***! Вот так: *страна-симулякр*! Если сия оценка кому-то не нравится, то пусть попробует возразить, только не голым отрицанием

или с выручаловским «мне кажется», а на том же уровне рассуждений: если не *это* (то бишь по-нашему *ничто)*, то какое же тогда *то*? (то бишь *что*?), а ведь у нас впереди и наверху не что-нибудь, а эти заклятые три «ф», а это кое-что да значит: и разгорячившийся донельзя фальшизм, и недоумевающий реализм, и хладная суть, ну и кое-какая неугомонная правда!

Предвижу и законный вопрос: *что* же тогда надо-то, а ежели *что-то* таки надо, то как сего *этого* достичь? Отвечу так: что бы мы, честны́е гуманитарии, ни придумывали, реальность, которая нынче более ирреальна, чем собственно реальна, будет решать *сама* и, что самое важное, *по-своему*. Тут уж ничего не поделать! Сам наш «праведный феодализм» вкупе со своим не менее «праведным» абсолютистским правлением, если на что-то *этакое* пойдет, то не более чем на *симулятивное сближение с Россией,* но никак не в нее реальное погружение, что понятно, что, кстати, он сейчас симуляционно как раз и делает, стремясь себя со своим правлением сохранить, в корне не меняясь и не идя на коренные перемены, а вот «Россию» под себя используя, — чем немало и рискует, да что ему, бедолаге, остается делать, как не играть с Россией в симуляционные прятки, если не в какой-нибудь блеф-покер, не пренебрегая и краплеными картами.

А ситуация-то в мире, да и в самой РФ, мало что вполне себе *апокалиптическая,* так она еще и без катастрофы попросту *безысходная,* что, пожалуй, уже пострашнее Иоанновой апокалиптики будет. Поэтому-то и разгорается *всемирная война всех против всех,* запал возгорания которой состоялся не в Югославии, Ираке, Ливии, Афганистане или Сирии, а, да-да, не поверите — на Украине, в нынешней Укронии. Теперь уже всем ясно, что это война не так Укронии с РФ-Россией, не так Запада с его НАТО против России, не так даже война между цивилизациями или меж зе́мными мирами, хотя бы меж Западным и Восточным, как и Южным, а, прошу внимания, *всего зе́много мира с самим собою,* ибо *этот мир* для Мироздания, как, надо полагать, и для Господа Бога, ни к черту не годится, как не годится он, опять прошу внимания, и… *для самого себя,* переполненного антиприродой, анти-Землей и вообще антимиром с его античеловеком!

Парадокс?! Да, конечно, здесь вроде бы парадокс, да вот что в этом мире не парадокс, а-а? Разве наш симпозиум, включая и мою речь, не парадокс? Я уж не говорю, что сам феномен человека с его зе́мно-космическим миром, страдой, страданием, смертью и обещанием какой-то там

нефизической-де, да еще и чуть ли не блаженной-де жизнью-де, разве не парадокс?

Да, реальность, какой бы парадоксальной она ни была, все самое главное за человека и решит, пусть и через парадоксальную войну (придумали же — *прокси*-войну!), переходящую во всемирную, вполне и парадоксальную катастрофу (пусть тоже в *прокси*-катастрофу!), и решит, разумеется, парадоксально, а для нас с вами вообще и незнамо как. Однако мы обязаны думать о реальном, а не *прокси*-реальном, себя — человеков — спасении и искать выход из безвыходной ситуации. Какой же? Сама текущая реальность подсказывает: заходом не куда-нибудь, а в Россию, да не симулятивную, каким был СССР или есть ныне РФ, а в настоящую, примерно таким заходом, как это сделал в свое время Сталин, да вот пойдя, не дошел, забоясь о *непрокси*-России, да и не смогши перевоплотиться из мифотворного Сталина в реального россиянина, да и попросту в русского, оставляя все евросоцкомреволюционное окончательно и бесповоротно позади, за что и поплатился спорым крушением выпестованного им сталинизма. А не дошел-то он как раз до реальной *россо-российской соборности,* то бишь *целостности в разнообразии,* да пусть и авторитарной сверху, но все-таки и народовластной снизу. Как раз реалий-то россо-российских Сталину и не хватило, не преодолел он ирреальных утопий что в виде марксистской идеологии, что в образе СССР.

А у нас не утопия ли с этой россо-российской соборностью? Может, и утопия, но единственно реалистичная для Руси-России, не раз ее в остросюжетные моменты и выручавшая, да и выручающая, как это ни парадоксально, сейчас, в годину тяжких и рисковых кризисно-войновских для РФ испытаний. Причем надеяться тут РФ-России надо только на себя, на свое социо-культурно-хозяйственное единство и свою военную силу. Никаких доверчивых надежд ни на кого-либо извне быть не может, тут ведь у всех только свои интересы, и у РФ-России должны быть тоже, что не исключает, конечно, наличия попутчиков и даже союзников, но уж никак никаких не «братцев».

Что ж, уже ближайшее будущее все, почти все или пусть многое непременно покажет, хотя для проницательного сознания, не обремененного корыстью, тяжеленной феодальной ношей-миссией, да жутким страхом за все аморально и произвольно содеянное, уж и сегодня понятно, куда и как надо идти, да вот бытие-история так устроено, что «быстро сказка сказывается, да не споро дело делается», вернее,

может, и споро делается, но… *по-своему,* не так, как хотелось бы умным, вроде нас, все-еще-гуманитариям, однако надеяться-таки надо, ибо без надежды и жизни-то никакой нет!

«Философия хозяйства». 2023. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

2010 г.

«Россия, вперед!» // Философия хозяйства. 2010. № 2 5

Самоутверждение России в модернизационном ключе. Тезисы к Международной научной междисциплинарной конференции *«Самоутверждение России: социум, экономика, политика»* (8—10 декабря 2010 г.) // Философия хозяйства. 2010. № 6 8

Веяние времени: год 2010-й // Философия хозяйства. 2010. № 5 14

Россия: призрак неомодернизации *(тезисы)* // Философия хозяйства. 2010. № 5 24

Самоутверждение России — потребность исторического момента // Философия хозяйства. 2010. № 6 25

Философско-хозяйственное осмысление общественной мобилизации (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Мобилизационный потенциал национальной экономики»,* М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2010) 28

2011 г.

Социо-хозяйственная модернизация как момент реконструкции // Философия хозяйства. 2011. № 3 32

Время «ФИН» // Философия хозяйства. 2011. № 5 34

2012 г.

Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России // Философия хозяйства. 2012. № 2 38

Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию // Философия хозяйства. 2012. № 5 43

Перемены в мире и провидчески-державный курс России // Философия хозяйства. 2012. № 5 48

Русские из истории, в современности и для будущего // Философия хозяйства. 2012. № 6 60

2013 г.

Российский вызов развитию России (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Постреформизм и развитие»,* М.; Ирпень: Издательство Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013) 81

Постреформизм и развитие // Философия хозяйства. 2013. № 2 93

Россия на подъёме! // Философия хозяйства. 2013. № 3 96

2014 г.

Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию) // Философия хозяйства. 2014. № 2 110

По пути евразийской интеграции // Философия хозяйства. 2014. № 2 115

Русский вопрос // Философия хозяйства. 2014. № 3 117

Международные интеграционные процессы в Евразии // Философия хозяйства. 2014. № 3 126

Российский антикризис // Философия хозяйства. 2014. № 4 128

Россия и мир: момент истины // Философия хозяйства. 2014. № 4 138

Россия и мир: время перемен // Философия хозяйства. 2014. № 5..... 140

Россия и кризис: бремя перемен // Философия хозяйства. 2014. № 5..... 142

2015 г.

Русские мы, и никакие другие // Интервью газете «Завтра». Литературный Коллайдер. 26.06.2015 144

Русская рулетка // «Развитие и экономика». 2015. № 13..... 149

Ответы Ю.М. Осипова журналу «Мир перемен». К III Московскому экономическому форуму (МЭФ—2015) // Философия хозяйства. 2015. № 1 169

О концепте России (актуализация концептуального управления в Российской Федерации) // Философия хозяйства. 2015. № 2..... 171

2016 г.

Современные вызовы развитию России (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Развитие экономики России»:* проблемы и решения». М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016) 183

Россия как Россия // Философия хозяйства. 2016. № 3 194

Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение // Философия хозяйства. 2016. № 5 197

Российское системное перестроение как неизбежная актуальность (К Международной научной конференции, посвященной 75-летию экономического факультета МГУ, *«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»* 7—9 декабря 2016 г.) // Философия хозяйства. 2016. № 6 207

Становящаяся Россия в изменяющемся мире // Философия хозяйства. 2016. № 5 221

2017 г.

Я — революциЯ! 1917—2017: сто лет Российской революции — столетие российских революций. М.: ТЕИС, 2017 222

Компромисс, или Разум против Безумия // Философия хозяйства. 2017. № 2 290

Россия, вперёд! // Философия хозяйства. 2017. № 5 297

Россия на пути к России — новой России // Международная научная конференция *«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»: Сборник тезисов выступлений* / Под ред. Ю.М. Осипова и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017 298

2018 г.

Россия идёт к России (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»* / По итогам международной научной конференции (6—8 декабря 2017 г., экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова). М.: Издательский дом «Библио-Глобус», 2018 300

Россия на пути к России // Философия хозяйства. 2018. № 3 302

Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид // Философия хозяйства. 2018. № 4 311

Евразийский интеграционный вектор России // Философия хозяйства. 2018. № 4 323

Российский миттельшпиль // Философия хозяйства. 2018. № 5 324

2019 г.

Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка» (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Россия в игре: страна и мир»*, Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2019) 326

Вибрирующие горизонты России // Философия хозяйства. № 1 339

Сама себе цифра // Философия хозяйства. 2019. № 2 350

Окаянная правда // Философия хозяйства. 2019. № 2 354

Россия как идеология // Философия хозяйства. 2019. № 3 355

Идеология для актуальной России // Философия хозяйства. 2019. № 3 357

Россия как Россия, или Россия в России // Философия хозяйства. 2019. № 5 363

Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку // Философия хозяйства. 2019. № 5 364

2020 г.

Россия — идеология — России (Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма»*. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020) 374

Российская идеология для России, или Россия как идеология (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма»)*. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020) 377

На перепутье (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Российский разворот»*. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020) 392

Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Россия под переменами»*. М.; Ростов н/Д: Изд-во ЮРНЦ РАНХиГС, 2020) 397

В ожидании разворота // Философия хозяйства. 2020. № 1 402

Гуманитарное знание как национальное достояние // Философия хозяйства. 2020. № 2 405

Под ударными переменами // Философия хозяйства. 2020. № 2 410

Актуальная Россия: перемены — пандемия — перемены! (Из коллективной монографии «*Коронованная пандемия и зачарованный мир*» / под ред. Ю.М. Осипова и др.; Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020) 416

Россия и переделье // Философия хозяйства. 2020. № 6 433

2021 г.

Россия в переделье (двадцать тезисов — 2020) (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. «*Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»: Сборник статей по итогам международной научной конференции 9—11 декабря 2020 г.* М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021) 437

На ходу! (Из коллективной монографии под ред. Ю.М. Осипова и др. *«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство»*: *Сборник статей по итогам международной научной конференции. 8—10 декабря 2021 г.* / под ред. Ю.М. Осипова и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023)..... 452

2022 г.

Необъявленная война как знамение заблудшего времени // Философия хозяйства. 2022. № 3 453

Россия в текущем межвековье: от выворачивания к выворачиванию (из века XX-го в век XXI-й) // Философия хозяйства. 2022. № 4 462

Разверзшаяся реальность и (не)возможность преображения // Философия хозяйства. 2022. № 5 491

2023 г.

Бунташный мир и Россия // Философия хозяйства. 2023. № 1 502

Сжатие // Философия хозяйства. 2023. № 2 506

Россия во мгле и наяву: неактуальная гуманитарность перед отталкивающим ликом актуальной негуманитарности (*вольное и слегка мистифицированное авторское изложение импровизационно исполненного доклада)* // Философия хозяйства. 2023. № 6..... 508

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: ИЗ ВЕКА ДВАДЦАТОГО В ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ 1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 02

Редакторы:
Е. С. Зотова, Н. П. Недзвецкая (отв. ред.),
Т. С. Сухина, Т. Г. Трубицына

Художники:
Е. Ю. Осипова, К. Г. Поляков

Макет: **К. Ю. Беневская**

ISBN 978-5-00078-831-8

9 785000 788318

Подписано в печать 3.04.2024. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 30,23. Тираж 100 экз. Заказ 24098.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г